This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

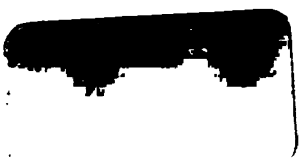
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ИЗЪ КНИГЪ
Льва Эдуардовича
БУХГЕЙМЪ.
№ 1030



СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, НЕДОЗВОЛЕННЫХЪ ЦЕНЗУРОЮ

Sbornik statei, nedozvolennykh tsenzurou
002:342.732.47 „1862"
С-23.
1930
32526.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, НЕДОЗВОЛЕННЫХЪ ЦЕНЗУРОЮ

въ 1862 году

НАПЕЧАТАНЪ ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ Г. УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ДЛЯ КОММИСІИ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ

Т. II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА
1862

1939. 7

Проверено 1947 г.

Проверено 1959 г.

РАЗСКАЗЫ. ОЧЕРКИ. СЦЕНЫ.

1.

Люба.

(Разсказъ.)

1.

Люба была дѣвочка тихая, скромная. Бывало приголубится къ отцу, который начнетъ ее ласкать и гладить на головкѣ шелковые волоски. «Какая у тебя, Семенычъ славная дочка; подростетъ, господа замужъ отдадутъ», говаривали добрые люди отцу Любы.

Семенычъ никогда не отвѣчалъ на такія замѣчанія; они ему что то не нравились. Незадолго до своей смерти, лаская свою Любушку, онъ молвилъ ей: «рости мая пташечка, будь всегда умница, слушайся совѣтовъ людей добрыхъ, будь послушна и господамъ; но если они начнутъ отъ тебя требовать чего нибудь недолжнаго, будь разумна и не поддавайся имъ. Никому не поддавайся,» произнесъ Семенычъ твердымъ голосомъ.

Люба устремила на отца свои голубые глазенки и долго, долго смотрѣла на него.

«Отчего мы, тятенька, все слушаемся господъ?—вѣдь у Бога всѣ равны».

«Оттого, моя милая, что мы люди подневольные».

«А птички, вѣдь онѣ свободны?...

«Птички свободны, а мы нѣтъ. Но и намъ можетъ дадутъ скоро свободу, и мы будемъ тогда жить такъ, какъ намъ покажется лучше».

*

«А скоро намъ дадутъ свободу?
«Говорятъ, что скоро».

2.

Минулъ двѣнадцатый годочекъ Любѣ, какъ она лишилась отца своего. Да какъ же она сердечная плакала, надрывалась, когда осталась круглою сиротою. Матери она совсѣмъ не знала: скончалась ея родимая чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Люба явилась на свѣтъ. Начнутъ утѣшать ее дворовые люди, а она еще болѣе, такъ и надрывается—слезы ручьями потекутъ изъ глазъ.

«Перестань сокрушаться, дитятко сирая», бывало говоритъ ей старушка ключница; «добрые люди тебя не оставятъ, да и баринъ съ барынею призрятъ сиротиночку. Ступай, поиграй съ барышнею; поразвеселись немножко.»

«Не пойду я, тетушка, къ барышнѣ,» отвѣчаетъ Люба: «она все дерется, и часто заставляетъ играть какъ то не совсѣмъ хорошо.» Такъ и останется опять одна въ углу, и просидитъ цѣлый день молча.

3.

Анна Карповна, барская дочка, постоянно требовала, чтобы Люба съ нею играла; онѣ были ровесницы. Люба неохотно приходила къ барышнѣ. Бывало, начнетъ Любу ругать старая няня, зачѣмъ она оставила барышню, когда та приказываетъ ей играть съ нею. Люба молчитъ, и только моргаетъ глазенками.

«Вишь какая ты непослушная дѣвчонка: приказаній барскихъ и тѣхъ не хочешь исполнять. Что ты все прячешься отъ барышни? Вѣдь она тебя не укуситъ; надо заискивать любовь господскую.»

«Милая бабушка, да барышня все меня приневоливаетъ; такъ бы и бѣжала отъ нея, ну хоть въ лѣсъ.»

«Ступай, ступай къ ней, сквернавка; а то я тебя розгою.»

Люба пойдетъ нехотя.

4.

Начали учить барскую дочку грамотѣ. Тогда Люба не отходила отъ барышни: все прислушивалась да приглядывалась —

какъ и чему учатъ Анну Карповну, которой грамота какъ то трудно доставалась. Бывало начнетъ, приходскій священникъ замѣчать своей ученицѣ, что она плохо понимаетъ грамоту, что ни къ чему ее Господь не надѣлилъ талантомъ. «Посмотрите, говоритъ: Люба, и та лучше васъ умѣетъ читать и писать.» Расплачется тогда барышня, швырнетъ свою книжку и начнетъ съ досады трепать Любу за волосы. Любѣ запретили быть при урокахъ барышни, но видно ей суждено было сдѣлаться грамотною; она урывками читала тѣ книжечки, которыя покупались для барышни. Какъ ни старались научить Анну Карповну многому, но она все-таки знала не болѣе Любы.

Наняли потомъ француженку гувернантку. Барышня стала болтать по иностранному, начала читать французскія книги; въ ней тогда пробудилось желаніе побывать за границею. Она стала объ этомъ крѣпко думать, ругая все свое родное, русское. Люба въ это время рѣдко являлась въ горницѣ: она была сослана за непослушаніе къ барышнѣ въ людскую и посажена за работу.

5.

Такъ проходилъ годъ за годомъ. Наши сверстницы росли. Одна—подъ присмотромъ чужеземки, постоянно присвоивая себѣ понятія, чуждыя русскому быту; другая—въ средѣ народа русскаго, въ понятіяхъ простыхъ и своеобразныхъ. И вышли изъ нихъ двѣ ягодки спѣлыя, но различныя по виду и свойству. Анна Карповна вытянулась, лицо ея—въ дѣтствѣ чистое, покрылось какими то пятнами; подъ глазами блистали синяки, а въ глазахъ не было жизни. Она сдѣлалась задумчивою, угрюмою: ей хотѣлось покинуть навсегда скучную деревню и уѣхать за границу, гдѣ, по словамъ гувернантки, «женщины властвуютъ надъ мужчинами». Анна Карповна хотѣла, чтобы всѣ мужчины повиновались ей безпрекословно. Она перестала оказывать даже должное почтеніе старику, своему отцу.

6.

Не то вышло изъ Любы. Она сдѣлалась стройною, здоровою дѣвушкою. На лицѣ игралъ румянецъ; глаза, полные жизни и огня, привѣтливо улыбались каждому; голосъ звучный,—не разъ

заставлялъ онъ съ сердечнымъ трепетомъ прислушиваться къ пѣснямъ Любы. Она, по своему кроткому нраву, скоро сдѣлалась любимицею всей дворни, и только не могла угодить старой нянѣ, которая безпрестанно жаловалась на нее господамъ.

«Ну что вы, матушка барыня, не отдадите Любушку то замужъ, вѣдь дѣвка то такъ, ни зачто пропадетъ. Вишь какая уродилась здоровая да румяная,» постоянно наушничала старая ворчунья.

Анна Карповна думала о томъ, какъ бы самой скорѣе выйдти замужъ, хоть за человѣка стараго и немилаго, лишь только бы можно было подъ его покровомъ вести жизнь, о которой она давно уже мечтаетъ.

7.

О красотѣ Любы, о ея добромъ сердцѣ, о ея славномъ нравѣ распространилась молва далеко по окрестнымъ деревнямъ и селамъ. Стали засматриваться на нее не только свои молодцы бравые, но и навѣдываться люди пріѣзжіе «со стороны». Люба привѣтлива была ко всѣмъ, но никому особаго предпочтенія не оказывала,—никто не приходился ей по сердцу. За это, ее прозвали «гордянкою».

8.

Сосѣдъ, помѣщикъ молодой, тоже сталъ почаще пріѣзжать въ гости къ господамъ. Искалъ всегда случая видѣть Любу; заговаривалъ съ нею голосомъ ласковымъ, началъ привозить подарки ей... Люба дичилась помѣщика и подарковъ отъ него не принимала.

Анна Карповна сама имѣла виды на молодого помѣщика, и, замѣтивъ его расположеніе къ Любѣ, начала упрашивать отца и мать, чтобы Любу отдали замужъ за повара, человѣка уже пожилаго.

Призвали Любу; объявили ей, что поваръ на ней хочетъ жениться и что господа на это согласны; ежели же она будетъ прекословить, то ее накажутъ, и все-таки выдадутъ за него замужъ «силою». Услышавъ такой строгій господскій приговоръ, Люба поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ, но, не проронивъ

ни одной слезинки, сказала голосомъ твердымъ: «мы люди подневольные, вы наши господа; но требовать отъ насъ недолжнаго вы тоже не должны. Замужъ за человѣка нелюбимаго мнѣ я ни за что не пойду». Закричали, затопали на нее тогда бары сердитые, велѣли посадить въ чуланъ подъ замокъ и порѣшили обвѣнчать ее силою.

9.

На другой же день повезли дѣвицу сирую, беззащитную въ храмъ Божій, гдѣ дожидался ея женихъ немилый, нежеланный. Ставятъ ихъ передъ налоемъ. Старый священникъ спрашиваетъ жениха: «не давалъ ли онъ другой обѣщанія жениться», — получаетъ въ отвѣтъ: «нѣтъ». Обращается къ невѣстѣ съ тѣмъ же вопросомъ. Тогда Люба съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, голосомъ кроткимъ, но убѣдительнымъ, говоритъ ему въ отвѣтъ: «батюшка, вы понимаете всю святость таинства; не вѣнчайте насъ: я выхожу за него не по своему собственному желанію, а по приказанію барскому».

Священникъ отошелъ отъ нихъ молча, а Любу повезли изъ церкви одну, безъ немилаго друга.

10.

Какъ услышали объ этомъ господа, то въ негодованіи не знали на что рѣшиться, чтобы угомонить дѣвку своенравную. Анна Карповна подала совѣтъ коварный. Она, видя, что не можетъ привлечь къ себѣ вниманіе молодаго сосѣда помѣщика и, имѣя виды на другаго, болѣе невзыскательнаго, человѣка уже пожилаго,—стала уговаривать родителей, чтобы отдать Любу въ услуженіе сосѣду за цѣну, которую онъ самъ предлагалъ за нее. Сказано—сдѣлано. Люба, противъ воли, поступила въ служанки къ молодому помѣщику.

11.

Къ новому житью своему Люба не могла скоро привыкнуть, несмотря на то, что, по приказанію помѣщика, ей дѣлались всевозможныя угожденія, о которыхъ она даже и не думала. Сна-

чала дворовые люди приняли ее неласково, и стали называть «госпожею». Но какъ узнали покороче Любу, ознакомились съ ея прекраснымъ нравомъ, поняли ея доброе сердце, то и перемѣнили объ ней свое мнѣніе. А какъ узнали ея непреклонный характеръ, то запѣли совсѣмъ другую пѣсню: «нѣтъ, никогда барину не сдѣлать изъ Любы госпожи», рѣшили они.

12.

Молодой помѣщикъ, видя, что онъ жестоко ошибся въ своихъ преступныхъ разсчетахъ на счетъ Любы, сталъ замышлять другое, — онъ рѣшился на ней жениться. Объявилъ объ этомъ Любѣ. Она выслушала его спокойно и спокойно отвѣчала: «благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете; но сердце мое не лежитъ къ вамъ, да и вы хотите жениться на мнѣ, не любя меня искренно. Какая я вамъ буду жена!»

Такого отвѣта помѣщикъ никакъ не ожидалъ, и былъ имъ разсерженъ до крайности. Въ порывахъ своего негодованія, онъ хотѣлъ въ тотъ же день отправить Любу къ ея прежнимъ господамъ, но подумалъ: «подожду еще, можетъ быть обдумается, и рѣшится на мое предложеніе».

13.

Между дворовыми помѣщика, былъ славный парень Петруша; онъ болѣе другихъ отличался и видомъ, и умомъ, и смѣтливостію. Онъ былъ честный и трудолюбивый молодецъ. Люба приглянулась ему съ перваго раза, какъ только онъ ее увидѣлъ. Зажглось ретивое у добраго молодца, и сталъ онъ часто призадумываться. А Люба? Неужели она гордая отказала бы и ему, какъ и другимъ? Нѣтъ: она какъ увидала Петрушу, взоръ ея въ первый разъ потупился. А сердце, сказывала она послѣ, какъ будто «повернулось».

14.

Говорятъ, что «суженаго конемъ не объѣдешь». Петруша и Люба въ это крѣпко вѣрили. Они давно уже другъ передъ другомъ высказали свою любовь и не знали только, какъ бы ула-

дить дѣло. Объявить барину они не хотѣли; онъ ни за что бы не простилъ Любѣ такой обиды, да и Петру досталось бы. Приходило на мысль бѣжать. Но куда побѣжишь? дѣло можно испортить на всю жизнь. Они рѣшились молчать и ждать лучшаго времени, — авось Богъ поможетъ. Время это скоро наступило: объявили манифестъ о свободѣ. Тогда Петръ и Люба могли обвѣнчаться, не спрашивая на то согласія у своихъ помѣщиковъ.

15.

Такъ и сбылось. Люба, какъ была прежде примѣрною дѣвушкою, такъ и теперь сдѣлалась примѣрною женою. Знакомые не могутъ налюбоваться согласною жизнью молодыхъ. Петръ, при помощи добрыхъ людей, внесъ за себя барину за два года впередъ оброку; переѣхалъ въ городъ съ молодою женою и началъ вмѣстѣ съ нею вольнымъ наймомъ заработывать трудовую деньгу. Люба будетъ скоро матерью. Петръ заботится о ней, не жалѣя себя. Какъ не позавидовать имъ Аннѣ Карповнѣ: она тоже сдѣлалась матерью — пріѣзжала тайкомъ въ городъ, чтобы скрыть свои роды. А теперь, говорятъ, съ кѣмъ то уѣхала за границу.

2.

Лапша.

(Современная быль).

У крестьянина села Осетрова, Ивана Минаева, пировали сватьбу. хозяинъ женилъ сына.

Въ просторной чистой избѣ, за длиннымъ столомъ, установленнымъ караваями и пирогами, сидѣло человѣкъ сорокъ гостей. На первомъ планѣ красовался молодой сынъ Минаева—Яковъ и хорошенькая, чернобровая дочь старосты—Дуняша, а теперь законная жена Якова Ивановича; по правую руку отъ молодыхъ, находились священникъ и прочій причтъ съ женами, а по лѣвую—отецъ и мать Дуняши и прочіе почетные гости.

Отъ дверей, вплоть до самаго стола, тѣснилась толпа народу, глазѣвшая на молодыхъ и ругавшая, по временамъ, двухъ дружекъ, бойкихъ деревенскихъ парней, перевязанныхъ черезъ плечо полотенцами; они безпрестанно бѣгали отъ одного гостя къ другому, прося не погнушаться хлѣбомъ солю молодыхъ «князя-княгини», откушать изъ налитыхъ рюмокъ,—а между тѣмъ, мимоходомъ, надѣляли толчками и пряниками глядѣльщиковъ—и преимущественно—женскій полъ.

— Что-й-то Петька! Бѣлены что ли объѣлся? озорникъ бѣлосвѣтный!

Это вскричала молодая баба, получившая исправный толчекъ.

Дружка высунулъ языкъ и искосилъ глаза.

Вся толпа засмѣялась.

— Искажайся, искажайся, сказала баба, пожалуй Богъ и въ заправду глаза то сведетъ.

— Полно ужъ и ты привередничать-то, Савишна, замѣтилъ рыжеватый приземистый мужичекъ,—дѣло свадебное, али парню-то плакать?

— Гуляй и дури, да людей не замай.

— Важная штука, что онъ—тамотка до тебя дотронулся! Небось какъ бы гдѣ на бесѣдѣ, али тамъ на задворкѣ, сама бы всего непрочь, даромъ, что мужняя.

Другой дружка врѣзался въ самую средину глядѣльщиковъ, гдѣ стояли дѣвки: раздался визгъ, хохотъ...

— Проклятый—унаровилъ такъ, инда и руки и ноги дрожатъ.

— Меня, дѣва, тоже такъ ущипнулъ—синева, гляди, будетъ.

— Да что алатырникъ—дружка-свинюшка: дай хоть орѣшковъ, дѣвки зубы поломаютъ, тебя повеличаютъ.

— Орѣшки для потѣшки, и прянички для Анички. Которая Анна той и манна,—говорилъ дружка, тряся въ шапкѣ пряники.

— Всѣ Анны, всѣ Анны!—запищали дѣвки.

— Коли всѣ вы Анюты, такъ и пряники туда.

—

Пиръ шелъ въ самомъ разгарѣ. Зеленаго и краснаго вина выпито было довольно; изъ кушаньевъ обносили: студенью, щами и свининой; съѣдена была съ разными прибаутками и баранья почка; приближалось извѣстное лакомое въ простомъ народѣ кушанье—лапша.

Между тѣмъ винные пары вступали въ свои права, лица пирующихъ занясли, въ избѣ стало жарко и душно; гости, до того молчаливые, заговорили на распашку, по русски.

— Экое время стоитъ благодатное, говоритъ выборный, не то холодно, не то жарко,—самое легкомысленное.

— Дай-ко Господи—сказалъ Минаевъ, отпразнуемъ сватьбу, будемъ землю навозить.

— Говорятъ, становаго смѣнили, сказалъ сотскій; писарь цѣловальнику сказывалъ; да и давно бы пора, дралъ голова со всѣхъ словно шкуру съ овецъ. А озарникъ то какой! Боже мой милостивый! Бывало съ какимъ ни-на-есть предписаніемъ явишься—слова не пикни—того и гляди, что въ патретъ тебя хватитъ, и все тутъ.

— А за что смѣнили? спросилъ выборный.

— Да главное, братецъ ты мой, якобы за утай казеннаго государева имущества: сбиралъ по деревнямъ яица, чу, да масло на исправничиху, а ей не предоставилъ, такъ бы дѣло то и прошло, да та, значитъ, увидала одного бурмистра—да и спрошала—что же де ты на счетъ положенія? а бурмистр-отъ парень не робкой—все де, сударыня, вамъ съ становымъ предоставлено... Ну—такъ все это отъ исправника и дошло до губернскаго превосходительства самаго, да еще и съ прибавой—что становой такъ и такъ... подъ сумленіемъ къ должности, по дѣламъ, зашибается хмѣлемъ и все такое... Вотъ его и послали отъ должности прочь...

— Каковъ то, паря новый, то будетъ.

— А что намъ тепереча?—скоро воля.

— Да, батюшка, сказалъ староста, обращаясь къ священнику, истинно настали господни и царя государя великія милости: дожили мы, православные, и до воли.

— Да, отвѣчалъ священникъ, дѣло свершилось великое...

— Конечно, продолжалъ староста, и господа примѣрно необижены, имъ тоже привиллегія и насчетъ всего примѣрно, что оставлено какъ ни-на-есть, въ полномъ на счетъ ихъ положеніи, ну одначе же, все-таки, ужъ на счетъ эвтаго, какъ было прежде—не то: таперича, примѣрно, я самъ господинъ, али начальство—хошь самъ становой—въ зубы,—а я скажу: цыма, изволь погодить... Они примѣрно къ женѣ али дѣвкѣ: а я стой, незамай—вольная значитъ...

— У насъ господа добрые, перебилъ священникъ, и подбонаго ничего небывало...

— Оно, батюшка, ваше благословеніе,—конечно, что и я на счетъ нашихъ господъ—али что ничего, даже какъ святъ самъ Господь и въ помышленіи того не содержу и всегда ихней милости много доволенъ, а значитъ только—это такъ къ слову молвилось.... Но опять таки вами на ту же матерію, что таперича всячески лучше для всякаго сословія будетъ: вотъ хоть бы и вашему брату,—какъ все уже единственно будетъ отъ мужичка то посмѣлѣе, и вамъ не съ господами дѣло и великатнаго обращенія ни въ какой надобности и нуждѣ не состоитъ... А съ господами, вѣстимо, все ужъ себя по политикѣ содержи.

— Мы и господами довольны, сказалъ дьячекъ; въ праздникъ,

али день ангела ихняго, даже дитяти какого, придешь съ просфорой—угощеніе всегда самое отмѣнное... барыня даже еще всегда о здоровьѣ изволятъ спросить: что, говоритъ, Антропъ Исаичъ, здоровали твоя сожительница... Дай ей Господи здравія на многая лѣта!—и водочки поднесетъ.

— Эхъ ты!—возразилъ староста,—вотъ человѣкъ-отъ: барыни единожды рюмочку поднесутъ — да и то еще самой послѣдней комплекціи, чуть во рту помараетъ, а небось, вотъ: — весь свой вѣкъ не забудетъ: барыня подносила... А у нашего брата—пьютъ словно воду льютъ—все не въ честь да не въ славу... Нѣтъ, братъ, такая ужъ, знать, ваша порода, недовольная да завидущая.

— Что же дѣлать, отвѣчалъ дьячекъ обиженнымъ тономъ,—не всѣмъ быть господами да старостами, надо кому нибудь и въ низкостномъ званіи пребывать—Божья воля. А если мы, грѣшное дѣло, и позавидуемъ, то намъ простительно. Вотъ хоть и я? Велики ли доходы мои? Какъ придетъ рублей десять во весь круглый годъ—не объѣшься сыромъ да масломъ, былъ бы хлѣбъ насущный.—Ну а ваше дѣло, г. староста, такъ вы чего захотѣли все у васъ есть, все готово, а не то—съ міру по ниткѣ голому рубашка.

Староста покраснѣлъ какъ ракъ.

— Что ты міромъ коришь меня? я служу міру вѣрой и правдой; кажинаго человѣка какъ есть ко всему наставляю, оброкъ господамъ вполнѣ представляю, да и ты отъ меня не ушелъ: я и тебя прокормляю; коли слово скажу: дайте молъ, братцы, міряне дьячку—и дадутъ, а запретъ положу—ни зерна не увидишь, съ голоду умрешь... Эхъ ты! впрямъ, что дьячекъ неразумный пучекъ.

— Я служу тоже міру и міръ меня кормитъ,—да я голъ какъ соколъ, ну а ты—коль на это пошло — тоже Федотъ да не тотъ.

— Ну ка что?

— А то, что прежде избенку имѣлъ на курьихъ ножкахъ стояла, а какъ старостой сѣлъ, такъ домище построилъ, хоть и барямъ бы жить.

— Что же это, господа честные? Староста я, али нѣтъ. Али вамъ Антропъ Исаичъ сталъ милъ, а не я? Коли такъ, благодаримъ за хлѣбъ за соль—прощенья просимъ!

И Староста всталъ.

Хозяева и многіе изъ гостей окружили старосту и начали уговаривать: чтой-то родимый Кузьма Егорычъ, да ты у насъ первый гость, да ты нашъ отецъ... Да кто тебя у насъ больше? что тебѣ, батюшка, слушать его непутнаго.

— У тебя языкъ длиннѣе хвоста бабьяго, строго замѣтилъ дьячку священникъ; сидѣлъ бы да молчалъ, лучше бы было.

— Зналъ бы сверчокъ свой шестокъ, сказала попадья.

— Мы тебя не за тѣмъ позвали, родимый, говорили хозяева, чтобы суволотку дѣлать... Будь гостемъ; мы гостямъ рады, а это ужъ непорядки.

— Онъ-ста звонарь — важная птица... За наше же добро —да насъ же порочитъ.

—Оставьте его, Кузьма Егорычъ! Можетъ статься, онъ такъ... Вы у насъ, сватьюшко, первые, что вамъ его слова... Для насъ, сударь, вы Кузьма Егорычъ, а не кто другой.

Въ это время подали лапшу.

— Для васъ единственно, это самое, не хочу миръ нарушать, сказалъ староста, а то право обидно мнѣ, даже самыхъ стѣнъ, не токмя что людей. Онъ, того, самъ еще вѣрно ни чѣмъ не дошелъ, какъ и что я для всѣхъ—и кажинаго человѣка... Ну-да на: не серчаю—только впредь, чтобы этого не было—слышь ты? Ну что нишнешь? Али мало лапши тебѣ подали? Чувствія, братецъ, въ тебѣ, на счетъ обращенія съ полной немысленности... Все тебѣ мало... Прибавьте, хозяева, Антропу Исаичу: лапши-то чай есть... давайте корчагу на столъ: пусть его кушаетъ...

Гости смѣялись.

— Вотъ мнѣ ваша лапша какъ мила, вскричалъ неожиданно дьячокъ и харкнулъ въ общую чашу. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно; дьячиха сидѣла ни жива, ни мертва.

Послѣдующую за симъ сцену описать невозможно: смятеніе и негодованіе было всеобщее и кончилось тѣмъ, что Антропа Исаича и жену его постигла участь праотцевъ Адама и Евы, съ тою только разницею, что послѣдніе, при изгнаніи изъ рая, получили одѣяніе, для прикрытія наготы своей, а одѣяніе Антропа Исаича, съ значительною частію извѣстнаго украшенія на затылкѣ,—осталось въ рукахъ раздраженныхъ гонителей.

По изгнаніи дьячка, пиръ пошелъ своей чередой, пили и ѣли до самой полуночи; нѣкоторые изъ гостей до окончанія сто-

ла были уже сами подъ столомъ и храпѣли; немногіе возвратились въ свои дома, а большая часть осталась у Минаева, въ ожиданіи попойки слѣдующаго дня.

Между тѣмъ Антропъ Исаичъ на другой день отправился къ благочинному и подалъ жалобу на оскорбленіе его старостою Кузьмою Егоровымъ, и на причиненіе ему, Исаеву, и женѣ—жестокихъ побой, въ доказательство чего представилъ огромный пукъ волосъ,—якобы вышедшихъ изъ его головы,—и буквально истерзанный праздничный сюртукъ.

Жалоба эта была представлена къ высшему начальству, которое нарядило формально слѣдствіе.

Антропъ Исаичъ торжествовалъ. Въ селѣ шла молва, что старостѣ будетъ худо, что дьячка обидѣли понапрасну, но когда дѣло дошло до разспросовъ, то всѣ заговорили другое.

Чрезъ мѣсяцъ вызвали дьячка въ губернскій городъ и объявили, что по произведенному, по жалобѣ его, слѣдствію, ни староста Кузьма и никто другой, въ обидѣ его, Исаева, не изобличены, а напротивъ, открылось, что онъ, Исаевъ, самъ виновенъ въ непотребномъ житіи, піянства—и наконецъ въ отвратительномъ наплеваніи въ лапшу при торжественномъ столѣ крестьянина Минаева; за каковой поступокъ его, Исаева, опредѣлило епархіальное начальство, исключить изъ духовнаго званія вмѣстѣ съ женою и отослать въ мѣстное губернское правленіе для приписки въ податное состояніе.

Безмолвно выслушалъ Антропъ Исаичъ этотъ приговоръ; ударъ былъ такъ неожиданъ, что онъ съ какою-то довольною миною подписался, что рѣшеніе слышалъ и онымъ остался доволенъ; за то дьячиха рыдала навзрыдъ и буквально оросила слезами всю дорогу отъ консисторіи до губернскаго правленія.

3.

Полковой лекарь.

(Изъ записокъ судебнаго слѣдователя).

Бываютъ въ жизни роковыя полосы, когда въ одинъ годъ переживается больше, чѣмъ въ десятки лѣтъ, и разбитый слѣпой силою, человѣкъ уже не выздоравливаетъ для новой борьбы съ жизнью, а остается какъ-бы надломленнымъ деревомъ, которое нѣсколько времени постепенно хиреетъ и наконецъ окончательно засыхаетъ. Такая именно полоса выпала на долю штабъ-лекаря Балашевича въ 1858 году, съ той минуты, какъ онъ прочиталъ приказъ, который гласилъ, что Балашевичъ опредѣляется въ т....скій пѣхотный полкъ, расположенный въ Саратовской губерніи—въ должность полковаго штабъ-лекаря. Надобно было тотчасъ-же отправляться въ далекій путь, къ мѣсту назначенія по службѣ. Сборы, какъ у всѣхъ вообще бѣдняковъ, были не продолжительны: едва прошло нѣсколько дней, послѣ чтенія приказа, какъ уже Балашевичъ, вмѣстѣ съ женою, тремя дочерьми и маленькимъ сыномъ выѣхалъ въ дорогу въ простой кибиткѣ, запряженной тощими ямщицкими лошадьми. Погода была пасмурная. Осенній октябрскій вѣтеръ обдавалъ холодомъ сухое и выразительное лицо доктора, тоскливо глядѣвшаго въ даль. Не одна тяжелая дума лежала у него на душѣ, не одинъ образъ нашихъ *служебныхъ отношеній* осаждалъ его воображеніе: что будетъ съ нимъ на новомъ мѣстѣ и при новыхъ начальникахъ, да еще у военныхъ? Достанетъ-ли у него силъ выдержать себя на новомъ мѣстѣ и не позволить людямъ «запускать гряз-

ныя лапы въ тайники своей души», чтобы осквернить ея вѣрованія въ лучшія убѣжденія? Балашевичъ былъ воспитанъ по человѣчески, честь и уваженіе къ самому себѣ были въ немъ развиты значительно, а потому въ жизни можно было всего ожидать, и было о чемъ подумать, когда измученныя лошади тихо плелись по грязной проселочной дорогѣ, и ямщикъ, въ изорванномъ зипунѣ, подъ мелкимъ осеннимъ дождемъ напѣвалъ грустно-однообразныя пѣсни и повременамъ похлопывалъ мокрыми рукавицами. Но вотъ кончился этотъ тяжелый утомительный путь по исковерканнымъ проселкамъ и вдали показались куполы церквей города Б.....ва. Видна наконецъ и часть города, слѣпленнаго почти изъ однихъ деревянныхъ строеній, а вотъ и военный госпиталь, мѣсто, гдѣ Балашевичу предстояло много честной работы на пользу человѣчества... и гдѣ встрѣтилъ онъ подводный камень для своей жизни... У лекаря дрогнуло средцѣ и что-то сильно защемило въ груди. Ямщикъ хлыстнулъ два, три раза лошадей—и кожанная ямская кибитка стала покачиваться по узкимъ и грязнымъ улицамъ города Б.....ва.

Николай Васильевичъ Балашевичъ до 1857 г. воспитывался на казенный счетъ въ одесскомъ лицеѣ. Жизнь такихъ казенныхъ воспитанниковъ извѣстна всѣмъ. Кто не идіотъ отъ природы, тотъ скоро сознаетъ, что единственный путь въ жизни— трудъ и наука, а потому жалѣть здоворья и силъ не приходится. И вотъ эти труженики сидятъ далеко за полночь съ сальными огарками у кровати, теряютъ мало-по-малу румянецъ и свѣжесть въ лицѣ, часто наживаютъ геморой въ спину и чахотку въ грудь и съ такими пріобрѣтеніями наконецъ выходятъ изъ заведеній. Балашевичъ былъ отъ природы самолюбивъ и горячъ, не любилъ, какъ самъ выражается въ показаніяхъ своихъ, позволять наступать себѣ на ногу, рано сталъ презирать окольный путь низкопоклонства и до глубины души возмущался обидными протекціями. Онъ рѣшился проложить себѣ дорогу только трудомъ и наукой.

По окончаніи лицейскаго ученія онъ кое-какъ добрался до Петербурга и кончилъ курсъ въ медицинской академіи, выдержавъ экзаменъ на лекаря. Зачисленный въ военно-медицинское вѣдомство, онъ скоро долженъ былъ отправиться по назначенію съ войсками въ походъ, провелъ нѣсколько времени въ Дунайскихъ княжествахъ, потомъ въ пятидесятыхъ годахъ участвовалъ

въ войнѣ съ англичанами и французами подъ Севастополемъ и за примѣрное самоотверженіе при своихъ трудахъ получилъ Станислава 3-й степени. Такимъ-образомъ читатель видитъ, что до 1858 г., когда начинается нашъ разсказъ, Балашевичъ служилъ при начальствѣ, которому было не до дрязговъ, и въ такое время, когда доктора особенно нужны при войскахъ. Поэтому, быть можетъ, и не попадалъ до сихъ поръ въ столкновеніе ни съ кѣмъ *изъ высшихъ*. Но когда война кончилась и разные генералы засѣли на теплыя мѣста, декораціи по службѣ перемѣняются. Перемѣнились онѣ и для Балашевича....

Устроившись на скоро съ своей семьей въ маленькой казенной квартирѣ при госпиталѣ, Балашевичъ, на другой же день, узналъ, что полковой командиръ т....скаго пѣхотнаго полка съ 1851 до 1858 года, перемѣнилъ уже въ своемъ полку девять медиковъ, изъ которыхъ двое были выгнаны въ отставку такъ, что имъ нельзя было поступить ни въ какую казенную службу, двое переведены въ другія мѣста съ замаранными формулярами, а трое сами подали въ отставку еще до прибытія въ полкъ. Вотъ съ какимъ начальствомъ приходилось служить Балашевичу!.. Пожалѣвъ, что поздно узналъ о качествахъ своего командира и не ускользнулъ отъ него заранѣе, Балашевичъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ представиться начальнику, поклявшись, однако, «ни на шагъ не отступать отъ своихъ убѣжденій и исполнять долгъ свой честно, какъ требуетъ того совѣсть и человѣчность». Представленіе его полковнику кончилось благополучно, хотя и сухо. Лекарь этимъ, конечно, не обижался и приступилъ къ своему дѣлу *съ вѣрою въ пользу*, которую можетъ принести полку, а слѣдовательно и отечеству.

Т....скій полкъ въ 1858 г. былъ въ жалкомъ состояніи... Въ госпиталѣ лежало до 100 человѣкъ больныхъ и большая часть были въ тифозной горячкѣ, развившейся въ полку отъ дурной, гнилой воды, которая замѣняла квасъ, вовсе незнакомый солдатамъ этого полка. Ее пили и послѣ маневровъ, въ жаркіе лѣтніе дни. Въ комъ не повернулось-бы сердце при видѣ этихъ полумертвецовъ, наполнявшихъ госпитальныя палаты потому только, что полковому командиру неугодно было отпускать двухъ, трехъ пудовъ солоду на мѣсяцъ. Вникнувъ въ причины необыкновенной смертности въ полку, нашъ лекарь рѣшился, во что-бы нистало, вступить въ свои права и исполнить свой долгъ честнаго человѣка.

Придя на полковую кухню, онъ разспросилъ кашеваровъ, когда у нихъ варится квасъ, сколько отпускается говядины, муки, крупы и т. д. Солдаты отвѣчали Балашевичу: «Эхъ ваше высокоблагородіе! какой тутъ квасъ, мы и не знаемъ его, а насчетъ говядины, вотъ извольте взвѣсить порціи!».... Лекарь взялъ аптекарскіе вѣсы, и оказалось, что въ двухъ солдатскихъ порціяхъ было только нѣсколько грановъ. Понятно, какъ при такой пищѣ и гнилой водѣ не быть горячкамъ. Отправясь въ госпитальную палату, къ перевязыванію больныхъ, Балашевичъ, къ крайнему изумленію, увидѣлъ, что фельдшеръ подалъ ему на бинты вмѣсто холста дерюгу, какою гостинодворцы обшиваютъ тюки. «Боже мой! подумалъ Балашевичъ, до чего можетъ простираться безчеловѣчіе людское! и это дѣлается съ людьми, которые 15 лѣтъ должны служить за 2 рубля въ годъ. Скрѣпя сердце, онъ вынулъ послѣднія деньги изъ своего кармана и приказалъ фельдшеру купить 30 аршинъ холста для бинтовъ, а рогожку возвратить казначею. При видѣ этого человѣчнаго поступка, фельдшеръ, въ припадкѣ откровенности, разсказалъ Балашевичу и объ освѣщеніи госпиталя, гдѣ два, три ночника съ вонючимъ масломъ, даются на всѣ палаты и, отдѣляя удушливую копоть, заставляютъ больныхъ задыхаться и даже умирать преждевременно. Въ доказательство фельдшеръ указалъ на стѣны и потолки, закопченные точно въ нашихъ торговыхъ баняхъ....

Все это до того подѣйствовало на Балашевича, что онъ вышелъ изъ палаты съ болью въ головѣ, сожалѣніемъ и злобою въ сердцѣ.

Возвратясь домой, Балашевичъ долго ходилъ въ своей маленькой комнатѣ; неразъ брался онъ за перо и бумагу и неразъ оставлялъ то и другое. Въ немъ боролся долгъ совѣсти и честнаго человѣка съ опасеніемъ бѣды не только для себя, но и для всего семейства. «Нѣтъ! думалъ онъ, вѣрно я не родился жить счастливо и покойно, какъ другіе.... я не могу выносить безчеловѣчія, не могу не исполнять своего долга!» Предъ нимъ являлись образы то Бѣлинскаго, едва не умершаго въ Москвѣ въ Прачешной улицѣ, среди грязи и мыльнаго запаха, но непродавшаго своихъ убѣжденій и завѣщавшаго «молодому поколѣнію не быть тряпками и гнильемъ», то профессоровъ своей академіи, умолявшихъ воспитанниковъ «честно идти по пути жизненному», то, наконецъ, благородные образы людей нашего прошлаго, по-

страдавшихъ за честь и правду... Нѣтъ! я не буду тряпкой, я долженъ быть человѣкомъ! сказалъ наконецъ взволнованный лекарь и взялъ перо. Правду сказалъ Тургеневъ, что «*жизнь не игрушка и не забава, жизнь тяжелый трудъ*».... Чрезъ два часа послѣ этого онъ кончилъ и отправилъ рапорты къ своему командиру: въ нихъ онъ доносилъ, что въ полку нѣтъ квасу для солдатъ, что на бинты въ госпиталѣ употребляется рогожа, что говядины солдаты получаютъ гранами, а освѣщеніе даетъ въ госпитальныхъ палатахъ удушливую копоть, гибельную нетолько для больныхъ, но и для здоровыхъ.

Перчатка была брошена, оставалось ждать, кто изъ борьбы выйдетъ побѣдителемъ и кто побѣжденнымъ. За Балашевича были правда, честность и искреннее желаніе служить людямъ, а за полковаго командира нашъ судебный механизмъ, гдѣ старшаго никогда не смѣняютъ на младшаго, какую бы одинъ ни сдѣлалъ гадость и какъ бы ни былъ другой честенъ, правъ и благороденъ. Если, думалъ Балашевичъ, я долженъ буду пострадать и сдѣлаться нищимъ, это еще небольшая бѣда; не мнѣ одному приходится отстаивать свои человѣческія убѣжденія такою цѣною; но пустить по міру жену, дѣтей, вотъ что больно и отчего сердце разрывается. Но жребій брошенъ, я долженъ доставить пищу и здоровье цѣлому полку, или принесть себя на жертву, которая, быть можетъ, съ тысячью другихъ жертвъ и не пропадетъ безслѣдною. Сильно ныло его сердце, но плакать ему не хотѣлось...

Былъ іюль. Въ первомъ часу дня штабъ-лекарь, въ одной изъ палатъ госпиталя, дѣлалъ распоряженія на счетъ бинтовъ и прописывалъ лекарство тифознымъ больнымъ. Вдругъ въ дверяхъ показалась фигура полковаго командира. Балашевичъ былъ въ пальто и стоялъ между кроватями. Посторонясь при входѣ полковника, онъ продолжалъ свое дѣло. Но тотъ быстро подбѣжалъ къ нему и потребовалъ книгу, въ которой записываются исходящіе рапорты. Балашевичъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ привычки показывать книгъ, въ которыя заносятся бумаги къ его прямому медицинскому начальству. Взбѣшенный командиръ, *съ пѣною у рта*, сталъ кричать въ лазаретѣ на штабъ-лекаря, встревожилъ больныхъ, изъ которыхъ иные были очень трудны и можно сказать стояли уже одною ногой въ могилѣ, и, накричавшись досыта, вышелъ изъ госпиталя. Такія сцены полковой

командиръ т...скаго пѣхотнаго полка называлъ обыкновенно *служебнымъ распекательницемъ*, для сваренія желудка...

Возвратясь домой, Балашевичъ долго размышлялъ о всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Онъ понялъ, что причиною неожиданнаго появленія полковаго командира въ госпиталѣ были его рапорты, которые, вмѣсто того, чтобъ открыть глаза баши-бузуку и заставить его посмотрѣть попристальнѣе на то, что́ дѣлается въ полку, быть можетъ, безъ его вѣдома, произвели дѣйствіе совершенно противуположное. Полковникъ не могъ переварить той простой мысли, что дружеское содѣйствіе въ дѣлѣ человѣколюбія должно приниматься отъ каждаго, хотя бы онъ былъ полковой сторожъ, а не штабъ-лекарь. Какъ, дескать, *осмѣливаются свое сужденіе имѣть*!... Бѣдный лекарь увидѣлъ, что онъ уже втянутъ въ борьбу и ждалъ бѣды.

Было шесть часовъ вечера. Балашевичъ сидѣлъ въ кругу своего семейства за чайнымъ столомъ. Дѣти рѣзвились вокругъ отца и наводили его на разныя тяжелыя мысли. Онъ думалъ о нихъ, о женѣ. Вдругъ входитъ вѣстовой и приглашаетъ его къ полковому командиру. Докторъ вздрогнулъ и, одѣвшись наскоро, вышелъ изъ квартиры.

Въ домѣ полковника былъ вечеръ, и собралось много офицеровъ. Едва только Балашевичъ вошелъ въ залу, какъ полковой командиръ стоялъ уже передъ нимъ.

— Вы, милостивый государь, не имѣете понятія о службѣ, началъ онъ, поэтому я хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ!

— Позвольте узнать, въ чемъ же выразилось это неумѣнье?

— А какъ вы смѣете и теперь стоять предо мною въ такой позѣ? возразилъ командиръ.

Балашевичъ стоялъ предъ полковникомъ, держа въ одной рукѣ фуражку, а другую руку заложивъ за бортъ сюртука.

— Я не нахожу ничего неприличнаго въ моей позѣ, отвѣтилъ лекарь.

При этихъ словахъ начальникъ вспылилъ по командирски, затопалъ ногами и раскричался на весь домъ.

Все это происходило въ освѣщенной залѣ, въ присутствіи гостей и въ глазахъ прислуги. Картина была эффектная: на первомъ планѣ стоялъ командиръ полка съ пѣною у рта и трагическими жестами; передъ нимъ Балашевичъ, ошеломленный этой неожиданной сценой, далѣе офицеры съ разнообразнымъ выра-

жѣніемъ на лицахъ; а изъ передней съ любопытствомъ выглядывала прислуга. Докторъ дотого растерялся, что не могъ опомниться въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что, можетъ быть, все это подготовлено нарочно, для того, чтобы вызвать его на преступленіе, и самые, гости можетъ быть, приглашены какъ свидѣтели, а извѣстно за кого станутъ потомъ эти свидѣтели при слѣдствіи. Сдержавъ кипѣвшее негодованіе, Балашевичъ отвѣчалъ съ достоинствомъ: «если вамъ, господинъ командиръ, угодно было призвать меня только для того, чтобъ унизить въ глазахъ офицеровъ и учить при нихъ стоянкѣ, то извините, я не имѣю ни нужды, ни времени слушать эти уроки, я не строевой... Прощайте!» Видя, что искусно придуманная сцена кончается такъ скоро, полковой командиръ прибѣгнулъ къ послѣднему эфекту. Неизмѣняя своей позы, онъ далъ знакъ лакею вытолкать лекаря. Но тотъ окинулъ взглядомъ лакея, растворилъ дверь и вышелъ.

На другой день штабъ-лекарь Балашевичъ былъ преданъ суду. Въ то же время полковникъ доносилъ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту В., о поступкѣ лекаря Балашевича, который, во первыхъ, нагрубилъ ему, командиру, въ его собственномъ домѣ, что могутъ подтвердить и бывшіе у него офицеры его полка; во вторыхъ, не снялъ пальто въ госпиталѣ, когда онъ, полковой командиръ, приходилъ офиціально осмотрѣть лазаретъ; въ третьихъ, не позволилъ ходить въ полковую канцелярію фельдшеру для списыванія приказовъ, отдаваемыхъ имъ, командиромъ, по полку. При этомъ полковникъ представилъ начальнику дивизіи и пять рапортовъ лекаря, въ которыхъ послѣдній доносилъ ему о дурномъ состояніи госпиталя, худой пищѣ солдатъ, негодности лазаретныхъ вещей, и на основаніи свода воен. постановленій просилъ предоставить ему распоряжаться нижними медицинскими чинами.

Такимъ образомъ началась для Балашевича жизненная служебная драма; открылся прологъ, за которымъ, конечно, не замедлило явиться и первое дѣйствіе ея. Въ этотъ же день прочелъ онъ въ приказахъ по полку о дерзости, ослушаніи, неповиновеніи и неисполненіи своего долга штабъ-лекаремъ Балашевичемъ...

Бѣдный лекарь ни слова не говорилъ женѣ о томъ, что случилось. Въ домѣ всѣ замѣчали, что онъ разстроенъ, не спитъ по ночамъ, и почти ни съ кѣмъ не говоритъ, но никто не зналъ причины этой перемѣны. Балашевичъ не хотѣлъ заранѣе огор-

чать семейство извѣстіемъ о томъ, что его ждетъ впереди. Наконецъ, необходимость заставила его открыть женѣ горькую тайну. Не будемъ описывать какое впечатлѣніе произвело это на бѣдную женщину и какой характеръ приняла жизнь этого семейства. Докторъ проводилъ цѣлыя ночи за чтеніемъ законовъ. «Да въ васъ ли, думалъ онъ, спасеніе то?... вы ли управляете людьми, или люди вами?...»

Чрезъ недѣлю Балашевичъ узналъ, что начальникъ дивизіи, разсмотрѣвъ его рапорты, отправленные полковымъ командиромъ, не нашелъ въ нихъ никакой дерзости къ начальству. Препровождая ихъ къ командиру VI армейскаго корпуса, генералу отъ артиллеріи С., начальникъ дивизіи далъ отзывъ, что по его мнѣнію штабъ-лекаря Балашевича не слѣдуетъ предавать суду, потому что въ его рапортахъ нѣтъ ничего, кромѣ желанія добра, а напротивъ, полковой командиръ *виноватъ* тѣмъ, что своими приказами по полку опозорилъ имя штабъ-лекаря. Корпусный командиръ, прочитавъ рапорты Балашевича и отзывъ о нихъ начальника дивизіи, согласился съ его мнѣніемъ и предписалъ военно-судной коммисіи сдѣлать *возможно-точное и безпристрастное разслѣдованіе* въ т....скомъ полку и законченное дѣло прислать къ нему немедленно.

Такіе пріятныя вѣсти благотворно подѣйствовали на Балашевича, и онъ сталъ вѣрить въ свое правое дѣло. Законы были въ его пользу, высшіе начальники приняли его сторону и стали за правду... онъ вздохнулъ свободнѣе и подѣлился этой радостію съ своимъ семействомъ...

Судъ, наряженный надъ Балашевичемъ, потребовалъ съ него показаній. Какъ честный человѣкъ, съ вѣрою въ правду и надеждой на человѣчность начальства, докторъ представилъ формальное объясненіе, изложенное по пунктамъ.

1) Онъ писалъ, что при первомъ своемъ представленіи къ полковому командиру, слышалъ отъ него дурные отзывы о начальникахъ, именно о дивизіонномъ и корпусномъ командирѣ, чѣмъ былъ возмущенъ до глубины души.

2) Послѣ этого онъ не могъ уважать полковаго командира, когда узналъ о его низкомъ и безчеловѣчномъ обращеніи съ людьми и въ особенности съ докторами его полка, которыхъ онъ перемѣнилъ въ короткое время и многихъ отпустилъ съ замаранными формулярами.

3) При своемъ сангвиническомъ характерѣ онъ не могъ смотрѣть хладнокровно на жизненную грязь и выносить дерзости другихъ людей. Оскорбленный до глубины души обращеніемъ полковаго командира и его противозаконными распоряженіями, онъ не позволялъ фельдшеру своему ходить въ полковую канцелярію изъ госпиталя для списыванія полковыхъ приказовъ, потому-что послѣдній занятъ перепискою бумагъ по госпиталю и самъ очень слабаго здоровья. Эти показанія, не смотря на ихъ откровенность и благородство, сгубили Балашевича въ глазахъ высшаго начальства: ихъ сочли за дерзость человѣка, который отважился *смѣть свое сужденіе имѣть*...

Балашевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые долго остаются съ студентскимъ взглядомъ на вещи, не поддаются жизненной грязи и упорно не вѣрятъ въ существованіе горнаго зла и въ безукоризненную непогрѣшимость начальства. Такіе люди вѣрятъ въ силу правды на землѣ до-тѣхъ-поръ, пока самымъ безцеремоннымъ образомъ не разобьютъ ихъ чистыхъ убѣжденій. Таковъ былъ и нашъ докторъ во все продолженіе слѣдствія и суда, а судъ между-тѣтъ не дремалъ.

—

Балашевичъ забылъ одно обстоятельство, именно, что членами суда должны-быть офицеры полка, подвѣдомственнаго тому-же командиру, что дѣлопроизводителями будутъ аудиторы, вполнѣ подчиненные ему-же, что свидѣтели оскорбительной сцены въ домѣ полковника были тоже офицеры т....скаго полка, и наконецъ, самые солдатики, за которыхъ онъ такъ горячо вступился, состоятъ въ полнѣйшей зависимости отъ того-же лица. А все это такія вещи, при которыхъ едва-ли и ангелъ останется правымъ, еслибъ ему случилось попасть въ такія обстоятельства.

И въ самомъ-дѣлѣ, когда сдѣланы были запросы пятнадцати офицерамъ, свидѣтелямъ сцены въ домѣ полковаго командира, то они дали очень характеристичныя показанія.

Напримѣръ, одинъ изъ нихъ, прапорщикъ и адъютантъ полковаго командира, Ч....въ, объявилъ, что полковой командиръ говорилъ съ штабъ-лекаремъ Балашевичемъ тихо и вѣжливо,

какъ со всѣми, а Балашевичъ, напротивъ, горячился, грубилъ и велъ себя неприлично.

Другой офицеръ, капитанъ Т...., показалъ, что хотя онъ и былъ въ залѣ, гдѣ происходило объясненіе полковаго командира съ штабъ-лекаремъ Балашевичемъ, но ничего не видалъ и не слыхалъ, а потому ничего и показать не можетъ.

Третій: подпоручикъ З..., далъ показаніе, что полковой командиръ всегда съ подчиненными вѣжливъ и человѣколюбивъ, нрава тихаго и кроткаго, весьма любимъ и уважаемъ и ему кажется даже странною клевета штабъ-лекаря Балашевича, на такого примѣрнаго начальника.

Прочіе одинадцать человѣкъ офицеровъ дали показанія въ томъ-же родѣ, только съ разными нелѣпыми видоизмѣненіями.

Изъ всего полка сказалъ правду только маіоръ Л.....шевъ, и его показаніе отличалось очевидной правдоподобностью. Но по закону, свидѣтельство одного противъ четырнадцати конечно не имѣетъ силы и значенія, и этотъ человѣкъ, имѣвшій независимое состояніе (что можетъ-быть и позволило ему сказать правду) чрезъ недѣлю былъ уволенъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню.

При такихъ-то данныхъ остался Балашевичъ по важному обвиненію въ грубости предъ начальствомъ и нарушеніи военной дисциплины. Посмотримъ, какъ велось дѣло по другимъ пунктамъ въ судной коммисіи.

—

Было три часа дня. На полковой кухнѣ адъютантъ производилъ разслѣдованія. Одинъ изъ кашеваровъ подъ розгами увѣряетъ, что онъ не говорилъ ничего штабъ-лекарю о квасѣ и говядинѣ.... и потомъ, наконецъ, сознается, что виноватъ, и даетъ обязательство показать въ судѣ на Балашевича.... Другой кашеваръ кончаетъ тѣмъ-же. Все это происходило въ виду 34 солдатъ т....аго полка, которые должны быть спрошены военно-судною командою о своемъ отцѣ и командирѣ.

И вотъ открылась судная коммисія и передъ нею явились солдаты. Прежде всего сдѣланы запросы кашеварамъ, и они дали показанія, что, во-первыхъ, ни когда неговорили штабъ-лекарю Балашевичу, будто у нихъ не готовится въ полку квасу и го-

вядины дается по два грана на человѣка, во вторыхъ, не говорили, будто въ полку люди мрутъ отъ голода и гнилой воды; а напротивъ, вода у нихъ въ городѣ свѣжая и здоровая, квасъ всегда приготовляется въ полку лучшій и говядина выдается въ достаточномъ количествѣ, и вообще они командиромъ, отцомъ и благодѣтелемъ, довольны какъ нельзя болѣе.

34 человѣка солдатъ (бывшіе свидѣтелями сцены сѣченія кашеваровъ), спрошенные о томъ-же, всѣ единогласно показали тоже самое, что и кашевары, почти слово въ слово. Члены судной коммисіи скрѣпили эти показанія своими подписями и приступили къ дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ.

Командиръ девятой роты, штабсъ-капитанъ М..., подалъ письменное показаніе, въ которомъ удостовѣрилъ собственноручно, что въ его ротѣ квасъ для солдатъ приготовляется всегда лучшаго сорта, говядины дается вдоволь, и солдаты полковымъ командиромъ довольны и никогда не приносили никому никакихъ жалобъ.

Къ этому присоединенъ отзывъ надзирателя госпитальной больницы, штабъ-офицера С..., который, тоже собственноручно, удостовѣрилъ, что холстъ для бинтовъ всегда отпускается самый лучшій, госпиталь освѣщается прекраснымъ масломъ и словомъ, что все обстоитъ благополучно.

—

Полковой казначей, штабсъ-капитанъ К....кій, отозвался на запросы слѣдователей, что онъ масло, холстъ, бѣлье и всѣ вещи для госпиталя покупаетъ самыя лучшія, чему служатъ доказательствомъ и ревизіонныя книги, гдѣ ревизующіе находили все покупаемое въ исправности.

Къ этому полковой командиръ прибавилъ и свой отзывъ, въ которомъ объяснялъ, что все показанное въ рапортахъ штабъ-лекаря Балашевича оказалось, по разслѣдованію, несправедливымъ, да иначе и не могло быть, потому-что прежде никто и не заподозрѣвалъ въ полку такихъ неисправностей. Представляя теперь все дѣло Балашевича вмѣстѣ съ своимъ отзывомъ начальнику дивизіи, онъ проситъ принять во вниманіе его прежнюю отличную службу, какъ доказательство несправедливости подобнаго на него извѣта.

И такъ, судьба Балашевича почти рѣшена. Слѣдствіе конечно, и ему надѣяться не на что. Если-бы и назначили новое переизслѣдованіе, люди будутъ тѣ-же и конечно не промѣняютъ начальника на какого-нибудь штабъ-лекаря.

Прочитавъ выписку, Балашевичъ однако не совсѣмъ потерялъ надежду на правосудіе, и вслѣдъ за отправкою дѣла, послалъ и отъ себя къ начальнику дивизіи прошеніе, въ которомъ, именемъ счастія своей жены и дѣтей, умолялъ обратить вниманіе на его дѣло и съ жаромъ неправедно обиженнаго человѣка представлялъ доказательства своей невинности.

Отправя прошеніе по почтѣ, онъ долго былъ въ сильномъ волненіи, хотя и сдерживалъ слезы, которыя навертывались на его глазахъ. Долго-ли еще у насъ будутъ гибнуть люди такими безполезными жертвами! проговорилъ онъ, прикладывая руки къ воспаленной головѣ своей.

—

Чрезъ нѣсколько времени начальникъ XVII пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ В....скій, прочитавъ дѣло штабъ-лекаря Балашевича, предписалъ доставить ему болѣе положительныя свѣдѣнія о состояніи лазарета т....каго пѣхотнаго полка, въ особенности же о состояніи лазаретныхъ вещей. Балашевичъ вздохнулъ свободнѣе, подѣлился даже этою радостію съ семействомъ и по первой-же почтѣ послалъ отъ себя новый отзывъ.

«Все, изложенное въ моихъ рапортахъ, писалъ онъ, я подтверждаю снова, разслѣдованія военно-судной коммисіи считаю недостойнымъ нарушеніемъ правосудія. Къ этому имѣю честь присовокупить, что въ лазаретѣ т....каго пѣхотнаго полка изъ 253 рубахъ, для больныхъ положенныхъ по штату, болѣе трехъ четвертей совершенно негодны къ употребленію.»

Вмѣстѣ-съ-тѣмъ Балашевичъ отправилъ къ дивизіонному доктору обращикъ грубой корпіи и холста, какіе отпускались для лазарета. Докторъ Д....кій, разсмотрѣвъ корпію и холстъ, нашелъ ихъ никуда негодными и препроводилъ ихъ съ такимъ отзывомъ въ военно-судную коммисію при рапортѣ своемъ, Балашевичъ ожилъ еще болѣе, но это была только шутка судьбы, увеличивающая еще болѣе терзаніе людей, которая хо-

тѣла этимъ только усилить ударъ. Такія свидѣтельства, какъ отзывъ дивизіоннаго доктора, въ нашей судебной практикѣ, покуда еще не имѣютъ значенія. Скоро Балашевичъ узналъ, что значатъ эти лучи надежды въ судьбѣ несчастныхъ.

—

Прошло нѣсколько недѣль, и отъ начальника XVII пѣхотной дивизіи получено въ коммисіи военнаго суда предписаніе сдѣлать *точное и правдивое дознаніе*, относительнаго госпитально бѣлья, при чемъ былъ присланъ, для пріобщенія къ дѣлу, и послѣдній рапортъ Балашевича. Прежде чѣмъ узналъ объ этомъ лекарь, полковникъ принялъ свои мѣры.

Съ утра полковой казначей былъ въ хлопотахъ; закупалъ холстъ въ лавкахъ, заказывалъ секретно новое бѣлье, не вписывая пока въ расходъ затраченныхъ денегъ, и надѣясь, пополнить этотъ пробѣлъ, когда стихнетъ дѣло.

Черезъ три для послѣ предписанія начальника дивизіи, въ госпитальныхъ шкафахъ на мѣсто прежнихъ тряпокъ, изъ холстовой рогожи, какъ-бы чудомъ явилось лучшаго сорта госпитальное бѣлье, въ небываломъ обиліи. По окончаніи этой театральной операціи, коммисія военнаго суда немедленно приступила къ ревизіи госпитальнаго бѣлья т....каго пѣхотнаго полка, для чего былъ приглашенъ и самъ Балашевичъ. Тутъ бѣдный докторъ понялъ, съ какими ловкими врагами задумалъ онъ бороться, и какъ велико неравенство въ этой борьбѣ. Очевидно, что онъ будетъ положительно обвиненъ за ложный доносъ, и поправить этого дѣла теперь нѣтъ возможности. Подавать снова прошеніе начальству, значитъ увеличивать только свою вину. И чѣмъ онъ можетъ доказать подлогъ полковаго командира и казначея? Кто, наконецъ, и будетъ дѣлать новое разслѣдованіе, какъ не тѣ-же коммисіи изъ военныхъ офицеровъ, связанныхъ съ начальствомъ своими интересами?

— Увольте меня, господа, отъ присутствія при ревизіи, сказалъ онъ сухо ревизующимъ, и раскланявшись, вышелъ изъ госпиталя.

Черезъ полчаса онъ лежалъ уже въ своемъ кабинетѣ, по временамъ хватая себя за голову и грудь, не узналъ домашнихъ и неразъ, обращаясь къ портретамъ, которые висѣли на стѣнѣ,

вскрикивалъ болѣзненно: жертва! новая жертва! кому она принесетъ пользу? Бѣдныя дѣти мои! вы нищіе! Жена уложила его въ постель и долго плакала, склонясь надъ изголовьемъ больнаго.

—

Итакъ, дѣло о штабъ-лекарѣ Т....каго пѣхотнаго полка кончилось! *Новая жертва принесена* и совершилась безслѣдно. Военный судъ призналъ Балашевича виновнымъ въ дерзости предъ полковымъ командиромъ, въ нарушеніи военной дисциплины, въ ложныхъ доносахъ на свое начальство и неблагонамѣренности вообще, почему, на основаніи статей военно-уголовнаго устава, приговорилъ его, выдержать два мѣсяца на гауптвахтѣ, занесть этотъ штрафъ въ формулярный списокъ и взыскать съ виновнаго издержки по дѣлу 164 рубля серебромъ, перевесть его въ другой госпиталь въ низшую должность *подъ надзоръ* полковаго штабъ-лекаря.

Балашевичъ подписалъ выписку (иначе прибавилась бы и новая вина упорства при производствѣ дѣла), не высказалъ ни предъ кѣмъ своего недовольства. Дѣло было совершенно по формѣ и законнымъ образомъ и, значитъ, судъ остался совершено правъ. Законченное дѣло пошло на ревизію установленнымъ порядкомъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль высшее начальство приложило къ нему свои мнѣнія.

Начальникъ XVII пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ В....скій, положилъ, что хотя по закону штабъ-лекаря Балашевича и слѣдовало-бы лишить чиновъ, но, принимая во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства дѣла, онъ полагалъ-бы арестовать его на два мѣсяца на гауптхвахтѣ и перевесть въ другой полкъ. Командиръ VI армейскаго корпуса, генералъ отъ артиллеріи С....въ, согласился съ мнѣніемъ начальника дивизіи. Оставалась еще одна инстанція военно-уголовнаго суда, но уже инстанція послѣдняя. И Балашевичъ, считая уже конченными всѣ разсчеты съ жизнію, рѣшился, однако, для спасенія своей опозоренной чести прибѣгнуть въ послѣдній разъ къ правосудію.

—

Было одинадцать часовъ ночи. Кабинетъ Балашевича тускло

освѣщался одной свѣчею. Докторъ сидѣлъ передъ столомъ, подперши руками голову. Не разъ принимался онъ за перо и не разъ его руки опускались, какъ онѣмѣлыя. Будетъ-ли польза отъ этого? говорилъ онъ. Не пришьютъ-ли только моего прошенія къ дѣлу, какъ пришиваютъ множество другихъ бумагъ? Быть можетъ, какой-нибудь чиновникъ еще посмѣется надъ изліяніемъ чувствъ разбитаго человѣка и въ часы досуга, какъ гоголевскій Шпекинъ, разскажетъ въ кружкѣ другихъ чиновниковъ *исторію выскочки*, который хотѣлъ, дескать, что-то сдѣлать, да носъ ему утерли; знай сверчокъ свой шестокъ и проч. Чего не можетъ быть?... Но онъ рѣшился: по-крайней мѣрѣ совѣсть будетъ спокойна.

Пробило четыре часа ночи и докторъ запечаталъ прошеніе къ высшему начальству. На другой день оно отправилось въ Петербургъ. Балашевичъ написалъ его съ самымъ искреннимъ чувствомъ, объяснилъ и свой характеръ и положеніе въ полку и наконецъ очертилъ предстоящую ему будущность, если высшее начальство не взглянетъ безпристрастно на его дѣло. Отославъ эту бумагу, онъ съ нетерпѣніемъ и тоскою ожидалъ рѣшенія.

Но онъ не зналъ, что вмѣстѣ съ его прошеніемъ пошло въ Петербургъ и другое прошеніе отъ имени его жены и дочери, которыя молили именемъ своего будущаго счастія обратить вниманіе на дѣло несчастнаго отца, который дѣйствовалъ по долгу одной чести и справедливости. Запечатавъ это прошеніе, мать и дочь взглянули на образъ и обнявшись долго плакали.

Высшее военно-уголовное присутственное мѣсто, разсмотрѣвъ дѣло Балашевича, ходатайствовало о смягченіи ему наказанія (признать его правымъ оно, конечно, не могло, потому что само обязано было дѣйствовать по законамъ, по которымъ Балашевичъ признанъ виновнымъ). Дѣло было препровождено въ высшее медицинское присутственное мѣсто, съ запросомъ насчетъ поступковъ и виновности т....го пѣхотнаго полка штабъ-лекаря Балашевича, и оттуда получено было мнѣніе, что означеннаго лекаря слѣдуетъ перевести въ одинъ изъ другихъ госпиталей на должность младшаго ординатора подъ надзоромъ главнаго врача, и по прибытіи его на мѣсто назначить къ исправленію, безъ очереди, дежурства по госпиталю; штрафъ-же этотъ внесть въ его формулярный списокъ.

Конечно, военно-уголовная инстанція должна была повторить это мнѣніе и отослать рѣшеніе въ т....кій пѣхотный полкъ для объясненія его подсудимому.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого штабъ-лекарь Балашевичъ ѣхалъ уже въ дорожной кибиткѣ, на парѣ тощихъ обывательскихъ лошадей. Другая пара тащила въ телегѣ его скудные пожитки. Дѣти спали, полубольная мать ихъ, измученная горемъ, лежала въ забытьи на рукѣ мужа. Балашевичъ не плакалъ, но въ глазахъ его не видать уже было того огня, какимъ прежде свѣтился его взглядъ. Что-то болѣзненное выражалось на его лицѣ. Смотря въ даль широкой степи, онъ припомнилъ слова Гоголя: «Русь, Русь! въ тебѣ-ли не родится богатырямъ»? Дай Богъ тебѣ, думалъ Балашевичъ, богатырей, но не такихъ, какъ я! Мой разсчетъ съ жизнію уже конченъ... Новые богатыри еще на студенческихъ скамейкахъ, и имъ-то желаю я сдѣлать то, что такъ напрасно хотѣлось мнѣ сдѣлать!

4.

Сказки о Митяхъ.

Сказка первая.

Тысяща лѣтъ... яко день единъ!...

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ... то есть ни государства, ни царства не было, — противъ неба на землѣ жили да были—дядя Митяй, да дядя Митяй... Два Митяя, значитъ... У каждаго было по женкѣ. У одного тетка Акулина, у другаго тетка Ѳедосья...

Жили они мирно,—то есть душа въ душу—и кромѣ ихъ, въ той землѣ больше никого не жило...

Пустырь, значитъ, была — лѣса дремучіе, да степи раздольныя, да рѣки многоводныя — вотъ и все... Да въ лѣсахъ медвѣди и всякіе звѣри.

Долго-ли, коротко-ли жили Митяи—только начали дѣтей плодить. Пошли тётки дѣтей рожать и народили премногое множество—и все Митяями зовутся, да Акульками... Старики померли,—молодые подросли—пошли сами дѣтей плодить и наплодили силу великую—цѣлое царство... Какъ только, это, наплодились,—собрались Митяи на сходку и говорятъ:

«Что теперича—дѣлать будемъ?...»

— Извѣстно что... теперича жить будемъ...

Ну, и зажили...

Только, видно, въ несчастный часъ они уродились... нѣтъ имъ житья!... Жили они, значитъ, все по родамъ... Наплодилъ при-

вѣрно, какой ни на есть Митяй Митяевъ,—оженилъ ихъ,—добылъ внуковъ тамъ разныхъ, чего другаго прочаго, и жилъ со всей этой обузой; и ужъ его не трожь — онъ, значитъ, родъ былъ, особнякъ... У другаго такая-жъ обуза была, у третьяго тожъ, у четвертаго... Народъ былъ бѣдовый... Боже упаси!.. Жили вмѣстѣ—мало ли что бываетъ—ну и грызлись...

Грызутся промежъ себя, другъ дружкѣ салазки правятъ, подъ микитки угощаютъ, — не забываютъ, значитъ, и рожества... больно въ этой наукѣ произошли... просто бѣда!

Не въ моготу стало... Собрались опять на сходку — потолковать.

Толкуютъ...

— А вѣдь, братцы,—это не хорошее дѣло—брань...

— Вѣстимо, что и говорить!...

— Значитъ, конецъ положить этому надо...

— Положить, безпремѣнно положить...

— Въ мирѣ, значитъ, жить слѣдуетъ!

— И въ согласіи...

— Извѣстно, и въ согласіи тожъ.

— Потому зазорно выходитъ...

— Какъ не зазорно!

Порѣшили жить въ согласіи; на томъ и разошлись...

Проходитъ день, другой... Хватилъ одинъ Митяй полугару (у нихъ, пока, откуповъ не было—и полугаръ былъ въ силѣ), поругался съ другимъ, третьему зубы почистилъ... Еще день—опять драка, и пошло, и пошло...

Стонъ стоитъ надъ митяйною землею, живой души нѣтъ, чтобъ съ фонарями не ходила... Задоръ въ силу вошелъ, руки раздулись... Была потѣха удалымъ бойцамъ, славнымъ молодцамъ!...

Одначе, видятъ Митяи, дѣло дрянь,—этимъ ничего не наживешь, окромѣ, развѣ, зуботычинъ... Собрались опять на сходку... Старики говорятъ:

— А вѣдь, братцы, такъ ничего не выйдетъ?

— Куда выйдти!... Не выйдетъ... Какъ есть—ничего не выйдетъ... Не выйдетъ!... заорали.

— Ну такъ, какъ-же?

Молчатъ—думаютъ... Потомъ говорятъ голоса...

— Какъ, значитъ, міръ присудитъ... такъ и быть.

— Извѣстно, міръ какъ присудитъ...

— Міръ присудитъ!... Намеднись міръ присудилъ жить въ согласіи, а что вышло?... Вонъ Митяю кривому—Митяй косой обояніе расквасилъ, на весь вѣкъ несчастнымъ сдѣлалъ... Митяю благочестивому ребра обломали...

— Да мало-ли!... Моей Акулькѣ Митяй - со свистомъ ухо оторвалъ...

— Вотъ-те и міръ!...

Молчатъ...

— Нѣтъ, братцы, тутъ съ міромъ ничего не подѣлаешь...

— Не подѣлаешь ничего!...

— Что подѣлаешь?... добавили...

— Такъ какъ-же быть?...

— Оставаться такъ нельзя...

— Какъ можно!...

— Вѣстимо—нельзя...

— Значитъ, рѣшить нужно, какъ быть?...

— Рѣшить, рѣшить!...

Пошли рѣшать. Толкуютъ, толкуютъ... ажно взопрѣли...

— То ись страмъ одинъ, житье наше горькое! оралъ Митяй сивобородый... И дня то не проходитъ, чтобъ страму не было!...

— Да ты, чего орешь-то!... крикнулъ Митяй поджарый, — небось, самъ страму не творилъ?...

— А тебѣ—дѣло?...

— Дѣло!... Другихъ коришь, а самъ...

— А кто, намедни, — вмѣшался Митяй тупорылый, — теткѣ Акулинѣ скулу свернулъ?...

— Стоило, значитъ!...

— То-то... стоило!... А туда-жъ... страмъ, кричишь!

— Ужъ онъ такой! отозвались голоса...

— Да что вы, аспиды?... Чего ко мнѣ пристали?

— А того... не ори безъ пути...

— Тьфу на васъ!...

Сивобородый плюнулъ и попалъ въ бороду Митяю говорливому... Говорливый, не долго думавши—до рыла... Пошла потѣха!... Кто за сивобородаго, кто за говориваго... Кто разнимать пошелъ... Куда тебѣ,—только подожгли... Бились до ночи и что тамъ было, братцы мои,—страсть!...

Такъ—вотъ такъ-то и рѣшили—какъ быть...

А рѣшить таки надо—это чувствуютъ,—потому натуру свою

знаютъ; ну и повѣсили носы... Больно ужъ солоно приходилось... Денька два переждавши, одинъ по одному сошлись опять всѣ. Стоятъ, думаютъ... въ землю смотрятъ... Эхъ, да-охъ,—слышно; а больше ничего...

— Пропадать, значитъ!... послышался голосъ...

— Ужъ что это за жизнь! отозвался другой...

Опять молчатъ—думаютъ... Никто ничего ни приберетъ...

— Все, братцы, прахомъ пойдетъ, коли этакъ-то... послышалось въ серединѣ...

Стоятъ... молчатъ...

— Одно, братцы, спасеніе!... крикнулъ кто-то...

Всѣ головы подняли...

— Говорю—одно спасеніе, потому больше ничего нѣтъ...

— Говори, говори!...

— Одно спасеніе... въ мирѣ жить слѣдуетъ...

Молчатъ всѣ; смотрятъ...

— Эхъ, чтобъ тебѣ!... примолвилъ кто-то.

— Нѣтъ, не то, братцы!... Я вотъ штуку надумалъ, важную... крикнулъ другой Митяй...

— Толкуй!...

— Начальство завести слѣдуетъ!...

Всѣ рты разинули...

— Вѣрно говорю... потому безъ этого жить нельзя...

— Да ты... что?...

— Говорю—безъ этого не проживешь!...

Зашумѣли Митяи... Пошли толки, — шумъ, гамъ поднялся... Глядь—уже кричатъ:

— А можетъ, и въ самомъ дѣлѣ оно такъ!

— Правда, правда!.. Начальство слѣдуетъ.

— Да какъ его завести?..

— Извѣстно какъ...

— Заведемъ!..

— Да откуда-ты возьмешь ты его?..

— Да и завести-то... какъ ты его, значитъ, проймешь... всю эту суть?..

— Знай, помалчивай!.. Сказано — міръ рѣшилъ завести начальство...

— На первый разъ—хоть плохенькое какое!..

У Митяевъ на душѣ полегчало, какъ додумались до спасенія...

*

Веселые такіе стали... Оно, конечно, задоръ не пропалъ, а все таки легче... Случится—угоститъ одинъ-другаго,—разъ, другой, третій — и баста... до умертвія не доходило... Просто ненарадуются Митяи, только и слышно: «погоди, то-ли еще будетъ, какъ начальство заведемъ!..

Чтожь вы думаете, братцы мои, было?..

Слушайте...

Прежде всего—много голову ломали... потому: что ты тамъ ни говори,—а соловья баснями не кормятъ... Разговору одного, значитъ, мало, и начальство сдѣлать слѣдуетъ...

Извѣстное дѣло—его слѣдовало изъ стариковъ сдѣлать, потому у Митяевъ заведеніе такое было: коли ты старикъ, такъ ты тамъ хоть что, а выходитъ, что ты разумный человѣкъ и голова...

Только стариковъ то всѣхъ не подѣлаешь начальствомъ—ну и выбирай... Что тутъ дѣлать? А главное съ непривычки... Было работы мозгамъ!

Ну да кое-какъ дѣло сладили...

Былъ межъ ними старикъ—что ни на есть—почтенный. Борода съ лопату; а разуму что было... и Боже упаси: самъ Соломонъ передъ нимъ не устоялъ бы...

Бывало сходка,—Митяи изъ кожи лѣзутъ—дѣло обсуждаютъ. И онъ тутъ же... Обопрется обѣими руками на палку, бороду опуститъ, все въ землю смотритъ... думу, значитъ, думаетъ...

Митяевъ потъ прошибетъ—отъ усердія, а дѣло не выходитъ...

Сейчасъ къ почтенному...

«Какъ, значитъ, по твоему выйдетъ?..

Почнетъ рѣшать... Прежде головой покружитъ, на людей взглянетъ,—потомъ въ землю, а тамъ опять на людей.

«Я, братцы,—скажетъ,—что? Я, какъ вамъ, значитъ, угодно... чтобъ, значитъ, по вашему вышло... Оно дѣло такое, что того... его съ разу не разберешь... Ну да и та оказія тутъ, что міръ, значитъ, сила... Сила великая,—противъ нея не попрешь... ужъ коли міръ что́,—такъ ужъ тутъ ничего... Міръ, братцы—нетлѣнная риза!.. Оно, это дѣло—точно, что не подходитъ... ну, а все-таки этому дѣлу быть, какъ вышло на міру... Отойдутъ Митяи, думаютъ: «экая голова у человѣка, — гдѣ ты этакую голову добудешь!» И положатъ: быть дѣлу, какъ на міру вышло... А его-то, совѣтчика,—за эти качества прозвали смышленнымъ...

Такъ вотъ его-то и наметили въ начальство...

«Кому-жъ и быть, какъ не ему?» рѣшили... Рѣшили и сотворили...

Зажили съ начальствомъ... Красуется Смышленый, точно звѣзда небесная; не нарадуются Митяи... «Экіе мы! да экой онъ у насъ!» только и слышно... Живутъ въ сласть...

Да вотъ дѣло въ чемъ: господа говорятъ — противъ натуры ничего не подѣлаешь; это самое и вышло... А натура у Митяевъ точно что была!

Много ли, мало ли пожили со спасеніемъ—анъ глядь ужъ не то... Опять Акульки вопятъ,—Митяи надсѣдаются, ребра свои богатырскія считаютъ... Пошелъ дымъ коромысломъ!.. И самъ Смышленый за свое безпокойствіе опасается, — а ужъ чтобы тамъ вмѣшаться и это дѣло пріостановить—и не говори. Бывало пойдетъ; коли что замѣтитъ, и скажетъ:

«Тише... я, дескать, начальство!»

Такъ куда тебѣ!

«Проваливай съ своимъ начальствомъ куда тебѣ надо,—отвѣчаютъ,—а не то не спѣсивься!.. Знаешь»?..

Зналъ Смышленный — и голову повѣсилъ... Ничего въ своей мудрой, сѣдой головушкѣ не приберетъ, не придумаетъ...

И шло такъ-то, шло все своимъ порядкомъ... анъ настало время Смышленному помирать...

Лежитъ, помираетъ... Кругомъ его Митяи, что постарше, попочтеннѣй... Стоятъ, головы опустили, бороды поглаживаютъ и ни одна душа, примѣрно, не знаетъ что изъ этого выйдетъ...

Открылъ Смышленный глаза, кругомъ себя посмотрѣлъ... вѣщаетъ:

«Я, братцы... помираю...

— Такъ-съ... послышалось.

«Помираю, братцы... потому мнѣ одно осталось—помирать... А вамъ, братцы, соотчичи милые, жить... И я къ тому говорю, что вамъ точно жить... Надо жить—порядокъ держать надо... это вѣрно... А у васъ все есть... и земля обильна,—а самаго этого порядку нѣтъ... Вамъ бы, братцы, нѣмца слѣдовало завести...

На томъ и померъ...

Долго стояли Митяи и думали; загадку разгадать хотѣли...

Не смогли разгадать. Собрались на сходку...

«Слышали? спрашиваютъ...

— Слышали... отвѣчаютъ.

«Не даромъ онъ это сказалъ!..

— Не даромъ!..

Замолчали...

«Передъ смертью, братцы, сказалъ!

— Передъ смертью!..

Опять замолчали... Загадка, видно, трудна была...

«А что, братцы, коли онъ это, передъ смертью... правду сказалъ?..

— А что, коли намъ—и впрямь безъ нѣмца не прожить?..

Молчатъ...

«Безъ него не проживешь!.. почесавши затылокъ говоритъ одинъ.

— Такъ ли, этакъ ли, — говоритъ другой, потерши *поясницу*,—а нѣмца слѣдуетъ...

«Потому онъ всѣ порядки знаетъ!..

— Обезьяну выдумалъ!..

«Погоди, онъ и не то еще выдумаетъ!..

— Чтожъ, коли нѣмца—такъ и нѣмца! заговорили въ разныхъ концахъ...

Пошли толковать,—анъ поднялся крикъ.

«Нѣмца!.. Нѣмца!..

— Не даромъ покойникъ сказалъ...

«Передъ смертью!..

— Нѣмца!..

Порѣшили: быть нѣмцу и присудили: выбрать что ни-на-есть разумныхъ Митяевъ и отправить—отыскать что ни-на-есть лучшаго нѣмца...

А чтобъ дѣла не откладывать—тутъ же и выбрали пятерыхъ...

«А что, братцы,—какъ найдемъ мы такого нѣмца, какой требуется,—что, примѣрно, ему сказать и какъ, значитъ, его сманить половчѣе!.. спрашиваютъ выборные.

Опять надо голову ломать...

— Извѣстно.. что... такъ и такъ, дескать... какъ, бишь, сказалъ Смышленный?

«Сказалъ: земля обильна.

— Не то!..

«Порядку говоритъ вамъ надо!..

— Не то!..

«Небось ты-то!..

— Да прямо сказать, встрѣтимши: такъ и такъ... всего, дескать, у насъ вдоволь...

«И земля обильна...

— Ну и земля... а порядку-то этого и нѣту!..

«Да... порядку-то этого и нѣту... Да, такъ не угодно ли тебѣ...

— Батюшка нѣмецъ...

«Неугодно ли тебѣ, батюшка нѣмецъ, пожаловать!..

— Потому у насъ все, окромя хорошаго!..

«Потому значитъ, тебя требуется!..

— Все значитъ, есть, окромя васъ...—его то-ись!..

«Такъ!..

— Такъ, значитъ, и говорить...

Порѣшили и разошлись...

Собравшись на скорую руку, отправились Митяи выборные...

Долго они странствовали по разнымъ странамъ, по лѣсамъ дремучимъ, по дебрямъ непроходнымъ, по болотамъ неисходнымъ... Вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, дождь мочилъ... Много горя было, много страху натерпѣлись, пока, гдѣ-то за-моремъ бурнымъ, во странѣ полуночной, не нашли такого нѣмца, какой былъ надобенъ...

А былъ тотъ нѣмецъ не одинъ. Самъ прозывался Карлъ Ивановичъ, да у него еще два брата было: Иванъ Ивановичъ и Адамъ Ивановичъ...

Митяи подумали, подумали... «Одинъ нѣмецъ-хорошо, а три лучше!..» Взяли да и бухъ челомъ всѣмъ тремъ...

«Такъ и такъ, дескать... всего у насъ вдоволь, окромѣ васъ... Отцы родные! пожалуйте...

А нѣмцу—что? Нѣмцу, извѣстно, — лишь бы хлѣбное мѣсто найти... Согласились...

«Зеръ гутъ!» говорятъ...

Ударили по рукамъ и отправились Митяи назадъ въ путь-дороженьку... А за ними и нѣмцы,—пособравшись... Да, правда, сборы были недолги: одинъ захватилъ съ собой шарманку, другой кофейникъ а третій—старшій, Карлъ Ивановичъ, значитъ,—тройчатку...

Ѣхали, ѣхали и доѣхали... и какъ только ступили нѣмцы на Митяйную землю—земля задрожала, вихорь поднялся; былъ громъ

и молнія и всякія страсти... И былъ слышенъ гласъ: «Быть вамъ Митяи отнынѣ и во вѣки холопами!»

А ужъ что потомъ было... Ну, ужъ это до другаго разу... Да!.. бываютъ дѣла...

5.

Рамзя.

(Разсказъ.)

Поднялась страшная гроза. Такая гроза вмѣстѣ съ вихремъ, какую мнѣ приходилось видѣть въ первый разъ въ жизни. Деревья выворачивало съ корнемъ.

Кое-какъ доплелись мои извощичьи клячи до первой деревни, гдѣ я и заночевалъ.

Осмотрѣвшись и освоившись нѣсколько, я замѣтилъ, что въ деревнѣ произошло нѣчто необыкновенное: двѣ-три солдатскія шинели, мелькнувшія въ воротахъ; нѣсколько ружей въ сѣняхъ, составленныхъ въ одномъ углу; озабоченныя и какъ бы озадаченныя чѣмъ то физіономіи мужиковъ; звонкое тараторство собравшихся, не смотря на грозу, бабъ и говоръ мужчинъ — все это выходило изъ круга обыденной жизни и говорило про нѣчто особенное.

Напившись чаю, я вышелъ въ одну изъ смежныхъ горницъ, откуда слышался говоръ.

— Что случилось, братцы? спросилъ я, подойдя къ одной группѣ мужиковъ, стоявшихъ въ раздумьи.

— А Рамзю ведутъ, господинъ честной, отозвались въ одинъ голосъ мужики.

— Кто же этотъ Рамзя? спросилъ я, догадываясь, что это былъ одинъ изъ арестантовъ.

— А Рамзя, вашеско благородье, отозвался одинъ клинобородый, сухощавый мужиченка: это богоданный человѣкъ — благодѣтель!.. во каковъ человѣкъ онъ есть!

Ораторъ мой хотѣлъ было продолжать далѣе, но вдругъ остановился, опомнясь, что онъ разглагольствуетъ не промежъ своей братьи...

Это сомнѣніе насчетъ моей личности отразилось и на прочихъ физіономіяхъ кружка. Впрочемъ, недовѣріе это къ форменному сюртуку, хотя бы и студентскому, вполнѣ понятно. Однако, посредствомъ ласковаго слова, удалось мнѣ, послѣ довольно долгаго времени, вызвать мужиковъ на откровенность.

— А ужъ это, милость твоя, благодушный человѣкъ, Рамзя то, заговорила опять клинообразная, жидкая бородка, выдвигаясь впередъ:—такой ужъ человѣкъ, благодѣтель, родимый...

— Что же такое дѣлалъ онъ? спросилъ я, заинтересованный отзывомъ мужиковъ объ арестантѣ.

— А то дѣлалъ, родимый, что вотъ, примѣромъ, у меня таперича, хоша бы коровенка пала,—онъ узнаетъ тамъ стороною, что вотъ, молъ, у Степки бочарника коровенка пала и ты, значитъ, черезъ это самое нужду терпишь — пойдетъ, купитъ коровку то гдѣ ни-на-есть, да и приведетъ къ тебѣ: на вотъ, владай теперь ею; а нѣтъ—вотъ тебѣ деньга: подь да купи... во какой человѣкъ то онъ!.. кормилецъ, одно слово... Да это что: теперь, хлѣбушки нѣтъ у мужика—мужикъ подь къ нему—онъ дастъ; а не то, опять же деньгу тебѣ дастъ. Совсѣмъ благодѣтель нашъ былъ, по всему, какъ есть, право!..

— За что же теперь въ кандалы то забили? спросилъ я, не мало удивленный разсказами рыженькой бородки.

— А за то за самое и забили; потому, человѣкъ господамъ согрубленіе дѣлалъ, опять же и супротивность всякую—а только онъ благодѣтель нашъ: вѣчно Бога молить станемъ—право...

— А что, можно его видѣть теперь или нѣтъ?

— Да пошто не повидать то? вонъ, подь подъ окно: онъ тамъ въ избѣ сидитъ, кажися... ништо, человѣкъ онъ хорошій: смирный такой...

Я вышелъ черезъ сѣни на дворъ, гдѣ подъ окномъ, насупившись отъ дождя, ходилъ солдатъ съ ружьемъ и стояло человѣка два или три мужиковъ.

Окно дѣйствительно было растворено. Я подошелъ къ нему и заглянулъ въ горницу. Тамъ были арестанты.

Въ горницѣ сильно припахивало махоркой. Несчастныхъ было

человѣкъ семнадцать. Иные вели бесѣду, сидя на лавкахъ, иные лежали на полу на подостланной соломѣ. Нѣсколько человѣкъ этапныхъ солдатъ весьма дружелюбно вступили съ ними въ разговоры. Одинъ изъ нихъ стоялъ часовымъ съ ружьемъ въ рукахъ. Рамзя сидѣлъ у окна и вполголоса тянулъ какую то пѣсню, чуть ли не духовный *стихъ*, изрѣдка побрякивая въ ладъ кандалами. На видъ ему было года сорокъ три-четыре, и вся наружность его: глубоко-впалые задумчивые глаза сѣраго цвѣта, высокій, нѣсколько лысый лобъ, широкая черная борода, подернутая значительною просѣдью, имѣла въ себѣ что то доброе, душевное и въ то же время сановитое. Взглянувъ на него, нельзя было не предположить присутствія страшной физической силы въ этомъ сухомъ, мускулистомъ тѣлѣ. Когда я подошелъ къ окну, два или три мужичка почтительно положили ему въ шапку, лежавшую на подоконникѣ, по нѣскольку грошей.

— Не прогнѣвись, родимый, что мало, замѣтилъ одинъ изъ нихъ съ поклономъ.

— Что ты, братъ, что ты! отвѣтилъ тихо Рамзя, и на томъ спасибо; всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ... Спасибо, родимые...

Я тоже приблизился къ нему и подалъ рублевую ассигнацію. Рамзя молча поклонился.

— Вотъ тебѣ, Рамзя, заговорилъ тотъ же мужичекъ, съ нашими грошами и будетъ рубъ-двадцать — про случай пригодятся...

— Не про меня, братія моя, не про меня, заговорилъ тѣмъ же тихимъ голосомъ Рамзя, а про всю артель; мнѣ одному много ли нужно! а вотъ, ноиче его благородіе партію велъ; говоритъ: рожденикъ,—ну, по пятаку съ брата на поздравку и отваливай ему; а завтра поведетъ другой его благородіе—тотъ, поди-чай, именинникъ будетъ — опять по пятаку съ брата — во оно дѣло какое!..

— А ты, Рамзя, артельный староста? спросилъ я.

— Артельный, батюшко, артельный...

— А что, чай, часто приходится съ имянинами поздравлять этапныхъ?

— Часто, и не упомнишь... почитай, каждую смѣну приходится; ужъ таковъ порядокъ... Пока до матери Сибири дойдешь, много пораздавать прійдется.

— А что, великъ ли путь то ужъ пройденъ?

— [illegible] великъ!.. Денъ пять, какъ только [illegible]... [illegible]—прогуляемся...

— [illegible]?

— А [illegible] то!.. Вѣстимо дѣло, родного мѣста жалко, да вѣдь и въ Сибири люди—живи только по божески, тоже [illegible] будетъ... Срокъ каторги отбудешь, а тамъ на [illegible]...

— Да вѣдь идти то тяжело въ кандалахъ.

— Эхъ, родимый!.. намъ ли еще о тѣлесахъ своихъ таку заботу принимать!.. Отцы святые во все житіе свое въ желѣзныхъ веригахъ ходили, и Господа еще славословили, а тутъ намъ то вешто по грѣхамъ своимъ и въ кандалахъ не пройдти! — пройдемъ!.. на то и испытаніе...

— За что жъ тебя погнали? зла вѣдь ты никому никакого не сдѣлалъ?

— Нѣтъ, видно, что сдѣлалъ, коли погнали; безъ того не погонятъ нашего брата... Работалъ я на міръ, однихъ отъ обиды огорожалъ, а другихъ въ обиду вдавалъ — на томъ то и зло мое... Знаю и самъ, что рукомесло мое съ одного бока не похвальное, а что станешь дѣлать? видно ужъ, на что душа родилася, того Богъ и далъ.

— Ты господскій былъ или нѣтъ?

— Господскій.

— Отчего же ты не жилъ въ ладу съ другими? жилъ бы себѣ почтеннымъ образомъ до старости лѣтъ, дѣтей бы и внуковъ выростилъ...

— Эхъ!.. это точно что такъ... А вотъ ты, чай, въ книжкахъ читаешь, что тамъ сказано... божественныя читаешь?

— Читаю.

— А читалъ, что сказано: никто же можетъ двумъ господинамъ работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ, или единаго держится, о другомъ же нерадѣти начнетъ? —это великое слово—такъ ты и знай!.. Работалъ я на міръ и возлюбилъ, а мамонѣ ужъ опослѣ этого и работать не приходится.

Меня озадачилъ этотъ смышленный отвѣтъ, который показывалъ въ немъ глубокую силу убѣжденія.

— Ты грамотный? спросилъ я.

— Грамотный! Съ измальства еще къ грамоти въ науку по-

шелъ... Отецъ у насъ былъ, покойникъ, старецъ благочестивый и домъ въ страхѣ божіемъ соблюдалъ, и, какъ готовилъ насъ больше по торговой части, такъ и грамотѣ безпримѣнно учиться наказалъ:—перво, говоритъ, божественное дѣло будешь смыслить, а второе дѣло по торговой части безъ грамоты ноні ни шагу ступить... Такъ я и обучался у дьячка у приходскаго...

— Ну и какъ же ты отъ отца остался? жилъ то послѣ какъ?

Рамзя поглядѣлъ на меня тихимъ взоромъ и слегка улыбнулся.

— Тебѣ, вижу я, началъ онъ, исторію мою послушать хочется; не столь то я охочъ разсказывать исторію то... Съ другимъ бы я и баять то долго не сталъ... ну, да ужъ ты такъ съ лица больно мнѣ простъ показался—ты намъ не начальство, да и человѣкъ то незлобный, кажися... Да негдѣ разсказывать: ишь дождь то какъ мочитъ. Ступай ка лучше въ горенку; чай, болтавши то съ нами, всего тебя измочило...

И онъ, ласково кивнувши мнѣ головою, отворотился отъ окошка.

Я ушелъ въ свою горницу.

Часу къ двѣнадцатому ночи гроза унялась, а къ двумъ небо прояснѣло совершенно. Ночь стала теплая, весенняя. Мнѣ не спалось. Я накинулъ шинель и вышелъ на крыльцо подышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ; въ избѣ было душно, а въ добавокъ комары рѣшительно не давали уснуть. Окно, стоя у котораго я бесѣдовалъ съ Рамзею, и теперь было отворено, подъ нимъ прохаживался часовой съ ружьемъ. Изъ окна слышался тихій говоръ, я узналъ голосъ Рамзи. Пройдясь мимо, замѣтилъ я, что онъ сидитъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ и, повидимому, не ложился спать. Подлѣ него стоялъ часовой, сѣдой старикъ изъ этапной команды, и съ нимъ то велъ Рамзя свою тихую бесѣду. Я сѣлъ на заваленку подъ окошкомъ и закурилъ сигару. Рамзя замѣтилъ меня и выглянулъ, по своему привѣтливо кивнулъ мнѣ головою и усѣлся на прежнее мѣсто. Онъ продолжалъ свою бесѣду со старикомъ-инвалидомъ.

«Это самое дѣло, почитай, что съ измальства пошло. Былъ у насъ дѣдка,—ужъ лѣтъ подъ сто старику было; одначе бодрой и въ памяти... бывало, какъ подойдетъ это весна, станетъ древо листвою одѣваться, цикорей замаардвѣетъ, такъ дѣдка тотчасъ въ лѣсъ; и въ лѣсу это у него пчельникъ. Пчелка жужжитъ, тишина да благодать такая и благоуханіе! — тамъ и келейка

была у него срублена, и мѣсто изгородью огорожено,—хорошо было объ вешнюю пору!.. бывало, идетъ дѣдка на пчельникъ и меня возметъ съ собою. Перво-наперво молитву сотворитъ; батюшка ему молебенъ отслужитъ и все мѣсто на четыре страни и кажинный улей пѣтой водой окропитъ, затѣмъ, чтобы пчелка роилась благодатливо...»

«Тамъ, бывало, мы съ дѣдкой и днюемъ и ночуемъ, вплоть до самыхъ заморозковъ, какъ ульи во мшаникъ хоронить время приспѣетъ.

«И такъ мнѣ полюбился душевный этотъ самый лѣсъ, что, кажется, и не вышелъ бы оттолѣ никогда: такъ вотъ и тянетъ, такъ вотъ и тянетъ!.. Моченьки моей нѣтъ въ деревнѣ: все бы мнѣ это къ лѣсу, да къ лѣсу, все бы мнѣ это на тишь да благодать лѣсную очами своими дивоваться и время такъ провождать...»

«Одно время такое это было, что просто и невѣсть что со мною дѣялось: сталъ я ровно полоумный какой, — по шестнадцатому году былъ,—какъ взыгралася только это весна, такъ меня, ровно силой какой, въ лѣсъ да въ поле! — сбѣжалъ парень съ села, совсѣмъ сбѣжалъ; куда и про что, того и самъ не разумѣетъ, а и на селѣ никто не вѣдаетъ.»

«Дня черезъ два отыскали меня наши ребята, къ отцу привели. Засадилъ меня онъ дома за работу,—работаю день, работаю два, а самого такъ и томитъ истома какая то, словно тошно становится — ажно обомлѣю весь: и все то бы мнѣ къ лѣсу... Палъ я отцу въ ноги, — пусти, говорю, батюшка-осударь, отпусти во пчельникъ, на дѣдкино мѣсто! Пчелка безъ присмотру, безъ прихолы, а мнѣ не въ моготу дома! (дѣдка то объ Егорьевѣ днѣ Богу душу отдалъ) подумалъ отецъ да и отпустилъ меня въ лѣсъ. Такъ я лѣто цѣльное въ лѣсу провождалъ, за пчелкой ходилъ. И вовсе мнѣ это занятіе не скучно было: взялъ съ собою книжекъ божественныхъ разныхъ; читаю какъ свободное время выдается, а свободнаго время много.»

«Читаю это я, а самому словно чудятся это обители всякія благословенныя, иноки благообразные, и древа, и цвѣтники тутъ всякіе, кресты на обителяхъ позлащенные, и житіе мирное, спободливое. Все это въ юности моей такое помышленіе на умѣ у меня было, чтобы мнѣ безпремѣнно въ иноки идти; и кажинный праздникъ я все, бывало, на клиросѣ пою и читаю — значитъ,

такъ ужъ самъ собою, съ изиальства къ божественному житію пріобычался... Ну, а потомъ и ничего: къ торговому дѣлу все приглядку имѣлъ; отецъ въ городъ посылалъ торговать, значитъ.

«Велъ это самое дѣло я умѣючи; только не оболгалъ никого насчетъ товару и въ обманъ, али въ сумлѣніе какое никого не вводилъ, а велъ дѣло по цѣнѣ, на чистоту, и потому самому больше купцы въ городѣ любили со мною эту камерцію водить.»

«Только отецъ объ зимнемъ Миколѣ преставился. Мы съ братомъ въ раздѣлъ пошли; раздѣлили добро честно, по христіански и на томъ порѣшили промежъ собой, чтобы мнѣ, какъ я, значитъ, холостой, жить съ братомъ вкупѣ; къ женитьбѣ я тогда пристрастія не имѣлъ никакого; такъ и жили мы. Лѣто я въ пчельникѣ, а зимой въ торгахъ, а братъ при домашнемъ обиходѣ.»

«Надъ отцомъ я и псалтирь читалъ, и опосля этого сталъ больше еще къ божественному чтенію привыкать—потому, сожалѣніе и печаль въ ту пору такая меня брала, что въ томъ все свое и утѣшеніе полагалъ. Сталъ читать я евангеліе святое, и напало тутъ на меня такое раздумье горькое, что я тебѣ, милый человѣкъ, и сказать не умѣю; и все-то изъ сердца у меня не идетъ то, что тамъ сказано: аще хощешь совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ — вотъ все это и перещится мнѣ; потому знаю, какъ самъ Господь сказалъ: аще кто хощетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ,—такъ и не могу спокойно дома сидѣть...»

«Вѣдь вотъ ты, господинъ честной, и въ книгахъ лучше нашего читаешь, прибавилъ Рамзя, перегибаясь за окно и относясь уже прямо ко мнѣ со своею обычною, строгою и въ то же время привѣтно-кроткою улыбкой:—а знаешь ли, что хоть бы это значило: «возми крестъ свой и по мнѣ гряди»? что такое значитъ «крестъ твой»? что такое «крестъ»?»

Меня еще болѣе озадачилъ этотъ неожиданный вопросъ со стороны простаго человѣка, — и мнѣ въ свою очередь захотѣлось тоже озадачить и его.

— Крестъ? отвѣчалъ я, ну, въ то время это было орудіе казни...

— Правильно; равно, что теперь у насъ плаха; такъ вѣдь это значитъ: возьми плаху свою и ступай за мной — такъ ли?..

— Почти...

— Да не почти, а такъ!.. такъ вотъ и не кори меня за то, что пошелъ я по своему пути... А на ту пору неурожай былъ, да погорѣло у насъ на селѣ дворовъ съ тринадцать. Сталъ я смѣкать, что тутъ на міръ поработать надо—ну, и продалъ имѣніе свое и роздалъ нищимъ. Такъ вотъ отъ той поры это самое дѣло и пошло со мной...

«Сталъ братъ домекать, что я свое добро расточаю; изъ этого самаго у насъ свара пошла. Думаю себѣ: непригоже намъ, братьямъ кровнымъ, ровно псамъ какимъ, нечестиво лаяться,— нече дѣлать, въ раздѣлъ идти надобно. Пошли въ раздѣлъ. Я свои остатки забралъ, и въ годъ съ двумя мѣсяцами самъ остался нищъ и убогъ. Думалъ я себѣ это насчетъ монастыря, чтобы, значитъ, въ иноки идти; однако, послѣ такое размышленіе на меня нашло, что думаю: человѣкъ я мірской и міру пользу приносилъ, ровно брату единоутробному; про что же мнѣ отщетить себя отъ міра? въ иночествѣ мнѣ для своей души спасеніе, а міру помощи никакой нѣтъ. И надумалъ я себѣ, чтобы сначала на міръ порадѣть, а потомъ о душѣ своей грѣшной подумать. Еще пуще навело меня на эту мысль то безобразіе, которое надъ міромъ чинилось. Работа на міръ дѣло хорошее: и сынъ человѣческій не прiиде, да послужатъ ему, но послужити и дати душу свою, избавленіе за многихъ»—ты вотъ это разумѣй!..»

«А безобразіе, вижу я, такое, что вотъ, хоть бы иной мужикъ, раздобрѣвши да разбогатѣвши, своего же брата, мужика, тѣснитъ да презираетъ—потому стяжаніе имѣетъ многое и самъ въ купцы наровитъ. Прiйдетъ къ нему разоренный за помочью, а онъ насмѣется ему и прогонитъ, а не то на жидовскихъ процентахъ отпуститъ; а что таперича бурмистры, головы чинятъ худа нашему брату, мужику сѣрому, особенно, который побѣднѣй да побезотвѣтнѣй,—и исчислить то, такъ просто нѣсть тому конца».

«За что же, думаю, терпитъ мужикъ ото всѣхъ, ужъ не говорю отъ господъ иныхъ, либо отъ земскихъ, а то отъ своего же брата, мужика? какая тому причина есть и за что одинъ кичится, а другой приклоняется, когда и въ писаніи сказано: «довлѣетъ ученику да будетъ яко учитель его, и рабъ, яко Господь его»?.. Вижу я, что все это въ мірѣ противу божескихъ писаній творится, дьявольскимъ напущеніемъ; ибо забыли люди, что сказано: «иже бо вознесется—смирится и смиряйся—вознесется... Всякая гора да унизится и всякъ долъ да вознесется»...

Вотъ, господинъ ты мой, такъ я и памятовалъ себѣ про то, что Господь низложитъ сильныя и вознесетъ смиренныя, а позабылъ Христовы же слова; «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ»; — за то-то вотъ за самое и терплю я теперь по грѣхамъ своимъ.

— Ну, а преступленіе же ты какое сдѣлалъ? спросилъ я, удивляясь все болѣе и болѣе ясному смыслу арестанта.

«А такое преступленіе, что ужъ больно мнѣ стало отвратно все это безобразіе глазами своими зрѣть и слова ни единаго не изможь вымолвить противу него. Помочь ужъ ничѣмъ не могъ я, по той причинѣ, что самъ былъ нищъ и убогъ и опять же на себя великое нареканіе за то за самое отъ брата и отъ господъ своихъ принималъ, что имѣніе свое расточилъ понапрасну и глупо...

«Смиренія во мнѣ мало было, а больше все удаль бродила и гордость: озлобился я противу всего да во темны лѣса!... Отъ тѣхъ поръ и сталъ рукомесломъ своимъ заниматься.

«Только не загубилъ я ни одной души человѣческой и не уворовалъ тайно и подло, яко татъ въ нощи, ни у кого даже зерна единаго, а шелъ на прямую!... И все больше именемъ Христовымъ: вымогалъ, потому наставить на путь истинный всегда желалъ и ужъ рѣдко-рѣдко когда ножикомъ пригрозишь и то ужъ на такого, который пакость многу чинитъ да еще пакостью тою похваляется и о имени Христовомъ въ соблазнъ вводитъ.

«Не было у меня разбору никому.—Одно слово: коли ты обидчикъ, лихоимецъ или тѣснитель—повиненъ есть!...

«И никого я не опасался...

«Одно только, что жить ужъ мнѣ открыто въ деревнѣ было нельзя, а принужденъ былъ больше все по лѣсамъ скитаться, либо у мужиковъ тайно притонъ имѣть—и то больше на зиму. Любили они меня, потому какъ и я ихъ всѣмъ сердцемъ своимъ и помышленіемъ возлюбилъ и на пользу міру животъ свой радъ былъ положить.

«И какъ прослышу, бывало, что такой то изобидѣлъ мужичка, такъ я выберу часъ посподручнѣе—и шасть къ нему! разузнавши наперво какъ и чѣмъ изобиженъ мужикъ. Войду такъ, чтобъ не замѣтилъ меня никто и чтобы онъ, значитъ, тревоги никакой поднять не могъ; войду — перво-на-перво на образъ пере-

крещусь трижды, потомъ самому поклонъ и говорю: здравствуй, господинъ честной; я молъ, Рамзя...

«Какъ узнаетъ онъ, что Рамзя—такъ ажно и обомлѣетъ весь; потому имя мое далече страшно было и слухъ такой обо мнѣ повсюду прошелъ, такъ что золъ человѣкъ имени одного моего боялся и слышать не могъ.

«Такъ и такъ, говорю, бывало, ты молъ, мужичка тѣмъ то и тѣмъ изобидѣлъ».—Грѣшенъ, говоритъ, изобидѣлъ!—А коли такъ, подавай мужичку то, чѣмъ изобидѣлъ ты его! — ну, и прочту тутъ ему нотацію.

«А который гвалтъ подымать хочетъ, такъ ты ему кистенемъ пригрозишься,—ну, и примолкнетъ... Возьму деньгами съ него, сколько тамъ понадобится, а не то хлѣбомъ или скотинкой — глядя по тому, чѣмъ изобидѣлъ—ну, и отдаетъ, и не перечитъ; такъ и выпроводитъ съ поклономъ,—вотъ оно что. Муки, бывало, куля три, четыре отложу, такъ вѣдь что: подводу дастъ и человѣку проводить прикажетъ. Вотъ каковы то дѣла дѣлывались!

«Такимъ то родомъ всѣ и боялись меня, а мужики благодарствовали.

«Денегъ водилося у меня много—только не про себя, а держалъ только про тотъ случай, какъ понадобится кому, такъ чтобы тутъ же ему и помочь безотмѣнно. Но такъ какъ чувствовалъ я, что рукомесло мое съ одного боку все таки недоброе, непохвальное, такъ я и старался тѣло свое изнурять стужей и гладомъ и молитвою—тѣмъ и въ печали своей облегченіе получалъ...

«Такимъ-то родомъ девять лѣтъ промышлялъ я до прошлой зимы, пока не изловили меня.

«Сталъ уже больно лютъ я обидчикамъ и положили они на томъ, чтобы и духу Рамзи не было... Такимъ то манеромъ исправникъ Глотовъ образъ со стѣны снималъ, что ужъ во что ни стало бы, а изловитъ меня, живаго или мертваго, безпремѣнно, ну, и изловилъ...

«Была у меня мазанка въ лѣсу,—дѣло то зимой было,—сплю я это въ мазанкѣ-то и вижу такой, странный престранный сонъ: будто лики небесныя невидимо поютъ; а я нивѣсть гдѣ обрѣтаюсь и за облакомъ распознать ничего не могу. И вдругъ весьма громкій гласъ съ небеси возглашаетъ. «Воспряни отъ сна, рабе Акиме! се часъ твой приблизися!...»

«И воспрянулъ я и тутъ же восчувствовалъ, что нынѣ быть мнѣ взяту...

«Перекрестился я и выхожу изъ мазанки, чтобы волю господню насчетъ себя исполнить,—гляжу, а тутъ исправникъ съ командой. Я поклонился да прямо и пошелъ къ нимъ: — я, молъ, Рамзя...

«Тутъ меня взяли; потомъ въ острогъ; болѣе года таскали по разнымъ мѣстамъ, а потомъ—вотъ какъ самъ видишь;—въ семъ видѣ обрѣтаюсь...

«Конечно, кабы жилъ я въ свое токмо удовольствіе, такъ ничего бы этого не было... Жилъ бы я на селѣ и самъ бы всякое безобразіе чинилъ и потакалъ ему... Конечно, не наше дѣло самимъ чинить судъ и расправу, въ этомъ я повиненъ, да вѣдь и то же опять вспомнить надобно, что въ писаніи сказано: «Всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ и во огнь вметаютъ. Тѣмъ же убо отъ плода ихъ познаете ихъ». Ну, да авось, Богъ дастъ, все перемѣнится...»

На другой день утро было ясное, совсѣмъ хорошее майское утро.

Я весело покатилъ далѣе...

Недоѣзжая версть пяти до станціи, мнѣ вдругъ послышалось, какъ зазвенѣли звуки «*небольшихъ снѣговъ*» такъ радостно, такъ отзывчиво среди зеленѣвшихъ, будто счастливыхъ въ своемъ неоглядномъ просторѣ полянъ.

Я выглянулъ изъ тарантаса и поровнялся съ партіей арестантовъ.

Одинъ рослый, веселый дѣтина съ добродушною улыбкой въ лицѣ, звонко, разливисто затягивалъ пѣсню, остальная партія, вмѣстѣ съ этапными солдатами, бойкимъ хоромъ подхватывала ее...

Рамзя шелъ молча, сосредоточенно, своею ровною, неторопливою поступью. Онъ увидѣлъ меня и снялъ свою сѣрую шапку.

Я тоже поклонился въ отвѣтъ ему и шибко прокатилъ мимо...

6.

Изъ записокъ ротнаго командира.

. . . Дѣлишки поправились. Благодаря Господа Вседержителя, примѣрно, съ одного печенаго хлѣба осталось четырнадцать четвертей муки семипудоваго вѣсу. Продамъ жиду по пяти рублей, и того *семдесятъ рублей*. Изъ числа трехсотъ продовольственныхъ (по пяти коп. въ сутки на человѣка) израсходовалъ двѣсти пятьдесятъ, осталось *пятьдесятъ*. Не покупалъ ни мяса, ни сала, ни капусты, ни каши, ничего инаго прочаго, а все это бралъ изъ котла. За содержаніе четырехъ субалтернъ-офицеровъ, кои платили мнѣ за обѣдъ и ужинъ, состоящій изъ трехъ блюдъ: щи съ мясомъ, жаренаго мяса и гречневой каши съ саломъ,—по пяти р. каждый, а вся провизія бралась изъ котла,—слѣдственно чистогану *двадцать рублей*. Ежедневно отпускалъ по 20 человѣкъ на работу по назначенію фельдфебеля, и онъ приносилъ мнѣ за то съ каждаго по 10 к., два рубля въ день, а въ мѣсяцъ набѣжало слишкомъ *пятьдесятъ*.—Солдаты жалуются, что съ нихъ беретъ фельдфебель... Мое дѣло, значитъ, сторона.

Господи, продолжи благодать твою!

Былъ полковой праздникъ. Вина было разливное море... Когда полковому командиру подали коляску, мы въ сердечномъ умиленіи, выпрягли лошадей, сихъ скотовъ замѣнили собою и повезли полковника съ тріумфомъ. А которые не тащили его коляски—

шли за нею, подпрыгивая, стуча бокалами и крича: ура! Вслѣдъ за ними шли музыканты и играли тушъ. По бокамъ дороги горѣли бочки съ дегтемъ...

Два дня дулись въ карты. Выигралъ двѣсти рублей. Сѣлъ выбритый, всталъ—хоть косу подпусти.

Имѣлъ непріятность съ женою. Просила купить ей трю-трю-левантина. Отказалъ. Ну, и поѣхала: и безсовѣстный и подлая ты душа, и кто тебя человѣкомъ-то сдѣлалъ... Смерть не люблю! Варя тутъ еще расплакалась... Не утерпѣлъ. Далъ затрещину и той и другой.

—

Недавно прибылъ къ намъ въ полкъ поручикъ съ Кавказа, имѣетъ Георгія за храбрость. Дали роту капитана Рубашкина... Хочетъ завести новый порядокъ: готовить пищу такую, какую намъ грѣшнымъ не приготовить къ инспекторскому смотру. Квасъ у него густой, пьютъ до отвалу. Глупо. Въ моей ротѣ подается офицерамъ да фельдфебелю, да развѣ сорванецъ-юнкеръ нацѣдитъ нахрапомъ... Сверхъ того вздумалъ каждое воскресенье на проданный припекъ, поить солдатъ водкою. Экая залетная птица! Когда полковой командиръ попробовалъ у него пищу, то спросилъ съ улыбкою: «вамъ, вѣрно, дали знать, что я буду?» Батюшки свѣты, чего онъ тутъ не наговорилъ! И честь-то для него дороже всего, и что онъ на солдатскія крохи не содержитъ по тройкѣ лошадей, не воруетъ припекъ... Полковникъ разсердился и сказалъ ему, что онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы учить другихъ. Поручикъ понурилъ голову.

— Грибъ съѣли-съ? сказалъ я ему, когда полковой уѣхалъ.

Онъ какъ-то странно на меня посмотрѣлъ и тихо проговорилъ: —здѣсь всѣ подлецы!

Хотѣлъ было вступиться, да думаю, чортъ съ нимъ, человѣкъ отпѣтый, долго-ли до грѣха?...

Вчера заходилъ ко мнѣ бывшій полковой казначей, Ѳедоръ Львовичъ Ильинъ. Ѣдетъ въ Питеръ, получилъ тамъ мѣсто эконома въ какомъ-то учебномъ заведеніи. Назидательную имѣлъ я съ нимъ бесѣду. До двухъ часовъ ночи просидѣли... Господи, вотъ бы попасть въ казначеи!

— Волка бояться—въ лѣсъ не ходить, говорилъ Ѳедоръ Льво-

вичъ. При пріемѣ готовыхъ вещей изъ коммисіи, мнѣ давали *тысячу рублей*, чтобъ принималъ вещи несходныя съ образцами... Отъ годовой постройки имѣлъ въ экономіи матеріала на *пятьсотъ*. На полученіе жалованья нижнимъ чинамъ списки требуются отъ ротъ за мѣсяцъ до отъѣзда казначея въ коммисію; черезъ мѣсяцъ ѣдешь съ ними за полученіемъ онаго; черезъ мѣсяцъ возвращаешься въ полкъ, черезъ столько же начинаешь раздавать ротнымъ. Проходитъ цѣлая треть, люди умираютъ... ну, *дребезжуха* и оставалась мнѣ. Январская треть самая богатая: съ жалованьемъ выдаются и аммуничныя деньги. Въ годъ приходилось вѣрныхъ *четыреста*. А то вотъ еще доложу. Теперь у каждаго солдата есть собственныя артельныя деньги. Въ случаѣ смертности публикуется въ газетахъ для вызова родственниковъ. Иной разъ являются, а чаще никто и не требуетъ. Ну, въ годъ-то и набѣжитъ. Помните, когда стояли въ Динабургѣ? Тогда свирѣпствовала холера. Въ нашемъ полку умерло 650 человѣкъ. Тогда я хапнулъ артельныхъ *три тысячи слишкомъ*. Ну, еще мелочныхъ, непредвидѣнныхъ доходовъ наберется въ годъ на *пятьсотъ*. Въ холерный годъ я получилъ *пять тысячъ девятсотъ*. А средній валовой доходъ приблизительно *три тысячи пятьсотъ*...

— Ахъ ты, Боже мой! Зачѣмъ же вы, Ѳедоръ Львовичъ, въ Питеръ-то ѣдете?.

— Ну, знаете, довольно... ну, и отъ педагоговъ-то перепадетъ тоже не меньше.

— Эхъ хорошо... Вы бы, Ѳедоръ Львовичъ, мѣстечко квартермистра. То еще повольготнѣе!

— Да, квартермистра бы хорошо, проговорилъ Ѳедоръ Львовичъ.

— Здѣсь, батюшка, отъ одной крупы и муки что получишь! Я отъ двухсотъ человѣкъ отъ припека хлѣба получаю въ мѣсяцъ пятьдесятъ рублей, а тамъ ведь три тысячи человѣкъ... *это восемьсотъ рублей*! Конечно: половину полковнику,—да вѣдь и не жаль. Вотъ, примѣрно, теперь мы на кантониръ-квартирахъ. Полковой распустилъ частнымъ образомъ пятьсотъ человѣкъ здѣшней и смѣжныхъ губерній на мѣсяцъ домой. А провіантъ идетъ... Теперь показывается по отчетамъ, что собраны двѣ учебныя команды: ефрейторская и вицъ-унтеръ-офицерская въ числѣ четырехъ сотъ человѣкъ, а куда къ Богу собраны:

преспокойно живутъ на квартирахъ и пользуются приваркомъ отъ обывателей. А это вѣдь, батюшка, въ сутки по пяти копѣекъ съ человѣка, въ мѣсяцъ—*шестьсотъ рублей!* А подрядчики дровъ, свѣчей... А мелочные доходы, на которыхъ самъ врагъ Господа сломитъ шею!

— Да, задумчиво промолвилъ Ѳ. Л., мѣстечко хорошее. Шесть тысячъ вѣрныхъ.

— Да, батюшка, зубы ноютъ! О-охъ... А полковой-то?

Ѳедоръ Львовичъ махнулъ рукою.

— Что?

— Лучше не говорите.

— Нѣтъ?

— Я вамъ говорю. Да вы знаете-ли сколько онъ получаетъ ремонтныхъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вамъ и знать не нужно.—А что вы сдѣлаете, коли увидите, что у солдата недостаетъ винта на каскѣ, или чего къ ружью?

— Велю ему сдѣлать.

— А если не слѣлаетъ?

— Вздую его каналью, и прикажу каптенармусу чтобы сдѣлалъ, а слѣдующее за это вычту изъ жалованья.

— Хорошо. А что вы дѣлаете къ смотру, когда нужно красить ложи или бѣлить лѣтнія панталоны?

— Каптенармусъ купитъ что слѣдуетъ, а съ солдата возьму по три или четыре копѣйки.

— А канты воротниковъ и петлицы?

— У насъ есть готовые воротники въ цейгаузѣ, за что съ каждаго солдата вычтено по двадцати копѣекъ, и они выдаются на смотръ, а потомъ съизнова сдаются въ цейгаузъ.

— На сколько лѣтъ дается полукафтанъ?

— На два года.

— А есть ли у насъ трехгодовалые?

— Очень много, даже четырехгодовалые. Такое тряпье, что хоть брось. Шинели тоже.

— А начальству солдатъ говоритъ, что носитъ только третій годъ.

— Да. Иначе ему не повѣрятъ, а сверхъ того ротный вздуетъ немилосердно.

— Ну, а ружья? На двадцать пять лѣтъ даются?

— На двадцать пять, но самое большое количество 1814 и 1818 годовъ. Ранецъ и аммуниція тоже выслуживаютъ двойные восьмилѣтніе сроки. А къ Высочайшему смотру беремъ всѣ новыя вещи изъ цейгауза.

— Ну, такъ видите, это все его доходъ. Но главное—лошади, ящики, фургоны, лазаретъ и тяжести. Онъ держитъ двадцать лошадей, а фуражъ на нихъ получаетъ сполна. Фуражные и зарядные ящики служатъ четвертую службу. Лазаретъ, какъ кладбище, безвозвратно принимаетъ къ себѣ солдатъ и развѣ отпускаетъ ихъ только въ госпиталь... Больные ходятъ, какъ разряженные въ святки: кто въ башмакахъ, кто въ сапогахъ, часто на босу ногу. Бѣлье мѣняется въ дванадесятые праздники, моютъ его солдаты, а деньги за стирку остаются у полковаго. Инаго лечатъ два, три мѣсяца, когда онъ давно уже сгнилъ на кладбище.... Такъ вотъ какъ, Иванъ Демьяновичъ! Поэтому-то и намъ хорошо, и на насъ смотрятъ сквозь пальцы, да развѣ прикажутъ получше приготовить пищу въ такой-то день, потому что пріѣдетъ такой-то генералъ.

Мы осушили на прощаньи бутылочку хересу. Онъ завтра уѣзжаетъ. Эхъ, канальство! хотѣлось бы и мнѣ въ Питеръ, надоѣло коптѣть въ Польшѣ...

—

Случилось удивительное происшествіе. Вчера полковой уличилъ своего лакея Ивана и горничную... Велѣлъ лобъ забрить. Утромъ сегодня увезли. А надо замѣтить, родная мать Ивана нянька при дѣтяхъ полковаго, такая маленькая старушонка. Какъ узнала она это, такъ и грохнулась на полъ. Потомъ поднялась, такая бѣлая... губы шевелятся, что то шепчутъ. Вдругъ какъ запоетъ: «у кота-кота, колыбель хороша...» Помѣшалась. Подошла она, это, къ полковнику да и говоритъ:—«погляди, дитятко, погляди:—видишь, кровинка виситъ... другая... еще... а вонъ цѣлая кучка. Никому не сказывай: это слезы.»

А умная была старушонка! Жаль.

—

Поручикъ подалъ въ отставку. То-то товарищи поблагодарятъ меня: Мнѣ вѣдь этимъ обязаны...

Вчера я встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Разговорились.

— Послушайте, говорю я ему ласково, я васъ хочу предупредить отъ большой непріятности-съ. Вы-съ, молодой человѣкъ, съ прямымъ и благороднымъ характеромъ, вамъ нельзя ужиться съ такими людьми, какъ наши ротные командиры. Здѣсь все мошенники-съ.

— А вы то? сказалъ онъ, смѣясь.

— Я-съ, буду говорить съ вами откровенно, я тоже мошенникъ-съ,—это у насъ ужъ такъ заведено. А у васъ совсѣмъ иныя понятія. Вотъ, недалеко ходить, на дняхъ солдатъ Давыдовъ принесъ мнѣ складную кровать, говоритъ: нашелъ подъ деревомъ, когда убирали казенный лѣсъ. Ну-съ, я смотрю: вещь стоитъ по крайней мѣрѣ 12 рублей... Далъ ему два рубля. И вѣдь знаю, что укралъ, а далъ. Ему ладно, и мнѣ хорошо-съ. А вы бы вотъ погубили солдата, на вѣкъ сдѣлали несчастнымъ. А вотъ васъ товарищи высѣчь хотятъ.

Поручикъ, знаете, ошалѣлъ, поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, и весь дрожитъ... да вдругъ какъ гаркнетъ: мерзавецъ!—у меня даже мурашки по животу пошли.

— Вотъ-съ, вы-съ и разсердились, продолжалъ я,—а я предупреждаю васъ отъ чистаго сердца-съ, искренно, какъ прилично моимъ лѣтамъ и отцу большаго семейства. Видите-съ, я самъ изъ ничтожнаго званія, изъ кантонистовъ; жена моя нѣмка-съ, была кухаркой у прежняго полковаго... да и то намъ съ женою противно жить въ такомъ обществѣ-съ. Служу ради пенсіона и куска насущнаго хлѣба-съ. А это говорю-съ, добра желая вамъ. А впрочемъ, какъ угодно.

— Благодарю васъ, капитанъ, говоритъ,—извините меня. Завтра же подаю отставку.

Лихо обдѣлано. По этому случаю выпилъ лишнюю порцію вишневки. Славно дѣлаетъ жена вишневку: каждую косточку перешибетъ, а потомъ по жиламъ такая невыразимая теплота.

7.

Золотое прошлое.

(Плачевная пѣсенка).

Какъ прошли наши веселые деньки,
Наступаютъ слезовыя времена...
(Пѣсня).

I.

Торгъ.

Петръ Сергѣевичъ — богатый помѣщикъ, единственный сынъ тоже богатаго помѣщика. Стало быть, ему на роду было написано—*жить-барствовать*. Дѣйствительно, послуживъ въ гусарахъ и, кое какъ, добившись чина ротмистра, онъ вышелъ въ отставку и отправился въ свое помѣстье, гдѣ и зажилъ на свободѣ, ни отъ кого не завися, кромѣ своей совѣсти, спокойно и весело.

Каждый знаетъ, что *для барина* жизнь въ деревнѣ—отдыхъ. Слѣдовательно, о трудѣ и поминать не стóитъ. Обратившіяся въ норму, деревенскія занятія барина—вино, карты, женщины, сплетни, охота, разговоръ со старостой или прикащикомъ и иногда тяжебныя дѣла за какой нибудь клочекъ земли—вотъ и всё: это тоже всѣмъ извѣстно.

Впрочемъ, баринъ Петръ Сергѣевичъ былъ очень хорошій баринъ. Съ мужиками онъ обращался не слишкомъ жестоко, вина пилъ не такъ много, въ карты игралъ *по маленькой*, но

за то страшно любилъ охоту съ собаками и былъ *слабъ* къ женскому полу...

По причинѣ послѣдняго обстоятельства, Петръ Сергѣевичъ нѣсколько разъ покушался было жениться. Но у него былъ сосѣдъ—кумъ, баринъ—благодатная натура, по фамиліи Сочновъ. Онъ то все и отклонялъ Петра Сергѣевича отъ женитьбы.

— Зачѣмъ жениться? нерѣдко говорилъ Сочновъ своему куму, воодушевясь нѣсколькими стаканами крѣпкаго пунша: дѣло то обойдется и такъ... Преотличная штука—холостая жизнь: руки не связаны, заботы меньше, грѣха меньше насчетъ семейныхъ ссоръ... и все такое—своя воля!... А, пожалуй, женись, да какъ навяжется добрая ягодка, что отъ нее хоть съ камнемъ въ воду или петлю на шею накидывай, такъ локоть то близко, да ужъ не укусишь... Жениться то вѣдь не устать, да чтобъ, женившись то, не горевать—вотъ что!... Да хоть и добрая то попадетъ: пойдутъ дѣти—завалитъ тебя—и не радъ будешь... Вонъ у меня, смотри-ка, какая скверность...тьфу!—цѣлая девятка... надо съ умомъ-разумомъ собраться!...

— И въ самомъ дѣлѣ, на что жениться! соглашался убѣжденный Петръ Сергѣевичъ: — развѣ нельзя жить и такъ?... очень можно, по моему...

Дѣйствительно, Петру Сергѣевичу, съ его удобнымъ для холостой жизни характеромъ, не было никакой надобности жениться. На этомъ основаніи, онъ и рѣшился остаться не женатымъ, хотя нѣкоторые, крѣпко привыкшіе къ женатой жизни, съ недоумѣніемъ спрашивали: да какъ же жить то такъ?

На это очень резонно отвѣчалъ однажды лакей Петра Сергѣевича одному простодушному человѣку, который спросилъ его:

— Вашъ баринъ такъ и не женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ лакей.

— Да какъ же онъ живетъ, безъ жены то?

— Кое-какъ пробавляемся, съ лукавой усмѣшкой произнесъ лакей.

— Да какъ же это, братецъ, безъ жены то?

— Эхъ, голова, голова!... на свѣтѣ мало ли этого товара!... а у насъ и подъ руками не оберешься: любую ягодку-малинку рви!...

— Тта-акъ! протянулъ простодушный человѣкъ и, выставивъ

кончикъ языка сквозь сжатыхъ зубовъ, долго оставался въ сильномъ раздумьи.

А дѣло было очень немудреное. Такъ, напримѣръ, Петру Сергѣевичу приглянулась его крѣпостная, молоденькая, хорошенькая и скромная дѣвушка—Маша. Онъ взялъ ее *къ себѣ въ комнаты*, чистенько принарядилъ, освободилъ отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ и даже другимъ велѣлъ ей прислуживать и слушать ее во всемъ, какъ *настоящую* барыню. Дѣвушка *легко свыклась* съ новою жизнію. Извѣстное дѣло: барская воля!...

Года два-три Петръ Сергѣевичъ *ласкалъ и нѣжилъ* Машу. Но потомъ она ему, какъ всегда водится, наскучила. Къ тому же, онъ высмотрѣлъ у своего кума другую красотку, которая и возмутила его татарскую натуру...

Однажды, проѣздомъ изъ города, онъ завернулъ, по обыкновенію, къ своему куму на перепутье.

— Дома баринъ? вылѣзая изъ экипажа, спросилъ Петръ Сергѣевичъ, выбѣжавшаго къ нему на встрѣчу лакея, облеченнаго въ нанковый засаленный сюртукъ, или во что то похожее.

— Дома-съ, въ саду... въ бесѣдкѣ... пожалуйте-съ! — тамъ дѣвки ягоды сбираютъ... пѣсни знатно поютъ-съ, скороговоркой отрапортовалъ лакей.

Петръ Сергѣевичъ пріятно улыбнулся и отправился въ садъ, гдѣ увидалъ, что дѣвушки, дѣйствительно, ягоды собираютъ, и услыхалъ, что онѣ, по выраженію лакея, пѣсни знатно поютъ, то есть по русскому методу—не совсѣмъ складно, да ужъ за то, очень, очень громко.

Хозяинъ, завидя гостя, вышелъ изъ бесѣдки къ нему на встрѣчу и заключилъ его въ свои просторныя объятія, потому что имѣлъ корпусъ объемистыхъ размѣровъ, такъ что въ извѣстной его части могли свободно помѣщаться дюжины двѣ рюмокъ различныхъ настоекъ и наливокъ, нѣсколько стакановъ пунша, большая, миска щей, фунта три ветчины и цѣльный гусь или поросенокъ, начиненный кашей съ ливеромъ.

— Ай-да кумъ! вотъ такъ, кумъ! право, люблю за это! восторженно говорилъ Сочновъ, лобызая съ щеки на щеку Петра Сергѣевича и, при каждомъ разѣ, крѣпко притискивая его къ себѣ, такъ что тотъ невольно ёжился и кряхтѣлъ.

— Здоровъ ли? какъ поживаешь? откуда? куда? какими судьбами? гдѣ былъ? не переводя духа, спрашивалъ обрадовавшійся

Сочновъ, таща подъ руку Петра Сергѣевича въ бесѣдку, гдѣ и усадилъ его на зеленую скамью, а самъ остановился передъ нимъ, ласково и пріятно улыбаясь.

Хозяинъ былъ искренно радъ гостю, потому что ему неожиданно представился благопріятный случай *почистить хрусталь*, что́ онъ очень любилъ и что ему строго воспрещалось его жестокосердой супругой, совершеннымъ деспотомъ въ семейномъ царствѣ. Она выдавала своему мужу положенную порцію: въ утренній и вечерній чай — по три рюмки и по стакану пунша, въ обѣдъ и ужинъ—передъ каждымъ кушаньемъ по рюмкѣ. Это Сочновъ обыкновенно называлъ—только во рту пополоскать. Въ настоящемъ же случаѣ, можно было разсчитывать на дюжину рюмокъ и на нѣсколько стакановъ пунша. Такіе случаи всегда приводили Сочнова въ восторгъ и онъ даже умилялся до слезъ.

— У! какъ жарко! вотъ такъ денёкъ! проговорилъ Сочновъ, утирая съ лица потъ рукавомъ кашемироваго халата. Ты, кумъ, извини меня... я, братъ, ужъ въ халатѣ... и въ туфляхъ на босу-ногу... на мнѣ, вонъ, смотри, нѣтъ ничего и этого...

— Между своими что за форма! съ улыбкой произнесъ Петръ Сергѣевичъ, замѣтивъ немногосложный костюмъ кума.—Ты этакъ только тово... придерживай полу.

— Здѣсь вѣдь никого нѣтъ,—небрежно проговорилъ Сочновъ, —только вотъ однѣ дѣвки...

— Эй! Палашка! Палгунька! поди сюда, бестія? закричалъ потомъ Сочновъ, вставясь въ дверь бесѣдки, какъ въ узкую рамку, и ничуть не думая придерживать полу...

Дѣвушка, невдалекѣ щипавшая смородину, приподнялась изъ за кустовъ, одернула подобранное къ поясу платье, поправила на шеѣ платокъ, пригладила на головѣ порастепавшіеся волосы и вошла въ бесѣдку.

— Поди,—приказывалъ ей баринъ,—скажи барынѣ, Марьѣ Поликарповнѣ, чтобы она выдала водки и всего прочаго, что слѣдуетъ... Да погоди! куда ты торопишься? зуда что ли у тебя въ ногахъ-то?... Скажи барынѣ, что кумъ, молъ, пріѣхалъ... да не тотъ—что дрянь, выжига... а кумъ, Петръ Сергѣевичъ... такъ и скажи ей,—слышишь?... вонъ, молъ, и лошади стоятъ, хоть сами посмотрите. Ступай! да скажи же ей, что кумъ, молъ, Петръ Сергѣевичъ. Живо же у меня! прикрикнулъ онъ вслѣдъ дѣвушки.

— Экая дѣвка! пострѣлъ—да и все тутъ! обратясь къ Петру Сергѣевичу, лукаво проговорилъ Сочновъ, зная *слабость* кума.

— Хорошая дѣвка, произнесъ этотъ, стараясь не глядѣть въ лицо Сочнову, который не переставалъ чему то хитро ухмыляться.

— А что, кумъ, не переуступишь ли ты мнѣ ее? помолчавъ, прибавилъ Петръ Сергѣевичъ.

— Палашку то? спрашивалъ Сочновъ, прищуривъ одинъ глазъ.

— Да.

— Почему не переуступить! У меня ничего нѣтъ завѣтнаго: я все продамъ, что хошь... хоть бы даже и жену... да только, жалко, никто не купитъ—товаръ то дрянь!...

Сочновъ весело засмѣялся.

Въ это время Палашка принесла водку и закуску.

— Прошу покорно! сказалъ хозяинъ, наливъ рюмки и съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ потирая свои руки.

Потомъ, взявъ одну изъ рюмокъ, которая была побольше, плеснулъ ее въ свой огромный ротъ.

Петръ Сергѣевичъ тоже выпилъ.

— Преотличная-съ штука—водка! съ наслажденіемъ проговорилъ Сочновъ, нюхая корочку хлѣба.

— Д-да,—подтвердилъ гость, закусывая икрой.

— И преполезная-съ! я вамъ доложу, прибавилъ хозяинъ, снова наливая рюмки.—Прошу покорно!

— Очень часто,—безъ особеннаго недоумѣнія, зная обычай кума, произнесъ Петръ Сергѣевичъ.

— Часто! съ изумленіемъ воскликнулъ Сочновъ:—что за часто? Мы еще первый пріемъ дѣлаемъ... Вотъ какъ заложимъ рюмочки по три—и можно будетъ четверть часика посидѣть, поговорить и все такое...

Выпили еще. Затѣмъ, сообщили другъ другу много разныхъ новостей, изъ которыхъ бо́льшая часть пала на долю Сочнова, который имѣлъ очень злой языкъ и замѣчательную способность—дѣлать изъ мухи слона. Петръ Сергѣевичъ говорилъ и слушалъ разсѣянно: его мысли исключительно были заняты Палашей.

— А что, кумъ, много ли ты бы взялъ за Палашку то? наконецъ спросилъ онъ кума, вертя въ рукахъ и со вниманіемъ разсматривая пустую рюмку.

Сочновъ разомъ смекнулъ, что въ этомъ дѣлѣ можно порядочно понажиться, и потому отвѣчалъ, не торопясь:

— Да что... много ли съ тебя, по родному и по сосѣдски, взять то?

— Сколько знаешь.

— Боюсь, тебя бы, кумъ, не обидѣть, да чтобы и себя не околпачить... Дѣвка то вѣдь очень хороша... мнѣ за нее давалъ, правда, богатый мужикъ изъ казенныхъ двѣсти... да-а что-о?

Сочновъ прилгнулъ, по обыкновенію.

— Ну, такъ много ли? говори! спросилъ Петръ Сергѣевичъ.

— Изволь, только съ тебя, ей Богу, только — что ты мнѣ кумъ, триста рублей возьму.

— Какъ это триста?

— Такъ—триста.

— Ассигнаціями?

— Кто жъ нынче считаетъ асигнаціями!

— Такъ неужели серебромъ? съ удивленіемъ воскликнулъ Петръ Сергѣевичъ, широко раскрывъ глаза и разинувъ ротъ.

— Разумѣется, спокойно произнесъ Сочновъ.

— Боишься ли Бога, кумъ! горячо проговорилъ гость.

— За этакую дѣвку,—еще горячѣе подхватилъ хозяинъ,—да не взять трехсотъ цѣлковыхъ!... чортъ возми!.. да это надо съ ума сойти!... это дешевле пареной рѣпы!...Вѣдь я ее не въ работу прочу,—помолчавъ, прибавилъ онъ спокойнѣе и съ двусмысленной улыбкой.

— Но это все равно,—убѣдительно произнесъ Петръ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, кумъ, не все равно,—резонно возразилъ Сочновъ: казенные то, поди-ко, какъ бьются въ невѣстахъ то?—Другой разъ—нѣтъ, ни почемъ нѣтъ... Выскочитъ эдакъ какой нибудь богатенькій—понравится сыну—и дастъ, слова не говоря, четыреста... ей Богу, дастъ!... Мы знаемъ свое дѣло... я ужъ не одну дѣвку продалъ и вымѣнялъ... Мужику нужна жена, не то что нашему брату...

— Да и я для мужичка же... Знаешь у меня Степана Коряваго, что еще въ городѣ по зимамъ грущей и сбитнемъ торгуетъ? вотъ для его сына...

— Это твое, кумъ, дѣло,—съ лукавой усмѣшкой перебилъ Сочновъ: только я меньше не возьму.

Петръ Сергѣевичъ задумался.

— Ну, давай мѣняться! помолчавъ, сказалъ онъ.

— На что же мы будемъ мѣняться? спросилъ Сочновъ, долго подумавъ.

— На что́ хочешь,—съ готовностію отозвался тотъ.

— Пожалуй, давай мѣняться,—согласился Сочновъ: ты мнѣ дай кобеля Шугая, да свинью и борова крупной породы, что ты недавно выписалъ... я давно сбираюсь развести эту знатную породу свиней... да еще придачи полтораста рублей серебромъ деньгами... и я тебѣ Палашку уступлю...

— Нѣтъ, кумъ, такъ не пойдетъ!—если хочешь, такъ возьми вотъ какъ: пару свиней, суку Ласточку и сто рублей.

— Нѣтъ, какъ сказалъ.

— Да ты самъ посуди: свиньи то вѣдь какой знатной породы! здѣсь этакихъ ни у кого нѣтъ... опять сука Ласточка—славная собака... ну, и сто рублей—деньги!...

— Ужъ полно, давай, какъ я сказалъ.

— Нѣтъ, такъ не пойдетъ.

— Ну, пусть Шугай остается у тебя. Ты мнѣ дай Ласточку, свиней и полтораста цѣлковыхъ—и Палашка твоя... Ужъ меньше я ничего не возьму, хоть убей!

— Такъ и не возьмешь?

— Такъ и не возьму!

— Этакой кремень, подумаешь... Ну, нечего съ тобой дѣлать —по рукамъ!

— По рукамъ, такъ по рукамъ: я согласенъ. Дешево, кумъ, я тебѣ отдалъ... ну, да по крайней мѣрѣ, доставайся жъ человѣку—и то надо сказать...

Ударили по рукамъ, причемъ порядкомъ выпили.

— Вотъ тебѣ деньги,—сказалъ покупщикъ, отдавая продавцу три сѣренькихъ бумажки,—а свиней и собаку я пришлю тебѣ завтра.

— Ладно. А это что у тебя? спросилъ Сочновъ, увидавъ въ рукахъ гостя большой пакетъ.

— Вѣдомости. Съ почты взялъ въ городѣ.

— Что новаго въ нихъ?

— Да еще не знаю: всѣ не просматривалъ. Дорогой кое-что прочелъ въ нихъ... О запрещеніи торговли неграми все толкуютъ за границей-то... Пустяки!..

— А я такъ ничего не читаю...все это вздоръ!—Богъ избавилъ меня отъ этого...

— Чрезъ три дня,—сказалъ Петръ Сергѣевичъ, прощаясь съ кумомъ,—я пришлю подводу за Палашкой—и ты отпусти ее.

— Съ хлѣбомъ солью и съ подобающей честью! насмѣшливо проговорилъ Сочновъ, обнимая кума своими просторными объятьями, и они разстались.

Дорогой Петръ Сергѣевичъ подумалъ было, что дорого далъ куму за Палашу.

— Ну... да чортъ съ нимъ!.. ѣшь, собака!—сказалъ онъ про себя, махнулъ рукой и плюнулъ.

Нужно было какъ-нибудь отдѣлаться отъ Маши. Объ этомъ, впрочемъ, Петръ Сергѣевичъ и думать много не хотѣлъ: онъ ужъ рѣшился выдать ее за Степанова сына—вотъ и все. Препятствій, разумѣется, не могло встрѣтиться ни откуда.

Возвратясь домой, Петръ Сергѣевичъ на другой-же день утромъ послалъ за Степаномъ Корявымъ, и когда тотъ явился предъ его барскія, свѣтлыя очи, ласково и весело сказалъ ему:

— Ну Степанъ, надо затѣвать свадьбу!

— Добро-бы такъ,—проговорилъ Степанъ, почесавъ въ затылкѣ и еще гдѣ-то,—добро-бы такъ, батюшка баринъ.

— Да братъ, надо.

— Надо-ть то надо-ть...да дѣло-то за небольшимъ стало—за невѣстой!

— И невѣста, братъ, есть.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ за ваши милости...Степанъ поежился и замолчалъ.

— Невѣста есть,—подтвердилъ баринъ, смотря на носки своихъ сапоговъ.

— Желательно-бы знать, батюшка-баринъ, то-исъ...кто она? —запинаясь, робко спросилъ Степанъ.

— Дѣвушка...и дѣвушка хорошая...изъ моей дворни...Машу знаешь?

Степана покоробило.

— Знать-то знаемъ-съ...оно точно... да тово...какъ оно.... почесывая въ затылкѣ, уныло пробормоталъ онъ.

— Что тово? строго спросилъ баринъ.

— Не работящая она-то...для хресьянина-то не способная...

— Вздоръ! самъ не знаешь, что мелешь, дуракъ! сердито прикрикнулъ баринъ.—Ты у меня,—мягче прибавилъ онъ,—ка-

жется, просилъ лѣсу на сарай да омшаникъ? Такъ возьми, сколько тебѣ надо: я велю полѣсовщикамъ отвезти...

— Покорно благодаримъ-съ...началъ-было Степанъ.

— Ну ступай, готовься къ свадьбѣ!—перебилъ его баринъ, махнувъ ему рукой, въ знакъ того, что баринъ съ нимъ больше ничего не желаетъ говорить.

Степанъ опять почесалъ въ затылкѣ, постоялъ немного въ раздумьи, помялся съ ноги на ногу, потомъ, молча, поклонился барину и вышелъ отъ него, уныло понуривъ голову.

А что было съ бѣдной Машей, когда ей сообщили эту горестную, неожиданную новость?—этого никто не видалъ и не зналъ. Видѣла только одна ситцевая подушка, смоченная обильными слезами; да знала только полная грудь, надорванная до судорожной боли отчаянными рыданіями.

Отъ довольной и опрятной жизни, Маша вдругъ очутилась лицомъ къ лицу съ тяжелымъ трудомъ и лишеніями, съ малыми заботами и сознаніемъ своего безотраднаго положенія, съ грязнымъ неряшествомъ, съ угрюмымъ лицомъ свекра и злой бранью свекрови и, наконецъ, съ звѣрской угрозой, попреками бариномъ и страшнымъ кулакомъ своего мужа.

Въ означенный Петромъ Сергѣевичемъ день въ усадьбу Сочнова пріѣхала подвода за Палашей. Палашу баринъ отпустилъ отъ себя почти-что въ чемъ мать родила, убѣдясь вѣроятной догадкой, что ей *тамъ* не понадобится *холопское гунетье*, о чемъ онъ при сборахъ нѣсколько разъ подтверждалъ.

— Такъ, что-нибудь дайте ей,—говорилъ онъ,—только прикрыться мало мальски...Тамъ вѣдь эта дрянь ей не понадобится, тамъ ее въ шелкъ и бархатъ нарядятъ!...

Когда уже Палаша сидѣла въ кибиткѣ, на козла которой, подобравъ возжи, не торопясь, взлѣзалъ бородатый кучеръ, баринъ Сочновъ, стоя на крыльцѣ, сказалъ съ ѣдко-насмѣшливой улыбкой, обращаясь къ Палашѣ:

— Палагея Павловна! когда будешь во-времени, тогда и насъ вспомни!...

Кучеръ тронулъ возжами, махнулъ кнутомъ, крикнулъ—и кибитка покатилась со двора.

— Дитятко ты мое милое! вдругъ раздался изступленный вопль на дворѣ и, вслѣдъ затѣмъ, послышались истерическія рыданія.

— Возьмите эту старую скотину!—грозно закричалъ баринъ своимъ людямъ, указывая на отчаянно рыдавшую мать Палаши.

— Что ты старая хрычевка, разнѣжилась!—взявъ подъ руку старуху и силясь увести ее, проговорилъ одинъ изъ дворовыхъ:— пойдемъ!...плачь не плачь—ничего не прибудетъ—дочки не воротишь...Вѣстимо: барская воля!...

Собравшаяся для такого важнаго событія дворня, вышла всей гурьбой за ворота, проводила глазами кибитку до тѣхъ поръ, пока та скрылась изъ вида, и потомъ разошлась по своимъ конурамъ, разсуждая такъ и этакъ о *будущемъ* Палаши...

— Барская воля! заключили, наконецъ, дворовые люди.

8.

Полиція и общество.

(Разсказъ.)

Проѣзжали какія-то значительныя лица. Передъ зданіемъ, которое они заняли, по обыкновенію, собралась многочисленная толпа, жаждавшая поглядѣть на рѣдкихъ гостей. Полицейскіе, безъ сомнѣнія, были тутъ-же и хлопотали изо всѣхъ силъ о порядкѣ...

Народъ не только занялъ тротуары, но захватилъ и часть улицы. Это особенно взбудоражило одного частнаго пристава. Онъ то и дѣло кричалъ:

— Осадите, господа, осадите... Я прошу васъ... Подайтесь назадъ...

Податься рѣшительно было невозможно: толпа людей сплачивалась въ такую тѣсную массу, что буквально не куда было бросить яблока; да притомъ — для проѣзда по улицѣ оставалось очень достаточно мѣста... Со всѣмъ тѣмъ, усердный частный не унимался и, видя, что слова не дѣйствуютъ, пустилъ въ ходъ свои расторопныя длани...

— Я васъ просилъ не напирать впередъ... вѣжливо... деликатно я васъ просилъ, но вы не слушаетесь и выдвигаетесь на самую улицу... Извините, если я начну дѣйствовать рѣшительнѣе... Подайтесь!

Съ этимъ словомъ частный нецеремонно прикоснулся руками до какого-то господина. Господинъ одѣтъ былъ прилично, въ круглой шляпѣ, элегантныхъ перчаткахъ, съ увѣсистою тростью въ

рукѣ и глядѣлъ съ чувствомъ особеннаго достоинства въ стеклышко, которое помѣстилъ у праваго глаза...

— Не марайте меня, господинъ частный, своими руками— возгласилъ онъ громко и выразительно.

— Что это значитъ, милостивый государь? — отозвался смѣшавшійся частный; развѣ у меня руки *тово*?

— Очень можетъ быть, что *тово*...

Въ толпѣ раздался дружный хохотъ. Частный еще болѣе сконфузился и, не зная, чѣмъ кончить съ франтомъ, глядѣвшимъ очень самоувѣренно, схватилъ проворно за волосы маячившаго тутъ же какого-то мальчишку:

— Сволочь! Прочь! И ты еще сюда же съ неумытымъ рыломъ...

Онъ отогналъ мальчика и самъ перешелъ на другую сторону, гдѣ точно также началъ устроивать порядокъ... Впрочемъ, здѣсь онъ еще болѣе выходилъ изъ себя, страшно озлобленный афронтомъ приличнаго господина...

— Подайтесь назадъ!—кричалъ онъ неистово...

Но видно не наученный первымъ урокомъ, онъ и здѣсь привязался къ какому-то господину, глядѣвшему также съ достоинствомъ, хотя и не сквозь стеклышко и не такъ франтовски одѣтому...

— Вы, какъ я замѣчаю, благовоспитанный человѣкъ, однако, на ряду съ чернію, лезете впередъ; отодвиньтесь...

— Куда прикажете? Назади меня тысяча душъ... стоятъ стѣною, которую подвинуть я рѣшительно не въ силахъ, да и не куда: тротуаръ оканчивается у самой рѣки и отдѣляется отъ нея желѣзною рѣшеткою...

— А я васъ прошу, все таки подайтесь...

— Не могу...

— А, не можете? закричалъ частный и оборотился къ городовому:

— Эй, возьми этого барина, коли онъ не слушается,—и перебрось черезъ толпу въ воду...

Городовой сдѣлалъ движеніе. «Благовоспитанный человѣкъ» покрылся краскою отъ негодованія.

— Г. частный! Это на какомъ основаніи вы приказываете вашимъ городовымъ топить людей въ рѣкѣ?

Въ толпѣ поднялся ропотъ, поддержавшій протестъ благово-

снитаннаго господина. Частный бросилъ вдоль напиравшаго народа свирѣпые взгляды и опять закричалъ городовому:

— Коли этому господину не нравится покупаться въ рѣкѣ, такъ сведи его, братецъ, въ первую часть—чтобы не говорилъ дерзостей...

Благовоспитанный господинъ хотѣлъ опять что-то возражать, но частный уже не сталъ болѣе слушать и понукалъ городоваго:

— Бери, бери его... не церемонься... Позови еще будочника...

Городовой и позванный на помощь будочникъ подступились точно безъ всякой церемоніи. Благовоспитанный господинъ еще разъ обратился къ частному:

— Да скажите на милость,—за что именно и по какому праву вы приказываете взять меня въ полицію?

Частный твердилъ свое:

— Берите его, берите... тащите... послѣ уже будемъ съ нимъ разговаривать...

Городовой и будочникъ развернули десницы свои.

— Пожалуйте, ваше благородіе.

Они намѣривались взять его подъ руки. Благовоспитанный человѣкъ, какъ ни сознавалъ себя правымъ, но и то подумалъ: «обуха плетью не перешибешь.» Онъ тоскливымъ взглядомъ обвелъ сосѣдей, которые съ жадностью слѣдили за всей этой сценой, и почувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи...

— Хорошо, сказалъ онъ съ напряженною твердостію,—я самъ пойду... не прикасайтесь ко мнѣ...

Онъ сдѣлалъ впередъ два шага, полицейскіе приняли положеніе ассистентовъ и тронулись вмѣстѣ съ нимъ.

Вдругъ въ толпѣ раздался чей-то звонкій голосъ:

— Господа! мы были свидѣтелями, какъ все это происходило и съ чего началось. Г. частный не имѣлъ никакого права приказывать городовому, чтобы тотъ бросалъ людей въ воду. Богъ знаетъ, что могутъ сдѣлать съ этимъ человѣкомъ? могутъ обвинить его въ ослушаніи полицейской власти, въ нанесеніи оскорбленія одному изъ представителей ея въ моментъ исполненія имъ своихъ обязанностей... И сколько непріятностей переиспытаетъ онъ, и безъ того уже сильно скомпрометированный взятіемъ въ полицію, ни за что́, ни про что́,—передъ всею публикою... Господа! пойдемте вмѣстѣ съ нимъ и сдѣлаемъ по совѣсти пока-

заніе, въ защиту истины дѣла и пусть настоящимъ порядкомъ разберутъ, кто виноватъ, кто правъ...

— Пойдемъ! пойдемъ! раздались голоса смѣльчаковъ; но одни изъ нихъ вовсе не тронулись съ мѣста; другіе, прокричавъ, сей часъ же подались назадъ или отпрыгнули въ сторону и смѣшались въ толпѣ; былъ и такой, котораго жена придержала за полу:

— Куда къ чорту! очень нужно! лучше стой, да смотри на церемонію...

Впрочемъ, четыре человѣка отдѣлились твердымъ шагомъ отъ толпы и пошли въ полицію вслѣдъ за «благовоспитаннымъ господиномъ, который шествовалъ туда въ сопровожденіи городоваго и будочника. Смѣльчаки эти шибко и съ жаромъ разсуждали о томъ, что надо защитить человѣка, невинно попавшаго въ руки полиціи. Какъ вдругъ, на дорогѣ, одинъ изъ нихъ сдѣлалъ жестъ, будто хотѣлъ изо всей силы ляснуть себя ладовью по лбу:

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ онъ: я и забылъ, что мнѣ ровно черезъ полчаса надо быть непремѣнно въ судѣ... непремѣнно,—иначе я могу проиграть свое дѣло. Извините, господа, что не могу слѣдовать съ вами... Да вѣдь, впрочемъ, все равно васъ трое и вы люди, какъ видно, такіе все достойные уваженія. Значитъ, очень достаточно будетъ и однихъ вашихъ показаній.

Онъ схватился рукою подъ козырекъ, очень вѣжливо раскланялся и бросился проворно въ сторону, а потомъ, умѣривъ шаги поворотилъ назадъ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ на прежнемъ мѣстѣ въ толпѣ, жаждавшей лицезрѣнія значительныхъ особъ...

— Ну его—думалъ онъ: идти въ полицію... втягиваться самому въ непріятныя столкновенія съ нею... терять время... Да притомъ, кто знаетъ: можетъ быть, я самъ буду имѣть надобность къ этому частному, противъ котораго думалъ свидѣтельствовать...

Почти также раздумывалъ и еще одинъ его товарищъ по смѣлости:

— Гм! вѣдь я на службѣ. Полиція по этому дѣлу станетъ сноситься съ моимъ начальствомъ. Начальство какъ
«Какіе тамъ—скажетъ—у васъ дѣла съ полиціею? С
жетъ, отвлекаться отъ службы своей...

Онъ даже подосадовалъ больно на перваго, который предупредилъ его и успѣлъ увильнуть подъ такимъ ловкимъ предлогомъ, какъ срочная явка въ судъ. Онъ сталъ ломать голову, какъ бы удрать и самому, ради спокойствія души. Къ счастью его, попался на встрѣчу одинъ знакомый... онъ такъ и бросился къ нему:

— Здравствуй! здравствуй!... Извините, господа, сказалъ онъ своимъ спутникамъ: я на одну секунду! — и принялся усердно жать руку своему знакому, точно тотъ спасъ его отъ гибели...

— Представь, какой случай! Я это иду въ полицію... защищать человѣка, который взятъ туда совершенно невинно... по одной прихоти частнаго пристава... Какъ, право, много позволяютъ себѣ эти господа полицейскіе! Если мы не будемъ протестовать, чортъ знаетъ до чего можетъ дойти у насъ произволъ полиціи! Нѣтъ, этого никакъ допускать не слѣдуетъ... слушай, въ чемъ дѣло... Я тебѣ разскажу со всѣми подробностями...

И дѣйствительно, онъ не поскупился на подробности: затянулъ длиннѣйшую канитель—только поглядывалъ время отъ времени далеко ли ушли его товарищи. Канитель свою ту же секунду оборвалъ, едва они скрылись изъ виду...

— Ахъ, ужъ послѣ доскажу тебѣ—подхватилъ онъ знакомому даже съ нѣкоторымъ чувствомъ: послѣ... а теперь надо вотъ ихъ догонять... надо спасать этого бѣднаго человѣка, который того и гляди пострадаетъ совершенно невинно...

Но вмѣсто того, чтобы догонять товарищей, онъ повернулъ совсѣмъ въ другую сторону и, разумѣется, былъ очень доволенъ, что ускользнулъ...

Итакъ изъ четырехъ, теперь оставалось только двое. Конечно по закону, было бы достаточно и двоихъ: но только дѣло въ томъ, что и эти спасовали.

— Что же? воскликнулъ одинъ: нашъ товарищъ защитился (?) на улицѣ у знакомаго, да и остался съ нимъ. Видно, поминай, какъ звали...

— Да вѣдь насъ двое—проговорилъ другой тѣмъ съ большею твердостію, что замѣтилъ въ своемъ спутникѣ тоже немалое желаніе увильнуть: будетъ достаточно и нашихъ показаній...

— Да помилуйте вы меня! Я вѣдь не за этимъ пошелъ... Я только въ качествѣ наблюдателя... Я занимаюсь кое чѣмъ по литературѣ... Я это все наблюдаю... изучаю наше общество во

всѣхъ его проявленіяхъ... Меня очень заинтересовалъ фактъ, что вы и ваши товарищи вызвались такъ смѣло постоять за истину дѣла, за правоту человѣка, невинно взятаго полиціей. Меня это очень заняло! Какъ хотите,—съ вашей стороны это было въ высшей степени благородно... Я хотѣлъ заявить въ газетахъ этотъ фактъ, какъ явленіе весьма отрадное и живо характеризующее теперешнее наше общество... Я уже, идя по дорогѣ, обдумывалъ первыя тезы статьи моей... какъ вдругъ—вотъ чѣмъ оканчивается протестъ вашъ, господа: разбѣжались... Вотъ каково общество наше...

Ораторъ остановился (въ рѣшительномъ намѣреніи не идти дальше) и размахался широко руками. Спутникъ его тоже сталъ на одномъ мѣстѣ, будто приросъ и выказалъ усерднѣйшее вниманіе къ словамъ оратора, котораго, конечно, понялъ хорошо...

— Возьмите же теперь мое положеніе—заговорилъ онъ къ наблюдателю: Я остаюсь, значитъ, одинъ, и по закону, показаніе одного не есть обязательное свидѣтельство... Не такъ-ли?

Между тѣмъ, какъ они пустились въ длинныя разсужденія, предметъ ихъ отстаиванія и защиты, влекся впередъ, въ сопровожденіи непріязненныхъ стражей, и все оглядывался, думая, что защитники его остановились съ цѣлію посовѣтоваться и условиться, какъ лучше повести его дѣло... Но совсѣмъ не то...

Защитники ораторствовали по прежнему:

— Впрочемъ — говоритъ наблюдатель — я все таки заявляю этотъ фактъ въ газетахъ—но только проведу уже другую точку зрѣнія... Я теперь разгромлю наше робкое, ничтожное общество...

— Но—возразилъ товарищъ—если вы, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, хотите быть справедливымъ, то вы должны упомянуть въ вашей статьѣ обо мнѣ... Я вѣдь не отказываюсь—не улепетываю...но я оставленъ другими. А одинъ въ полѣ не воинъ... Вы должны упомянуть, что въ обществѣ и попадаются отдѣльныя энергическія личности, готовыя во имя своихъ убѣжденій, съ полнымъ самоотверженіемъ идти до конца дѣла, но что онѣ на полпути покидаются своими товарищами, не нах никакой поддержки и поневолѣ должны пасовать...

— Да, да, конечно... Я это все разовью въ своей с будьте увѣрены...

Они подали другъ другу руку и зашли вмѣст

павшійся ресторанъ—почитать газеты, а между тѣмъ—выпить и закусить.

Мы бы еще добавили о томъ, что именно сталось съ господиномъ, взятымъ въ полицію; но настояще не знаемъ. Впрочемъ, каждый можетъ легко самъ себѣ представить по аналогіи съ подобными же случаями, бывающими у насъ сплошь да рядомъ...

9.

Разсказъ мужика про Китай.

— Слышь ты, братецъ, какую я нонѣ штуку слышалъ про Китай?

— Какую?

— А вотъ какую. Стою я это съ яблоками около Охотнаго, идутъ какіе-то два барина, повстрѣчались и остановились около меня. «Слышалъ ты, говоритъ одинъ другому, что въ Китаѣ случилось?»—«Нѣтъ, говоритъ тотъ,—не слыхалъ; что такое?»

— У начальника Китая, Хонъ-Тинъ-Кингъ, нашли множество индѣйскихъ часовъ съ мѣхами и кольцами».—«Значитъ, ему теперь не до сиѣха, сказалъ другой:—говорятъ, самъ сидитъ въ клоповникѣ.» Вотъ такимъ образомъ они потолковали и разошлись. Что за чудо? думалъ я, ужъ какихъ на свѣтѣ нѣтъ рѣдкостей, а часовъ съ мѣхами и съ кольцами не слыхать; должно быть, это, какъ есть, китайская штука. Гляжу, одинъ баринъ скорехонько идетъ назадъ, остановился и сталъ торговать у меня яблоки; вижу, баринъ ласковый такой, я и спроси его: «А что, ваша милость, вотъ даве вы говорили, что въ Китаѣ нашли какіе-то часы съ мѣхами, то по моему мужицкому разуму въ толкъ не возьму, что бы это такое значило. Разскажите, ваша милость, ужъ очень мнѣ это любопытно знать».—«Изволь, братецъ, говоритъ, разскажу. Ты, говоритъ, чай слыхалъ, что есть городъ Китай?» «Какъ молъ не слыхать, сударь!—слышалъ».—«Такъ вотъ видишь: въ этомъ Китаѣ городѣ былъ начальникъ, прозывался онъ Хонъ-Тинъ-Кингъ и такой былъ дока, что каждаго вора какъ роднаго брата зналъ. У него

заведено было такъ: кто что украдетъ, неси къ нему,—найдется хозяинъ—отдастъ и благодарность получитъ; не отыщется—такъ тому дѣлу и быть. Вотъ у одного нѣмца украли мѣха; приходитъ онъ къ Хонъ-Тинъ-Кингу; отыщи, говоритъ, сдѣлай милость; а тотъ говоритъ: дай пять тысячъ,—отыщу, а то и рукъ марать не стану. Взвылъ нѣмецъ да такъ и пошелъ, пошелъ да и напалъ на отставнаго вора: «Не отыщешь ли?» говоритъ. — «Отыщу дай тысячу.»—«Дамъ», и—отыскалъ. Мѣха-то хранились у злаго китайца давно на сторонѣ, а онъ только нѣмца нажималъ. Вотъ нѣмецъ, поди да и разскажи это самому старшему начальнику; тотъ позвалъ китайца и спрашиваетъ: «Отыскалъ мѣха?»— «Нѣтъ, говоритъ, и отыскать нельзя.» А тотъ китаецъ, у котораго были мѣха-то на сбереженіи, сидѣлъ за дверью.—«Подика ты сюда!» крикнулъ начальникъ. Тотъ пришелъ. «У тебя мѣха?»—«У меня.»—«Гдѣ взялъ?»—«Хонъ-Тинъ-Кингъ далъ.»— «Ну, говоритъ начальникъ Хонъ-Тинъ-Кингу, — я лучше тебя отыскиваю; ты, говоритъ, тутъ посиди, а я поищу еще кой-чего.» Послалъ къ нему, къ Хонъ-Тинъ-Кингу-то въ домъ. И нашли тамъ больше ста часовъ да мѣрку колецъ. Вотъ тебѣ, братецъ, и разгадка, почему называется эта исторія часы съ мѣхами и кольцами.»—«Да почему же, сударь, вы изволили давеча сказать, что не то кольцы, не то часы были индѣйскіе какіе-то?»— «А это, братецъ, потому, что давно тому назадъ была другая исторія: залетѣлъ въ Китай индѣйскій пѣтухъ, а китайцы его взяли да и выпотрошили. Такъ разсказываютъ, что когда его потрошили, такъ изъ него такъ и сыпались и деньги, и часы, и кольца, и драгоцѣнные камни.» Вотъ разсказалъ онъ мнѣ этакіе чудеса и ушелъ. Что такія, думаю, за исторіи бываютъ на свѣтѣ? Вѣдь поди ты: распотрошишь индюка и получишь богатство,—чудо да и только! Али опять въ одинъ часъ сто часовъ, али мѣрку колецъ, нашли. Какъ ушелъ баринъ-то, такъ мнѣ и пришло на память, что забылъ я его еще поспросить, что такое молъ, сударь, значитъ клоповникъ,—да идетъ знакомый хожалый, взялъ съ лотка яблоко и сталъ ѣсть, а я ему говорю: А что молъ, Карпъ Силычъ, вы не изволите знать, что такое клоповникъ? «Посмотрѣлъ онъ на меня этакъ искоса, поперхнулся яблокомъ и покраснѣлъ какъ свекла». — «А про китайскаго хана Хонъ-Тинъ-Кинга ничего слышать не изволили?»

говорю я. «Молчи, чертова ступа!» крикнулъ на меня Силычъ и ни за что ни про что принялся хлестать извощика. Вижу, разсердился, я и отсталъ; что, думаю, вѣдь это не то что баринъ—это человѣкъ необразованный—ничего не знаетъ.

10.

Два вечера на дачѣ.

I.

Прошлаго года, около послѣднихъ чиселъ августа, вечеромъ въ восьмомъ часу, на уставленную цвѣтами террасу одной весьма приличной дачи, входилъ молодой человѣкъ, который съ парохода только что пріѣхалъ изъ города.

Молодой человѣкъ доводился племянникомъ отставному генералу Кануперскому, и въ эту самую минуту, какъ мы видимъ его на террасѣ, онъ пробирается къ своему почтеннѣйшему дядюшкѣ. Этотъ-то почтеннѣйшій дядюшка, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, и былъ обитателемъ хорошенькой дачи, окна которой, изъ-за мягкой курчавой зелени и изъ-за рядовъ разноцвѣтныхъ георгинъ, прямо выглядывали на свѣтлую Неву.

Молодой человѣкъ очень рѣдко посѣщалъ генерала, ибо ни онъ въ генералѣ, ни генералъ въ немъ особенно не нуждались, и при томъ же особа дядюшки была хотя и почтенная, но довольно скучная особа, общество которой едва ли могло кому либо доставить ощутительное удовольствіе. На этотъ разъ молодой человѣкъ засталъ все семейство за чайнымъ столомъ въ глубинѣ террасы, гдѣ оно пріютилось весьма уютно, прикрытое отъ постороннихъ глазъ парусинными гардинами и зеленью дикаго винограда, гортензій и всякаго рода дачныхъ растеній. Чай пили «по дачному» т. е. довольно рано. Молодаго человѣка приняли полурадушно, какъ всегда принимаютъ родственниковъ особы ранга солиднаго. Одна только кузина его, дочь

генерала, хорошенькая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, дружески протянула ему руку. Генеральшѣ-тетушкѣ было почти не до пріемовъ: она вся ушла въ своего гостя, который сидѣлъ подлѣ нея. Наружность и костюмъ этого гостя—господина неопредѣленныхъ лѣтъ, изобличали въ немъ санктпетербургскаго джентльмена. Онъ довольно любезно и довольно не церемонно велъ какой-то, вѣроятно весьма интересный разговоръ со своею сосѣдкой, которая явно старалась ему нравиться. Можно было догадываться, что джентльменъ въ этомъ семействѣ долженъ быть тѣмъ, что называется ami de la maison. Генеральша вступала въ періодъ третьей молодости т. е. считала себя лѣтъ около сорока и смѣло могла носить имя belle femme. Дочь проглядывала еще сырой, неразрѣзанный нумеръ Современника и, казалось, вся была погружена въ интересъ новостей журнала. Одинъ генералъ сидѣлъ поодаль, надъ остывшимъ стаканомъ чаю, и угрюмо, сосредоточенно пускалъ благовонный дымъ изъ своего длиннаго чубука. При взглядѣ на сего почтеннаго старца, можно было почти сразу замѣтить, что онъ удрученъ бременемъ невыгодныхъ современныхъ обстоятельствъ, принадлежитъ къ числу «огорченныхъ» и даже въ семьѣ своей является какимъ-то пришибленнымъ, присмирѣвшимъ, словно бы онъ сконфузился чего, и конфузъ свой таитъ про себя. Присутствіе джентльмена было ему весьма не по сердцу, но онъ молча покорялся этому присутствію, старался не замѣчать ни разговора гостя, ни усиленнаго вниманія къ нему своей, во всѣхъ отношеніяхъ почтенной, супруги. Раза два только покосился онъ на дочь и въ особенности на синюю обвертку лежавшей у ней на колѣнахъ книжки; вздохнулъ про себя какимъ-то неопредѣленнымъ воздыханіемъ и продолжалъ хранить свое упорное молчаніе.

Перекинувшись нѣсколькими фразами съ кузиной, молодой человѣкъ, ради приличія, подсѣлъ къ уединенному генералу. Между тѣмъ чай кончился и генеральша-супруга, шумя своимъ шелковымъ платьемъ, спустилась съ лѣсенки и отправилась гулять по саду съ великолѣпнымъ джентльменомъ. Кузина, тоже покинувъ свое плетеное кресло у чайнаго стола, помѣстилась съ книгою на нижней ступенькѣ террасы,—генералъ съ племянникомъ остались одни. Разговоръ между ними какъ-то не клеился, хотя старику и хотѣлось бы придраться къ какому нибудь поводу, чтобы излить хоть часть удручавшихъ его голову и душу огор-

ченныхъ ощущеній и мыслей. Молчаніе, наконецъ, пришло къ тому, что и у того и у другаго, и какъ-то невольно, созналась потребность хотя бы чѣмъ нибудь нарушить его.

И молодой человѣкъ нарушилъ его первый, самымъ баналънымъ вопросомъ, какой обыкновенно въ этихъ случаяхъ подвертывается на выручку людямъ.

— Что подѣлываете, дядюшка?—спросилъ онъ, закуривая папиросу.

— А что мнѣ дѣлать?.. ничего не дѣлаю... курю вотъ... отвѣтилъ генералъ, пыхтя своей трубкой.—И выпустивъ клубъ дыма, примолвилъ, недовольно передергивая щетинистыми усами:—скучно, братъ!

— Скука болѣзнь, конечно, довольно тяжелая, но очень легко излечимая, замѣтилъ племянникъ.

— Излечимая! возразилъ генералъ. А чѣмъ прикажешь лечиться?

— Да мало-ли чѣмъ?.. Ну, хоть бы, напримѣръ, читать.

— Читать?.. Что же читать-то? ужъ не глупости ли, что́ вотъ она читаетъ?—спросилъ онъ съ затаенною желчью, кивнувъ взглядъ на свою дочь.—Нѣтъ-съ, ужъ это слуга покорный!.. Я было пробовалъ—такая гиль да дичь, что уши вянутъ—только кровь себѣ портишь, каждый разъ книгу бросишь... Я ужъ, батюшка, старъ, чтобъ натыкаться на оскорбленіе себѣ... У меня сѣдины!

— Помилуйте, дядюшка, кто же васъ тамъ оскорбляетъ?..

— Неуваженіе-съ, тонъ-съ—вотъ что оскорбляетъ!.. Эти насмѣшки надъ достойнымъ саномъ людей достойнѣйшихъ, непочтеніе къ сану... идеи тамъ какія-то, чортъ знаетъ что! Мы привыкли не къ этому, мы воспитывались не такъ — мы не забывались!..

— Но въ такомъ случаѣ, дядюшка, зачѣмъ же вы выписываете этотъ журналъ? съ невольною улыбкою спросилъ молодой человѣкъ.

— Не для себя, мой милый, мнѣ некчему!.. Это вотъ все эти! —пробормоталъ со вздохомъ и горечью генералъ, кивнувъ головою по направленію къ дочери и къ саду, гдѣ гуляла жена.

— Нынче ужъ дѣти умнѣе родителей стали; яйца курицу учатъ!—продолжалъ онъ съ какимъ-то оттѣнкомъ огорченной грусти. (Вообще надо замѣтить весь его разговоръ шелъ въ минорномъ тонѣ).—Я не понимаю, откуда все это? Кажется, воспита-

ны въ страхѣ Божіемъ, въ почтеніи,—нѣтъ! эти дурацкія ваши идеи, словно чума: въ окно врываются—не убережешься!.. Я ужъ говорилъ, говорилъ да и рукой махнулъ,—ничего не подѣлаешь; лучше отстраниться и молчать—ну ихъ! пусть себѣ какъ хотятъ! добра только въ этихъ чтеніяхъ мало!

— Ахъ, да!.. Папа, завтра «Грозу» даютъ; пошлите взять ложу,—проговорила молодая дѣвушка, отрываясь отъ книги.

— Зачѣмъ тебѣ, мой другъ, «Гроза»?—отозвался старикъ, *стараясь* сдѣлать свой тонъ помягче. Лучше посмотрѣть другую какую нибудь пьесу... а то что такое «Гроза»?

— Гроза хорошая пьеса, а я ее еще не видала,—возразила дочка.

— Да зачѣмъ тебѣ и видать ее?.. Для молодой дѣвушки это слишкомъ тривіально.

— Напротивъ, я ее читала и тривіальнаго ровно ничего не нашла,—настаивала между тѣмъ дѣвушка.

— Ну, дѣлайте себѣ какъ хотите!—со вздохомъ заключилъ онъ и опять желчно передернулъ щетинистыми усами.

— Хорошъ вѣкъ, нечего сказать, очень хорошъ!—продолжалъ онъ брюзжать себѣ подъ носъ, набивая новую трубку.—Молодая дѣвушка ѣдетъ смотрѣть безнравственную пьесу, а мать еще потакаетъ... тоже непрочь... Я не понимаю, за чѣмъ нынче смотрять и какъ допускаютъ на сцену подобныя мерзости!

— Вы видали ее?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Что это? пьесу-то? — Боже меня сохрани!.. Я слишкомъ уважаю себя, чтобъ смотрѣть разные пасквили... Я далъ себѣ слово, не ѣздить любоваться этими пошлостями. Этихъ бы всѣхъ сочинителей посѣчь хорошенько, да и актеровъ за одно — не играй, молъ! такъ вотъ и былъ бы порядокъ, и нравственность была бы!..

Племянникъ на это не возразилъ ничего: послѣдняя мораль была уже давно ему знакома.

— Я и на себя-то самаго дивлюсь, продолжалъ между тѣмъ дядюшка. Что это со мною-то нынче сталося?—бывало, полкъ солдатъ дрожитъ, буквально дрожитъ передъ однимъ взглядомъ, а тутъ дѣвчонка какая нибудь... баба какая нибудь, которая прежде бы пикнуть не смѣла... Что это за время-то стало? Нѣтъ, братецъ, скверно и скучно нынче жить на свѣтѣ, прибавилъ онъ,

обращаясь къ племяннику и качая головою, а ты еще говоришь, лечиться отъ скуки; чѣмъ тутъ лечиться?

— Ну, если вы не жалуете литературы, займитесь политикой, —возразилъ съ улыбкой молодой человѣкъ.

— По-ли-ти-кой? А какой политикой? Ужъ не этимъ ли вашимъ безмозглымъ прощалыгой Гарибальди? Что жь ты мнѣ прикажешь читать, какъ онъ замышляетъ анархію, безпорядки, замышляетъ бунтъ противу святыни, противу законныхъ династій?

— Но вѣдь онъ генералъ, дядюшка—возразилъ юноша, съ оттѣнкомъ чуть замѣтной ироніи.

— Генаралъ... какой онъ генералъ? Онъ бездѣльникъ, мазурикъ какой-то, который только порочитъ собой благородный санъ и генеральскій мундиръ... Генералъ!.. А знаетъ-ли генералъ рекрутскій уставъ о военной службѣ!.. я бы этого генерала во фронтъ поставилъ, а нѣтъ—такъ отдалъ бы его любому своему ефрейтору на одиночное ученье, да сперва тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема морилъ бы его по полусутокъ... а коли нечисто артикулъ дѣлаетъ—въ фухтеля его, каналью, въ фухтеля, безъ разсужденій!.. Такихъ-то генераловъ по закону бы слѣдовало сквозь строй да въ Сибирь въ арестантскія роты!.. Въ наше время такихъ молодцовъ мы не такъ усмиряли!.. Политика! Мнѣ ужъ и въ обществѣ, и въ разговорахъ-то вотъ она гдѣ сидитъ! На старости, нѣтъ иной разъ, поддакивать да потакать приходится къ духу времени, вишь, примѣняться да подлаживаться надо—будетъ съ насъ и этого!..

— Ну, если вамъ не по душѣ литература съ политикой, поѣзжайте въ имѣніе, займитесь агрономіей—предложилъ племянникъ, подтрунивая чуть замѣтно надъ дядюшкой. Но дядюшка или не замѣчалъ, или притворялся, что не замѣчаетъ этого, притворялся потому, что ощущалъ еще потребность изливать свое огорченіе. Ему, бѣдному, такъ рѣдко это удавалось: онъ все думалъ про-себя большею частію, такъ какъ не могъ найти сочувствія ни въ дочери, ни въ женѣ, занятой исключительно своимъ джентльменомъ.

— Былъ я въ имѣніи и не поѣду больше!—говорилъ онъ, все въ томъ же минорномъ тонѣ. Это уже не прежнее время—мы, вѣдь, ужъ нынче, поди-ка, и за баръ не считаемся... Ѣздилъ я туда, да только непріятностей набрался съ этими уставными граматами,

чертъ ихъ дери!.. И что за граматы—рѣшительно не понимаю!.. Я понять не могу!.. Мировые эти посредники тянутъ руку мужичья; рѣшительно никакого уваженія къ сану и къ лѣтамъ. Какой нибудь ничтожный секретаришка губернскій, съ позволенія сказать, говоритъ съ тобой, какъ съ равнымъ... Поддерживать, вишь ты, нужно ему обоюдные интересы!... А какіе тутъ интересы? Въ прежнее время—мнѣ подай положенный оброкъ, какой я назначу—и знать больше ничего не хочу; а нынче почти въ (половину?) противу прежняго получаю. Вѣдь ужъ это выходитъ посягательство на чужую собственность!

— Какія жъ у васъ тамъ вышли непріятности?—спросилъ племянникъ.

— Мужика хотѣлъ высичь.

— Ну, и что жъ?

— Не позволили. Это чортъ знаетъ что такое! меня, вдругъ, генералъ-маіора русской службы, ставятъ на одну доску съ какимъ нибудь мужикомъ, съ хамомъ, и разбираютъ, кто изъ насъ правъ, и кто виноватъ! Какой нибудь исправникъ, съ посредникомъ, какіе нибудь губернскіе секретари могутъ сѣчь, а я, генералъ, не могу!...

— Нынче уже не то время, дядюшка,—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Не то время... что такое время?... Нынче не время, а чортъ знаетъ что, хаосъ какой-то, анархія!—Вотъ что нынче!.. Жилъ, жилъ, считался умнымъ и полезнымъ человѣкомъ, отличія получилъ,—а теперь говорятъ тебѣ, убирайся, молъ, не нуженъ больше,—въ дураки, вишь, попалъ! А чѣмъ я не гожусь? Мы Польшу усмиряли! Мы Венгрію усмиряли! У меня солдаты на смотру лучше всего корпуса ходили. Они у меня духу моего боялись, взгляда одного трепетали; я понималъ что значитъ дисциплина и субординаціи; а теперь солдаты вишь нѣжные стали, барышни стали—такъ ужъ мы оказались не дамскими кавалерами! Да, мы не дамскіе кавалеры. Меня отецъ покойникъ отъ няньки сдалъ своему фельдфебелю—и тотъ былъ мой учитель, а нынче профессоровъ завели... Розогъ, вишь, дѣтямъ не нужно; ну, и будутъ ослы! Я самъ на себѣ перенесъ много розогъ, однако, благодареніе Богу, вышелъ человѣкомъ отъ этого, а не тряпкой...

— Откупъ теперь хотятъ уничтожать. —Зачѣмъ уничтожать от-

купъ, когда государству отъ откупа доходъ?.. Развѣ это умно?.. Нѣтъ, въ наше время было не то, а нынче...

Старикъ не докончилъ; онъ только махнулъ рукой и съ глубокимъ сокрушеніемъ покачалъ головою.

Вошла его супруга, въ сопровожденіи джентльмена, и разговоръ прекратился. Генералъ опять ушелъ въ свою улитку. Высказавъ все, что накипѣло у него на сердцѣ, онъ сдѣлался еще молчаливѣе, еще угрюмѣе, какъ будто сильнѣе почувствовалъ свое одиночество, свою очерненность и пришибленность, свое безсиліе и ничтожность.... Въ эту минуту онъ былъ вполнѣ ненужнымъ, вполнѣ лишнимъ человѣкомъ.

— Старое старѣется, молодое растетъ—подумалъ молодой человѣкъ и, взявшись за шляпу, распрощался съ семействомъ своего почтеннаго, но огорченнаго дядюшки.

Вечеръ былъ тихъ и тепелъ, и ясенъ. Закатъ горѣлъ ровною алою полосою, предвѣщая хорошіе теплые и свѣтлые дни...

II.

Та же самая дача съ бѣлыми маркизами, въ кудрявой зелени, тотъ же столъ на террасѣ, съ чайнымъ приборомъ, то же самое семейство генерала Кануперскаго, и самъ генералъ Кануперскій тутъ же, и племянникъ его, молодой человѣкъ, тутъ же, нѣтъ только великолѣпнаго джентльмена... Все то же, только время не то: дѣйствіе происходитъ годъ спустя, равно почти годъ, и въ концѣ августа же мѣсяца, нашего фальшиваго августа, т. е. ни болѣе, ни менѣе какъ на дняхъ.

Молодой человѣкъ почти годъ какъ не былъ у дядюшки и въ этотъ годъ онъ уже не узналъ ни дядюшку, ни его семейство—такъ они измѣнились!...

Гдѣ эта угрюмая скромность, гдѣ эта огорченная пришибленность, которая такъ связывала сего почтеннаго старца не далѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Перемѣна ли какая случилась въ его жизни, назначеніе какое получилъ онъ?—нѣтъ, ничего этого не бывало; дядюшка по прежнему генералъ въ отставкѣ, а между тѣмъ онъ смотритъ орломъ побѣдоноснымъ. Въ чертахъ лица его, какъ и во время оно, въ далекое оно время, опять появилась начальническая, гордая самоувѣренность и соколиная, дисциплинированная осанка. Станъ его выпрямился, плечи

приподняты, какъ бы подъ бременемъ тяжелыхъ эполетъ генеральскихъ, на устахъ играетъ улыбка и эта улыбка ясно говоритъ про сознаніе силы и власти. Словно бы для него настало прежнее его время, словно бы къ нему опять вернулась молодость. Такъ измѣнился дядюшка. Но измѣнилась и тетушка: тетушка запугана обстоятельствами, тетушка стала филантропкой, тетушка, наконецъ...кто бы могъ предвидѣть?...романы Дюма сына и «Мадамъ Бовари» Флобера замѣнила назидательною бесѣдой Аскоченскаго и съ усердіемъ читаетъ статьи подъ рубрикою «Кто поджигатели?» Этотъ же вопросъ не мало интересовалъ ее и въ Сѣверной пчелкѣ. Измѣнилась, наконецъ, дочка: она стала блѣднѣе, грустнѣй и молчаливѣе...

— Ну, что, племянничекъ, что подѣлывать изволите?—звучнымъ голосомъ отнесся генералъ къ молодому человѣку, видимо и довольно аляповато подтрунивая надъ нимъ.

— Ничего не дѣлаю...тоже, что и вы когда-то, отвѣтилъ племянникъ.

— Такъ, такъ!...Конечно, какъ намъ взяться за дѣло; намъ философствовать надо, соціальничать надо!...Небось скучаете?

— Веселиться нечему....

— Какъ!?... А вы же прописывали мнѣ рецепты для излеченія отъ скуки? Читайте молодой человѣкъ, читайте...

— Читать, дядюшка, нечего.

— Ну, какъ не найтись чтенію! Теперь, напротивъ, есть что почитать...Я и самъ теперь читаю?...

— Какъ?! Вы, вы, дядюшка, читаете? спросилъ удивленный племянникъ.

— Читаю-съ, племянничекъ, читаю-съ!....Вотъ видишь ли, сколько газетъ получаю и пчелку, и Наше время, и Домашнюю бесѣду, и Сынъ отечества и Сѣверную почту—вотъ сколько выписываю! Сталъ данникомъ литературы...Ты не читаешь Сына отечества?

— Избавленъ отъ этого удовольствія.

— Ну, напрасно!...Это журналъ хорошій: раньше всѣ извѣстія съ нашего запада получаетъ—это меня очень интересуетъ... Энергіи, энергіи побольше бы съ ними, мало еще энергіи въ тамошней политикѣ нашей, то-бы все хорошо было. Насъ бы послать туда, мы бы вспомнили старину, перевернули бы тотчасъ все посвойски! Ну-съ, а вы, мой милый племянничекъ,

прибавилъ генералъ, круто повернувшись на каблукахъ; что же вы думали держать-то на кандидата? кандидаты-то ваши—тю-тю!. Ха, ха, ха!...Нѣтъ-съ, мой милѣйшій, кабы вы въ полкъ да подъ мое начальство подпрапорщикомъ поступили, такъ съ васъ былъ бы прокъ, а теперь—философствуйте! Мы вотъ еще посмотримъ, какъ вы это у насъ пофилософствуете!..Я вотъ нынче и Русскій Вѣстникъ самъ выписываю. Прекрасный журналъ! благородный журналъ! Да нынче и на всю-то литературу любо дорого взглянуть! А почему?—потому что журналы-то всѣ показались (?) да на истинный путь пошли; потому и пріятно!

Въ это время человѣкъ подалъ только-что полученныя изъ города газеты.

— А! газеты! посмотримъ, что новаго изъ Италіи!.. Я вѣдь, братецъ, нынче и политикой занимаюсь, по вашему же совѣту, —говорилъ дядюшка, пробѣгая столбцы газеты, и вдругъ лицо его измѣнилось и мгновенно просіяло еще болѣе.

— Ба! закричалъ онъ восторженнымъ голосомъ; вотъ новость то! вотъ неожиданность!

— Что такое? спросили жена и племянникъ вмѣстѣ.

— А ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что Гарибальди взятъ въ плѣнъ полковникомъ такимъ-то и, конечно, ужъ навѣрное будетъ повѣшенъ! И подѣломъ: противъ святаго отца не бунтуй!.. О, этотъ Наполеонъ—это великій человѣкъ! Это единственный человѣкъ, въ котораго я всегда вѣровалъ! И вотъ у него намъ надо учиться! Но... позвольте... что же это такое?.. Гарибальди получилъ двѣ опасныя раны... Ай, ай, ай, это не совсѣмъ то хорошо: пожалуй онъ, этакъ, околѣетъ раньше военнаго суда надъ нимъ... Ну, да авось поторопятся!..

— Гарибальди раненъ и взятъ въ плѣнъ?—съ участіемъ спросила молодая дѣвушка.

— Да-съ! раненъ и взятъ въ плѣнъ—отвѣтилъ генералъ, стараясь повторить слова дочери съ видимымъ оттѣнкомъ колкости.—А вамъ, поди-ка, жалко его? Шляпки выйдутъ изъ моды?.. Вы, вѣдь, тоже принадлежите къ числу современныхъ героинь и поклонницъ его?.. Ха, ха, ха! Хороши героини!..

Дѣвушка молча поднялась, чтобы выйдти изъ комнаты.

— Ну, вотъ это и лучше!—подхватилъ генералъ, какъ бы въ отвѣтъ на ея движеніе. Вамъ вовсе не слѣдуетъ быть тамъ, гдѣ

говорятъ старшіе, и тѣмъ болѣе вмѣшиваться въ ихъ разговоры! Вы должны знать свои рукодѣлья!..

Но дочка уже не слыхала послѣднихъ словъ своего батюшки.

Генералъ, чрезвычайно довольный, набилъ новую трубку, вырвалъ листокъ изъ послѣдняго нумера «Современника» и употребилъ его на раскурку.

— Вотъ самое лучшее и полезное примѣненіе Теорій этого мудраго журнала, замѣтилъ онъ, обращаясь къ племяннику, видимо довольный своею выходкой. Онъ у меня нынче на эти надобности только и употребляется!

Въ это время вошли два старые пріятеля и сослуживца почтеннѣйшаго дядюшки, а нынѣ сосѣди его по дачѣ. И приходу двухъ этихъ лицъ обрадовался дядюшка несказанно.

— Ура, господа, ура! Новость! великая новость!—говорилъ онъ, весело потирая руки:—бунтовщикъ Гарибальди въ плѣну! Слыхали? Это событіе такъ меня обрадовало, что я даже намѣренъ отпраздновать его: нынче за ужиномъ, господа, мы съ вами разопьемъ бутылочку шампанскаго. Ура! торжествуй Екатерина! заключилъ онъ въ такомъ экстазѣ. Вотъ, когда наше время настало... Вотъ, когда я буду полезенъ!

Молодой человѣкъ тихонько взялъ шляпу и незамѣтно вышелъ изъ комнаты. Очутившись на террасѣ, онъ замѣтилъ тамъ свою кузину. Она тихо и неподвижно стояла у окна, прислонясь лбомъ къ самому стеклу, и глаза ея, безотвѣтно устремленные вдаль, были наполнены слезами.

— Вотъ, куда идетъ дѣло!.. подумалъ съ горечью и грустью молодой человѣкъ.—Видно мы безсильны!..

И подойдя къ кузинѣ, онъ молча и крѣпко пожалъ ея руку и спустился съ террасы.

Вечеръ былъ сыръ и холоденъ. Небо заволоклось тучами; начиналъ моросить дождикъ, обѣщая сѣверную, холодную и непривѣтную ночь...

11.

Замѣтки о Московской губерніи.

Троицкій посадъ.

Говорятъ, что застой свойственъ тѣмъ странамъ и мѣстностямъ, которыя, не пуская къ себѣ никого посторонняго, хотятъ жить исключительною, сосредоточенною жизнью. Какъ на доказательство этого мнѣнія обыкновенно указываютъ на Китай. Посмотрите на эту страну, говорятъ, она ранѣе всѣхъ другихъ странъ въ мірѣ достигла возможнаго развитія; въ ней, ранѣе чѣмъ гдѣ либо, начали процвѣтать науки, искусства, художества; она пользовалась такими изобрѣтеніями, которыя потомъ съ трудомъ, столѣтіями позже, сдѣлались извѣстными другимъ народамъ; и не смотря на это, вслѣдствіе своего отчужденія, вслѣдствіе своей замкнутости, Китай сдѣлался страной.. (?) и далеко отсталъ отъ другихъ государствъ. Если хотите, доводы эти довольно убѣдительны, но нельзя не сознаться также, что не одна замкнутость можетъ быть причиною застоя. Я не пойду за примѣромъ въ Азію, а возьму его въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, возьму мѣстность, хорошо извѣстную чуть ли не полъ Россіи. Кто не бывалъ въ Троицкомъ посадѣ, гдѣ десятки тысячъ богомольцевъ перебываютъ въ одно лѣто; кажется, трудно на Руси найти мѣсто, гдѣ бы столько и такъ часто смѣнялось населеніе. Между тѣмъ въ Троицѣ, какъ обыкновенно сокращенно называютъ посадъ, царствуетъ совершенный застой; вы можете пріѣхать туда черезъ

пять, десять лѣтъ, вы не найдете никакой перемѣны, кромѣ развѣ новыхъ ризъ на образахъ, да усилившейся полноты иноковъ и осиплости ихъ голосовъ. На это могутъ возражать, что троицкіе посѣтители пріѣзжаютъ сюда исключительно съ религіозною цѣлью и, слѣдовательно, уже по этому самому, лишены возможности имѣть вліяніе на развитіе края. Возраженіе это весьма легко опровергнуть; посѣтители, хотя и богомольцы, находятся въ постоянномъ общеніи съ посадскими жителями; наконецъ, само монашество, съ которымъ богомолы имѣютъ болѣе всего сношеній, развѣ оно не могло вліять на посадскихъ жителей. И вѣдь это не было бы нисколько противно уставу и правиламъ православной церкви, потому что умственное и нравственное просвѣщеніе ближняго такой же христіанскій подвигъ, какъ и честное исполненіе иноческихъ обязанностей.

Но вѣдь должна же быть причина, почему Тройца, находясь въ положеніи совершенно противуположномъ китайскому, въ результатахъ своей жизни совершенно сходится съ китайскимъ. Дѣйствительно причина этому есть, и я постараюсь разъяснить ее, какъ могу. Посадъ имѣетъ значеніе исключительно по монастырю, слѣдовательно только отъ монастыря и можно ожидать прогресивнаго развитія, распространенія нравственныхъ идей въ живущей близъ него массѣ. Дѣйствительно, было время, когда, не только на западѣ, но и у насъ монастыри были разсадниками и распространителями народнаго просвѣщенія. Теперь, для Россіи это время прошло; монастыри не желаютъ вступать въ соперничество съ людьми свѣтскими и потому привязались исключительно къ своимъ интересамъ. Троицкій монастырь болѣе другихъ слѣдуетъ этому правилу, и вотъ въ разсчетъ всѣхъ иноковъ входитъ, не заботясь о посадскихъ жителяхъ, и отвлекая отъ нихъ вниманіе богомольцевъ, прилагать все стараніе, чтобы жертвовали какъ можно болѣе на монастыри и, живя въ Троицѣ, сосредоточивали все свое вниманіе на монастырѣ. Конечно, эти старанія имѣютъ полный успѣхъ, и такимъ образомъ ни нравственное, ни умственное развитіе, ни даже матеріальное благосостояніе троицкихъ жителей не подвигаются нисколько впередъ.—Что въ Троицѣ царитъ застой—въ этомъ я убѣдился, ежегодно посѣщая посадъ; въ этомъ убѣдился всякій бывающій тамъ.

— Какъ, застой! могутъ воскликнуть; развѣ вы не замѣтили,

что теперь монастырь, для удобства посѣтителей, строитъ новую гостиницу.

Но мой оппонентъ увлекается такъ же, какъ увлекся и я, видя воздвигающееся зданіе. Я также думалъ, что гостиница вызвана необходимостью безплатнаго пристанища бѣднымъ богомольцамъ; но при первыхъ разспросахъ узналъ, что она назначается только для баръ, что для бѣдныхъ по прежнему ничего не будетъ, что она только должна убить соперничество постоялыхъ дворовъ; одного не могли мнѣ положительно сказать—будутъ ли и здѣсь, какъ въ существующей гостинницѣ, отдѣлены нумера для разныхъ именитыхъ и богатыхъ особъ, куда простыхъ смертныхъ въ родѣ насъ съ вами, читатель, если только вы не со звѣздою путешествуете, не пустятъ. Я всегда удивлялся необыкновенной смѣтливости смотрителя гостиницы: при первомъ взглядѣ на васъ, онъ узнаетъ—можно васъ допустить въ избранный нумеръ или нѣтъ. Случается, впрочемъ, что постоялецъ такого нумера платитъ гораздо меньше насъ съ вами, которымъ отвели предурное и грязное помѣщеніе. Дѣло въ томъ, что плата за постой не ассигнована, и вы кладете въ кружку сколько хотите. При этомъ есть обыкновеніе, кромѣ кружки, класть въ руку и смотрителю гостиницы. Случилось разъ, что я пріѣхалъ въ Троицу въ то время, какъ въ одномъ изъ избранныхъ нумеровъ стоялъ мой пріятель, человѣкъ, путешествующій хотя и не со звѣздой, но съ туго набитымъ карманомъ.

— Послушай,—братецъ, спросилъ я его, отчего тебѣ отдаютъ здѣсь предпочтеніе?

— Какъ отчего! Отъ того, что я, уѣзжая, въ кружку кладу два двугривенныхъ, а смотрителю въ руку три рубля.

Въ монастырѣ число нищихъ, говорятъ, разводимыхъ съ цѣлью поддерживать въ богомольцахъ благочестіе и благотворительность, по прежнему, чрезвычайно значительно; какъ я уже говорилъ прежде нищенство здѣсь весьма выгодный промыселъ. Мнѣ утверждали, будто уменьшенію числа ихъ мѣшаетъ то, что свѣтская власть городничаго не имѣетъ права проникнуть за монастырскую ограду. Неужели это правда? Я, право, скорѣе готовъ думать, что это клевета и что монашество само искренно желаетъ помочь этой язвѣ. Отчего же не помогаетъ? могутъ спросить. Это уже его дѣло.

Въ монастырѣ есть иконописная мастерская, подъ которую

монастырь отдаетъ не только даромъ помѣщеніе, но даже платитъ за заказы образовъ; работы очень много; заказы присылаются со всѣхъ концовъ Россіи. Работаютъ два художника и нѣсколько подмастерьевъ, большею частью крестьянъ изъ села Холуя, Владимірской губерніи, и его окрестностей. Работаютъ исключительно въ византійскомъ вкусѣ. Если вы не слишкомъ требовательны и довольствуетесь тѣмъ, что святой изображенъ стоя во весь ростъ, или на колѣняхъ передъ налоемъ, заказъ вашъ будетъ исполненъ чрезвычайно скоро; въ мастерской много запасныхъ досокъ, на которыхъ уже фонъ готовъ, вызолоченъ, оставлено только мѣсто для святаго и его имени; половина труда приготовлена заранѣе; слѣдовательно вамъ стоитъ только придти, выбрать доску и сказать имя святаго. Конечно многіе замѣтятъ, что при такой фабрикаціи образовъ, иконопись въ Троицѣ уже не искуство, а ремесло. Можетъ быть; но отчего же ему и не быть ремесломъ, если ремесло выгоднѣе искусства, а выгода составляетъ конечную цѣль не одного содержателя иконописной въ Троицѣ. Что иконопись здѣсь ремесло, видно и изъ принятаго въ мастерской раздѣленія труда, такого раздѣленія, которое, пожалуй, не уступитъ швейцарскому, гдѣ, какъ извѣстно, есть деревни, дѣлающія исключительно колесики, другія дѣлаютъ пружины и т. далѣе; наконецъ, уже послѣднюю категорію въ этомъ раздѣленіи труда составляютъ мастера, соединяющіе всѣ эти отдѣльные части въ часовой механизмъ. Въ троицкой иконописной мастерской тоже самое; одинъ ремесленникъ пишетъ исключительно руки, другой изображаетъ исключительно лица, третій платье и т. д. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію содержателя мастерской, образа выходятъ лучше. Это противорѣчитъ первымъ требованіямъ искусства; но я уже сказалъ, что здѣсь не искусство, а ремесло. Рядомъ съ мастерской находится школа; когда я былъ въ ней, занятій не было и потому я не могъ узнать, кого тамъ хотятъ образовать—художниковъ или тоже ремесленниковъ.

Юродивыхъ въ Троицѣ довольно; этотъ классъ тунеядцевъ раздѣляется на два разряда: на пришельцевъ, приходящихъ на время, и на постоянныхъ жителей Троицы. Изъ послѣднихъ особеннымъ успѣхомъ пользуется нѣкая Устиньюшка, съ виду весьма похожая на г-жу Акимову въ драмѣ Островскаго «*Гроза*». Одно купеческое семейство сосѣдняго города выстроило ей избушку, и она тамъ возсѣдаетъ какъ блаженной памяти Иванъ Яковле-

вичъ въ преображенской больницѣ. Устиньюшка и у себя принимаетъ, и ходитъ въ гостинницу, на постоялые дворы. Само собою разумѣется, что она одарена способностью прорицать и въ предсказанія ея вѣрятъ какъ въ непреложну истину. У Устиньюшки весьма мало соперницъ въ настоящее время и потому доходъ ея долженъ быть значителенъ. Бываетъ здѣсь еще какая то Марья, которая кричитъ и дерется, но она не пользуется такимъ работѣпнымъ уваженіемъ, какъ вышеназванная юродивая; къ тому же она плохо предсказываетъ, а это огромный недостатокъ.

Въ окрестностяхъ Троицы есть нѣсколько, зависимыхъ отъ нея, монастырей; недавно открытъ еще одинъ. Скажу нѣсколько словъ о монастырѣ, называющемся скитъ гефсиманскій. Онъ выстроенъ въ лѣсу и женщинъ пускаютъ только разъ въ годъ, на другой день Успѣнія; иноки должны строго соблюдать монастырскій уставъ; за оградой находится отдѣленіе скита, куда пускаютъ всѣхъ и гдѣ вырыты пещеры, подземная церковь. Богомольцевъ стекается много; но большинство привлекаетъ сюда не пещеры, а то, что въ полверстѣ отсюда, въ лѣсу, весьма похожемъ на паркъ, поселился Филаретушка, выстроилъ себѣ сначала келью, потомъ часовню и наконецъ каменную церковь. На его новую обитель жертвуютъ много и охотно; Филаретушка прежде ходилъ по Троицѣ съ тяжелой палкой и пѣтухомъ; онъ любитъ разговаривать и одѣляетъ посѣтителей деревянными крестиками, сердечками. Сколько разъ заставалъ я его сидящимъ на крыльцѣ своей кельи и говорящимъ разнаго рода загадочныя рѣчи; толпа богомольцевъ и богомолокъ набожно стояли передъ нимъ и внимательно слушали; двѣ, три старушенки еле-еле притащившіяся изъ за сотни верстъ, стоятъ тутъ же на колѣняхъ и молятся на него; имъ тоже бы хотѣлось послушать Филаретушку, да онѣ давно уже оглохли. Филаретушка всегда говоритъ иносказательно, притчами, загадками; народъ старается растолковать себѣ эти загадочныя рѣчи и объяснить такъ, чтобы онѣ имѣли пророческое значеніе. Кончитъ Филаретушка, и нѣтъ такого богомольца, который не отдалъ бы послѣдней, собранной подаяніемъ копѣйки въ пользу его строющейся церкви; можетъ, онъ самъ изъ за этого день будетъ питаться поданной изъ окна коркой черстваго хлѣба, но не пожертвовать ничего въ этомъ случаѣ считается неискупимымъ

грѣхомъ. Послѣ этого всѣмъ хочется подойти подъ благословеніе старца, но онъ не благославляетъ, а развѣ нѣкоторымъ, не хотя, даетъ поцѣловать свою руку; остальные довольствуются тѣмъ, что прикладываются губами къ его одеждѣ. Расходятся странницы и богомолки, странники и богомольцы по всѣмъ концамъ Россіи и всюду разносятъ славу о святомъ старцѣ, всюду превозносятъ его святое житіе, его благочестивые подвиги, его непонятныя, прорицательныя рѣчи... И вотъ, гдѣ нибудь въ Саратовской губерніи, старушка крестьянка, стоя у изголовья умирающаго сына, единственной поддержки многолюдной семьи, которая по его смерти должна по міру идти, молится: «Святый Филаретъ, уже въ скитѣ спасующійся, изцѣли сына моего.» И дастъ старушка обѣтъ, въ случаѣ исполненія ея мольбы, сходить лѣтомъ пѣшкомъ на поклоненіе святому отцу. Случится такъ, что больной выздоровѣетъ, и цѣлый околодокъ вѣритъ въ непреложную чудодѣйственную силу и святость Филаретушки, и всѣ старушки, даже молодыя бабы и мужики даютъ обѣтъ сходить въ скитъ.—Какой нибудь мѣстный литераторъ - обыватель по этому поводу воскликнетъ: что ни говорите, а сильна еще вѣра въ православномъ народѣ! Богобоязливы русскіе и свято чтутъ религію! Такой народъ не можетъ погибнуть!—Почтенные литераторы-обыватели забываютъ здѣсь одно, что о погибели русскаго народа, кромѣ ихъ, никто и не думаетъ.

Чрезъ Троицкій посадъ проходитъ телеграфная проволока въ Ярославль; въ Троицѣ перебываетъ нѣсколько тысячъ народу въ годъ, слѣдовательно пользоваться телеграфическимъ сообщеніемъ съ Москвою нашлись бы желающіе. Отчего въ самомъ дѣлѣ не устроить здѣсь телеграфической станціи? Можно заранѣе гарантировать и успѣхъ этого и то, что станція не будетъ въ убыткѣ. Вѣдь въ другихъ городахъ, чрезъ которые проходитъ проволока, есть станціи. Троицкій посадъ не городъ, но въ немъ болѣе жизни, нежели въ десяти другихъ уѣздныхъ городахъ.

12.

Воспоминанія телеграфиста.

Въ четырехъ маленькихъ комнаткахъ праздновали бракосочетаніе длинной, сухой *закладчицы*, Анны Ивановны...

Анна Ивановна постоянно страдала дурнымъ расположеніемъ духа и порядочною болью въ печенкѣ. Для излеченія своей болѣзни она рѣшилась прибѣгнуть къ сильному средству: вступить въ законный бракъ съ здоровымъ малымъ изъ торговцевъ.

....Угощеніе шло своимъ порядкомъ. На подносахъ разносили нектаръ сомнительнаго происхожденія.

— Выкушайте, сдѣлайте милость! упрашивали; прошу покорно!

Я и стоявшій противъ меня чиновникъ съ добрѣйшею физіономіею, взяли по рюмкѣ поднесенной жидкости, напоминавшей собою какую-то аптечную инфузію. Ради такого торжественнаго случая мы добровольно позволили себя дурачить: съ самымъ покорнымъ и даже отчасти довольнымъ видомъ, держали мы рюмки и, поклонясь какъ слѣдуетъ, устроили такую физіономію, какъ будто рѣшились отравить себя съ удовольствіемъ этою цикутою. Когда-же подносъ прошелъ мимо, мы снова обратились къ прерванному разговору о нашей современной, такъ называемой, *обличительной* литературѣ.

— Теперь у насъ начинаютъ сами-же нападать на эту литературу! говорилъ симпатичный человѣкъ, поднявъ рюмку къ лицу, но не рѣшаясь выпить:—а это, я вамъ скажу, напрасно! Вѣдь по моему, по глупому разумѣнію, литература для чего-же

нибудь создана, для полезнаго, а не только для того, чтобы забавлять насъ любовными сказками? Такъ, или нѣтъ?... Литература, какъ мнѣ кажется, должна изображать современное общество такъ, какъ оно есть, на память потомству и въ назиданіе намъ, живущимъ. Тутъ самый живой интересъ описывается— наша жизнь! Не все же толковать о герояхъ, да о богатыхъ, надо и о насъ маленькихъ людяхъ подумать — вѣдь мы тоже человѣки, тоже чувствуемъ, какъ и другіе! А то прежде что было: чуть кому волю дадутъ—да и воли-то не дадутъ, на что понапрасну грѣшить!—а только сдѣлаютъ начальникомъ, поручатъ ему наблюдать за подчиненными, чтобы порядокъ держать, такъ онъ, я вамъ говорю, воображать начнетъ, что о немъ объ одномъ весь міръ долженъ заботиться, а остальные — это не люди.... Да что тутъ много говорить!... Всѣ вѣдь хорошо знаютъ, какова она была, служба-матушка! Не я одинъ бѣдствовалъ! А всѣ молчатъ, пикнуть не смѣютъ, потому — мнѣніе такое было, что начальникъ не можетъ быть злонамѣреннымъ человѣкомъ, а кто противъ него вопіетъ, того, значитъ, жалѣть нечего! Это имъ было на руку: живутъ себѣ да поживаютъ, да еще денежки наживаютъ! Никто не зналъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: все шито, да крыто! А вдругъ и вывели все на чистую воду! Каждый сталъ осторожнѣе.... Имъ досадно, а дѣлать нечего, хочется показаться хорошимъ человѣкомъ. А вотъ кабы эдакъ прежде писали, сколько бы теперь зла было давнымъ давно уничтожено! Поразсказать что было, такъ право, нынче никто не повѣритъ! Вотъ я вамъ про себя скажу, — недалеко ходить — какова моя жизнь была! Прежде я служилъ телеграфистомъ на старыхъ телеграфахъ. Станціи стояли въ глуши; кругомъ верстъ на десять ни одной деревни. Жило насъ шесть человѣкъ: по два на смѣну—а каждая смѣна по два часа, замѣтьте! Окладъ мы получали унтеръ-офицерскій, гвардейскій. Строгость была невыразимая: за ошибку въ сигналѣ— *десять* розогъ, за другую — *двадцать*, за третью — *сорокъ*, и такъ далѣе, все вдвое.... вотъ всѣ наши радости были! Бы[ли] сидишь на-верху въ сигнальной каморкѣ — строеніе плохое сокое, на открытомъ мѣстѣ — закачаетъ отъ вѣтра. Нап[ротивъ] тебя подзорная труба; налѣво другая; въ ту взглянешь, [и] гую взглянешь—и вертишь коромысломъ.... въ глазахъ р[ябитъ]

одурь нападаетъ!... Вдругъ, смотришь: на сосѣдней станціи высунули въ окошко куртку или фуражку!... Это значило: *баня идетъ!* У насъ такъ условлено было—знаете, чтобы начальникъ не засталъ безъ формы! Эдакую жизнь велъ я ровно шесть лѣтъ,—это легко сказать! Говорить вамъ нечего, какъ мы всѣ духомъ упали, въ особенности сначала! Ну потомъ пообжились маленько, поосмотрѣлись, попривыкли, а первое время, какъ вспомнишь, такъ морозъ по кожѣ подираетъ! Какъ втянулись въ эту жизнь, такъ у насъ все пошло, какъ слѣдуетъ: не поймешь чего, или просмотришь—отвѣчаешь, что туманъ мѣшаетъ, и все тутъ!... Какой у насъ случай одинъ разъ былъ!... Дежурный остался на верху, а остальные возьми да махни въ деревню, да и прокутили тамъ два дни!... дежурному отойти нельзя—онъ все время просидѣлъ тамъ голодный! Тогда извиненій никакихъ не принимали: пока смѣна не придетъ, уходить не смѣй, хоть вѣкъ сиди, а уйдешь, виноватъ будешь!... Вернулись наконецъ наши ребята пьянымъ-пьянешеньки. Онъ сталъ стращать ихъ, что будетъ жаловаться — тѣ въ драку, да съ пьяныхъ глазъ такъ ловко хватили его, что у него и духъ вонъ!... Тутъ-то они струсили!... что имъ дѣлать?... Упрятали его въ колодезь!... Пропалъ, дескать, бѣжалъ неизвѣстно куда!... Уже послѣ, лѣтъ черезъ пять все это открылось! А какъ всѣ ожесточены были,—ну просто, я вамъ говорю, хоть сейчасъ въ Сибирь идти, такъ все равно... пожалуй, еще рады, чтобы только вырваться изъ этой адской жизни, иногда готовъ на себя руки наложить,—каково было сладко!... Ахъ! Да съ! Вотъ-бы кто тогда описалъ, какъ мы мучились — доброе сдѣлалъ-бы дѣло! Какъ же можно сравнить нынѣшнее житье, въ особенности съ новымъ телеграфомъ! Сидятъ въ теплой комнатѣ, людей видятъ,—господа, да и только! Ну и опять обращеніе начальства противъ прежняго совсѣмъ другое! Добрѣе стали, какъ увидѣли, что въ этихъ изобличительныхъ статьяхъ начали ихъ противъ шерсти поглаживать; а запрети — опять вернутся къ старому, житья не будетъ!... Говорятъ, вѣкъ другой, прогрессъ; какой тамъ другой? Вѣкъ тотъ-же самый, и люди тѣ-же, какъ прежде; позволь только распоряжаться по своей волѣ, да чтобы никто не зналъ, такого зададутъ тебѣ прогресса, что о-го! Было бы, говоритъ, мнѣ хорошо, а тамъ хоть трава не расти!

Что же будешь дѣлать; откуда хорошихъ людей наберешь? Нѣтъ, эти статейки великолѣпная вещь! Много онѣ принесли намъ пользы — это мы всѣ чувствуемъ: намъ стало легче жить на свѣтѣ.

13.

Письма изъ захолустья.

Начну съ того, что есть на святой Руси городъ, который называется Омутомъ и котораго вы на картѣ не найдете, по той причинѣ, что станціонные смотрители не давали и не даютъ лошадей людямъ ученымъ и любознательнымъ, которые любятъ совать свой носъ туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Въ исторіи его также нѣтъ, по той же причинѣ; а есть у насъ, говорятъ, своя исторія, въ которой между прочимъ сказано, что Омутъ существовалъ съ Адама; что перваго городничаго звали Навуходоносоромъ, что онъ былъ довольно толстый господинъ, пилъ передъ обѣдомъ вишневку, жилъ одинъ въ лѣсу и что нынѣшнее поколѣніе жителей расплодилось отъ него. На сколько это правда, я не знаю, потому что меня въ то время не было, матеріаловъ для исторіи я не сбиралъ, а слышалъ отъ Павлины Петровны, матери нашего почтмейстера, довольно сморщенной и богомольной старушки, которая увѣряла меня, что это быль, что ея прадѣдъ былъ хорошо знакомъ съ внучатами Навуходоносора—ну, и т. д.

Физіономія Омута самая печальная. Двѣ красныя церкви и соборъ, построенный на горѣ, съ деревянной оградой, четыре каменныхъ дома (изъ коихъ одно казенное зданіе недостроенное седьмой годъ строится, и выше перваго этажа нейдетъ, видно земля попалась такая скверная, не черноземъ) и сотни три куриныхъ избушекъ—составляютъ городъ. Осенью физіономія его дѣлается еще печальнѣе, еще отвратительнѣе. Улицы наводняются грязью, кругомъ воцаряется мертвая тишина, пре-

рываемая изрѣдка стукомъ дождя въ окно, или крикомъ ворона. Сядешь, бывало, у окна, цѣлый день сидишь: чистишь ногти, смотришь, на грязь, на противоположной домъ, березу, церковь; но эта однообразная картина съ каждымъ часомъ начинаетъ надоѣдать; она приглядѣлась, опротивѣла. Вонъ что-то движется противъ окна, вглядываешься: «а! это Толстоносовъ изъ суда»—произносишь мысленно,—«отчего это онъ такъ поздно?» и стараешься уяснить себѣ; а Толстоносовъ оборванный чиновникъ, въ желтомъ пальтишкѣ, забрызганный съ самыхъ бровей до пятокъ грязью, проходитъ, и опять передъ носомъ таже картина.... Но вотъ на моихъ губахъ пробѣжала улыбка; я увидалъ корову, спокойно идущую по грязи. Ей также надоѣло сидѣть дома и, улизнувъ со-двора, она пробиралась въ гости, въ сосѣдній переулокъ къ своей единоплеменницѣ. Я знаю что будетъ дальше, упираюсь лбомъ въ стекло и вотъ толстая баба съ палкой въ рукѣ, подоткнувшись, бѣжитъ по грязи, оступается, падаетъ, и я, смѣюсь, хохочу, и хохочу отъ души, а чему?—не знаю. Корову угоняютъ и опять передъ моимъ носомъ та же картина, та же грязь, та же качающаяся береза.

Вы-бы, столичный житель, и глядѣть не стали, на нашъ городъ, плюнюли бы, а мы привыкли и выѣхать не хочется, да и куда поѣдешь? Кругомъ горы, за горами лѣса, за лѣсомъ болото, за болотомъ.... да Богъ знаетъ что за болотомъ; Павлина Петровна говоритъ, что конецъ земли, а мнѣ кажется, что вретъ. Впрочемъ, тамъ-ли, или верстъ 500 дальше, намъ все равно; мы, вѣдь, люди нелюбознательные, глядѣть не поѣдемъ. Да и что намъ за дѣло сколько верстъ отъ насъ конецъ земли! Не было-бы его въ нашемъ городѣ, было-бы намъ хорошо, а тамъ хоть трава не расти. За эту пословицу у насъ крѣпко держатся, начиная съ самого городничаго и до послѣдняго чиновника. «Было-бы намъ, говорятъ, хорошо, сыто да тепло, а до людей что намъ за дѣло! Хошь съ голоду они околѣвай—намъ все равно.» Ну приходится и околѣвать. Городничій у насъ человѣкъ умный, ужъ коли начнетъ высасывать изъ кого соки, такъ ужъ высосетъ, оставитъ одну кожуринку. Кто больше дастъ, тотъ и правъ; это ось, на которой все начальство у насъ въ Омутѣ вертится. Мое дѣло и правое, вотъ какъ пять пальцевъ, да силенки нѣтъ, такъ и сиди. Тебя обидѣли, приколотили за то, что ты, бѣдный мѣща-

нинъ, не посторонился, когда шелъ какой-нибудь толстый коллежскій регистраторъ, помѣщикъ 2000 душъ, тебя-же и пороть начнутъ.— «Ваше бл—діе, помилуйте!... за что-же?» «А! ты еще умничать да разсуждать.... нутка еще.» Ну и еще порютъ, порютъ до тѣхъ поръ, пока скажутъ «довольно», а довольно скажутъ не скоро, т. е. не то, что-бы не скоро, а когда увидятъ, что «довольно.»

— Развѣ это народъ? говорилъ городничій: развѣ онъ похожъ сколько нибудь на божій людъ?—это слякоть, грязь. Какую они пользу приносятъ начальству? — Никакую. Я 20 лѣтъ сижу на городничествѣ и хоть-бы одинъ *плюнулъ* мнѣ въ праздникъ чѣмъ нибудь. Такъ куда-жъ онъ годится, какъ не на живодерку...

Чтожъ тутъ будете дѣлать? Вѣдь не драться-же съ ними; они люди начальные, зачѣмъ нибудь да поставлены.

Зато людямъ богатымъ житье у насъ въ Омутѣ привольное; такого, пожалуй, и на томъ свѣтѣ не будетъ. Начальство съ тобою знается, обѣдаетъ у тебя, ну и ты тоже начальство знаешь. Что ни взбредетъ въ голову, ничего валяй! — Вотъ хотьбы нашъ городничій, 20 лѣтъ сидитъ на городничествѣ и ужъ брюхо отростилъ такое, что врядъ-ли въ столицѣ можно подобрать подобное. Дочь выдалъ за барона, десять тысячъ чистогону далъ, да 150 душъ; да еще пять дочерей осталось, ни одну не обидитъ, за всѣми дастъ по стольку. А пришелъ къ намъ въ чемъ душа, голъ какъ соколъ, въ одномъ вице-мундиришкѣ и сапогъ-то путныхъ не было, заплата на заплатѣ. А какъ пошелъ входить во всѣ дѣла (значитъ, разумъ сталъ развиваться), какъ началъ подбираться къ купечеству, да приковыривать мѣщанство, такъ и лошадей завелъ и женился и пошелъ кататься какъ сыръ въ маслѣ. Во всемъ завелъ свой порядокъ, вездѣ самъ, ну и высшее начальство стало его жаловать и подъ рукою всегда имѣть, по той причинѣ, что передъ начальствомъ онъ самъ по стрункѣ ходилъ, все дѣлаетъ: въ огонь въ воду готовъ идти. Предпишетъ ему губернаторъ, чтобы онъ досталъ ему къ новому году вишни фунта два, да такой, чтобы на вишню-то она не походила, величина-то была съ яблоко, пахла-бы малиной, а отливалась-бы клубникой. И начнетъ метаться городничій какъ бѣшеный, изъѣздитъ цѣлый уѣздъ, соберетъ всѣхъ содовниковъ да и начнетъ ихъ допытывать.

— Да помилуйте, ваше бл—діе! гдѣ ее такую достанешь?

— Гдѣ достанешь! Вы не знаете гдѣ достать! Вы садовники?.. говори, садовники.

— Садовники-то, знамо, садовники.

— Такъ вы волю начальства не хотите исполнять! По вашему начальство ничего не значитъ, трынь-трава. Нѣтъ, братъ, врешь! роди, а подай!

— Да какъ же ее родить-то, ваше бл—діе.

— Какъ родить!? Ты не знаешь, какъ родить? И городничій дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, высовывалъ кулаки и..... и вишня являлась точь въ точь, какъ желалъ губернаторъ: и величиной съ яблоко, и пахла малиной, и отзывалась клубникой, и его пр — во оставался очень доволенъ.

Вотъ по этой-то самой причинѣ начальство и жаловало его и пропускало межъ пальцевъ его дѣянія. А то вѣдь и ему не сладко-бы было. Вѣдь онъ не важная птица; какъ разъ-бы того.... Придавили. Ну, а теперь ужъ трудно; что и учинитъ, такъ ничего: «Ты, дескать, только не очень напирай, а то всѣ поговариваютъ» говоритъ ему губернаторъ, когда нашъ-то привезетъ вишню, или что другое въ этомъ родѣ. «А то вотъ намѣдни князь Х. (за картами) говоритъ: что это за городничій у васъ сидитъ въ Омутѣ, разбойникъ какой-то. Мой Сенька, сапожникъ, жаловался на него: совсѣмъ, говоритъ, измучилъ, сапогами одолѣлъ, по три пары въ мѣсяцъ носитъ, да сынишкѣ по двѣ: чуть маленько лопнулъ, давай, говоритъ, новыхъ, эти мнѣ не надо.» Ты ужъ, говоритъ губернаторъ, того... по акуратнѣе, а то смотри, братъ, самъ будешь виноватъ, на себя будешь плакаться.

Слушаетъ его нашъ городничій, глазомъ не сморгнетъ, потъ его прошибаетъ, стоитъ да покряхтываетъ, да брюхо обѣими руками поддерживаетъ. «Ладно-же, думаетъ, задамъ я этому Сенькѣ перцу, да такого, что вѣкъ будетъ чихать и не начихается.» И задалъ.... Онъ у насъ любитъ задавать, тѣмъ, кто откупиться не можетъ. Вотъ купечество не трогаетъ; прикрикнетъ это, правда, подъ часъ и за бороду возьметъ, ну а такъ, чтобы и туда и сюда, не употребляетъ...

А какой онъ у насъ драться охотникъ—эдакаго и старожилы не запомнятъ; всѣ дрались да не такъ. Вцѣпится кому нибудь въ бороду, да такъ и повиснетъ какъ ракъ какой, а если не сможетъ достать, такъ начнетъ колѣнкой въ то мѣсто, гдѣ по-

больнѣй. Какъ подойдетъ кто ему подъ веселую руку, такъ ничего, обойдется какъ слѣдуетъ, а коли подъ пьяную, такъ избави Богъ злаго татарина! Правъ-ли, виноватъ-ли, это не разбираетъ. Другой вовсе придетъ просить что нибудь и его тутъ-же. «Не затрудняй попусту начальство, съ собой нѣтъ ничего, а лѣзешь прямо въ переднюю!» Съ богатыми того не дѣлаетъ; ласково съ ними обращается, что ни «накуралесятъ» — отстоитъ. Хоть и говорятъ гдѣ-то: «шила въ мѣшкѣ не утаишь», да вѣдь это говорятъ не у насъ, гдѣ нибудь въ другихъ земляхъ, у англичанъ должно быть, тамъ всѣ люди ученые, образованные, на разныя изобрѣтенія умудрившіеся, а у насъ въ Омутѣ и не слыхать про это. У насъ другое говорятъ: шито да крыто; ни гу-гу! А то шило! У насъ и не токмо шило, а мѣшокъ-то спрячутъ, такъ ни одинъ лѣшій не найдетъ. Вотъ хоть не очень давно былъ у насъ случай такого содержанія. Проживаетъ въ Омутѣ нѣкто Егоръ Семеновичъ, фамилію его я вамъ не скажу (пожалуй, чего добраго, пронюхаетъ какъ нибудь), да его и рѣдкой называетъ по фамиліи, а все больше по прозвищу: «лошадятникомъ», потому что онъ большой охотникъ до лошадей, такъ и трясется надъ ними, все имѣніе на нихъ спустилъ (а былъ богатъ страшно). И ужъ лошади-же у него! такія залихватскія, любо-дорого смотрѣть; самъ всегда правитъ. Чуть заря занималась, а ужъ дуетъ, что ни есть мочи по городу. Городничій частехонько говорилъ ему: «Смотри, Егоръ Семеновичъ, ты не очень-то лошадей гоняй; чего добраго, подвернется какая нибудь пасквиль, сторониться не станетъ; я тебя знаю, задавишь, грѣхъ выдетъ, гоняй лучше за городомъ.

— Какой тутъ грѣхъ? басилъ Егоръ Семеновичъ; задавить-то? эка велика важность, стану я изъ-за-этихъ пустяковъ за городомъ ѣздить. Не такія вещи откалывали...

Ну и долго пошелъ рыскать; случай, значитъ, не выпадалъ, а то вдругъ и подвернись, да разомъ двухъ дѣвчонокъ, какъ сидѣли на дорогѣ, песокъ пересыпали, такъ тутъ и остались. Егоръ Семеновичъ и не останавливался. Видитъ, что всѣ изъ воротъ повыскакали, да кричатъ ему, а мать-вдова такъ и упала на дочекъ, онъ прямехонько подралъ къ городничему.

— Что?! али задавилъ кого? спрашиваетъ городничій (чутьето какое!)

— Да....

— Кого, говори скорѣй?!

— Да чортъ знаетъ кого.... кажется, двѣ дѣвченки.... Торчатъ на дорогѣ; я было прикрикнулъ, а они все таки торчатъ; лошадей останавливать не хотѣлось, ну я и того.... черезъ нихъ.

— Да кто онѣ такія?

— Да чортъ знаетъ кто! Должно быть дщери мѣщанскія.

— Что, говорилъ я тебѣ: гоняй, Егоръ Семеновичъ, за городомъ....

— Ну, мало ли, что ты говорилъ, перебилъ его, не совсѣмъ покойный, Егоръ Семеновичъ.—Тебѣ же, чортова кукла, выгодѣй.... Хоть пріятель, а все, небось, сотню сдерешь...

Городничій захохоталъ.

— Ха-ха-ха! да ты, Егоръ Семеновичъ, шутникъ не послѣдній!...

— Чемужъ ты хохочешь?

— Да какже не хохотать, вѣдь смѣшно, убей Богъ мою душу, смѣшно. Сотенной угощаетъ... Да ты развѣ одну задавилъ то.... а? вѣдь двухъ небось. Клади (ужъ это такъ, по товарищески) двѣ сотни за каждую, ну и смѣкай сколько....

— Да ты съ ума спятилъ или нѣтъ?

— Какъ хочешь; не дашь, не надо, я вѣдь не требую, я говорю какъ товарищъ, *добра* желаю. Не хочешь, не надо; хуже будетъ.

— Хоть Бога-то побойся. Вспомни, сколько ты, по товарищески, съ меня перебралъ.

— Дѣла были не такія. Что не гонялъ за городомъ, вѣдь я говорилъ тебѣ.

Егоръ Семеновичъ и триста сталъ было давать, но городничій и ухомъ не ведетъ.

— Нельзя, говоритъ, и такъ добра тебѣ желаю. Съ другаго меньше тысячи за двухъ, убей Богъ мою душу, не взялъ бы.

Отдалъ ему Егоръ Семеновичъ. Приходитъ вдова-мать «такъ и такъ, гоовритъ, сжальтесь в. бл—діе, будте отцомъ роднымъ, послѣднее утѣшеніе было и то....

— Что же я тебѣ, матушка, могу сдѣлать? перебивалъ ее ласково городничій.—Должно быть на роду имъ написано было умереть на дорогѣ. Мнѣ самому, со стороны, жаль, да сдѣлать то ничего не могу. Ты сама посуди, что я могу тебѣ сдѣ

все во власти Бога.... На вотъ, такъ и быть, трехрублевую, схорони ихъ на мой счетъ, да вынь за мое здоровье просвирку....

Баба плакала.

— Да какже это, батюшка! отецъ родной!... Вонъ добрые то люди говорятъ, что онъ отвѣтитъ....

— Что.... что.... что?... заревѣлъ вдругъ городничій. Что ты сейчасъ сказала, а? что ты сказала?

Баба испугалась, назадъ; городничій за ней, кулаки впередъ.

— Говори, говори кто это онъ? кто онъ такой?

Баба въ ноги.

— Ой, ой, пощади отецъ родной, не загуби, все.... все скажу.

— Ну....

— Съ дуру, отецъ родной право слово съ дуру. Съ языка сорвалось....

— А, а, съ языка сорвалось! восклицалъ городничій, довольный собой.

— То-то же, всѣ вы таковы, бухнетъ съ дуру, а тамъ и въ ноги. Смотри ты у меня, языкъ-то припрячь, да подальше. Деньги то на, да скажи мнѣ, кто видѣлъ.... кто былъ въ это время.

Баба назвала кого видѣла и помнила. Городничій не удовольствовался, велѣлъ созвать весь переулокъ, всѣхъ самъ допросилъ: никто не видалъ. Одна говоритъ: меня дома не было, другой: я, говоритъ, и дочерей-то самъ разу въ глаза не видалъ; одинъ было обручникъ сказалъ, что видѣлъ... да и тотъ часа черезъ два сознался, что съ дуру, съ языка сорвалось.

И все шито да крыто; ни гу-гу. Какъ будто ничего и не бывало. Если бы и пронюхали какъ нибудь, назначили слѣдствіе, да не одно, а десять, двадцать, такъ всѣ не причемъ бы остались. Сама мать отреклась бы отъ своихъ дѣтей... А то—шила въ мѣшкѣ не утоишь! Утоятъ, ей-Богу утоятъ, совсѣмъ съ мѣшкомъ.

За то нашъ городничій каждый праздникъ въ церковь ходитъ и своей рукой свѣчку ставитъ, смотря по празднику,—если великъ праздникъ, такъ рублевую и т. д., постепенно спускаясь до четвертака. Свѣчи эти, сказать вамъ по правдѣ, онъ не покупаетъ, а беретъ въ долгъ. Староста всякій вечеръ, передъ праздникомъ, приноситъ ему на домъ и городничій, на другой

день одѣвается, завертываетъ ее до половины бумагой и, держа въ правой рукѣ, пѣшкомъ шествуетъ въ соборъ. Становится онъ всегда противъ царскихъ дверей, тутъ ему и коверъ готовъ для земныхъ поклоновъ, и стоитъ онъ всегда прямо и головой не повернетъ; крестится медленно. Опустившись на колѣни, долго лежитъ и вздыхаетъ и подымется, такъ все вздыхаетъ. По лѣвую отъ него руку, стоитъ супружница, пять дщерей и шесть сынишекъ; а по правую—почтмейстеръ и другія высшія власти. Въ праздникъ всегда обѣдаетъ дома; по постнымъ днямъ ѣстъ постное, а иногда и по скоромнымъ, для спасенія души, тоже употребляетъ, и избави Богъ, если кто нибудь въ среду или пятницу «рыгнетъ колбасой» или чѣмъ нибудь скоромнымъ—бѣда. Такая подымалась буря, хоть святыхъ выноси. Сыну родному не спуститъ: весь домъ колебался въ своихъ основаніяхъ, а за домомъ и цѣлый Омутъ.

14.

Флюсбургскіе очерки.

Я какъ не писака, а только простой наблюдатель, то прошу извинить за мои ошибки и мои выраженія, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ.

Слово *таможня* происходитъ отъ русскихъ словъ *тамъ-можно*, слова *же тамъ-можно* тоже не требуютъ большихъ объясненій; развѣ еще, для очевидной ясности, приложить слово *взять*. Теперь, если эти всѣ три слова соединить, то выйдетъ слѣдующее: *тамъ можно взять*. Подъ словомъ *взять*, флюсбургскіе таможенные-офиціальные люди, какъ чиновники и досмотрщики, разумѣютъ *взять взятку*, таможенные — не офиціальные, какъ коммисіонеры и артельщики, разумѣютъ, подъ словомъ взять —*взять наживу*. Пожалуй, филологи истолкуютъ эти слова еще на нѣсколько значеній; но я отказываюсь, какъ человѣкъ не ученый, а знающій только, что изъ офиціальнаго таможеннаго люда, есть люди, хотя и понимающіе слова *тамъ можно*, но ничего не берущіе, а изъ неофиціальныхъ—нѣтъ ни одного, который худо бы зналъ *взять наживу*.

Флюсбургская таможня, это больше ничего, какъ отдѣльная страна, имѣющая свои власти, войско и народъ. Правительство, или власти флюсбургской таможни, состоитъ изъ короля, т. е. управляющаго таможнею, министровъ, разныхъ надзирателей, секретарей и казначея; аристократіи, членовъ бюрократіи, канцелярскихъ, и либераловъ, т. е людей современныхъ на языкѣ.

Такъ какъ въ каждой странѣ господствуетъ свое вѣроисповѣданіе, и сравнивая флюсбургскую таможню со страною, я долженъ

сказать и о вѣрѣ. Вѣротерпимость, въ этой странѣ, необыкновенная: вѣруй, какъ самъ знаешь: въ Бога ли, въ деньги ли, все равно. Духовенства совсѣмъ нѣтъ, нечего и заводить, лишніе расходы, но храмъ есть, нельзя же безъ этого...

Такъ вотъ видите, что таможня въ моихъ глазахъ, есть отдѣльная страна. Теперь надо показать отдѣльно всѣ сословія и разсмотрѣть ихъ занятія, успѣхи въ образованности и проч. Войско состоитъ изъ пѣхоты, форма ихъ зеленые канты и на погонахъ литеры *Ф. Т.* Начальствуетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ же и предсѣдатель верховнаго парламента, т. е. экзекуторъ. Подъ его начальствомъ оберъ-полиціймейстеръ и начальникъ артиллеріи: должность оберъ-полиціймейстера занимаетъ помощникъ экзекутора, а начальникъ артиллеріи всегда толстый брантмейстеръ. Состояніе народа самое удовлетворительное: флюсбургскія таможенныя власти, хотя мало заботятся о немъ, болѣе о своихъ доходахъ, но держатъ ухо востро и имѣютъ тайный телеграфъ изъ людей, извѣстныхъ только одному управляющему. Самое богатое сословіе, это купцы; народъ по большой части образованный, говорящій не только на своемъ флюсбурго-тарифо-таможенномъ языкѣ, но пожалуй на шести другихъ. Надо замѣтить, что флюсбурго-таможенные купцы, народъ отпѣтый, мягко стелетъ, да жестко спать; ведетъ себя какъ съ властями, такъ и съ другими обитателями своей страны, хорошо, даже никого изъ своихъ не притѣсняетъ, а легко огрѣетъ свои же власти и непроницательныхъ иностранцевъ-купцовъ своими отечественными штуками. Иностранные купцы, имѣющіе дѣла съ флюсбурго-таможенными купцами, по большей части, русскіе.

Мѣщане, это артельщики или прикащики таможенныхъ купцовъ; житье и имъ не дурное; имѣя покровительство и защиту купцовъ, они тоже народъ плутоватый; служитъ, служитъ въ своей странѣ, наживетъ капиталецъ, да и выѣдетъ въ Россію; тамъ значитъ будетъ купецъ. Подъ крѣпостными надо разумѣть дрягилей, народишко негодный, воръ на ворѣ, по сенькѣ и шапка, хотя не глупый народецъ, умѣетъ сорвать хоть съ кого. Бюрократія съ ихъ братомъ всегда въ ладахъ, поживается около ихъ брата; понимаете: кто принесетъ чайку жидовскаго, кто водочки, кто винца,—все принимается.

Но предъ кочующимъ народомъ, коденьщиками, и дрягиля никуда не годятся, ихъ перещеголяли эти кочующіе, вольница,

стекающаяся въ флюсбургскую таможню для заработковъ и поденщины, изъ всѣхъ странъ, всѣхъ званій и знаній.

Вотъ и всѣ сословія, служащія въ флюсбургской таможнѣ, т. е. въ одной изъ странъ шестой части свѣта—Россіи.

Теперь надо разсказать о сословіяхъ благородныхъ, о дворянахъ страны таможни. Первое мѣсто занимаетъ король, или управляющій, дѣлающій очень мало безъ совѣта своихъ министровъ. Онъ, по большой части, бываетъ человѣкъ весьма образованный, хотя и неотечественный — таможный, а изъ иностранцевъ, готовый всегда на всякое хорошее дѣло, но жаль, что мало знающій свой народъ со взглядомъ нажиться. Хотя всѣ короли этой страны больше всего хлопочутъ о разширеніи торговли и истребленіи пороковъ въ своей странѣ, но весьма мало успѣли и успѣваютъ что нибудь сдѣлать, потому что это страна *омутъ кромѣшный*.

Да и король тамъ носитъ титулъ *управляющаго*, должно быть оттого, что не изъ отечественниковъ онъ. Министры его всегда въ ладахъ, занимаютъ каждый свою часть и не вмѣшиваются въ другое министерство,—въ своемъ довольно поживы.

Однимъ словомъ, что все управленіе, въ странѣ таможни, весьма образцовое; король всегда готовъ принять каждый совѣтъ, каждое мнѣніе, даже и отъ крѣпостнаго; вѣдь это рѣдкостный примѣръ для другихъ странъ; министры хотя и берутъ, впрочемъ, вѣдь, и въ другихъ странахъ берутъ, люди образованные, не глупые. Однимъ словомъ страна лучше самой Англіи; бѣдный народъ всегда имѣетъ доступъ къ правительству, защиту въ сильномъ, король всѣмъ доступенъ, министры не страшны, не олухи... Я совѣтую каждому посѣтить эту страну и подивиться многому хорошему, но не забывать того, что нѣтъ худа безъ добра, а въ таможнѣ: добра безъ худа. Да, говоря о министрахъ, о министрѣ внутреннихъ дѣлъ уже сказали. Министръ морской—эта должность весьма трудная, хотя и наживная; тутъ надо дѣлать дѣло не съ одними своими, а съ чужестранцами, народомъ грубымъ, непонимающимъ ничего, даже не умѣющимъ когда давать взятки и когда нѣтъ. Но всего замѣчательнѣе, это секретарь морскаго министра Захарычъ, о которомъ мы поговоримъ далѣе. Захарычъ чуть-чуть не пережилъ двадцати морскихъ министровъ, и потому много видалъ, испыталъ, да и дѣло знаетъ. Морской министръ, въ странѣ таможнѣ, называется еще корабельнымъ смотрителемъ.

Сухопутный министръ имѣетъ званіе не только что высокопочетное, но и выгоднѣйшее, потому что ни одно мѣсто съ товаромъ не пройдетъ мимо его рукъ, однимъ словомъ мѣсто такое, что бери-дери-не хочу, само валится. Сухопутнымъ министромъ въ таможнѣ это пакгаузный надзиратель. Министръ юстиціи—о, это не послѣдняя спица, въ колесницѣ; онъ такую важность имѣетъ въ своей странѣ, что къ нему и другіе министры большое почтеніе имѣютъ; понимаете, законникъ, знающій всѣ продѣлки и интересы каждаго изъ нихъ, однимъ словомъ *секретарь таможни привозной части, а секретарь отвозной части*—это министръ иностранныхъ дѣлъ. Министромъ финансовъ—это казначей, имѣющій чистый, т. е. не грязный, какъ прочіе министры, доходъ. Вотъ и весь составъ таможеннаго правительства, развѣ осмѣлиться причислить плебеевъ *досмотрщиковъ*, народъ хотя ничтожный, да карманный, состоящій подъ надзоромъ министровъ морскаго, сухопутнаго и подъ попечительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Таможная аристократія народъ странный; есть мальчишки, безъ году недѣли, а ужъ членъ въ залѣ парламента, есть и старики, сидящіе на этомъ мѣстѣ чуть не десять лѣтъ, не получающіе ни чиновъ, ни наградъ, а все сидятъ на этомъ мѣстѣ; понимаете—мѣсто наживное, дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай и тогда твой карманъ не опустѣетъ—это слова одного таможнаго аристократа; слова философическія. Будь аристократъ и будетъ тебѣ хорошо въ таможнѣ, живо полезешь вверхъ; посмотри, если не вѣришь, то увидишь дѣло: не знай закона, тарифа несмысли, ничего—попадешь въ секретари или въ столоначальники! Великая правда, что легко жить въ таможнѣ, но только аристократіи, а о доходѣ ихъ и неговорю, да вы и сами чай замѣчали, что каждый министръ таможни имѣетъ предоходное мѣсто; надо замѣтить, что недоходныхъ мѣстъ очень мало въ таможни. Куда ни загляни—тутъ членъ беретъ, тамъ досмотрщики; тутъ купецъ коммисіонеръ надулъ, тамъ кочующій — поденщикъ бѣжитъ къ кабаку, чтобы высыпать сахарный песокъ изъ своихъ портъ и сапоговъ; куда ни посмотри—вездѣ увидишь: тутъ берутъ, здѣсь деруть, тамъ сдѣлка, тутъ обманъ! Кажется, ужъ какая образцовая страна таможня, какое прекрасное правительство, какія хорошія мѣста у аристократіи, а все берутъ, да деруть; страшно и не разберешь, отчего это такое безначаліе, должно быть не

отъ того-ли, что всѣ служащіе и живущіе въ странѣ таможнѣ, живутъ и служатъ для отягощенія своихъ кармановъ. Вотъ бюрократія, такъ народъ самый бѣдный, не каждый изъ оной имѣетъ доходишко, ходитъ, служитъ, служитъ, дѣдъ служилъ, отецъ служилъ, самъ служу и ничего не имѣю, хотя самому 60 лѣтъ. Одни пустые слухи, что въ таможнѣ золотыя горы; посмотрите на меня и увидите, каково мое житье, вѣдь служу 45 годковъ въ этой прекрасной странѣ, а все канцелярскимъ служу, какихъ нибудь рубликовъ 300 соберешь въ годъ, съ добрыхъ купцовъ, да и все тутъ. Ага, проговорился старикъ про рублики; нѣтъ, видно не совсѣмъ худо въ такой странѣ служить и канцелярскимъ, какъ ты служишь; а что не лезешь впередъ, самъ виноватъ: безъ протекціи не только-что нельзя служить и жить въ таможнѣ, но даже на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ мѣстъ, гдѣ бы можно послужить и нажить своими трудами и нажить что *нибудь* хорошее ...

Настоящихъ либераловъ въ странѣ таможнѣ мало; вѣдь нельзя назвать либераломъ каждаго, который только на словахъ шумитъ, а на дѣлѣ сдеретъ не хуже сухопутнаго министра, а я называю такихъ либераловъ, которые живутъ въ золотой странѣ таможнѣ безъ корысти, изъ одного жалованья; за то и дѣла совсѣмъ не дѣлаютъ, ходятъ, да курятъ, толкуютъ про литературу, *новости*, разсказываютъ анекдоты, да ругаютъ на повалъ иноземцевъ, господствующихъ въ ихъ родной странѣ таможнѣ.

15.

(Изъ Малороссіи)

У нашої сударині
Золоті сережки;
Идуть люде изъ панщини,
Не бачять и стежки!
У нашої сударині
Гаптѝвана хустка;
Осталася въ насъ по селу
Не одна хата пустка.

III.

Сонъ головоньку хитае.
Милий милу покидае,
Та зъ дрібня́ми діточками...
Пла́че мила слізочками.
Ой, якъ вийду за ворота —
Нема мого срібла-злота!
Летитъ воронъ сизокри́лий
«Скажи, воронъ, де мій милий?»
— «Ой, твій милий на роботі
Та у сахарнімъ заводі;
Тамъ и днює, и ночуе,
Дзвѝни дзвѝнятъ — вінъ не чуе,
Визьме топоръ да й май стрю́е!»

Сахарные заводы и табачныя плантаціи, суть два зла, которымъ подвергся въ новѣйшее время малороссійскій крѣпостной народъ, испытавши уже столько другихъ бѣдствій. Частые пожары на сахарныхъ заводахъ, справедливо приписываемые кресть-

янамъ, заставили многихъ помѣщиковъ соединить свои выгоды съ крестьянскими, установивъ на заводахъ задѣльную плату для чернорабочихъ, и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ поселяне благословляютъ помѣщиковъ за выдѣлку сахара. Но за то сосѣдніе землевладѣльцы, и особенно мелкопомѣстные, налегаютъ на своихъ крестьянъ изо всей силы, чтобъ добыть побольше берковцевъ буряковъ, доставляемыхъ на заводы. За то, многіе высылаютъ своихъ людей верстъ за 400 и далѣе, продавши ихъ на полгода въ тяжкую работу на сахарные заводы. Вотъ кое-что изъ записанныхъ мною разсказовъ одной женщины:

«Отцовъ возьмутъ, а матери дома; мужей гонятъ, а жены дома. Гонятъ также парубковъ и дѣвушекъ, толпу душъ во сто и больше. Съ ними и телега идетъ съ провизіею. Прикащикъ на дорогѣ варитъ кашу и кормитъ людей, пока сдастъ въ чужія руки. Тамъ для наемныхъ людей построены казармы. Человѣкъ по пятидесяти въ одной хатѣ. Спятъ на землѣ. Даютъ только по рогожкѣ на человѣка; но, изнемогши на работѣ, припадешь къ сырой землѣ и замрешь на всю ночь. Кормъ даютъ такой, что развѣ для скотины годится; а работа день въ день, безъ отдыху. Много умираетъ нашихъ въ тѣхъ проклятыхъ казармахъ. Когда идетъ терка буряковъ (*), то надобно такъ работать плотно, чтобъ и муха не пролетѣла. Нанятые солдаты стоятъ съ палками и подгоняютъ. Стоишь возлѣ работы и голова вся мокрая, вся въ бурякахъ, какъ въ клею. Обольешь одежду, высохнетъ и ломается. Зима зимская, а работа все равно идетъ, что осенью, и руки къ желѣзу прилипаютъ, когда моемъ бляхи. Кто убѣжитъ, то воротивши, еще больше мучатъ, и рѣдкій изъ такихъ не пойдетъ въ сырую землю.»

Такіе разсказы о сахарныхъ заводахъ слышитъ путешественникъ въ народѣ, проѣзжая по Малороссіи. Я спросилъ, во время разговора, у разсказчицы:—Я думаю, вы тамъ очень тоскуете по родинѣ, по роднымъ хатамъ и семьямъ? Поете ли вы пѣсни?

— Всего бываетъ. Иной разъ поемъ, поемъ, да всѣ въ плачъ!

Какъ хорошъ стихъ: *На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ*! онъ безпрестанно приходитъ на мысль въ Малороссіи...

Сахарные заводы... но и безъ сахарныхъ заводовъ, произволъ

(*) Мѣстное названіе свекловицы.

сильнаго ужасенъ въ этой несчастной странѣ. Вотъ разсказъ одной старухи, записанный стенографически, и, разумѣется, передаваемый здѣсь въ переводѣ. Жаль, что я не могу называть ни мѣстъ, ни лицъ, въ описаніи своего путешествія. Но вотъ разсказъ старушки, кто-бъ она ни была:

«У нашихъ господъ такое заведеніе. Положимъ, что, вотъ, мужчины на косовицахъ, а мы на жнивахъ. Приходитъ прикащикъ, беретъ парубка съ косовицы,—для чего, куда, никто не знаетъ. Приходитъ и къ жнеямъ, и беретъ или молодую вдову, или дѣвушку—Богъ его знаетъ, на что́. Тутъ думаютъ, что къ пани, муку пшеничную подсѣвать, или бѣлье стирать... какое! Смотри—очутилась подъ вѣнцомъ. Безъ родительскаго благословенія, совсѣмъ, какъ собаки, или паны! Такъ ни отецъ, ни мать о томъ и не знаютъ, и не проси, и не моли, и не говори. Это не впервые. Такъ, какъ волкъ, не предувѣдомляя и не оповѣщая, хватаетъ овцу, такъ и эти паны людей. И суда на нихъ нѣтъ, все равно, какъ на волка. По волѣ ихъ, молодая дѣвушка идетъ за старика, или молодой парень женится на такой, что и смотрѣть противно, а иногда на вдовѣ, съ полдесяткомъ дѣтей. Не безъ горя-жъ, не безъ лиха прижила она ихъ; уже хотѣла-бъ только жить въ тишинѣ, да доводить до ума своихъ сиротъ; а тутъ ее берутъ и вѣнчаютъ. Съ бѣдою шла за перваго мужа, а тутъ велятъ еще разъ идти въ неволю! Что́ дѣлать? идетъ, поникши головою. Воротятся дѣти съ панщины и изумятся: кто это втерся къ нимъ въ хату. Такъ у насъ, такъ! Женятся не любившись; иной разъ и слова другъ съ другомъ отъ роду не сказали, а тутъ живи вмѣстѣ и мирись, какъ хочешь; а не будешь мириться, то помиритъ прикащикъ... Иной парубокъ сдружился съ дѣвушкой, полюбился ей, а сватай не ту, которая по сердцу, а ту, которую панамъ угодно. Боже! что дѣлается въ хатѣ, когда воротятся съ работы отецъ и мать! Все ихъ богатство, вся ихъ отрада, дочь, иногда однимъ-одна всего, эта дочь отнята у нихъ и отдана въ чужія руки!»

«Да вотъ, не далеко ходить: у нашего сосѣда Ничипора была дочь, всего одна. Были и другія, довольно послалъ имъ Богъ дѣтей, да все умирали маленькими. Знаете, нужда, панщина, досмотрѣть некому. Еще и не поправится мать послѣ родовъ, а уже на панщину гонятъ. И здоровье потеряла, и дѣтей не вскормила и не взросла. Только одну Господь сберегъ для утѣхи отцу

и матери на старость. За то какъ ужъ они надъ нею разрывались! Бывало, пойдетъ въ церковь, а отецъ и мать останутся для хозяйства. Вѣдь нашему брату только и времени на себя поработать, что воскресный день, или великій праздникъ. Да и то... ну, да Господь имъ судья! Такъ вотъ, отпустятъ Парасю въ церковь (а ее Парасею звали), а сами такъ и смотрятъ, скоро ли воротится. Старушка топитъ печь, а тутъ бѣжитъ къ окну; подметаетъ хату, и все высматриваетъ, не идетъ ли изъ церкви Парася; взялась за пряжу—вскакиваетъ съ мѣста и опять къ окну. А потомъ выйдетъ къ старику... И тотъ знай черезъ плетень посматриваетъ, и работа ему не спорится: «Пошелъ бы ты, Омельку, ей на встрѣчу! Не случилось бы чего? Она и отъ собакъ не въ силахъ отбиться». А старикъ только того и ждалъ: уже и за воротами, уже и спѣшитъ къ церкви. Только тогда они и спокойны, когда Парася передъ ними. И славная, работящая была дѣвушка. Не посидитъ, бывало, и въ самый великій праздникъ на мѣстѣ. То божникъ уберетъ свѣжими цвѣтами, то чистый рушникъ ей надобно повѣсить на кілочкѣ, то лавки повытираетъ, то соберетъ гребни и гребенки да за сволокъ позатыкаетъ, а уже сидѣть на мѣстѣ не будетъ. А отецъ и мать все смотрятъ на нее да радуются, да благодарятъ Бога, что наградилъ ихъ такою дочкою. Ну, и думаютъ, что погуляетъ еще годикъ, другой, чтобъ набралось больше силы, а тамъ примутъ къ себѣ въ хату какого нибудь парня, хоть и сироту, лишь бы добраго, чтобъ не обижалъ ихъ дочери и помогалъ имъ на старости въ работѣ... Дождались зятя! Такъ оно и вышло, какъ они думали! Эге!.. Обвѣнчали паны Парасю съ кѣмъ захотѣли, не спрашивая, какъ отцу и матери угодно, — точно и на свѣтѣ ихъ нѣтъ. Воротились одинъ разъ съ панщины, ждутъ дочки съ поля,—нѣтъ Параси! Какъ тутъ сосѣдка въ хату: «Дайте, будьте ласковы, огня: сварю хоть картофелю на вечерю». А потомъ и говоритъ: «Какъ же теперь на старости вы будете вѣкъ доживать?»—«Что это ты говоришь? Какъ жили такъ, и жить будемъ.»—«А ваша пчелка, говоритъ сосѣдка, не будетъ больше гудѣть по хатѣ...»—«Ой лишечко жъ намъ!»... Догадались бѣдняжки, въ чемъ дѣло, затѣмъ, что это не впервые. «Уже, говоритъ, вашу дочку заняли и обвѣнчали съ Ѳедоромъ Сычомъ». Схватили себя старые отецъ и мать за сѣдые волосы... Мать бѣдная плачетъ, *якъ Дунай реве.*

Гдѣ у ней и слезы берутся! Такъ и льетъ, такъ и льетъ! А старикъ заплакалъ, а потомъ и говоритъ «Го́ді, стара! добьемъ вѣку и такъ. Горекъ свѣтъ, а надобно жить! Го́ді плакать! Не однимъ намъ бѣда. Опанасу и голову обрили, и всю худобу забрали, чтобъ принуждалъ дочку идти подъ вѣнецъ; а ее, бѣдняжку, три раза розгами сѣкли, пока не согласилась. Коли хочешь знать (говоритъ, а слезы такъ и текутъ по щекамъ), коли хочешь знать, такъ это еще насъ наша голубонька Парася пожалѣла. Завязала себѣ свѣтъ, чтобъ намъ было виднѣе на старости.» А мать все убивается: «Боже мой! въ какія жъ руки ее отдали? Дитя мое единое! какъ ты будешь безъ насъ; какъ мы безъ тебя будемъ жить?» И едва держится на ногахъ, и все причитываетъ, какъ надъ мертвой: «Безталанная наша! цвѣтокъ ты нашъ, побитый морозомъ! лучше бъ ты насъ на лавкѣ положила (*), чѣмъ себѣ свѣтъ завязывать на вѣки!» А потомъ—гупъ! такъ и упала на землю, и грызетъ землю съ печали. Кинулась сосѣдка къ ней, а старикъ сидитъ на лавкѣ, сложивши руки и повѣсивши голову. «Не тронь ее, говоритъ, пускай умираетъ!» Вотъ что у насъ дѣлается!

«А дочь бѣдная три дня и на глаза имъ не показывалась, чтобъ не видали они ея туги, ея великой печали. Ея не вылить и не выколвить! А послѣ бѣдняжка принаровилась къ жизни. Мужъ не обижалъ ее, прижили они себѣ ребенка, и хозяйствице наклюнулось. Но тутъ ихъ и разрознили. Онъ былъ человѣкъ спо-

---

(*) Покойниковъ обыкновенно кладутъ на столѣ, но у малороссійскихъ крестьянъ, по бѣдности, рѣдко водится такой столъ, на которомъ могъ бы помѣститься покойникъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, очень добрый человѣкъ и попечительный помѣщикъ, желая поправить разоренныхъ прежнимъ владѣльцемъ крестьянъ, лично ходилъ изъ хаты въ хату. Въ одной нашелъ онъ исхудалаго мужика, который сидѣлъ на землѣ передъ миской, въ которую накрошилъ хлѣба и луку да налилъ воды. Это былъ его обѣдъ. Подлѣ него сидѣла крошечная дѣвочка, дочь его. Въ хатѣ не было не только стола, но и никакой принадлежности. Въ углу сложены были какія-то лохмотья. «Что это значитъ?» спросилъ помѣщикъ. «Какъ это ты живешь»? Мужикъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, отъ страху. «Гдѣ твой столъ?»—«Не было у меня стола.»—«А лавки?»—«Жінка умерла, труну сдѣлалъ.»—«А полъ (т. е. принадлежность для спанья) гдѣ»?—Трое дѣтей умерло,—все пошло на домовинки».—«Почему жъ ты ко мнѣ не пришелъ и не попросилъ?»—«Какъ мнѣ къ вамъ идти? Я такой себѣ не смѣлый...спросите всѣхъ сосѣдей.» Помѣщикъ забралъ справки, не пьяница ли этотъ мужикъ. «Нѣтъ, хорошій человѣкъ,» отвѣчали ему. «У него былъ и скотъ, и все, да такъ его бѣда пришибла, а паны не дали поправиться за панщиною».

*

собный, такъ его перевели въ городъ; и жена въ томъ же городѣ жила, только въ другомъ мѣстѣ, такъ что изъ ихъ жизни не было ни славы, ни корысти. Старики одинокими доконали свой вѣкъ. Бывало, и хаты не топятъ—не въ силахъ; такъ мы уже имъ помогаемъ, сосѣдки, то одна, то другая, при своей нуждѣ, когда выберется время отъ панщины: и хату имъ истопимъ, и сорочки перемоемъ, и накормимъ. Парася, пока молодость служила, была красивая молодица; да не долго служила ей молодость. Все клонилась, все клонилась къ землѣ подъ нуждою да горемъ, а тамъ смотри—уже баба! согнулась и дрожитъ, какъ осиновый листъ. А почернѣла, какъ почернѣла—Боже! Потому-то говорятъ: не родись уродливый (*), а родись счастливый. Въ счастьи не безъ враговъ: подроются. Такъ-то поплелась дѣвичья краска, золотая доля въ поле—искать иной доли съ буйными вѣтрами!»

Возвратясь изъ путешествія, часто утомительнаго и соединеннаго со множествомъ неудобствъ, по бѣдности края, я спрашиваю теперь у себя: зачѣмъ я ѣздилъ въ Малороссію? чего мнѣ хотѣлось отъ этого народа? какой отрады искалъ я отъ бесѣды съ нимъ? Я напередъ зналъ, какого рода сцены представятся мнѣ въ Малороссіи. Мало изучивъ мѣстностей малороссійскихъ, посѣтивъ немного селъ и городовъ, я слишкомъ много видѣлъ страданій человѣческихъ на этой почвѣ, окропленной кровью въ борьбѣ за свободу. Зачѣмъ же мнѣ было набирать въ свою память еще новые вопіющіе образы?... Не нахожу отвѣта на эти вопросы. Какая-то непреодолимая сила влечетъ меня смотрѣть на слезы народа, которому нечѣмъ помочь, потому что сердца богатыхъ и сильныхъ ожесточились до крайности, сдѣлавъ роскошь непремѣннымъ условіемъ своего существованія. Довольно же мнѣ выставлять на общественный судъ *безымянныхъ* злодѣевъ, на которыхъ нѣтъ возможности указывать пальцемъ передъ глазами людей благородныхъ. Разскажу развѣ фактъ обскурантизма, превосходящій всякое вѣроятіе. Онъ по своей дикости и величію изувѣрства, будетъ здѣсь то, что̀ въ концертѣ финалъ, въ которомъ оркестръ, собравши всѣ свои громоносныя средства, приводитъ въ трепетъ нервы слушателя и заставляетъ его ждать, какъ радости, послѣдней ноты. Замолчавъ, наконецъ, объ

(*) *Уродливый*—хорошъ собою.

ужасахъ разврата умовъ и сердецъ человѣческихъ, я надѣюсь одолжить читателя больше, чѣмъ самимъ повѣствованіемъ.

Заѣзжаю въ одинъ монастырь, пріобрѣтаю подаяніемъ на молитвы дружбу престарѣлаго отшельника, освѣдомляюсь о книгахъ, составляющихъ наслѣдіе монастыря послѣ смиренныхъ старинныхъ трудолюбцевъ, и получаю простодушный и спокойный отвѣтъ:

— Были, точно были книги, и пропасть ихъ лежала грудами на хорахъ. Знаете, въ этомъ краю когда-то водились паписты и уніяты, такъ они много оставили послѣ себя всякихъ рукописей. Такъ я слышалъ, а впрочемъ Богъ ихъ знаетъ. Самъ я тѣхъ книгъ не читалъ, да и никто у насъ не прочелъ бы. Иное написано Богъ знаетъ покаковски, а иное хоть и по нашему, да не при насъ писано: крючки да титлы, и не разберешь что́ оно такое. А картинокъ много было, и буквы фигурныя, все кистью раздѣлано и красками, да на что оно? Пустой трудъ! Мало, видно, было въ старину прилежанія къ благочестію, а больше къ суетѣ міра сего. Хоть бы вотъ и переплеты— все кожа да золото; вѣдь оно денегъ стоило, а на что́ оно монастырю? Книги совсѣмъ не церковныя, а Богъ знаетъ какія. Негодилось бы такихъ и держать въ монастырѣ. Только мѣсто занимаютъ. Набралось ихъ сотъ до пяти... куда съ ними дѣваться? Вотъ покойный настоятель и говоритъ мнѣ: «Что намъ, отецъ казначей, дѣлать съ этими книгами? на что они намъ? Продать бы ихъ съ разрѣшенія владыки».—«А кто ихъ купитъ?» говорю я. «Кому охота читать старыя книги, когда есть новыя».— «Найдутся, братъ,» говоритъ отецъ настоятель: «есть много людей, которымъ нечего дѣлать. А вотъ въ чемъ искушеніе: что въ нихъ написано? Мы съ тобой, съ нашими глазами, не разберемъ, да и младшая братія едва ли съумѣетъ... вѣдь пробовали же, только картинки повырвали.» Ты, братъ, смотри, говоритъ мнѣ все-таки настоятель, по кельямъ не позволяй наклеивать этой пустоши, чтобъ не вышло какого окаянства. А сжечь бы эти проклятыя книги. Вѣдь въ нихъ—чего добраго?— что-нибудь найдется и въ осужденіе нашей вѣры! Паписты, унія, вѣдь эта пакость гнѣздилась тутъ съ своими училищами,— вотъ и книгъ наплодила. Не повѣрю я, говоритъ, чтобъ благочестивая душа занималась такимъ мараньемъ. Суета мірская,

какъ у всѣхъ этихъ католиковъ, не здѣсь будь они помянуты!» Такъ говорилъ отецъ настоятель, да и самъ я такъ думаю.

— Ну, что же вы сдѣлали съ книгами! спросилъ я, стараясь владѣть собой и предвидя его отвѣтъ.

— Что же? мы подумали, подумали. Продавать ихъ некому, да еще распространится ересь латинская... Богъ знаетъ, что въ тѣхъ книгахъ написано! Такъ мы и рѣшили съ отцемъ-настоятелемъ: такъ какъ въ описи монастырскаго имущества они, за негодностью, не показаны, то сжечь ихъ, во избѣжаніе всякаго грѣха.

— И вы сожгли ихъ? вскричалъ я, какъ актеръ на театрѣ. (Въ воображеніи моемъ представились лѣтописи и записки современниковъ, Богъ знаетъ какихъ вѣковъ.)

— Да что же? Разумѣется сожгли! отвѣчалъ спокойно инокъ.— Двѣ зимы топили печи этими окаянными книгами. Я себѣ только защепки отрывалъ (*).

(*) Не могу не прибавить, что въ одномъ древнемъ монастырѣ велѣно привести въ порядокъ старинныя книги и рукописи и составить имъ опись. Библіотекарь исполнилъ дѣло по крайнему своему разумѣнію: которыя книги и рукописи не имѣли заглавныхъ листовъ, или въ которыхъ не подъ силу было ему разобрать и понять заглавіе, онъ всѣ сжегъ, для порядка.

16.

Ротный командиръ.

...Рота уже вышла изъ селенья, только у одной хаты стоитъ еще повозка, въ которую кто-то торопливо укладываетъ вещи. На крыльцѣ появился офицеръ.

— Все уложено?

— Готово-съ! пожалуйте садиться.

Офицеръ началъ сходить съ крыльца. Мужичекъ низко поклонился ему.

— Что тебѣ? отрывисто спросилъ офицеръ.

— Къ тебѣ, ваше благородіе! отвѣтилъ тотъ, снова поклонившись.

— Ну, что надо?

— Прогоны пожалуй.

— Какіе прогоны?

— А за подводы, что рота взяла.

— Прогоновъ нѣтъ! мнѣ не выдавали.

— Не обидь, ваше благородіе!

— Какой ты дуракъ, братецъ мой! Тебѣ говорятъ: прогоновъ нѣтъ, не выдано.

— Намъ же какъ быть безъ прогоновъ-то?

— Откуда же я тебѣ возьму? Слушай? ты былъ подъ Севастополемъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— А мы были. Вы тутъ, канальи, на печи лежали, а мы кровь проливали за васъ, за лежебоковъ. Вы вотъ какъ благодарите насъ теперь: прогоны имъ понадобились! Ахъ, вы, скареды этакіе!

— Это все хорошо, ваше благородіе, сказалъ староста, почесывая затылокъ: да къ дѣлу-то нейдетъ: прогоны надыть! Вотъ ты про войну-то говоришь, а у меня у самого сынъ-то убитъ въ Севастополѣ.

— Онъ въ какомъ полку служилъ!

— Въ московскомъ.

— Какъ фамилія?

— Кругловъ.

— Да онъ, братъ, у меня въ ротѣ былъ; вмѣстѣ на вылазку ходили. Молодецъ былъ, такъ и лѣзетъ въ огонь! Жаль бѣднаго! На моихъ рукахъ померъ.

— На твоихъ?..

— Ну да! Онъ прикрытіемъ былъ у меня. Пуля угораздила ему прямо въ животъ; онъ зашатался, я подхватилъ его. «Что, говорю, братъ? куда ранила?» а онъ: «умираю, говоритъ, ваше благородіе! Поклонитесь отцу, матери, коли увидите!» да и испустилъ духъ. Я его на себѣ и въ крѣпость отнесъ; больно любилъ его! не хотѣлъ, чтобы тѣло врагу досталось.

Мужикъ все время молчалъ, и когда офицеръ уже сѣлъ, онъ съ поклономъ сказалъ:

— Много благодарны тебѣ, ваше благородіе, что тѣло-то сына врагу на поруганье не оставилъ...

— Не стоитъ благодарности. Прощай, братъ! сказалъ офицеръ и, обратившись къ ямщику, крикнулъ: пошелъ!

Лошади тронулись, проѣхали сажень двадцать, а мужикъ все стоялъ въ раздумьѣ, съ непокрытой головой; наконецъ опомнился и закричалъ:

«Екимъ! стой!» но Екимъ не слышалъ и продолжалъ ѣхать; староста побѣжалъ за повозкой, крича на бѣгу: «Екимъ, а Екимъ! стой! о-ста-но-вись!..»

Но крики эти тщетно раздавались въ воздухѣ.

17.

Сплошь да рядомъ.

КНЯЗЬ ТЕЛЯТИНСКІЙ. Начальникъ отдѣльной части. Въ долгу, какъ въ шелку, но живетъ съ роскошью. Крѣпкій лобъ; дѣйствуетъ чужимъ умомъ.

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ СВИНИНЪ, правая рука князя.

БОГДАНЪ БОГДАНОВИЧЪ ФРЕЙХЪ. Хитрый нѣмецъ.

НИКИТА ИВАНОВИЧЪ ЛЕКАРЕВЪ, забубенный игрокъ, вообще дрянь человѣкъ.

ѲЕДУЛЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ ГЛУПОРОДОВЪ, нѣчто въ родѣ шута при князѣ.—Высокій, здоровый дѣтина, съ претензіями: на умъ и нравиться женщинамъ.—Вретъ здорово и ѣстъ до отвала.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ПУЧЕГЛАЗОВЪ. Полоумный господинъ, страстный любитель музыки. Поетъ старымъ, неприличнымъ баритономъ.

Г-нъ ГАЛКИНЪ. Личность въ родѣ Стародумовъ и Честоновъ въ старинныхъ комедіяхъ.

Г-нъ X. } Маленькіе люди.
Г-нъ Z. }

Богато убранный кабинетъ князя. По стѣнамъ висятъ всѣмъ знакомые портреты, симметрически развѣшанныя арматуры, разныя группы, бюсты и т. д. Посреди комнаты большой письменный столъ. Въ углу роскошный каминъ. Князь сидитъ у стола съ pince-nez на носу и читаетъ справочную книгу для военныхъ.—Входитъ Свининъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ XIX стол.).

I.

Свининъ. Я къ вамъ, ваше сіятельство.

Князь. Милости просимъ *(указываетъ на стулъ, Свининъ садится)*. Что скажете хорошаго?

Свининъ. Князь! пользуясь вашимъ ко мнѣ довѣріемъ, я беру на себя смѣлость, просить выслушать меня со вниманіемъ.

Князь. Я васъ слушаю.

Свининъ. Что вы дѣлаете, князь? Чему вы себя подвергаете? Вы разрѣшили разыгрывать лотерею гг. X. и Z, и они вчера и разыграли. Подумайте, князь, что́ вы сдѣлали? Вы, вѣроятно, забыли, или, можетъ быть, не знали, что лотерея эта была въ пользу нашихъ враговъ, готовыхъ срамить насъ при малѣйшей возможности, за примѣрное, можно сказать, исполненіе нашихъ обязанностей. Вы догадываетесь, князь, о комъ я говорю. Теперь, узнавъ, что двое изъ вашихъ подчиненныхъ дѣлали лотерею въ ихъ пользу, они еще болѣе будутъ потѣшаться надъ нами. А служить для нихъ «*потѣшными*», признаюсь, выгоды мало. Мы должны мстить имъ, гдѣ только можемъ, за невыгодные слухи, распространенные на нашу честную семью, а не дѣлать лотереи въ пользу этихъ мерзавцевъ. Что между ними есть бѣдные, намъ до этого нѣтъ дѣла. — Пусть околѣваютъ лучше съ голоду, когда осмѣлились очернить нашу вѣрную службу. Нѣтъ, князь, на этотъ разъ, воля ваша, вы поступили опрометчиво. Признаюсь, у меня кровь въ голову хлынула, когда я узналъ объ этомъ.

Князь. Я совершенно съ вами согласенъ, мой милый Свининъ; но такъ какъ это дѣло уже сдѣлано, то я буду убѣдительно просить васъ, найти какую нибудь возможность пособить этому горю. Ради Бога, перестаньте сердиться на меня, и не откажите помочь мнѣ исправить эту ошибку. Зная ваши геніальныя способности, я надѣюсь на васъ какъ на каменную гору.

Свининъ. Разумѣется, князь, ничего нѣтъ на свѣтѣ невозможнаго; да не объ этомъ рѣчь. А досадно, что вы изволили дать такой промахъ.

Князь *(подшучивая)*. Ну полноте, полноте. Лучше помогите!—Знаете русскую пословицу: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ»?

Свининъ *(вполголоса и оглядываясь кругомъ)*. Теперь вамъ одно остается, князь, это—отказаться отъ даннаго вами позволенія гг. X и Z разыгрывать эту лотерею и представить, что они это сдѣлали самовольно. За тѣмъ ихъ необходимо удалить отъ службы. И только этимъ вы можете избавиться отъ даль-

нѣйшихъ непріятностей. Сначала предложите имъ самимъ подать въ отставку; если-же они не согласятся, то, нисколько не стѣсняясь, представьте ихъ рапортомъ, какъ ослушниковъ начальства. Бояться вамъ нечего, васъ всегда поддержатъ. Что-же касается до г. Галкина, то одинъ голосъ противъ всѣхъ немного сдѣлаетъ. Остальные-же васъ такъ уважаютъ, что за нихъ можно смѣло ручаться.—О гг. X и Z и говорить нечего, ихъ, какъ говорится, можно ноготкомъ придавить.

Князь. Вы знаете, с. Свининъ, что ваше слово для меня законъ. Потребуйте ко мнѣ немедленно гг. X и Z.

Свининъ. Сейчасъ, князь. *(уходитъ).*

II.

(Гг. X и Z *тихо входятъ и останавливаются около двери.*)

Князь *(увидавъ ихъ, строго).* Господа! Вы разыгрывали лотерею?

X и Z. Разыгрывали, ваше сіятельство.

Князь. Сію минуту вонъ изъ службы!

X и Z. Вы намъ позволили, ваше сіятельство.

Князь. Никогда не позволялъ. Ступайте и подайте въ отставку.

X и Z. За что же, ваше сіятельство? — Ей Богу, мы невиноваты!

Князь. Въ такомъ случаѣ, я самъ васъ выключу изъ службы, представя рапортомъ, что не могу держать подчиненныхъ, которые осмѣлились ослушаться моихъ приказаній!

X и Z. Но вспомните, ваше сіятельство, что вы сами намъ позволили!

Князь. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—слышите-ли?

X и Z. Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство....

Князь *(перебивая).* Безъ разговоровъ! Извольте идти и знайте, если черезъ часъ вы сами не подадите въ отставку, то я безъ васъ распоряжусь.—Извольте! *(показываетъ на дверь).*

X и Z *(уходятъ).*

III.

(Свининъ *и за нимъ* Фрейхъ, Лекаревъ, Глупородовъ и

Пучеглазовъ. *Всѣ входятъ на цыпочкахъ. Послѣдній плотно затворяетъ за собой дверь. Весь разговоръ вполголоса).*

Свининъ *(князю)*. Ну что?

Князь. Велѣлъ подать въ отставку.

Свининъ. И прекрасно. А я успѣлъ уже кой-кого предупредить, и всѣ со мной согласились. *(На ухо князю)* Remercicz-les.

Князь. Благодарю васъ, господа, за поддержку. Повѣрьте, я въ долгу не останусь.

Глупородовъ *(громко)*. Значитъ, на чай перевалитъ? *(всѣ смѣются).*

Свининъ. Цсъ! Что вы, господа, орете! Ѳедулъ Всеволодовичъ, ты вѣчно съ дурачествами!

Фрейхъ *(отводитъ князя въ сторону)*. Ваше сіятельство! будьте такъ добры, не откажите въ убѣдительнѣйшей просьбѣ.— Мѣсто, о которомъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, теперь свободно....

Князь. Понимаю, понимаю. Будьте покойны, на дняхъ вы его получите.

Фрейхъ *(низко кланяется)*. А какова дерзость, ваше сіятельство, гг. X и Z., рѣшиться разыгрывать лотерею, когда вы изволили имъ запретить? — Вонъ ихъ, негодяевъ!

Лекаревъ *(подходитъ съ другой стороны къ князю. Фрейхъ отходитъ)*. Ваше сіятельство! вчерашній день я до того проигрался, что вѣрите-ли, не знаю чѣмъ сегодня накормить свое семейство. А я мимоходомъ слышалъ, ваше сіятельство, что вы изволили получить, заимообразно, порядочную сумму.... Не соблаговолите-ли удѣлить небольшую частицу несчастному отцу семейства?

Князь. Съ удовольствіемъ, любезный; заходите ужо ко мнѣ.

Лекаревъ. Премного благодаренъ, ваше сіятельство. А что касатся до поступка гг. X и Z., то это неслыханная подлость! Повѣрьте, ваше сіятельство, у меня и теперь еще волосъ дыбомъ стоитъ.

Князь *(Пучеглазову)*. А ваше мнѣніе, г. Пучеглазовъ, насчетъ поступка X и Z!

Пучеглазовъ *(подумавъ)*. По моему, ваше сіятельсто, это дѣло Сибирью пахнетъ.

Князь. Ну, хоть и не Сибирью, а нехорошо, очень нехорошо.

Пучеглазовъ. А я все-таки того убѣжденія, ваше сіятельство, что «Ehrl Kõnig» Шуберта, не что иное, какъ прахъ и суета.

Глупородовъ. Вотъ штуку-то сморозилъ! *(общій хохотъ).*

Свининъ. Цсъ! господа! ради Бога, тише! Успѣете насмѣяться: точно дѣти!

IV.

(Тѣ же и Галкинъ, *блѣдный, съ сердитымъ лицомъ).*

Галкинъ. Ваше сіятельство! правда, что вы приказали гг. X. и Z. подать въ отставку?

Князь. Приказалъ-съ! *(Въ это время всѣ переходятъ на сторону князя. Галкинъ стоитъ одинъ).*

Галкинъ. Позвольте узнать, ваше сіятельство, за что-же?

Князь. За то, что они ослушались моего приказанія.

Галкинъ. Ваше сіятельство! я знаю подробно все дѣло и мнѣ кажется, что вся вина ихъ произошла отъ одного недоразумѣнія; во всякомъ случаѣ, это не такое еще преступленіе, за которое увольняютъ отъ службы.

Князь. Ваше лицо мнѣ сегодня не нравится. Вы взволнованы, и поэтому не можете говорить съ начальникомъ.

Галкинъ. Но, ваше сіятельство, согласитесь, что подобныя....

Князь *(перебивая его, громко).* Я съ вами, сударь мой, говорить не хочу!—Понимаете-ли?...

Галкинъ. Понимаю и то, ваше сіятельство, что намъ вмѣстѣ служить не приходится. *(Уходитъ. — Всѣ, молча, смотрятъ другъ на друга.—Занавѣсъ падаетъ).*

Начальникъ. Я полагаю, что онъ... съ ума сошелъ... Слѣдуетъ его испытать... (*секретарь уходитъ*).

Начальникъ (*обращаясь къ частному приставу*). Ну...что въ городѣ новаго?

Частный Приставъ. Помѣщикъ Колпачовъ, ваше п—во, изругалъ вчера вечеромъ, въ личномъ присутствіи многихъ особъ, проходившихъ въ то время по царевскому переулку, гдѣ и самое дѣло происходило, сапожника Еремѣева-съ.

Начальникъ (*обидѣвшись*). О такой дряни вы мнѣ рапортуете!

Частный приставъ (*скороговоркою*). Бія, ваше пр—во, при этомъ, толстою суковатою палицею и обѣщаясь въ тоже время выжечь его...въ этомъ вся сущность дѣла, ваше пр—во; Еремѣевъ теперь на Колпачова жалобу подалъ и благородныхъ свидѣтелей подобралъ-съ,

Начальникъ. Какая же въ этомъ случаѣ видна недальновидность! Вотъ дуракъ, въ совершенствѣ! Ужъ хоть бы погрозилъ другимъ чѣмъ нибудь...ужъ лучше бы сказалъ, что велитъ его обокрасть, а то...скажите, пожалуста! выжечь! Уголовное преступленіе.

Частный приставъ. А на счетъ, ваше п—во, разданія денегъ въ пользу нуждающихся... Вы изволили приказать, чтобы каждый представилъ свидѣтельство, засвидѣтельствованное о бѣдности лица какимъ нибудь въ городѣ уважаемымъ лицомъ: такъ никто не рѣшается подписать-съ!

Начальникъ (*небрежно*). Всѣ — дураки! Засвидѣтельствуйте своею подписью!

(*Частный приставъ уходитъ*).

Начальникъ (*подходя къ купцу Зубатову*). По какому дѣлу?

Купецъ (*кланяясь въ поясъ*). По самому секретному, экстренному, ваше превосходительство: на счетъ, то есть, положенія единыя рукавицы и хозяйки, жены моей, что касающее, сообщеніе сдѣлать желаю и осмѣливаюсь о томъ всеподданнѣйше просить. Въ отсутствіе мое, ваше превосходительство, значитъ, коли я на ярмонку отбывалъ, жена моя, во хмѣлю, вѣстимо, съ кѣмъ токмо такой грѣхъ не бываетъ! — воротилась домой, ну, и преспа потомъ... едина, сама съ собою.. токмо что мой прикащикъ, на другой день, прямо къ женѣ, да такъ и такъ: вчера, говоритъ, государыня моя, ты къ себѣ придти мнѣ велѣла,

такъ, будучи я, значитъ, въ спальнѣ твоей, свою рукавицу подъ подушкою опокинулъ. Жена-то, стало быть, про все это дѣло ничего не упомнитъ, но бояся, чтобы въ этомъ случаѣ огласки не было больно, дала ему, тѣмъ же слѣдомъ... рублей съ тысячу, а онъ съ ней теперича—взялъ да и былъ таковъ! Жена-то убивается горько — грѣхъ-то ради, что деньги-то онъ выманилъ окаянный, а самъ далъ стречка. Такъ я хочу, значитъ, напредки ее поучить; нельзя ли будетъ происходительству вашему хоша бы ее на недѣльку-другую для острастки куда посадить.

Начальникъ. Это не по моей части: къ архіерею ступай (*купецъ уходитъ*).

Начальникъ (*обращаясь къ Краковскому*). Вамъ что угодно?

Краковскій (*рисуясь*). Я къ вашему пр-ву съ покорнѣйшимъ извиненіемъ. Вчерашній день, на балу, я имѣлъ счастіе танцовать... съ женою... пр-ва вашего... предварительно имѣвъ несчастіе выпить нѣсколько бутылокъ... (*поправляясь*) то есть, бокаловъ... шампанскаго-съ. Упоенный, можно сказать, такимъ счастіемъ и блаженствомъ, я... ваше пр-во... я... я... (*тихо*) рѣшился пожать... ручку... вашего пр-ва жены... вашей... и рѣшаюсь теперь повергнуть себя... и въ полное распоряженіе... какъ вашему пр-ву и ихъ пр-ву будетъ угодно-съ...

Начальникъ. Во 1-хъ, какъ вы, м. г., смѣете называть такую особу... женою? Моя жена... развѣ жена... для васъ?!

Краковскій. Я, ваше пр-во...

Начальникъ. Она сударь, для васъ не жена!

Краковскій (*поспѣшно*). Супруга, ваше пр-во! Въ томъ великодушно прошу меня извинить! Я даже бы и лично имъ самимъ желалъ принести свое извиненіе?

Начальникъ. Что-же? Чего вамъ отъ меня хочется? Желалъ бы я знать! (*горячо*) Вѣдь, я... я думаю... много чести! я, сударь, не Зубатовъ купецъ!—Вы все философствуете! Вы думаете, что нашли меня, дурака? Я докажу вамъ, что я не дуракъ! Извольте ретироваться?

(*Оба уходятъ*).

Дежурный (*про себя*). Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!

(*Входитъ баба, въ пестромъ платкѣ и овчинномъ полушубкѣ*).

Дежурный *(съ ужасомъ бабѣ)*. Куда ты лезешь, куда!

Баба *(громко)*. Да не трошь меня! что не пущаешь? Нужно мнѣ къ *самому*. Самого видѣть желаю.

Дежурный *(растерявшись)*. Прошеніе что-ли есть, такъ давай мнѣ скорѣй, подамъ я сейчасъ...

Баба. Да ты-ста что за укащикъ мнѣ. Мнѣ подай самого! самаго набольшаго, кого нѣтъ у васъ въ свѣтѣ больше, тому и подамъ.

Дежурный. Ужъ и по всему видно, баба!

Баба. Знамо, я баба, а ты мужикъ!

(Начальникъ входитъ, въ красной вязаной курткѣ, и прямо обращается къ бабѣ).

Начальникъ. Что тебѣ нужно?

Баба. Я къ самому.

Начальникъ. Къ губернатору? Это я!

Баба. Эва! Нечто не вижу я, кто ты есть таковъ человѣкъ! Да въ эвтакомъ-то краснѣющемъ поднарядѣ у насъ бабы на горохъ только ставятъ!

Начальникъ *(съ гнѣвомъ замахиваясь рукой)*. Ахъ, ты!...

Баба *(поспѣшно отстраняясь)* Да ничего, не замай! Нонче бить-ту не велѣно насъ... никто не смѣетъ! и царь не велѣлъ! *(При словѣ царь, начальникъ быстро уходитъ въ свой кабинетъ и, переодѣвшись тамъ въ сюртукъ, съ генеральскими эполетами, появляется снова).*

Начальникъ *(бабѣ)*. Ну, теперь видишь, кто я?

Баба. Да, что переодѣлся-то токмо, а все точно таковъ же... много здѣсь у васъ лакейства-господъ... съ барскаго-то плеча что хошь надѣвай, а ты мнѣ подавай самого!

Начальникъ *(съ гнѣвомъ дежурному)*. Велѣть жандармамъ вытолкать сейчасъ вонъ!.. а просьбу силой отнять у нея... *(дежурный убѣгаетъ, а начальникъ поспѣшно отправляется въ кабинетъ)*. Бестіи! Вольнодумцы! Я докажу вамъ, что я не дуракъ!

(Въ кабинетъ).

Жена начальника (*появляясь въ полномъ убранствѣ, говоритъ мужу русскимъ ломаннымъ языкомъ*) Миленькій мой, я тебѣ забила за то сказать, сто мене уцера, на балу, въ насемъ цѣсномъ собраніи, изобидѣвалъ панъ Виспеградскій. Я ему

велѣла мазурка взиграть музикантамъ, онъ зе повелѣлъ голопадъ.

Начальникъ. Ну, такъ мы ему отомстимъ. Мы живыя картины поставимъ, и въ числѣ ихъ одну: «Убивающая Юдифь Олоферна.» Ты за Юдифь, а его уговоримъ Олоферна съиграть, дескать точно такимъ же счастливымъ ростомъ и силою обладаете вы. А межъ тѣмъ здѣсь будетъ сокрыта тайная, злая мысль: губернскій сановникъ, второе по мнѣ лицо, за отсутствіемъ моимъ другой *Я, безъ головы*!! Ха! ха! ха! О, я докажу, что я не дуракъ!

II.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

(Чальниковъ, предсѣдатель уголовной палаты, сидитъ въ вольтеровскихъ креслахъ, за письменнымъ столомъ, на которомъ разложены дѣловыя бумаги и нѣсколько колодъ картъ).

Чальниковъ (*хлопаетъ по столу колодою картъ*). Положительно, формально и окончательно! Благодареніе богамъ, дошелъ я теперь до того, что любую изъ картъ свободно могу передергивать такъ, что чортъ не замѣтитъ! Сегодня же попробую испытать себя въ клубѣ надъ начальникомъ нашей губерніи. Недавно я подписалъ на обѣдъ, какъ ему, такъ и супругѣ его, по 12-ти на рыльце, такъ пора и честь знать. Я же для ихъ удовольствія, еще сверхъ того и въ благородномъ спектаклѣ играю—сосланнаго въ Сибирь, *Неизвѣстнаго*, отца Параши Сибирячки. Роль совершенно въ духѣ моемъ, — роль сильная *(декламируетъ)*. Благословенный! Да встрѣтятъ тебя ангелы небесные, когда....

Помѣщикъ Колокольчиковъ *(быстро входя)*. Когда-же ты займешься дѣломъ моимъ?

Чальниковъ *(протягивая руку Колокольчикову въ увлеченіи продолжаетъ декламировать)*. «Когда ты, нашъ ангелъ, будешь на небесахъ.»

Колокольчиковъ. «Всѣхъ пора на смѣну!» господа сановники, что вы дѣлаете? Отъ начальника губерніи и до тебя, включительно, рѣшительно не могу сегодня никакого толку добраться. Одинъ цѣлую ночь протанцовалъ краковякъ и отдыхаетъ теперь на лаврахъ, а другой какую-то театральную поретъ чушь!

*

Предсѣдатель. Э, помѣшалъ! Ну, что тебѣ надо?

Колокольчиковъ. Надо, чтобы ты защитилъ и совсѣмъ оправдалъ нашего старосту отъ вашего становаго, который осмѣлился оскорбить его дочь и за то былъ прилично побитъ.

Предсѣдатель (*смѣясь*). Помилуй, да, вѣдь, это превышеніе власти, оскорбленіе цѣлой земской полиціи!

Колокольчиковъ. Извольте оправдать его непремѣнно, и, не прочитавъ, не подписывать ничего, а то, пожалуй, опять надуетъ тебя секретарь: Далъ тоже слово окуловскому бурмистру пощадить одного мужичка (*грозя пальцемъ*) и благодарность даже отъ него получилъ,—а послѣ самъ же подписалъ приговоръ, не читая, да еще выдумалъ утѣшать его тѣмъ, что де я напишу тамъ, кому надо, такъ будетъ и въ Сибири ему хорошо! Эхъ вы, сильные міра сего!

Предсѣдатель (*пожимая плечами*). Православные христіане!..

Колокольчиковъ. А, что дѣлается подъ носомъ въ палатѣ-то у тебя? Я, братъ, все знаю? Недавно одинъ важный арестантъ, изъ дворянъ, судившійся за разграбленіе почты, приведенъ былъ къ допросу къ намъ, и въ палатѣ всѣхъ, отъ протоколиста до послѣдняго писца, пьяными напоилъ. Вѣдь ужъ это выходитъ: «въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь Додонъ, да надѣлалъ тамъ что-то...

Предсѣдатель. Мы ужъ разъискали: вахмистръ тутъ виноватъ...

Колокольчиковъ. А я думалъ, что ужъ опять тоже... Богъ! (*пауза*) Когда вы прогоните своего секретаря?

Предсѣдатель. Помилуй, да мы безъ него какъ безъ рукъ.

Колокольчиковъ. Какъ безъ головы, скажи лучше! А руки, братъ, у васъ длинныя: хватитъ, на всю жизнь хватитъ! Ужъ подлинно, голова! Исправника Васильева, который судится за истребленіе казенныхъ лѣсовъ, предалъ сначала суду и, какъ слѣдуетъ, осудилъ, а потомъ—самъ же ему, на свою же палату, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, натурально, и на себя самого, жалобу въ сенатъ написалъ, откуда нахлобучку вы себѣ получили... что, не правду ли я говорю?

Предсѣдатель. Нахлобучку мы получили, только секретарь въ этомъ дѣлѣ не виноватъ. Это чистая клевета. Я...

Колокольчиковъ (*перебивая*). «Родился въ Персіи, а родомъ былъ сатрапъ»—договорилъ, братъ, я за тебя. (*вздыхая*) Охъ-

ти мнѣ! Ну, на же вотъ тебѣ мой карточный долгъ да и прощай! (*декламируя*) «прощай, и помни обо мнѣ!» (*уходитъ*).

Предсѣдатель (*одинъ*). Съ нѣкотораго времени либеральныя идеи опять въ моду вошли. Старикъ отецъ мой разсказывалъ, что когда былъ живъ покойникъ графъ Аракчеевъ.... (*задумавшись*) Всѣ находятъ во мнѣ какое то сходство съ покойнымъ Василіемъ Андреевичемъ Каратыгинымъ. Въ самомъ дѣлѣ, я въ совершенствѣ всѣ манеры его схватилъ (*продолжаетъ декламировать*). «Незабвенный!..» то, бишь!—«Благословенный!»

Лакей (*входя*). Секретарь-съ....

Предсѣдатель. «Да встрѣтятъ тебя ангелы небесные!».....

Лакей. Говоритъ, оченно нужно-съ.

Предсѣдатель. Пусть войдетъ.

—

Секретарь (*входя*). Александръ Петровичъ, который дворянинъ содержится теперь на гауптвахтѣ за то, что являлся къ г-ну жандармскому штабъ-офицеру и сдѣлалъ ему показаніе, что питаетъ злой умыселъ на особу г-на начальника здѣшней губерніи, имѣя въ виду безпремѣнно его застрѣлить, сдѣлалъ вчера сознаніе дежурному офицеру, яко бы онъ это сказалъ на тотъ конецъ собственно, что содержаться нечѣмъ было ему, и потому онъ только желалъ, чтобы на казенный коштъ поступить. А нынѣ наслѣдство ему достается.

Предсѣдатель (*внимательно*). И большое наслѣдство?

Секретарь. Достаточно, говорятъ-съ.

Предсѣдатель. Какъ же вы полагаете?

Секретарь. Я съ своей стороны полагаю.... признать его.. не въ совершенномъ умѣ...

Предсѣдатель. Да, да... но вотъ видите: подобныя резолюціи слишкомъ ужъ часты у насъ... какъ бы не привязались къ тому?

Секретарь (*скромно улыбаясь*). Эпидемія-съ! Ничего Александръ Петровичъ, будьте покойны: возражать не будетъ никто.

Предсѣдатель. Ну, дѣлайте, какъ знаете. Безъ сомнѣнія: «лучше оправдать 10 виновныхъ, нежели одного невиннаго обвинить.

Секретарь (*пристально смотря на предсѣдателя*). Съ своей стороны... будетъ признателенъ, потому онъ такое и признаніе сдѣлалъ-съ.

Предсѣдатель. Хорошо. Я самъ сейчасъ пріѣду въ палату. Меня вотъ задержало одно важное дѣло.

(*Секретарь уходитъ*)

Предсѣдатель (*декламируя*). «Смерть—тетка! Нѣтъ, она—мачиха мнѣ!—Имя мое—несчастный, жизнь моя—»

Лакей (*входя*). Купеческій засѣдатель-съ...

Предсѣдатель. Проси—«А жизнь моя—казнь и пытка»!

(*Входитъ купецъ Коровинъ*).

Купецъ (*про себя*). Знать, нечто не въ духѣ (*кланяясь низко*). Може не притрафилъ-съ, не время теперь-съ?

Предсѣдатель (*лукаво*). Нѣтъ, вотъ видите: я раздумался о своихъ многотрудныхъ занятіяхъ и немножко вышелъ изъ себя. Что вамъ угодно?

Купецъ (*переминаясь*). Я, Александръ Петровичъ, къ вамъ теперь хочу обратиться съ моею нижайшею. Не безъизвѣстно будучи вамъ, что голова нашъ двѣ недѣли тому назадъ (*усмѣхаясь*) Анну пророчицу (*указываетъ на грудь*) въ петлю себѣ получилъ. Такъ, бывши я съ нимъ въ одномъ мѣстѣ... въ головѣто въ тѣ поры у обоихъ насъ было... побился я съ нимъ объ закладъ... что, молъ, и для меня точно такъ же... не баринъ начихалъ... За что бы, молъ, не было тамъ, а токмо что Александру Петровичу я поклонюсь, такъ онъ и мнѣ тоже... сосватаетъ... крестъ. Да, ка-бы не побился токмо я объ закладъ... мнѣ бы одно слово тутъ — наплевать, а теперь — ужъ анбицыя-то моя, выходитъ, пуще страдаетъ... Нельзя ли ужъ какъ будетъ уважить... по мощи, по силѣ... представить меня. Усердіе будетъ съ моей стороны.

Предсѣдатель (*дѣлая гримасу и перемѣняя тонъ*). Да, ты тамъ... счетъ большой мнѣ прислалъ, говоришь, что на нижегородскую тебѣ нужно?

Купецъ (*живо*). Нѣтъ, эвто все... мой прикащикъ навралъ.

Предсѣдатель. Ну, такъ сдѣлай пожертвованіе какое-нибудь, чтобы обратить вниманіе на себя какъ истинный сынъ, преданный отечеству своему. У насъ вотъ... въ палатѣ мебель не совсѣмъ хороша: брось хоть 300 руб. на усовершенствованіе ея...

Купецъ. Съ нашимъ почтеніемъ, (*отдавая деньги*) 257 рублёвъ, а... три, т. е... за мною.

Предсѣдатель. Не пропадетъ.

Лакей (*докладывая*).—Князь Тмутараканскій.

Предсѣдатель (*лакею*). Проси, проси.

Князь (*входитъ, не замѣчая купца, который прячется въ уголъ*).

Князь (*предсѣдателю*). Представь себѣ, mon ami, сейчасъ получилъ я письмо отъ петербургскаго пріятеля своего, барона фонъ-Тейфель, который имѣетъ счастіе пользоваться высокимъ благоволеніемъ самой Брунигильды Адамовны. Онъ съ дѣйствительными тайными на *ты* (*протяжно*); пишетъ ко мнѣ, что съ первою же почтою сенатъ посылаетъ строжайшее замѣчаніе всей палатѣ твоей просто за одного мужика, за то, что вы, будтобы незаконно командировали его въ Сибирь. И назначенъ даже какой то съ васъ денежный штрафъ.

Предсѣдатель (*пожимая плечами*). Непостижимо! (*Замѣтивъ купца Коровина, говоритъ ему, улыбаясь*). Такъ вотъ, Никита Романычъ, оно и прекрасно: вамъ, какъ тоже члену палаты, придется, съ своей стороны, тоже рублей 100 заплатить... такъ вы не безпокойтесь теперь: за васъ я внесу... изъ числа тѣхъ, что пожертвовали вы сегодня на мебель... Остальныя же... на будущее время зачтемъ.

Купецъ (*пожимаясь*). Нѣтъ, ужъ вы, Александръ Петровичъ, въ эвтомъ случаѣ останьтесь благонадежны... я на небель опять таки само собою, то ись...

Предсѣдатель (*снисходительно*). Ну, ну, хорошо, такъ и быть. (*князю*) Амбиціонный народъ!

Князь Oui, oui.

Купецъ (*одушевляясь*). Вѣстимо, наше дѣло такое: сказано—палка поставлена: повинуйся, значитъ, и палкѣ!

Князь (*предсѣдателю*) Quelle idée.

Предсѣдатель (*князю*). C'est un poverbe populaire (*Солидно указывая на купца*). По крайней мѣрѣ, преданность къ престолу видна!

СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Пролетарій.

Вотъ, истертымъ вицъ-мундиромъ
Облеченный, онъ идетъ:
Въ департаментъ отъ квартиры—
Совершая свой походъ.
Худъ и слабъ, и нищъ, и бѣденъ,
Съ виду робокъ и угрюмъ.
Посмотрите, какъ онъ блѣденъ,
Какъ убитъ въ немъ духъ и умъ;
Все вѣдь кажется пристойно,
Но вглядитеся, и васъ
Безнадежностью спокойной
Испугаетъ онъ подчасъ—
Такъ безсильемъ апатіи
Мертво-страшенъ этотъ видъ.
Это онъ, бѣда Россіи,
Это онъ, нашъ вѣчный жидъ,
Порожденье канцелярій,
Онъ не нижній, мелкій чинъ,
Онъ — нашъ русскій пролетарій,
Всѣхъ губерній дворянинъ.
Повсемѣстный — это вѣрно,
Потому, что лишь ему,
Что на всей Руси безмѣрной,
Нѣту мѣста одному;
Нѣту мѣста въ ней такого,
Чтобы могъ онъ вспоминать
Больше всякаго другаго
И своей сторонкой звать.

Чтобъ онъ былъ тамъ точно дома,
Не заѣзжій, не чужой;
Хоть по имени знакомый,
Хоть по кладбищу родной.
Всякій дворникъ, безъ сомнѣнья,
Въ праздникъ божій, съ земляком
Чинно сядетъ въ заведеньи
Угоститься кипяткомъ.
Разспросить, какъ мать старуха
Дома можетъ, да живетъ,
И по прежнему ль Петруха
Все запоемъ также пьетъ?
Какъ-де выборный Никита
Нынче ладитъ съ головой?
Какъ Господь сподобилъ жито
И каковъ былъ яровой?
Всякъ бурлакъ, окончивъ гонку,
Всякій нищій, дровосѣкъ
На свою идетъ сторонку,
Межъ родными кончить вѣкъ.
Есть у каждаго избенка,
Некрасива, да своя;
Есть пріютъ вдовѣ съ ребенкомъ,
Не пойдетъ въ разбродъ семья;
Односелы не чужіе—
Съ ними полгоря въ бѣдѣ;
Для него лишь вся Россія
Одинакова вездѣ.
Дѣдъ схороненъ въ Оренбургѣ,
Слегъ въ Житомирѣ отецъ,
Мать скончалась въ Петербургѣ,
Гдѣ то онъ найдетъ конецъ?...
Русской почвѣ отпрысъ чуждый,
Къ ней насильственно привитъ,
Онъ гнететъ ее безъ нужды,
Засоряетъ и мертвитъ.

. . . . . .

Жизни радости на свѣтѣ
Отъ него какъ тѣнь бѣгутъ:
Недоступны тѣ, а эти

Неприличны не идутъ;
Наслажденія искусства
Чужды, темны для него,
Прежде было въ немъ и чувство,
Но давно ужъ нѣтъ его;
Но давно оно убито
Гнетомъ жизни дѣловой,
Тяжкой жизни безъ защиты
Безпордонной, роковой.
Никогда онъ не былъ молодъ:
Въ лѣта юности и силъ
Нищеты суровой холодъ
Молодую кровь студилъ;
Но тогда, по крайней мѣрѣ,
Упованье было въ немъ,
Было въ сердцѣ мѣсто вѣрѣ
Одолѣть судьбу трудомъ.
Рано-ль, поздно-ль трудъ, конечно,
Думалъ, выведетъ меня;
Но напрасно ждалъ, сердечный,
Онъ прохлады отъ огня.
Поздно вызналъ мой бѣдняга,
Вызналъ горько, надъ собой,
Что безплодны трудъ, отвага
Въ этой битвѣ роковой.
Чтобъ не пасть на этомъ полѣ,
Тамъ, что́ даже не зовутъ
Полемъ чести, мало воли,
Что тутъ съ боя не берутъ,
Что игры служебной тайна
И хитра и глубока;
Долго несъ онъ гнётъ постылый,
Злой судьбѣ не уступалъ,
И покуда были силы,
Не смущался, не роптalъ.

. . . . . .

Видѣлъ съ страшнымъ онъ мученьемъ,
Какъ томилася жена,
Какъ въ работѣ и лишеньяхъ
Изнурялася она;

Нестерпимымъ истязаньемъ,
Истязаньемъ выше силъ,
Поднялося въ немъ сознанье,
Что ее онъ погубилъ.
И при мысли, что, быть можетъ,
То же ждетъ его дѣтей,
Что судьба ихъ также сложетъ
Неправдивостью своей,
Позабылъ онъ самолюбье,
О достоинствѣ забылъ,
Совѣсть, гордость, честолюбье
На вѣкъ въ сердцѣ задушилъ
И готовъ сорвать былъ взятку,
Чтобъ малютокъ оградить;
Но вѣдь право и на взятку
Прежде надобно купить....
Убѣдясь, что нѣтъ спасенья,
Что—куда ни погляди—
Нищета и униженье
Назади и впереди,
Свыкся съ мыслью онъ угрюмой:
Что забылъ его Творецъ,
И подъ гнетомъ этой думы,
Палъ онъ духомъ наконецъ.
Не рѣшился мой бѣднята,
Злополучный мой чудакъ,
Утѣшеньемъ сдѣлать флягу,
А прибѣжищемъ кабакъ;
Но, проклявъ свою судьбину,
Угнетавшую весь вѣкъ,
Обратился онъ въ машину
И заглохъ въ немъ человѣкъ.
Безъ надеждъ, безъ упованья,
Ничего уже не ждетъ,
Уничтоженный страданьемъ,
Служитъ онъ, но не живетъ.
Словно маятникъ, исправно
Онъ походъ свершаетъ свой,
Ежедневно тихо, плавно
Въ департаментъ и домой.

2.

Безсрочный.

(А. Н. Майкову.)

Вишь, братъ, церкви и рощи вонъ тамъ за селомъ...
До сырой до земли бью тебѣ я челомъ:
Здравствуй, здравствуй, сторонка родная!
Погляди-кать: полямъ и конца невидать...
Эка, Боже ты мой, по полямъ благодать—
Колосится кругомъ золотая!

Къ утру галки кричатъ...
Слышь—ворота скрипятъ,
По дорогамъ телѣги стучатъ...
Соловейка же щелкаетъ звонко
По ночамъ голубымъ,
По зарямъ золотымъ...
Здравствуй, здравствуй, родная сторонка!

Что съ тобою, землякъ?
Ты ужъ плачешь никакъ?
А и то вѣдь: какѣ сердце-то рвалось?
И ужъ какъ это мать да отца повидать,
Да своихъ-то провѣдать желалось!

Помню—словно вчера—
Какъ кричатъ унтера,
Барабаны безъ умолку бьютъ,
И сквозь строй некрутка—помню, словно вчера—
На штыкахъ чуть живого ведутъ...

И ему чай, какъ намъ, захотѣлось домой,
Поджидала чай мать-старушонка—
Онъ и вздумалъ бѣжать...
Да и какъ не бѣжать?
Погляди-кать кругомъ: эка ширь-благодать!..
Здравствуй, здравствуй, родная сторонка!

—

3.

Еще вчера мы тихо восторгались,
Любуяся Мадонною Мурильо,
Гдѣ дѣвственность и святость сочетались
Съ земною страстью къ небу рвавшей крылья.
Ея черты не случаемъ создались:
Такія лица создала Севилья!
Ты помнишь, какъ дышалъ тотъ ротикъ гибкой
Божественно-коварною улыбкой.

Но красоту его Мадонны чистой
Вполнѣ постигъ я только этой ночью,
Когда во снѣ въ томъ образѣ пречистой
Явилась *ты*—земли и неба дочью:
И страстію и святостью лучистой
Ты надо мной царила всею мочью.
И я любви къ тебѣ не могъ измѣрить
И захотѣлъ въ тебя въ одну лишь вѣрить.

—

4.

Жертвы.

(Изъ Барбье.)

Однажды снилось мнѣ... То сонъ ужасный былъ!
Вкругъ алтаря, стеня, рыдая
Неизчислимыхъ жертвъ сонмъ грустный проходилъ,
Десницы къ небу простирая;
Сіянье яркое—знакъ каждаго чела,
На лицахъ ихъ печать страданій,
И носятъ на себѣ ихъ блѣдныя тѣла
Слѣды ужасныхъ истязаній.
Вотъ идутъ старики—потупились они
И держатъ жезлъ слоновой кости,
Какъ старцы-римляне, къ которымъ въ дни рѣзни
Ворвались мстительные гости.
За ними юноши, что пали въ бурѣ битвъ,
Что угнетенному народу,
Среди ужасныхъ мукъ, проклятій и молитвъ
Все пѣли милую свободу.
Вотъ утонувшіе—всѣ въ тинѣ и пескѣ—
Носилъ ихъ вѣтеръ, гнали волны
И послѣ бросили отъ жизни вдалекѣ
На мохъ сухой скалы безмолвной.
Вотъ трупы черные, пожранные огнемъ
Въ быкахъ желѣзныхъ раскаленныхъ;
Вотъ бога пѣвшіе надъ пламеннымъ костромъ,
Средь изувѣровъ разъяренныхъ.
А вотъ погибшіе святые мудрецы
Идутъ, вѣнчанные позоромъ;
Идутъ великіе—пророки и пѣвцы,
Глядя впередъ печальнымъ взоромъ...
Всѣ тѣни блѣдныя предъ алтаремъ идутъ,
Угрюмо плача и рыдая;
Награды отъ Творца вотще за подвигъ ждутъ,
Десницы къ небу простирая...

Былая ночь.

(Сонетъ.)

Дымъ потянуло вдаль—повѣяло прохладой,
Безъ тѣни, безъ огней—надъ блѣдною Невой
Идетъ ночь блѣдная, лишь куполъ золотой,
Изъ-за сѣдыхъ дворцовъ, надъ круглой колоннадой,
Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
Скажи—куда идти за счастьемъ, за отрадой?
Скажи, на что ты золъ, товарищъ бѣдный мой?
Вотъ, темный монументъ вознесся надъ гранитомъ...
Иль мысль стѣсненная твоя,
Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
Какъ эта мѣдная змѣя
Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
Его несущаго коня.

—

6.

Въ дорогѣ.

Стороною я ѣду родною—
Неизмѣнна родная страна:
Все лѣса, да лѣса предо мною,
Въ нихъ шумѣли лишь ель да сосна!

* * *

Та же пыль по дорогѣ, ухабы,
На лугахъ пасся тощенькій скотъ;
Въ полѣ тѣ же работали бабы
На своихъ обнищалыхъ господъ.

* * *

Я взглянулъ на безплодныя нивы,
Вѣтеръ съ поля мнѣ пѣсню донесъ:
Въ этой пѣснѣ протяжно-лѣнивой
Сколько слышалось сдержанныхъ слезъ!

* * *

Тѣ же избы тѣснились нескладно,
Удаляясь отъ барскихъ хоромъ,
Знать стоять имъ близъ барскихъ не ладно?
Та же церковь съ погостомъ кругомъ.

* * *

Тѣ же грязныя дѣти играли
И плескалися въ лужахъ своихъ,
И меня даже слезы пробрали
Какъ раздумалъ я думу объ нихъ.

* * *

Сколько свѣжихъ то силъ пропадаетъ,
Сколько вянетъ на стеблѣ цвѣтковъ!
Въ сторонѣ же кабакъ процвѣтаетъ,
Окруженный толпой мужиковъ.

* * *

Видно, братецъ, вы очень лѣнивы,
Я извощика съ грустью спросилъ;
Голы ваши поблекшія нивы,
Тощій скотъ и взъерошенъ и хилъ?

* * *

Эхъ-ма, баринъ, мы вѣдаемъ сами
До чего горемычны, бѣдны:
Вѣдь послѣдній то грошъ со слезами
Мы относимъ для барской казны.

* * *

Самъ то баринъ далече, не видитъ,
Говорятъ, будто добрый такой,
А безъ барина всякъ насъ обидитъ;
Вѣдь народъ то мы темный, простой.

* * *

И не то что ужъ высшія власти—
Даже страшенъ для насъ становой:
Знать отъ Бога такія напасти
Мы съ повинной несемъ головой!

* * *

Вотъ хоть откупъ... и тотъ въ свою волю
Притѣсненья чинитъ мужику:
Вишь ребята то горькую долю
Собрался запить къ кабаку.

* * *

Стороной я проѣхалъ родною
Неизмѣнна родная страна:
Что то дальше случится съ тобою,
Не проснешься ли ты ото сна!

—

7.

Воръ.

Засадили Ванюшу въ острогъ;
Въ воровствѣ обвинили Ванюшу;
Знать лукавый въ томъ дѣлѣ помогъ,
Помутилъ его добрую душу:
Вѣдь въ шкатулку залѣзъ: сто рублей
Вынулъ съ перстнемъ алмазнымъ изъ ней
Да въ дабавокъ жену свою, Грушу,
Чуть въ азартѣ ножемъ не хватилъ.
Ужъ имѣлъ онъ такую натуру:
Ревновалъ ее къ бариву сдуру,
Да и сдуру себя погубилъ.

Хороша была рѣзвая Груша;
Замужъ вышла съ приданымъ она.
Баринъ самъ для нея выбралъ мужа
Да вмѣшался и тутъ сатана:
Въ барскомъ домѣ была бѣлошвейка
Таня—первая Груши злодѣйка;
Про нее разнесла она слухъ,
Между всею прислугой домашней,
Что за Грушею водятся шашни,—

Что у ней дескать есть милый другъ;
Что недаромъ плутовка гоняетъ
Свѣжей вѣткой отъ барина мухъ,
Въ часъ какъ баринъ въ саду отдыхаетъ....

И неразъ съ молодою женой
Расправлялся по своему Ваня,
И неразъ пріѣзжалъ становой
И бывала за то ему баня.
Вотъ однажды въ клѣти у нихъ вой
Слышатъ всѣ. Прибѣгаетъ самъ баринъ;
Груша плачетъ. «Что, Груша, съ тобой?»
—«Да вотъ онъ, сударь, онъ, злой татаринъ,
Чуть ножемъ меня въ бокъ не хватилъ.
Видно, петлю надѣть мнѣ на шею!
Говоритъ,—мнѣ и свѣтъ ужъ не милъ,
Вишь попалась какому злодѣю!...»

Баринъ гнѣвъ свой, скрѣпясь, превозмогъ,
Только Ваньку съ макушки до ногъ,
Покосясь, смѣрилъ барскимъ онъ глазомъ,
Да когда слезы Груши унялъ,
Уходя, онъ буяну сказалъ:
«Погоди, усмирю тебя разомъ!»

Въ тотъ же день ввечеру, какъ на грѣхъ,
И пропажа случилась. У всѣхъ,
Начиная съ красавицы Груши,
Сундуки въ тотъ же мигъ отперлись,
Обыскали весь домъ—и нашлись
Деньги съ перстнемъ въ ларцѣ у Ванюши.

На допросѣ онъ былъ какъ нѣмой,
Только молвилъ, махнувши рукой:
—«Подѣломъ знать попался я въ сѣти!
Не жениться-бъ на шельмѣ такой,—
Нѣтъ, ужъ лучше въ Сибирь и подъ плети!...

Засадили Ванюшу въ острогъ,
Въ воровствѣ уличили Ванюшу...
Знать, лукавый въ томъ дѣлѣ помогъ,
Помутилъ его добрую душу.
Судъ коротокъ съ такими людьми;
Вотъ въ острогѣ его подержали,
А потомъ отстегали плетьми
Да въ Сибирь по суду и сослали.

Что-же Груша? разряжена въ пухъ;
Никакой ужъ заботы не знаетъ:
То поетъ, то орѣхи щелкаетъ,
То гоняетъ отъ барина мухъ.

—

8.

Русскимъ журналистамъ.

О чемъ шумите вы, журнальные витіи?
Зачѣмъ громите вы откупщиковъ Россіи?
Что́ возмутило васъ? Трактирный заговоръ?
Оставьте этотъ споръ трактировъ съ откупами,
Кабацкихъ баричей съ ихъ бывшими рабами;
Не смыть вамъ съ родины питейный нашъ позоръ!
Уже давненько съ откупами
Вся трезвая враждуетъ Русь,
Но, начались они не нами—
Не нами кончатся!... Клянусь,
Не устоять намъ въ этомъ спорѣ—
На жизнь иль смерть откупщиковъ;
Продажа вольная вина для нихъ не горе,
Она имъ новый путь къ раззору мужичковъ.
Оставьте ихъ: иль не читали,
Что склады винъ они ужъ взяли
И что тишкомъ, изъ подъ руки

Ужъ арендуютъ кабаки.
Вамъ непонятны подставные,
Свобода цѣнъ прельщаетъ васъ,
Но конкуренты мелочные
Закроютъ лавочки какъ разъ.
Откупщики предъ кѣмъ дрожали?!...
Ихъ мощь и ухомъ не вела,
Когда ихъ подъ арестъ сажали
За беззаконныя дѣла!
Они полъ-Руси подкупили,
Предъ нимъ гибли: совѣсть, честь!...
Еще на дняхъ они грозили
Пятнадцать тысячъ дать за шесть.
Въ печати грозны вы,—а, ну, какъ въ кабинетѣ
Предложитъ откупщикъ вамъ тысячи въ пакетѣ,
Чтобъ вы взялись марать перомъ его враговъ?...
Всѣ-ль вы откажетесь отъ этакихъ субсидій?...
Вы всѣ ли вспыхнете при этакой обидѣ?
Вѣдь онъ подпишется для сотень кабаковъ
На вашъ журналъ!...
Притомъ, и всѣхъ-то васъ немного,
А откупныхъ друзей, какъ вникнуть въ дѣло строго,
Отъ раззолоченныхъ подъ-арочныхъ палатъ
(Вы не подумайте про штабъ иль про сенатъ)
До грязненькой избы, простой расправы сельской,
Отъ пышныхъ залъ княжны Анфисы Пустосельской,
До будки замкнутой—пруди себѣ хоть прудъ!...
Что-жъ, продолжайте громъ проклятій,
Журнальный, неподкупный людъ!
Эксплуататоры кармана меньшихъ братій
Пожары гласности очищенной зальютъ.

—

9.

Садоводство.

Жилъ былъ садовникъ—баринъ важный;
Онъ про Версаль давно слыхалъ,

И каждый кустикъ, прутикъ каждый
Собственноручно подрѣзалъ.

Онъ стригъ лѣса, сажалъ аллеи,
Съ соснами пальмы разводилъ,
Ну, словомъ, барскія затѣи
Въ своемъ владѣніи вводилъ.

Онъ дѣтямъ не давалъ рѣзвиться
Въ заповѣдныхъ лѣсахъ своихъ;
И ни одинъ сучекъ развиться
Не смѣлъ по волѣ между нихъ:

Онъ рѣзалъ ихъ, крутилъ, калечилъ,
Стригъ всѣ деревья каждый годъ,
И дивный садъ такъ изувѣчилъ,
Что сталъ онъ истинный уродъ.

И это все дошло къ потомку,
Онъ пальмъ не трогалъ, не губилъ,
Покончилъ стрижку, бросилъ ломку,
Но много тыну порубилъ.

Онъ издавна любилъ природу
И волю далъ всему расти:
Хотѣлъ онъ сучьямъ дать свободу
И отъ увѣчья ихъ спасти.

Одѣлись зеленью березы,
Лѣсъ, пріосанясь, зашумѣлъ;
Веселье замѣнило слезы:
Топоръ и ножикъ присмирѣлъ;

Уже безъ стрижки и обрѣзки,
Деревья радостно глядятъ;
Одѣлись тѣнью перелѣски,
Кусточки листвой шелестятъ.

Не пахнутъ воздухомъ теплицы;
Ужъ не запружены ручьи,

И завелись въ деревьяхъ птицы,
И засвистали соловьи.

Вездѣ и весело и любо,
Свѣжо, отрадно и свѣтло;
Садовникъ не ломаетъ грубо
И не сажаетъ подъ стекло.

Но экзотическихъ растеній
Немноголюдная семья
Перепугалась свѣжей тѣни
И вольной пѣсни соловья.

Всѣ пальмы, кактусы, лимоны,
Семья ползучая плющей,
Заговорили про законы
И про вліяніе лучей...

Что нѣту имъ благополучья,
Что этакъ имъ нельзя рости;
И что плебеи эти—сучья—
Хотятъ имъ тѣни навести.

Что ничего сквозь нихъ невидно,
Что заслоняютъ солнца свѣтъ;
Что жить имъ такъ весьма обидно,
Свѣтло прожившимъ столько лѣтъ.

И баринъ выслушалъ моленья,
Склонясь къ ласкающимъ плющамъ;
«Хоть пользы нѣтъ; но украшенье
«Я вижу въ нихъ моимъ садамъ.

«Да сучья чтожъ?—вѣдь сучьевъ много—
«Еще ихъ можно порубить;
«А пальмы! жаль. Зачѣмъ ихъ строго
«И такъ сурово погубить?...»

И вотъ пошолъ топоръ въ аллеи,
Пошла пила и ножъ въ лѣса;

Сталъ строить вновь оранжереи,
Сталъ баринъ дѣлать чудеса...

Напрасно росъ въ лѣсу шиповникъ,
Напрасно руки всѣмъ кололъ;
Душилъ и снялъ его садовникъ
И безъ оглядки къ цѣли шолъ.

Онъ рѣзалъ сучья безъ пощады,
Законы роста позабывъ;
Деревья крѣпли отъ досады,
Всѣ соки въ корни переливъ.

И поползли вездѣ коренья,
И стали сильны подъ землей;
А наши нѣжныя растенья
Все чахли, чахли чередой.

Среди заботъ и сладкой нѣги
Лучи ихъ солнца не спасли,
Затѣмъ, что сильные побѣги
Отъ сильныхъ корней проросли.

Что лишь себѣ благополучья
Они желали средь лѣсовъ;
Что изъ за нихъ губили сучья
Полезныхъ и родныхъ деревъ...

Ни вкусъ, ни прихоть, ни затѣи,
Ничто не вѣчно подъ луной:
И пали въ прахъ оранжереи
Надъ экзотической семьей;

Ни пальмъ, ни каткусовъ колючихъ,
Ни орхидеевъ, ни плющей
Ужъ не видать среди могучихъ
Побѣговъ новыхъ отъ корней,

Отъ тѣхъ дубовъ и сосенъ и елей,
Отъ липъ и кленовъ, и березъ...

А сколько вьюги и мятелей
Ты, лѣсъ родимый, перенесъ?...

Теперь вздохни и вѣрь, настанетъ
Иная, лучшая пора:
Твой баринъ стричь тебя не станетъ
И не увидишь топора.

—

10.

Пѣсня работниковъ.

(*Изъ Дюпона*).

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнетъ пѣтухъ въ ночь безсонную;
Чьи истомленныя спины сгибаются
Предъ наковальней, въ огнѣ раскаленною;
Мы, у которыхъ работа гнетущая—
Съ дѣтства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее
Холодъ, недуги, да старость голодную.

Братья! Добытый тяжелымъ трудомъ
Весь заработокъ, все наше богатство
Вмѣстѣ пропьемъ,
Вмѣстѣ пропьемъ за свободу и братство!

Доля работника—чѣмъ не счастливая!
Въ грубыхъ рукахъ его—перлы, да золото;
Онъ снаряжаетъ все барство спѣсивое
Силою мышцъ да желѣзнаго молота.
Выхолитъ въ полѣ онъ рожь золотистую,
Потомъ его вся земля обливается....

Ни въ умѣ благородной идеи,
Сердцу радость одна—обмануть;
А мечты-то твои, лиходѣи,
Жаждутъ брата роднаго надуть.
Для тебя нѣтъ тѣхъ звуковъ въ природѣ,
На которые-бъ отликъ ты далъ,—
Развѣ деньгами брякнетъ въ комодѣ,
Ну, тогда ты какъ листъ задрожалъ.
Ты не вѣришь ни нравственнымъ силамъ,
Ни величью могучей души,
Ты ступаешь по близкимъ могиламъ,
Вспоминая одни барыши.
Ты не вѣруешь въ святость призванья
Тѣхъ немногихъ и лучшихъ людей,—
Непонятны тебѣ ихъ страданья.
Ихъ утраты во имя идей.
Вѣришь ты одному всей душою,
Что, наѣвшись, спать должно залечь,
По субботамъ помыться съ женою,
Да подъ праздникъ лампадку зажечь.
Что посты соблюдать тебѣ должно;
Въ среду, въ пятницу постное ѣсть.
Но за то остальное все можно,
Все ты радъ себѣ въ жертву принесть:
Сирота-ль попадется въ опеку,—
Сироту ты какъ воръ оберешь,
Хоть жалѣешь ты тутъ-же калѣку,
Хоть на нищаго выкинешь грошъ.
Обсчитать и обмѣрять, навѣрно,
Не сочтешь ты нисколько за грѣхъ,
И клянешься притомъ лицемѣрно,
И сзываешь святителей всѣхъ.
Иль поподчуешь гнилью да бракомъ,
Съ покупателя сдуешь въ пять разъ,
Къ оборотамъ такимъ страхъ ты лакомъ,
Даже чванишься ими подчасъ.
Ты сынишекъ чему научаешь?
Православный народъ надувать.
Что ты съ дѣтства малюткамъ внушаешь?
Половчѣй своровать, слутовать;

И, запомнивъ твои наставленья,
Сыновья угодятъ всѣ въ отца,—
Не умретъ въ нихъ твое поколѣнье,
Въ нихъ узнаютъ тебя—подлеца.

—

12.

Минута отчаянія.

Вотъ, теперь,—не приложишь ума—
Какъ поправить свое положенье!....
Петербургъ—это просто чума,
А трактиры ей-ей разоренье!
И приходится волкомъ мнѣ выть,
Позавидуешь, право, и плуту:
«По уставу извольте служить,
«Да извольте-ка жить по маршруту».....
Генералъ эту истину мнѣ—
Прокричалъ такъ, что дрогнула зала—
И угодно-же было судьбѣ
Намъ послать старика-генерала!
Что родился онъ прежде на свѣтъ—
Не заслуга вѣдь это, не слава;
Чувствъ живыхъ—въ немъ и признака нѣтъ,
Въ головѣ лишь страницы *устава*.....
Вотъ пришелъ я съ тоскою домой;
«Ты смѣешься судьба надо мною?....
а, разс[illegible]юсь съ тобой—
[illegible] надъ судьбою!!!»
[illegible]шестолетъ,
[illegible]ерти невольно;
[illegible]только лѣтъ,
[illegible]больно!

Добрыя овцы! Ихъ шкурой волнистою
Сытая праздность вездѣ одѣвается.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ,
Пропьемъ.

Трудъ завѣщалъ намъ тоску безъисходную,
Чахлыя груди, да слезы горючія;
Словно какъ машину, въ дѣлѣ негодную,
Терпятъ всѣхъ насъ лишь до перваго случая.
Нашей рукой чудеса совершаются,
Словно у пчелъ—наша участь суровая:
Пчелы снесутъ только дани медовыя
И, безпріютныя, вновь разлетаются.

Братья! Добытый тяжелымъ трудомъ
Весь заработокъ, все наше богатство
Вмѣстѣ пропьемъ,
Вмѣстѣ пропьемъ за свободу и братство!

Дѣти вельможъ, худосочныя, блѣдныя
Женъ нашихъ грудью здоровой питаются,
Если же выростутъ лбы эти мѣдные —
Съ краской стыда съ ними послѣ встрѣчаются.
Насъ стерегутъ всюду—наглость безчестная,
Брань да пинки отъ любаго привратника;
У дочерей нашихъ—доля извѣстная—
Доля наложницъ въ хоромахъ развратника.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую пóтомъ,
Пропьемъ.

Въ темныхъ подвалахъ, полуобнаженные,
Гдѣ лишь лохмотья намъ служатъ обновами,
Тянемъ мы жизнь, даже солнца лишенные,
Словно родились ворами иль совами;

Словно въ насъ кровь не играетъ кипучая,
Словно туда наше сердце не просится,
Гдѣ разростаются рощи дремучія,
Гдѣ благовонное лѣто проносится.

Братья! Добытый тяжелымъ трудомъ
Весь заработокъ, все наше богатство
Вмѣстѣ пропьемъ,
Вмѣстѣ пропьемъ за свободу и братство!

Много ужъ лѣтъ наша кровь проливалася
Лишь по шальному капризу тиранами,
Но еще силы довольно осталося
Въ тѣлѣ, измученномъ гнойными ранами.
Будемъ же силу беречь мы могучую,
Сладкой надеждой пусть сердце согрѣется:
Солнце свободы—за черною тучею,
Вѣтеръ подуетъ—и туча разсѣется.

Братцы! давъ отдыхъ труду и заботамъ,
Спины усталыя мы разогнемъ,
И дружно, копѣйку, облитую потомъ
Пропьемъ.

—

11.

Посланіе къ краснорядцу.

—Разскажи мнѣ, почтенный купчина,
Отчего ты такъ веселъ всегда?
Почему же ни грусть, ни кручина
Не коснутся тебя никогда?
Неужель въ самоварную душу
Не запало и мысли о томъ,
Что природа, создавъ тебя, тушу,
Создавала тебя не скотомъ.

Мефистофель.

Я очень радъ.
Въ такой душѣ нуждался адъ.
Я деньги дамъ безъ пререкословья;
Изволь, но вотъ мои условья:
Продавши душу сатанѣ,
Въ статьяхъ, въ идеяхъ, и вездѣ ты
На всѣхъ столбцахъ своей газеты
Служить обязанъ вѣрно мнѣ.
Клянись: вотъ перстень Вельзевула.

Фаустъ.

Пока земля не распахнула
Объятья смерти предо мной,
Клянусь, предъ мудрымъ сатаной,
Я буду всѣхъ, въ моемъ изданьѣ
Обскурантизмомъ отравлять,
Казнить добро безъ состраданья;
Придетъ самъ адъ вашъ въ содроганье
И мнѣ начнетъ рукоплескать.

(Фаустъ собственной кровью пишетъ на пергаментѣ адскій договоръ, принимаетъ деньги и благоговѣйно склоняется передъ Мефистофелемъ.)

(Грёза оканчивается.)

—

14.

Завѣщаніе..

(Съ англійскаго.)

Душа! покидай мое тѣло
Подъ гнетомъ могильной плиты;
Будь вѣстницей истины ты,

Начни свое доброе дѣло,
И въ міръ проливая лучи—
Міръ во лжи обличи.

Иди и скажи ты вельможѣ,
Что блескъ его—нищаго хламъ;
Скажи всѣмъ лукавымъ ханжамъ,
Что рѣчи ихъ—съ дѣломъ не схожи,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Скажи ты земному владыкѣ,
Что силенъ онъ—въ гимнахъ льстеца,
Что слушаетъ онъ до конца
Восторга наемнаго крики,
А скажутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Тиранамъ скажи безъ боязни:
— Величіе ваше—миражъ;
Единственный памятникъ вамъ—
Одни лишь кровавыя казни...
Когда жъ возразятъ палачи,
Ихъ во лжи обличи.

Скажи трудолюбью—ты хило,
Любви—ты давно растлѣна;
Всѣмъ людямъ скажи, что дана
Имъ въ будущемъ только могила,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Скажи красотѣ: ты увянешь;
Ты, честность, покинувъ сердца,
У ногъ золотаго тельца,
Обманывать, ползая станешь,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Скажи всѣмъ изношеннымъ фразамъ,
Что близокъ ихъ скорый конецъ;

Скажи мудрецамъ, наконецъ,
Что умъ ихъ заходитъ за разумъ.
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Наукѣ скажи: ты—старуха,
Которая бредитъ сквозь сонъ;
Скажи: двуязыченъ законъ,
И ты, правосудіе—глухо,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Скажи, что безсмысленно счастье,
Природа скупа и нѣма,
Что дружба продажна сама
И нѣтъ въ милосердьи—участья,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Скажи, что ужъ многіе годы
Искуство внѣ правды живетъ,
И чтитъ его только народъ
Изъ прихоти или изъ моды,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Скажи горожанамъ: вы пали
Въ глубокій, постыдный развратъ,
И что добродѣтели кладъ
Напрасно бы въ мірѣ искали,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи.

Когда къ твое грозное слово,
Карающій правды языкъ
Услышитъ проклятія крикъ:
Душа! ко всему будь готова.
Пусть гонитъ и бьетъ тебя ложь—
Вѣдь души не убьешь!...

—

15.

Рекруту.

Ну, бери-ко ружье, братъ, смѣлѣе!
Распрощайся съ родимымъ селомъ,
Да и въ строй становися скорѣе,—
Слышишь—бьютъ барабаны подъемъ!..

Ты хоронишься въ мертвую службу:
Шомполами начнутъ тебя бить,
Прошагаешь лѣтъ двадцать иль болѣ,
Да и по міру станешь просить...

И село твое скрылось изъ виду...
Да не плачь: а коль есть какой грошъ,
Такъ отправь по себѣ панихиду:
Ты вѣдь въ мертвую службу идешь!..

—

16.

Пророкъ бури.

(*Старинная легенда.*)

По морю синему, стрѣлой,
На полныхъ парусахъ, корабль несется,
Подъ нимъ, волна послушно гнется
И глухо ропщетъ за кормой.

Вокругъ, игривые дельфины
Снуютъ, рѣзвясь среди пучины,
Повѣялъ берегомъ душистый вѣтерокъ;
Знать, берегъ недалекъ
Завидя мирный портъ, ликуетъ мореходъ
И чаша радости ужъ по рукамъ идетъ.

Вдругъ—птица бурная надъ мачтой закружилась
И съ крикомъ жалобнымъ за рею уцѣпилась.

«Не кстати, вѣщунъ, мимо путь!»
Съ досадой кормчій восклицаетъ
И мѣткою стрѣлою, въ грудь,
Пророка бури поражаетъ.

Упала жертва, но—о диво!
Изъ ранъ струющихся кровь
На палубѣ, краснорѣчиво,
Легла строкою вѣщихъ словъ:
«Казнить пророка—въ вашей власти,
«Но казнь его васъ не спасетъ;
«Не онъ готовитъ вамъ напасти;
«Онъ только вѣсть вамъ подаетъ.
«Пророка голосъ вамъ нетрудно заглушить—
«Но часа грознаго тѣмъ не остановить,

Слова пророчества сбылись:
По небу тучи понеслись,
И подъ стопами урагана
Вскипѣли волны океана
И заиграли кораблемъ.
Напрасно кормчій, надъ рулемъ,
Свое искуство упражняетъ;
Всѣ снасти вихорь обрываетъ,
А мачты молнія разитъ,
И судно—на скалы бѣжитъ.

Раздался вопль и, въ мигъ одинъ,
Въ щепу разбился исполинъ

И съ трескомъ въ бездну погрузился..
Погибъ пророкъ—но жребій совершился.

—

17.

Былина стараго времени.

Я пѣсню-былину вамъ, други, спою,
Про славное старое время,
Про славу отчизны,—про славу твою,
Могучее русское племя!..
Спою вамъ, какъ Мининъ старинной порой
Возсталъ за свободу отчизны святой.

—

Эхъ время-то было, о други мои!....
Не будетъ теперь ужъ такого:
Не будутъ за вольность святую бои,
Сухорука не будетъ втораго!.....

—

Надъ Новградомъ Нижнимъ спокойно встаетъ
Утро зарей золотою,
И Волга родимая на берегъ бьетъ
Синею, шумной волною.....
Въ городѣ колоколъ мѣрно гудитъ;
На площади много народу,—
И въ говорѣ шумномъ одно лишь звучитъ:
«Скорѣй-бы отчизнѣ свободу!...»
Какъ бурное море, тѣ рѣчи шумятъ:
Въ нихъ родины сила и грусть говорятъ....

—

На паперть соборную смѣло идетъ
Съ новою рѣчью къ народу
Кузьма Сухорукъ..... И стихаетъ народъ,
Забывая на время невзгоду....

И Минина рѣчи волной потекли,
Призывомъ къ возстанью родимой земли!...

—

—«Вы слышите, братья, стонъ русскихъ дѣтей?..
Пойдемъ-те же къ нимъ на подмогу!...
Низвергнемъ престолы незванныхъ царей,
Къ свободѣ пробьемъ-те дорогу!...
Прогонимъ литвиновъ, Москву возвратимъ,
Храмы очистимъ святые,
И буйныхъ, крамольныхъ бояръ усмиримъ,
Отмстимъ имъ за годы былые!...
О Боже великій!.... Когда-жъ, наконецъ,
Будетъ отчизна свободной?...
Надъ пламенной просьбою сжалься, Отецъ,
Услыши ты голосъ народный!...
Были попытки.... Погибъ Ляпуновъ;
Дружины родныя бѣжали...
Но время настало! Отмстимъ за ихъ кровь,—
Не всѣ еще русскіе пали!....
Отдадимъ все имущество! Сами пойдемъ
За вольность святую народа!....
Мы въ битвѣ съ врагами побѣду найдемъ
При лозунгѣ нашемъ: свобода!.....»—
Такъ Мининъ народной толпѣ говорилъ,
И плакала масса народа.....
И въ храмѣ соборномъ клиръ Бога молилъ,
Чтобъ минула наша невзгода!....
И отдалъ народъ нашъ отчизнѣ своей
Въ жертву и деньги, и жонъ, и дѣтей!....

—

И вырвалъ свободу отчизнѣ святой
Мининъ отъ буйныхъ поляковъ
Съ княземъ Пожарскимъ, съ дружиной родной,
Съ ватагою вольныхъ казаковъ...
Эхъ, время-то было, о други мои!
Не будетъ теперь ужъ такого!....
Не будутъ ужъ больше за волю бои,
Сухорука не будетъ вторага!....
И сдѣлалась вольной родная земля....
Да впрочемъ—не долго свободной была!...

—

Я пѣсню правдивую спѣлъ вамъ, друзья!
Про славное старое время,
Какъ шло умирать за родные края
Могучее русское племя.....
Я спѣлъ вамъ, какъ Мининъ старинной порой
Возсталъ за свободу отчизны святой!...

—

18.

Вельможа.

У подъѣзда линѣйки, коляски,
Нѣтъ прохода отъ пышныхъ каретъ;
Изъ каретъ появляются маски,
Лицъ открытыхъ, безъ хитрости,—нѣтъ.
У подъѣзда швейцаръ съ булавою,
Желтымъ, чернымъ украшенъ, какъ шутъ;
Всѣ киваютъ ему головою
И по отчеству даже зовутъ,

Въ креслѣ Гамбса, въ своемъ кабинетѣ
Нашъ вельможа внимаетъ докладъ;
Онъ не въ полномъ своемъ туалетѣ
И закутанъ въ соболій халатъ.
За страницей проходитъ страница
И уходитъ на вѣчный покой...
А въ пріемной просителей лица
Ждутъ его, словно Бога, съ мольбой....

Самъ же онъ устремляетъ заботы,
Оставляя подвластныхъ людей,
На подарокъ для Мины, Шарлоты,
На четверку гнѣдыхъ лошадей.
По сверхштатной улыбкѣ министра,

Въ головѣ его зрѣетъ разсчетъ,
Что на службѣ, какъ кажется, быстро,
Очень быстро теперь онъ пойдетъ.

Ты, живущій трудами другаго
И не цѣнящій тягостный трудъ,
Что тебѣ мое слабое слово?
Выходи на общественный судъ.
Въ твоей власти мильоны народа,
Что работать желаютъ и ѣсть,
Въ твою власть отдана ихъ свобода,
Средства къ жизни, и личность, и честь.

Полонъ мысли объ общемъ ихъ благѣ,
Ты, пріѣхавши поздно домой,
Не читая, подпишешь бумаги,
Всѣ подпишешь,—чтобъ съ шеи долой!

Всѣ даютъ тебѣ имя благого,
А въ углу, въ тихомолку клянутъ...
Сибаритъ и вельможа, я снова
Васъ зову на общественный судъ!

—

19.

ПѢСНЯ

О ВОСТОЧНЫХЪ ПОСЛАХЪ.

Шлетъ намъ гостинцы востокъ
Вмѣстѣ съ посольствомъ особымъ.
—Ну-ка, веди, мужичекъ
Ихъ по родимымъ трущобамъ.
Ходятъ. Все степи, да лѣсъ,
Словно все дрёмой одѣто...

—Это-ли русскій прогресъ?
—Это, родимые, это.

—

Въ села заходятъ. Вросли,
Въ землю согнувшись, избенки;
Чахлое стадо пасли
Дѣти въ одной рубашенкѣ.
Крытый соломой навѣсъ...
Голосъ, рыдающій гдѣ-то...
—Это-ли русскій прогресъ?
—Это, родимые, это...

—

Въ городѣ гости. Народъ
Блѣденъ, угрюмъ, недоволенъ;
Здѣсь онъ то голодомъ мретъ,
То ужъ отъ сытости болѣнъ.
Ласки продажныхъ метрессъ,
Жизнь безъ труда, безъ разсвѣта...
—Это-ли русскій прогресъ?
—Это, родимые, это!

—

Фразъ заученныхъ туманъ,
Гласности робкой забава;
Въ пивѣ—одинъ кукельванъ,
Всюду—кулачное право.
Сильныхъ—вездѣ перевѣсъ...
Крупныя цифры бюджета...
—Это-ли русскій прогресъ?
—Это, родимые, это!.

—

—Гдѣжъ мы? Скажи намъ, вожакъ;
Русь не такой мы считали.
Здѣсь что нибудь да нетакъ:
Полно зашли мы туда-ли?
Это-ли чудо-чудесъ,
Лучшая часть всего свѣта?
Это-ли русскій прогресъ?
—Это, родимые, это.

—

20.

Взглядъ на природу.

(Русская мелодія.)

Я люблю смотрѣть на звѣзды—
Но не тѣ, что̀ въ горнемъ мірѣ;
Мнѣ милѣе тѣ, что свѣтятъ
На чиновничьемъ мундирѣ.

Эти Сиріусы, Марсы
Для меня смѣшны и странны;
Мнѣ милѣе Станиславы,
И Владиміры, и Анны.

И люблю я слышать шелестъ—
Но не вязовъ, не акацій;
Мнѣ милѣе шелестъ крупныхъ
Всероссійскихъ ассигнацій.

И люблю внимать я реву—
Но не вѣтра надъ волнами;
Мнѣ милѣе ревъ *особы*
Надъ мельчайшими чинами.

Я люблю смотрѣть, какъ гнется—
Но не ива въ рощѣ темной;
Мнѣ милѣй сгибанье тѣла
У начальника въ пріемной.

Я люблю ключи большіе—
Но не въ скалахъ и пещерахъ;
Мнѣ милѣе тѣ, что блещутъ
На высокихъ камергерахъ.

И люблю я теплый климатъ—
Но не странъ благословенныхъ;
Мнѣ милѣй теплынь родная
Мѣстъ гражданскихъ и военныхъ.

—

21.

Къ N. N.

Не тамъ, гдѣ громко, многолюдно,
Гдѣ блещетъ блескъ и шумъ шумитъ,
Гдѣ такъ великолѣпно чудно,
Гдѣ все незыблемымъ глядитъ;

Гдѣ горделиво тяготѣетъ
Полувековѣтній плѣнъ,—
Не тамъ и не оттуда вѣетъ
Духъ новыхъ, будущихъ временъ!

Но тамъ, гдѣ тихо слышно слово,
Гдѣ нѣтъ ни копій, ни мечей—
Тамъ возрастаетъ сѣмя ново,
Залогъ иныхъ, грядущихъ дней!

Но тамъ, гдѣ ветхая лачуга,
Гдѣ честный обитаетъ трудъ,
Гдѣ сталь косы, серпа и плуга,
Гдѣ пѣсни старыя поютъ;

Куда не вкралася измѣна
И не вошли ея дары;
Гдѣ только цѣпь чужаго плѣна,
А не богатство и пиры,—

Оттуда духъ грядущей жизни
Возстанетъ, полный силъ благихъ,

Подастъ свободу вновь отчизнѣ
И разорветъ оковы ихъ!

Среди насмѣшки и сомнѣнья
Благое дѣло возстаетъ,
И поколѣнью—поколѣнья
Свой славный трудъ передаетъ.

И чувство въ насъ проснулось снова,
И древній голосъ слышенъ вновь.
Произнеслось живое слово—
Измѣну побѣдитъ любовь!

Спадаетъ съ каждымъ часомъ болѣ
Съ очей густая пелена, —
И богатырь выходитъ въ поле
Отъ долгаго очнувшись сна!...

И жизнь, и трудъ, и умъ народа
Стряхаютъ цѣпь и долгій плѣнъ,
И улыбается свобода
Былыхъ и будущихъ временъ.

Быть можетъ, время недалече,
Когда, пріявъ свой мощный видъ,
Какъ море, заколеблясь, вѣче
Заговоритъ и зашумитъ.

И ты-ль предъ добрымъ начинаньемъ,
Боясь насмѣшки и труда,
Пребудешь чуждый ожиданьямъ,
Теряя юные года?

Не бойся полюбить сверхъ мѣры,—
Ты молодъ, долженъ не робѣть:
Прими и трудъ и силу вѣры,
Умѣй страдать, умѣй терпѣть.

Такъ съ Богомъ, доблестно и смѣло,
Сомнѣнья прочь! иди на брань, —
За земское святое дѣло
Неколебимо, твердо стань.

—

22.

Вакхическая пѣсня современныхъ Ноздревыхъ.

Пусть бѣжитъ Россія
На пути прогреса,
Силы молодыя
Разжигаетъ пресса,—
Эхъ, намъ дѣла нѣту!
Пить мы больше будемъ,
И реформу эту
Съ-пьяну позабудемъ.
Въ серединѣ знойно,
Все кипитъ, пылаетъ....
Въ Польшѣ безпокойно...
Что-то замышляетъ...
Эхъ! напьемся больше,
Веселѣе будемъ,
Про стремленье Польши
Съ-пьяну позабудемъ!..
Крѣпостное право
Горе натворило:
Тотчасъ судъ, расправа,
Чуть заѣдешь въ рыло!...
Эхъ, давайте ходу!
Веселиться будемъ,
Выпьемъ—и свободу
Съ-пьяну позабудемъ!
Всѣ нѣвцы, какъ птицы,
Хоромъ распѣваютъ,
Дамы и дѣвицы
Правъ себѣ желаютъ...
Эхъ, давайте воли,
Пить побольше будемъ,
И объ нѣжномъ полѣ
Съ-пьяну позабудемъ!...

Взятки обличаютъ,
Зло и гадость вѣка;
Правду воспѣваютъ,
Право человѣка...
Эхъ, во всемъ безстрастность!
Пить усерднѣй будемъ,
Про прогресъ и гласность
Съ-пьяну позабудемъ.
Скрытности не стало,
Все теперь наружѣ;
Все повздорожало...
Вина стали хуже...
Эхъ, какъ обижаютъ!
Все же пить мы будемъ,
Что ни вымышляютъ —
Съ-пьяну все забудемъ!...
А напиться пьянымъ
Пивомъ — не годится:
Пиво съ кукельваномъ,
Можно отравиться...
Эхъ, махнемъ сивухи!
Съ ней пьянѣе будемъ,
Станемъ нѣмы, глухи,
Откупа забудемъ!...
Пусть бѣжитъ Россія
По пути прогреса,
Силы молодыя
Разжигаетъ пресса, —
Эхъ, намъ дѣла нѣту!
Пить усерднѣй будемъ,
И реформу эту
Съ-пьяну позабудемъ!...

—

23.

Стонъ земли.

Не бѣлы-то снѣги забѣлѣли,
Забѣлѣли во полѣ они;

Загудѣли сѣдыя мятели,
Накликая суровые дни.

«Кабы всю-то тебя замело бы!»
Говоритъ, будто стонетъ земля;
«Вы, мятели, крутите сугробы,
Вы, снѣга, заметайте поля!

«Пріукройте меня потеплѣе;
Вы плотнѣй налегайте на грудь,
Чтобъ проснуться-то мнѣ здоровѣе,
Чтобъ надежнѣй-то мнѣ отдохнуть...

«Я распахана вся на просторѣ,
Приняла я мірское зерно, —
Да на мнѣ-то посѣяно горе —
Стародавнее горе оно!...

«Не осеннимъ дождемъ я омыта,
Не росой меня крыла весна:
Я крестьянской ли кровью полита (*),
Во крестьянскихъ слезахъ крещена.

«Вы, мятели, снѣга да морозы!
Пріукрыть бы меня вамъ давно,
Чтобы я сохранила тѣ слезы,
Чтобъ всосало ихъ божье зерно.

«И авось либо новые всходы
Здоровѣй по веснѣ зацвѣтутъ —
И, обильная, хлѣбомъ свободы
Накормлю я крещеный весь людъ...»

Не бѣлы-то снѣги забѣлѣли,
Забѣлѣли во полѣ они, —
Но гудятъ безъ отвѣта мятели,
Накликая суровые дни.

(*) Если не пройдетъ этотъ стихъ, то замѣнить его слѣдующимъ:

Я крестьянскимъ ли потомъ полита.

Покупалъ охотно,
Воровалъ и пилъ притомъ
Пиво беззаботно.
Герцогъ мчался по лѣсамъ

Убивать медвѣдей,
Часто грабя, не спросясь,
Маленькихъ сосѣдей..,
Но молчало все вокругъ,
Какъ молчитъ могила,
И лишь герцога рука
Всѣхъ давила, да давила...

II.

Въ небѣ полная луна
Тихо выплывала...
Чуть замѣтнымъ вѣтеркомъ
Листья колыхало...
Въ пышномъ герцога саду,
Вѣчно не смолкая,
Плещетъ, брызжется фонтанъ,
Сердце услаждая.
Въ той алеѣ, гдѣ срослись
Вѣтками сирени,
Такъ прозрачны и легки
Видятся двѣ тѣни...

Слышу, голосъ говоритъ:
«Нужно быть намъ розно...
Ахъ, взгляни мой другъ хоть разъ
Нѣжно, а не грозно!
Сердце вѣчно жить съ тобой
Такъ вотъ все и жаждетъ...
Только родина моя,
Бѣдная, вѣдь страждетъ!

Въ нашемъ герцогствѣ всѣ спятъ,
Въ апатіи дремлютъ...
Я ихъ словомъ разбужу,
Пусть ихъ правдѣ внемлютъ.

Герцогъ власть всю захватилъ,
Помыкаетъ нами;
Деньги наши всѣ беретъ,
Властвуетъ умами...
И кругомъ его молчатъ —
Вотъ отвѣтъ гоненью!...
Нужно всѣхъ ихъ разбудить,
Привести въ движенье!...

А она ему въ глаза
Смотритъ боязливо
И замѣтно, что въ борьбѣ
Юноша красивый.
«Другъ мой... родина и гнетъ....
Поцѣлуя звуки....»
Шепчетъ юноша порой,
Полонъ тайной муки.
Кто-жъ она? — Ее вездѣ
Герцогиней величаютъ,
Кто-же онъ? — Стыдливый пажъ,
Что́ за нею шлейфъ таскаетъ.

III.

Посреди сырой темницы
Онъ лежалъ худой и блѣдный,
Какъ собака на соломѣ,
Какъ разбойникъ самый вредный.
Но въ лицѣ его не видно
Ни сомнѣнія, ни страха...
Но стучатъ... и бѣдный мыслитъ:
«Знать, уже готова плаха!
И вдругъ видитъ предъ собою
Бернардинскаго монаха.

Онъ взглянулъ. На блѣдномъ ликѣ
Вдругъ улыбка показалась....
Онъ смѣется... А тоскою
Сердце сильно, сильно сжалось...
Гаснулъ день. Долины, горы

Покрывались черной тѣнью,
А монахъ, не умолкая,
Толковалъ все о терпѣньи...

V.

Герцогъ въ женины покои,
На лицѣ съ тяжелой думой,
Входитъ быстрыми шагами,
Видомъ желчный и угрюмый.
Та, какъ надо герцогинѣ,
Изъ массивныхъ креселъ встала
И сказала: «я-бъ сегодня
Хоть немного погуляла;
Прикажите дать мнѣ лошадь,
Я возьму пажа съ собою.»
И глядитъ она на мужа
Съ тайнымъ страхомъ и тоскою.

— Пажъ лежитъ въ сырой могилѣ!
Герцогъ сдержанно отвѣтилъ,
И коварно усмѣхнулся,
Какъ слезу жены замѣтилъ...
Очень чинно поклонился,
И походкой скорой вышелъ...
Ни рыданій, ни проклятій, —
Ничего уже не слышалъ...

Сгибла сила молодая,
Человѣкъ погибъ съ душою...
Гдѣ-же слабенькой былинкѣ
Битву выдержать съ грозою?..
И опять въ толпѣ молчанье,
И опять все та же сила,
Что, не чувствуя отпора,
Всѣхъ давила, да давила.

—

26.

Старикъ.

Пусть молодежь кричитъ публично,
Что грабить взятки неприлично,
А я къ нимъ съ дѣтства такъ привыкъ,
Что хороню концы отлично...
Хоронитъ *кто?*.. Да я, *старикъ!*

—

Пускай лишусь съ отставкой чести,
Бѣда, ей-ей, не велика!
Коль сосчитать всѣ деньги вмѣстѣ,
Найдется вѣрныхъ тысячъ двѣсти...
А у кого? — *у старика*...

—

Другой пусть служитъ кровью, потомъ,
А я, вѣкъ лежа на боку,
Прослыть успѣлъ ужъ патріотомъ
И ѣдутъ, идутъ всѣ съ почетомъ
Къ кому? — ко мнѣ-же, *старику!*..

—

Какъ прогрессистовъ къ намъ набрали,
Я взялъ ихъ сразу за бока:
Придрался, вытурилъ вначалѣ,
Такъ старики-жъ и прославляли
Кого? — меня же, *старика*!..

—

Разъ, мы казну обдули ловко.
Какой вездѣ поднялся крикъ!..
Вотъ въ комъ снаровка, такъ снаровка:
О, тонкій плутъ! о, воръ *старикъ!*..
Кто побогаче, пораспутнѣй,

—

Со мной навѣрное знакомъ.
En grand съ кѣмъ можно спрятать плутни?
Да все со мной же, *старикомъ!*

О комъ пришлося молодежи
Кричать, какъ я, разъ, на легкѣ,

—

Пришелъ съ попойки безъ одежи,
Съ большой царапиной на рожѣ,
Съ спиной синякъ на синякѣ,
Все обо мнѣ, *объ старикѣ.*

—

Хоть прокричи всему народу,
Что мы старье и дураки,
Вводи гуманность, гласность въ моду,
А не дадимъ ни въ чемъ имъ ходу.
Да кто? — все мы же, *старики!*

—

Писакъ непризванныхъ ватага
Кричитъ: кто старъ, тотъ безтолковъ,
То эгоистъ, то плутъ, то скряга;
Вамъ, молодежь, не сдѣлать шага...
А безъ кого?— *безъ стариковъ.*

—

Не страшны ваши намъ порядки,
На плутни ярые нападки:
Мы ротъ зажмемъ говорунамъ...
Всегда лупить удобно взятки
Кому? — да намъ же, *старикамъ!*

—

На нихъ желчь можно только вылить,
Загорбокъ малость имъ намылить
Сарказмомъ прозы да стиховъ,
А ужъ на дѣлѣ не осилить
Кого? — да насъ же, *стариковъ!*

—

Коль ты писатель съ головою,
Такъ злость не бранью площадною,
А тонкой шуткой облеки,
И не кричи передъ толпою:
О, плуты, воры *старики!..*

—

Сказать по совѣсти, межъ нами:
Мы выживаемъ изъ ума,

И если цѣлыми вѣками
У насъ въ отчизнѣ длилась тьма,
Такъ это—*нами, стариками!..*

—

За то слывемъ мы въ дуракахъ;
Объ насъ кричатъ, какъ объ отсталыхъ,
Плутахъ, ворахъ большихъ и малыхъ.
Тьму пишутъ плутней небывалыхъ
Объ комъ? — *объ насъ, объ старикахъ!..*

—

27.

Горе.

Что это за вой по деревнѣ ходитъ,
Или злая смерть въ ней съ косою бродитъ?
Не пожаръ-ли вдругъ истребилъ селенье,
Или по дѣламъ становой въ деревнѣ?
Или, на бѣду, демонъ вѣдь забавникъ,
Съ отдѣленьемъ въ ней господинъ исправникъ?
Ну, тогда ой-ой! зло тогда велико,
Обдеретъ крестьянъ земскій судъ до-лыка,
Какъ имъ и не выть?... съ бѣдныхъ мужичишекъ
Часть пойдетъ въ казну и въ раздѣлъ излишекъ.
Не виню я судъ: изъ того и бьются,
Чтобъ набить карманы—пусть же слезы льются!

—

28.

Старый городъ.

На высотахъ Крещенскихъ горъ
Красуясь, городъ златоглавый
Невольно увлекаетъ взоръ
Своей роскошной панорамой:
У ногъ его рѣка шумитъ,
А за рѣкой луга пестрятся;
Вдоль по рѣкѣ челнокъ скользитъ,
Въ заливѣ барки шевелятся.
У береговъ идутъ плоты,
Летитъ крылатый пароходъ;
И, пѣной брызгая борты,
Онъ какъ чудовище реветъ.
Черезъ рѣку волшебный мостъ
Фестонной лентой переброшенъ,
Тамъ на горѣ Владиміръ въ ростъ
Глубокой думой озабоченъ.

Здѣсь женщина, владыка мощный,
Къ рукамъ прибрала мужа власть,
Деспотъ безъ мѣры нагло-злостный—
Она чума, она напасть.
А мужъ ея, какъ трупъ бездушный,
Къ всему холодный, равнодушный,
Дряхлѣетъ, киснетъ, съ каждымъ днемъ,
Душою, тѣломъ и умомъ.
Тутъ дарованьямъ нѣтъ карьеры;
Во всемъ безнравственный законъ;
Здѣсь нѣтъ: ни истины, ни вѣры,
Однимъ ханжамъ лишь здѣсь притонъ;
Для гражданина нѣтъ опоры;
Во всѣхъ судахъ Шемякинъ судъ,
И никакіе ужъ запоры

Отъ воровства здѣсь не спасутъ.
Банкроты съ каждымъ днемъ плодятся,
Оставя нищихъ цѣлый рой.
Къ кому взывать и обращаться?
Повсюду вопль, стенанье, вой!

—

29.

Пѣснь о шпицрутенѣ.

(Изъ флигель-прусскаго поэта.)

Страшный вблизи и вдали,
Всѣмъ, кто по службѣ безпутенъ,—
Чадо германской земли—
Гибкій и свѣжій шпицрутенъ.

Смѣло его воспою—
Вторитъ мнѣ «Сборникъ Военный».
На бивуакахъ, въ бою
Нуженъ шпицрутенъ почтенный,

Въ полночь, чуть свѣтъ на зорѣ,
Въ самой отчаянной схваткѣ,
Даже на смертномъ одрѣ
Въ бѣдной походной палаткѣ.

Пусть же его воспоютъ
Родины нашей поэты,
Какъ вдохновительный кнутъ,
Вяземскимъ княземъ воспѣтый. (*)

—

(*) Переводъ этихъ стиховъ доказываетъ, что я не принималъ участія въ протестѣ 106 офицеровъ противъ «Военнаго Сборника».

Журналъ, потерявшій кредитъ, подобенъ отставному офицеру, у котораго уже нѣтъ эполетъ, но на плечахъ остались отъ оныхъ дырочки.

—

30.

Кто она?

(въ pendant къ «Картинкѣ» Майкова).

«Тятька! Эвонъ—что народу
Собралось у кабака.....
Ждутъ каку-то все *слободу*:
Тятька, *кто она така?*»
—Цыцъ! Нишни! Пущай гуторютъ,
Наше дѣло сторона.....
Какъ возьмутъ тебя, да вспорютъ,
Такъ узнаешь *кто она!*—

—

31.

На землѣ у насъ родной
Не изнѣжены судьбой
Овцы,—славная порода,
Всѣмъ извѣстнаго завода;
Но пасутъ ихъ пастухи—
Воплощенные грѣхи;
Жутко стаду достается,
И не такъ оно пасется,—
А паслось бы такъ, какъ надо,
Охъ, лихое было-бъ стадо!..
. . . . . .
Хоть въ лугахъ позеленѣло:

Да кому какое дѣло,
Что смиренныя ватаги
Загоняются въ овраги;
Что за дѣло пастухамъ,
Не въ-домекъ ихъ головамъ,
Что скотину надо холить,
Не морить и не неволить.
Пастухамъ удобно тутъ—
Гдѣ овецъ они пасутъ:
Вѣчно веселы и пьяны....
Ничего... за то бараны!
Топчатъ терньe да песокъ;
Если-жъ маленькій клочекъ
Имъ случайно попадется
Доброй травки, и придется
Пощипать и пожевать;
Да за то ее искать
Ужъ не малой стоитъ муки,
И терпѣнія, и скуки.
Вотъ, родимый, и причина,
Отъ чего у насъ скотина
Пропадаетъ ни за грошъ.

32.

На первый разъ остановимся въ городкѣ Фифіевѣ, славящемся, кромѣ своей мѣстной газеты, великолѣпнымъ вареньемъ и историческими воспоминаніями. Мой фифіевскій корреспондентъ, обижаясь за свой городъ, забытый нашими газетами, съ гордостью замѣчаетъ: «и у насъ есть свои колосальные Рѣчные, Водяные, Держиморды и пр. россійскія знаменитости. Я требую вниманія отъ всѣхъ сочувствующихъ мнѣ гражданъ и начинаю разсказывать великіе моменты изъ жизни отечественныхъ героевъ».

Въ Фивіевѣ живетъ одна почтенная и сановная особа женскаго пола, М-me Фифійчикова, которою весьма справедливо гордится Фифіевъ,

Сей пращуръ русскихъ городовъ.

Особа эта извѣстна всѣмъ и каждому по своей благотворительности, какъ щедрая фея, которая всюду является, съ своей волшебной палочкой, гдѣ ея присутствіе необходимо. Но да не подумаютъ, что ея благотворительность была мелкаго, мѣщанскаго, такъ сказать, закала; да не подумаютъ, что она изливала свои щедроты тамъ, гдѣ, какъ говорятъ поэты, «голодъ скрежещетъ зубами», гдѣ люди ведутъ борьбу.

За право жить, за корку хлѣба!..

Благотворительность такого тривіальнаго свойства слишкомъ мелка и ничтожна для такой крупной особы, какъ М-me Фифійчикова. Нѣтъ, она взяла подъ свое высокое покровительство все разорившееся, промотавшееся барство, которое, по ея милости, продолжаетъ широко жить, нанимать великолѣпныя квартиры, задавать пиры и банкеты.

— Но неужели, спросите вы, эта дама-филантропъ содержитъ на свой счетъ всю толпу избалованныхъ дармоѣдовъ?

Напрасно такъ думаете! А общественная благотворительность для чего же? М-me Фифійчикова въ этомъ случаѣ служитъ только рулемъ, такъ сказать, добраго дѣла, и подъ ея парусами совершается это плаваніе по карманамъ ближнихъ. Послушайте теперь, какъ ловко въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ особа изъ особъ. Она въ полномъ блескѣ является въ благотворительный комитетъ и начинаетъ:

— Mesdames et Messieurs! несчастные бѣдные (взоръ къ потолку) скоро погибнутъ отъ голода (голосъ дрожитъ); наше дѣло—помочь несчастнымъ въ нуждѣ, и потому я предлагаю дать въ ихъ пользу концертъ... Надѣюсь, что мою мысль вы не отвергнете.

Слѣдуетъ оглушительное «браво» и клики восторженнаго согласія. Узелъ концерта завязывается, разбираются роли, репетиціи слѣдуютъ одна за другой и билеты на концертъ раздаются въ видѣ приказанія. Благотворительница знаетъ, что концертная зала будетъ полна... иначе—это личная обида для нея, и мщеніе падетъ на голову дерзкихъ. Думая только о воз-

можно большемъ оборѣ, благотворительница зоветъ на помощь фрикасе, которому дается билетовъ 300. Фрикасе, опытный въ этихъ дѣлахъ, сзываетъ младшихъ блюстителей порядка, и даетъ каждому, смотря по богатству участка, извѣстное количество билетовъ. Послѣдніе не ждутъ повторенія, и билеты разлетаются по зипунамъ, по чуйкамъ и кафтанамъ безъ всякаго возраженія. Нерѣдко, такимъ образомъ, какой нибудь зипунъ, заплативъ кровныя деньги за билетъ, является съ нимъ въ концертную залу посмотрѣть «какъ господа забавляются». Но такихъ изверговъ, осмѣливающихся вносить свой собственный запахъ въ благовонное общество любителей, при общихъ крикахъ негодованія, тотчасъ же выводили съ различными, приличными случаю, наставленіями. Между тѣмъ концертъ кончался и *сборныя* деньги отдавались *несчастному* семейству, проживающему пять, шесть тысячъ въ годъ.

О, гуманная благотворительница! Могу ли я не умилиться и не воскликнуть вмѣстѣ съ мѣстнымъ поэтомъ:

Украшаютъ тебя добродѣтели,
Умиляла ты гражданъ не разъ,
И беру я весь городъ въ свидѣтели:
Предъ тобою всѣ женщины—пасъ!..
Не въ одномъ уже слышалъ уѣздѣ я,
Какъ безцѣненъ твой разумъ и нравъ,
Самъ фонъ Юнкъ, говорятъ, безъ возмездія
Посылаетъ тебѣ «Телеграфъ».

Слава М-me Фифійчиковъ даже, какъ слышно, проникла въ Европу, такъ что когда она была въ Парижѣ—безъ скандалу не обошлось, и префектъ полиціи приглашалъ зачѣмъ-то къ себѣ фифіевскую знаменитость: вѣроятно, просилъ оставить свое факсимиле... на память грядущихъ вѣковъ.

Говоря о дѣяніяхъ М-me Фифійчиковой, мнѣ невольно припомнилось преданіе о благодѣтельныхъ феяхъ, жившихъ когда-то для утѣшенія міра. Одушевленный этой легендой, я, подражая Беранже, хочу посвятить свою пѣсню губернской благодѣтельницѣ, пѣсню, которую предлагаю пропѣть въ концертѣ, въ честь ея задуманномъ:

Губернская фея.

(Русское преданіе.)

Нѣкогда добрая фея
Съ палочкой въ мірѣ жила,
Въ мірѣ невидимо вѣя,
Палочкой злобу гнала.
Гдѣ ей махнетъ она бойко—
Нѣтъ и помину бѣдѣ...
Добрая фея, открой-ка,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

—

Видъ—героически грозный;
Еслижъ въ морозной пыли
Фею въ колескѣ привозной
Кровные кони несли—
Люди въ смиреньи великомъ
Спину сгибали вездѣ...
Добрая фея, скажи-ка,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

—

Нищій приходитъ. Заботы
Много и такъ уже ей.
Глупый бѣднякъ! Для чего ты
Съ просьбой стоишь у дверей?
Нечего ѣсть—не обѣдай;
Счастье есть въ хлѣбѣ, въ водѣ...
Добрая фея, повѣдай,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

—

Ты безучастно взирала,
(Мало-ли въ мірѣ есть бѣдъ!)
Здѣсь чья-то жизнь улетала,
Тамъ—голодалъ твой сосѣдъ;
Бѣдный и съ маленькимъ чиномъ

Въ мелкой и гибнетъ средѣ...
Добрая фея, скажи намъ,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

—

Но завѣщала въ примѣръ ты
Намъ своей щедрости жаръ,
И сочиняла концерты
Для разорившихся баръ;
Мотамъ, темницы достойнымъ,
Деньги сбирала вездѣ...
Добрая фея, открой намъ,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

—

Добрая фея! Ты права,
Что передъ нищимъ горда;
Тѣмъ только деньги и слава,
Кто ихъ нашелъ безъ труда.
Ихъ не роняла ты ниже,
Имъ помогала въ нуждѣ...
Добрая фея, скажи же,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

Жилъ дервишъ въ пустынѣ, на берегу моря. Однажды проходилъ мимо царь; но дервишъ не поднялъ головы и не обратилъ на него вниманія. Царь, недовольный этимъ, сказалъ съ негодованіемъ: эти нищіе въ своихъ лохмотьяхъ не лучше скотовъ. Тогда визирь сказалъ пустыннику: мимо тебя проходилъ владыка земли; зачѣмъ ты не оказалъ ему должнаго уваженія? Но дервишъ отвѣчалъ ему: скажи царю, чтобъ онъ ожидалъ подобострастія отъ того, кому нужны его благоволеніе и милость, и пусть онъ узнаетъ, что цари существуютъ для того, чтобъ охранять своихъ подданныхъ, а не подданные для того, чтобъ быть прислужниками царей.

Царь для подданныхъ опора и надежная защита;
Счастье ихъ въ его десницѣ охраняющей сокрыто.
Не для пастыря гуляетъ наше стадо средь поляны,—
Нѣтъ, пастухъ приставленъ къ стаду для защиты и охраны.
Гдѣ одинъ на ложѣ счастья беззаботно отдыхаетъ,
Тамъ другой, въ борьбѣ съ нуждою, истомленный, умираетъ.
Но лишь нѣсколько мгновеній—и покроетъ мракъ могилы,

Прахъ того, кто былъ недавно полонъ мужественной силы.
И тогда—что царь могучій, или рабъ его презрѣнный,—
Въ день суда равны ихъ доли предъ Создателемъ вселенной.
Вскрой могилу, ты увидишь тамъ, что все одно и то же:
Прахъ ли бѣднаго скитальца или пышнаго вельможи.

БИБЛІОГРАФІЯ И ПОЛЕМИКА.

1.

Кремуцій Кордъ, Н. И. Костомарова. Спб. 1862.

Посмѣемся же надъ недальновидностію тѣхъ, которые думаютъ, что ихъ настоящее могущество въ состояніи заглушить память потомства.

Кай Корнелій Тацитъ.

«Меня обвиняютъ въ словахъ—до того дѣла мои безвинны».

Кремуцій Кордъ.

Н. И. Костомаровъ написалъ новую книгу. Сочиненіе это называется *Кремуцій Кордъ* и представляетъ одинъ весьма интересный и назидательный примѣръ систематическаго развращенія нравовъ, вслѣдствіе утраты обществомъ гражданскихъ добродѣтелей. Новая книга г. Костомарова, съ перваго дня появленія ея въ продажѣ, имѣетъ здѣсь довольно большой успѣхъ: ее покупаютъ, читаютъ и надъ нею задумываются. Не смотря на то, что Кремуцій Кордъ написанъ тѣмъ тяжеловатымъ слогомъ, какимъ обыкновенно пишетъ г. Костомаровъ, книга отъ доски до доски прочитывается стариками, юношами и дѣтьми. Благородная цѣль автора вполнѣ достигнута этой доброй книгой, сѣющей добрыя сѣмена и отрезвляющей разумъ. Мы считаемъ себя обязанными познакомить нашихъ читателей съ новымъ произведеніемъ нашего историческаго писателя.

Изъ лѣтописи Кая Корнелія Тацита (кн. IV, гл. XXXIV), извѣстно, что при сластолюбивомъ, пьяномъ и лукавомъ цезарѣ Тиверіи, гражданскія добродѣтели римлянъ окончательно усту-

пили мѣсто низкому прислужничеству и продажности. Донось слѣдовалъ за доносомъ; нигдѣ не раздавалось откровеннаго слова свободнаго римлянина, сенаторы, историки и поэты принимали на себя обязанности шпіоновъ и наперерывъ другъ передъ другомъ старались заискать себѣ расположеніе цезаря и его временщиковъ. Временщикамъ были нужны эти доносы для того, чтобы держать въ рукахъ ничтожнаго цезаря, и они поощряли шпіоновъ. Среди общаго упадка нравовъ, Римъ былъ покоенъ и правленію цезаря, обставленнаго честолюбивымъ Сеяномъ и продажными сенаторами, не угрожало никакое возстаніе. Нужно было выдумывать преступленія, для того, чтобы поддерживать систему шпіонства и содержать въ страхѣ Тиверія. За этимъ не стало дѣло: законъ объ оскорбленіи величества помогъ изобрѣтательной дворнѣ цезаря. Холопскія натуры не сносили честнаго взора послѣднихъ почитателей свободнаго Рима, и одного за другимъ спроваживали ихъ далѣе отъ очей наслѣдника «божественнаго» Августа. Въ консульство Корнелія, Косса и Азинія Агриппы, Кремуцій Кордъ обвиненъ былъ въ новомъ и до того неслыханномъ преступленіи. Преступленіе это заключалось въ томъ, что въ своей лѣтописи онъ похвалилъ Марка-Брута и назвалъ Кая Кассія «послѣднимъ изъ римлянъ». Обвинителями Корда были кліенты тиверіева временщика Сеяна, поэтъ Сатрій Секундъ и историкъ Пинарій Натта. Это обстоятельство и суровый видъ, съ которымъ Тиверій слушалъ записанную Тацитомъ оправдательную рѣчь Кремуція, внушили продажнымъ «отцамъ отечества» рѣшеніе погубить честнаго гражданина для удовольствія ничтожнаго цезаря.

По этому сказанію, Н. И. Костомаровъ написалъ своего Кремуція Корда, составляющаго новое пріобрѣтеніе русской литературы. Въ этомъ сочиненіи особенно дорого намъ изложеніе системы шпіонства и продажничества, низведшей гражданъ свободнаго Рима на степень цезарской дворни. Трагедія Костомарова начинается пріемомъ въ дворцѣ тиверіева временщика. Поэтъ Сатрій съ рабскимъ подобострастіемъ подноситъ Сеяну тетрадь и проситъ его дозволить «со страхомъ благоговѣнія насладиться неизрѣченнымъ счастіемъ воззрѣнія милостивыхъ очей на слабое произведеніе музы.» Въ своемъ гнусномъ стихотвореніи онъ воспѣваетъ дѣянія Сеяна и ставитъ его между богами, нимфами и троянскими героями. Самому Сеяну приторна эта ла-

кейская лесть римскаго поэта; онъ чувствуетъ ея мерзость и понимаетъ, что ему не должно принять этихъ виршей, но даетъ Сатрію тысячу сестерцій «на переписку», благодаритъ его за усердіе, но говоритъ, что «не любитъ лести», но совѣтуетъ распространять стихотвореніе *ради поддержанія въ публикѣ хорошаго вкуса*. Они лгутъ оба и не стыдятся; да и чего стыдиться, когда возлѣ льстеца Сатрія стоитъ клеветникъ Юлій Вибій, сынъ старика Вибія, извѣстнаго своимъ доносомъ на Либона Друза.

— «У тебя что?» спрашиваетъ Сеянъ, обращаясь къ Ю. Вибію.

— «Донось на врага императора и отечества.»

— «А! на кого же?»

— «О, еслибы языкъ мой присохъ къ моему поднебью, прежде чѣмъ выговорить это ужасное, нѣкогда столь сладкое моему сердцу имя!» говоритъ Ю. Вибій. «О, еслибъ сердце мое разорвалось на части отъ снѣдающей его горести, прежде чѣмъ погаснетъ въ немъ чувство, сложенное природой! Но, клянусь безсмертными!—нѣтъ для меня узъ, священнѣе тѣхъ, которыя обязываютъ меня вѣрностію къ цезарю! Это... донось на моего отца.»

Чувства уже не борятся въ гнусномъ сердцѣ Ю. Вибія; онъ только лжетъ на нихъ, картинничаетъ человѣчностью. Онъ играетъ свою роль для того, чтобы Сеянъ могъ ловчѣе сыграть свою. Сеянъ называетъ его поступокъ «похвальнымъ и изумительнымъ», но, говоритъ онъ Ю. Вибію, «восхваляя твое усердіе, я не могу воздержаться, чтобы не сдѣлать тебѣ упрека. Ты сдѣлалъ примѣрное дѣло, не жалѣя и роднаго отца для блага отечества, но... ты наполнилъ грудь мою тоскою.» Однако эта тоска не мѣшаетъ Сеяну рѣшить погибель старшаго Вибія, и онъ обѣщается «облегчить его участь своею просьбою у государя», хотя и знаетъ, что языкъ его не будетъ произносить этой просьбы. Нужно еще погубить Кремуція Корда, который хотя не идетъ противъ порабощающаго правительства, ибо видитъ, что въ народѣ погибло стремленіе къ независимости, но хранитъ независимость собственнаго и даже назвалъ Кассія «послѣднимъ изъ римлянъ». Доносчикамъ не приходитъ въ голову, что Сеяну нужно спустить съ рукъ правдиваго историка, за которымъ они не знаютъ ничего пригоднаго для доноса.

Сеянъ самъ создалъ доносъ. Онъ говоритъ поэту Сатрію, что услуга, въ родѣ той, которую дѣлаетъ отечеству Ю. Вибій, важнѣе служенія музамъ, а историку Пинарію Натту указываетъ на недостатокъ уваженія къ правительству въ сочиненіяхъ историковъ, между «которыми онъ бываетъ» и приводитъ злокачественное мѣсто изъ анналовъ Корда. Онъ говоритъ, что вся исторія Корда «наполнена — если не явно преступными, то двусмысленными выраженіями и неумѣстными похвалами прежней свободѣ, *слѣдовательно* неблагорасположеніемъ къ настоящему порядку вещей. Цезарь не любитъ, — продолжаетъ онъ — этихъ возгласовъ о свободѣ и правахъ гражданскихъ. Если Кремуцій Кордъ нагло похвалилъ убійцъ Юлія Цесаря, то конечно питалъ злобу къ императору и существующему порядку. Надобно доказать это яснѣе.» Благородный вельможа не хочетъ открыто подущать къ доносу на Корда; онъ не клеветникъ, онъ знаетъ, что его и такъ поймутъ, и поэтъ Сатрій его понялъ. «Молю боговъ,» сказалъ онъ, «да даруютъ возможность заслужить твое вниманіе.» Вельможа и шпіонъ подали другъ другу руки на погибель Корда.

Но Кремуцій Кордъ благоразуменъ и остороженъ. Онъ знаетъ, что римскій воздухъ пропитанъ шпіонствомъ; онъ знаетъ своихъ согражданъ; знаетъ, что «одинъ въ полѣ не воинъ», и ничего не говоритъ выпытывающему его Сатрію. Сатрій жалуется Корду на современное правительство, на его любовь къ доносамъ, ропщетъ на положеніе поэта. «Или хвали Ливію, Сеяна, или не пиши, говоритъ онъ Кремуцію. А попробуй воспѣвать старину... «онъ не любитъ настоящаго» закричатъ тогда — онъ хочетъ возстановить прошедшее. А не то отыщутъ какую нибудь аллегорію, какой никогда поэтъ и не предполагалъ; да наконецъ онъ и тѣмъ виноватъ, что онъ поэтъ, а не всѣ поэты угодны цезарямъ. Слѣдить за нимъ! *А нужно только сильному сказать—слѣдить за такимъ-то, и такой-то какъ разъ попадетъ въ бѣду.* Цезарь и поэты не уживаются въ одномъ государствѣ.» «Довольно, чтобъ разъ почли тебя неблагонамѣреннымъ — не поправишь дѣла.» Кремуцій знаетъ свое положеніе; онъ не ввѣряется голосу поэта-шпіона, у котораго въ засадѣ спрятаны шпіонъ-историкъ Пинарій Наттъ и шпіонъ-сенаторъ Фирмій.» Есть одно самое ужасное горе, передъ которымъ безсильны всѣ бѣдствія», говоритъ Сатрію Кордъ: «это горе не-

чистая совѣсть и тяжесть чужой крови и чужихъ слезъ. На свѣтѣ нѣтъ силы, способной поколебать честнаго человѣка.» Сатрій идетъ далѣе въ своемъ достойномъ искусствѣ; онъ перебираетъ своей подкупленной рукою всѣ чувствительныя струны въ нѣжной душѣ Кремуція Корда; онъ говоритъ, что «теперь нѣтъ закона, кромѣ произвола тирана и его любимцевъ. Законъ попранъ, поруганъ; законъ изчезъ вмѣстѣ съ добродѣтелью; обманъ, раболѣпство воцарились на мѣсто добродѣтелей. Бойся жены твоей, говоритъ онъ. Бойся собственныхъ дѣтей твоихъ, которымъ ты даровалъ жизнь. Если сынъ твой впалъ въ распутство, — не останавливай его, иначе онъ донесетъ на тебя! Ты думаешь,—его накажутъ какъ отцеубійцу, по старинѣ — ни мало: его поставятъ въ примѣръ юношеству, какъ образецъ вѣрности государству и отечеству. Бойся каждаго, кому ты оказалъ благодѣянія: теперь въ обыкновеніи платить за добро доносами, и когда узнаетъ императоръ, доносчику причтется въ большую добродѣтель но (не?) неблагодарность... Но скоро, кажется, придетъ чреда и Тиверію: любимецъ отправитъ въ Елисейскія поля сперва семейство Германина, потомъ и Тиверія, прикажетъ пожаловать его богомъ, а потомъ захватитъ власть и мы падемъ предъ новымъ владыкой.» Кремуцій не высказываетъ ничего годняго (?) закона и случайно обнаруживаетъ засаду. Три шпіона на лицо передъ жертвой, обреченной подлымъ временщикомъ на вѣрную погибель. Нравы ихъ до такой степени упали, что они уже не очень и конфузятся своего гнуснаго умысла. Сатрій спокойно говоритъ Кремуцію: «я не врагъ тебѣ, а только другъ самому себѣ, какъ и ты, *какъ и каждый человѣкъ*. Все равно, другой бы воспользовался твоей ошибкой и получилъ бы за то выгоды: такъ почему же было не воспользоваться мнѣ самому?» Выводъ очень логичный, хотя очень подлый. Экономическія соображенія — выше всего... «жена дѣти, что будешь дѣлать!» Философія вѣка снисходитъ къ положеніямъ. Люди отрицаютъ геройство духа и римскій pater familias безсмутенъ. Не таковъ Кремуцій; онъ скорбитъ не о себѣ, а о своей бѣдной родинѣ; онъ вѣритъ, что «никакая мука не въ силахъ преодолѣть горести, терзающей его сердце, при мысли о ея униженіи.» Униженіе это становится передъ (нимъ?) во весь свой ростъ, ибо онъ знаетъ, что ему даже «некому завѣщать свою грусть!...» Онъ рѣшается скорѣе уйдти въ Германію или въ

Сармацію, а удерживаетъ руку преданнаго раба, готоваго поднять ее на лукаваго и злобнаго цезаря. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ убивать Тиверія? Зачѣмъ его смерть, когда остаются жить Сеяны, когда живетъ гнилое племя, бросавшееся на Брута и Кассія? Что пользы въ убійствѣ тирана? Кремуцій Кордъ не мстительный честолюбецъ; онъ хлопочетъ не о себѣ, а о своей родинѣ, родина же его въ его дни есть гнѣздо рабства и всѣхъ пороковъ. Избавьте ее отъ одного тирана, она завтра посадила бы другаго. Предсказанія Сатрія могли осуществиться, даже не могли не осуществиться. Кремуцій Кордъ понималъ это и не поджогъ руки, искавшей цезарской крови, а спокойно предсталъ съ Эдиломъ предъ лицо продажнаго и подлаго сената. И Тиверій ли былъ болѣе другихъ достоинъ смерти? «Я дѣлаюсь суровъ и жестокъ,» говоритъ этотъ ничтожный цезарь. Я презираю родъ человѣческій, ибо люди достойны презрѣнія, потому что ихъ легко обманывать и порабощать. «Въ этомъ звѣрѣ, въ этомъ вонючемъ хорькѣ есть еще какая-то искра человѣческаго чувства, но возлѣ него стоятъ двуногіе гады, которые ниже его звѣрства.» Сенатъ всегда осуждаетъ враговъ твоихъ на казнь, а ты милуешь и прощаешь ихъ,» говоритъ ему Сеянъ. Тиранъ все-таки лучше своего клеврета. «Милую, говоришь ты», отвѣчаетъ онъ Сеяну. «Нѣтъ, не милую я ихъ, а усугубляю ихъ муки. Что пользы убить врага своего? Мгновеніе, нѣсколько часовъ и его нѣтъ! Что даже пользы мучить? Нѣсколько дней страданія и онъ покоенъ, а я страдаю. Но лишить его чести, обезславить его имя, отнять у него жену, дѣтей, достояніе — и отдать доносчику, врагу его, а его самого заслать въ чужую землю и давать ему жалкій кусокъ хлѣба, чтобъ въ безсильной злобѣ онъ терзался и проклиналъ каждую минуту своего существованія, или запрятать въ тюрьму и лишить свѣта и воздуха, и вмѣстѣ съ тѣмъ ножа, яда — всего, чѣмъ можно прекратить жизнь, приковать его къ стѣнѣ, какъ собаку, и посылать ему изъ среды живущихъ на свѣтѣ только такія вѣсти, которыя рѣжутъ сердце острѣе всякаго кинжала: вотъ наслажденіе!... А тутъ еще другое: видѣть глупость цѣлаго народа, глупость тысячей, чувствовать себя выше ихъ и умнѣе... да!... Я преслѣдую благороднаго человѣка и увѣряю всѣхъ, что онъ негодяй, и всѣ вѣруютъ этому и величаютъ меня добродѣтельнѣйшимъ и справедливѣйшимъ. Только голод-

ный пролетарій вашъ, поймавъ добычу, снѣдаетъ ее; благородный же, прежде чѣмъ задушить ее, потѣшится надъ ней, выпуститъ ее изъ лапъ, будто даетъ ей свободу, но потомъ опять покрываетъ ее убійственною лапою. Я не хочу уничтожить свободы Рима: я люблю — уничтожать ее! Римскій народъ глупѣетъ, подлѣетъ, самъ того не замѣчая; одинъ я это замѣчаю; *одинъ я разумѣю, что̀ благородно, что̀ низко*; одинъ я уважаю тѣхъ, которыхъ преслѣдую, и презираю тѣхъ, которымъ благодѣтельствую. Уже въ Римѣ мало остается благороднаго и высокаго; я начинаю стравливать доносчиковъ между собою; а когда эти собаки перегрызутся и заѣдятъ другъ друга, — я отпущу узду своей власти, дамъ римлянамъ подышать свободнѣе, начну покровительствовать литературу, любовь къ истинѣ, для того, чтобъ снова явились люди, а не безсмысленные скоты... для того, чтобъ было кого истреблять».

Ужасный, страшный видъ представляетъ этотъ злодѣй цезарь, терзающій Римъ и издѣвающійся надъ его нравственною порчею. Онъ стравливаетъ доносчиковъ и палачи сѣкутъ другъ друга во славу цезаря. «Надобно, говоритъ онъ Сеяну, проучить доносчиковъ, чтобъ они были умнѣе и осторожнѣе; пусть думаютъ, что мы къ нимъ еще строже чѣмъ къ другимъ» и народу объясняютъ, что законъ de Iesu maiestatis установленъ не съ цѣлью умноженія, а съ цѣлью уменьшенія доносовъ.» «Императоръ желаетъ, говорятъ ему, чтобы добрые граждане жили спокойно, вкушая плоды трудовъ своихъ, необезпокоиваемые клеветами», и императоръ въ самомъ дѣлѣ остается до нѣкоторой степени въ сторонѣ. У него есть помойная яма, въ которую онъ сваливаетъ всѣ свои нравственныя нечистоты. Эта смердящая яма—римскій сенатъ. Зачѣмъ цезарю показывать народу свое безобразіе; когда его время выработало «отцовъ отечества», осуждающихъ за разъ и Корда, отрекающагося съ высокими лицами разсуждать объ исторіи, и именитыхъ доносчиковъ, неумѣвшихъ скрыть своей почетной миссіи. У Тиверія одна цѣль—оподлять народъ, чтобы крѣпче вбивать колъ своего самовластія; у сената одна мысль—творить волю цезаря и ждать отъ него милостей. Тиверій знаетъ, что его сила заключается въ нравственномъ безсиліи общества, и онъ преслѣдуетъ все, что духовно сильно и нравственно, а оподлѣвшій Римъ преслѣдуетъ не то, что вредно самому ему, а что неугодно цезарю. Кто же мерзѣе:

усвоена въ очень тѣсномъ смыслѣ. Тѣснота рамки, въ которую поставлено это положеніе, не дозволяетъ видѣть послѣдовательности въ явленіи Тиверія, Калигулы, Клавдія и Нерона. Она же не дозволяетъ понимать и условности, подъ вліяніемъ которой Кремуцій Кордъ оправдывалъ поступокъ «послѣдняго изъ римлянъ», отъ какого онъ удержалъ человѣка, готоваго доказать, что и «Тиверій не безсмертенъ». Когда нація, забывъ свои гражданскія права, спокойно пріемлетъ законы, составляемые сенатомъ въ угоду властителю, а «отцы отечества» разыгрываютъ комедію суда, тогда отчего же цезарямъ не играть въ милосердіе? Кремуцій Кордъ зналъ безполезность жертвъ, приносимыхъ среди «подлѣющаго Рима». Онъ зналъ, что въ этомъ Римѣ уже невозможенъ Кассій, что Кассію нечего было дѣлать въ Римѣ, и «отцы отечества» засудили бы «послѣдняго изъ римлянъ», если бы не для Тиверія, то для Сеяна. Смерть тирановъ безполезна тамъ, гдѣ почва и воздухъ имъ благопріятствуютъ. Они родятся какъ грибы въ дождливое лѣто.

Безобразныя явленія въ жизни народовъ не скалываются метким ударомъ кинжала. Воду потока не очистишь, если русло постоянно снабжаетъ его своею грязью. Нужно всякое дѣло начинать сначала и вести послѣдовательно. Это, можетъ быть, не эффектно и не такъ быстро, но за то крѣпко и вѣрно да и не такъ ужъ медленно, какъ воображаютъ люди, крещеные въ горячей водѣ. Не для себя же въ самомъ дѣлѣ хлопочетъ истинный сынъ отчизны. Потомства нѣтъ для Сеяна и «отцовъ отечества»; они смѣются надъ потомствомъ и живутъ для одного своего майона; но люди чести и добра, какъ Кремуцій Кордъ, не могутъ не цѣнить суда потомства и никого не пошлютъ удостовѣряться въ томъ, что цезарь не безсмертенъ. Они понимаютъ, что нужна не смерть цезаря, оподляющаго склонное къ подлостямъ общество, а нужно одухотвореніе этого общества и возрожденіе къ новой жизни. Въ душѣ людей, жаждущихъ этого святаго процеса, нѣтъ мѣста для безумныхъ порывовъ, за которыми неизбѣжно послѣдуетъ утомительное semper idem, ибо общество не можетъ снять съ себя привычекъ рабства, какъ снимаетъ сорочку. Человѣкъ же, взросшій

Среди разврата грубаго
И мелкаго тиранства,

къ чему хорошему способенъ? Такой человѣкъ неспособенъ даже согласиться, что каждая мать, учащая сына или дочь не тому, чему научаютъ развратныя Мессалины или себялюбивыя Агрипины-младшія, приноситъ своему отечеству больше пользы, чѣмъ люди, рѣжущіе тирановъ. Потомство преклонится передъ памятью матери, о сынѣ которой говорятъ, что «золото онъ презираетъ, милостей онъ не ищетъ», и народу, въ средѣ котораго будутъ такія матери, ни одинъ цезарь не скажетъ: «подлѣйте! подлѣйте! Римляне—народъ жадный къ рабству!»

2.

Ученые труды нашихъ академиковъ по естественнымъ наукамъ.

(Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. t. III et IV).

У насъ въ Петербургѣ, есть академія наукъ, что́, конечно, извѣстно каждому образованному русскому, потому что въ учебникахъ географіи, въ числѣ различныхъ достопримѣчательностей Петербурга, упоминается и академія, громадное зданіе которой служитъ къ немалому украшенію столицы.

Давно существуетъ эта академія, и все шло въ ней до сихъ поръ какъ слѣдуетъ, по заведенному порядку: зданіе ежегодно ремонтировалось, академики посѣщали засѣданія (séances), на которыхъ читали другъ другу свои ученыя работы, и получали за исправное исполненіе службы чины и жалованье,—ежегодно читались на торжественныхъ актахъ отчеты объ ученыхъ трудахъ академиковъ и пр. И все было такъ хорошо, спокойно. И всѣ были довольны...

Но вдругъ прошедшею весною надъ академіею разразилась страшная буря.

Журналы и журнальцы, газеты и газетки,—даже энциклопедическій словарь, не отстающій отъ общаго движенія и тоже касающійся современныхъ вопросовъ, на сколько это дозволяетъ алфавитный порядокъ статей,—съ яростью напали на академію и академиковъ.

Ученые, публицисты, простые люди, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, только и говорили объ академіи. Вопросъ объ академіи заслонилъ собою, покрайней мѣрѣ въ Петербургѣ, всѣ другіе вопросы—даже такъ мирно разрѣшавшійся крестьянскій вопросъ.

Градомъ сыпались обвиненія на академію; нападки были вѣрны, мѣтки и били въ самую суть.

«Посмотримъ-ка, какъ будутъ защищаться академики; что́ скажутъ они въ свое оправданіе,—говорили люди, придающіе слишкомъ большое значеніе нашимъ печатнымъ обличеніямъ.

«Погибла академія»—кричали увлекающіеся люди.

Академики, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не отвѣчали. Они молчали, невозмутимо молчали, и одни оставались спокойны среди всеобщаго волненія.

А между тѣмъ, крики мало по малу умолкли и все успокоилось.

Академія не погибла; стоитъ она, какъ прежде стояла, и идетъ въ ней опять все по старому, давно заведенному порядку: академики читаютъ другъ другу свои ученыя работы, получаютъ исправно жалованье и пр.

А увлекающіеся люди....—увлекаются другими вещами.

Самое существенное обвиненіе академіи, высказанное въ прошедшемъ году, это—что она не выполняетъ своего первоначальнаго назначенія: «распространять образованіе въ Россіи». Несомнѣнно, что академія никогда не способствовала развитію образованія въ Россіи, что для насъ русскихъ, для народа, она совершенно безполезна, какъ безполезны и пулковская обсерваторія, и физическая обсерваторія Купфера, и такая великолѣпная химическая лабораторія, какая построена недавно при артиллерійской академіи, и какъ многое, многое другое. Несомнѣнно, что академія не только безполезна, но и положительно вредна, ибо сто́итъ очень дорого и имѣетъ въ своихъ рукахъ разныя монополіи, напр. монополію изданія календарей, которые,—издавайся они частными людьми, много способствовали бы

распространенію въ Россіи полезныхъ свѣдѣній. Все это, по нашему, несомнѣнно; все это было превосходно доказано въ прошедшемъ году; все это не мѣшаетъ, конечно, повторять въ печати—такъ, знаете, для памяти. Увлекаться только не слѣдуетъ, потому что когда увлечешься, то часто упустишь изъ виду весьма важныя обстоятельства. Вотъ, напримѣръ, въ прошломъ году увлекающіеся люди, полагавшіе, что достаточно несомнѣнно доказать безполезность академіи, чтобы погубить ее, упустили совершенно изъ виду одно обстоятельство. Это обстоятельство необходимость академіи для Имперіи въ смыслѣ орнамента.

Какъ же, позвольте васъ спросить, такому государству, какъ Россія, не имѣть своей академіи, когда академіи есть во всѣхъ государствахъ Европы? Какъ же Петербургу быть безъ академіи, когда есть академія въ Берлинѣ, Вѣнѣ, даже Мюнхенѣ?

Петербургъ безъ академіи былъ бы недодѣланный Петербургъ, что-то въ родѣ генерала безъ звѣзды, ливреи безъ галуна.

Прорубили окно въ Европу. Что же будемъ мы показывать Европѣ въ это окно? Пушной хлѣбъ, разбавленную водой сивуху, розги что-ли? Чѣмъ заслонимъ мы всѣ эти некрасивыя вещи, если у насъ не будетъ академіи, свидѣтельствующей передъ Европою, что и мы де образованные люди, не хуже другихъ.

Увлекающіеся люди совершенно упустили изъ виду это обстоятельство, и вотъ серьезные люди, академики—не даромъ нѣмцы—не упустили, и потому были совершенно спокойны; они знали, что Россія безъ академіи не обойдется, что ей нужна на показъ Европѣ такая академія, какъ наша; они знали, что въ этомъ отношеніи академія совершенно удовлетворительна.

Въ самомъ дѣлѣ, академія наша имѣетъ совершенно европейскій видъ. Она помѣщается въ великолѣпномъ громадномъ зданіи, не мало, между прочимъ, способствующемъ украшенію столицы. Превосходные музеи ея, содержимые въ чистотѣ и порядкѣ, всегда посѣщаются важными особами, пріѣзжающими изъ заграницы посмотрѣть на Петербургъ, и эти особы, осматривая музеи, всегда выражаютъ при этомъ свое удивленіе. Состоитъ академія изъ почетныхъ членовъ, членовъ-корреспондентовъ и дѣйствительныхъ членовъ; въ почетные члены академія никогда не забываетъ выбирать кого слѣдуетъ и считаетъ въ числѣ ихъ не малое число русскихъ мужей, отличившихся на гражданскомъ

и военномъ поприщѣ (*); въ члены-корреспонденты академія выбираетъ извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ, которые, выставляя свои званія на издаваемыхъ ими книгахъ, не пропускаютъ прописать, что они члены с.-петербургской академіи наукъ, а книги эти расходятся въ Европѣ, которая узнаетъ такимъ образомъ, что въ Петербургѣ есть академія; въ дѣйствительные члены академія тоже выбираетъ извѣстныхъ ученыхъ. Бываютъ въ академіи два раза въ мѣсяцъ засѣданія, на которыхъ дѣйствительные члены читаютъ (какъ пишется по крайней мѣрѣ въ отчетахъ) свои ученыя работы и разсуждаютъ объ разныхъ ученыхъ вопросахъ. Наконецъ, академія издаетъ записки (Bulletin) и мемуары (Mémoires), въ которыхъ помѣщаются ученые труды академиковъ, печатаемые на иностранныхъ языкахъ. «Записки» и «мемуары» посылаются въ Европу.

Чего же вамъ больше? Академія, какъ слѣдуетъ быть академіи; такая же, какъ другія нѣмецкія академіи. Если же устроить академію иначе, такую, какая нужна Россіи и какой требовали публицисты, то эта академія не въ состояніи будетъ выполнять того, что требуется теперь отъ академіи, и вмѣсто того, чтобы служить украшеніемъ имперіи, она будетъ только предметомъ насмѣшекъ европейцевъ. Вонъ, скажутъ, какую эти русскіе варвары устроили академію...

Мы сказали уже, что согласны съ публицистами въ томъ, что наша академія безполезна, но полагаемъ, что ее можно только уничтожить, а не измѣнить. Мы убѣждены, что ни крики публицистовъ, ни толки общества, ни даже приказанія высшаго начальства—что гораздо дѣйствительнѣе—не въ состояніи существенно измѣнить направленія академіи. Поэтому считаемъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ мѣръ улучшенія академіи—или несущественными, или безполезными. Напримѣръ: говорили, что академики все нѣмцы, что они тянутъ къ себѣ нѣмцевъ, отстраняя отъ академіи русскихъ; что нужно дать ходъ русскимъ ученымъ и т. д.; что нѣмецъ—нѣмецъ и тянетъ вверхъ нѣмца—это такъ и должно быть. Но откуда же взять русскихъ ученыхъ (я говорю разумѣется о натуралистахъ), которые *могли бы* засѣ-

(*) Въ послѣднемъ собраніи, напр., выбраны въ почетные члены академіи Графъ Суворовъ и г. Головнинъ.

дать въ академіи. Русскихъ ученыхъ нѣтъ, какъ нѣтъ русскихъ булочниковъ и аптекарей.

А если между русскими, откормленными нѣмецкими булками, появится ученый, то развѣ это русскій ученый, а не нѣмецкій съ русскою фамиліею. Въ академіи есть такіе русскіе, но они только ничѣмъ не отличаются отъ нѣмцевъ. Академія понимаетъ, что она въ Россіи и выбираетъ иногда въ свои члены ученыхъ изъ русскихъ, но только такихъ, которые *(не?)* отличаются отъ нѣмцевъ; вѣдь русскій ученый, если остается русскимъ, перестаетъ быть ученымъ въ нѣмецкомъ смыслѣ. Вмѣсто того, чтобы думать о наукѣ, онъ думаетъ чортъ знаетъ о чемъ... напр. о томъ, что нужно уничтожить академію и т. п. Академики никогда не наберутъ такихъ господъ въ академію.

Нападали еще на академиковъ за то, что они говорятъ и пишутъ по нѣмецки; нападали на то, что труды нашей академіи печатаются на иностранныхъ языкахъ, а не на русскомъ.

Но какъ же вы хотите, чтобы нѣмцы писали свои статьи по русски, когда ученые изъ русскихъ говорятъ, что имъ легче писать ученыя вещи по нѣмецки, чѣмъ по русски? Наконецъ, кто же въ Россіи будетъ читать эти ученыя статьи, если они будутъ печататься по русски—вѣдь русскимъ ученымъ удобнѣе читать по нѣмецки.

Мы считали бы совершенно безполезною тратою денегъ, изданіе бюллетеня и мемуаровъ нашей академіи на русскомъ языкѣ: вѣдь на показъ Европѣ все-таки пришлось бы издавать тѣ же бюллетени и мемуары на нѣмецкомъ языкѣ (*).

Вотъ что касается предположенія, чтобы засѣданія академіи были публичны, то это хорошо, — для курьеза можно было бы когда нибудь сходить посмотрѣть, отъ нечего дѣлать.

Во время толковъ объ академія немногіе защитники ея, соглашавшіеся, что академія для Россіи безполезна, говорили, что кромѣ украшенія имперіи она имѣетъ другое назначеніе, болѣе высокое — развивать науку.

(*) Статья уже была написана, когда мы получили 1 нумеръ V тома бюллетеня, изъ котораго узнаемъ, что по предложенію Гг. Ленца, Буняковскаго, Бётлинга (Böhtling), Гро (Grot), Веселовскаго, Кунига и Билярскаго (Biliarski) съ 1862 года академія будетъ издавать періодическій сборникъ (recueil périodique), назначенный для сообщенія на русскомъ языкѣ результатовъ работъ академіи.

Что же они будутъ сообщать и для кого? Напрасная трата денегъ.

*

Они говорили, что нельзя, чтобы Россія не вносила свою лепту въ общую сокровищницу наукъ, изъ которой черпаетъ, или будетъ черпать сама. Они говорили, что академики, за получаемое ими жалованье и чины, обязаны только заниматься наукою, подвигать ее впередъ своими трудами, дѣлать новыя открытія — словомъ: академики обязаны поставлять извѣстное число ученыхъ работъ на пользу всего человѣчества, или лучше сказать, на пользу всей науки.

На это возражали, что если Россія обязана вносить лепту въ общую сокровищницу наукъ, то лучше было бы жертвовать нѣкоторую сумму денегъ на науки и посылать эти деньги въ Европу для содержанія потребнаго числа ученыхъ, которые за эти деньги работали бы для науки; иные говорили даже, что и денегъ ненужно посылать, а достаточно давать нѣмецкимъ ученымъ чины; что они за одни чины поставятъ столько, сколько слѣдуетъ отъ Россіи въ сокровищницу.

Не знаемъ на сколько справедливы эти возраженія, но такъ какъ мы убѣждены, что академія все-таки будетъ существовать въ томъ видѣ, какъ она есть, то и признаемъ не безполезнымъ указать публикѣ какую лепту принесла она въ прошедшемъ году по части естественныхъ наукъ.

Нашъ отчетъ составленъ по III и IV томамъ Bulletin de l'académie impériale des sciences de St. Petersbourg, которые выражаютъ дѣятельность академиковъ за прошедшій годъ; впрочемъ, при составленіи отчета мы имѣли также въ виду и прежніе труды академиковъ.

Итакъ, беремъ послѣдніе нумера III и IV томовъ и смотримъ по систематическому оглавленію (table systématique) какія ученыя работы академиковъ напечатаны въ этихъ томахъ.

Физика.

У насъ три академика, занимающихся физикою: *Якоби*, *Купферъ* и *Ленцъ*; есть еще академикъ *Гамель*, который также, кажется, занимается физикою, но навѣрно не знаю.

Якоби: Въ IV томѣ ученыхъ статей, ему принадлежащихъ, нѣтъ; въ III томѣ тоже нѣтъ.

Купферъ: Въ IV томѣ ничего нѣтъ; въ III томѣ есть маленькая статейка объ алкоголеметрахъ. Купферъ, впрочемъ, управ-

лять центральною физическою обсерваторіею (видите, какія у насъ есть заведенія) и пишетъ отчеты ея; эта ученая дѣятельность, вѣроятно, препятствуетъ ему посвящать время другимъ работамъ по физикѣ.

Ленцъ: Въ IV томѣ есть его статья о метеорологическихъ наблюденіяхъ Шренка въ Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ, въ 1853—1854 г. Статья очень должно быть ученая — цѣлыя страницы цифръ. Дѣло въ томъ, что Шренкъ когда то путешествовалъ и дѣлалъ метеорологическія наблюденія; Ленцъ теперь привелъ наблюденія Шренка въ порядокъ, обработалъ ихъ и вывелъ результаты. Трудъ большой, утомительный, хотя и не головоломный, требующій при томъ много времени, какъ всякое ариометическое вычисленіе. Въ III томѣ, какъ и слѣдовало ожидать, статей Ленца нѣтъ.

Гамель: Въ IV томѣ ничего нѣтъ, въ III томѣ—тоже. Впрочемъ Гамель постоянно, кажется, пребываетъ за границею и, можетъ быть, тамъ печатаетъ свои ученые труды (*).

Химія.

Химиковъ у насъ въ академіи два: *Фритчше* и *Зинина*.

Фритчше: въ IV томѣ ничего нѣтъ; въ III томѣ — статьи.

Отсутствіе работъ Фритчше въ III томѣ насъ нѣсколько вило; во первыхъ потому, что дѣлать такія химическія работы, какъ дѣлаютъ наши академики, очень легко; во вторыхъ потому, что Фритчше, какъ извѣстно, работаетъ постоянно и акуратно поставляетъ въ академію ученыя статьи. — Притомъ же, Фритчше не стѣсняется содержаніемъ и пускаетъ въ печать все, что замѣчаетъ, сливая въ скляночкахъ различныя химическія вещества. У Фритчше все идетъ въ дѣло, все пичкается въ статью, и потому его мемуары выходятъ большею частію очень длинны. Занимающіеся химіею знаютъ, конечно, какъ работаетъ Фритчше; для незанимающихся же я постараюсь объяснить дѣло, и для этого принужденъ буду нѣсколько отвлечься отъ предмета, что, впрочемъ, необходимо будетъ и далѣе при характе-

(*) Въ 1 нумерѣ V тома дѣйствительно находимъ, что Гамель издалъ въ Лондонѣ брошюру: Bishop Watson and electric telegraph.

ристикѣ ученыхъ трудовъ другихъ академиковъ. Ученыхъ можно раздѣлить вообще на два разряда: одни доставляютъ матеріалъ для постройки зданія науки; другіе строятъ самое зданіе и добываютъ матеріалъ только въ томъ случаѣ, когда еще его не заготовлено, когда открывается необходимость въ новомъ матеріалѣ,—они же обыкновенно указываютъ пути, какъ добывать новый матеріалъ. Разумѣется, эти люди стоятъ всегда во главѣ ученыхъ и, разумѣется, въ этомъ разрядѣ есть множество градацій. Къ этому разряду изъ нашихъ академиковъ принадлежатъ кто? незнаю—Беръ, развѣ?

Ученые, доставляющіе матеріалъ для науки, скромные труженики науки, какъ ихъ обыкновенно называютъ, несомнѣнно, приносятъ огромную пользу, если работаютъ прилежно и доставляютъ хорошій и притомъ необходимый матеріалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя строить зданія, когда нѣтъ кирпича, глины и извести; но нужно вѣдь, чтобы кирпичъ былъ хорошъ, нужно, чтобы вамъ доставляли известь, а не бревна, напримѣръ, которыя могутъ быть хороши, да не идутъ теперь въ дѣло, хотя и не мѣшаютъ. Фритчше принадлежитъ къ этому разряду ученыхъ, и занимается постоянно добычею матеріала, но вотъ что: онъ не можетъ никакъ отличить, нуженъ ли матеріалъ и годенъ ли онъ; поэтому въ его ученыхъ работахъ, между интересными и важными для науки фактами, попадается множество такихъ, которые никуда негодны. Есть такія ученыя работы Фритчше (наприм., его работа о содержащей фосфоръ органической кислотѣ), изъ которыхъ наука не можетъ извлечь ничего, или почти ничего, и читая которыя, сожалѣешь только о времени и матеріалахъ, напрасно потраченныхъ ученымъ. Чтобы рѣзче характеризовать химическіе труды Фритчше, я скажу для тѣхъ, которые не знаютъ работъ Фритчше, но понимаютъ химію, что Фритчше не умѣетъ (можетъ быть, не считаетъ нужнымъ) отличить (*) химическое соединеніе (хим. индивидуумъ) отъ смѣси, а потому, не разбирая, описываетъ, какъ химическія соединенія, и анализируетъ всякую дрянь, которая ему попадается подъ руку: напр., некристализующіяся смолы, осадки и т. п. Нужно, однако, отдать справедливость Фритчше и сказать, что онъ, рабо-

(*) Доказательства этому можно найдти во многихъ работахъ Фритчше и разборахъ его работъ Герара и Либиха.

тая постоянно и прилежно, сдѣлалъ много и хорошихъ вещей. Притомъ же онъ отличается особенною наблюдательностію, натолкнувшею его на нѣсколько интересныхъ открытій, которыя безъ него долго, можетъ быть, оставались бы скрытыми отъ науки, потому что Фритчше открылъ эти интересныя вещи тамъ, гдѣ никто и искать бы ихъ не сталъ. Онъ постоянно роется въ лабораторныхъ экскрементахъ, разсматриваетъ то, что другіе обыкновенно выбрасываютъ—какія нибудь случайно полученныя смѣси, какіе нибудь остатки отъ добыванія самыхъ обыкновенныхъ препаратовъ; разсматриваетъ тщательно и находитъ новыя вещи, дѣлаетъ открытія, поражающія иногда своею неожиданностію. Большая часть работъ Фритчше носитъ характеръ случайности и отличается особенною длинnотою, потому что его все равно интересуетъ и онъ на всемъ останавливаетъ свое вниманіе. Доказательство тому, что́ я сказалъ о Фритчше, можно найдти въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ III томѣ. Зная хорошо ученую дѣятельность Фритчше, мы, по правдѣ сказать, удивились, не найдя его статей въ IV томѣ, и потому обратились къ алфавитному указателю, изъ котораго лучше можно видѣть всю дѣятельность академика. Дѣйствительно, мы не ошиблись, и по алфавитному указателю нашли, что въ засѣданіи 5 апрѣля 1861 года Фритчше «pour s'acquitter de son tour de lecture» (эта интересная фраза часто встрѣчается въ отчетахъ о засѣданіяхъ нашей академіи) словесно сообщилъ *результаты* (кому? Зинину, вѣроятно?) своей новой работы надъ сѣменами Peganum Harmala, работы, предметъ которой есть новый алкалоидъ, производный отъ гармина и называющійся бихлоргарминомъ. Фритчше, сообщая результаты, обѣщалъ представить впослѣдствіи мемуаръ, но до сихъ поръ еще не представилъ (*); замѣтимъ кстати, что сѣмена Peganum Harmala служатъ для Фритчше постояннымъ источникомъ открытій: нашелъ онъ въ нихъ когда то какіе то алкалоиды—и описалъ; а потомъ, то хлоромъ, то бромомъ, обработаетъ онъ тотъ или другой алкалоидъ и получитъ новую производную—вотъ и матеріалъ для новаго мемуара. Это можетъ

(*) Теперь представилъ—мы сегодня получили 1 нумеръ V тома. Только не понимаемъ, почему мемуаръ вышелъ такъ поздно: если работа сдѣлана послѣ 5-го апрѣля, то какіе же результаты сообщалъ тогда Фритчше? или же онъ сообщилъ тогда результаты, т. е., что вотъ есть алкалоидъ бихлоргарминъ, то почему же мемуаръ вышелъ такъ поздно?

нія его геологическихъ изслѣдованій — онъ уже и прислалъ мемуаръ по геологіи Дагестана.

Ботаника.

Въ академіи два ботаника: *Желѣзновъ* и *Рупрехтъ*.

Желѣзновъ Въ IV томѣ—ничего; въ III томѣ—ничего.

Рупрехтъ. Въ IV томѣ—ничего; въ III томѣ—ничего.

Впрочемъ, Рупрехтъ путешествуетъ по Кавказу и изъ отчета о засѣданіяхъ (томъ III стр. 348) видно, что онъ прислалъ непремѣнному секретарю письмо, которое было читано въ засѣданіи академіи. Все содержаніе письма въ отчетѣ не напечатано и упомянуто только, что г. Рупрехтъ сообщилъ главные результаты своихъ ботаническихъ изслѣдованій и, оканчивая письмо, говоритъ, что если онъ сдѣлалъ во время этого путешествія что-нибудь полезное для науки, то только благодаря могущественному и благосклонному покровительству, которымъ его почтилъ князь Барятинскій, а также благодаря просвѣщенному содѣйствію начальниковъ различныхъ отраслей администраціи. Нѣтъ сомнѣнія, что, путешествуя по Кавказу, г. Рупрехтъ собралъ множество растеній и привезетъ съ собою цѣлый возъ сушеной травы, разобравъ которую, напишетъ нѣсколько полезныхъ ученыхъ мемуаровъ. Вѣроятно, онъ открылъ нѣсколько новыхъ видовъ растеній (*). Кромѣ того, Рупрехтъ прислалъ, какъ видно по алфавитному указателю IV тома, мемуаръ объ акклиматизаціи, который напечатанъ по русски въ запискахъ какого-то кавказскаго ученаго общества; по нѣмецки же будетъ напечатанъ по возвращеніи самого академика.

Зоологія, анатомія, физіологія.

По этимъ наукамъ у насъ два академика: *Брандтъ* и *Бэръ*.

Брандтъ. Въ IV томѣ помѣщенъ имъ коротенькій отчетъ о мемуарѣ, составляющемъ 2-ю часть его Symbalae Sirenologicae, печатаемомъ въ «мемуарахъ» академіи.

(*) Наше предсказаніе сбылось. Въ 1 нумерѣ V тома, Рупрехтъ напечаталъ краткій отчетъ о своемъ ученомъ путешествіи по Кавказу; изъ отчета видно, что онъ дѣйствительно привезъ много сушеной травы и дѣйствительно открылъ много новыхъ видовъ растеній.

Брандтъ принадлежитъ къ тому же разряду ученыхъ, какъ Кокшаровъ и Рупрехтъ. Онъ вѣчно разбираетъ кости, чешуйки и пр.; копитъ матеріалы и составляетъ огромныя ученѣйшія монографіи, отличающіяся особенно научною сухостію, но очень интересныя для спеціалистовъ. Вотъ и теперь онъ печатаетъ статью объ остеологіи капустника (Rhytina), которая послужитъ къ немалому украшенію ученыхъ мемуаровъ академіи (*). Въ III томѣ помѣщено три статейки Брандта, изъ которыхъ одна есть отчетъ о его путешествіи по Крыму: очень интересная статейка, въ которой описывается гдѣ былъ г. Брандтъ, съ кѣмъ встрѣчался, какъ его кто принималъ—радушно всѣ принимали—какъ онъ проводилъ время и пр. Во второй статейкѣ Брандтъ описываетъ одно интересное явленіе, случившееся въ балаклавской бухтѣ. Третья статья есть весьма ученое изслѣдованіе о зоологическомъ значеніи двухъ греческихъ словъ, встрѣчаемыхъ у древнихъ писателей. Всѣ эти мелкія статейки Брандта въ «запискахъ» не составляютъ его главныхъ трудовъ; я уже сказалъ, что почтенные труды ученаго академика обыкновенно украшаютъ «мемуары».

Бэръ. Въ III томѣ помѣщено двѣ его статьи: замѣтки о слѣпой рыбѣ и мемуаръ о разведеніи устрицъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ III томѣ тоже есть большая статья.

Беръ, безъ сомнѣнія, самый живой и талантливый изъ членовъ нашей академіи; публикѣ онъ извѣстенъ гораздо болѣе, чѣмъ другіе академики. Его статьи совершенно отличны отъ статей другихъ академиковъ. Беръ занимается все такими интересными вопросами; пишетъ свои статьи такъ увлекательно, живо и общедоступно, что онѣ всегда читаются съ интересомъ и съ пользою могутъ быть переводимы на русскій языкъ. Если и прорывается онъ иногда въ чемъ нибудь, то это съ избыткомъ выкупается хорошими сторонами статей. При всемъ уваженіи нашемъ къ сухимъ ученымъ изслѣдованіямъ, какими отличаются Кокшаровъ, Рупрехтъ, Брандтъ, мы не можемъ не поставить выше всѣхъ Бера. Послѣднія двѣ его статейки въ IV томѣ, хотя по отношенію къ наукѣ и не имѣютъ большаго значенія, но мо-

(*) Въ 1 нумерѣ V тома помѣщены тоже двѣ интересныхъ статейки Брандта: одна о числѣ шейныхъ позвонковъ у сиреновыхъ; другая о какихъ-то косточкахъ у тѣхъ же животныхъ.

тутъ служитъ подтвержденіемъ нашихъ словъ; статья объ разведеніи устрицъ можетъ, полагаю, служить превосходнымъ образцомъ того, какъ слѣдуетъ примѣнять данныя, вырабатываемыя наукою, къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ. Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ видно, какъ неутомимо дѣятеленъ Беръ, и какъ онъ хлопочетъ о краніологической коллекціи, созданной имъ въ нашей академіи, о музеумѣ древностей и пр.

Тоненьки, жидки тетрадки записокъ нашей академіи; мало въ нихъ статей академиковъ и постороннихъ академіи ученыхъ; бѣдны содержаніемъ эти статейки.

Въ III и IV томахъ записокъ, помѣщено принадлежащихъ академикамъ ученыхъ статей:

по физикѣ	2
— химіи	4
— минералогіи.	1
— геологіи.	2
— ботаникѣ	0
— зоологіи, анатоміи и пр. . . .	7
Всего. . .	16

№ 1-й III тома вышелъ 28 ноября 1860. № 9-й IV тома вышелъ 11 января 1862 г. Слѣдовательно, въ 13 мѣсяцевъ напечатано 16 статей; засѣданій академіи съ 2 ноября 1860 года по 15 ноября 1861 года (*), включительно было 24, да съ ноября, еще было 2, слѣдовательно всего 26 засѣданій, а потому на каждое засѣданіе приходится $^{16}/_{26}$ статьи; если читали по цѣлой статьѣ въ засѣданіе, то на 10 засѣданіяхъ нечего было читать. Мнѣ кажется, что можно было бы сократить число засѣданій и не такъ часто безпокоить гг. академиковъ.

Академиковъ по естественнымъ наукамъ мы насчитали всего 13 (съ Гамелемъ); слѣдовательно, на каждаго приходится въ 13 мѣсяцевъ по $1^3/_{13}$ статьи. Что жъ?—довольно.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что стоитъ академія въ годъ, а потому не могли опредѣлить, во сколько тысячъ обошлась русскому народу каждая статья, помѣщенная въ III и IV томахъ бюллетеня. Серьезные люди, ученые (разумѣется, только не на-

(*) Въ № 9 IV тома, вышедшемъ въ январѣ 1862 г., помѣщенъ только отчетъ о засѣданіи 15 ноября.

туралисты, которые сами просматривали III и IV т. бюллетеня) скажутъ, можетъ быть, что мы относимся къ ученымъ трудамъ академиковъ не съ достаточнымъ уваженіемъ, и неправильно измѣряемъ дѣятельность академіи, сосчитывая только число статей, напечатанныхъ академиками. Мы замѣтимъ на это, что не мы выдумали такой способъ оцѣнки ученой дѣятельности, а сами академики; мы только примѣнили ихъ же воззрѣніе на обязанности академиковъ.

Развѣ академикъ «pour s'aquitter de son tour de lecture» не представляетъ что̀ ни попало, лишь бы только статья была?

Развѣ въ bulletin много такихъ статей, которыя пишутся не для того только, чтобы s'acquitter de son tour de lecture?

Развѣ академикъ не считаетъ свою обязанность исполненною, если онъ представилъ какую нибудь статейку въ продолженіи года? Развѣ онъ заботится о содержаніи?

Наконецъ, развѣ мы выдумали фразу: Monsieur N N, pour s'acquitter de son tour de lecture fait la communication verbale etc... (tome IV p. 62).

3.

Альманахъ «Звѣздочка» 1826 г.

Прежде, нежели скажемъ нѣсколько словъ, объ этой любопытной библіографической рѣдкости, заглянемъ въ записки одного изъ почтенныхъ дѣятелей того времени и выпишемъ слѣдующія строки:

«.... Вся литературная семья нашего времени, разсказываетъ Е. П. О—скій, собиралась разъ въ недѣлю у г. Греча. Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ его собесѣдниковъ былъ Кондратій Ѳедоровичъ Р....въ, съ задушевнымъ другомъ своимъ А. А. Бе-

стужевымъ, адъютантомъ герцога Александра Виртембергскаго. Александръ Бестужевъ выступилъ уже тогда (съ 1819 г.) на литературное поприще критиками, которыя, по живости слога и рѣзкому юмору—обѣщали блестящее развитіе, впослѣдствіи хорошо имъ оправданное. Дорогимъ собесѣдникомъ былъ общій другъ, старшій братъ Александра, капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа и начальникъ адмиралтейскаго музея, Николай Бестужевъ. Это былъ человѣкъ замѣчательно даровитый и прекрасно образованный. Въ числѣ остальныхъ посѣтителей были — я и Александръ Осиповичъ Корниловичъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, усердно и съ любовью трудившійся надъ памятниками петровскаго времени: его историческіе разсказы читались въ наше время съ большимъ любопытствомъ...»

«Кромѣ сходокъ у Греча, литературныя собранія бывали постоянно, каждую недѣлю, у Кондратія Ѳедоровича Р...ва. Сюда, между прочими, являлись Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, поэтъ и товарищъ по лицею Ивана Ивановича Пущина, состоявшаго на службѣ въ Москвѣ, поэтъ Ѳ. Н. Глинка, критикъ Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергій Петровичъ Трубецкой, Евгеній Петровичъ Оболенскій, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (*) и многіе другіе. Оживленная бесѣда была чисто литературная, но нерѣдко переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна Р....ва, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ и скромнымъ обращеніемъ внушала къ себѣ всеобщее уваженіе.»

«Большая часть участниковъ дружескихъ собраній были литераторы и свои труды, поэтическіе и прозаическіе, помѣщали въ разныхъ журналахъ: въ «Соревнователѣ россійской словесности», въ «Сынѣ отечества,» въ «Сѣверномъ архивѣ,» Сѣверной пчелѣ 1825 г., «Литературныхъ листкахъ» и нѣкоторыхъ альманахахъ. — Но всѣ чувствовали потребность въ собственномъ сборникѣ: между нами, продолжаетъ Е. П. О—скій, было много истинно даровитыхъ и талантливыхъ людей; труды ихъ уже вездѣ встрѣчались публикой съ большимъ любопытствомъ. При такихъ условіяхъ изданіе альманаха было дѣло не трудное и первая мысль о Полярной звѣздѣ родилась у Кондратія Ѳедоровича Р-а.

(*) Поэтъ и впослѣдствіи другъ М. Ю. Лермонтова.

«Между прочими цѣлями предпріятія была та, чтобы дать труду литературному вознагражденіе болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя умственнымъ занятіямъ. До этого времени почти единственная награда за трудъ состояла въ напечатаніи его въ журналѣ, и многіе авторы, получая извѣстность, терпѣли нужду. Предпріятіе удалось, какъ нельзя лучше. Съ перваго же, 1823-го года, публика раскупила все изданіе, и встрѣтила его Полярную звѣзду съ большимъ сочувствіемъ.»

Издателями и редакторами были Александръ Александровичъ Бестужевъ и Кондратій Ѳедоровичъ Р....въ. Каждый изъ нихъ, по распродажѣ первой книжки, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, получилъ по 2000 руб. чистаго доходу. Экземпляръ продавался по 10 руб. ассигнаціями; но уже въ 1826-мъ, 1827-мъ и послѣдующихъ годахъ книжку Полярной звѣзды нельзя было достать и за 100 руб. ассигнаціями.

«Полярная звѣзда» вышла въ трехъ томахъ: 1823, 1824 и 1825-й годы. Издатели-редакторы поднесли послѣдній томъ своего сборника Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ и удостоились благосклоннаго вниманія. По словамъ тогдашнихъ газетъ: Кондратій Ѳедоровичъ Р....въ получилъ два брилліантовыхъ перстня, а А. А. Бестужевъ золотую, прекрасной работы, табакерку и брилліантовый перстень, при самыхъ милостивыхъ рескриптахъ.

«Полярная звѣзда» 1823—1825 г., интересная для насъ по своему содержанію, еще болѣе любопытна въ томъ отношеніи, что на ея страницахъ, за весьма немногими исключеніями, помѣщали свои труды самые даровитые люди того времени, люди передовые, честь и краса русской литературы 20 хъ годовъ. Они соединялись вокругъ талантливыхъ редакторовъ, любимыхъ и уважаемыхъ не ими одними, но всѣмъ читающимъ русскимъ людомъ. Во всѣхъ трехъ томахъ мы находимъ произведенія до 60 человѣкъ сотрудниковъ. Въ этомъ длинномъ спискѣ читаемъ, между прочимъ, имена слѣдующихъ лицъ: Е. А. Баратынскаго, Н. А. Бестужева, А. А. Бестужева, К. Н. Батюшкова, Вердеревскаго, кн. П. А. Вяземскаго, Воейкова, Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Гнѣдича, А. С. Грибоѣдова, Григорьева, [illegible]ва, А. А. Дельвига, И. И. Дмитріева, В. А. Жуков[illegible], А. Е. Измайлова, В. Измайловъ, Иванчина-Писа[illegible]

[illegible], И. А. Крылова, Княжевича, И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, Лобанова, Мосальскаго, Нечаева, Норова, Остолопова, Олина, Ободовскаго, В. Панаева, П. А. Плетнева, А. С. Пушкина, В. Л. Пушкина, Родзянко, К. Ѳ. Р....ва, О. И. Сенковскаго, О. Сомова, В. И. Туманскаго, Филимонова, Хвостова, А. Р. Хомякова, кн. Шаховскаго, Н. М. Языкова и друг. лицъ, скрывшихъ свои фамиліи подъ звѣздочки.

Въ ряду сотрудниковъ Полярной звѣзды мы находимъ только три-четыре имени, которымъ, казалось бы, вовсе не-умѣста быть въ этомъ прекрасномъ собраніи всякаго рода талантовъ. Такъ наприм., мы не безъ недоумѣнія находимъ въ Полярной звѣздѣ Ѳаддея Булгарина, столь справедливо заклейменнаго всеобщимъ презрѣніемъ.... Какъ же могли принимать его въ свое блестящее, избранное общество Бестужевъ и Р....въ?

Но дѣло въ томъ, что Булгаринъ былъ еще тогда молодъ и всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее направленіе образованной молодежи; хотя ужъ и въ это время онъ ясно обнаруживалъ задатки того образа мыслей, которымъ впослѣдствіи столь неуклонно слѣдовалъ... Его, Ѳаддея (что видно изъ многихъ имѣющихся у насъ записокъ, между прочимъ изъ прекрасныхъ и въ высшей степени интересныхъ мемуаровъ Михаила Александровича Бестужева) Булгарина, и въ то время терпѣли только какъ шута балаганнаго, балагура и площаднаго остряка. Александръ Бестужевъ бывалъ у него очень часто, но ужъ вовсе не изъ за его прекрасныхъ глазокъ.....

Въ 1825-мъ году, какъ редакторы Полярной звѣзды, такъ и ихъ главные сотрудники были очень заняты разными важными для нихъ дѣлами. Вслѣдствіе этого они запоздали составленіемъ и печатаніемъ IV-го тома альманаха на 1826 годъ и рѣшились издать его въ меньшемъ объемѣ и съ болѣе скромнымъ названіемъ: вмѣсто Полярная звѣзда просто Звѣздочка.

Редакціей ея, по примѣру прежнихъ годовъ, преимущественно занимался А. А. Бестужевъ; было уже сверстано и отпечатано нѣсколько печатныхъ листовъ, какъ вдругъ извѣстныя декабрскія событія—остановили изданіе. Все оно исчезло въ грудѣ другихъ интереснѣйшихъ бумагъ. Ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ библіотекъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, ни у одного (сколько намъ извѣстно) изъ нашихъ библіографовъ не сохранилось Звѣздочки 1826 г., столь преждевременно потухшей.

Единственный экземпляръ уцѣлѣлъ у А. Н. Крепицына, которому мы и заявляемъ нашу признательность за сообщеніе этой книжечки.

Какъ по чрезвычайной рѣдкости ея, такъ и по тѣмъ воспоминаніямъ, на которыя она наводитъ, Звѣздочка 1826 года заслуживаетъ особенное вниманіе. Эта сверстанная брошюрка, на сѣроватой, дряблой бумагѣ, въ маленькую осьмушку, въ 4 печ. листа — 64 странички. Изъ нихъ недостаетъ 11, 12, 13 и 14 стр. Вотъ содержаніе Звѣздочки:

I. Кровь за кровь, разсказъ А. Бестужева, стр. 1—36. Разсказу предпослано слѣдующее предисловіе: «въ послѣдній походъ гвардіи, будучи на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на старинный каменный крестъ; далѣе, въ оставленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ.... и наконецъ, надъ оврагомъ ручья развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился съ вопросомъ къ одному изъ нашихъ капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и старинныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать подробно объ этомъ замкѣ отъ пастора, и когда насъ собралось человѣкъ пятокъ, то онъ намъ пересказалъ все, что̀ узна̀лъ, какъ слѣдуетъ ниже. А. Бестужевъ.» Въ концѣ разсказа сдѣлано примѣчаніе: «нравы и случаи сей повѣсти извлечены изъ ливонскихъ хроникъ.»

Разсказъ Кровь за кровь вошелъ въ полное собраніе сочиненій Марлинскаго (А. Бестужева), но съ измѣненнымъ заглавіемъ:— «Замокъ Эйзенъ.»

II. Отрывокъ изъ III главы Евгенія Онѣгина: ночной разговоръ Татьяны съ ея няней стр. 37—39.

со стиха: «Не спится, няня, здѣсь такъ душно!
до словъ: «И все дышало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.
. . . . . .

А. Пушкинъ.

III. Княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской (стр. 39—41):

Мнѣ говорятъ: «она поетъ—
«И радость тихо въ душу льется,

«Раздумье томное найдетъ,
«Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется и т. д.

И. Козловъ.

Стихотвореніе это вошло впослѣдствіи въ собраніе стихотвореній Козлова: Санктпетерб. ч. II-я 1833 г., стр. 106—108.

IV. Отрывокъ изъ восточной повѣсти: Пустынникъ Канду. (Эпизодъ изъ эпическаго стихотворенія индѣйцевъ Брама-Пураны), стр. 41—44:

. . . . . .
И вотъ уже они блуждаютъ
Подъ сводами густыхъ деревъ,
Которыхъ цвѣтъ и блескъ плодовъ
Ихъ взоръ отвсюду поражаютъ
И громко имъ напоминаютъ
Всегда цвѣтущій видъ садовъ
Очаровательной Нанданы; и проч.

Ознобишинъ.

V. «Къ зарѣ» стр. 44—45:

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночію и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу;
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ;
Тебѣ онъ далъ въ сопутницы денницу.—
Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догарая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы!
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сіяніе лучей и тьмы!—

Хомяковъ.

А. С. Хомяковъ принялъ участіе въ Полярной звѣздѣ съ 1824-го года. Во второмъ томѣ (1824 г.) альманаха помѣщено было его длинное стихотвореніе: «Желаніе покоя»:

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино! и т. д.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ тщетно старается освободиться отъ «любви ко всему прекрасному и высокому»; она наложила

на него «цѣпи слѣпой богини» и онъ, «смиренный рабъ»—потерялъ покой, пробужденъ отъ безпечнаго мертвеннаго сна....

Но нѣтъ (заключаетъ поэтъ): мой духъ пылаетъ
Живымъ, негаснущимъ огнемъ
И никогда чело не просіяетъ
Веселья мирнаго лучемъ.
Нѣтъ, нѣтъ! я не могу цѣпей слѣпой богини,
Смиренный рабъ, съ улыбкою влачить.
Орлу-ль полетъ свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкія пустыни,
Его скалы, его дремучій лѣсъ,
Онъ жаждетъ брани и свободы
Онъ жаждетъ бури, непогоды
И безпредѣльности небесъ!—

Хомяковъ.

«Желаніе покоя» одно изъ юношескихъ, тѣмъ не менѣе прекрасныхъ произведеній нашего почтеннаго, нынѣ также уже покойнаго, ученаго поэта. Любопытно, что въ Полярной звѣздѣ 1824-го года его стихотвореніе занимаетъ почетное мѣсто между братьями разбойниками Пушкина и Исповѣдью Наливайки К. Ѳ. Р....ва... Но обращаемся къ Звѣздочкѣ 1826 года:

VI. Пѣсня (с. 45): она принадлежитъ В. Туманскому, поэту, также недавно скончавшемуся. Въ пѣснѣ довольно сентиментально поется про молодаго пѣвца, прогуливавшагося подъ окнами милой, въ ожиданіи—не мелкнетъ ли ея темный локонъ.

VII. Зависть генія (с. 46); стихотвореніе Н. Языкова:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на не небо улеталъ—
Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея,
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась
И Бога слышала она!

***

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,

Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ:
Его воскреснувшая сила
Многовенно зрѣетъ для чудесъ—
И міру—новыя свѣтила,
Дѣла избраники небесъ.—

VIII. Гайдамакъ, малороссійская быль. Ореста Сомова, стр. 47—64. Глава I-я, эпиграфъ изъ Котляревскаго:

Такъ, вичной памяти, бувало
У насъ въ гетманьщини колись....

Глава II-я, эпиграфъ изъ старинной малороссійской пѣсни:

«То панъ Хмѣльницкій добре учинивъ,
Польшу засмутивъ,
Волощину побидивъ,
Гетманщину взвеселивъ.»—

О содержаніи разсказа судить нельзя, потому что уцѣлѣло всего полторы главы, но разговорный языкъ неестественъ, нигдѣ не видать козаковъ, вездѣ говоритъ за нихъ самъ авторъ. 2-я глава обрывается на слѣдующихъ словахъ:

.... «Вдругъ вѣщій слѣпецъ перемѣнилъ строй: пальцы его медленно и торжественно перебѣгали по звонкимъ струнамъ бандуры; онъ молчалъ еще, но вниманіе всѣхъ было приготовлено; жадный слухъ ловилъ уже въ знакомыхъ звукахъ близкіе сердцу напѣвы и предугадывалъ смыслъ самой пѣсни. Прим. Музыка старинныхъ, такъ называемыхъ бан....»

На этихъ словахъ оканчиваются уцѣлѣвшіе листы «Звѣздочки» 1826 года. Не сохранились ли у кого нибудь слѣдующія затѣмъ страницы?—не была ли, наконецъ, отпечатана вся книжка, прежде нежели звѣзды счастія, спокойствія и даже жизни не потухли совершенно для ея знаменитыхъ редакторовъ?

См. Рус. Арх. 1869, стр. 053-060
Рус. Ст. 1883, іюль, стр. 43-100

4.

(Законъ переворотовъ, соч. Ж. Дромеля.)

На дняхъ вышла книга *Законъ переворотовъ*, соч. Жюстена Дромеля, которая въ настоящую минуту сильно интересуетъ нашу публику. Предметъ, избранный авторомъ, такъ обширенъ и любопытенъ, что не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія. Немногіе писатели рѣшались до сихъ поръ взглянуть на исторію съ столь возвышенной точки зрѣнія и брались за разсмотрѣніе столь труднаго, столь щекотливаго вопроса, каковъ вопросъ о *прогрессѣ*. Слѣдить за прогрессомъ въ его непрерывномъ движеніи, тщательно замѣчать направленіе его, безпрестанныя перемѣны въ немъ, не ограничивая своихъ наблюденій только обществомъ, но распространяя ихъ и на отдѣльныя личности, внѣ связи ихъ съ общественною средою — вотъ задача, за рѣшеніе которой взялся г. Жюстенъ Дромель и которую онъ рѣшаетъ очень удачно. Онъ раздѣляетъ, во первыхъ, перемѣны въ каждой общественной группѣ на три разряда, совершенно отличные одинъ отъ другаго:

«1) Перемѣны личныя.

«2) Перемѣны національныя.

«3) Перемѣны общечеловѣческія.

«Первыя подчиняются закону, который назовемъ *закономъ поколѣній*.

«Вторыя—закону, который подраздѣляется на *законъ національностей и законъ династій*.

«Третья—закону, который мы называемъ *закономъ вѣроисповѣданій*.»

Книга состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ въ каждой разсматривается одна изъ названныхъ нами перемѣнъ.

Для личныхъ перемѣнъ г. Дромель указываетъ слѣдующіе законы:

1) Господство одного поколѣнія продолжается около шестнадцати лѣтъ; по истеченіи этого строка новое поколѣ
дитъ на политическую сцену и принимаетъ предводит

2) Между тѣмъ какъ дѣйствуетъ одно поколѣніе,
за нимъ довершаетъ свое политическое образованіе

ляетъ себя къ своему будущему поприщу критикою дѣйствій своего предшественника.

Общественный идеалъ, вырабатываемой новымъ поколѣніемъ, выше идеала предшествовавшаго поколѣнія и, отчасти, противорѣчитъ ему.

4) Наконецъ—это истина переходная, имѣющая примѣненія болѣе къ прошедшему, нежели къ будущему—работа каждаго поколѣнія является *особою*, *единственною*, *однообразною* и *исключительною*.

Дѣятельная политическая жизнь каждаго человѣка продолжается шестнадцать лѣтъ, отъ 27-ми лѣтняго до 40 лѣтняго возраста. До этого времени онъ подготовляетъ себя, а по истеченіи этого срока, силы его начинаютъ ослабѣвать.

Тотъ же самый срокъ назначаетъ г. Дромель и для политическихъ переворотовъ. Каждое новое поколѣніе приноситъ въ міръ новыя идеи, которыя, по волѣ судьбы, ведутъ или къ революціи, или, покрайней мѣрѣ, къ политической перемѣнѣ. Авторъ подкрѣпляетъ формулируемый имъ законъ ссылками на теторію.

Династія, по словамъ г. Дромеля, есть представительница торжества извѣстныхъ идей, которыя ею олицетворяются; тотъ же характеръ носитъ и религія.

Главный законъ всякой династической или религіозной перемѣны состоитъ въ томъ, что эта перемѣна выше предшествовавшей ей. Второй законъ—тотъ, что преобладаніе перемѣны, какова бы она ни была, продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока признается превосходство ея, какъ принципа.

Законы перемѣнъ частныхъ, династическихъ или національныхъ и религіозныхъ, сливаются въ одномъ общемъ законѣ — въ законѣ прогресса, который требуетъ, чтобы каждое поколѣніе, каждое вѣрованіе, каждая династія стояли выше своего прошедшаго и чтобы господство этой перемѣны прекращалось, лишь только она станетъ въ противорѣчіе съ прогрессомъ.

Этотъ неизмѣнный законъ былъ часто непризнаваемъ. Даже Ламмене опровергалъ его по поводу торжества христіанской религіи; Ламартинъ также отрицалъ его; но г. Пельтанъ, въ своемъ сочиненіи *Міръ шествуетъ впередъ* опровергъ доводы поэта и подвигалъ путь для изслѣдованія г. Дромеля.

5.

Примѣчаніе къ статьѣ: Дворянинъ старовѣръ, Кравковъ.

Хотя, кажется, нечего и прибавлять къ этому страшному разсказу, гдѣ каждое слово вопіетъ о той бездонной пропасти мрака, лжи и насилія, въ которую окунулась Россія въ XVIII вѣкѣ, въ петербургскій періодъ своей исторіи, но не можемъ воздержаться, чтобъ не высказать нѣкоторыхъ бѣглыхъ замѣтокъ по этому случаю.

Въ самомъ дѣлѣ, за что преслѣдуютъ и мучатъ Кравкова? Не за уклоненіе отъ православія: будь онъ атеистъ—онъ не подвергся бы никакому гоненію. Не за старообрядчество, какъ за извѣстное религіозное ученіе: старообрядчество само по себѣ было признано неопаснымъ, и щеголяя вѣротерпимостью, уваженіемъ къ свободѣ совѣсти, Екатерина освободила раскольниковъ отъ всякаго преслѣдованія. Но *дворянинъ*, холопъ и служилый человѣкъ государства, присталъ къ вѣрованію *народному*, вошелъ съ *народомъ* въ общеніе духа, соединился съ нимъ искреннимъ единствомъ духовнымъ, возстановилъ связь, уничтоженную Петромъ, принялъ внѣшній народный образъ (борода и кафтанъ), и государство вздрогнуло, почуявъ опасность! Петръ, нарушивъ цѣльность русской земли, разорвавъ союзъ государства съ народомъ, насильственно двинулъ первое по пути чуждыхъ и враждебныхъ началъ; онъ казнями и соблазнами принудилъ верхніе классы общества или дворянство измѣнить землѣ, отречься отъ русской народности и поклониться государству, какъ Богу; онъ окрестилъ ихъ въ потокѣ крови народной, въ свою новую, государственную вѣру, т. е. въ исповѣданіе всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслы своими императорской власти его новѣйшей кузнечной работы и нѣмецкой шлифовки! Онъ поставилъ закономъ офиціальное лицемѣріе, потому что на православную церковь смотрѣлъ какъ на одинъ изъ органовъ нѣмецкой государственной администраціи, а на вѣру народа, какъ на средство къ его духовному порабощенію. Онъ собралъ вокругъ своего, на головахъ стрѣлецкихъ воздвигнутаго трона, многочисленную пеструю шайку слугъ наемныхъ и *крѣпостныхъ* иностранцевъ и русскихъ ренегатовъ. Дворянство, какъ служилое сословіе, волею, неволею, всѣмъ составомъ своимъ поступило въ *опричину*, передалось вражскому петер-

бургскому стану и приняло дѣятельное участіе въ государственной оргіи XVIII вѣка! Дворянинъ былъ *свой* государству, свой братъ измѣнникъ относительно народа, свой братъ кромѣшникъ и опричникъ, и опора престола. Только служилымъ дворянствомъ, лейбъ-кампанцами, да лейбъ-гвардейцами воцарялись правительства въ XVIII вѣкѣ, только ими и держались они на скользкихъ отъ крови ступеняхъ трона. Екатерина II не забыла ни на минуту кому и чѣмъ обязана она была русскою державой.... И вдругъ одинъ изъ своихъ, одинъ изъ опричниковъ измѣняетъ опричнинѣ и переходитъ къ народу, въ станъ, наиболѣе ненавистный и страшный преступному правительству.

Если бы Кравковъ измѣнилъ ради *выгодъ*, еслибъ поступилъ на службу въ непріятельскую армію и даже къ Пугачеву, онъ былъ бы менѣе виновенъ, менѣе опасенъ въ ея глазахъ. Корыстолюбіе, грубый обманъ, звѣрство—съ такими врагами справиться было не трудно. Но въ поступкѣ Кравкова возставалъ для нея грозный призракъ могущественной силы духовной. Для нечистой правительственной совѣсти страшнѣе всего были нравственная чистота и мужество убѣжденія; для исповѣданія лжи и лицемѣрія — ненавистнѣе всего искренность вѣры! Это уже выходило личное оскорбленіе правительству со стороны самой чувствительной, и либеральная и гуманная Императрица, другъ Вольтера и Дидерота, Екатерина—мститъ Кравкову и Арсенію Ваціевичу, какъ за *личную обиду*. Этимъ и объясняется то внутреннее безпокойство, та душевная тревога Екатерины, которая слышится въ слѣдственномъ дѣлѣ объ нихъ обоихъ... Екатерина тревожилась не напрасно: арестанты ревельской крѣпости, мученики своихъ религіозныхъ убѣжденій (а потому, вѣроятно, и ссылаемые туда, подъ надзоръ вѣрныхъ нѣмцевъ), Арсеній и Кравковъ являются нынѣ предъ потомствомъ грозными обличителями прославленной россіянами Фелицы!

Инквизиція, преслѣдовавшая еретиковъ, инквизиція, какъ явленіе свирѣпаго, но искренняго католическаго фанатизма, извинительнѣе и нравственнѣе, со всѣми своими ужасами, суда тайной экспедиціи, которая ничего не можетъ привести въ свое оправданіе! Какъ низки, бездушны и мелки представляются Шишковскій, Вяземскій и Екатерина предъ скромнымъ и грустнымъ образомъ дворянина Кравкова въ *неподобной одеждѣ* и съ иконою на груди? Какъ святъ является онъ въ своемъ рели-

гіозномъ суевѣріи предъ своими преступными и развратными судьями....

Но не одни судьи виноваты. Виноваты всѣ, все русское общество, виноваты предки наши, допускавшіе такой неправдѣ сквернить русскую землю и прославлявшіе героевъ беззаконія въ стихахъ и въ прозѣ, и всячески; виноваты мы, что не тяготимся грѣхами предковъ, не смыли пятенъ крови, лежащихъ на насъ, не принесли и до сихъ поръ повинной, за себя и за отцевъ нашихъ долготерпѣливой русской землѣ.

6.

Англійская журналистика. Статья первая. *А. Ѳ. де-Роберти.* «Рус. вѣст.» № 3. Изъ этой статьи всякому легко убѣдиться, что свобода печати — это одна изъ главныхъ причинъ того благосостоянія, которымъ пользуется Англія. Пока существовала цензура, Англія не пользовалась спокойствіемъ; огромное число памфлетовъ и запрещенныхъ брошюръ волновали народъ. Авторъ, для сравненія, беретъ французскую литературу XVIII ст. и приводитъ печальные результаты стѣснительнаго ея положенія отъ цензуры и отъ подкупа нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятелей правительствомъ.

Авторъ сообщаетъ весьма любопытныя законодательства (?) извѣстныхъ авторитетовъ: Маколея, Мильтона, Бэкля и друг. о необходимости свободы печати. Такъ напр. доказывается ими, что цензоры, какъ наемные чиновники, не могутъ быть добросовѣстными и свѣдущими оцѣнщиками умственнаго труда; что они часто запрещали сочиненія, которыя могли принести несомнѣнную пользу правительству и обществу, а пропускали то, что вредило ему. Цензура скрываетъ отъ правительства нужды и требованія народа, а также злоупотребленія должностныхъ лицъ. Поэтому они приводятъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи Англіи и Франціи, что въ однихъ случаяхъ цензура была причиною револю-

ціи, а въ другихъ свобода печати предупреждала всякій безпорядокъ; народъ, высказываясь печатно, охлаждалъ свои порывы. Эти же авторитеты утверждаютъ, что религія и правительство никогда не нуждались въ покровительствѣ цензуры, свобода печати въ Англіи подтверждаетъ это. Не цензура можетъ остановить безнравственное и вредное, а само общество; чѣмъ общество самостоятельнѣе и свободнѣе отъ насильственной опеки, тѣмъ оно строже и безпристрастнѣе къ своимъ членамъ, тѣмъ оно нравственнѣе, слѣдовательно и надежнѣе для самаго правительства.

7.

(**Книга Задлера.**) Въ Лейпцигѣ г. Задлеръ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Die geistige Hinterlassenschft Peters I». (Умственное наслѣдство Петра I). Это сборникъ разныхъ писемъ Петра Великаго, и, между прочимъ, тѣхъ, въ которыхъ ярко обнаруживаются его отношенія къ Екатеринѣ I. Я не видѣлъ этого сборника и потому не могу судить о его достоинствѣ, но тѣ выдержки, которыя мнѣ случилось прочитать, весьма любопытны. Такъ, въ 1711 г., Петръ писалъ изъ Карлсбада Екатеринѣ, которая въ то время была въ Торнѣ: «Катерина, моя милая, здравствуй (*). Мы тоже, слава Богу, здоровы, только животъ у насъ совершенно раздулся отъ воды.... Тутъ надо позволять себѣ поить, какъ лошадь, а больше дѣлать нечего... Я получилъ твое письмо, посланное съ Сафоновымъ, и оно заставило меня сильно задуматься. Ты пишешь мнѣ, какъ будто въ видахъ моего леченія, что мнѣ не слѣдуетъ спѣшить къ тебѣ, но на дѣлѣ извѣстно, что ты выбрала себѣ гдѣ-то кавалера моложе меня. Напиши мнѣ, попожалуста, изъ нашихъ ли онъ, или изъ торнскихъ? Я скорѣе думаю, что изъ торнскихъ и что ты хочешь этимъ отомстить мнѣ, потому что, два года тому назадъ, я самъ ѣздилъ въ этотъ

(*) Мы переводимъ это письмо съ французскаго.

городъ. Вотъ такъ-то, дочери Еввы, вы обращаетесь съ нами, старикани»!

Въ 1716 г., отправляясь изъ Нарвы въ Петербургъ, Петръ писалъ Екатеринѣ: «Я выѣзжаю сегодня; хоть ты меня и не любишь, я увѣренъ, что эта новость не огорчитъ тебя и что, получивъ ее, ты выпьешь съ твоими друзьями рюмку за мое здоровье».

8.

О росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ. *Н. Г. Чернышевскаго* «Современникъ» № 2. Авторъ доказываетъ, что въ росписи доходовъ не включены нѣкоторыя повинности и денежные сборы, которые составятъ, въ сложности, примѣрно, сумму не менѣе 200.000,000 руб. въ годъ.

Одна, напримѣръ, военная повинность, считая рабочую плату каждому 50 руб. и постойную повинность для солдата въ 10 р. и офицера 50 р. въ годъ,—составитъ сумму не менѣе 75.200,000 руб. въ годъ.

Въ роспись не вошелъ, между прочимъ, значительный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквяхъ.

Г. Чернышевскій полагаетъ, что удовлетворительное достиженіе бюджета доходовъ заключается не въ измѣненіи способа взиманія ихъ, а въ отмѣнѣ однихъ налоговъ, уменьшеніи размѣра другихъ, возвышеніи третьихъ и установленіи новыхъ, падающихъ на предметы и классы, доселѣ недававшіе казнѣ ничего или почти ничего.

Въ отношеніи виннаго акциза, авторъ утверждаетъ, что наврядъ ли онъ будетъ удовлетворителенъ. Легіонъ чиновниковъ и корчемство значительно уменьшатъ доходъ казны; а потому самое лучшее теперь же приступить къ уменьшенію расходовъ, хотя, напримѣръ, на войска.

9.

Мѣстное и военное управленіе. *П. Н.* «Совр. лѣт.» № 17. Въ виду предстоящаго дефицита милліоновъ около 14-ти, многіе указываютъ на возможность сокращенія военнаго бюджета, доходящаго до 124 м. изъ 310-ти, назначаемыхъ на государственные расходы вообще. Принимая въ соображеніе современное политическое состояніе какъ Европы, такъ и окраинъ Россіи, авторъ предлагаетъ начать это сокращеніе не уменьшеніемъ численности войскъ, а закрытіемъ учрежденій, мало полезныхъ военному вѣдомству, распложающихъ только переписку и несмотря на это требующихъ большихъ издержекъ. Къ числу такихъ учрежденій онъ относитъ городскія комендантскія мѣста и управленія, которыя, составляя совершенно лишнюю инстанцію, только замедляютъ теченіе дѣлъ. Дѣлопроизводство городскихъ комендантскихъ управленій весьма незначительно, вслѣдствіе чего можетъ быть возложено на управленія губернаторовъ. Незамысловатыя и немногочисленныя обязанности городскихъ комендантовъ могутъ принять на себя губернаторы, ихъ адъютанты.

10.

А. Н. Радищевъ. Читая сочиненія А. С. Пушкина, каждый прочелъ нѣсколько словъ о Радищевѣ, сказанныхъ Пушкинымъ, и въ особенности о его книгѣ: *Путешествіе изъ Петербурга* (Спб. 1790 г. 458 стр. въ 8), но отзывъ Пушкина о Радищевѣ доказываетъ, что Пушкинъ не только не

имѣлъ подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Радищевѣ, но даже не читалъ вполнѣ эту книгу. Пушкинъ отзывается объ этомъ знаменитомъ писателѣ, съ безпристрастно-передовымъ убѣжденіемъ, какъ о атеистѣ и человѣкѣ безхарактерномъ, между тѣмъ, какъ изъ самыхъ произведеній Радищева видно, что Радищевъ былъ человѣкъ не только что безпристрастный, но и религіозный, разумѣя, что о религіи должно говорить и понимать ее разумно. Наконецъ, въ послѣднее время сочиненія Радищева, въ особенности его *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, были печатно оцѣнены русскими, хотя и не отечественною литературою, и самая біографія, написанная его сыномъ, была помѣщена въ Русскомъ вѣстникѣ, 1858 года, въ 23 книжкѣ.

Слѣдующія слова Пушкина, что книга Радищева *Путешествіе* есть *сатирическое воззваніе къ возмущенію*, доказываетъ еще яснѣе что Пушкинъ не читалъ въ подлинникѣ эту книгу; впрочемъ и не мудрено, эта книга есть и всегда была библіографическая рѣдкость.

Содержаніе этой книги слѣдующее; оно раздѣлено на двадцать три главы. Первая изъ нихъ называется *Выѣздъ*, а прочія озаглавлены именами станцій, между обѣими столицами. Авторъ описываетъ свое путешествіе, гдѣ, между описаніемъ мѣстностей, разсказываетъ злоупотребленія, несправедливости, горькую участь крѣпостнаго сословія, варварскіе обычаи, потомъ свой сонъ, гдѣ видитъ монарха, котораго обманываютъ министры, а льстецы, превознося до небесъ, представляютъ ему счастливое время его правленія, а между тѣмъ какъ въ дѣйствительности горькая противоположность достигла ужасныхъ размѣровъ, любопытное описаніе Валдая и исторію цензуры.

Подобная рѣзкая и горько-правдивая книга была поводомъ, что Радищева признали за злоумышленника; книга была отобрана и сожжена, такъ что осталось не болѣе пятидесяти экземпляровъ, и самъ Радищевъ сперва былъ посаженъ въ крѣпость, въ іюлѣ 1790 года, а потомъ сосланъ въ илимскій острогъ. Чтобы понять вполнѣ убѣжденія Радищева, необходимо нужно прочесть вполнѣ книгу и тогда только можно понять, что такое была Россія, дѣйствія высшихъ съ низшими, первое слово къ освобожденію изъ крѣпостной зависимости, горькое негодованіе на притѣснителей,—тогда только можно понять, что такихъ людей, какъ былъ Радищевъ, надо уважать, которые

то время говорили о такихъ вопросахъ, которые и теперь еще не вполнѣ выполнены.

Александръ Николаевичъ Радищевъ родился 20 августа 1749 г., былъ сынъ образованнаго и богатаго помѣщика, получилъ первоначальное воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, почему и хорошо зналъ дворъ Екатерины II. Въ 1766 году нѣсколько пажей, въ томъ числѣ и Радищевъ были отправлены въ лейпцигскій университетъ. Получа такое блестящее образованіе Александръ Николаевичъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени; кромѣ языковъ: англійскаго, итальянскаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, онъ былъ юристъ, химикъ, медикъ и опытный агрономъ. По возвращеніи изъ за границы Радищевъ поступилъ въ гражданскую службу, скоро женился; въ 1780 году составилъ таможенный тарифъ и былъ опредѣленъ управляющимъ петербургской таможней. Отличаясь безкорыстіемъ, приверженностію къ свободной торговлѣ, что́, по его мнѣнію, способствовало къ разширенію торговли, Радищевъ занимался литературою и писалъ для тогдашнихъ журналовъ. Когда началась французская революція, Радищевъ написалъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, гдѣ авторъ описываетъ нищету простолюдина, несправедливость властей и тому подобныя замѣтки, которыя въ то время никому и во снѣ еще не грезились. Служа въ таможнѣ, небравъ взятокъ, Радищевъ всегда терпѣлъ напраслины отъ людей нелюбившихъ его за его безкорыстіе, а появленіе книги *Путешествіе* послужило орудіемъ уничтожить Радищева. Это́ было въ іюлѣ мѣсяцѣ 1790 г. Радищева, какъ злоумышленника посадили въ крѣпость и потомъ сослали въ Сибирь на десять лѣтъ. Державинъ написалъ о Радищевѣ слѣдующее:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Некстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна.
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

Во время ссылки, Радищевъ занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей, хозяйствомъ и писалъ статьи для сибирскаго журнала *Иртышъ, превращающейся въ Ипокрену*, издаваемаго сосланнымъ Панкратіемъ Сумароковымъ (*).

(*) Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену. Тобольскъ. 7 частей 1790—1791 г.

По смерти Екатерины II, вторая жена Радищева отправилась ходатайствовать о возвращеніи ея мужа, съ содѣйствіемъ гр. А. Р. Воронцова и кн. А. А. Безбородко. Радищева возвратили, и онъ былъ опредѣленъ въ коммисію составленія законовъ; какъ отличный юристъ, онъ желалъ отправиться въ Англію, для изученія уголовнаго уложенія. Главныя мнѣнія Радищева были слѣдующія: 1) Всѣ сословія должны быть равны передъ закономъ, чрезъ что отмѣняется тѣлесное наказаніе. 2) Уничтоженіе рангов. 3) При уголовныхъ дѣлахъ—отмѣнить допросы съ пристрастіемъ, ввести публичное судоговореніе и судъ присяжныхъ. 4) Возстановить вѣротерпимость, чтобы не стѣснять свободу совѣсти. 5) Ввести свободное печатное слово съ безпристрастными постановленіями о отвѣтственности. 6) Прекращеніе крѣпостнаго сословія. 7) Прекращеніе продажи рекрутовъ. 8) Установить свободу торговли. Кажется, ясно, что тогдашнее правительство не ошиблось въ Радищевѣ, сдѣлавъ его членомъ коммисіи составленія законовъ, и точно также ясно доказывается, что слова Пушкина о немъ крайне несправедливы. Такъ вотъ кто былъ Радищевъ; этотъ человѣкъ такъ думалъ, какъ и теперь еще меньшинство думаетъ о нуждахъ и преобразованіяхъ въ нашемъ отечествѣ. Неожиданный случай лишилъ Россію столь нужнаго человѣка, Радищева. Предсѣдателемъ коммисіи былъ гр. П. В. Завадовской; однажды онъ сказалъ Радищеву, что свободный образъ мыслей Александра Николаевича сдѣлалъ несчастіе и что въ другой разъ оно можетъ случиться,—повидаться вторично съ Сибирью. Эти слова поразили Радищева, онъ сдѣлался боленъ: ему представлялось, что его приговорили вновь въ ссылкѣ, и въ припадкѣ схвативъ стаканъ съ крѣпкою водкой, приготовленной его сыномъ для чистки эполетъ, онъ отравился. Одиннадцатаго сентября 1802 года Александра Николаевича уже нестало.

Біографія Радищева написана его сыномъ и находится въ рукописи у князя Петра Андреевича Вяземскаго, а напечатана была, но въ сокращенномъ видѣ, въ Рус. вѣстникѣ, 1858 г. 23 кн., изъ которой мы и заимствовались при составленіи этой статьи, желая, чтобы эту замѣчательную личность потомки помнили съ благодарностію и могли бы гордиться такимъ передовымъ человѣкомъ, каковъ былъ Радищевъ.

11.

Степанъ Ивановичъ Шишковскій. Шишковскій былъ при Екатеринѣ II тоже, что Фукье-Тенвиль у Робеспьера, Тигеллинъ у Нерона, Малюта Скуратовъ у царя Ивана Васильевича, Тристанъ и Ермитъ у Лудовика XI, между тѣмъ человѣкъ очень набожный. Каждый день въ обѣдню вынимали для него три просфоры.

Низкій происхожденіемъ, воспитаніемъ и душевными качествами, Шишковскій былъ грозою двора и столицы. Ему препоручена была Екатериною II тайная канцелярія, и этотъ великій инквизиторъ Россіи исполнялъ свою должность съ ужасною аккуратностію и суровостію. Онъ дѣйствовалъ съ отвратительнымъ самовластіемъ, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Шишковскій самъ хвалился, что знаетъ средства вынуждать признанія, а именно: онъ начиналъ тѣмъ, что допрашиваемое лицо хватитъ палкой подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакаютъ. Ни одинъ обвиняемый при такомъ допросѣ не смѣлъ защищаться, подъ опасеніемъ смертной казни. Всего замѣчательнѣе то, что Шишковскій обращался такимъ образомъ только съ знатными особами, ибо простолюдины были отдаваемы на расправу его подчиненнымъ. Такимъ образомъ вынуждалъ Шишковскій признанія. Наказаніе знатныхъ особъ онъ исполнялъ своеручно. Розгами и плетью онъ сѣкъ часто. Кнутомъ онъ сѣкъ съ необыкновенною ловкостію, пріобрѣтенною частымъ упражненіемъ. Однажды князь Потемкинъ, послѣ продолжительнаго отсутствія возвратившійся въ Петербургъ, замѣтивъ между явившимися къ нему посѣтителями Шишковскаго, спросилъ у него при всѣхъ: много-ли въ мое отсутствіе ты пересѣкъ персонъ изъ своихъ рукъ кнутомъ? Тотъ, однако же, благодарилъ уклончиво за такую милостивую насмѣшку. По дѣлу о карикатурахъ и ругательныхъ сочиненіяхъ въ семидесятыхъ годахъ, нѣсколько придворныхъ особъ были у него въ передѣлкѣ. Въ С.-Петербургѣ у него было много дѣла всякій день, однакоже онъ былъ посылаемъ и въ другіе города. Когда, напримѣръ (что очень часто случалось), многими не

довольными въ Москвѣ были говорены неприличныя рѣчи, и это доходило до свѣдѣнія императрицы, она, какъ въ девяностыхъ годахъ, полагала въ нихъ видѣть сѣмена возмущенія и старалась его подавить. Она прислала туда Шишковскаго. Вся Москва вострепетала, и это дѣло, по оштрафованіи нѣсколькихъ лицъ, было оставлено. Совѣстно бы было оглашать имена нѣкоторыхъ господъ идамъ въ знатнѣйшихъ городахъ имперіи, которыхъ онъ наказывалъ (*). Неизвѣстно, жилъ ли Шишковскій при филантропическомъ Александрѣ I-мъ, но онъ тогда совершенно былъ бы безъ дѣла. Въ концѣ царствованія Екатерины II-й этотъ палачъ былъ тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-й степени. Онъ былъ чрезвычайно богатъ, ибо при каждомъ случаѣ получалъ подарки деньгами и крестьянами. Въ 1793 году, при заключеніи мира съ Турціею, онъ получилъ ежегодную пенсію въ 2000 рублей, хотя и ни мало ему не содѣйствовалъ.

У Шишковскаго былъ одинъ сынъ. Онъ отличался своими познаніями, благороднымъ образомъ мыслей и пріятнымъ обращеніемъ.

(*) Напрасно. *Ред.*

12.

Герценъ и Катковъ.

Пускай-же говорятъ собаки:
Ай, мосьна! знать, она сильна,
Что лаетъ на слона.

Журналисты наши въ послѣднее время какъ то особенно, съ какою то небывалою доселѣ рьяностью и горячностью подвизаются одинъ передъ другимъ на скользкомъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ *достойномъ*, *славномъ* и *честномъ* по своему направленію пути. Они съ какою то непонятною энергіею другъ передъ другомъ, съ какимъ то замѣчательнымъ и систематическимъ crescendo продолжаютъ достославную пропаганду блаженной памяти Ѳ. В. Булгарина и нынѣ благополучно здравствующаго В. И. Аскоченскаго. Послѣдній, какъ всѣмъ извѣстно, такъ далеко зашелъ съ своей пропагандой, что отъ него поневолѣ долженъ былъ отказаться самъ родной его братецъ (*). Но видно, пропаганда эта не такъ глупа и не такъ *безвыгодна*, если она постоянно находитъ новыхъ и еще сильнѣйшихъ своихъ послѣдователей нетолько въ обществѣ, но и въ литературѣ.

«*Ты побѣдилъ, галилеянине!*» можетъ смѣло сказать г. Катковъ своему почтенному учителю Викт. Ипат. Аскоченскому.

«*Ты побѣдилъ, галилеянине!*» могутъ съ своей стороны весело повторить всѣ, еще въ живыхъ оставшіеся, Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи и др. своему почтенному собрату, г. Каткову.

До сихъ поръ мы думали, что такое тревожное въ послѣднее время и ненормальное состояніе нашей журналистики, такое мрачное и похоронное шествіе нашихъ публицистовъ по *извѣстной торной* дорожкѣ — есть только временное слѣдствіе пани-

---

(*) См. № IV за 1862 годъ, петербургская лѣтопись.

ческаго страха отъ огня, отъ страшныхъ воспоминаній послѣ послѣднихъ петербургскихъ пожаровъ, но теперь мы видимъ ясно и сознаемся въ этомъ, что мы ошиблись—и далеко ошиблись. Не ошибся одинъ, и только одинъ г. Аскоченскій. Онъ, какъ нарочно, почти единовременно съ петербургскими пожарами, съумѣлъ найдти достойныхъ себѣ друзей и подражателей въ нашей журналистикѣ. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить самъ г. Катковъ—почтенный профессоръ и не менѣе почтенный редакторъ «Русскаго вѣстника».

До сихъ поръ мы, видя это траурное и печальное шествіе нашихъ собратовъ назадъ! и говоря въ VI книжкѣ по поводу пожаровъ, писали:

«Въ толкахъ о зажигателяхъ начали повторяться слова: поляки, студенты. Въ первый разъ, безъ сомнѣнія, они произнесены были людьми невѣжественными, неимѣвшими никакого понятія ни о сущности прошлогодней студентской исторіи, ни о причинахъ закрытія университета. Но подъ вліяніемъ паническаго страха отъ огня, дикіе толки начали повторяться и между людьми грамотными. Нелѣпое воззваніе, подъ заглавіемъ «Молодая Россія», появившееся за нѣсколько дней до пожара, озадачило и ослѣпило людей, повидимому трезвыхъ. Тысячи господъ, нетолько молча переносившихъ разныя реформы послѣдняго времени, но какъ будто сочувствовавшихъ имъ, теперь сбросили маску и закричали: назадъ! назадъ! Даже нѣкоторые журналы, въ тревогѣ чрезвычайно поопустились и подняли безпокойные крики. Газеты начали требовать поспѣшнаго наказанія зажигателямъ, забывая, что если въ слѣдствіи и судебныхъ приговорахъ не должно быть торопливости, то именно въ такое время, когда страсти и испугъ массы готовы были породить нетолько слѣпыя обвиненія, но даже и свидѣтелей, у которыхъ отъ страха развилась небывалая подозрительность. И странно, что эти крики испуга послышались даже отъ такихъ изданій, которыя отличались прежде тактомъ и разсудительностью.

Грустно видѣть, какъ иногда люди, у которыхъ за стѣною горитъ, мгновенно теряютъ голову, начинаютъ выкидывать за окна изъ четвертаго этажа зеркала, фортепьяно, пос… еще печальнѣе, когда, при какомъ нибудь несчастномъ …ь-ствѣ, цѣлое общество, даже представители его мы… теряютъ присутствіе духа, поднимаютъ обвините…

крики, и готовы выкинуть за окно свои прежнія убѣжденія, права, забыть свои прежнія желанія и надежды».

Такъ говорили мы мѣсяцъ тому назадъ, такъ бы мы сказали и теперь, но выразимся нѣсколько иначе — и вотъ почему. Передъ нами лежитъ VI книжка «Русскаго вѣстника», въ которой напечатана замѣтка, направленная противъ личности Герцена, *имя котораго*, какъ выражается «Сѣверная пчела» № 212-й, *извѣстно почти всему русскому читающему міру*.

Прочитавъ упомянутую замѣтку «Русскаго вѣстника», неминуемо приходишь къ убѣжденію и ко всѣмъ извѣстной аксіомѣ, что во всякомъ обществѣ, а слѣдовательно, и въ обществѣ литераторовъ и журналистовъ (да еще прибавьте словами же г. Каткова—въ нашемъ, *далеко еще негрѣломъ* обществѣ журналистовъ)—всегда встрѣчаются люди *честные* и люди *подлые*, люди *неподкупные* и люди *съ продажными* и *гнусными* душенками, люди *умные* и люди, какъ названные Чернышевскимъ — *тупоумные глупцы* и *дрянные пошляки*, люди *служащіе дѣлу*, *идеѣ* и люди, только подъ видомъ идеи служащіе однимъ только личностямъ и т. д., и т. д.

Къ какому роду людей принадлежитъ самъ профессоръ и редакторъ г. Катковъ съ своими пріятелями—это не наше дѣло. Достойная замѣтка его для издателя Колокола сама за себя говоритъ, и не требуетъ ни чьихъ комментарій. Скажемъ больше, изъ приведенной замѣтки «Русскаго вѣстника», мы сталкиваемся съ двумя личностями, съ двумя противниками (если только такъ можно выразиться, не обижая одинаково ни того ни другаго)—съ Катковымъ и съ Герценомъ. Первый изъ нихъ, конечно, и, какъ видно изъ его же «замѣтки»,—*высоко-честный* человѣкъ, а послѣдній, по словамъ перваго,—*безчестный* человѣкъ.

Что г. Катковъ *дѣйствительно* честный человѣкъ — это мы беремся доказать всѣмъ и каждому, а въ особенности *старой блудницѣ* (извините за выраженіе—это не наше, оно принадлежитъ г. *честному* Каткову)—Герцену.

Но прежде позволимъ себѣ оговориться предъ всѣми честными людьми, а слѣдовательно, и предъ г. Катковымъ.

— А, такъ вы за Герцена, скажутъ намъ, такъ вы измѣнникъ, революціонеръ, вы также хотите «кровавыхъ переворотовъ», какъ выразилась «Сѣверная Пчела», повторятъ намъ хоромъ всѣ честные люди, вкупѣ съ г. Катковымъ!..

Нѣтъ, милостивые государи, ошибаетесь, я не за Герцена — и уже потому не за него, что вовсе незнакомъ съ нимъ, незнакомъ съ его личностью, ни съ его дѣятельностью, о которой гласятъ «Русскій вѣстникъ», съ своей сестрицей «Сѣверной пчелой».

— А, такъ вы же не противъ Каткова, который въ свою очередь противъ Герцена—*этой старой блудницы*, какъ онъ выразился? спросятъ меня въ недоумѣніи тѣ же честные люди, воедино съ г. Катковымъ.

Нѣтъ, милостивые государи, я противъ Каткова, хотя онъ можетъ быть и *честный* человѣкъ.

— Да какъ же это, вы противъ Герцена и противъ Каткова? спросятъ меня тѣ же.

Да, милостивые государи, я противъ ихъ обоихъ. Но только противъ Герцена я потому, что его не знаю и не имѣю права, да и не имѣю возможности вмѣстѣ со всѣми моими соотечественниками знать *изгнанниковъ*. А противъ Каткова я потому, что нѣсколько знакомъ съ нимъ, хотя и не сомнѣваюсь послѣ его, «Замѣтки для издателя Колокола», что онъ дѣйствительно честный человѣкъ.

Теперь еще одна необходимая оговорка. Если я не ошибаюсь, Талейранъ, кажется, говаривалъ: «дайте мнѣ только *три слова*, сказанныя кѣмъ нибудь, и я найду въ нихъ смыслъ, который поведетъ автора на висѣлицу».

Безъ сомнѣнія, между нашими журналистами и не журналистами можетъ найдтись одинъ, если и не цѣлый Талейранъ, то Талейранъ въ миніатюрѣ, который захочетъ доискиваться въ нашихъ словахъ какого то задняго смысла, могущаго повести насъ если и не на талейрановскую висѣлицу, то туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Но что̀ дѣлать съ такими господами, доискивающимися во всемъ задняго смысла, вѣдь для нихъ законъ не писанъ, да мало ли для кого еще законъ не писанъ?!.. Они и знать не хотятъ никакихъ, нетолько нравственныхъ, но и положительныхъ законовъ. Пойдите, попробуйте напомнить имъ о существующемъ у насъ въ бумагахъ, мудраго и вполнѣ человѣчнаго закона Екатерины II: *лучше простить девять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго*. Куды имъ до подобныхъ *человѣчныхъ* и *гуманныхъ* законовъ: они все-таки будутъ доискиваться во всемъ, какого то, *имъ однимъ извѣстнаго*, зад-

няго смысла, да пожалуй еще насъ же обвинятъ въ невѣжествѣ и незнаніи русскаго народа и въ непониманіи его потребностей и нуждъ. Да какъ вы смѣете, скажутъ они въ минуту вспышки, нетолько говорить и писать, но и думать объ этомъ, кто вамъ позволилъ учить насъ, да мы васъ, да я васъ, мальчишку, (хотя бы намъ было и 60 лѣтъ отроду), молокососа... и т. д., и т. д.

Будучи нѣсколько знакомы съ подобными взглядами и пріемами *общихъ* нашихъ пріятелей, мы напередъ объявляемъ *во всеуслышаніе,* что настоящая наша статья предназначена не для защиты Герцена, а для защиты насъ самихъ, какъ журналистовъ. Куда намъ до защиты *другихъ*, когда мы сами не *дозрѣли* еще до того, чтобы защитить и отстоять себя самихъ, свою собственную индивидуальную личность. Куда намъ до защиты *другихъ*, когда мы для собственной защиты прибѣгаемъ къ такимъ пріемамъ, къ какимъ недавно прибѣгнулъ самъ г. Катковъ, чтобы защитить себя отъ какого-то *изгнанника* и *непотребной блудницы*—Герцена. Куда намъ, когда мы и послѣ такихъ—дорого-достающихся пріемовъ, слышимъ объ насъ мнѣніе, напечатанное въ 203 № «Сѣверной Пчелы»; grattez le russe—vous trouverez le tartare!—Такъ неужели-же мы и на самомъ дѣлѣ еще *татары*? Неужели ли еще монгольская кровь преобладаетъ въ нашихъ жилахъ?.... Да мы, еще *не дозрѣли*, отвѣчаетъ скромно г. Ламанскій....Да, мы еще татары, отвѣчалъ утвердительно кто-то А. В. въ 203 № «Сѣверной Пчелы».

Такъ позвольте-же по крайней-мѣрѣ намъ защитить себя и г. Каткова, какъ честнаго человѣка. Вѣдь попытка не шутка, спросъ не бѣда. А то мы такъ съ г. Катковымъ и умремъ *честными*, но невѣжественными татарами.

Итакъ, г. Катковъ—честный человѣкъ.

Всѣ мы уже знаемъ въ настоящее время изъ 212 № «Сѣверной Пчелы», что *старая блудница*—Герценъ—есть ничто иное, какъ нашъ отечественный *изгнанникъ*. Слѣдовательно, мы также знаемъ, что по закону никто изъ нашихъ соотечественниковъ не только не въ правѣ имѣть какія бы то ни было сношенія съ своими изгнанниками, но и вести съ ними переписку, а тѣмъ болѣе ввозить въ свое отечество запрещенныя книги и читать ихъ. Посмотрите-же, что дѣлаетъ послѣ этого нашъ по истинѣ *честный* человѣкъ—г. Катковъ. Онъ, какъ рыцарь чести, съ

необыкновеннымъ добродушіемъ разсказываетъ и публично сознается въ совершенномъ имъ преступленіи.

«Пишущій эти строки, говоритъ г. Катковъ, еще три года тому назадъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, встрѣтился съ этими господами (т. е. съ Герценомъ и Огаревымъ), въ одномъ домѣ, какъ съ старыми знакомыми, изъ которыхъ съ однимъ былъ довольно близокъ въ молодости. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона, онъ заглянулъ къ нимъ—не безъ нѣкоторой *наивной* надежды перемолвиться съ ними добрымъ словомъ объ ихъ направленіи. Но съ самаго начала онъ увидѣлъ всю тщету своей надежды, и *разговоръ ихъ ограничился общими мѣстами*».

Ну развѣ это не великая черта *чести* и *добродѣтели* со стороны г. Каткова? Развѣ собственное, публичное и чистосердечное сознаніе въ совершенномъ преступленіи—не есть великій подвигъ человѣка? Развѣ душевное раскаяніе человѣка—не есть первый шагъ къ его прощенію?

Да, г. Катковъ безспорно честный и достойный человѣкъ.

Лѣшій его попуталъ, втянулъ съ добрымъ желаніемъ въ преступленіе—и онъ не замедлилъ признаться въ томъ публично.

Конечно, мы не говоримъ уже о томъ, что это доброе и, какъ онъ самъ выразился, *наивное* желаніе г. Каткова было не совсѣмъ обдумано, но потому-то оно и не принесло должнаго плода и не имѣло успѣха. Онъ, т. е. г. Катковъ, долженъ былъ и дѣйствительно получилъ сильный отпоръ со стороны Герцена и его пріятелей. *Честь*, по законамъ психологіи, не можетъ сойтись съ *безчестью*. Поэтому то *честный* г. Катковъ, конечно, не сошелся *съ безчестнымъ* Герценомъ—«*и разговоръ ихъ ограничился общими мѣстами*».

Но можетъ быть г. Катковъ не зналъ, что Герценъ человѣкъ *безчестный*?—Какъ же не зналъ, когда Герценъ *изгнанникъ*, стало быть, онъ человѣкъ вредный для нашего отечества, стало-быть, и *безчестный*.

Но, значитъ, г. Катковъ не обдумалъ напередъ этого дѣла? Нѣтъ, онъ просто хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло, *перемолвиться добрымъ словомъ объ ихъ направленіи* и такъ какъ это доброе и наивное намѣреніе было напередъ необдумано, то и не имѣло успѣха—и осталось одно только голое преступленіе г. Каткова.

Понятно послѣ этого, что г. Каткову оставалось только, чтобы очистить вполнѣ свою совѣсть, публично сознаться въ совершен-

номъ имъ преступленіи и объявить при этомъ доброе и *наивное* свое намѣреніе—*перемолвиться съ ними добрымъ словомъ объ ихъ направленіи.*

Понятно также, что при такомъ непріятномъ для всякаго человѣка публичномъ сознаніи собственнаго своего поступка, г. Катковъ разсердился на самого себя, что *невольно* совершилъ преступленіе и вдвойнѣ разсердился на *безчестнаго* Герцена, давшаго отпоръ доброму намѣренію г. Каткова—и вотъ почему послѣдній, какъ истинный и доблестный рыцарь чести, излилъ всю свою желчь, все свое негодованіе на ненавистнаго всѣмъ и ему противника—Герцена; каждый долженъ былъ отвѣдать весьма пикантные и далеко не *скрупулезнѣйшія* bons mots отъ англичанина г. Каткова, этого истиннаго джентельмена всея Россіи.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ bons-mots:

«Недоносокъ на всѣхъ поприщахъ», «бойкій острякъ и кривляка», «привередничающій, какъ беременная женщина», «капризы избалованной, изнѣженной, изломанной мысли», «весь этотъ сумбуръ, вся эта сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это броженіе головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли, все это мозгобѣсіе», «жалкій ломака», «дрянь-человѣкъ», «бездушный фразеръ», «старая блудница», «кричитъ, стоя на одной ногѣ, какъ балетмейстеръ», «отъ безчестія ему одна отговорка—помѣшательство».

Скажите же послѣ этого, милостивые государи и государыни, развѣ я вамъ не доказалъ, какъ 2×2=4, что г. Катковъ дѣйствительно *честный* человѣкъ? Не знаю, какъ вамъ, а по нашимъ понятіямъ, онъ просто рыцарь чести и мы даже думаемъ, что имя его будетъ отмѣчено крупными буквами въ нашей исторіи цивилизаціи.

Правда, что въ циливизованномъ обществѣ рѣдко слышатся подобныя bons-mots, рѣдко встрѣчается подобная непринужденная и скрупулезнѣйшая комильфотность, но вѣдь потому то и нашелся нѣкій А. В., сказавшій въ «Сѣверной Пчелѣ»: grattez (l'Anglomane) russe, et vous trouverez le tartare.

— Да помилуйте, сказалъ мнѣ одинъ господинъ; Катковъ еще очень мягокъ, онъ просто, можно сказать, неучъ по бранной части. Развѣ такъ слѣдовало выругать Герцена, надо было

не только его, но и родителей его затронуть. Ужъ если по-русски, такъ по-русски, добавилъ онъ.

И такъ, г. Катковъ не только *честный* человѣкъ, но и *джентельменъ*. Мы это доказали и сомнѣвающимся въ этомъ беремся доказать еще и еще....

Но при этомъ еще небольшое отступленіе. Злые языки толкуютъ и навѣрное утверждаютъ, что г. Катковъ сознался въ своемъ преступленіи не потому, что онъ *честный* человѣкъ, а потому, что, имѣя, по своимъ *личнымъ разсчетамъ* и *соображеніямъ*, намѣреніе полемизировать съ Герценомъ, онъ боялся, чтобы этотъ послѣдній, какъ *безчестный* человѣкъ, не выдалъ его преступленія. Но мы окончательно не вѣримъ такому толкованію злыхъ людей, потому-что убѣждены всѣмъ нашимъ существомъ, что г. Катковъ *честный* человѣкъ.

Слушайте-же.

Всѣмъ уже извѣстно, кого это только интересуетъ, что Герценъ, какъ вредный человѣкъ, признанъ офиціально *изгнанникомъ* въ своемъ отечествѣ. Слѣдовательно, всѣ наши соотечественники и всѣ истинные патріоты должны чувствовать къ своему *изганнику* полнѣйшую *антипатію*. Вотъ почему, намъ въ особенности пріятно поставить имя г. Каткова на ряду съ именами лучшихъ нашихъ *патріотовъ*. А что́ можетъ быть выше, что́ можетъ быть достойнѣе того человѣка, который *честно* и *неподкупно* исполняетъ свой долгъ въ отношеніи къ любимому имъ отечеству?

Пусть-же не удивляется теперь никто *радости* г. Каткова *открывшейся*, по его словамъ, *возможности поговорить печатно съ Герценомъ-изгнанникомъ*, чтобы публично и печатно выразить ему свою *антипатію*, свое *презрѣніе*, свое *негодованіе* и чтобы печатно *ошельмовать* этого *негоднаго* и *пошлаго кривляку*.

Жаль только, что г. Катковъ, какъ вполнѣ *честный патріотъ*, не открылъ намъ, что это за *открывшаяся возможность!*—Намъ кажется (а впрочемъ, можетъ-быть, мы и ошибаемся. Г. Катковъ это лучше насъ долженъ знать), что *возможность* выражать свою антипатію и презрѣніе къ человѣку *вредному* и признанному въ своемъ отечествѣ *изгнанникомъ*—всегда была. Намъ кажется, что *бранить публично* человѣка, *признаннаго вреднымъ*, *можетъ* и могъ до-сихъ-поръ всякій, кто только *не долженъ* его хвалить и ему *публично сочувствовать?* Намъ кажется,

что называть *все* своимъ именемъ, *присвоеннымъ* и *признаннымъ* въ обществѣ или государствѣ, *можетъ* всякій, кто только *не долженъ* присвоивать ему другаго имени? Намъ кажется, повторяемъ, что *возможность* не дѣлать *преступленій*, а напротивъ *добрыя* и *полезныя дѣла* — всегда была, есть и будетъ. Вотъ, если бы кто захотѣлъ соблазниться *вредными дѣлами*, вотъ это другое дѣло—подобной *возможности* никогда не было, да и не будетъ... Но дѣлать *вредныя дѣла*, совершать *преступленія*!.. кто-же это захочетъ, кому можетъ въ голову придти?.. Да, но для этого и существуютъ въ государствѣ разные охранительные, предупредительные, а подъ-часъ и исполнительные законы... Вѣдь вольному—воля, а спасенному—рай. Всякій народъ бываетъ на свѣтѣ...

Такъ-ли и хорошо-ли мы разсуждаемъ — пусть скажетъ вамъ г. Катковъ, какъ *истинно-честный* человѣкъ. Но не въ этомъ покамѣстъ дѣло.

Вернемся лучше къ *четному патріотизму* г. Каткова, къ его радости *открывшейся возможности поговорить откровенно* (на распашку—вполнѣ по-русски, прибавимъ мы отъ себя) съ Герценомъ.

Кстати *объ открывшейся возможности*!

Мы высказали уже наше (можетъ-быть и ошибочное) мнѣніе, что *шельмовать* человѣка всегда была и есть *возможность*, если только *не имѣютъ права* ему *симпатизировать*. Почему-же досихъ-поръ, т. е. до г. Каткова, литература наша не *шельмовала* имени Герцена-*изгинника*?.. По нашему мнѣнію, по очень простой и вмѣстѣ съ тѣмъ *гуманной* причинѣ. Именно потому, что мы, русскіе, принадлежимъ къ числу европейцевъ. Потому, что Россія есть *европейское* государство, въ которомъ *преступникъ* наказывается за извѣстное преступленіе *только одинъ разъ*.

Герценъ—*вредный* человѣкъ, Герценъ считается *государственнымъ преступникомъ* — и онъ наказанъ за это вѣчнымъ изгнаніемъ изъ своего отечества. Какое-же дѣло литературѣ занимать мѣсто палача и *вторично* наказывать и *шельмовать* человѣка, который достаточно уже наказанъ за свое преступленіе? — Оно хорошо было бы въ то блаженное время, когда палачъ, наказывая преступника, долженъ былъ отсчитать надъ нимъ все указанное число ударовъ, хотя-бы онъ умеръ на первомъ. Но теперь этого у насъ нѣтъ и уголовные законы наши начинаютъ прини-

мать все больше и больше европейско-гуманную форму, а не азіятскую.

Мало-ли сколько у насъ есть преступниковъ въ Сибири, на рудникахъ, въ каторгѣ, не выхватывать же литературѣ имена ихъ и не предавать же ихъ всеобщему ошельмованію.

Но, можетъ-быть, Герценъ сдѣлалъ новое преступленіе?.. Можетъ-быть, и вотъ почему мы дѣлаемъ вопросъ г. Каткову, какая же это *открывшаяся возможность?*.. И мы думаемъ, что г. Катковъ, какъ дѣйствительно *честный* человѣкъ, отвѣтитъ намъ откровенно.

Такъ-ли и справедливо-ли мы думаемъ и въ этомъ случаѣ — пусть опять-таки рѣшитъ самъ г. Катковъ, какъ *честный* гуманистъ и патріотъ.

Но во всякомъ случаѣ, замѣтимъ мы: бранить и шельмовать человѣка, котораго почему бы то ни было *не должно* хвалить, а тѣмъ болѣе ему сочувствовать—дѣло вполнѣ хорошее, честное и достойное. Къ этому и противъ этого мы отъ себя ничего *не смѣемъ* прибавить. Да и безполезно, думаемъ мы.

«Языкъ данъ на то человѣку, сказалъ опять-таки, если мы не ошибаемся, Талейранъ, чтобы скрывать свои сокровенныя мысли».

Это правило хотя вѣроятно и извѣстно г. Каткову, но онъ по своей честности конечно никогда не скрываетъ своихъ сокровенныхъ *мыслей* и *желаній*. Это онъ доказалъ въ своей «Замѣткѣ для издателя Колокола».

Мысль г. Каткова—быть *честнымъ* и шельмовать *безчестье*!

Желанія его—*благо народа русскаго*!

Посмотримъ же какъ онъ понимаетъ это *благо?*

Вотъ какъ онъ оканчиваетъ свою прекрасную «Замѣтку для издателя Колокола».

«Ну, говоритъ г. Катковъ, а если имъ (т. е. Герцену съ его товарищами) удастся наконецъ раздразнить этотъ народъ, которымъ они шутятъ; если, наконецъ, поднимется этотъ великанъ, поднимется не затѣмъ, чтобы слѣдовать за ними, а затѣмъ, чтобы предать ихъ избіенію за оскорбленіе его святыни и царя, которому онъ непоколебимо вѣренъ, одна ли кровь этихъ фанатиковъ прольется, будутъ ли стихійныя силы, выступившія изъ береговъ, разбирать виновныхъ и невинныхъ? Петербургское общество знаетъ кому, между прочимъ, во время пожаровъ, при-

ходилось прятаться отъ разъяреннаго народа за полицейскими служителями, кому приходилось мѣнять свое платье, чтобы выйдти безопасно на улицу.

«Огъ петербургскихъ пожаровъ отрекаются революціонеры-агитаторы, — отрекаются съ добродѣтельнымъ жаромъ. Но все ихъ отличіе отъ простыхъ поджигателей въ томъ только и состоитъ, что тѣ поджигаютъ по мелочи, а они en grand. Да наконецъ, что-же было бы слѣдствіемъ ихъ попытокъ, какъ не страшный рядъ пожаровъ, которые зажжетъ этотъ великанъ, еще ихъ же, своихъ самозванныхъ дѣтей, чтобъ избить ихъ, и избивая вмѣстѣ съ ними все, что ни попадетъ подъ руку?...»

Видите послѣ этого, какой дѣйствительно примѣрный патріотъ г. Катковъ. И какъ онъ любитъ свой народъ, какъ онъ понимаетъ его, какъ онъ горой стоитъ за него. Посмотрите, какъ онъ крѣпко держится за *народность*, *православіе* и *самодержавіе*. Посмотрите, какъ осторожно онъ обращается съ этимъ дорогимъ ему народомъ. Посмотрите, какъ онъ боится, чтобы *не раздразнили этого великана*—какіе-нибудь *революціонеры-агитаторы*.

Наше сердце русское не можетъ не нарадоваться при чтеніи этихъ достойныхъ строкъ г. Каткова. Мы готовы вмѣстѣ съ г. Катковымъ проливать слезы *отъ страха* за этого бѣднаго *великана* нашего, котораго хотятъ *раздразнить* какіе-то *революціонеры-агитаторы*. Мы готовы проливать слезы умиленія и слезы радости при видѣ, что родная наша почва еще не вполнѣ изсякла—и что на ней находятся еще люди, подобные г. Каткову, которые не на словахъ, а на дѣлѣ готовы отстаивать свою *народность*, свою *вѣру*, своего *царя*.

Спасибо же г. Каткову за подобныя его вполнѣ патріотическія чувства. Спасибо ему, что онъ *примѣрный* и вполнѣ *честный* сынъ отечества. Спасибо, что онъ блистательно доказалъ это послѣдней *Замѣткой* своей *для издателя Колокола*.

Вотъ наше мнѣніе о г. Катковѣ и его «*Замѣткѣ для издателя Колокола*»—со стороны патріотизма и честности. Имѣющій уши — да слышитъ, имѣющій глаза — да видитъ, имѣющій умъ—да понимаетъ.

Отбросимъ теперь честность и патріотизмъ г. Каткова, и обратимся къ его «Замѣткѣ» со стороны одной *литературной истины*. Надѣемся, что г. Катковъ, какъ *честный* человѣкъ,

не разсердится на насъ за это. Вѣдь *истина*, какъ онъ знаетъ,— *прежде всего*.

Естественно, что г. Катковъ стоитъ—*за одну только истину* и нападаетъ на одну только всѣмъ ненавистную—*ложь*. Онъ, какъ и всѣ въ мірѣ *честные* и *безчестные* люди, говоритъ: я—*за истину*, я—противъ *лжи*!!.... Да оно и въ порядкѣ вещей. Какой-же въ мірѣ человѣкъ, будь онъ нетолько *честенъ*, какъ самъ *благородный* лордъ Катковъ, но будь онъ даже самый отъявленный *мошенникъ*, сознается въ томъ, что ему дорога и мила—*ложь*, и что *истина* для него—вторая terra incognita?..

Но что за *истина*, которую отстаиваетъ г. Катковъ въ своей «Замѣткѣ для издателя Колокола»? Такъ-ли и хорошо-ли онъ проводитъ и доказываетъ эту *истину?* На чемъ онъ *ее* основываетъ и на что онъ опирается? Какъ онъ хочетъ достигнуть этой *истины* и въ чемъ онъ видитъ *зло?* Такъ-ли и хорошо ли онъ нападаетъ и доказываетъ это *зло*, эту *ложь?* Вотъ вопросы, на которые попытаемся отвѣтить съ помощью самого-же г. Каткова.

Обращаясь къ Россіи, къ своей любимой родинѣ, г. Катковъ говоритъ:

«Но настала пора, когда *задержанныя* и *подавленныя прежнимъ развитіемъ* силы должны вступить въ дѣйствіе; настала пора внутреннихъ преобразованій, которыя должны воскресить эти силы. Открылась новая эпоха, которая требуетъ новыхъ тяжкихъ усилій; началось дѣло, исполненное величайшихъ трудностей. Явился необозримый рядъ новыхъ потребностей и задачъ. Такое могущественное движеніе въ общественномъ организмѣ не можетъ не сопровождаться броженіемъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ» (стр. 845 и 846).

Вотъ положеніе г. Каткова и вотъ его *истина,* къ которой онъ стремится вмѣстѣ съ дорогимъ его сердцу народомъ, и которую онъ старается распутать самъ положительными и аѳористическими вопросами и отвѣтами.

«Въ чемъ-же, спрашиваетъ г. Катковъ, состоитъ задача *честнаю* писателя, сколько-нибудь мыслящаго и дѣйствительно *любящаю свою родину?* Броженію-ли этому способствовать или *созидательному* дѣлу? Запутывать-ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазіями, и вызывать губительныя реакціи, или *разъяснять* и *упрощать* его, и сосредоточивать

общественное вниманіе на элементахъ *существенныхъ* и *безспорныхъ*?»

На такіе вопросы г. Каткова слѣдуютъ и отвѣты.

«Каждый *честный* человѣкъ, отвѣчаетъ самъ себѣ г. Катковъ, въ такую минуту принимающійся за публичное слово и находящійся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненіемъ, *долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность*, несовмѣстную съ легкомысліемъ, и избѣгать всего, чего онъ не сознаетъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ. Если онъ при всемъ этомъ ошибется или увлечется, и поданный имъ совѣтъ окажется невѣрнымъ или односторонимъ, или неблаговременнымъ, то онъ останется по-крайней-мѣрѣ чистъ предъ своею совѣстью, и *дѣйствительно будетъ имѣть право на имя честнаго человѣка*».

Видите, какъ хорошо и умно умѣетъ разсуждать г. Катковъ, какъ хорошо, по-видимому, онъ понимаетъ дѣло. Обратите вниманіе, какъ хорошо онъ понимаетъ *положеніе* и *потребности* русскаго народа, *задержаннаго* и *подавленнаго прежнимъ развитіемъ* (только эту фразу г. Каткова мы не совсѣмъ-то понимаемъ). Посмотрите, какъ смѣло и широко г. Катковъ говоритъ о *наступившей порѣ внутреннихъ преобразованій Россіи*. Вникните, какъ дѣйствительно онъ понимаетъ *задачу частнаго писателя и любящаго свое отечество*. Выслушайте, какъ хорошо умѣетъ совѣтовать г. Катковъ *не запутывать*, а *созидать*, *разъяснять* и *упрощать дѣло*, и *сосредоточивать общественное вниманіе на элементахъ существенныхъ и безспорныхъ* (послѣдняя фраза опять-таки не совсѣмъ понятна и витіевата). *Въ такую минуту*, прибавляетъ г. Катковъ, *каждый честный человѣкъ*, *принимающійся за публичное слово*, *долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность*. И только въ такомъ случаѣ, заключаетъ г. Катковъ, *дѣйствительно можно имѣть право на имя честнаго человѣка*.

Такъ-ли дѣйствовалъ г. Катковъ—этотъ русскій Кавуръ или Ратацци? Можетъ-ли онъ, положа руку на сердце, сказать, что онъ такъ дѣйствовалъ?

Отвѣтимъ ему точно также и *слово въ слово*, какъ онъ отвѣчалъ Герцену.

«Онъ (т. е. г. Катковъ) не дѣйствовалъ, онъ юлилъ и вертѣлся, ломался и жеманничалъ, бросался подъ ноги всякому

дѣлу: онъ умѣлъ только смущать, запутывать, вызывать *политико-экономическія* реакціи. Передъ каждымъ практическимъ вопросомъ онъ раскрывалъ бездну своего пустаго и безсмысленнаго радикализма, и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку. Результаты его дѣятельности на виду: было-ли сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Что путнаго было сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствій г. Леонтьева и сценическихъ вскрикиваній г. Каткова. Они то ругались холопски, то съ приторною аффектаціей, болѣе оскорбительною чѣмъ ихъ грубости, выражали свое презрѣніе: «жалкій ломака»! «дрянь человѣкъ»! «бездушный фразеръ»! «старая блудница»! кричалъ нашъ Кавуръ, стоя на одной ногѣ, какъ балетмейстеръ. Было-ли хоть что нибудь разъяснено, было-ли хоть въ одномъ словѣ видно желаніе сказать что нибудь серьезно обдуманное? Было-ли сказано хоть одно слово, въ которомъ могъ бы узнать себя какой нибудь положительный интересъ, важный для страны, дорогой для народа,—не для сочиняемаго въ фантазіи, а для настоящаго, живаго русскаго народа? На что опирались издатели *Русскаго вѣстника?* Что имѣлъ за собою нашъ генералъ отъ англійской бюрократіи? Онъ опирался на то, отъ чего мы должны, во что-бы то ни стало, отдѣлаться; онъ опирался на то зло, которое выработалось и скопилось у насъ за прежнее время. Единственная сила, на которую онъ опирался, есть не что иное какъ безсиліе нашей общественной цивилизаціи, безсиліе нашего общественнаго мнѣнія, безсиліе нашей казенной науки и тотъ внутренній разладъ, который господствуетъ между мыслію и жизнію, — жизнью, которая идетъ сама по себѣ, и мыслію, которая сочиняетъ для нея въ облакахъ формы и утопіи. Силы этой оказалось довольно,—оказалось довольно разгулявшейся безсмыслицы, и идіотизма, пустившагося мыслить, и невѣжества, принявшагося поучать, и безмозглой мечтательности, схватившейся за дѣло. Силы этой оказалось довольно, и онъ не безъ гордости могъ явиться въ сонмъ генераловъ-профессоровъ и занять тамъ приличное мѣсто, какъ представитель русскаго народа. И вотъ для этой-то чести, ради этого высокаго чина, нашъ герой не усумнился пожертвовать своей совѣстью. Онъ не

можетъ не знать, что его создало и что его держитъ, и онъ раболѣпствуетъ передъ этой дикою силою, онъ ей покорствуетъ, онъ ей служитъ за тѣ почести, которыя она ему дала, за тотъ чинъ, которымъ онъ красуется въ сонмѣ холоповъ»... (стр. 847).

Вотъ наше мнѣніе о г. Катковѣ и его учено-полезной дѣятельности со стороны *литературной истины*.

—Но, скажутъ намъ, все это такъ, все это можетъ быть, что вы говорите о г. Катковѣ и его дѣятельности. Можетъ быть, со стороны *литературной истины* оно и выходитъ такъ; можетъ быть, г. Катковъ и его дѣятельность именно таковы, какими вы ихъ представляете. Но, согласитесь сами, что вы говорите довольно голословно, тутъ нѣтъ у васъ никакихъ доказательствъ, основанныхъ на фактахъ и разобранныхъ честно и вполнѣ безпристрастно. Въ вашихъ словахъ слышна только одна голая и грубая брань, *основанная*, какъ вы сами же выразились, *на безсиліи нашей общественной цивилизаціи*. Въ вашихъ строкахъ то и дѣло проглядываетъ одно дикое и необузданное озлобленіе, одно желчное состояніе вашего организма, вашей души. Это видно, что самолюбіе ваше затронуто и оно заговорило, не спросясь васъ, не спросясь позволенія своего хозяина—совѣсти. Это видно, что вы взялись за месть, за это неблагодарное ремесло и готовы не пренебрегать никакими средствами, для достиженія своей цѣли. Отымите изъ приведенныхъ вами строкъ о дѣятельности г. Каткова вашу брань, что тогда останется дѣльнаго и доказаннаго въ вашихъ словахъ, вѣдь останется просто—nihil! Мы готовы, повторяемъ, вмѣстѣ съ вами согласиться во всемъ, что вы сказали о г. Катковѣ и его дѣятельности, но давайте же намъ дѣло, факты, разберите передъ нами его статьи, сочиненія, всю его дѣятельность, всю его жизнь, шагъ за шагомъ, фактъ за фактомъ, и тогда мы вамъ, можетъ быть, и повѣримъ, можетъ быть, и согласимся съ вами. Но, можетъ быть, вы скажете, что по вашему мнѣнію всѣ статьи и сочиненія, вся дѣятельность и жизнь г. Каткова такъ пусты и такъ нелѣпы, что они равняются нулю и потому всю эту, по вашему мнѣнію, галиматью, *весь этотъ сумбуръ* не стоитъ и подвергать порядочной и серьезной критикѣ. Да, прекрасно, это можетъ быть ваше личное мнѣніе, основанное на вашей собственной *недосягаемости*, на вашемъ собственномъ *величіи*, на вашемъ личномъ *безпристрастіи*, на вашихъ личныхъ *умствен-*

ныхъ и *душевныхъ качествахъ*, на вашей *высокой нравственности* и *высокой чести*... Можетъ быть, вы правы... Но намъ то, намъ то, людямъ постороннимъ и непосвященнымъ во всѣ эти ваши достоинства, позвольте ужъ не повѣрить нетолько ни единому вашему слову, но и позвольте даже усомниться въ вашей *честности*, въ вашихъ *благихъ намѣреніяхъ*!!

Вотъ, какъ насъ отбрили по всѣмъ правиламъ логики, вотъ какую пилюлю правды должны мы были проглотить. Сознаемся, нашъ глазъ больше не выдерживаетъ, мы поневолѣ моргаемъ...

Но что же въ самомъ дѣлѣ сказали мы дурнаго? Вѣдь мы сказали сущую, по нашему мнѣнію, правду о г. Катковѣ и его литературной дѣятельности... Да притомъ же, вѣдь мы не сказали ничего новаго и небывалаго. Въ нашей литературѣ все возможно,—вѣдь мы—русскіе! что жъ тутъ удивительнаго, что мы являемся совсѣмъ на распашку и въ натурѣ, какъ Иванъ Никифоровичъ? Въ добавокъ же, мы сказали о г. Катковѣ слово въ слово, не прибавляя ни одной буквы, все то, что онъ сказалъ о литературной дѣятельности Герцена... (стр. 846 и 847 № 6-го Русскаго вѣстника)...

Что же подѣлываетъ теперь г. Катковъ, что то онъ намъ скажетъ?.. А ничего, его и этой пулей не прошибешь... Онъ и объ насъ то же самое скажетъ: *весь этотъ сумбуръ*, *вся эта* сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это *броженіе головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли, все это мозгобьсіе*... А можетъ быть, мы и этого не удостоимся со стороны г. Каткова. Жаль, а мы такъ съ своей стороны готовы увѣрить всѣхъ и каждаго, что г. Катковъ правъ, что онъ дѣйствительно, какъ сказалъ, *не сморгнетъ*, не только *глядя въ ясныя очи далекихъ нашихъ публицистовъ—съ того берега*, но и не сморгнетъ и не остановится ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, ни передъ какимъ дѣломъ, самымъ крупнымъ и самымъ мелкимъ.

«*Ты побѣдилъ, Галилеянине*!» говоримъ мы за г. Каткова—Викт. И. Аскоченскому.

Но—revenons à nos moutons...

Выше мы говорили и показали изъ собственныхъ словъ г. Каткова, какъ онъ смотритъ на народъ русскій, на настоящія его потребности и нужды, и что онъ требуетъ отъ *честнаго* писателя, принимающагося въ настоящую, весьма важную минуту для Россіи за публичное слово. Мы показали также въ нѣсколькихъ

словахъ, какъ самъ г. Катковъ исполняетъ долгъ *честнаго* писателя и человѣка. Но при этомъ мы не показали и не открыли всѣхъ прелестей литературныхъ пріемовъ г. Каткова,—мы не сказали, что за причина заставила его распространяться объ этой *наступившей порѣ внутреннихъ преобразованій Россіи* и о долгѣ *честныхъ* писателей въ такое для насъ время.

Причина всего этого—простая. Г. Катковъ, ревнуя о пользѣ и *«государственномъ единствѣ»* своего отечества и справедливо негодуя на какихъ то революціонеровъ-агитаторовъ, мечтающихъ объ *«государственномъ разведеніи»* и о *«кровавыхъ реформахъ»* въ Россіи, нападаетъ на самаго главнаго, *по его мнѣнію*, «кроваваго реформатора»—Герцена, этого подстрекателя и зачинщика, по милости котораго будто бы всѣ преступники ссылаются въ Сибирь. Вслѣдствіе этого, г. Катковъ старается доказать, что Герценъ, какъ писатель, *безчестенъ*, *пошелъ* и *безъ всякаго содержанія*—и что потому онъ зловреденъ. Какъ г. Катковъ доказываетъ все это, читатели наши уже могли убѣдиться изъ выше приведенной нами выписки.

Теперь мы знаемъ причину всѣхъ скорбей и негодованій г. Каткова. Причина эта—Герценъ и русскій народъ! народъ русскій и Герценъ.

Но почему же г. Катковъ никогда прежде не нападалъ и не давалъ потасовки Герцену? почему никогда прежде онъ не стоялъ такъ горячо за права русскаго народа! Почему онъ прежде такъ спокойно и сосредоточенно занимался изученіемъ все больше Англіи, ради которой онъ и издавалъ свой журналъ? Не для того ли все это дѣлалось, чтобы до подробности изучить тотъ ларчикъ, въ которомъ пребываетъ его личный врагъ и врагъ народа русскаго—Герценъ?

Чтобы отвѣтить на это, прогуляемся вмѣстѣ съ г. Катковымъ по его «Замѣткѣ для издателя Колокола». На первой же страницѣ этой «Замѣтки» мы найдемъ разъясненіе нашего недоумѣнія, отвѣтъ на наше *сомнѣніе*.

«На этихъ дняхъ, говоритъ г. Катковъ, получили мы изъ Лондона, какъ надобно думать отъ самого издателя *Колокола*, послѣдній № его газеты съ новымъ отзывомъ.»

На первой же страницѣ и на первыхъ же строкахъ вы, г. Катковъ, просто лжете и надуваете своихъ читателей. Какъ надо думать, вы просто не помните и забываете, что вы говорите, для

чего вы говорите и съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Изъ первыхъ же строкъ вашей «Замѣтки» видно, что угаръ отъ послѣднихъ петербургскихъ пожаровъ не прошелъ еще въ вашей впечатлительной головѣ. Вы сами же очень хорошо знаете и говорите съ своей сестрицей «Сѣверной пчелой,» что Герценъ—*изгнанникъ*. Стало быть, вы не можете не знать, что его сочиненія нетолько не пересылаются по почтѣ, но и не допускаются къ ввозу въ Россію. Это законъ, существующій въ Россіи. А вы сами же говорите и радуетесь, что «*родина ваша—есть великій цѣльный организмъ, достигшій политическаго могущества и ставшій великою державою.*»

Какъ же послѣ этого вы допускаете и первыми же строками забрасываете сомнѣніе въ вашихъ читателяхъ, что законы не исполняются въ вашей родинѣ—*въ этой великой державѣ?* Что вы клевещете на Россію и какъ это вы сами не исполняете законовъ? Или вы, можетъ быть, также допускаете *вмѣстѣ съ другими*, что законы пишутся и существуютъ не для всѣхъ, что *великіе міра сего* избавлены отъ исполненія законовъ? Но развѣ въ *могущественнѣйшемъ и великомъ цѣльномъ организмѣ* допускаются подобные безпорядки? Что вы, повторяемъ, клевещете на Россію и безнаказанно лжете?

Или, можетъ быть, между вами и *далекими публицистами съ того берега* учредилась своя частная почта и корреспонденція? такъ вы бы объяснили намъ это. А то, грѣшные люди, сознаемся въ этомъ, мы было не повѣрили вамъ на слово—и послѣ вашей «Замѣтки для издателя Колокола», хотѣли сами познакомиться съ подлинникомъ. Но намъ сказали: вѣрь не вѣрь, но знакомство съ подлинникомъ законъ воспрещаетъ, что запретительный законъ этотъ въ Россіи еще существуетъ и не отмѣненъ и потому онъ *обязателенъ для всѣхъ*. Странное дѣло, непонятное дѣло, г. Катковъ. Объяснитесь. Вѣдь васъ, конечно, купить нельзя, такъ стало быть, вѣроятно, вы намъ откроете всю сущую правду.

И такъ, не любо не слушай, а врать не мѣшай.

«Мы, продолжаетъ г. Катковъ, радуемся открывшейся возможности поговорить съ г. Герценомъ.»

Объ этой *непонятной радости* г. Каткова мы уже говорили и спрашивали его, что это за такая *открывшаяся возможность*? Ждемъ только его отвѣта.

*

«Мы давно этого (т. е. поговорить съ Герценомъ) добивались...»

Будто, г. Катковъ, вы этого и *добивались?* И будто было вамъ *трудно добиться* обругать и ошельмовать публично Герцена? Не вѣрится вамъ что то, г. Катковъ, и въ этомъ случаѣ, потому что, какъ мы уже говорили, этой *возможности поговорить*, на вашъ манеръ, съ Герценомъ,—кто только хотѣлъ, всегда могъ *добиться*.

«Но до послѣдняго времени онъ (т. е. Герценъ) былъ для русской литературы неприкосновенною святыней, болѣе чѣмъ всѣ потентаты міра...»

Будто, г. Катковъ, вы потому только и не изрыгали брани на Герцена, что онъ до сихъ поръ *былъ для русской литературы неприкосновенною святыней?* Будто бы вы на этомъ и остановились и не рѣшились бы заплевать чужой святыни, *святыни*, какъ вы говорите, *нашей литературы?* И будто бы *недавнюю святыню русской литературы* вы бы позволили себѣ такъ скоро шельмовать?

Нѣтъ, г. Катковъ, сознайтесь, не это васъ останавливало. Вы, какъ вполнѣ современный и коммерческій человѣкъ, вполнѣ англичанинъ, очень хорошо понимали, что всякое новое изданіе можетъ разсчитывать на успѣхъ въ публикѣ, на успѣхъ въ подписчикахъ, въ деньгахъ, въ этой основѣ всего нашего существованія, только тогда, когда будутъ помѣщаться статьи въ родѣ «Губернскихъ очерковъ» Щедрина, которыми наполнялся первый годъ вашего бытія. Подобныя же статьи, въ родѣ «Губернскихъ очерковъ», немыслимы и не вяжутся съ настоящей вашей «Замѣткой для издателя Колокола». Кто не знаетъ, что Щедринъ есть псевдонимъ Салтыкова, того самаго Салтыкова, который передъ самымъ началомъ изданія «Русскаго вѣстника» былъ прощенъ и возвращенъ изъ ссылки за какое то преступленіе въ тѣ самыя отдаленныя губерніи, въ которыя былъ нѣкогда сосланъ Герценъ—тотъ самый «кровавый реформаторъ», для котораго состряпана теперь разбираемая нами «Замѣтка» г. Каткова.

Но теперь время измѣнилось для г. Каткова, онъ будто бы не нуждается въ поддержкѣ общества, онъ уже успѣлъ *опериться* и сдѣлаться, какъ самъ выражается, «*представителемъ своей особой публики*». Онъ сдѣлался чѣмъ то въ родѣ *божества* для

этой публики — публики, которая вмѣстѣ съ своими карманами существуетъ положительно только для него одного и должна слушать, вѣрить и повиноваться ему одному. Онъ сдѣлался непогрѣшителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ имѣетъ право говорить обо всемъ бездоказательно и голословно—и каждому слову его полная вѣра. Онъ одинъ только стоитъ—за *истину*; всѣ же другіе, несогласные съ нимъ, говорятъ и доказываютъ—*ложь*. Каждое слово его, каждая фраза и каждая мысль дышатъ у него афоризмомъ. Все, сказанное имъ однимъ, есть чистое и непогрѣшительное. Каждое слово и мнѣніе его, о комъ бы то ни было, заклеймитъ на вѣки этого человѣка—и ужъ не подняться ему въ общественномъ мнѣніи, если не подыметъ его самъ г. Катковъ. Такъ думаетъ о себѣ г. Катковъ и такъ думалъ онъ, когда, *добившись* наконецъ *своего завѣтнаго желанія*, онъ рѣшился напечатать свою «Замѣтку для издателя Колокола».

«Насъ еще затрудняло и то обстоятельство, объясняетъ г. Катковъ, что *публика у насъ съ нимъ разная*».

Видите ли, г. Катковъ дѣйствительно есть представитель своей *особенной публики*—и онъ, какъ представитель и уважаемый глава, спѣшитъ заувѣрить всѣхъ, до кого это можетъ касаться, что его публика не тѣ «отъявленные и неисправимые соціалисты», не тѣ «кровавые реформаторы» и «революціонеры», представителемъ которыхъ онъ не желаетъ и гнушается быть.

Поймите же всѣ, къ кому это только можетъ относиться, что г. Катковъ «не *воръ*», «не *мошенникъ*», «не *шуллеръ*», не «кровавый реформаторъ», и не «революціонеръ-агитаторъ». И онъ даже этимъ не хвастается, онъ объ этомъ только заявляетъ и доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія. Дѣйствительно, г. Катковъ безпримѣрный человѣкъ. И вотъ именно это то *обстоятельство*, что г. Катковъ *такой*, а *не другой* человѣкъ, его до сего времени и *затрудняло* говорить съ Герценомъ.

«Но, прибавляетъ г. Катковъ, въ этой бѣдѣ онъ (т. е. Герценъ) намъ самъ помогъ».

Слѣдовательно, г. Катковъ самъ видитъ *бѣду* въ томъ, что онъ не такой; какъ слѣдуетъ быть доброму человѣку, и благодаритъ Герцена, что онъ помогъ ему въ этой *бѣдѣ*. И вотъ въ чемъ состояла эта помощь.

«Онъ (т. е. Герценъ) вдругъ заговорилъ о насъ и о нашихъ мнѣніяхъ, говоритъ г. Катковъ...»

Вотъ, наконецъ таки мы добились толку, вотъ въ чемъ заключается вся суть дѣла. Этотъ смѣльчакъ Герценъ осмѣлился *вдругъ заговорить* о г. Катковѣ и *его мнѣніяхъ*—и тѣмъ *помогъ бѣдѣ*, заставивъ г. Каткова прервать свое прежнее молчаніе.

Такъ вотъ видите ли, г. Катковъ, какая непрочная и гнилая у васъ почва, и какъ мелко вы еще плаваете, несмотря на то, что вы многоученый профессоръ. Да что это въ самомъ дѣлѣ, за недосягаемая многоученость? Не будь ея у васъ—этой фальшивой вашей многоучености, сбивающей всѣхъ съ толку и говорящей обо всемъ не иначе, какъ свысока, не будь вы всезнайкой-профессоромъ, этимъ египетскимъ жрецомъ для вашей публики, то пожалуй и не рѣшились бы такъ скоро оставить *общее дѣло* и *перенестись*, какъ вы сами же выразились о Герценѣ, *на почву личностей*. Не имѣй вы этихъ ученыхъ вашихъ чиновъ, то и не рѣшились бы такъ смѣло и такъ нагло надувать публику, не рѣшились бы завлекать ее будто бы *общимъ дѣломъ* и подъ этимъ фальшивымъ предлогомъ вооружаться одной голой, бездоказательной и грубой бранью — бранью официальной, направленной противъ *отдѣльныхъ личностей*, незнакомыхъ притомъ публикѣ, незнакомыхъ ей—*положительно* и *официально*. И кто вамъ позволилъ, чрезъ кого вы *добились* такъ беззаконно морочить публику? И съ какими вы *юридическими* данными явились съ вашимъ почти шуллерскимъ спичемъ передъ глаза *официально-темной* публики, неимѣющей съ своей стороны никакихъ *официально-юридическихъ* данныхъ, на основаніи которыхъ она могла бы съ вами согласиться или васъ опровергнуть? Тутъ одно изъ двухъ: или вы *злонамѣренно* смотрѣли на всѣ свои затѣи и фокусническія штуки, какъ на игру въ кошки и мышки, принимая публику за безсмысленныхъ дѣтей, передъ которыми достаточно было по вашимъ понятіямъ сѣсть на столъ, укрыться платкомъ и требовать, чтобы эти дѣти, эта публика ваша непремѣнно нашла и поцѣловала васъ, какъ умницу, умѣющую ловко сочинять дѣтскія игры? или же вы на столько занялись и увлеклись своею *голою особою*, своею *милою личностью*, что ни на минуту не сомнѣвались завлечь за собою разными учеными фокусами публику, прельстить ее своими психическими (говоря о васъ, какъ о профессорѣ, мы думаемъ, что такъ надо выразиться) прелестями и почти навѣрное

разсчитывали, что публика повѣритъ вамъ на слово? Да и какъ въ самомъ дѣлѣ не повѣрить вамъ, — вѣдь вы своего рода богъ.

И почему это вы, если дѣйствительно стоите за *истину* и за *общее дѣло*, почему вы до сихъ поръ не знакомили свою публику и не ругали ей Герцена? почему вы до сихъ поръ не разбирали (по всѣмъ правиламъ науки и съ болѣе достойными литературными пріемами) всѣ его статьи и сочиненія, его личность, всю его дѣятельность, все его ученіе и пропаганду? и почему вы только теперь, когда Герценъ затронулъ ваше личное самолюбіе, вашу собственную личность, только теперь вы рѣшились спуститься съ той высоты, на которой стоите, чтобы *поговорить* съ Герценомъ и даже не поговорить съ нимъ серьезно и честно, а просто обругать его по русски?!.. И какое намъ дѣло, какое дѣло публикѣ до вашихъ личныхъ отношеній съ Герценомъ? И зачѣмъ вы возводите эти личныя, домашнія свои отношенія въ какой то перлъ созданія, имѣющаго соприкосновеніе съ *общими* вопросами, съ *общимъ народнымъ дѣломъ*? Не пишура ли это съ вашей стороны?

«Онъ полагалъ (г. Катковъ дѣлаетъ такое предположеніе о Герценѣ), что слово останется за нимъ, а намъ говорить о немъ не позволятъ...»

Опять ложь, въ каждой строкѣ у г. Каткова ложь и ложь гнусная, злонамѣренная. Вмѣсто того, чтобы дѣйствительно и фактически доказать публикѣ нелѣпость Герцена, г. Катковъ просто и голословно рисуетъ его какимъ то невиннымъ ребенкомъ. Но неужели Герценъ такъ невиненъ и не понимаетъ, что говорить о немъ то, что сказалъ въ своей «Замѣткѣ» г. Катковъ и что желалъ бы еще сказать, никогда г. Катковъ не встрѣтитъ себѣ запрета? Въ добавокъ, вы, г. Катковъ, сами же напечатали письмо Герцена, въ которомъ онъ выражаетъ свою надежду, что вы, какъ честный человѣкъ, *испросите у начальства разрѣшеніе напечатать его письмо въ уважаемой лѣтописи вашей.*

И вотъ вы выхлопотали себѣ разрѣшеніе напечатать это письмо и радуетесь, что можете будто бы уколоть этимъ Герцена, и говорите:

«Однакожъ намъ удалось при случаѣ сказать словцо (именно г. Катковъ *словцо* и вполнѣ *русское словцо*, недоставало толь-

ко запѣть намъ вполнѣ національную *внизъ по матушкѣ, по Волгѣ*!) о «свободномъ артистѣ», который самъ сидитъ въ безопасности, а другихъ посылаетъ на подвиги, ведущіе ихъ въ казематы и Сибирь.»

Ну, просто гадко и противно дѣлается, читая всю эту *ложь* и *безсмыслицу* г. Каткова. Все это литературное *шуллерничество* его походитъ на ноздревскую игру въ шашки. Онъ, какъ Ноздревъ, давно, видите ли, не игралъ въ журнальныя шашки,— и вотъ онъ старается объиграть своего противника самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, увѣряя его и публику, что давно не игралъ въ эту игру, позабылъ ее и *играетъ нехотя*, что онъ въ сторонѣ, что онъ желаетъ сдѣлать другимъ удовольствіе и готовъ пожертвовать своей свободой, своими личными интересами, самимъ собою, лишь бы не пострадало общее благо, ради котораго онъ только и взялся за игру. Но, неимѣя фактическихъ и честныхъ данныхъ, онъ прибѣгаетъ къ литературному шуллерничеству, и въ глазахъ публики объигрываетъ своего противника тѣмъ, что тотъ не имѣетъ доступныхъ средствъ предотвратить его ловкость въ пальцахъ и пріемахъ.

Объясните-же намъ, ради Бога, г. Катковъ, какъ это, если-бы кто-нибудь изъ насъ не имѣлъ желанія отправиться въ казематы и Сибирь, какъ это Герценъ могъ-бы послать насъ туда? Вѣдь не владыка-же онъ какой нибудь? А если онъ это дѣйствительно дѣлаетъ, какъ вы говорите, своими *положительными* или *отрицательными* качествами, такъ стало-быть онъ выходитъ по вашему—*сила*? Какъ-же послѣ этого, если онъ *сила*, какъ-же послѣ этого онъ можетъ-быть *дрянь-человѣкъ*, пародія на человѣка? Вѣдь вы сами знаете, что такое *сила*, вы сами являетесь представителемъ *силы*—этой вашей альфы и омеги... И зачѣмъ вы придаете Герцену то великое значеніе, какимъ онъ и не пользуется на самомъ дѣлѣ, и можетъ-быть самъ не ищетъ этого?.. Вѣдь вы просто путаетесь, г. Катковъ, и противорѣчите сами себѣ. Вы метите въ одинъ лагерь, а попадаете въ другой, сами того не замѣчая. Вы хотите унизить и ошельмовать человѣка, а сами, Богъ васъ знаетъ зачѣмъ, возвышаете только его. Такъ добрые и ловкіе люди, являющіеся защитниками *извѣстныхъ* и *достойныхъ* аргументовъ, не дѣлаютъ.

Вотъ мы, напримѣръ, что касается насъ лично, мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія идти въ казематы и Сибирь, такъ какъ

же это насъ пошлетъ туда *всемогущій* по вашему Герценъ? Посмотримъ. Не пошлетъ ли онъ насъ туда потому, что мы осмѣливаемся поднять голосъ противъ вашей «Замѣтки», соприкасающейся съ его личностью?

Но вѣдь тогда не Герценъ, а скорѣе вы сошлете насъ въ Сибирь—и эта *всемогущая сила* будетъ тогда въ рукахъ вашихъ, а не Герцена. Да и вообще, не напиши вы этой «Замѣтки» своей, не заговори печатно вы первый о Герценѣ, мы бы не только не имѣли понятія о немъ и его личности, но и незнакомы были съ вашей *низкой* любовью къ истинѣ и къ *общему благу*, мы бы не знали рѣшительнаго неумѣнія вашего *доказать* что нибудь и *защитить* что нибудь, мы бы не знали о ненависти вашей къ Герцену, корчащему изъ себя русскаго Мадзини и мѣшающаго вамъ корчить изъ себя русскаго Кавура

Мы вполнѣ согласны съ этимъ невиннымъ желаніемъ вашимъ, г. Катковъ; мы готовы вамъ сочувствовать и вмѣстѣ съ вами желать для насъ скорѣе умѣреннаго, умнаго, спокойнаго, но твердаго и энергическаго Кавура, нежели «революціонера-агитатора» и республиканца Гарибальди, Мадзини, Кошута и др... Но не позабудьте и вспомните, такъ ли дѣйствовалъ Кавуръ, который такъ же, какъ и вы, былъ діаметрально-противуположныхъ убѣжденій съ этими революціонерами-агитаторами? Такъ-ли онъ брался за свое дѣло—за *дѣло общее*, за *единство* и свободу Италіи? Такъ-ли, какъ вы, онъ бралъ верхъ надъ своими противниками, добивающимися, какъ вы говорите, «кровавыхъ реформъ» и всеобщаго государственнаго разъединенія? Такъ ли, какъ вы, онъ относился къ этимъ своимъ противникамъ по убѣжденію? Вспомните, съ какимъ уваженіемъ онъ всегда публично обращался и говорилъ о своемъ личномъ непріятелѣ—Гарибальди. Вспомните, съ какой стойкостью, съ какимъ умѣніемъ и съ какимъ глубокимъ дипломатическимъ тактомъ онъ выносилъ на своихъ плечахъ всѣ «революціонерныя и агитаторскія» дѣйствія Гарибальди и его товарищей. Не забудьте при этомъ, что Кавуръ лично не любилъ Гарибальди, не сочувствовалъ Мадзини—и, уважая ихъ, какъ людей, не сочувствовалъ и не уважалъ ихъ политическихъ увлеченій—и хотя онъ считалъ ихъ фанатиками своего дѣла, но никогда не позволялъ себѣ публично шельмовать и казнить ихъ...

Но то былъ Кавуръ, то былъ политическій геній, а не несчастная пародія на него, не г. Катковъ.

И не потому ли Кавуръ дѣйствовалъ такъ въ своемъ отечествѣ, что достигъ того зрѣлаго и здраваго такта, того глубокаго политическаго смысла, который привыкъ сознавать, что въ каждомъ здоровомъ *политическомъ* организмѣ, какъ и въ организмѣ отдѣльнаго человѣка, должны быть разносторонніе силы, могущія одинаково дополнять и уравновѣшивать другъ друга, силы, которыя съ одной стороны были бы—силы молодости и юношескаго *увлеченія*, силы, подстрекающія и популяризирующія извѣстное дѣло, силы чисто республиканскія и революціонно-агитаторскія, силы демократическія и силы умѣренно-конституціонныя, а съ другой стороны—силы, могущія задерживать и временно затормаживать излишніе порывы увлеченія, силы, могущія направлять и руководить ходомъ извѣстнаго дѣла, ходомъ благородныхъ стремленій и увлеченій, и извѣстнымъ событіямъ, силы, могущія спокойно обнимать, обдумывать и рѣшать извѣстные политическіе и гражданскіе вопросы, и силы, придающія всему свой колоритъ, свой цвѣтъ, свое знамя и т. д. Не съ помощью-ли такого пониманія, такого политическаго и гражданскаго сознанія и такта, Кавуръ, съ одной стороны—не шельмуя и не притѣсняя положительно своихъ противниковъ, а съ другой стороны—строго анализируя и повѣряя своимъ собственнымъ разсудкомъ своихъ собратовъ по убѣжденію,—не съ помощью-ли только этихъ аргументовъ, повторяемъ,—Кавуръ умѣлъ ловко и честно пользоваться, для единства, свободы и блага своей страны, всѣмъ, что только имѣлъ подъ руками, всѣмъ, что только ему давали—юношескія увлеченія и зрѣлая обдуманность, пылкость нравовъ и стойкость убѣжденій, революціонерныя попытки и консервативныя стремленія, диктаторство республиканца-агитатора и намѣстничество монархиста генерала? Не подобныя-ли убѣжденія и гражданская доблесть заставляли Виктора-Эммануила—этого человѣка-короля оказывать одинаковое радушіе и вниманіе республиканцу—Гарибальди и умѣренному консерватору—Кавуру?

Вы видите и понимаете теперь, г. Катковъ, къ чему мы идемъ и на что мы бьемъ. Герценъ дѣйствительно можетъ-быть вредный и опасный человѣкъ, его дѣятельность дѣйствительно, можетъ быть, не соотвѣтствуетъ нашимъ требованіямъ, ну тогда, если вы уже взялись за дѣло, докажите намъ это и приведите

въ ясность ваши убѣжденія, опровергающія убѣжденія противника вашего. Иначе вы не поможете дѣлу и только еще больше испортите его. Приведите въ фактическую и осязательную ясность всю нелѣпость, несостоятельность и безчестность дѣятельности Герцена и докажите это его послѣдователямъ какъ 2×2=4. Иначе, повторяемъ, вы только испортите дѣло; иначе послѣдователи его еще больше ему будутъ сочувствовать и еще больше васъ ненавидѣть. Если это вы не можете и не могли сдѣлать, то зачѣмъ же вы брались за дѣло; зачѣмъ вы вытащили изъ-подъ спуда имя Герцена и съ такимъ усердіемъ силились растерзать это голое имя въ глазахъ публики? Подобные пріемы, можетъ-быть, употребляются въ судопроизводствѣ, но нетерпимы въ литературѣ; а тѣмъ-болѣе въ такомъ достойномъ органѣ, какъ «Русскій вѣстникъ».

Но скажите намъ на милость, г. Катковъ, ради кого и ради чего вы вдругъ подняли вопросъ о Герценѣ? ради кого и ради чего вы ставите Герцена на какой-то пьедесталъ величія и силитесь потомъ сбить его съ этого пьедестала и уничтожить его могущественную, по вашимъ понятіямъ, *силу?* ради кого и ради чего вы затрогиваете вопросъ о недавнихъ петербургскихъ пожарахъ, о какихъ-то «кровавыхъ реформахъ», о какомъ-то «броженіи умовъ», о какомъ-то «общественномъ разстройствѣ»,—и во всемъ этомъ дѣлаете участникомъ Герцена, который, сидя въ Англіи, «*разсылаетъ* всѣхъ на подвиги, ведущіе ихъ въ казематы и Сибирь?» и зачѣмъ вы, при всѣхъ этихъ случаяхъ, сами рисуетесь передъ публикой и дѣлаете изъ себя своего рода агитатора, диктаторски говорящаго о какомъ-то «государственномъ единствѣ», о какомъ-то «созидательномъ дѣлѣ», о какомъ-то «великанѣ», котораго кто то хочетъ «раздразнить?» и вообще, къ чему вы ставите вопросъ о Герценѣ и о себѣ самомъ,—о своей собственной размолвкѣ и перепискѣ съ публицистами *съ того берега*, вопросъ о вашихъ личныхъ домашнихъ дѣлахъ, ни до кого не касающихся и никому не интересныхъ—на ряду съ народными вопросами, съ вопросами о всеобщихъ пожарахъ, о всеобщемъ разстройствѣ и броженіи умовъ, о всеобщихъ безпорядкахъ?

Неужели вы, г. Катковъ, въ самомъ дѣлѣ думаете, что народъ русскій слушается васъ, услышитъ васъ и повѣритъ вамъ? Неужели вы также думаете, что народъ русскій слушаетъ Гер-

цена и знаетъ его? неужели вы, г. Катковъ, такъ наивны и не понимаете, что народъ не знаетъ и не можетъ знать ни васъ, ни Герцена, ни тысячу другихъ господъ, будь они еще въ тысячу разъ умнѣе и вліятельнѣе Герцена и васъ? неужели вы, г. Катковъ, дѣйствительно такъ наивны и не знаете, что народъ нашъ глухъ и нѣмъ до всего того, что дѣлается въ высшихъ сферахъ нашего общества, что онъ не знаетъ и не хочетъ знать никого, что онъ не хочетъ и не можетъ интересоваться ничѣмъ, кромѣ своею землею, своею общиной, своими насущными потребностями, своимъ насущнымъ кускомъ хлѣба, своимъ настоящимъ днемъ, своей завѣтной чаркой водки, которою онъ промачиваетъ свое изсохшее горло и расправляетъ свои мощныя, но усталыя отъ повседневной работы силы?

Неужели вы дѣйствительно не знаете и не отъ кого не слышали, что народъ нашъ мало привыкъ заботиться даже и о своемъ завтрашнемъ днѣ? Гдѣ же ему послѣ этого знать васъ, г. Катковъ, васъ, г. Леонтьевъ, а тѣмъ болѣе Герцена, живущаго въ Англіи? и какое дѣло народу нашему знать, кто вы такой, г. Катковъ, кто вы такой, г. Леонтьевъ, а тѣмъ болѣе Герценъ, живущій внѣ его родины! и могутъ ли интересовать его вопросы —къ какому роду людей вы причисляете себя, г. Катковъ? Ему все равно: политико-экономистъ ли вы, или «неисправимый соціалистъ», умѣренный ли консерваторъ, или «кровавый реформаторъ», «созидающій ли вы дѣло» или разрушающій. Народу нашему, повторяемъ, все равно, и ему нѣтъ дѣла до васъ, онъ васъ не знаетъ, и вы его не знаете, онъ васъ знать не хочетъ и не можетъ, и вы, кажись, не давали себѣ труда узнать его. Ему подавай дѣло, а не одно пустое слово, котораго онъ не услышитъ и не пойметъ, потому что онъ безграмотенъ и ему никто не растолкуетъ. Онъ самъ не прочтетъ, и ему никто не прочтетъ... И онъ еще долго будетъ въ такомъ положеніи, въ такомъ невѣдѣніи, и успокойтесь, онъ не узнаетъ васъ, г. Катковъ, васъ, г. Леонтьевъ. Да оно, полагаемъ, лучше для васъ и для вашей репутаціи... Покамѣстъ онъ знаетъ только свою общину, свою землю, и только знакомъ съ своимъ мировымъ посредникомъ, съ волостнымъ старшиною и сельскимъ старостою; а прежде, въ прежнее beau vieux temps, вмѣсто нихъ зналъ становаго пристава и своего помѣщика, помѣщика и становаго пристава. А что послѣ будетъ знать —ему до этого нѣтъ дѣла,

онъ заботится только о сохраненіи своей общины, своей кровной и родной земли, и хлопочетъ добыть себѣ безбѣдно хлѣба и денегъ, чтобы заплатить своему Освободителю-Царю подати и земскіе оклады, и поставить очереднаго рекрута, котораго навѣрное проводитъ на царскую службу со слезами на глазахъ и съ родимой чарочкой въ рукахъ.

«Пишущій эти строки (выражаемся à la г. Катковъ) — самъ помѣщикъ (по нынѣшнему—землевладѣлецъ) и по нѣскольку лѣтъ сряду живалъ между народомъ, и очень хорошо знаетъ, что это за народъ, и какъ мало онъ знаетъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ—нетолько гдѣ нибудь въ Англіи, но и у него на родинѣ.

Какъ же послѣ этого и къ чему вы, г. Катковъ, всѣ эти ненужные вопросы о Герценѣ и петербургскихъ пожарахъ, о кровавыхъ реформаторахъ и революціонерахъ-агитаторахъ, соприкасаете такъ близко съ народомъ русскимъ? Вѣдь вы сами же говорите, что народъ русскій не сочувствуетъ имъ, а мы прибавимъ вамъ, что все это, если и дѣйствительно дѣлается, какъ вы говорите, то дѣлается помимо народа, внѣ его, и окончится, если не окончилось, помимо его и внѣ его. Народъ нашъ въ этомъ случаѣ можетъ играть роль посторонняго дилетанта, смотрящаго и зѣвающаго на всѣхъ и вся, но не принимающаго въ этомъ никакого участія. Вѣдь вы сами же говорите:

«Петербургское общество знаетъ, кому, между прочимъ, во время пожаровъ, приходилось прятаться отъ *раздраженнаго* народа за полицейскими служителями, кому приходилось мѣнять свое платье, чтобы выйдти безопасно на улицу.»

А, вотъ видите ли, народъ, по случаю пожаровъ, былъ *раздраженъ*, стало быть онъ имъ не сочувствовалъ, стало быть они дѣлались помимо его,—и вотъ причина, что народъ помогъ властямъ, помогъ правительству остановить *попытки* поджигателей и кровавыхъ реформаторовъ—и пожаръ прекращенъ, и опять все спокойно и тихо, какъ будто ничего и не было. И всегда такъ будетъ, прибавимъ мы; всегда, что бы не случилось, при первой бѣдѣ народъ первый явится на помощь—и всѣ попытки «кровавыхъ реформаторовъ» будутъ тщетны. И это все-таки потому, что это дѣлается помимо народа, внѣ его интересовъ, вслѣдствіе чего онъ имъ не можетъ сочувствовать. И вы крѣпко ошибаетесь, г. Катковъ, говоря:

«Что слѣдствіемъ этихъ попытокъ будетъ страшный рядъ по-

жаровъ, которые зажжетъ этотъ великанъ, ища ихъ же, своихъ самозванныхъ дѣтей, чтобы избить ихъ, и избивая вмѣстѣ съ ними все, что ни попадетъ ему подъ руку...»

Ничуть не бывало, вы крѣпко ошибаетесь, г. Катковъ, и просто не знаете своего народа и разсказываете объ немъ небылицы и небывалыя сказки, вычитанныя вѣроятно вами изъ сказокъ же покойной вашей нянюшки.

Народъ нашъ не такъ нелѣпъ, какъ вы думаете, и здравый смыслъ его еще не потерянъ. Онъ всегда, ради собственныхъ интересовъ, будетъ, какъ мы уже сказали, противъ подобныхъ нелѣпыхъ попытокъ; первый при случаѣ явится на помощь и возстановитъ должный порядокъ. И также посмѣется надъ «самозванными, какъ вы говорите, дѣтьми своими», какъ смѣялся на площади надъ Обручевымъ, при совершеніи надъ нимъ казни.

Вспомните также, съ какимъ смѣхомъ и отвращеніемъ во всѣхъ кружкахъ была встрѣчена нелѣпая и пошлая прокламація «Молодая Россія».

Съ какой же стати вы, г. Катковъ, силитесь доказать, что Герценъ, сидя въ Лондонѣ, да еще, какъ вы выражаетесь, «за спиною полисмена», можетъ и хочетъ *раздразнить* русскій народъ?

Что за пошлая клевета на свой народъ, что за невѣжественное и явное непониманіе и незнаніе своего народа!!..

«Ну, а если удастся, говорите вы, г. Катковъ, наконецъ раздразнить этотъ народъ, которымъ они шутятъ, если наконецъ поднимется этотъ великанъ...»

Вотъ къ какому отводу прибѣгаетъ г. Катковъ; вотъ къ какому злонамѣренному обману онъ рѣшился приступить. У него святотатственная рука поднялась на то, чтобы сдѣлать изъ своего народа, изъ этого *великана*, раскинувшагося на десятки тысячъ верстъ, сдѣлать изъ него глупую и дурацкую штуку, которую всякій по щучьему велѣнію и своему хотѣнію можетъ *раздразнить*, *поднять* и ввергнуть въ какой-то омутъ, въ какое-то гигантское кровопусканіе.

Да полноте, г. Катковъ, вы просто шутки шутите и смѣетесь надъ всѣми и вся. Ну, попробуйте-ка *раздразнить* этотъ народъ, этого *великана*, покажите-ка намъ ваше искуство. Вѣдь вамъ это легче было бы сдѣлать (мы не говоримъ, что вы это захотите сдѣлать), нежели Герцену; вѣдь вы живете въ Россіи, да

еще въ самомъ центрѣ ея—въ Москвѣ-матушкѣ, а онъ себѣ поживаетъ въ Лондонѣ, да еще *за спиною полисмена*.

Ну-ка, покажите намъ вашъ куншткъ и не олицетворится-ли этимъ кунштюкомъ басня Крылова—Слонъ и моська! Вы вѣроятно вотъ и не думали съ начала нашей статьи, что взятое нами вмѣсто эпиграфа троестишіе изъ этой басни такъ кстати и въ пору придутся къ вамъ, г. Катковъ?

Скажите сами и будьте вы сами судьею, г. Катковъ. Не настоящая-ли тотъ крыловская *моська*, кто захочетъ, какъ вы говорите, *раздразнить* и лаять изъ-подъ угла на этого *великана*, на этого слона своего?

Да, г. Катковъ, скажемъ мы вамъ (и совѣтуемъ вамъ, вмѣсто всякихъ вашихъ прежнихъ и ненужныхъ разглагольствованій, сказать то-же самое Герцену, если вы дѣйствительно считаете его за моську, лающую и дразнящую идущаго себѣ тихо *впередъ* слона....):

«Сосѣдка, перестань сражаться,
....«Тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»

—

Нѣтъ, скажемъ мы въ заключеніе, не раздразнить русскаго народа ни кому. Не такъ легокъ онъ на подъемъ, чтобы можно было его *раздразнить* дѣломъ, творящимся внѣ его и помимо его. Не было бы у него завѣтной «воли», свободы, не имѣй онъ земли, не имѣй онъ общины, отъ которой не оторвать его никому, не имѣй онъ самоуправленія, не имѣй онъ правосудія, не имѣй хлѣба, денегъ,—вотъ тогда пожалуй *раздразнить* его всякій и поднимет на ноги. А до-тѣхъ-поръ не поднять его ни кому, будь онъ семи пядей во лбу. Да и какъ поднять этого *великана-спячку*! Одна собственная нужда можетъ поднять его, собственное его горе скорѣе всего подѣйствуетъ на него. Нѣтъ этой нужды, нѣтъ этого горя, стало-быть и *раздразнить* его не кому.

Повторяемъ, *поднять* народъ русскій на ноги можетъ только собственное его дѣло, а не пустыя слова и нелѣпыя проклама-ціи, которыя до него не доходятъ и не могутъ дойти.

Такъ-то, г. Катковъ, и такъ-то вы безцеремонно прогулялись на счетъ любимаго вами народа. Жалкій-же вы послѣ этого любовникъ своего народа и жалкія-же ваши любовныя похожденія насчетъ его безопасности и спокойствія. Грустно за васъ, а еще грустнѣе за вашу публику, представителемъ которой вы себя считаете.

Мы не удивляемся, послѣ всего нами сказаннаго въ опроверженіе г. Каткову, что онъ считаетъ Герцена какимъ-то русскимъ Мадзини или Кошутомъ. Конечно, онъ считаетъ его и называетъ Герцена этими именами довольно игриво и насмѣшливо, но все-таки называетъ...

«Мадзини—представитель Италіи; ему (т. е. Герцену) надобно сдѣлаться представителемъ Россіи, говоритъ г. Катковъ....»

Къ чему и для какой цѣли вы прибѣгаете, г. Катковъ, къ такимъ непозволительнымъ замашкамъ и къ такимъ недобросовѣстнымъ литературнымъ пріемамъ? Вы сами же говорите и очень хорошо доказываете, что нетолько Герценъ, но и никто другой на его мѣстѣ не можетъ быть для Россіи тѣмъ, чѣмъ были Мадзини и Кошутъ, каждый для своей родины. Вы сами очень хорошо знаете, что никто изъ русскихъ не можетъ быть представителемъ *революціи* въ Россіи на тѣхъ основаніяхъ, какими были Мадзини и Кошутъ, каждый для своего народа. Вы сами же говорите, что

«Родина наша не раздѣлена и не находится подъ иноземнымъ политическимъ игомъ; тяжкая и трудная исторія создала ее великимъ цѣльнымъ организмомъ...»

Стало-быть, вы сами видите, г. Катковъ, какіе же могутъ быть у насъ русскіе Мадзини или Кошуты—эти политическіе дѣятели, эти политическіе агитаторы и *выходцы*, какъ вы ихъ называете, на знамени которыхъ написано было: *Богъ и народъ*, во имя чего и съ помощью революціонныхъ началъ, революціонныхъ стремленій, они добивались государственнаго единства и государственнаго освобожденія отъ тяжкаго политическаго гнета и иноземнаго ига? Вслѣдствіе же чего могли бы у насъ быть такія потребности и такіе политическіе дѣятели?

И вотъ почему, какъ то странно, какъ то неловко, что вы, г. Катковъ, позволяете себѣ даже и въ шутку, даже и игривымъ и насмѣшливымъ тономъ называть Герцена именами этихъ народныхъ *освободителей* отъ иноземнаго политическаго гнета.

Конечно, и мало ли что бываетъ, шутить можно со всякимъ, всѣмъ и все (?), насмѣхаться также можно надъ всякимъ и надъ всѣмъ, чѣмъ попало. И не потому ли и надъ вами, г. Катковъ, кто то позволилъ себѣ посмѣяться и подшутить, открывъ намъ ваше тайное желаніе быть для Россіи тѣмъ, чѣмъ былъ въ свое время Гизо для Франціи? И дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли вы, г. Катковъ, имѣете тайное намѣреніе играть въ Россіи ту же роль, какую игралъ Гизо въ своемъ отечествѣ? или это можетъ быть только такая же грубая, неловкая шутка и насмѣшка надъ вами милѣйшаго вашего оппонента, какую вы позволили себѣ употребить въ отношеніи непріятеля своего — Герцена?...

Но можетъ быть вы, г. Катковъ, прибѣгли къ такой игривой манерѣ объясняться съ публикой только для того, чтобы еще яснѣе показать, что Герценъ, съ своею пропагандой, вовсе не опирается на русскій народъ и не стоитъ за него, подобно тому, какъ Мадзини и Кошутъ стояли каждый за свой народъ?

Не говоря уже о томъ, что это и не требуетъ доказательства, что мы это и безъ васъ, г. Катковъ, хорошо понимаемъ нелѣпость и немыслимость у насъ, благодаря нашему политическому и вполнѣ завидному положенію, русскихъ Мадзини и Кошутовъ.... Не говоря уже объ этомъ, мы только спросимъ васъ къ слову, какъ бы это вы, г. Катковъ, будучи на мѣстѣ Герцена, опирались бы на свой народъ, который, прибавимъ отъ себя, не знаетъ васъ по своему положенію и не зналъ бы васъ точно такъ же, какъ и не знаетъ Герцена? И какъ это вы, г. Катковъ, живя въ Россіи и сидя въ Москвѣ, опираетесь на русскій народъ и стоите за него? Объясните это, ради Бога, намъ, г. Катковъ... И дѣйствительно ли вы, проводя свои политико-экономическія, свои англо-саксонскія и вполнѣ прогрессивныя идеи, говорите языкомъ русскаго народа, который, между нами будь сказано, дальше своей бороны и сохи и вполнѣ національнаго кабачка ничего не знаетъ?

Мы понимаемъ, что стоять за свой народъ и опираться на него въ дѣлѣ литературы, можно только въ такомъ случаѣ, если говоришь одну *правду* и, понимая потребности и нужды своего народа, своей родины, высказываешь ихъ открыто, честно и безъ всякой задней мысли. Если вы, г. Катковъ, говорите *правду*, и если вы, положа руку на сердце, можете сознаться, что вполнѣ

и безошибочно понимаете эти потребности и нужды любимаго вами народа, и если при всемъ этомъ, вы высказываетесь вполнѣ честно и открыто, не утаивая ничего, ни одной вашей сокровенной мысли, то вы можете смѣло заявить своей родинѣ, что опираетесь единственно на свой народъ и горою стоите за него...

Въ такомъ случаѣ, вамъ, г. Катковъ, — и книги въ руки...

. . . . . .

. . . . . .

Этимъ бы мы и окончили нашу статью, если бы не еще одно обстоятельство. Всякій, кажется, могъ бы изъ словъ нашихъ замѣтить, что мы ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не защищали передъ г. Катковымъ личности Герцена, его пропаганды и литературной дѣятельности. Да это, какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, и не наше дѣло, не наша профессія защищать кого бы то ни было. Мы хотѣли только защитить одну *литературную* истину, которой мы взялись служить одинаково со всѣми журналистами русскими и вмѣстѣ съ г. Катковымъ, и ради которой, сей послѣдній написалъ свою «Замѣтку для издателя Колокола». На основаніи этого мы хотѣли только показать, что г. Катковъ удалился въ этой своей «Замѣткѣ» отъ литературной истины, и увлекшись своими домашними, ни до кого некасающимися дѣлами съ Герценомъ, непрошено втащилъ имя его въ русскую журналистику, вмѣшалъ и сдѣлалъ соприкосновеннымъ личность Герцена съ настоящими общественными нашими вопросами, которые притомъ самъ г. Катковъ несовсѣмъ то понимаетъ и злоумышленно искажаетъ, путаетъ, и мѣшаетъ только общему дѣлу. Потомъ мы хотѣли показать, что если нужно было почему то втащить въ настоящее время имя Герцена въ печать, и если нужно было опровергнуть его, тайную для насъ, пропаганду, офиціально незнакомую русской публикѣ, и если взялся за это дѣло г. Катковъ, то онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это ловко и фактически доказать нелѣпость этой пропаганды. Мы хотѣли показать также, что неловкіе и неблаговидные пріемы г. Каткова не помогаютъ, а еще болѣе вредятъ дѣлу, потому что на каждомъ шагу въ его «Замѣткѣ» встрѣчаешь только путаницу и безсвязность его мыслей, на каждомъ шагу читаешь между строками пробѣлы, изъ которыхъ публика выводитъ заключенія еще, можетъ быть, болѣе вредныя, чѣмъ самая пропаганда Герцена—пропаганда, которая для офиціаль-

ной русской публики покрыта тайной и мракомъ неизвѣстности. Мы хотѣли показать также, что, вводя имя Герцена въ русскую журналистику, не слѣдовало тѣмъ болѣе соприкасать его личность съ недавними грустными событіями, съ нелѣпыми прокламаціями, въ родѣ «Молодая Россія», и съ петербургскими пожарами. Мы хотѣли показать, что, говоря о Герценѣ, какъ о вредномъ и тайномъ для русской публики публицистѣ, говоря о немъ такъ, какъ говорилъ г. Катковъ, не слѣдовало вооружаться голой и голословной бранью, которая также вредно дѣйствуетъ на массу, и которая, ничего не доказывая, еще болѣе портитъ дѣло, за которое взялся и съ которымъ не могъ сладить г. Катковъ. Мы хотѣли, наконецъ, показать, что, говоря о Герценѣ, не слѣдуетъ ставить его на ходули, которыхъ онъ и самъ себѣ не дѣлалъ, говоря о немъ, не слѣдуетъ тѣмъ болѣе говорить о какихъ то у насъ «народныхъ возстаніяхъ» и «кровавыхъ реформахъ», потому что не только Герценъ, живущій въ Лондонѣ, но и тысячу самихъ гг. Катковыхъ не подымутъ русскаго народа, который, по своей натурѣ, по своимъ физическимъ и нравственнымъ свойствамъ, не можетъ сочувствовать и понять ихъ.

Не люди, говорили мы, подымаютъ народъ, а его собственное дѣло, его собственная нужда, его собственная потребность.

А есть ли у русскаго народа эта собственная нужда, эта собственная потребность?.. Другое дѣло народы порабощенные, какъ итальянцы, венгры и наши западные славяне, несущіе на себѣ ярмо рабства, внѣшняго ига, внѣшняго гнета... А несетъ ли на себѣ нашъ народъ этотъ внѣшній, всегубительный гнетъ?..

Вотъ все, что мы говорили и хотѣли показать г. Каткову, и вотъ вопросы, по поводу которыхъ мы и вели съ нимъ рѣчь, вопросы, отъ которыхъ удалился г. Катковъ и исказилъ ихъ, — и исказилъ еще болѣе литературную истину, ради которой только онъ вѣроятно и принялся за свою «Замѣтку для издателя Колокола».

Прибавимъ ко всему этому, что мы на каждомъ шагу ловили г. Каткова во лжи и въ умышленномъ искаженіи фактовъ, — и это тѣмъ хуже для г. Каткова именно въ настоящемъ случаѣ, потому что онъ взялся за дѣло, которое, какъ онъ самъ знаетъ, не такъ то легко исполнить, чтобы заслужить и, какъ онъ самъ выразился, «*имѣть право на имя честнаго человѣка и публициста*».

*

Всякое искаженіе фактовъ въ такомъ дѣйствительно нелегкомъ дѣлѣ влечетъ за собою гибель послѣдствій, самыхъ непріятныхъ, худыхъ и можетъ быть даже вредныхъ, а тѣмъ болѣе, — и мы не говоримъ уже объ этомъ,—что, какъ выразилась «Сѣверная пчела» въ 212 №, *полемика будетъ весьма непріятною и невыгодною для репутаціи московскаго журнала, бросившаго перчатку журналу лондонскому*».

Поэтому, чтобы дѣйствительно достигнуть цѣли и чтобы полемика дѣйствительно была выгодною для *репутаціи* г. Каткова, надо было, по крайней мѣрѣ, *называть все своимъ именемъ* и не увлекаться игривой фантазіей, какъ это продѣлалъ г. Катковъ въ своей послѣдней «Замѣткѣ».

Въ такомъ случаѣ и при такой, по крайней мѣрѣ, наглядной правдѣ и справедливости, возможно ли допускать такіе парадоксы, какіе на каждомъ шагу безсвязно строилъ г. Катковъ? возможно ли, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно и фактически доказать, какъ хотѣлъ г. Катковъ, вредъ и несостоятельность литературной дѣятельности Герцена, вмѣсто этого, придавать Герцену то значеніе, какимъ онъ, вѣроятно, самъ не хочетъ и не можетъ по своей дѣятельности пользоваться? и къ чему называть его «революціонеромъ-агитаторомъ», «кровавымъ реформаторомъ» и дѣлать его главою всѣхъ этихъ господъ, тогда какъ онъ простой смертный *публицистъ*—публицистъ, можетъ быть, вредный и опасный, какъ говоритъ г. Катковъ, «*при движеніи общественнаго организма, сопровождающагося броженіемъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ*», но публицистъ, который неможетъ быть по своему положенію «*революціонеромъ-агитаторомъ*» и «*кровавымъ реформаторомъ*» Россіи?

Да и можетъ ли быть вообще публицистъ, какой бы онъ ни былъ и какъ бы его идеи не были опасны, можетъ ли онъ быть «кровавымъ реформаторомъ», если онъ только *публицистъ* и *литературный дѣятель*?

Вы вѣроятно знаете, г. Катковъ, мнѣніе одного изъ противниковъ вашихъ, артистовъ-революціонеровъ. Вотъ это мнѣніе:

«На нашихъ глазахъ, говоритъ знакомый вамъ писатель, переродился Піэмонтъ. Въ концѣ 1847 года управленіе его было іезуитское инквизиторское, безъ всякой гласности, что убивало всякую умственную дѣятельность. Прошло десять лѣтъ и Піэмонта нельзя узнать, физіономія городовъ, народонаселеніе

измѣнилось, вездѣ новая, удвоенная жизнь, открытый видъ, дѣятельность; а вѣдь эта революція была безъ малѣйшихъ толчковъ, для этой перемѣны достаточно было одной *несчастной войны и ряда уступокъ общественному мнѣнію*...

«Артисты-революціонеры не любятъ этого пути, мы это знаемъ; но намъ до этого дѣла нѣтъ, мы просто люди, глубоко убѣжденные и *отъ души предпочитающіе путь мирный*, человѣческаго развитія—*пути развитія кроваваго*...»

Вотъ видите-ли, г. Катковъ, мы вамъ приводимъ факты. Ну вотъ и вы приведите намъ съ своей стороны фактъ и доказательство *алчности* и *кровожадности* Герцена. Только такимъ путемъ и можно достигнуть, что имя Герцена, какъ вы говорите, сотрется съ лица земли и что его вредное вліяніе нетолько уменьшится, но и уничтожится. Въ этомъ случаѣ и мы скажемъ вмѣстѣ съ «Сѣверной Пчелой» № 212-й:

«Будемъ вѣрить, что лица, которымъ подчинена русская пресса, не откажутъ редакторамъ «*Русскаго Вѣстника*» въ возможности отстаивать свои убѣжденія такъ-же самостоятельно, какъ *Колоколъ* дѣлаетъ свои возраженія нашей смирительной литературѣ.»

Будемъ вѣрить и надѣяться, прибавимъ мы отъ себя, а дотѣхъ-поръ вы, г. Катковъ, и по другимъ вопросамъ наберите побольше фактовъ и докажите намъ, что Герценъ дѣйствительно «*ничего не сказалъ въ свою жизнь путнаго ни по какимъ вопросамъ, которые у насъ совершались и возникали—ни даже по крестьянскому вопросу, самому капитальному и самому трудному*», какъ вы изволили добавить отъ себя, г. Катковъ.

Вотъ мы тогда скажемъ вамъ большое спасибо, г. Катковъ; мы будемъ вамъ очень благодарны и даже позволяемъ себѣ надѣяться, что имя ваше не забудется въ исторіи русской литературы, которой вы служили честно и безупречно, служили дѣлу, а не личностямъ, стремились къ истинѣ и удалялись отъ лживой ереси.

Въ заключеніе нашей статьи, скажемъ лично вамъ, г. Катковъ, еще два слова по поводу вашей «Замѣтки». И скажемъ вамъ вотъ по какому случаю.

На второй страницѣ вашей «Замѣтки» вы слѣдующимъ образомъ стараетесь объяснить публикѣ ея значеніе и ея благовидную цѣль.

«Мы говорили, пишете вы, г. Катковъ, о дѣлѣ *открытомъ*; мы имѣли въ виду его *публичную* дѣятельность, которая ни для кого *не тайна*.»

Въ томъ-то и дѣло, г. Катковъ, что на этой фальши и явной лжи основана вся ваша «Замѣтка», вся ваша путаница и безсвязность мыслей и рѣчей, все ваше заклинаніе и обращеніе къ русской публикѣ, весь вашъ ненужный и театральный вызовъ тѣни Герцена передъ лицо офиціальной вашей публики. Вы не могли, какъ неправильно выражаетесь, *говорить о дѣлѣ открытомъ* уже потому, что личность и дѣятельность Герцена покрыта для русской публики офиціальнымъ мракомъ неизвѣстности. Вы не могли тѣмъ-болѣе *имѣть въ виду публичную дѣятельность Герцена, которая* для русской публики дѣйствительно составляетъ *офиціальную и положительную тайну*. Порядочный-же и вполнѣ честный человѣкъ, а тѣмъ-болѣе писатель, не позволитъ себѣ такъ безцеремонно и безнаказано нарушать общественное приличіе, не позволитъ себѣ *«съ ловкостью почти военнаго человѣка»* подымать покрывало и заглядывать въ душевную и сердечную тайну, составляющую офиціальное *инкогнито*, нетолько цѣлаго офиціальнаго общества, но и отдѣльнаго человѣка.

Вы нарушили это общественное приличіе, и нарушили съ полнымъ сознаніемъ своего поступка,—и вотъ почему мы позволили себѣ говорить съ вами языкомъ, который употребляется вообще и только съ людьми *извѣстнаго покроя, извѣстнаго закала*, съ людьми, безцеремонно и сознательно нарушающими общественное приличіе.

Но при этомъ замѣтьте все-таки, что, говоря съ вами и такимъ, вполнѣ непринужденнымъ и развязнымъ языкомъ, мы внѣ вашего собственнаго желанія, внѣ вашего собственнаго дѣла, не позволили себѣ также безцеремонно заглядывать въ вашу собственную душу, въ вашъ собственный карманъ, какъ это вы изволили продѣлать съ офиціальной русской публикой, ради пользы которой вы и взялись только за это полезное и благородное дѣло.

Принося вамъ искреннюю благодарность и признательность за подобныя ваши благія стремленія, мы позволимъ себѣ подать вамъ добрый совѣтъ, который потрудитесь, г. Катковъ, принять къ своему вполнѣ благородному сердцу, принять настолько,

насколько это ваше чистое сердце стремится къ *общему благу*, къ *общему дѣлу*.

Совѣтъ этотъ нашъ вытекаетъ изъ слѣдующаго источника, изъ слѣдующихъ словъ вашихъ, г. Катковъ.

«Итакъ, онъ (т. е. Герценъ) умываетъ руки и объявляетъ, что онъ ничему не причастенъ, что его дѣло сторона, и что мы написали извѣтъ на него, донесъ въ III-е отдѣленіе»....

«Онъ ничему не причастенъ, продолжаете вы, г. Катковъ, онъ никого не подущаетъ!... Да что-же онъ дѣлаетъ въ своихъ лондонскихъ листкахъ? что-же онъ дѣлаетъ, какъ не агитацію, самую поджигательную? Онъ забылъ, что его писанія расходятся по свѣту, что самъ-же онъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію ихъ, что они какъ запрещенная вещь читаются съ жадностью, и какъ запрещенная вещь не встрѣчаютъ себѣ никакого отпора въ беззащитныхъ, незрѣлыхъ и разстроенныхъ умахъ, и увлекаютъ ихъ къ подражанію,—и эти люди дѣлаютъ у себя на родинѣ то самое, что дѣлаетъ онъ въ Лондонѣ»....

Пріймите-же, г. Катковъ, нашъ добрый и сердечный совѣтъ, пріймите, — и если вы дѣйствительно заботитесь объ этихъ *беззащитныхъ*, *незрѣлыхъ* и *разстроенныхъ умахъ*, *увлекающихся подражаніемъ* Герцену,—и если вы дѣйствительно считаете Герцена вреднымъ и опаснымъ *агитаторомъ* и *поджигателемъ*, если вы дѣйствительно знаете, что Герценъ *самъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію своихъ листковъ въ Россіи*, то дѣлайте съ своей стороны прямо и открыто то, что долженъ дѣлать всякій добрый человѣкъ на вашемъ мѣстѣ, г. Катковъ.

Дѣлайте то, что всякій другой честный гражданинъ, пламенно любящій свою родину, долженъ дѣлать на вашемъ мѣстѣ, сознавая *извѣстное зло*, *извѣстный вредъ*. Дѣлайте и помогайте, какъ вполнѣ честный и пламенно-любящій свою родину гражданинъ, помогайте правительству не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, *предупреждать* извѣстное зло, извѣстный вредъ, предупреждать губительное герценовское вліяніе на русскую публику, предупреждать его дѣятельное распространеніе своихъ листковъ въ Россіи. Помогайте правительству въ этомъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ.

Буде же вы не умѣете, не знаете и не имѣете подъ руками средствъ быть дѣйствительно не на словахъ, а на дѣлѣ участ-

кова *по убѣжденію*, начиная съ «Домашней бесѣды» и кончая «Сѣверной пчелой», они могутъ, если не побрезгаютъ только, принять слова наши и на свой счетъ. Всѣ они, по нашимъ понятіямъ, съ большимъ или меньшимъ оттѣнкомъ, подходятъ къ одному знаменателю, и ко всѣмъ имъ въ настоящемъ случаѣ примѣнимъ приведенный нами въ началѣ статьи эпиграфъ. И какъ говаривалъ Скалозубъ: «по моему сужденію, пожаръ способствовалъ имъ много къ украшенію.

13.

Нѣсколько соображеній относительно замѣтки г. Каткова для издателя «Колокола».

Говорятъ, что лѣто есть время затишья въ литературѣ; повидимому, это было справедливо для временъ давно прошедшихъ, а теперь дѣло какъ будто перемѣнилось. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ это время носитъ названіе каникулъ; лѣтніе нумера газетъ больше, нежели какіе нибудь другіе, переполнены извѣстіями о несчастіяхъ, имѣющихъ свой исключительный источникъ въ характерѣ времени года. На нашу литературу лѣтніе жары, повидимому, тоже не остаются безъ вліянія: въ прошломъ году, лѣтомъ, г. Чернышевскій подарилъ публику своими полемическими красотами; теперь г. Катковъ написалъ свою замѣтку для издателя «Колокола», которая тоже, какъ и полемическія красоты, прошла не безслѣдно. Впечатлѣніе ея было очень сильно, какъ по новости матеріи, такъ и по способу, которымъ г. Катковъ третировалъ ее. Какъ отнеслись къ замѣткѣ г. Каткова, и публика и литература, это читатели замѣтили вѣроятно лучше, нежели мы; въ литературѣ одни прошли ее мрачнымъ молчаніемъ, другіе были отъ нея въ восторгѣ (Н. Ф. Павловъ), наконецъ нѣкоторые высказали г. Каткову свое неодобреніе.

Мы считаемъ замѣтку г. Каткова явленіемъ очень важнымъ въ русской литературѣ и постараемся уяснить себѣ то впечатлѣніе, которое она произвела на насъ. Мы постараемся сохранить въ этомъ дѣлѣ возможное безпристрастіе, постараемся въ полемикѣ между г. Катковымъ и г. Герценомъ строго отдѣлить то, что относится къ полемикѣ, отъ всего посторонняго. Иначе, въ этой полемикѣ г. Катковъ, равно какъ и всякій другой, будетъ имѣть неизмѣримое превосходство шансовъ, сравнительно съ г. Герценомъ. А въ то время, когда въ литературѣ начинается подобная полемика, которая очевидно имѣетъ въ виду принести пользу, а не вредъ, всякое превосходство шансовъ, всякое преимущество должно быть отстранено съ какой бы то ни было стороны: иначе могутъ быть послѣдствія весьма несправедливыя, иначе симпатія читателей заранѣе расположится такъ, что, собственно говоря, ни въ какой полемикѣ не будетъ и надобности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто таковы г. Катковъ и г. Герценъ?—Послужной списокъ г. Каткова, безъ сомнѣнія, не имѣетъ на себѣ никакихъ пятенъ. А послужной списокъ г. Герцена? Вѣдь г. Герценъ имѣетъ тоже свой послужной списокъ; онъ тоже служилъ и дослужился до надворнаго совѣтника. А послѣ того онъ занялся дѣятельностію, которая, если бы попала въ его послужной списокъ, то вѣроятно за нее онъ слѣдующаго чина не получилъ бы. Теперь русской публикѣ извѣстно, и мы стало быть скажемъ не новость, что г. Герценъ есть русскій эмигрантъ, который издаетъ въ Лондонѣ ежемѣсячный журналъ «Колоколъ». Это ставитъ его совершенно въ особенное положеніе сравнительно съ г. Катковымъ, и это даетъ совершенно особенное основаніе для симпатіи или антипатіи къ нему со стороны читателей. Въ самомъ дѣлѣ, только на этомъ основаніи одна часть публики не захочетъ слышать отъ него никакихъ резоновъ и безъ всякихъ толковъ произнесетъ надъ нимъ свое осужденіе; а другая будетъ видѣть въ немъ политическаго мученика и всякое слово его приметъ на вѣру и съ сочувствіемъ. Къ г. Каткову обѣ стороны отнесутся совершенно обратно, а это и будетъ такой результатъ, котораго нужно опасаться въ самой высшей степени. Избѣгнуть его можно только однимъ путемъ: нужно совершенно забыть то, что г. Герценъ эмигрантъ; нужно, чтобы литература могла относиться къ нему совершенно свободно и безпристрастно. Будучи политическимъ réfugié онъ подлежитъ

извѣстнымъ уголовнымъ законамъ; но тѣмъ дѣло надобно и ограничить. Когда же дѣло дойдетъ до литературнаго обсужденія его убѣжденій и тенденцій, нужно подвергнуть ихъ строгой критикѣ, то есть такой, которая имѣла бы возможность находить въ нихъ какъ недостатки, нелѣпости и безнравственности, такъ и правду; иначе одна часть публики будетъ продолжать безпрекословно вѣрить каждому его слову. Если же убѣжденія такого рода, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды и добра, то свободная критика сдѣлаетъ свое дѣло: она выведетъ ихъ наружу въ истинномъ свѣтѣ. Вообще, дѣло представляется въ такомъ видѣ, что о г. Герценѣ нужно или ничего не говорить, или говорить все—и pro и contra.

Мы говоримъ все не потому, чтобы имѣли намѣреніе непремѣнно защищать г. Герцена и его ученіе; дальше мы укажемъ на тѣ пункты, въ которыхъ онъ былъ очень неправъ. Мы имѣемъ на это совсѣмъ другія причины. Будучи эмигрантомъ и подлежа дѣйствію извѣстныхъ статей закона, г. Герценъ все-таки не сумасшедшій и не бѣшенный человѣкъ. Есть пункты, въ которыхъ онъ и правъ, есть пункты, и очень важные, въ которыхъ мы съ нимъ вполнѣ согласны и въ которыхъ согласна съ нимъ почти вся литература и здравомыслящая часть русскаго общества. Такимъ образомъ, говоря о Герценѣ и имѣя право въ его ученіи находить не одно дурное, мы отстаиваемъ самихъ себя, наше собственное убѣжденіе и стремленіе; а находя въ немъ одно худое, мы тѣмъ самымъ осудимъ себя и всю литературу и всю здравомыслящую часть общества. И было бы слишкомъ странно, если бы цѣлое общество было принуждено отказываться отъ самыхъ завѣтныхъ убѣжденій, отъ самыхъ святыхъ стремленій потому только, что ихъ раздѣляютъ съ ними эмигранты, люди, подходящіе подъ извѣстныя статьи карательныхъ законовъ.

Есть и другая причина, по которой мнѣнія г. Герцена, подвергнувшись одинъ разъ осужденію, тѣмъ самымъ получаютъ уже право и на оправданіе. Въ образованномъ государствѣ не можетъ быть такого преступника, который бы былъ лишенъ права защиты; и между преступниками есть разныя степени, вслѣдствіе чего однимъ изъ нихъ рубятъ головы, другихъ ссылаютъ въ каторжныя работы, а нѣкоторыхъ только держатъ, въ продолженіе извѣстнаго времени, въ смирительномъ домѣ. Правосу-

діе занимается разборомъ между ними; а когда преступленіе представляется на судъ общественнаго мнѣнія, то общественное мнѣніе и должно опредѣлить степень его; и въ этомъ случаѣ очевидно, недостаточно затвердить одно, что преступникъ есть преступникъ, а нужно показать, что́ въ немъ есть преступное и что̀ непреступное. Такимъ образомъ, и съ этой стороны оказывается, что мнѣнія г. Герцена всѣ за одинъ разъ осуждать нельзя.

Кромѣ того, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Кромѣ г. Герцена мы имѣемъ и другихъ эмигрантовъ, и другихъ людей, которые подверглись осужденію и наказанію за политическія преступленія и уже тѣмъ самымъ становятся къ публикѣ въ то самое отношеніе, въ какомъ находится къ ней г. Герценъ, то есть пріобрѣтаютъ антипатію со стороны однихъ, и симпатію со стороны другихъ. Надобно прибавить, что въ такихъ случаяхъ симпатія идетъ обыкновенно со стороны молодаго поколѣнія, котораго убѣжденія и чувства сто́ятъ особеннаго вниманія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны литературы. И въ такихъ случаяхъ, симпатія дѣлаетъ то, что всякое мнѣніе человѣка осужденнаго принимается съ полною вѣрою. Результаты мотутъ быть изъ самыхъ несчастныхъ. Политическому осужденію можетъ подвергнуться человѣкъ, котораго и политическія и общественныя убѣжденія заключаютъ въ себѣ элементы безнравственные и вредные для общественнаго развитія. Если литература не будетъ имѣть права относиться къ мнѣніямъ и даже дѣйствіямъ такихъ людей совершенно свободно, то она не будетъ имѣть и возможности противодѣйствовать вредному вліянію ихъ сочиненій, въ особенности на молодое поколѣніе. Ни одинъ литераторъ, если онъ хоть сколько нибудь уважаетъ себя, не выскажетъ ни одного слова осужденія противъ убѣжденій такихъ людей, если онъ не будетъ имѣть права въ то же самое время высказать свое сочувствіе другимъ убѣжденіямъ этихъ же самыхъ людей; и вліяніе вредныхъ ученій на молодое поколѣніе останется безо всякаго противодѣйствія; вредныя ученія будутъ распространяться и умножаться. Такимъ образомъ, невозможность сказать слово сочувствія убѣжденіямъ эмигрантовъ и вообще политическихъ преступниковъ будетъ имѣть результатомъ именно то, чего боятся, то есть сочувствіе къ ихъ убѣжденіямъ будетъ рости и притомъ безъ всякаго разбора, не

къ тому только, что́ въ нихъ есть дѣйствительно хорошаго, а ко всему вообще, и къ тому, что́ въ нихъ есть дурнаго, безнравственнаго и вреднаго.

Если мы не будемъ имѣть права въ ученіи г. Герцена отличать истинное отъ ложнаго, то намъ нечего говорить о замѣткѣ г. Каткова; въ такомъ случаѣ г. Катковъ, безъ сомнѣнія, на всѣхъ пунктахъ окажется правъ. Но зато на взглядъ другихъ людей, въ такомъ случаѣ, онъ будетъ неправъ рѣшительно ни въ чемъ; въ такомъ случаѣ во многихъ замѣткахъ г. Катковъ только подогрѣваетъ вѣру въ каждое слово г. Герцена. Но этому то и долженъ противодѣйствовать всякій здравомыслящій человѣкъ. Кто бы ни былъ г. Герценъ, пусть онъ первый философъ въ мірѣ, первый публицистъ и первый моралистъ, во всякомъ случаѣ намъ нужно не религіозное довѣріе къ его словамъ, не признаніе въ немъ безошибочности пророка. Для нашей публики, и въ особенности для молодаго поколѣнія, нужны писатели, которые бы возбуждали дѣятельность мыслей, а не противодѣйствовали ей своимъ авторитетомъ. Но при несвободныхъ отношеніяхъ литературы къ г. Герцену или къ кому бы то ни было другому пишущему въ Россіи, или за-границей, именно такое отношеніе и образуется къ этимъ людямъ въ значительной массѣ молодаго поколѣнія.

Впрочемъ, какъ изъ самаго дѣла видно, такой именно взглядъ и имѣлъ на г. Герцена и его дѣятельность г. Катковъ. Онъ не смотрѣлъ на своего противника, какъ на человѣка, который безъ дальняго разбора заслуживаетъ экскоммуникаціи и проклятія во всѣхъ членахъ, съ головы до ногъ. Въ такомъ случаѣ г. Каткову можно было сдѣлать только одно — онъ могъ сказать г. Герцену: вы преступникъ, надъ вами тяготѣютъ тѣ или другія преступленія, такъ вы молчите, не смѣйте поднимать голоса; мы осуждаемъ все, что́ вы ни скажете, уже по тому одному, что вы смѣете говорить. Дѣйствительно, можно и такъ относиться къ г. Герцену; и прежнее молчаніе о немъ литературы именно происходило изъ такого взгляда на него самого и на его дѣятельность. И теперь всѣ увѣряютъ, между прочимъ и г. Катковъ, что изъ такого отношенія произошелъ тотъ результатъ, что для значительной массы нашего молодаго поколѣнія, голосъ г. Герцена былъ безгрѣшнымъ голосомъ пророка. Замѣтка г. Каткова составляетъ поворотъ въ отношеніяхъ русской публи-

ки къ г. Герцену, равно какъ и къ другимъ политическимъ дѣятелямъ; въ ней нѣтъ абсолютнаго осужденія; въ ней уже критика и обсужденіе. И не ко всему, что̀ есть въ дѣятельности г. Герцена, одинаково строго относится г. Катковъ: одно онъ считаетъ помѣшательствомъ, въ другомъ онъ видитъ безчестное дѣло, а третье, печатаніе документовъ, присылаемыхъ изъ Россіи, онъ даже совсѣмъ не осуждаетъ. Мы сами думаемъ, что это новое отношеніе нашей публики къ г. Герцену и людямъ, стоящимъ въ одинаковомъ положеніи съ нимъ, гораздо болѣе національно, и гораздо болѣе полезно для здраваго развитія общественныхъ идей въ публикѣ.

Но во всемъ этомъ дѣлѣ нужна самая строгая послѣдовательность; нужно, чтобы прежнее молчаніе литературы о г. Герценѣ, происходившее изъ высказаннаго нами взгляда на его дѣятельность вообще, было замѣнено дѣйствительно свободнымъ отношеніемъ къ нему литературы. Иначе многіе будутъ подозрѣвать въ каждомъ печатномъ отрывкѣ о г. Герценѣ прежнюю тактику, только измѣненную еще къ большой невыгодѣ самого г. Герцена и къ большему ущербу истины; многіе подумаютъ, что литература, которая прежде только молчала, теперь получила возможность бранить г. Герцена, а вслѣдствіе этого они будутъ относиться не только недовѣрчиво, но даже враждебно къ каждому печатному отзыву о г. Герценѣ.

Выходя изъ этого принципа необходимости свободнаго отношенія литературы къ г. Герцену и людямъ, стоящимъ въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, мы позволимъ себѣ вникнуть въ содержаніе и смыслъ замѣтки, написанной г. Катковымъ. Но повторимъ еще разъ, что мы не имѣемъ намѣренія писать апологію дѣятельности г. Герцена. Мы хотимъ заняться исключительно замѣткою г. Каткова, какъ литературнымъ явленіемъ послѣдняго времени, произведшимъ, безъ сомнѣнія, сильное и весьма разнообразное впечатлѣніе въ обществѣ. Свобода отношенія къ г. Герцену и его дѣятельности здѣсь только намъ для этого и нужна; безъ нея мы не можемъ имѣть свободнаго отношенія и къ замѣткѣ г. Каткова, къ одному изъ литературныхъ явленій, вполнѣ согласныхъ съ нашими законами о печати. Вѣроятно, г. Катковъ, когда писалъ свою замѣтку, не разсчитывалъ на исключительное положеніе ея въ литературѣ; вѣроятно, и другіе люди, прикосновенные къ этому дѣлу, не

разсчитывали иначе; въ противномъ случаѣ, они промахнутся весьма жестоко.

Читателямъ, мало знакомымъ съ библіографическими рѣдкостями, послужившими основаніемъ для замѣтки г. Каткова, будетъ довольно затруднительно судить о строгости его выводовъ и о безпристрастіи его сужденія; мы постараемся, сколько возможно-восполнить этотъ недостатокъ фактическихъ свѣдѣній. «Нѣсколько словъ, сказанныхъ нами въ «Современной Лѣтописи» о лондонскихъ страдальцахъ за русскую землю», такъ начинаетъ г. Катковъ свою замѣтку, дошли по адресу. Одинъ изъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ сообщилъ намъ выдержку изъ «Колокола», гдѣ напечатанъ одинъ отзывъ, а на этихъ дняхъ получили мы изъ Лондона, какъ надобно думать, отъ самого издателя, послѣдній нумеръ этой газеты съ новымъ отзывомъ.» Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло, вотъ начало исторіи: г. Катковъ сказалъ нѣсколько словъ въ «Современной лѣтописи» о лондонскихъ страдальцахъ, и лондонскіе страдальцы отвѣчали ему въ «Колоколѣ». Жалкое явленіе! Вѣдь все дѣло оказывается въ личностяхъ; а страдальцамъ можно бы, кажется, и не обратить вниманія на личности. Впрочемъ, въ замѣткѣ г. Каткова трудно разобрать, какъ началось дѣло. Дальше онъ пишетъ, что первое слово въ полемикѣ принадлежало г. Герцену, который «полагалъ, какъ говоритъ г. Катковъ, что слово останется за нимъ, а г. Каткову говорить о немъ не позволятъ; однакожъ ему удалось при случаѣ сказать словцо о *свободномъ артистѣ*, который самъ сидитъ въ безопасности, а другихъ посылаетъ на подвиги, ведущіе ихъ въ казематы и Сибирь». Это, продолжаетъ г. Катковъ, и удивило и раздражило его. Опять все-таки личности, раздраженіе—единственный источникъ, изъ котораго происходитъ писаніе г. Герцена. А первое свое слово онъ заговорилъ тоже потому, что обидѣлся, и обидѣлся, по словамъ г. Каткова, тѣмъ, что г. Катковъ «не придаетъ значенія нашимъ политическимъ партіямъ». Итакъ, все-таки личности и личности; начало дѣла въ обидахъ, продолженіе его въ раздраженіи. Дурно дѣлаетъ г. Герценъ, и замѣтьте это, читатель, какъ фактъ, для всегдашняго его осужденія и не обращайте вниманія на слова человѣка, который пишетъ только подъ вліяніемъ личныхъ обидъ и раздраженія. Мы бы на этомъ и покончили нашъ приговоръ г. Герцену, если бы мы сами не

боялись надъ собой строгаго суда нашихъ читателей, знакомыхъ съ дѣломъ, которые потребуютъ отъ насъ безпристрастія къ обѣимъ тяжущимся сторонамъ. Дѣло было не такъ, какъ представляетъ его г. Катковъ. Въ одномъ изъ нумеровъ своей «Лѣтописи», г. Катковъ напечаталъ какія-то собственныя разсужденія по поводу вопроса объ университетахъ и студентахъ. Г. Герценъ коснулся этихъ разсужденій въ своемъ «Колоколѣ»; онъ отнесся безъ всякой симпатіи и къ разсужденіямъ и къ автору ихъ, котораго онъ назвалъ «гнействующимъ Кузеномъ». Когда корреспондентъ г. Каттова сообщилъ ему этотъ отзывъ, то въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ «Современной лѣтописи» г. Катковъ, не называя г. Герцена по имени, тѣмъ не менѣе отнесся именно къ нему, называя его Цезаремъ, ожидающимъ своихъ Брутовъ и Кассіевъ; кромѣ того, г. Катковъ называлъ его свободнымъ артистомъ, который, сидя покойно за спиною англійскаго полисмена, посылаетъ другихъ въ казематы и Сибирь. Въ то же время г. Катковъ, говоря о Герценѣ и другихъ эмигрантахъ, употребилъ слѣдующее выраженіе: «мы хорошо знаемъ, что́ это за люди.» На это уже г. Герценъ отвѣчалъ своимъ письмомъ, помѣщеннымъ въ «Колоколѣ» и перепечатаннымъ въ «Русскомъ вѣстникѣ». А письмо вызвало уже замѣтку г. Каткова. Такъ происходило дѣло. Мы не можемъ отвергать въ этой исторіи раздраженія со стороны г. Герцена. Но чѣмъ было вызвано это раздраженіе? Когда г. Герценъ назвалъ г. Каткова гнействующимъ Кузеномъ, то это выраженіе не было вызвано никакою личностью, и г. Катковъ напрасно говоритъ, что г. Герценъ «вдругъ заговорилъ о насъ и о нашихъ мнѣніяхъ, обидѣвшись и т. п.» Да чѣмъ же ему было обижаться? Кто обижается какими бы то ни было общими взглядами литературныхъ органовъ? И кто изъ читателей «Русскаго вѣстника» можетъ быть столько простъ и повѣритъ, будто г. Герценъ обидѣлся тѣмъ, что г. Катковъ не придаетъ значенія нашимъ литературнымъ партіямъ? Такой взглядъ на дѣло прямо противорѣчилъ бы или природѣ человѣческой, или значенію слова «обидѣться». Мы можемъ быть недовольными противными мнѣніями, неотносящимися къ нашей личности, можемъ имѣть къ нимъ негодованіе; но обижаться можно только личностями. И очевидно, г. Катковъ въ этомъ случаѣ употребилъ такое слово, которое дѣло представляетъ въ ложномъ видѣ. Быть мо-

жетъ, это происходитъ отъ недостаточности филологическихъ познаній г. Каткова; но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало обратиться къ г. Леонтьеву, который, сравнивши русское «обида» съ латинскимъ «injuria», объяснилъ бы ему, что какъ то, такъ и другое слово заключаютъ въ себѣ необходимымъ образомъ понятіе о покушеніи на чужую личность и ея права. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ спора, побудительною причиною словъ г. Герцена не были ни раздраженіе, ни обида.

Впослѣдствіи, въ письмѣ г. Герцена къ г. Каткову, напечатанномъ въ «Колоколѣ», мы признаемъ вполнѣ раздраженіе со стороны г. Герцена. Но разберемъ хорошо, можно-ли такъ строго смотрѣть на это раздраженіе, какъ смотритъ на него г. Катковъ. Правда, г. Герценъ называетъ слова г. Каткова подлымъ намекомъ. Но какія же были эти слова? Г. Катковъ назвалъ его свободнымъ артистомъ. На общемъ языкѣ такое выраженіе дѣйствительно означаетъ человѣка нечестнаго, который не прочь такъ или иначе поживиться на счетъ ближняго. Но допустимъ, что г. Катковъ, по неловкости выраженія, хотѣлъ тутъ сказать что нибудь другое; быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ «свободный артистъ еще не значитъ шулеръ», а значитъ только моветонъ, а моветонъ не значитъ мошенникъ». Мы согласны допустить здѣсь только неловкость выраженія, обусловливаемую особенными обстоятельствами. Но какъ вы не толкуйте, благопріятнаго смысла нельзя дать другимъ словамъ г. Каткова. «Мы хорошо знаемъ, пишетъ г. Катковъ, что́ это за люди», и потомъ объясняетъ, что это выраженіе относится исключительно къ литературной дѣятельности г. Герцена; вслѣдствіе этого и во всей своей замѣткѣ старается показать, что она недобросовѣстна. Мы коснемся потомъ этихъ доказательствъ, а теперь займемся исключительно только этимъ выраженіемъ. Если дѣйствительно г. Катковъ имѣлъ въ виду только литературную дѣятельность г. Герцена, то зачѣмъ бы ему не сказать: «мы хорошо знаемъ литературную дѣятельность этихъ господъ?» или отчего онъ не сказалъ такъ: «мы хорошо знаемъ, что́ за философъ и публицистъ г. Герценъ?» Но дѣло-то въ томъ, что въ такомъ случаѣ г. Каткову нечего было выставлять именно свое знаніе; г. Герцена, какъ философа, романиста и публициста, знала вся читающая публика еще прежде, когда онъ жилъ въ Россіи. Заграничныя изданія г. Герцена тоже, какъ оказывается, извѣстны не одному г. Каткову съ г. Леонтье-

вымъ; даже, какъ видно, г. Катковъ знакомъ съ ними меньше, нежели кто нибудь другой. Такъ тутъ нечего было выставлять, что именно они знаютъ литературную дѣятельность г. Герцена, да еще при томъ знаютъ хорошо, а что всего важнѣе, тутъ слѣдовало говорить не о человѣкѣ, а о писателѣ. Или, можетъ быть, опять виною недостатокъ филологическихъ познаній? Какъ жаль, что г. Леонтьевъ не извѣстенъ своими познаніями въ славянской филологіи! А то и здѣсь онъ могъ бы быть не безполезенъ для г. Каткова.

Впрочемъ, много говорить о смыслѣ этихъ словъ г. Каткова нечего. Его толкованіе можно и не опровергать. Мы хорошо знаемъ, что за человѣкъ г. Катковъ; будучи свободнымъ артистомъ, онъ имѣетъ свой особенный взглядъ на всякое вообще дѣло.

Во всякомъ случаѣ, отъ чего бы бѣда не происходила, г. Герценъ, какъ и всякій другой, не могъ отнестись равнодушно къ тѣмъ словамъ, которыми почтилъ его г. Катковъ. Въ этомъ случаѣ раздраженіе его вполнѣ понятно. Не только въ его положеніи, но иногда наканунѣ эшафота, человѣкъ, которому остается нѣсколько часовъ жизни, относится весьма нехладнокровно къ тѣмъ, которые посягаютъ на его честь и человѣческое достоинство.

Гораздо менѣе понятно раздраженіе самого г. Каткова, котораго выраженіе «гнействующій Кузенъ» вывело изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ тутъ такого оскорбительнаго? Кузенъ извѣстенъ какъ жалкій компиляторъ философскихъ книгъ, который всегда воображалъ себя великимъ философомъ; а Гнейстъ—извѣстный нѣмецкій ученый, авторъ глубокомысленныхъ изслѣдованій о роли англійскаго дворянства въ политической жизни всего народа. Гнействующій Кузенъ означаетъ жалкаго философа-компилятора, который воображаетъ, что онъ дѣлаетъ какія-нибудь глубокомысленныя соображенія объ аристократическомъ элементѣ въ народной жизни. Г. Катковъ называетъ г. Герцена бойкимъ острякомъ, и, надобно признаться, что выраженіе гнействующій Кузенъ принадлежитъ къ числу наиболѣе остроумныхъ выраженій, извѣстныхъ намъ. Г. Каткова, съ его познаніями, идеями, трудами, тенденціями онъ представляетъ какъ на картинкѣ или въ біографическомъ очеркѣ (*). Но, собственно говоря,

(*) Въ то же время г. Герценъ г. Леонтьева назвалъ Нибуромъ изъ Армянскаго или какого-то другаго переулка въ Москвѣ. Это выраженіе тоже весьма не лишено остроумія.

тутъ г. Герценъ ему даже и польстилъ; г. Каткову далеко даже и до Кузена; Кузенъ все-таки извѣстенъ массою своихъ сочиненій, въ которыхъ худо-ли, хорошо-ли, а все-таки знакомилъ съ философіею французовъ. А у г. Каткова гдѣ философскія заслуги? Дальше мы скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ заслугахъ; а теперь обратимся къ нашему дѣлу. Что же тутъ оскорбительнаго, что г. Герценъ назвалъ г. Каткова жалкимъ философомъ съ особенными сціентифическими претензіями? Никто не имѣетъ права сказать въ глаза другому человѣку, что онъ считаетъ его безчестнымъ. Своею честью всякій дорожитъ по справедливости. Но никто не обязанъ считать г. Каткова великимъ философомъ и публицистомъ, если бы онъ былъ даже и въ самомъ дѣлѣ такимъ. А ужъ обижаться въ такихъ случаяхъ и совсѣмъ нейдетъ; даже дѣйствительный ученый, съ несомнѣнными заслугами въ наукѣ, не можетъ обидѣться, если какой-нибудь профанъ не признаетъ его заслугъ. Между тѣмъ, какъ же поступилъ г. Катковъ? Изъ литературной сферы онъ тотчасъ перенесъ дѣло въ другую, и за гнействующаго Кузена заплатилъ массою выраженій, о которыхъ жалѣютъ даже и тѣ, которые отъ его выходокъ вообще въ восторгѣ; таковы выраженія: свободный артистъ, фразеръ, фразеологъ, кривляка, жалкій ломака и т. п. Г. Катковъ увлекся до такой степени, что нашъ словарь бранныхъ словъ, не смотря на извѣстную его полноту, ему показался недостаточнымъ, и онъ даже сталъ сочинять новыя слова; вѣдь всѣ говорятъ, что слово ломака до сихъ поръ не было нигдѣ извѣстно. Теперь ужъ его начинаютъ употреблять; вотъ какъ филологи оказываются правы, говоря, что за языкомъ дѣло не станетъ, что слова выростутъ, какъ грибы послѣ дождя,— были бы понятія. Вотъ и у насъ, слава Богу, ко времени открытія памятника тысячелѣтія Россіи жизнь еще продолжаетъ имѣть, впрочемъ своеобразное, вліяніе на развитіе языка. Раздраженіе г. Каткова выразилось и въ другомъ случаѣ. Будучи въ своемъ кружкѣ Кузеномъ, г. Катковъ конечно имѣетъ понятіе о логическомъ построеніи рѣчи. Но какъ нескладно написалъ онъ всю вообще свою замѣтку! Какими скачками онъ перебѣгаетъ отъ однихъ аргументовъ къ другимъ, отъ одного предмета къ другому; какъ часто, безъ всякой надобности, онъ повторяетъ свои обращенія къ противнику въ ругательномъ тонѣ! (*). И въ

(*) Между прочимъ, г. Катковъ не воздержался, чтобы не сравнить г. Герцена

то же время онъ упрекаетъ противника за раздраженіе. Мы уже сказали, что этого раздраженія мы не отвергаемъ; но нѣтъ ни одного читателя всей этой полемики, который бы не говорилъ, что гораздо большая степень раздраженія показана г. Катковымъ, и произведено оно причиною, совершенно недостаточною для человѣка, который думаетъ больше о дѣлѣ, нежели о своей личности.

Немудрено, что, благодаря своему раздраженію, г. Катковъ отнесся слишкомъ рѣзко къ противнику. Изъ этого же источника происходитъ и преувеличеніе обвиненія съ его стороны на г. Герцена. Мы вполнѣ согласны, что въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни находился, отвѣтственность за его дѣла принадлежитъ ему; г. Герценъ тоже не изъятъ изъ этой отвѣтственности; и мы желаемъ, чтобы его сочиненія подверглись строгой критикѣ, чтобы наше молодое поколѣніе не принимало съ вѣрою все, что онъ ни скажетъ. Но подобной вѣрной оцѣнкѣ прежде всего препятствуютъ преувеличенныя обвиненія, взводимыя на него противниками. Въ самомъ дѣлѣ, пусть всѣ, до кого это относится, знаютъ, что наше молодое поколѣніе имѣетъ одно неотъемлемое достоинство, что оно строитъ свои взгляды вѣрно, или невѣрно, но на основаніяхъ гуманизма и справедливости, и въ этомъ заключается основа тѣхъ надеждъ, которыя оно подаетъ для будущаго. Теоретическія и даже практическія нелѣпости, принятыя молодымъ поколѣніемъ, вполнѣ на его отвѣтственность пасть не могутъ; онѣ приняты по недостатку серьезнаго научнаго образованія, а въ этомъ, какъ мы уже говорили, молодое поколѣніе не виновато, а виноваты тѣ, которые обрѣзывали и искажали науку, потому что боялись полноты ея, для нихъ самихъ недоступной. Съ теченіемъ времени, съ движеніемъ возраста, съ пріобрѣтеніемъ болѣе серьезныхъ понятій о жизни и болѣе основательнаго знакомства съ науками, нелѣпости отпадутъ сами собою, какъ кора съ глазъ Товита; но добрая основа останется. Это и есть пріобрѣтеніе послѣднихъ лѣтъ нашей общественной жизни,—пріобрѣтеніе, собственно говоря, совсѣмъ немаловажное; жаль только, что значеніе его для настоя-

---

съ старою блудницею, не сказать о немъ, что онъ холопски ругался и т. п. Мы думаемъ, что по крайней мѣрѣ въ этой полемикѣ холопское ругательство принадлежитъ не г. Герцену.

щаго времени весьма уменьшено тѣми прибавками, которымъ молодое поколѣніе обязано промышленникамъ прогресса. Но все-таки отвергать того факта, что современное молодое поколѣніе имѣетъ направленіе гуманное, что оно дорожитъ началами справедливости,—никто не можетъ. Потому нужна особенная нравственная деликатность тамъ, гдѣ дѣло коснется до симпатіи или антипатіи молодаго поколѣнія. И если г. Катковъ, писавшій свою замѣтку, былъ руководимъ чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ личнаго раздраженія, то, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду нашу читающую публику, и особенно ту ея часть, которая всего болѣе интересуется общественными вопросами, т. е. все-таки то же самое молодое поколѣніе. Но, предполагая въ замѣткѣ его доброе и честное намѣреніе, мы можемъ допустить только одно, что г. Катковъ имѣлъ въ виду подѣйствовать на молодое поколѣніе такъ, чтобы оно относилось къ г. Герцену критически, а не съ безусловнымъ довѣріемъ. Замѣтка его написана такъ, что онъ достигнетъ результата прямо противоположнаго; во-первыхъ, его личное раздареніе, которое довело его до неприличной брани, будетъ имѣть результатомъ то, что его противника въ глазахъ читателей совсѣмъ не уронитъ. А во-вторыхъ, и все другое въ его замѣткѣ показываетъ его очевидное безсиліе основательно критиковать дѣла и взгляды своего противника.

Къ чему онъ усиливается доказывать, что г. Герценъ поджигалъ нашихъ составителей прокламацій и подобныхъ имъ политическихъ дѣятелей? Г. Герценъ имѣетъ только одну совѣсть, какова бы она тамъ ни была, и одну голову: ему довольно отвѣтственности и за свои собственныя дѣла. Г. Герценъ живетъ и пишетъ въ Лондонѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ высылаетъ своихъ эмиссаровъ сюда къ намъ. Г. Катковъ съ торжествомъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ листкахъ, за которые пострадалъ г. Обручевъ, повторилось то, что было прежде напечатано въ изданіи г. Герцена. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Въ этихъ же самыхъ листкахъ и въ другихъ подобныхъ имъ повторилось и то, что напечатано прежде въ «Русскомъ вѣстникѣ» и въ другихъ русскихъ журналахъ. Г. Обручевъ пострадалъ не за то, что въ извѣстныхъ мѣстахъ нашлось сходство со взглядами г. Герцена, а за самый способъ развитія, распространеніе доказательствъ этихъ взглядовъ. Всѣ мы желаемъ, чтобы у насъ какъ можно скорѣе были допущены сво-

бода слова и гласность судопроизводства. Мы высказываемъ наши желанія и за это ни сколько не страдаемъ. Но если бы кто-нибудь, съ оружіемъ въ рукахъ, сталъ добиваться того же самаго, то онъ конечно пострадалъ бы, подобно г. Обручеву; однако, въ этомъ случаѣ ни мы, ни г. Катковъ чрезъ это виноваты не сдѣлались бы. Г. Герценъ, конечно, находится въ другомъ положеніи: онъ развиваетъ свои взгляды не подъ сурдинкою, какъ выражается г. Катковъ. Такъ обвиняйте ужъ его за это, а не за то, что его взгляды повторились въ листкахъ, за которые пострадалъ тотъ или другой. Но и за это слишкомъ абсолютно обвинять его тоже не приходится. Не подъ сурдинкою издавали свои сочиненія и г. К-въ, и г. К-инъ, и г. Шедо-Ферроти и даже магистръ Безобразовъ и большая часть сочиненій этихъ авторовъ допущены въ Россіи, слѣдовательно, содержатъ въ себѣ такія мысли, которыя можно излагать и подъ сурдинкою. И авторы ихъ не подвергаются никакому осужденію, ни преслѣдованію. Итакъ, чѣмъ больше вы вдумываетесь въ это дѣло, вы приходите къ той мысли, что стало, быть, единственную важность имѣетъ только то, что и какъ пишется не подъ сурдинкою, т. е. вы доходите до необходимости критики всѣхъ сочиненій, явившихся такимъ путемъ. А объ этомъ-то г. Катковъ и не подумалъ. Онъ воображалъ, что достаточно выбранить посильнѣе человѣка—и вліяніе его убито. Мы желали бы, чтобы г. Катковъ повѣрилъ свою теорію опытомъ. Впрочемъ, пожалуй, можно сказать, что г. Катковъ не отказался совсѣмъ и отъ критики; онъ, повидимому, старается довести до абсурдовъ систему убѣжденій своего противника. Онъ пишетъ, что г. Герценъ «то подавалъ руку грубѣйшемъ матеріализму, то терялся въ отвлеченностяхъ искуственной идеалистики; то проповѣдывалъ атеизмъ для дѣтскаго возраста; то изнывалъ подъ бременемъ всемірной скорби; то развивалъ права на титулъ «неисправимаго соціалиста» и проклиналъ собственность; то вдругъ становился поборникомъ индивидуализма, и романтически сѣтовалъ на исчезаніе характеристическихъ угловатостей въ современной цивилизаціи; то отрицалъ въ человѣчествѣ все, кромѣ мозговъ и постепенной ихъ выдѣлки; то вдругъ гнушался матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ и отвращался мыслію отъ картины общества, гдѣ всѣ сыты и довольны, живутъ въ волѣ и холѣ, но гдѣ нѣтъ зато никакого наркотическаго драматизма для

удовольствія зрителя, которому нечего дѣлать и не на что употребить свою праздную мысль». Мы не одинъ разъ заявляли прежде, что мы считаемъ матеріализмъ ученіемъ далеко несостоятельнымъ, а проповѣдь атеизма считаемъ неумѣстною нетолько для дѣтскаго возраста, но и вообще. Мы видали несчастные результаты, которые подобная проповѣдь производила въ организмахъ, несформировавшихся нравственно. Подобною проповѣдью много повредилъ и себѣ и своему дѣлу Прудонъ. Ею же и г. Герценъ далъ противъ себя дѣйствительно причину для обвиненія. Но все-таки позволилъ себѣ замѣтить г. Каткову, что въ этихъ его строкахъ между прочимъ и оказывается, какъ онъ недалекъ въ философіи. Только самый крайній сенсуализмъ всегда дѣлалъ полный разрывъ съ идеализмомъ; но матеріализмъ, какъ бы онъ грубъ ни былъ, еще не есть сенсуализмъ. И потому напрасно г. Катковъ выставляетъ, какъ крайній абсурдъ, соприкосновеніемъ матеріализма и отвлеченностей искусственной идеалистики. Въ соединеніи съ этою идеалистикою матеріализмъ существовалъ и прежде, существуетъ и теперь въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи. Матеріалисты даже не скрываютъ, что ихъ идеалистика есть искусственная: все это совершенно въ порядкѣ вещей и никакого абсурда тутъ нѣтъ для людей, знакомыхъ съ дѣйствительною исторіею философіи. Точно также уничтожающей противоположности нѣтъ между проповѣдью атеизма и всемірной скорбью. Если бы г. Катковъ взялъ на себя трудъ вникнуть въ это дѣло и прослѣдить за нимъ въ исторіи, онъ почти вездѣ нашелъ бы то же самое. Точно также нѣтъ никакой противуположности между соціализмомъ и индивидуализмомъ. Если г. Катковъ подъ неисправимымъ соціалистомъ разумѣетъ только такого человѣка, который проклинаетъ собственность, то конечно между соціализмомъ и индивидуализмомъ есть прямая противуположность. Но въ этомъ случаѣ мы позволимъ себѣ обратиться къ нашему молодому поколѣнію, незнакомому съ сочиненіями г. Герцена и имѣющему къ нему довѣренность только по слухамъ. Если среди его есть люди, которые имѣютъ несчастіе думать, что частная собственность есть зло, то пусть, по крайней мѣрѣ на основаніи словъ г. Каткова, они не подкрѣпляютъ своего несчастнаго убѣжденія авторитетомъ г. Герцена, онъ не противникъ частной собственности и уничтожать ее никогда намѣренъ не былъ. Все дѣло заключается

въ томъ, что г. Катковъ не имѣетъ никакого, сколько-нибудь точнаго и основательнаго, понятія о соціализмѣ; онъ представляетъ себѣ соціализмъ не иначе, какъ съ отверженіемъ часной собственности. Такой соціализмъ, конечно, находится въ противорѣчіи съ индивидуализмомъ. Но еще разъ, такого соціализма г. Герценъ не проповѣдывалъ. Даже и индивидуализмъ его не то, что́ обыкновенно подъ этимъ именемъ разумѣется въ политической экономіи и противъ чего столько ратовали соціалисты. Его взглядъ, касающійся этого дѣла, состоитъ только въ желаніи, чтобы индивидуальное развитіе не было вдавлено въ слишкомъ однообразныя и тѣсныя формы, чтобы высшія силы души не заглохли въ этихъ формахъ, чтобы различные индивидуумы способны были исполнить различныя назначенія и чтобы всѣ вообще были способны болѣе или менѣе къ совершенію подвига, къ самопожертвованію и т. п. Подобное ученіе было развиваемо и у насъ подъ сурдинкою; только авторы этого ученія больше художники, нежели философы. Одинъ изъ нихъ очень картинно назвалъ всѣхъ этихъ господъ, въ развитіи которыхъ уничтоженъ всякій индивидуализмъ; именно онъ назвалъ ихъ стертыми пятіалтынниками. Но наши художники отъ нестертыхъ пятіалтынниковъ не требуютъ чего-нибудь особеннаго; къ самоотверженію они относятся даже враждебно, признавая его однимъ изъ видовъ аскетизма; но зато тамъ, гдѣ дѣло коснется чувства, въ особенности въ дѣлахъ эротическихъ, наши художники непремѣнно требуютъ, чтобы человѣкъ всѣмъ пренебрегъ, а своей цѣли добился. Равнымъ образомъ, они весьма не враждебно и даже дружески относятся къ тѣмъ, которыя изъ за чарки водки убиваютъ своихъ спутниковъ, или, злоупотребляя довѣренностью, крадутъ то, что имъ поручаютъ ихъ друзья. Какъ можно видѣть, наши художники тоже не прочь и пофилософствовать; и вотъ эта философія уже дѣйствительно ничего общаго съ идеализмомъ имѣть не можетъ, не помѣстится вмѣстѣ съ нимъ въ головѣ человѣка не помѣшаннаго. Только этотъ индивидуализмъ есть не тотъ, который принимается г. Герценомъ. И если сравнить эти два индивидуализма дѣйствительнаго—Боже избави; и къ сожалѣнію, онъ пробрался и къ намъ, только проводникомъ его былъ нег. Герценъ. И въ этомъ случаѣ, мы находимъ очень кстати сказать, что бываютъ обстоятельства, когда особенно необходимо отрѣшиться отъ того, что пишется

подъ сурдинкой и что не подъ сурдинкой, а лучше заняться особенною критикою того, что пишется.

Охотнѣе отдаемъ здѣсь предпочтеніе индивидуализму г. Герцена, (тѣмъ болѣе?) что онъ и не выдавалъ его за свое собственное ученіе; это ученіе Джона Стюарта Милля, и (его?) высокаго нравственнаго характера никто не отвергаетъ.

Но странно, что г. Катковъ смѣшалъ этотъ индивидуализмъ съ экономическимъ индивидуализмомъ, противъ котораго вооружались соціалисты. Это прямо указываетъ на то, что онъ одинаково плохо понимаетъ и вопросы экономическіе и вопросы нравственно философскіе. Иначе онъ не могъ бы указывать на противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на этихъ промахахъ г. Каткова, какъ потому, что они важны сами по себѣ, указывая на слишкомъ недостаточную степень ясности его философскихъ воззрѣній, равно какъ и экономическихъ, такъ и потому, что г. Катковъ хотя невольнымъ образомъ, но все-таки могъ бы проводить въ мало развитую массу гибельныя ученія, подкрѣпляя ихъ въ то же время авторитетомъ г. Герцена, для тѣхъ, для кого этотъ авторитетъ существуетъ.

На другихъ слова г. Каткова произвели бы подобное, хотя и не то же самое, впечатлѣніе. Понимая хорошо, что всѣ эти упреки, адресуемые г. Катковымъ г. Герцену, основаны единственно на недостаткѣ пониманія дѣла со стороны самого г. Каткова, они, во-первыхъ, могутъ, не предположить въ этихъ словахъ искренняго непониманія и, во-вторыхъ, даже и предположивши его, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ отнесутся къ г. Герцену и ко всему, что онъ вообще ни говоритъ.

Такимъ образомъ, какъ мы уже сказали, слова г. Каткова будутъ имѣть результатъ прямо противуположный тому, на который онъ могъ разсчитывать. Прежде всего объ этомъ пожалѣли бы мы сами. Мы уже сказали, что наше общество должно относиться къ г. Герцену не съ вѣрою, а съ критикою; и пусть его ошибки такъ и будутъ ошибки, а не принимаются за истину.

Такимъ образомъ критика, которую г. Катковъ старается дѣлать ученію г. Герцена, оказывается вполнѣ несостоятельною, и можетъ привести къ результатамъ еще болѣе плачевнымъ, можетъ убить всякій зародышъ серьезной критики нѣній г. Гер-

цѣна со стороны нашего молодаго поколѣнія. Всѣ другіе аргументы его, совершенно согласные между собою, могутъ вести только къ той цѣли, на которую авторъ не могъ разсчитывать. Такъ, онъ старается уронить, безъ всякихъ доказательствъ, тѣ труды г. Герцена, которые были напечатаны имъ еще въ Россіи подъ сурдинкою. Общественнаго мнѣнія нѣсколькими фразами перевернуть нельзя. Наша публика находила смыслъ и въ запискахъ доктора Крупова и въ историко-философическихъ очеркахъ, писанныхъ въ свое время г. Герценомъ. И позволимъ себѣ въ этомъ случаѣ прибавить, что, конечно, очерки г. Герцена стоятъ подобныхъ же трудовъ г. Каткова. Потому, сколько бы г. Катковъ въ этомъ случаѣ не острилъ, не выворачивалъ взгляды г. Герцена—его очерки не потеряютъ отъ этого своего смысла, который за ними всѣ признаютъ, даже и тѣ, которые далеко не признаютъ неоспоримой ортодоксіи за тою школою, которой слѣдуетъ г. Герценъ. А что касается до доктора Крупова и до другихъ сочиненій г. Герцена въ этомъ родѣ, то безъ сомнѣнія и самъ г. Катковъ, въ качествѣ дилетанта по части эстетики, не можетъ отказать имъ въ нѣкоторыхъ достоинствахъ, если ужъ онъ непремѣнно осудитъ ихъ въ качествѣ историко-древнѣйшей греческой философіи. Но во всякомъ случаѣ, не только наша молодежь, но и публика зрѣлыхъ возрастовъ, къ этимъ сочиненіямъ г. Герцена относилась и до сихъ относится съ симпатіею, выходя изъ того правила, что наука и искусство имѣютъ права нейтралитета въ какомъ бы состояніи ни находились авторы. Такъ что же думаетъ г. Катковъ,—будто его бойкая острота относительно лежанія человѣчества съ высунутымъ языкомъ, или относительно исправленія мозговъ человѣчества, могла поколебать уже упроченную симпатію публики. Въ такомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что г. Катковъ слишкомъ много разсчитывалъ на свой авторитетъ или на симпатію къ нему публики. Но если онъ даже и не ошибался въ этомъ разсчетѣ, то онъ ошибся въ другомъ; для той публики, которая имѣетъ къ нему симпатію и для которой онъ составляетъ этотъ авторитетъ, замѣтка для издателя «Колокола» совсѣмъ не нужна; эта публика и безъ того къ г. Герцену не могла имѣть ни симпатіи, ни довѣрія. А та публика, на которую г. Катковъ, по нашему предположенію, могъ разсчитывать имѣть вліяніе своею замѣткою, болѣе остроумными, нежели дѣльными от-

зывами г. Каткова, необходимо должна быть приведена къ тому, что потеряетъ послѣднее довѣріе къ нему самому. Такимъ образомъ, г. Катковъ какъ будто нарочно сдѣлалъ все, что могло уничтожить какое бы то ни было полезное дѣйствіе его замѣтки.

Въ другихъ частяхъ ея вездѣ то же самое. Увѣряя въ одномъ мѣстѣ, что онъ совсѣмъ не думалъ дѣлать покушенія на честь своего противника, тѣмъ не менѣе въ другихъ мѣстахъ г. Катковъ дѣлаетъ эти покушенія, даже не маскируя ихъ. Мы не можемъ пропустить безъ вниманія слѣдующихъ строкъ, на основаніи которыхъ г. Катковъ лишаетъ г. Герцена права называться честнымъ человѣкомъ. Онъ говоритъ: «человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, и сознающій это самъ, хотя бы и смутно, потому что человѣку, дожившему до сѣдыхъ волосъ, невозможно вовсе не имѣть сознанія о самомъ себѣ,—человѣкъ безъ убѣжденій и говорящій тономъ пророка посреди обстоятельствъ, которыхъ значеніе не можетъ не быть ему извѣстно, не заслуживаетъ называться честнымъ.» Очевидно, чтобы подвести подъ это положеніе г. Герцена, нужно доказать, что онъ есть человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій и сознаетъ это самъ, хотя и смутно; потомъ надобно доказать, что онъ есть человѣкъ совсѣмъ безъ убѣжденій и говоритъ тономъ пророка посреди обстоятельствъ, усиливающихъ его вину, которыхъ значеніе притомъ онъ вполнѣ понимаетъ. И чѣмъ же доказываетъ это г. Катковъ? Слѣдующими аргументами: во-первыхъ, слѣдуя г. Каткову, для человѣка, дожившаго до сѣдыхъ волосъ, невозможно вовсе не имѣть сознанія о самомъ себѣ; во-вторыхъ, по его мнѣнію, г. Герценъ не могъ (дойти) до такого отупѣнія, чтобы серьезно ожидать какого-то новаго времени; онъ не можетъ не знать, что законы природы неизмѣнны, что ни въ какомъ случаѣ не потекутъ по землѣ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ; въ третьихъ, онъ не можетъ не знать, какъ дѣйствуетъ пророческій тонъ на людей незрѣлыхъ въ тревожную эпоху общественной жизни. Эти доказательства г. Каткова любопытны во многихъ отношеніяхъ. Они показываютъ, прежде всего, до какой степени докторъ Круповъ превосходитъ въ философіи г. Каткова: теорія доктора Крупова относительно idées fixes построена очень прочно. Въ самомъ дѣлѣ, г. Катковъ убѣжденъ въ томъ, что мнѣніе его противника сущій вздоръ. Слѣдуя теоріи доктора

Крупова, онъ не можетъ обойтись безъ той мысли, что и самъ противникъ сознаетъ то же самое. Да, это правда, разсчитывать на то, что со временемъ потекутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ безъ отупѣнія очень трудно. Но дѣло въ томъ, что вѣдь на это г. Герценъ никогда не разсчитывалъ и причина недоразумѣнія опять та же, именно, что г. Катковъ понятія не имѣетъ ни о соціализмѣ, ни о политической экономіи вообще. Говоря эти слова, мы защищаемъ самихъ себя; не признавая и Герцена за сумашедшаго, мы уже сказали, что въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ мы съ нимъ сходимся, да и не мы одни, а и многіе другіе и даже само правительство. Такъ, вопреки «Русскому вѣстнику», наше правительство сочло нужнымъ обезпечить участь нашего крестьянина поземельнымъ надѣломъ. Точно также, вопреки «Русскому вѣстнику», правительство не сочло нужнымъ наложить руку на нашу сельскую общину. Но, какъ извѣстно, того и другого желалъ и г. Герценъ. Г. Катковъ по справедливости все это называетъ соціализмомъ; и какъ, по его мнѣнію, соціализмъ заключается въ отрицаніи частной собственности и въ ожиданіи теченія молочныхъ рѣкъ по кисельнымъ берегамъ, то онъ и навязываетъ всѣ эти милыя вещи на совѣсть г. Герцена. Съ этой точки зрѣнія онъ и отвергаетъ въ немъ или здравый смыслъ, или совѣсть; даже г. Катковъ ухитряется какъ-то отвергнуть въ одно время и то и другое. Но, защищая себя и наше правительство, мы имѣемъ право сказать, что именно въ этомъ случаѣ мы признаемъ болѣе здраваго смысла за г. Герценомъ, нежели за г. Катковымъ. Потомъ, если отложить въ сторону фигуральныя выраженія, то что же особенно тупоумнаго въ ожиданіи новаго времени? Вѣдь и самъ г. Катковъ даже и въ этой статьѣ не разъ говоритъ, что мы теперь вступаемъ въ новый, болѣе свѣтлый періодъ нашего развитія. Развѣ въ самомъ дѣлѣ одна и та же мысль для г. Герцена есть юродство, а для г. Каткова есть сила Божія? Этотъ антитезъ съ большимъ успѣхомъ могъ бы приложить къ себѣ г. Герценъ, но г. Каткову онъ нейдетъ. Вообще въ своей полемикѣ г. Катковъ незамѣтнымъ образомъ доходитъ до противорѣчій и даже до опроверженій самого себя. Такъ, между прочимъ, онъ не разъ говоритъ о тревожной эпохѣ, которую мы переживаемъ, говоритъ о важномъ значеніи современныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ нужно особенно осторожно говорить съ нашею публикою. Въ этомъ

случаѣ г. Катковъ вѣроятно забылъ, что вся полемика произошла изъ-за того, что онъ не придавалъ никакого значенія тревожному характеру нашей эпохи. Оказывается, что взгляды г. Каткова измѣняются, не знаемъ какъ лучше сказать—сообразно потребностямъ его полемики, или сообразно потребностямъ его журнала. Подобные легко измѣняемые взгляды можно помѣщать и развивать сколько угодно въ руководящихъ статьяхъ «Русскаго вѣстника» и «Современной лѣтописи»; но это весьма неудобно тамъ, гдѣ дѣло касается суда надъ какою бы то ни было человѣческою личностію. Вообще все обвиненіе г. Каткова, заключающееся въ вышеприведенныхъ словахъ, основано на этой измѣняемости его взглядовъ, частію на томъ, что онъ убѣжденія своихъ противниковъ, во что бы то ни стало, хочетъ считать тождественными съ своими собственными и не хочетъ признавать за ними никакихъ другихъ убѣжденій; а если они говорятъ что-нибудь такое, чего самъ г. Катковъ не понимаетъ, то онъ заставляетъ ихъ самихъ сознавать, что они врутъ; потому что нельзя же человѣку, дожившему до сѣдыхъ волосъ, не сознавать, что онъ вретъ, въ то время, когда г. Катковъ объ этомъ такъ думаетъ. А мы всегда думали, что не только извѣстный русскій философъ, положимъ хоть русскій Гегель и даже настоящій Гнейстъ, но и 15-ти-лѣтній мальчикъ, которому толково объяснили законы логики, даже только одинъ законъ тождества, долженъ съумѣть сдѣлать различіе между двумя различными предметами. А если онъ не различитъ эти положенія, если онъ ихъ спутаетъ, одно разсматривать будетъ, какъ другое, то за это учитель поставитъ ему дурной баллъ. А если подобную вещь сдѣлаетъ публицистъ и философъ, да еще на основаніи подобной путаницы покусится на честь другаго человѣка, хотя бы и преступника, и подвигаемый личностями будетъ стараться усилить отвѣтственность этого преступника, то отъ него съ негодованіемъ отвернется все, что ни заглушило въ себѣ чувствъ чести.

Мы уже сказали, что наше юношество, не смотря на все его легкомысліе, съ началами гуманизма и справедливости не разошлось; и вотъ именно такое впечатлѣніе произведетъ на него все это философствованіе г. Каткова; и необходимымъ послѣдствіемъ будетъ усиленіе его вѣры въ каждое слово г. Герцена.

То же самое впечатлѣніе произведетъ и другое мѣсто изъ замѣтки г. Каткова, гдѣ онъ опять не нападаетъ прямо на честь

своего противника, тѣмъ не менѣе весьма категорически приписываетъ ему то, что никому чести сдѣлать не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія основанія имѣетъ г. Катковъ для того, чтобы утверждать, будто г. Герцену захотѣлось только дослужиться до генеральскаго чина, походить на того или на другого генерала отъ эмиграціи? Г. Катковъ поступилъ бы гораздо болѣе достойнымъ образомъ, еслибы онъ во всемъ видѣлъ только одно помѣшательство или что нибудь другое, подобное этому. Но ему никто не далъ права, судя о словахъ и дѣлахъ другихъ, объяснять ихъ безъ всякихъ доказательствъ тѣми побужденіями, которыя ему самому прежде всего прійдутъ въ голову. Пожалуй, на основаніи такой системы сужденій, мы могли бы сказать, что г. Катковъ, вмѣстѣ съ братіею, всю свою журнальную дѣятельность затѣялъ только для того, чтобы рано или поздно добиться министерскихъ портфелей; мы даже могли бы въ подтвержденіе этой мысли привести нѣкоторыя соображенія, основанныя на нѣкоторыхъ обмолвкахъ, допущенныхъ въ журналѣ г. Каткова. На основаніи этой системы, мы, пожалуй, имѣли бы право сказать, что г. Катковъ, принимая безъ исключенія вездѣ сторону богатыхъ классовъ противъ бѣдныхъ, сторону бывшихъ помѣщиковъ противъ бывшихъ крестьянъ, разсчитываетъ только на увеличеніе сбыта своего журнала, потому что подписчиками журналовъ бываютъ богатые, а не бѣдные, помѣщики, а не крестьяне. Но мы всего этого не скажемъ, мы не отказываемся допустить для дѣятельности г. Каткова и другія побужденія.

А г. Катковъ провелъ свою систему черезъ всю замѣтку, недолго думая о томъ, достойна ли она человѣка, уважающаго себя. Въ другомъ мѣстѣ ея онъ говоритъ: «человѣкъ, способный завѣдомо клеветать и лживо показывать, не можетъ назваться честнымъ». Это конечно правда; но чтобы подвести подъ это правило г. Герцена, г. Каткову конечно слѣдовало доказать, что его противникъ завѣдомо клевещетъ и лживо показываетъ. Но этого-то г. Катковъ и не сдѣлалъ, и безъ дальнихъ разсужденій говоритъ, будто г. Герценъ для того, чтобы пококетничать и еще болѣе раздражить возбужденные умы, прибѣгаетъ къ *умѣренной* клеветѣ. Вся эта выходка г. Каткова имѣетъ такое свойство, что долго останавливаться надъ нею нельзя; смыслъ ея ясенъ до послѣдней степени. Мы не будемъ останавливаться и надъ другими подробностями замѣтки г. Каткова, какъ потому, что и

безъ того здоровая часть публики оцѣнила ее, такъ и потому, что г. Катковъ вышелъ на арену, представляющую нѣкоторыя затрудненія, въ тревожную эпоху, которую мы переживаемъ. Замѣтимъ еще одно мѣсто, на основаніи котораго г. Катковъ старается очернить до послѣдней степени своего противника. «Каждый честный человѣкъ, говоритъ онъ, принимающійся за публичное слово, долженъ чувствовать въ себѣ великую нравственную отвѣтственность, несовмѣстную съ легкомысліемъ; избѣгать всего, чего онъ не сознаетъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ». Г. Катковъ, разумѣется, все это говоритъ для доказательства своей главной мысли. Но мы уже указали выше, что, отнимая у своего противника убѣжденіе въ томъ, что онъ говоритъ, г. Катковъ только доказываетъ вѣрность взглядовъ доктора Крупова, и грѣшитъ ни больше, ни меньше, какъ противъ перваго и основнаго закона логики. Не откажемъ себѣ, при этомъ случаѣ, въ правѣ сдѣлать одно замѣчаніе, изъ котораго заключеніе предоставляемъ сдѣлать читателямъ. Мы и теперь и прежде были глубоко убѣждены, что г. Катковъ вмѣстѣ съ г. Леонтьевымъ не только не избѣгали всего того, чего они не сознаютъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ, но какъ будто нарочно всегда принимались трактовать о подобныхъ матеріяхъ.

Замѣтку г. Каткова многіе встрѣтили какъ что-то неожиданное, находили, что въ ней г. Катковъ какъ будто измѣнилъ самому себѣ, своимъ литературнымъ правиламъ и понятіямъ. Въ опроверженіе этого мнѣнія мы возьмемъ на себя трудъ бросить взглядъ на предъидущую литературную дѣятельность г. Каткова. Въ послѣдней своей замѣткѣ г. Катковъ оказывается повидимому жаркимъ публицистомъ, который совсѣмъ нехладнокровно смотритъ на тревожную эпоху, переживаемую нами, и съ сожалѣніемъ утверждаетъ, что нѣсколько поколѣній молодежи, неспособныхъ къ дѣлу, составитъ великое бѣдствіе для страны. Но г. Катковъ уже не первый годъ издаетъ свой журналъ; начало его журнальной дѣятельности вполнѣ совпадаетъ съ началомъ этой тревожной эпохи, съ пробужденіемъ въ обществѣ сознанія о необходимости разнаго рода улучшеній и перемѣнъ. Что же дѣлалъ въ свое время г. Катковъ для уясненія общественнаго сознанія? Каковы были его желанія, чтобы направить нашу неопытную публику и въ особенности молодое поколѣніе на до-

рогу здороваго и разумнаго прогреса? Такихъ усилій съ его стороны мы совсѣмъ не знаемъ. Самъ онъ говоритъ, будто онъ давно добивался возможности поговорить съ г. Герценомъ; но ему препятствовали обстоятельства. Мы охотно вѣримъ этому; только принимаемъ слова г. Каткова въ буквальномъ смыслѣ. Г. Каткову именно хотѣлось *поговорить съ г. Герценомъ*, т. е. написать бранную статью именно противъ личности г. Герцена. Конечно, г. Катковъ не скажетъ, чтобы обстоятельства мѣшали ему опровергать взгляды г. Герцена; напротивъ, всевозможныя обстоятельства стали бы благопріятствовать ему въ этомъ дѣлѣ; почему же онъ не занялся имъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ надобно искать во всей вообще журнальной дѣятельности г. Каткова. Если всмотрѣться въ нее немножко повнимательнѣе, то нельзя не замѣтить, что самое горячее участіе г. Катковъ оказывалъ только къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ былъ замѣшанъ его личный интересъ; онъ ко всему вообще относился вяло, но какъ скоро доходило до его интереса, онъ оживлялся необыкновенно, и плодомъ этого оживленія всегда была самая грубая полемика. Припомнимъ читателямъ слѣдующіе случаи:

Одинъ разъ г. Каткову показалось, что съ нимъ поступилъ не совсѣмъ честно г. Тургеневъ. Характеръ г. Тургенева довольно извѣстенъ русской читающей публикѣ, и заподозрить его въ безчестномъ поступкѣ дѣйствительно можно только по закону, открытому докторомъ Круповымъ. Между тѣмъ, г. Катковъ ни передъ чѣмъ не остановился; онъ безъ дальнихъ справокъ обвинилъ г. Тургенева въ безчестномъ поступкѣ. А дѣло было именно изъ за личнаго интереса. Г. Каткову нужна была повѣсть г. Тургенева для успѣха его журнала. Г. Катковъ обвиняетъ г. Герцена въ томъ, что онъ переноситъ дѣло изъ сферы мыслей въ сферу личностей, что его милая личность ему дороже всего на свѣтѣ. Дѣло, правда, нехорошее, и кто виноватъ въ немъ, того похвалить нельзя; но мы уже видѣли, что въ послѣдней полемикѣ, если кто не чуждъ этого обвиненія, то это самъ г. Катковъ. Въ полемикѣ съ г. Тургеневымъ то же самое было еще очевиднѣе; и притомъ даже въ сферѣ личностей дѣло было поведено такъ, что впослѣдствіи г. Катковъ самъ призналъ свою ошибку.

Дальше слѣдуетъ дѣло г. Каткова съ г. Вызинскимъ. Г. Кат-

ковъ опять его перенесъ изъ сферы мнѣній въ сферу личностей. Началъ попрекать, что у него зачитываютъ книги и т. п.

Потомъ слѣдовало дѣло г. Каткова съ г-жею Туръ. Мы не будемъ напоминать читателямъ подробностей этой исторіи. Публика знаетъ, на сколько былъ деликатенъ г. Катковъ въ этомъ дѣлѣ.

Потомъ слѣдуетъ дѣло г. Каткова съ г. Чернышевскимъ. Г. Чернышевскій, какъ извѣстно, на массу придирокъ «Русскаго вѣстника,» отвѣчалъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Г. Катковъ былъ задѣтъ и, въ свою очередь, атаковалъ г. Чернышевскаго, но изъ сферы мелочей и личностей все-таки дѣло не вышло.

Потомъ слѣдуетъ дѣло г. Каткова съ гг. Достоевскимъ и Кусковымъ. Г. Достоевскій посмѣялся надъ самохвальствомъ г. Каткова, объявившаго, что его журналъ служитъ нормой для остальныхъ русскихъ журналовъ. Тогда г. Катковъ атаковалъ г. Достоевскаго на вопросѣ о женской эманципаціи. Безъ личностей и безъ крупныхъ выраженій и тутъ не обошлось; извѣстно, что г. Катковъ титуловалъ своего противника эмансипаторомъ съ грязными руками и т. п. Но «Время» не унималось. Тогда г. Катковъ сочинилъ планъ атаки болѣе убійственный: онъ очень ловко подстерегъ «Время», когда оно помѣстило статью о нравственной высотѣ разбойниковъ, за четвертакъ убивающихъ своихъ спутниковъ.

Потомъ слѣдуетъ полемика г. Каткова съ г. Чичеринымъ; тутъ дошло до такихъ любезныхъ аргументовъ, что г. Чичеринъ искалъ сотрудничества въ «Русскомъ вѣстникѣ».

Какими побужденіями водился во всѣхъ этихъ случаяхъ г. Катковъ?!—Что ему было нужно тутъ благосостояніе страны, будущія бѣдствія которой онъ теперь оплакиваетъ? — Личный интересъ, личное раздраженіе—вотъ побужденія г. Каткова тамъ, гдѣ онъ начиналъ полемику. Удивительно-ли послѣ того, что онъ и до сихъ поръ не оставляетъ своей системы. Человѣку, достигшему до сѣдыхъ волосъ, переродиться очень трудно.

Но если бы еще, руководимый своими личными побужденіями, онъ брался, по крайней мѣрѣ, вести полемику мнѣній, а не личностей. Къ сожалѣнію, ничего этого не бывало. Г. Катковъ, правда, не разъ обѣщался, что вотъ онъ, да г. Леонтьевъ начнутъ ловить литературныхъ воришекъ, во всѣ вопросы внесутъ свѣтъ и истину, что́ нужно,—докажутъ, что́ нужно —опровергнутъ;

но дѣло такъ обѣщаніями и кончилось. Побѣдилъ одинъ разъ г. Леонтьевъ г. Крылова на поприще латинскихъ склоненій; самъ г. Катковъ преодолѣлъ г. Кускова на поприще нравственной философіи; да тѣмъ подвиги ихъ и кончились.

Если бы въ самомъ дѣлѣ г. Катковъ дорожилъ серьезнымъ характеромъ нашего прогресса и разумнымъ развитіемъ нашего юношества, то отчего журналъ его оставался глухъ и не отзывался на важнѣйшіе нравственные, философскіе и общественные вопросы, которые были подняты въ послѣднее время?—Впрочемъ, тутъ надобно сдѣлать маленькое различіе. Самъ г. Катковъ ставитъ даже свою заслугу въ томъ, что именно онъ то и откликался на всѣ вопросы. Въ послѣдней своей замѣткѣ онъ даже дѣлаетъ упрекъ своему противнику за то, что онъ не откликался на наши современные вопросы. Но какъ понималъ это дѣло самъ-то г. Катковъ, какъ съумѣлъ онъ оцѣнить относительную важность вопросовъ?—Правда, онъ говорилъ свое слово почти всегда, когда дѣло касалось какихъ нибудь мелкихъ административныхъ вопросовъ; начнется ли рѣчь о сельскомъ управленіи, г. Катковъ преважно толкуетъ о томъ, какъ выбирать сельскихъ старшинъ, сколько ихъ выбирать и т. п.; начнется-ли рѣчь о мировыхъ учрежденіяхъ, и г. Катковъ пускается въ глубокомысленное соображеніе о подробностяхъ касательно мировыхъ съѣздовъ, мировыхъ посредниковъ и отношеній ихъ къ другимъ административнымъ мѣстамъ; начнется-ли рѣчь о путяхъ сообщеній, и г. Катковъ уже толкуетъ о томъ, гдѣ проводить дороги, какъ ихъ проводить и т. п.; начнется-ли рѣчь о почтахъ, г. Катковъ предлагаетъ свои планы, гдѣ строить станціи, гдѣ учредить пріемъ корреспонденцій и т. п.; начнется-ли рѣчь объ акціонерныхъ компаніяхъ, и г. Катковъ строитъ свои проекты о томъ, гдѣ устроить газовый заводъ, гдѣ прокопать каналъ, гдѣ учредить пароходное сообщеніе и т. д.; начнется-ли рѣчь о постройкѣ какого-нибудь памятника, и г. Катковъ разсуждаетъ о томъ, какъ и кому его строить. Начнется-ли рѣчь о выставкѣ въ Лондонѣ, и г. Катковъ толкуетъ, гдѣ и какъ размѣстить произведенія Россіи. Безспорно, все это вещи очень хорошія, только есть много вещей, которыя гораздо лучше и которыя болѣе достойны философа и публициста высшаго полета. Вѣдь всѣ эти хорошія вещи останутся такъ же бѣдны результатами, какъ бѣдны онѣ были до сихъ поръ, если вы сведете все дѣло только на

подобное измѣненіе подробностей. Если вы не сдѣлаете ничего для того, чтобы приготовить дѣятелей для всѣхъ этихъ родовъ дѣятельности, и если вы не обезпечите полезность всѣхъ этихъ мелкихъ перемѣнъ введеніемъ въ общественную жизнь новыхъ началъ, которыя парализировали бы вредное дѣйствіе началъ, отжившихъ свой вѣкъ. А для этого-то г. Катковымъ и не было ничего сдѣлано; онъ предоставилъ развитіе основныхъ теорій, нравственныхъ, философскихъ и экономическихъ другимъ, и теперь плачетъ о его результатахъ, находитъ, что нѣсколько поколѣній съ извращенными понятіями будутъ бѣдствіемъ для страны. Но, въ самомъ дѣлѣ, отчего же онъ молчалъ въ свое время, отчего онъ презиралъ малыхъ сихъ?—Вѣдь именно развитіе этихъ поколѣній вполнѣ совпадаетъ съ журнальною дѣятельностью г. Каткова. Дѣло объясняется очень просто: будучи весьма нехладнокровнымъ къ интересамъ собственнаго журнала, равно какъ и интересамъ собственной своей личности, и, выражаясь языкомъ г. Каткова, будучи въ такомъ случаѣ готовъ полѣзть хоть на ножи, г. Катковъ, вслѣдствіе непреложныхъ психологическихъ законовъ, не могъ въ своемъ сердцѣ отдѣлить слишкомъ много мѣста для подобныхъ вопросовъ; теперь увлекся ими онъ потому, что не могъ стерпѣть гнействующаго Кузена; безъ этого онъ продолжалъ бы толковать о размѣщеніи русскихъ произведеній на лондонской выставкѣ, о томъ, въ какомъ губернскомъ городѣ починивается мостовая, въ какомъ нужно построить новую пароходную пристань, или гостиный дворъ и т. п.

Къ этому объясненію надобно прибавить еще другое. Вслѣдствіе того или другаго, вслѣдствіе высшихъ политическихъ соображеній, вслѣдствіе патріотизма или вслѣдствіе журнальныхъ соображеній и личнаго раздраженія, по временамъ г. Катковъ печалился и прежде о ненормальномъ направленіи нашего юношества, а главнымъ образомъ литературы, но именно только печалился, да кромѣ того, напередъ возвѣщалъ, какъ это они съ г. Леонтьевымъ начнутъ ловить разнаго рода литературныхъ воришекъ. Читающая публика, надобно признаться, съ большимъ интересомъ ожидала этой журнальной охоты, въ которой гг. Катковъ и Леонтьевъ должны были играть роль доѣзжачихъ. Только вышло дѣло очень странное. Древняя поговорка о томъ, чтобы «не хвалиться ѣдучи на рать», оправдалась вполнѣ, и приключеніе съ синицею, обѣщавшею зажечь море, повторилось въ

русской литературѣ. Литературныхъ воришекъ не было изловлено ни одного, ни г. Катковымъ, ни г. Леонтьевымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого считали они литературными воришками? Нечего скрывать, и мы скажемъ это, не боясь оскорбить г. Чернышевскаго, что главнымъ образомъ всѣ эти похвальбы были направлены противъ него; онъ былъ у нихъ бѣльмомъ на глазу; его то и нужно было изловить гг. Каткову и Леонтьеву (*).

И они точно его ловили, только не своими, а исключительно чужими руками. Не нравились имъ экономическія теоріи г. Чернышевскаго. Кажется, чего бы проще? Оставить бы всѣ преждевременныя похвальбы, оставить мелочныя придирки, а разобрать получше, съ строгой научной точки зрѣнія, сочиненія г. Чернышевскаго, показать недостаточность его теорій и выводовъ, и публика увидѣла бы его несостоятельность и всѣ перестали бы вѣрить ему. Но ничего этого не было; соединенная редакція «Русскаго вѣстника» такъ и осталась на однихъ похвальбахъ, да на томъ, что́ называется литературными щипками. Слава Богу, что хоть въ Саратовѣ между соотечественниками г. Чернышевскаго нашелся богатырь, который явился на подмогу редакціи и обнаружилъ несостоятельность экономическихъ теорій г. Чернышевскаго. Вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ и г. Катковъ и г. Леонтьевъ сочли статью г. Цвѣта за дѣйствительное опроверженіе сочиненій г. Чернышевскаго; только въ самомъ дѣлѣ въ ней и намека не было на серьезную научную критику. Но каково́ бы ни было это опроверженіе, все-таки оно написано не въ редакціи; это уже г. Саратовъ раздѣлился и возсталъ на себя. Этимъ и кончился весь походъ редакціи «Русскаго вѣстника» противъ экономическихъ теорій г. Чернышевскаго. Затѣмъ оставалась еще его философія; ужъ тутъ конечно́ редакція «Русскаго вѣстника» могла поймать его и даже взять въ плѣнъ. Вѣдь г. Катковъ когда-то написалъ исторію древней греческой философіи, изучалъ философію за границею и самъ былъ профессоромъ по этой части; ужъ тутъ, кажется, гдѣ бы г. Чернышевскому выпутаться изъ бѣды; кажется, ужъ г. Катковъ могъ бы порядочно раскритиковать его, могъ не оставить ни

(*) Мы никакъ не позволимъ себѣ сказать, чтобы гг. Катковъ и Леонтьевъ разсчитывали вмѣстѣ съ тѣмъ изловить и 6,000 абонентовъ Современника, о которыхъ онъ публиковалъ. Подобныя предположенія, какъ мы уже сказали, мы оставляемъ за г. Катковымъ; тутъ ему принадлежитъ brévet d'invention.

одного живаго мѣста во всей его системѣ. И однако не раскритиковалъ; союзниковъ ни изъ Саратова, ни изъ какого-нибудь другаго города не явилось, а напечаталъ г. Юркевичъ совершенно независимо свой разборъ въ дальнемъ губернскомъ городѣ; г. Катковъ какъ будто ждалъ этого и самъ пока еще снисходительно относился къ философіи г. Чернышевскаго, еще не рѣшался сразить его; послѣ же выхода въ свѣтъ статьи г. Юркевича, онъ ограничился тѣмъ, что перепечаталъ ее въ «Русскомъ вѣстникѣ», съ прибавленіемъ отъ себя нѣкотораго рода вступленія; въ этомъ и заключалась его ловля.

Отчего же и г. Катковъ и г. Леонтьевъ ограничились такою страдательною ролью въ томъ дѣлѣ, въ которомъ они надавали обѣщаній? отчего г. Леонтьевъ, нашъ Нибуръ и нашъ Адамъ Смитъ, не опровергалъ самъ экономическихъ теорій г. Чернышевскаго, а предоставилъ это дѣло г. Цвѣту, и мало знающему и плохо понимающему политическую экономію? отчего г. Катковъ, нашъ Гегель, и нашъ истинный и неподдѣльный Гнейстъ, не опровергалъ философскихъ теорій г. Чернышевскаго, а предоставивъ это ученому профессору кіевской духовной академіи? Дѣло слишкомъ просто; для похвальбы ничего особеннаго ненужно, а для основательной критики, говорятъ, требуется немножко научныхъ познаній, да кромѣ того нѣкоторыя критическія способности. А изъ дѣла оказывается, что г. Леонтьевъ, не смотря на безошибочное знаніе латинской этимологіи; не смотря на точное познаніе количество римскихъ цензоровъ, не смотря на очень вѣрныя компиляціи изъ англійскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ въ своихъ статьяхъ, касающихся жизни классическихъ народовъ, въ политической экономіи очень не силенъ; а г. Катковъ, не смотря на свою исторію древней греческой философіи, не смотря на свои филологическія познанія въ русскомъ языкѣ, несмотря на способность переводить Шекспира и, вообще, не смотря на свои поэтическія и стихотворныя способности, оказывается философомъ не столько сильнымъ, сколько снисходительнымъ. Такъ удивительно-ли, что при такихъ обстоятельствахъ, во-первыхъ, гораздо сподручнѣе толковать о размѣщеніи произведеній Россіи на лондонской выставкѣ, о томъ, что дѣлается въ губернскихъ городахъ, нежели опускаться въ глубину философіи или политической экономіи. Въ самомъ дѣлѣ, выше мы видѣли, какъ понимаетъ г. Катковъ матеріализмъ, индивидуализмъ и т. п.

Гдѣ ужъ тутъ г. Каткову пускаться въ глубокую философскую критику, когда онъ не имѣетъ отчетливаго понятія о характерѣ разныхъ философскихъ системъ, когда онъ смѣшиваетъ то, что нужно различать, и различаетъ то, что нужно смѣшивать? Мы приведемъ изъ этой же самой замѣтки другое философское мѣсто, которое особенно замѣчательно тѣмъ, что оно представляетъ степень философической точности понятій г. Каткова и его критическіе пріемы: «всѣ эти капризы избалованной, изнѣженной, изломанной мысли, которая сама не знаетъ чего хочетъ; весь этотъ фосфоръ, вся эта трескотня остротъ и фразъ, весь этотъ сумбуръ, вся эта сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это броженіе головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли, все это мозгобѣсіе было бы, пожалуй, хорошо въ досужемъ фельетонѣ и т. д.» Этимъ мѣстомъ г. Катковъ разсчитывалъ очевидно разбить въ пухъ и прахъ тѣ ученія г. Герцена, въ которыхъ онъ находилъ противорѣчіе и въ которыхъ, мы сказали, совсѣмъ его нѣтъ, но которыхъ мы все-таки не одобряемъ. Мы привели выше и то мѣсто, гдѣ г. Катковъ выставляетъ всѣ эти мнимыя противорѣчія, и просимъ читателей посудить, будто все вмѣстѣ это составляетъ критику, будто это можетъ быть названо чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ сценическихъ вскрикиваній г. Каткова, говоря его собственными словами, будто это не есть фосфоръ и трескотня остротъ и фразъ? Просимъ обратить вниманіе на самое выраженіе, на эту «*сатурналію полумыслей и полуобразовъ*», на эти «*головки и хвостики недодѣланной мысли* и т. п.»; просимъ читателей вспомнить, не читали-ли они гдѣ нибудь еще подобныхъ выраженій? Конечно читали въ томъ же самомъ «Русскомъ вѣстникѣ» и въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ г. Каткова, въ которыхъ онъ ловилъ литературныхъ воришекъ; въ этомъ и заключалась вся ловля нашего литературнаго Немврода. Но Немвродъ и до сихъ поръ остается при первобытныхъ способахъ охоты, серьезный критическій разборъ ему оказывается недоступенъ; дальше сатурналіи полуобразовъ и полумыслей, дальше головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли онъ не пошелъ.

Подобная философская критика, употребляемая г. Катковымъ, прежде повела только къ тому, что его противники получали съ каждымъ днемъ все больше и больше вѣсу, и притомъ незаслуженнаго, въ глазахъ нашей читающей публики. То же дѣй-

ствіе произведетъ и новая своеобразная попытка г. Каткова писать философическую критику.

Но кромѣ этого результата, кромѣ усиленія довѣрія нашей молодежи къ каждому слову г. Герцена, безъ изслѣдованія того, право ли это слово или неправо, замѣтка г. Каткова необходимо должна имѣть и другой результатъ. Она привлечетъ къ нему тѣхъ, которые, какъ огня боятся изобличенія злоупотребленій, о чемъ онъ можетъ судить по корреспонденціи съ юга, напечатанной въ «Нашемъ времени», г. Павлова. Такіе люди инстинктивно понимаютъ, кого имъ держаться въ литературѣ, и такимъ образомъ партіи, какъ бы въ самомъ дѣлѣ онѣ ничтожны не были, обозначаются яснѣе; свой своему поневолѣ становится братомъ. Во-вторыхъ, замѣтка оттолкнетъ отъ г. Каткова людей противоположнаго направленія, потому что такіе люди желаютъ въ литературѣ видѣть общественный органъ, служащій самому же обществу, а не личнымъ интересамъ кого бы то ни было.

Особенно жалѣть объ этомъ не придется; потому что литературная дѣятельность г. Каткова все болѣе и болѣе принимаетъ такой характеръ, что она должна остаться безполезною для развитія народнаго сознанія, даже и для движеній нашихъ общественныхъ реформъ. Мало того, можно даже сказать, что она не останется безъ вредныхъ результатовъ. Недостатокъ и безполезность литературной дѣятельности г. Каткова, заключается только въ томъ, что онъ не обращалъ вниманія на уясненіе различныхъ вопросовъ изъ области философіи, политической экономіи и нравственности, или непонимая всей важности этихъ вопросовъ, или не интересуясь ими, какъ дѣломъ, довольно далекимъ отъ его личности, или, что всего вѣроятнѣе, не имѣя достаточно личныхъ средствъ, для обсужденія ихъ. И въ тѣхъ вопросахъ, которыми г. Катковъ интересовался, ученія его, не основываясь на началахъ науки, истинной и серьезной, а выходя изъ науки поверхностной, только имѣющей слишкомъ большія претензіи, грозила серьезною опасностію для нашего развитія, какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго. «Русскій вѣстникъ», при появленіи своемъ, возбудилъ справедливыя симпатіи въ нашей читающей публикѣ; но «Русскій вѣстникъ» первыхъ годовъ и «Русскій вѣстникъ» теперешній, съ его современною лѣтописью, не одно и тоже. Быть можетъ, г. Катковъ въ то время развивалъ одну часть своихъ убѣжденій, а теперь разви-

ваетъ другую, или, быть можетъ, онъ поизмѣнилъ свои убѣжденія, — этого навѣрно сказать мы не можемъ: къ прилежнымъ читателямъ «Русскаго вѣстника» мы никогда не принадлежали. Быть можетъ, наконецъ, все дѣло состоитъ только въ томъ, что сначала г. Катковъ былъ тоже нигилистомъ, отрицателемъ, занимался только критикою существующаго; а потомъ сталъ созидать, и въ своемъ твореніи допускать тѣ же недостатки, которые онъ прежде отвергалъ и осуждалъ въ твореніи времени. Быть можетъ, наконецъ, г. Катковъ, не угнавшись за другими нашими литературными органами въ дѣлѣ нигилизма и прогресса, и побуждаемый хоть даже безсознательно крайнимъ развитіемъ въ самомъ себѣ индивидуализма, не понялъ хорошо своего положенія, не нашелъ другаго исхода для своего самолюбія, какъ вооружиться на все, что́ проповѣдывали люди, опередившіе его, не давая себѣ труда, или, все-таки, не имѣя довольно силъ, чтобы разбирать эти ученія критически, и осуждая разомъ все, даже и то, что утверждалъ прежде самъ онъ. Мы говоримъ, что не можемъ положительно опредѣлить причину измѣненія въ направленіи г. Каткова.

Но не мы одни замѣчаемъ, что перемѣна эта есть. Въ самомъ дѣлѣ, прежде г. Катковъ относился гораздо построже ко всякому злоупотребленію; прежде онъ былъ не прочь сказать свое слово противъ сильныхъ міра, въ защиту классовъ, неблагопріятно поставленныхъ въ обществѣ. Прежде г. Катковъ энергически возставалъ противъ статскаго совѣтника Бланка и противъ князя Черкасскаго; а теперь, хотя г. Катковъ и не говоритъ, что крестьянъ напрасно освободили, и что мужичка подъ-часъ не мѣшаетъ и посѣчь, но это уже, какъ будто, благодаря непослѣдовательности. Общій духъ его писаній таковъ, что онъ, какъ будто, прямо говоритъ, что нашъ народъ еще недозрѣлъ до освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія и отъ розги. Мужичокъ у него оказывается всегда и во всемъ виноватъ, даже виноваты и тѣ, которые гдѣ нибудь, въ темномъ уголку, вздумаютъ защитить его и его интересы. Объ этомъ заявили уже не петербургскіе прогрессисты, а московскіе. И мы позволимъ себѣ порадовать г. Каткова слѣдующимъ извѣстіемъ: нѣкоторые господа, приписанные къ учрежденіямъ, къ которымъ г. Катковъ относился всегда особенно симпатически, и которыя того стоятъ въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ взглядовъ, развиваемыхъ г. Кат-

ковымъ, дѣйствуютъ гораздо съ большею послѣдовательностію, нежели онъ самъ. Они находятъ, что нечего дѣйствовать на нашего мужика убѣжденіемъ, а гораздо практичнѣе убѣждать его другимъ способомъ, и потому, подобно римскимъ консуламъ, они исправляютъ свою обязанность, предшествуемые своего рода ликторами.

Прежде самъ г. Катковъ находилъ, что освобожденному мужичку будетъ плохо безъ земли. Онъ даже сочинилъ свою особенную теорію, чтобы обезпечить прочнымъ образомъ за мужичкомъ пользованіе землею; теперь ужъ «Русскій вѣстникъ» утверждаетъ, что мужичку совсѣмъ земля и не нужна (а кому же она нужна?); что мужичку надобно побольше работать, да только не на свой счетъ, а на чужой. И все это проповѣдывалось съ такого высокаго пьедестала науки, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, наше любезное отечество послѣ Невтоновъ и Платоновъ произвело наконецъ Гегелей, Гнейстовъ и Нибуровъ въ редакціи «Русскаго вѣстника», въ какомъ то московскомъ переулкѣ. Вотъ въ такихъ то случаяхъ и оказывается вполнѣ правъ покойный Хомяковъ, не смотря на всю странность его положенія, принятаго въ смыслѣ слишкомъ общемъ. Дѣйствительно, опасна не наука, а нѣмецкое суевѣріе въ непреложность науки, когда проповѣдуютъ фельетонные болтуны, въ родѣ Густава де-Молинари. И хороши же наши Гегели и Нибуры, не находящіе другихъ предвозвѣстниковъ науки и принимающіе за науку то, что, кромѣ ихъ да французскихъ полуграмотныхъ буржуа, никто не принимаетъ.

Г. Катковъ и г. Леонтьевъ съ великою яростію вооружаются противъ петербургскихъ прогрессистовъ, затвердившихъ безъ всякаго смысла десятокъ прогрессивныхъ фразъ, и на основаніи ихъ желающихъ перестроить весь общественный организмъ. Не таковы же ли и сами они, съ ихъ реорганизаторскими идеями на основаніи научныхъ взглядовъ Молинари?—Не таковы ли они и во всѣхъ своихъ другихъ проектахъ общественной организаціи. Г. Каткова очень часто обвиняютъ за англоманію. Обвиненіе далеко несправедливое; англоманія, равно какъ галломанія, или какая нибудь другая манія, рѣшительно непонятна въ человѣкѣ серьезномъ и основательномъ, и особенно, если онъ къ тому же ученый. Въ самомъ дѣлѣ, что проповѣдуетъ намъ г. Катковъ на основаніи своей англоманіи?—Много вещей очень пріятныхъ, на-

примѣръ, имущественный цензъ, который г. Катковъ предлагаетъ, какъ основу для нашихъ политическихъ комбинацій. Сообразилъ ли г. Катковъ великую разницу нашего общества и англійскаго въ этомъ отношеніи? Мы имѣли случай замѣтить прежде, что въ Англіи промышленность, образованіе капиталовъ давно уже идетъ честною дорогою, что тамъ лучшія силы страны обращены къ производительной дѣятельности, и онѣ же вознаграждены достаткомъ. А у насъ то что? Начинайте съ откупщиковъ и до деревенскихъ міроѣдовъ, проходите всѣ ступени компанейскихъ директоровъ и агентовъ, купцовъ, торгующихъ съ Китаемъ и съ другими странами, чиновниковъ, покупающихъ домики и деревеньки,—много ли во всѣхъ этихъ сферахъ найдете вы капиталовъ, нажитыхъ дѣйствительно честно?—Берите слѣдующія поколѣнія—дѣтей и внуковъ, пользующихся капиталами, оставленными ихъ родителями; тутъ вы увидите купеческихъ сынковъ, варіирующихъ извѣстнымъ образомъ, землевладѣльцевъ, устроивающихъ изъ своихъ домовъ что-то въ родѣ сералей и т. п.; и сравните вы образованіе, политическую способность всѣхъ этихъ людей наделѣнныхъ съ людьми обдѣленными. Кто изъ нихъ способнѣе честно служить странѣ: чиновникъ ли нажившійся или чиновникъ не нажившійся,— деревенскій міроѣдъ, вышедшій въ купцы, или простой безхитростный деревенскій мужичокъ, трудолюбиво и честно проводящій свою жизнь,—откупщикъ милліонеръ, отравлявшій народъ водкою и пивомъ, или скромный коммерческій агентъ, неимѣющій собственнаго состоянія, прикащикъ изъ магазина и ремесленикъ, едва добывающій себѣ и своей семьѣ кое-какъ содержаніе?— Вашъ имущественный цензъ дастъ новое средство подобнымъ людямъ увеличивать свои капиталы, только безъ увеличенія всей вообще массы народнаго богатства, а съ уменьшеніемъ ея въ другихъ слояхъ общества. Г. Катковъ всего этого не разбираетъ; онъ взялъ себѣ за образецъ народъ, который походитъ на насъ едва ли не меньше всѣхъ другихъ народовъ, и рабски копируетъ всѣ его учрежденія, находя, вѣроятно, что намъ уже такъ и не суждено никогда въ устройствѣ нашей жизни руководствоваться нашими собственными потребностями и нашимъ характеромъ. Въ виду этихъ то цѣлей онъ и пустился глействовать, забывши одну маленькую разницу, именно, что организація, исторія, экономическій бытъ и образованіе англійскаго дворянства не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ. Г. Кат-

кову, разумѣется, и до этого дѣла нѣтъ; напротивъ, рабское копированіе ему очень на руку, избавляя его отъ необходимости серьезно изучать наши нравственныя потребности, особенности русскаго народа въ исторіи и въ настоящее время, подобно тому, какъ рабское копированіе французскихъ мнимыхъ экономистовъ освобождаетъ его отъ необходимости серьезно изучать политическую экономію и экономическія потребности русскаго народа. Дѣло, которымъ ограничилъ себя г. Катковъ, въ сущности не представляетъ никакой трудности и лично для г. Каткова оно составляетъ весьма привлекательную смѣсь полезнаго съ пріятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Катковъ очень ловко обставилъ свой журналъ; съ одной стороны Гнейстъ съ его идеями, съ другой Молинари, съ третьей г. Юркевичъ; потомъ, какъ и вездѣ, обыкновенные журнальные сотрудники, имѣющіе во главѣ г. Леонтьева, тоже очень ловко соединившаго въ своей особѣ достоинства Грота, Нибура и Момсена съ достоинствами знатока классической филологіи; а самъ г. Катковъ оставилъ себѣ трудную обязанность быть цензоромъ всѣхъ этихъ знаменитостей, быть представителемъ серьезнѣйшей изъ партій и только по временамъ разражаться филиппикою противъ сатурналій, полумыслей и полуобразовъ, противъ головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли и т. п., да иногда похвастаться будущими своими успѣхами въ изловленіи литературныхъ воришекъ, предоставляя однако самое дѣло г. Юркевичу или кому другому. Положеніе г. Каткова оказывается, такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ завидныхъ, чему соотвѣтствуетъ и серьезный тонъ его рѣчи, когда его кто-нибудь не задѣнетъ. Г. Катковъ очень хорошо и цѣнитъ это серьезное направленіе своей рѣчи и не разъ упрекалъ другихъ за то, что они готовы хоть въ присядку пуститься. Но въ самомъ то дѣлѣ есть и кромѣ него серьезные люди въ литературѣ, которые ему серьезностію рѣчи, пожалуй, и не уступятъ, напримѣръ А. А. Краевскій, ветеранъ русской журналистики и будущій издатель «Голоса». Но если оставить въ сторонѣ эту наружную серьезность, то, говоря по справедливости, въ своихъ идеяхъ политическихъ, экономическихъ и другихъ, г. Катковъ нисколько не ушелъ отъ нашихъ петербургскихъ прогрессистовъ, надъ которыми самъ онъ весьма нерѣдко подшучиваетъ. Дѣйствительно, у нашихъ прогрессистовъ есть заколдованный кружочекъ фразъ, изъ котораго они никакъ не могутъ выбиться.

Наши прогрессисты не обращаютъ вниманія ни на исторію, ни на серьезную науку, и намѣрены перестроивать наше общество сообразно тѣмъ фразамъ, которыя имъ удалось прочесть и на которыхъ они остановились; также поступаетъ и г. Катковъ. Наши прогрессисты пишутъ больше на основаніи безотчетнаго вдохновенія; и г. Катковъ, какъ оказывается, въ своей дѣятельности публициста руководствуется тѣми же началами, которыми онъ прежде руководствовался въ своей дѣятельности поэтической. Вѣдь настоящее то призваніе г. Каткова есть поэзія, ею онъ и занимался въ цвѣтущія лѣта своей жизни и только нашъ прогрессъ въ послѣднее время сдѣлалъ изъ него публициста. Въ самомъ дѣлѣ, весьма интереснымъ представляется слѣдующій вопросъ: сознавалъ ли онъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ результаты для русской жизни тѣхъ заимствованій, которыя онъ намѣренъ сдѣлать у Англіи? Мы не намѣрены здѣсь, на основаніи собственныхъ словъ г. Каткова, подвергать сомнѣнію его честность, мы хотимъ только сказать, что дѣйствительно г. Катковъ имѣетъ чрезвычайно много общаго съ нашими прогресисстами, и уже до сихъ поръ въ собственной дѣятельности г. Каткова, или, можетъ быть, его главнаго сотрудника, г. Леонтьева, оказываются результаты неяснаго и неразумнаго пониманія ихъ англійскихъ заимствованій. Нужно сказать, что г. Тургеневъ своими нигилистами, съ одной стороны, далъ «Русскому вѣстнику» что-то въ родѣ торжества среди нашего журнальнаго міра, который продолжается еще и до сихъ поръ (г. Катковъ думаетъ, что если и одержитъ побѣду, такъ слѣдуетъ ее на славу и отпраздновать), а съ другой—задалъ имъ не малую работу хорошо понять, въ чемъ заключается сущность этого торжества и потомъ еще умѣть воспользоваться имъ. И вотъ цѣлый годъ въ «Русскомъ вѣстникѣ» тянутся разсужденія о нигилизмѣ. Еще недавно, самъ г. Катковъ или г. Леонтьевъ, написали статью «О нашемъ нигилизмѣ». Мы не будемъ распространяться о нигилизмѣ этой самой статьи, обратимъ вниманіе только на одно, что авторъ, за недостаткомъ другихъ аргументовъ, намѣренъ сразить нигилизмъ такимъ образомъ: нигилизмъ, говоритъ онъ, дѣло совсѣмъ не дворянское; онъ приличенъ только семинаристамъ; и напрасно г. Тургеневъ сдѣлалъ своего Базарова сыномъ доктора и внукомъ дьячка; его слѣдовало представить просто сыномъ дья-

Какъ ни глубокомысленны эти соображенія, но они напоминаютъ намъ не столько Гнейста, сколько г-жу Простакову, мать Митрофанушки, которая аргументировала подобнымъ же образомъ, находя, что географія не есть дворянское дѣло. А намъ все приходитъ на умъ г. Чернышевскій съ его отношеніями къ «Русскому вѣстнику». Бѣдный г. Чернышевскій! Какъ же долго его помнятъ! Вѣроятно насолилъ онъ «Русскому вѣстнику».

Мы сказали, что не жалѣемъ о томъ, что г. Катковъ своимъ произведеніемъ оттолкнулъ отъ себя многихъ. Въ самомъ дѣлѣ, идеи и тенденціи г. Каткова заслуживаютъ столько уваженія, симпатіи, сколько идеи заслуженныхъ нашихъ прогрессистовъ, которыя онъ самъ столько презираетъ. И нужно опасаться серьезныхъ опасностей для успѣховъ нашей общественной жизни, если эти идеи когда-нибудь восторжествуютъ. Мы и до сихъ поръ дѣлали слишкомъ много ненужныхъ и неосмысленныхъ заимствованій, отъ которыхъ намъ недешево стоитъ отдѣлаться.

Да притомъ, мы вправѣ требовать, чтобы наши литературные органы руководствовались не личными интересами, а какими-нибудь другими побужденіями, болѣе достойными уваженія. Выругать противника ничего не стоитъ, да только что изъ этого выйдетъ?—Мы увѣрены, что замѣтка для издателя «Колокола» произведетъ дѣйствіе болѣе вредное, нежели полезное, что ни самого г. Герцена, ни его почитателей она не доведетъ до необходимости серьезнѣе вдумываться въ современныя потребности нашей жизни; она не заставитъ г. Герцена симпатичнѣе относиться къ мѣрамъ, имѣющимъ въ виду серьезное образованіе юношества, не сниметъ атеизма съ его знамени, поднятаго во имя пятидесяти милліоннаго религіознаго народа, не заставитъ его *(не?)* возлагать преувеличенныхъ надеждъ на соціализмъ и не дастъ ему такта для разбора разныхъ прогресивныхъ господъ, являющихся къ нему и выдающихъ себя за великихъ политическихъ двигателей, образовавшихъ въ Россіи партіи и т. п. А укажите вы г. Герцену его заблужденія, объясните ему хорошо современное состояніе Россіи, и онъ, по необходимости, исключитъ весьма многое изъ своей программы и смягчитъ рѣзкость цвѣтовъ въ своемъ изданіи. Мы не надѣемся, чтобы когда-нибудь наша литература могла заставить г. Герцена отказаться отъ своего изданія. Но смягчить его, изгнать изъ него то, что есть въ

немъ вреднаго для единственнаго возможнаго намъ мирнаго развитія нашей жизни, она можетъ. Только для этого нужны не такіе дѣятели, какъ г. Катковъ, и не тотъ способъ отношенія къ нашимъ эмигрантамъ, какой позволилъ себѣ г. Катковъ. Впрочемъ, какъ мы уже сказали, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ возраженій, или лучше сказать, противорѣчій, г. Катковъ правъ. Не правы только его раздраженіе и происходящія отсюда неприличныя ругательства, равно какъ и тѣ доказательства, которыми г. Катковъ старается поддержать свои противорѣчія. Какъ мы видѣли, недостаточность этихъ доказательствъ происходитъ иногда не отъ сущности дѣла, а отъ того, что г. Катковъ и плохо знаетъ дѣло, и никакъ не умѣетъ справиться съ нимъ. Г. Катковъ сердитъ, да не силенъ.

14.

Полемика г. Каткова съ издателями «Колокола».

Въ послѣдней книжкѣ «Русскаго вѣстника», этого степеннаго журнала, отличающагося теперь хорошимъ тономъ и благомыслящимъ направленіемъ, была напечатана «*Замѣтка для издателя Колокола*».

Заглавіе это, быть можетъ, покажется не для всѣхъ нашихъ читателей достаточно яснымъ, и потому мы считаемъ необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время, почти во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ, хотя и глухо, но все-таки упоминалось о томъ же предметѣ.

Мы разскажемъ только сущность дѣла [illegible]ть по возможности кратче и сдержаннѣе въ наш

Одинъ изъ талантливѣйшихъ и остроумн[illegible] телей, А. И. Герценъ, извѣстный г[illegible]

донимомъ Искандеръ) по многимъ прекраснымъ статьямъ, помѣщавшимся въ прежнее время въ «Современникѣ» и т. п. друг., и безъ всякаго сомнѣнія стоящимъ въ литературномъ отношеніи безконечно выше всего того, что писалъ Андрей Печерскій (псевдонимъ П. Ив. Мельникова), гг. Катковъ, Н. Ф. Павловъ и имъ подобные—около десяти лѣтъ назадъ уѣхалъ за границу, остался тамъ, и живетъ въ настоящее время въ Лондонѣ, гдѣ и издаетъ съ г. Огаревымъ русскій журналъ, подъ названіемъ «Колоколъ».

Журналъ этотъ строго запрѣщенъ въ Россіи, и конечно могъ проникать въ наше отечество, по преимуществу, чрезъ посредство возвращавшихся въ Россію путешественниковъ, и то только тѣхъ, которые рисковали дать мѣсто этой контрабандѣ въ своихъ карманахъ. Намъ говорили, что будто бы г. Герценъ самъ посылаетъ къ нѣкоторымъ «избраннымъ лицамъ» №№ своего журнала просто по почтѣ, точно такъ, какъ онъ послалъ письмо къ г. Каткову.

Вотъ и все, что́ мы считаемъ нужнымъ сообщить здѣсь по поводу приведеннаго нами заглавія.

Дѣло въ томъ, что г. Катковъ въ одномъ изъ №№ «Современной лѣтописи» сдѣлалъ намекъ, что гг. Герценъ и Огаревъ, «сидя за плечами лондонскаго полисмена» волнуютъ нашу молодежь и прибавилъ, что онъ знаетъ «какіе это люди». Г. Герценъ въ письмѣ къ издателю Русскаго вѣстника, проситъ у него объяснить: *какіе въ дѣйствительности люди, издатели Колокола?* На этотъ-то вызовъ г. Катковъ, конечно, не сидя за спиною лондонскаго полисмена, и написалъ совершенно свободно для русской публики, свою исполненную благородства и приличія замѣтку, съ которою конечно не совсѣмъ вѣжливо поступила сгоряча «Сѣверная пчела», поспѣшившая, впрочемъ, загладить свою ошибку не только перепечатаніемъ замѣтки г. Каткова на своихъ столбцахъ, но даже и приличнымъ откровеннымъ и, какъ говорятъ многіе, самымъ честнымъ поясненіемъ, къ сожалѣнію нѣсколько испорченнымъ похвальными мѣстами своей смѣткѣ и услужливости передъ публикою. «Сынъ отечества», по проторенному и часто повторяемому имъ примѣру, также поторопился перепечатать любопытную замѣтку г. Каткова. П. Ф. Павловъ, этотъ маститый и изощрившійся на тонкостяхъ публицистъ не пошелъ по этому пути, а пользуясь поданнымъ сигналомъ самъ выкинулъ оригинальный флагъ, подъ фирмою Герценъ и Ога-

ревъ. Незная какому изъ этихъ путей послѣдуютъ оставшіеся въ живыхъ наши собратія по журналистикѣ, мы, съ своей стороны, очень сожалѣемъ, что не можемъ ни перепечатать этой интересной замѣтки, ни поговорить о ней такъ, какъ это сдѣлала «Сѣверная пчела». Не перепечатываемъ замѣтки потому, что вообще не имѣемъ привычки перепечатывать чужія статьи, какъ это могли замѣтить наши читатели, да наконецъ этой велерѣчивой замѣткѣ собственно и не мѣсто, въ такомъ скромномъ и уютномъ листкѣ какъ наша газета. Каждому свое. Что же касается до разбора самой замѣтки, то и этого сдѣлать не можемъ по весьма уважительной причинѣ: г. Катковъ собственно говоря, разбираетъ журналъ «Колоколъ». Для того, чтобы разбирать какой нибудь споръ, должно, какъ говоритъ Гёте, «милостиво выслушать обѣ стороны». Къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи мы не такъ счастливы, какъ г. Катковъ, редакторы «Сѣверной пчелы» и наконецъ Н. Ф. Павловъ. Они, какъ говорятъ сами, имѣли случай получать «Колоколъ», до нихъ доходили №№ этого журнала. Мы были менѣе счастливы въ этомъ отношеніи, и признаемся со всею откровенностію, какъ то случайно видѣли два отдѣльные №№ «Колокола», изъ которыхъ не могли вывести никакого заключенія.

Вотъ почему и въ настоящемъ случаѣ должны отказаться отъ всякаго участія въ спорѣ, предоставивъ это дѣло болѣе компетентнымъ судьямъ. Съ своей стороны, мы полагаемъ гораздо приличнѣе заглянуть въ нашу доморощенную литературу и поискать тамъ явленій, могущихъ остановить вниманіе читателя, въ особенности въ настоящее время.

15.

Изъ Москвы.

Маленькое разсужденіе вмѣсто предисловія.—Кое-что о гг. Катковѣ, Молинари и Мазадѣ.—Подметныя письма.—Разговоръ между наборщиками. — Старая исторія и новый анекдотъ.

Странныя дѣла дѣлаются на свѣтѣ, читатель, удивительно странныя! Думаешь, напримѣръ, про человѣка, что онъ и честенъ, доброкачественъ, и готовъ, такъ сказать, если не животъ свой положить за родину—на это охотниковъ мало—то по крайней мѣрѣ стоять за полезное изъ всѣхъ силъ, отбросивъ въ сторону всякія личныя оскорбленія. Если такъ хорошо думать, —думаешь про того человѣка,—то само собой разумѣется, что этотъ человѣкъ самъ о себѣ еще высшаго мнѣнія. Просто влѣзетъ въ его голову такая фраза — «я, молъ, начало и конецъ всякой премудрости» — и топоромъ не выбить этой фразы изъ головы хорошаго человѣка. Всѣ вѣдь мы самолюбивы. А тутъ еще пріятели жужжатъ въ уши про умъ и таланты и небывалую популярность. Хорошій человѣкъ въ восторгѣ, и въ одно прекрасное утро бросаетъ всякую скромность и начинаетъ говорить пророческимъ голосомъ обо всемъ, даже о такихъ вещахъ, которыхъ онъ изъ своего кабинета никакъ увидѣть и узнать не могъ. «Господа, хорошій человѣкъ сталъ заговариваться,—начинаетъ говорить умный пріятель.—Его бы осадить слѣдуетъ—пусть знаетъ онъ свое мѣсто и изъ границъ не выходитъ. Вѣдь, собственно говоря, что онъ такое? трупъ, сохранившійся еще въ спертой атмосферѣ. Но какъ скоро повѣяло свѣжимъ воздухомъ —онъ и сталъ разлагаться». Хорошій человѣкъ случайно услышалъ о себѣ такое мнѣніе, и просто взбѣленился. «Караулъ, пожаръ» кричитъ благимъ матомъ: «меня оскорбили, подъ мою славу подкопались. Не пощажу же и я»... И начинаетъ тузить пріятеля при всей почтеннѣйшей публикѣ—«смотрите, молъ, какъ я отличаюсь!»...

Не правда ли все это странно? — Напротивъ, это очень естественно, отвѣчаете вы. А я все - таки повторю: странныя дѣла дѣлаются на свѣтѣ, странныя заблужденія существуютъ въ мірѣ! И вѣдь какъ легко входятъ въ человѣческія головы иныя заблужденія. Стоитъ одному соврать что-нибудь въ досужій часъ— глядишь, ужъ десятки повторяютъ вранье то, вовсе не провѣривъ его собственной критикой, потому что привыкли все схватывать на лету, или не имѣя данныхъ для провѣрки его. И вранье гуляетъ по свѣту какъ непреложная истина не только годы, десятки лѣтъ, но и цѣлыя столѣтія. Изъза вранья страдаютъ отдѣльныя личности, страдаютъ цѣлые народы... Нѣтъ, будетъ—ужъ слишкомъ высоко я поднялъ, нужно спуститься. Собственно говоря, это предисловіе, пожалуй, и ненужно, я хотѣлъ только сказать о томъ враньѣ, которое распускаютъ о насъ иностранцы, толкуя вкривь и вкось о томъ, что донеслось къ нимъ съ вѣтру, и раздавая почести и славу по своему благоусмотрѣнію и благорасположенію. Извѣстно, что Булгаринъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ энциклопедіяхъ пользуется славою знаменитаго русскаго романиста, а Н. И. Гречъ славою не менѣе знаменитаго публициста. А вотъ г. Мазадъ (Mazade), французскій писатель, назвалъ недавно и г. Каткова «le plus éminent publiciste russe» въ одной своей статьѣ, помѣщенной въ Revue de deux mondes. Значеніе г. Каткова я не осмѣлюсь сравнивать съ значеніемъ гг. Булгарина и Греча (*). То было время, нынче — другое. О г. Катковѣ я говорю единственно потому, что онъ попался мнѣ подъ руку по милости г. Мазада. Откуда г. Мазада могъ узнать, что г. Катковъ знаменитѣйшій русскій публицистъ, когда этого не знаетъ и русская публика, и еслибъ прочла вышеприведенную фразу, то вѣроятно пришла бы въ крайнее недоумѣніе. Я жилъ въ провинціи въ то время, когда «Русскій вѣстникъ» сталъ издаваться. Кто такой Катковъ? спрашивали другъ у друга провинціалы. Что онъ написалъ такое? — А это профессоръ университета. Переводилъ онъ Шекспира, изучалъ философію и богословіе, писалъ критики, Московскія вѣдомости редактировалъ. Не слыхали, не знаемъ, не читали. Явились статьи о Пушкинѣ, подписанныя Катковымъ. А вотъ онъ (?) прочтетъ. Темный

(*) Почему же и не сравнивать? Нельзя сравнивать только совершенно разнородныхъ писателей. *Ред.*

лѣсъ—ничего не поймешь. А вѣдь г. Катковъ воображалъ, что онъ написалъ вещь единственную, что онъ за-поясъ заткнулъ Бѣлинскаго и уяснилъ наконецъ русской публикѣ, что̀ такое Пушкинъ. Потомъ уязвленный равнодушіемъ публики, г. Катковъ пересталъ подписываться подъ своими статьями, а «Русскій вѣстникъ» между тѣмъ пошелъ въ провинціи, опираясь преимущественно на статьи Щедрина, Печерскаго и т. п. Откуда же г. Мазадъ узналъ, что г. Катковъ знаменитый русскій публицистъ? А должно быть отъ г. де-Молинари, сего извѣстнаго ученаго болтуна, смертельно наскучившаго всей русской публикѣ и читаемаго единственно корректорами типографіи Каткова и К° и самими редакторами Русскаго вѣстника. Но развѣ г. Молинари знакомъ съ г. Мазадомъ? Помилуйте, зачѣмъ тутъ знакомство, когда г. Молинари имѣетъ возможность разнесть славу своего друга и пріятеля по всей, такъ сказать, Европѣ и посредствомъ своего Economiste Belge. Да наконецъ и Economiste Belge не нуженъ. Въ прошломъ году Молинари издалъ большой томъ болтовни, мѣстами впрочемъ интересной, о Россіи, подъ заглавіемъ: «Lettres sur la Russie» (*). Сочиненіе это посвящено имъ Каткову (A Monsieur Michel Katkof, Directeur du Messager Russe (Rousskiy Weztnik) á Moscou). Въ посвященіи, благодаря г. Каткова за любезное гостепріимство, онъ говоритъ ему, что онъ, г. Катковъ, обладаетъ «горячею любовью къ добру, чистотой намѣреній, безкорыстнымъ характеромъ, возвышенностью ума»... Г. Мазадъ повѣрилъ этому, а русскій читатель готовъ воскликнуть:

Кукушка хвалитъ пѣтуха
За то, что тотъ хвалитъ кукушку,

и докажетъ разумѣется этимъ восклицаніемъ свою незрѣлость своей головы какимъ нибудь refugiè. Я же съ своей стороны, отъ всей души готовъ повѣрить французу, особенно относительно *безкорыстнаго характера* г. Каткова и возвышенности его ума, и готовъ воскликнуть нагло всѣмъ, что М. Катковъ est le plus éminent publiciste russe и тѣмъ скорѣе готовъ воскликнуть это, что никто, кромѣ его, не обладаетъ такой энергіей въ брани...

(*) письма первоначально печатались въ «Economiste Belge».

Это profession de foi я дѣлаю затѣмъ, что возъимѣлъ намѣреніе (?) сейчасъ съ редакціей «Русскаго вѣстника». Я открылъ одну затхлую англійскую книжку, имѣющую нѣкоторую связь съ поднятымъ теперь у насъ въ Петербургѣ вопросомъ о нѣкоихъ будочникахъ на улицахъ, и намѣренъ написать для г. Каткова статью о семъ предметѣ листовъ въ десять печатныхъ. Благосклонность редакціи извѣстна относительно статей объ англійской жизни, и я надѣюсь зашибить нѣкоторую сумму у богатаго теперь «Русскаго вѣстника».

Говорятъ, и въ Москвѣ явились какія-то подметныя письма. Смѣю думать, что если это и правда, то вѣрно кто нибудь дурачится. Дѣлать человѣку нечего—засядетъ и наваляетъ нѣсколько нелѣпыхъ писемъ, съ угрожающе-новымъ содержаніемъ и разбросаетъ; «авось, думаетъ, поволнуется общество», и не ошибется конечно. Я иначе не могу объяснить себѣ этого факта, показывающаго удивительную неразвитость головы сочинителя подметныхъ писемъ, въ которыхъ, между прочимъ (по слухамъ мнѣ это извѣстно), угрожаютъ грабежемъ на улицахъ съ осени, когда ночи станутъ потемнѣй. «Мы де станемъ тушить фонари и грабить». Что за нелѣпица? И кто повѣритъ этому, да и какъ можно вѣрить этой угрозѣ, показывающей совершенную несостоятельность умственныхъ способностей у писавшаго.

Недавно я, возвращаясь вечеромъ, захотѣлъ закусить, и зашелъ въ трактиръ и слышалъ тамъ разговоръ такого рода между двумя наборщиками, пившими чай.

— Замучилъ, просто замучилъ, говорилъ одинъ.

— Въ припорцію хотѣлъ, значитъ, вогнать, отвѣчалъ другой!

— Оно, конечно, припорція вещь хорошая, а только пять корректуръ одной и той же статьи—вѣдь это ужъ слишкомъ.

— Что жъ—за то бумаги пошло меньше. Статью-то онъ раза въ три сократилъ. А писалъ-то, говорятъ, съ пѣною у рта.

— Еще бы нѣтъ—видно ужъ больно за живое задѣли.

— Ну да и онъ же за то отвалялъ, просто по-кабацки, братъ! Лихо!

Я было спросилъ о какой это статьѣ они говорятъ, но онѣ не дали удовлетворительнаго отвѣта, сказали только, что вотъ, какъ напечатается, такъ самъ увижу. Это было уже съ мѣсяцъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ много газетъ книжекъ и брошюръ вышло въ Москвѣ, нигдѣ мнѣ не попадалось ничего подо

— Глупъ ты, куманекъ любезный. Житье наше первый сортъ.

— Ужли?

— Ей-богу. Теперь разсуди. Я сытъ, обутъ, одѣтъ... Такъ?

— Такъ.

— Хорошо. Тепериче прошлой зимой къ студентамъ на хватеру дѣвицы пришли—понимаешь?

— Знамо дѣло.

— Ну, пришли, говорю, дѣвицы это къ нимъ ночью. На утро приходитъ ко мнѣ студентъ: «Будочникъ, говоритъ, меня обокрали дѣвицы — сдѣлай милость пойдемъ. Тридцать, говоритъ, рублевъ вынули изъ шкатулки». Можетъ, говорю, это не онѣ?— «Безпремѣнно, говоритъ, онѣ, потому болѣ некому». Сейчасъ мнѣ студентъ три цѣлковыхъ въ руку. Беру и иду. Прихожу — мнѣ дѣвицы три цѣлковыхъ. Этого всего сколько? Шесть. Такъ али нѣтъ?

— Такъ, уныло, съ нѣкоторой завистью отвѣчалъ мѣщанинъ.

— Хорошо. Считаемъ мы вѣрно. Теперича — замѣтъ же—зимой же, приходятъ, говорятъ мнѣ: у трахтира пьяный баринъ умираетъ. Иду, гляжу—точно, лежитъ пьяный баринъ въ бекешѣ съ воротникомъ, а возлѣ, въ снѣгу, лежатъ его ботики, славные такіе ботики. Сейчасъ—извощикъ, говорю, подавай! Извощики всѣ у насъ подъ началомъ—должны, значитъ, насъ возить безпремѣнно, безъ отговору. А заартачится—въ рыло, либо по шеѣ. Знай, молъ, начальство. Это у насъ завсегда такъ, потому безъ этого нельзя никакъ. Ввалилъ я пьянаго барина въ сани, и въ часть сдалъ. А ботики себѣ взялъ, потому, зачѣмъ барину ботики? Можетъ за ночь-то онъ умретъ, а не умретъ — другіе сдѣлаетъ. А ботики славные—я тѣ вотъ сейчасъ покажу ихъ. Цѣлую зиму проходилъ—крѣпки еще, и на ту хватятъ... Славные ботики...

Вотъ и скажутъ про меня, пожалуй: въ обличители лезетъ, а выходитъ что

«Казнитъ онъ маленькихъ воришекъ,
«Для удовольствія большихъ.»

А хоть бы и такъ, читатель?... Вѣдь я вамъ докладывалъ, что у меня задумана ст. въ 10 листовъ для «Русскаго вѣстника» надо, чтобы онъ ее принялъ. Такъ вы это понимаете!... данья!

16.

Нашъ русскій Мадзини.

«Русскому вѣстнику» суждено дѣлать открытія: такова, знать, счастливая звѣзда его. Онъ открылъуже, на своемъ вѣку, Англію и Гнейста (хотя этотъ послѣдній былъ похищенъ у него, съ конторки, однимъ изъ его сотрудниковъ); открылъ невиданную и неслыханную «русскую общину», познакомилъ насъ съ «консервативнымъ прогрессомъ» (о коемъ тоже молчали историки); наконецъ, въ одной изъ своихъ послѣднихъ книжекъ, сдѣлалъ еще болѣе важное открытіе.... Нѣмѣетъ мысль и замираетъ перо въ рукѣ, не въ силахъ будучи изобразить все величіе этого открытія и его громадную пользу для общественной нравственности, для отрезвленія умовъ заблудившихся. Представте себѣ, читатель, что А. И. Герценъ, извѣстный нѣкогда въ Россіи подъ псевдонимомъ Искандера и пріобрѣвшій, сколь помнится, полное сочувствіе публики за свои произведенія: «Кто виноватъ», «Письма объ изученіи природы», «Записки доктора Крупова» и др., представьте себѣ, что этотъ Герценъ, быть можетъ, любимый и вами за свой неистощимый талантъ,—внезапно скрылся въ 1848 г. изъ Россіи и, «спрятавшись за спину лондонскаго полисмена» (по счастливому выраженію лорда Каткова), сталъ издавать вредный и безнравственный журналъ «Колоколъ», который и продолжаетъ издавать до нашихъ дней. Трудно и горько, читатель, повѣритъ этому извѣстію, а не повѣрить тоже нельзя, потому что г. Катковъ... человѣкъ вполнѣ достовѣрный: ему ясна звѣздная книга и онъ разумѣетъ лепетанье ручьевъ. Ну вотъ и вѣрьте, послѣ такого пассажа, въ наши доморощенные таланты? Ктобы ожидалъ этого отъ Герцена? «О, Викторъ Ипатьевичъ! О, Аскоченскій—взывали мы, подобно Крезу, вспомнившему въ смертный часъ о премудромъ Солонѣ—почто мы не слыхали тогда медвыхъ рѣчей твоихъ? почто цѣнили талантъ, а не благонаренность?!

Трудно передать всю гнусность этого «Колокола» и все неприличіе лондонскаго поведенія г. Герцена. Довольно того, что М. Н. Катковъ считаетъ пропаганду г. Герцена вреднѣе послѣднихъ петербургскихъ пожаровъ: «поджигатели—говоритъ онъ—поджигаютъ по мелочамъ, а г. Герценъ en grand, возбуждая революціонныя страсти». Всѣ недавнія политическія агитаціи въ Россіи произошли, по мнѣнію Михаила Никифоровича, вслѣдствіе наущеній нашего лондонскаго публициста: Обручевъ есть только невинная жертва, закланная руками г. Герцена (бѣдный Обручевъ!); всѣ прокламаціи, въ томъ числѣ и воззваніе къ «Молодой Россіи» (осужденное, впрочемъ, г. Герценомъ) писаны подъ диктовку того же дѣятеля. Красно и сильно объясняетъ г. Катковъ успѣхи революціонной пропаганды «Колокола» (заимствуемъ вполнѣ эти прелестныя строки, такъ какъ мы сами вредныхъ изданій не читали и читать не будемъ, а потому не можемъ объяснить: откуда берется у нихъ такое вліяніе на умы?).

«На что опирались издатели «Колокола»? вопрошаетъ г. Катковъ. Что имѣлъ за собою нашъ генералъ отъ революціи (т. е. Герценъ)? Онъ опирался на то, что мы должны, во что бы то ни стало, отдѣлаться; онъ опирался на то зло, которое выработалось и скопилось у насъ за прежнее время. Единственная сила, на которую онъ опирался, есть ничто иное, какъ безсиліе нашей общественной цивилизаціи, безсиліе нашего общественнаго мнѣнія, безсиліе нашей казенной науки и внутренній разладъ, который господствуетъ между мыслью и жизнью. Силы этой оказалось довольно—и Герценъ, не безъ гордости, могъ явиться въ сонмъ генераловъ отъ революціи и занять тамъ приличное мѣсто, какъ представитель русскаго народа. И вотъ для этой-то чести, ради этого высокаго чина, нашъ герой не усомнился пожертвовать своей совѣстью. Онъ достигаетъ своей цѣли; онъ принимаетъ поздравленія и адресы и участвуетъ на совѣщаніяхъ о всемірной революціи.» Э-хе-хе! вонъ онъ каковъ Герценъ-то! «принимаетъ поздравленія», «участвуетъ на совѣщаніяхъ о всемірной революціи».

Безпристрастный, какъ Ѳемида (которая, какъ извѣстно, была слѣпа), г. Катковъ отдаетъ Герцену нѣкоторую дань справедливости за то, что въ его «Колоколѣ» печатались разные интересные документы, приходившіе изъ Россіи (любопытно бы, однако, въ этотъ «Колоколъ»!), но и это, по его мнѣнію, слу-

чайное достоинство должно быть отнесено на счетъ корреспондентовъ Колокола. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за трудъ редактору найти хорошихъ корреспондентовъ? Вѣдь добыла же себѣ «Современ. Лѣтопись» г. Скарятина (Вольдемара):—ужъ на что лучше корреспондента: и людей знаетъ, и табуны изучилъ, а «Лѣтопись» совсѣмъ не хвастается имъ.—Видя въ Герценѣ только «мутителя палатъ» и «легкоязычнаго витію», г. Катковъ справедливо изливаетъ на него полный фіалъ своей ярости. Въ массѣ желчныхъ словъ, произнесенныхъ имъ по этому поводу, нѣкоторыя отличаются неслыханной доселѣ въ печати развязностью. «Жалкій ломака! Онъ дошелъ до одурѣнія! Безчестный агитаторъ! Старая блудница! Дрянь-человѣкъ! Глупый кривляка!» вотъ тѣ пряности, которыми снабжена (и по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно) статья г. Каткова съ его собственнымъ увѣреніемъ, что писанія г. Герцена производятъ вліяніе только на «беззащитные, незрѣлые и разстроенные умы?» Вѣдь если это такъ, то значитъ Колоколъ-то (что́ насъ очень радуетъ) вовсе не опасенъ для нашего благосостоянія; не все же у насъ «беззащитные и незрѣлые люди», не мало и такихъ столповъ отечества, какъ гг. Катковъ и Леонтьевъ. Впрочемъ, маленькая непослѣдовательность понятна въ человѣкѣ увлекшемся и потому можно бы, кажется, извинить Мих. Никифоровичу его гнѣвъ и немного базарный тонъ — тѣмъ болѣе, что этотъ тонъ принятъ имъ (по его собственнымъ словамъ (изъ *уваженія къ публикѣ*) публика умѣла оцѣнить это уваженіе). Но къ сожалѣнію, дѣло не обошлось безъ придирокъ. «Сѣверн. Пчела»—благонамѣреннѣйшая изъ русскихъ газетъ, отнявшая пальму первенства у своихъ соперницъ: «Сѣверной Почты» и «Нашего Времени»—помѣстила у себя замѣтку г. А. Б., въ которой строго осуждаются московско-татарскія замашки г. Каткова. Къ чему, скажите, такая щепетильность и церемонность? Хорошо еще, что редакція Сѣв. Пчелы скоро спохватилась и, отказавшись отъ всякой солидарности съ коварнымъ А. Б., отпустила множество земныхъ поклоновъ г. Каткову (усердіе все превозмогаетъ!). Въ одномъ согласилась «Пчела» съ «Русск. вѣстникомъ»—въ оц турнаго таланта г. Герцена. Г. Катковъ не п грошъ этотъ талантъ: онъ даже ставитъ его неиз таланта своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ по *бе. ской части*—гг. Бабикова, Безыменнаго,

Нарской etc. По мнѣнію же «Пчелы» талантъ этотъ—весьма большаго калибра. «Безъ таланта—говоритъ «Пчела»—нельзя ни одной минуты властвовать надъ умомъ читателя, а Герценъ, до сихъ поръ, своими прежними произведенія, имѣетъ вліяніе на умы». Но относительно политическихъ и иныхъ ученій Герцена, «Пчела», конечно, во всемъ согласна съ «Вѣстникомъ».

Увы, Пчела! Въ какой борьбѣ въ ней страсти
И ни одной нѣтъ силы побѣдить—
Какъ не признать въ талантѣ—власти,
Но какъ же не бранить?!?!

17.

Рыцари здраваго смысла.

«Мы всегда вопіяли противъ здраваго смысла.» Такою шуткой начинается 35 нумеръ газеты «Наше Время». Только напрасно «Наше Время» шутитъ этими словами; противъ здраваго смысла «Наше Время» вопіетъ вовсе нешутя, и вопіетъ съ самаго начала, т. е. съ заглавія.

Какой-то французскій острякъ утверждалъ, что для полнаго успѣха, заглавіе сочиненія должно, во-первыхъ, заключать въ себѣ какъ-можно-менѣе смыслу; а во-вторыхъ, какъ можно менѣе соотвѣтствовать содержанію сочиненія. Я думаю, что «Наше Время» позаимствовалось этою остротою у досужаго француза.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ наше время «Наше Время» печатаетъ въ одномъ и томъ же нумерѣ двѣ такія статьи, какъ статья г. Б. ина и письмо графа Орлова-Давыдова; да неудовольствуясь и этимъ, печатаетъ еще третью, свою, кровную, ре-

дакторскую, въ которой не знаешь чему удивляться больше — изобилію ли здраваго смысла или симпатіи къ людямъ, уклоняющимся отъ исполненія своихъ обязанностей, подъ тѣмъ предлогомъ, что пребывать въ нѣдрахъ семейства ужъ оченно пріятно и спокойно.

Сіятельный графъ не довольствуется существованіемъ сословій; онъ хочетъ, чтобы каждое изъ нихъ выражалось своимъ, рѣзко отличающимся языкомъ; пусть де графъ говоритъ по графски, купецъ по купецки, а мужикъ по мужицки. Графъ хочетъ, чтобы сословія имѣли не только каждое свои особенныя права и обязанности, но желаетъ еще, чтобы каждое отличалось отъ другаго и воззрѣніями и понятіями.

Однакожъ, графъ, что прикажете вы дѣлать съ мужикомъ, если ему понравятся и вашъ графскій языкъ и ваши сіятельныя понятія. Запретить мужику имѣть графскія понятія и употреблять сіятельный языкъ будетъ не совсѣмъ ловко, ибо эти языкъ и понятія вы считаете вѣроятно образцами для людей всякихъ сословій.

Графъ идетъ дальше и держится того мнѣнія, что не худо бы въ кашу сословій подпустить щепотку предразсудковъ, да еще страстей сословныхъ горсточку. Ничего, не мѣшаетъ; скусъ, выражаясь мужицкимъ языкомъ, будетъ. Да къ тому же и развлеченіе могутъ доставить публикѣ не маленькое. Вообразите, читатель, въ 1862 году слѣдующій спектакль: вдругъ выскочитъ купецъ «съ примѣсью сословныхъ предразсудковъ и страстей» (собственное выраженіе графа Орлова-Давыдова) и потребуетъ, чтобы торговать на Москвѣ запретить кому бы то ни было, кромѣ купцовъ, происходящихъ по прямой линіи отъ коренныхъ московскихъ гостинодворцевъ. Во второмъ актѣ явится самъ графъ Орловъ-Давыдовъ, не лишенный, надѣюсь, той же примѣси, да и потребуетъ, чтобы ѣздить въ каретахъ четверней цугомъ дозволено было только благородному россійскому дворянству.

Читатель скажетъ, можетъ-быть, что такое предположеніе нелѣпо, но я на этотъ разъ съ читателемъ не соглашусь; вѣдь дѣло идетъ о *предразсудкахъ и страстяхъ* и, слѣдовательно, мы дворяне и вправѣ ожидать такого подвига отъ этого бойкаго защитника нашихъ нравовъ; признаюсь, я даже удивляюсь почему графъ, желающій особыхъ для каждаго сословія языка

и понятій, не предложилъ уже за одно назначить для каждаго сословія и особую сбрую.

Что́ касается до понятій, то различіе, можетъ-быть, уже и существуетъ въ головахъ нѣкоторыхъ господъ и я нисколько не удивляюсь, если эти нѣкоторые предложатъ слѣдующія, напримѣръ, правила нравственности: если мѣщанинъ не платитъ долговъ, то считать его банкротомъ и подлецомъ. Если же дворянинъ платитъ долги, то грѣшитъ противъ здраваго смысла и подходитъ подъ категорію людей, которые изумляютъ «Наше Время» умѣньемъ подниматься на такую идеальную высоту, «что мы («Наше Нремя») не находимъ въ себѣ силы слѣдовать за ними даже и глазами».

Графъ Орловъ-Давыдовъ проповѣдуетъ новость, что дворянство есть учрежденіе политическое, а г. Чичеринъ отдаетъ ему за это должную дань удивленія.

Я тоже преклоняюсь, какъ предъ изобрѣтателемъ, такъ равно и предъ его ученымъ поклонникомъ, но смѣю спросить ихъ — о какомъ дворянствѣ говорятъ они? Вѣдь дворянство дворянству рознь; у его величества императора Суллука тоже было свое дворянство. Объ англійскомъ? да, это — дйствительно политическое учрежденіе, но потому-то оно и остается учрежденіемъ, что умѣетъ отрекаться во-время. Отрекается, правда, безъ увлеченій и фразъ, отрекается чрезвычайно умно и ловко, отпираетъ во время шлюзы и потому успѣваетъ пока спасти плотину. Но увы, даже и при такомъ очень-умномъ и разсчетливомъ образѣ дѣйствій уже близится то время, когда и тамъ плотины не будетъ. Хорошо только то, что ее не снесетъ вдругъ разрушительнымъ потокомъ, а уничтожится плотина сама-собою, по той простой причинѣ, что и теперь шлюзовъ открыто уже столько, что между ними остаются только тонкія переборки.

Если вы говорите о дворянствѣ французскомъ и итальянскомъ, то что же похожаго на политическое учрежденіе видите вы въ нихъ? Я, признаюсь, ничего не вижу. Какъ итальянское, такъ и французское дворянство составляютъ только тупую, безсильную и смѣхъ возбуждающую опозицію всему тому, что выражается заглавіемъ газеты «Наше время».

Въ Италіи, люди умные давно поняли, что дворянство смѣш-
анахронизмъ, и такіе итальянцы, какъ Кавуръ и Рикàзоли,

у которыхъ предковъ сидитъ на плечахъ вдесятеро болѣе, чѣмъ у любаго изъ нашихъ графовъ, забыли и думать о привилегіяхъ дворянства. За тоже и ненавидятъ ихъ всякія старухи съ Lungo l'Arno (во Флоренціи) и изъ Сен-Жерменскаго предмѣстья.

Если вы говорите о русскомъ дворянствѣ, то я думаю, что оно сочувствуетъ гораздо болѣе такимъ людямъ, какъ Рикáзоли и Кавуръ, нежели старухамъ, которыя отъ скуки и за неимѣніемъ баловъ и выходовъ, куда могли бы таскать свои поблекшія прелести — занимаются на старости лѣтъ воздушными замками о возвращеніи австрійскихъ герцоговъ. Русское дворянство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, не заявило еще себя подражателемъ этихъ жалкихъ, безсмысленныхъ и нерѣдко гибельныхъ попытокъ переть противъ рожна, а съ нимъ противъ здраваго смысла — попытокъ, которыми такъ прославилось дворянства французское, итальянское и другія.

Графъ Орловъ-Давыдовъ думаетъ, что не здравый смыслъ и интересы всего народа, а дворянство служитъ самою твердою опорою монархіи. Вотъ это ужъ не новость. Я думаю, что даже и самъ ученый панегиристъ графа, г. Чичеринъ, не скажетъ, что это — ново. Эту пѣсню пѣли на всѣ лады и разыграли на всѣхъ концертахъ. Жаль только одного: исторія и сила обстоятельствъ пошли совсѣмъ въ разладъ съ этою сладкою пѣсней.

Кто погубилъ во Франціи монархію Бурбоновъ? дворянство. Почему въ Англіи такъ незыблемо стоитъ монархія? Я думаю, и думаю, не выдавая этого за новость, что одна изъ главныхъ причинъ прочности въ Англіи монархическаго порядка заключается именно въ томъ, что дворянство не служило тамъ опорою престолу. Союзъ короля съ баронами, необходимый въ началѣ завоеванія Англіи, былъ разорванъ во время; именно тогда, когда нація перестала представлять два враждебные лагеря — побѣдителей и побѣжденныхъ. Побѣдители искали опоры не въ насиліи, поддерживая одинъ другаго, а въ истинныхъ интересахъ народа. Англійское дворянство поняло во время, что не въ милостяхъ короля заключается его сила и тѣмъ избавило корону отъ гибельной и тяжелой ноши, называемой злоупотребленіями.

Ставъ въ ряды народа, англійское дворянство съумѣло устроить эти ряды и изъ шумной и безпорядочной толпы образо-

«Нашемъ времени», ни въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», ни въ «Развлеченьи». Не видалъ я, правда, давно «Русскаго вѣстника» и «Зрителя», и потому полагаю, что должно быть, въ «Зрителѣ», потому что не можетъ быть, чтобы въ «Русскомъ вѣстникѣ» редакторъ далъ мѣсто статьѣ съ кабацкой бранью. Москва не даетъ никакихъ новостей въ настоящемъ, разскажу вамъ случай изъ прошедшаго. Припомнился мнѣ одинъ фактъ изъ жизни одного человѣка, слышанный мною давнымъ давно; фактъ этотъ интересенъ тѣмъ, что возбуждаетъ вопросъ, сколько лѣтъ можетъ жить обида въ человѣческомъ сердцѣ и можетъ ли жажда мщенія заглушить въ человѣкѣ всѣ благородные инстинкты и показать совершенно бѣлое въ совершенно черномъ свѣтѣ? Задумался я надъ этимъ вопросомъ и додумался до того, что человѣкъ, созданіе несовершенное, и стало быть все можетъ быть, но вотъ вамъ фактъ, а вопросъ можетъ рѣшить каждый по своему.

Жило да было нѣсколько пріятелей, все людей умныхъ, ученыхъ, хорошихъ. Разумѣется, и умъ и ученость и хорошество распредѣлены были не въ равной степени между этими пріятелями, но положительно дурныхъ, или положительно глупыхъ между ними не было. Были между ними и женатые и холостые, былъ между ними одинъ и очень умный человѣкъ, мнѣнія котораго считались за авторитетъ, и котораго всѣ любили и за горячее сердце и за страстность, и за бойкій, глубокій и насмѣшливый умъ. Одинъ только не долюбливалъ его. Не важной птицей въ пріятельскомъ кружкѣ былъ этотъ одинъ, не кипѣла его рѣчь ни остроуміемъ, ни умомъ, ни ученостью, но самолюбивъ онъ былъ сильно. Ему хотѣлось первенствовать, да силенокъ не доставало—вотъ и началъ онъ отлынивать отъ пріятельскихъ бесѣдъ. Сначала побранивали его за отсутствіе, а потомъ оставили въ покоѣ, и не интересовались тѣмъ, гдѣ онъ пропадалъ, что дѣлалъ?...

Что жъ онъ дѣлалъ?

У одного изъ женатыхъ его пріятелей была жена, красивая, но нѣсколько избалованная женщина, никакъ не могшая помириться съ частымъ отсутствіемъ своего мужа, ревновавшая его даже къ пріятелямъ. Молодой человѣкъ, отлынивавшій отъ бесѣдъ, рѣшился заняться лучше ею, чѣмъ спорами пріятелей. Обладая недурной наружностью, нѣкоторой женственностью въ своей фигурѣ и другими немаловажными въ глазахъ женщинъ

достоинствами (о которыхъ мы можемъ и умолчать для краткости разсказа), сей юноша методически сталъ ухаживать за молодой женщиной и конечно не щадилъ ея мужа, чтобъ тѣмъ рельефнѣе выставиться самому. Полюбила ли, нѣтъ ли его женщина,—намъ до этого мало дѣла—видно для насъ то, что онъ пропадалъ у нея и что пріятели не подозрѣвали этого. Знаете, читатель, есть такіе волокиты, которые, чтобъ добиться ласки заинтересовавшей ихъ женщины, поступаютъ какъ тати — ползкомъ, да наговорами, да нашептываньями на мужей стараются спутать женское сердце. Нашему юношѣ не совсѣмъ это удалось, и вотъ по какому поводу. Одинъ изъ пріятелей членовъ кружка, замѣтивъ продѣлки молодаго дружка и убѣдясь въ нихъ окончательно, вывелъ его на чистую воду, объявивъ обо всемъ своимъ друзьямъ, которые и рѣшились молодаго волокиту исключить торжественно изъ кружка своего, что́ и было учинено при первой возможности. Приговоръ былъ произнесенъ тѣмъ господиномъ, котораго я назвалъ самымъ умнымъ и даровитымъ. На кого было излить гнѣвъ молодому любезнику? На мужа-ли, на пріятеля-ли, произнесшаго надъ нимъ приговоръ, на пріятеля-ли, обнаружившаго его селадонство? Вѣроятно, онъ готовъ былъ излить свой гнѣвъ на всѣхъ трехъ. Излилъ-ли онъ его—я не знаю, но желалъ бы спросить читателя вотъ о чемъ: еслибъ вамъ, читатель, пришлось быть въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился молодой любезникъ нашъ, и еслибы спустя десятокъ лѣтъ вамъ представился случай изъ-за угла бросить камень въ своихъ оскорбителей—бросили-ли бы вы камнемъ или нѣтъ?

Подумайте и отвѣчайте самому себѣ, а я въ заключеніе потѣшу васъ такой сценой:

У будки стоитъ будочникъ, возлѣ него мѣщанинъ. Они долго молчатъ и безъ цѣли глядятъ на улицу. Наконецъ мѣщанинъ повертываетъ лѣниво свою голову къ будочнику и говоритъ:

— Кумъ, а кумъ?

— Ну?

— А что, я полагаю, житье ваше скверное?

— Почему же ты полагаешь?

— А потому по самому, что вѣкъ вы у будки торчите. Нѣтъ-то вамъ отдыху ни днемъ, ни ночью—все торчите...

— Это ты такъ говоришь?

— Извѣстно я.

вало стройную партію, которая формулировала свои требованія точно, ясно, положительно и съ которою можно было вступить въ переговоры.

Посмотрите-ка чѣмъ держится монархія Виктора-Эммануила и гдѣ была бы она теперь, еслибы вѣровала въ силу и прочность дворянскихъ свай? Вѣдь въ итальянской конституціи нѣтъ ни слова о дворянствѣ, за исключеніемъ права носить титулы, недающіе ни щепотки какихъ бы то ни было дѣйствительныхъ правъ.

Впрочемъ, что же я распространяюсь съ вами объ Италіи? Я думаю, вамъ просто смѣшно, что я заговорилъ съ вами, безъ смѣху, объ этой дряни. Вѣдь по вашему все это — какъ выразился графъ Орловъ-Давыдовъ—демократическій хаосъ. Вѣдь вы, вмѣстѣ съ флорентинскими старухами и римскими панами, убѣждены, конечно, что все это—безобразная революція, которая, если не завтра, то ужъ навѣрное послѣ завтра покончитъ свое жалкое существованіе. Вы вѣрите, конечно, что не завтра, такъ послѣ завтра воротится герцогъ тосканскій съ австрійскими военными судами, ухищрявшимися разстрѣливать, какъ бунтовщиковъ, четырнадцатилѣтнихъ мальчишекъ (фактъ) и герцогъ моденскій съ своею голодною арміей и съ своими остроумными планами завоевать Парижъ, а Луи-Наполеона посадить на цѣпь.

Однакожъ, поговоримъ серьёзно. Скажите, что же позорнаго, безчестнаго и противнаго нравственности, религіи и, наконецъ, монархіи видите вы въ томъ, что дворянинъ будетъ платить подати и такимъ образомъ — служить отечеству, которое охраняетъ его своимъ закономъ? Неужели вы серьёзно думаете, что смѣшно отречься отъ привилегіи не платить, когда всѣ платятъ?

По вашему, это—смѣшные, торжественные пустяки, которыми не стоитъ заниматься; но вспомните, что русское дворянство владѣетъ, бо́льшею частію, недвижимымъ имуществомъ. Въ Италіи же, напримѣръ, въ Пьемонтѣ, подать съ недвижимаго имущества составляетъ $^{15}/_{100}$, а личная подать только $^{1}/_{100}$ всего государственнаго дохода. Смѣшно это? или ужъ нашему казначейству денегъ дѣвать некуда?

И не ссылайтель на Англію. Тамъ лордъ платитъ въ сотню разъ болѣе, нежели самый горчайшій изъ нашихъ пьяницъ, надежда и упованіе откупщиковъ. Вотъ тамъ, дѣйствительно,

лордъ, которому пришла бы въ голову сумасшедшая идея о привилегіи избавленія отъ податей, не былъ бы, конечно, посаженъ въ Бедламъ (вѣдь англичане терпятъ всякія мнѣнія), но былъ бы причисленъ къ категоріи людей, которые, по выраженію газеты «Наше Время», поднимаются до идеальной высоты воздушныхъ замковъ.

Разверните-ка лѣтопись Европы, да посмотрите кто дѣйствуетъ —не говорю, справедливѣе, честнѣе (что толковать о такихъ подлежащихъ умозрѣнію и различію взглядовъ предметахъ!), но—умнѣе, ассчетливѣе: такіе люди, какъ Кавуръ и Риказоли, которые, забывъ о предкахъ, платятъ подати и служатъ въ національной гвардіи, хоть солдатомъ, коли придется; или тѣ старухи и principe, которые платить все-таки платятъ, но за то утѣшаются пѣніемъ про дѣла отцевъ и руготней всего современнаго?

Очень-остроумно сравненіе людей, которые хотятъ честно нести падающія на ихъ долю тягости государственнаго управленія, съ индійскими самосожигающимися вдовами; очень-остроумно! Жаль только, что это вовсе не водевиль, и что нетолько остроуміе, но даже и каламбуръ тутъ вовсе не кстати.

По вашему это пустяки. Да что же вы называете не пустяками-то и чѣмъ совѣтуете вы заниматься россійскому благородному дворянству? составленіемъ гербовника или рѣшеніемъ важнаго вопроса о томъ, происходитъ или не происходитъ такой-то свѣтлѣйшій князь отъ такихъ-то несвѣтлыхъ бояръ? Знаю на что вы мѣтите: устройство крестьянскаго дѣла. Но какъ же думаете вы устроить это народное дѣло, не ставъ въ ряды народа и не связавъ своихъ интересовъ со всѣмъ тѣмъ, въ чемъ заключается сила истиннаго и разумнаго консерватизма? Вѣдь вамъ не повѣрятъ ни на волосъ.

И напрасно газета «Наше Время» сравниваетъ Россію съ Турціей. Неужели вы думаете, что европейская цивилизація тѣмъ только и отличается отъ турецкой, что въ Европѣ существуютъ баронскіе титулы? Неужели вы думаете, что несчастному человѣчеству только и осталось выбора, что между привилегій барона да демократіей турка, основанной на томъ, что султанъ можетъ всѣхъ своихъ подданныхъ—безъ различія визиря отъ нищаго — сажать на колъ? Остроумно! но право не ново. Писано объ этомъ, да и переписано.

Наконецъ, по моему мнѣнію, графъ Орловъ-Давыдовъ гораздо

болѣе вѣренъ самому-себѣ, гораздо-болѣе логиченъ, нежели его ученый панегиристъ г. Чичеринъ. Графъ требуетъ, чтобы не-только раздѣлять народы на сословія, но чтобы каждое изъ сословій имѣло бы свой языкъ и понятія. Вотъ это я понимаю, это — логично. Ужъ переть такъ переть! Ну, а вы, г. Чичеринъ? вы допускаете соединеніе сословій въ общихъ собраніяхъ! помилуйте! да послѣ этого вы допустите бракъ дворянина съ дѣвкой изъ черни. Вонъ, вѣдь, куда вы придете! Берегитесь, дорожка-то, вѣвь, эта скользкая!

Вы говорите: «Соединеніе съ другими (сословіями) въ общихъ совѣщаніяхъ вовсе не значитъ уничтоженіе сословій.» А что же это такое значитъ? что у васъ тогда останется? титулы, да удовольствіе

«Пѣть, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.»

Что останется тогда отъ вашего политическаго учрежденія? гдѣ будетъ тогда его смыслъ, и цѣль и, главное, сила?

А вѣдь безъ силы житье плохое. Англійское дворянство потому и сильно, что съумѣло связать свои интересы съ интересами тѣхъ, кто не очень спѣшитъ жить и, слѣдовательно, не ломаетъ всего, что попадаетъ на глаза, а обходитъ препятствія сторонкой, не забавляясь ребяческою игрою въ разрушеніе.

Партіи всегда будутъ. Рѣдки въ жизни народовъ эти вдохновенныя минуты, когда вся масса сливается въ одномъ чувствѣ, въ одной мысли, выражается однимъ языкомъ; но умѣнье консервативной партіи заключается именно въ томъ, чтобы удовлетворять во-время разумнымъ требованіямъ прогресистовъ и тѣмъ лишать силы людей, которые имѣютъ, разумѣется, важное значеніе въ общемъ движеніи общества впередъ, но которые разрушили бы самое общество, еслибъ власть надолго попадала въ ихъ руки.

Было время, когда и англійское дворянство было сильно привилегіей и мечомъ; но теперь вся его сила заключается именно въ томъ, что вы отрицаете съ такимъ яростнымъ краснорѣчіемъ: въ умѣньи отрекаться во время.

Итакъ, пусть «Наше время» не отчаевается, пусть не думаетъ, что здравый смыслъ расплодился черезчуръ. Идеальныя старухи

изъ Сент-Жерменскаго предмѣстья никогда не переведутся. Это дѣйствительно пустой страхъ. Доказательство на лицо. Не бойтесь, «Наше время», здраваго смысла никогда не будетъ слишкомъ-много, ну, а вотъ по части симпатіи къ апатіи въ исполненіи своихъ обязанностей и полномъ (?) въ состояніи, гдѣ обсуживаются самые-серьезные, самые-жизненные вопросы (вѣдь это чувствуется въ воздухѣ и для этого повѣстокъ не требуется), въ этомъ за вами едва ли кто послѣдуетъ.

18.

Судъ надъ составителями тайнаго общества и корреспонденція «Сѣверной почты».

На дняхъ кончился въ парижскомъ трибуналѣ судъ надъ 50-ю лицами, обвиняемыми въ составленіи тайнаго общества, съ цѣлью низвергнуть существующее правительство и учредить во Франціи демократическую и соціальную республику. Въ «Сѣверной почтѣ», въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ она жалуется на антипатію къ ней нашихъ журналовъ, помѣщена корреспонденція изъ Парижа объ этомъ процесѣ.

«Сѣверная почта» говоритъ въ этомъ же нумерѣ, что въ своей неофиціальной части редакція ея такъ же свободна, какъ редакціи всѣхъ другихъ газетъ, и выражаетъ свое мнѣніе независимо. Это заявленіе и жалоба даетъ намъ право сказать нѣсколько словъ о характерѣ неофиціальной части нашей офиціальной газеты, по поводу означенной корреспонденціи. Въ ней говорится, что процесъ этотъ встрѣченъ глубокимъ равнодушіемъ публики, что обвиняемые похожи на шайку пьяныхъ воровъ, которые стараются оправдываться тѣмъ, что совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ.

*

Здѣсь все ложь, полная ложь. Процесъ этотъ занималъ и Францію и Европу, во всѣхъ газетахъ печатались протоколы судебныхъ преній; обвиняемые вели себя съ такимъ достоинствомъ, что президентъ Соммонъ въ первомъ же засѣданіи сказалъ: «я долженъ прибавить, что обвиняемые вели себя превосходно во время аудіенціи, и мы надѣемся, что они будутъ такъ же и впредь себя вести; поэтому считаемъ безполезными принятыя охранительныя мѣры (*)».

Изъ 54 подсудимыхъ, ни одинъ не былъ обвиняемъ въ воровствѣ или другомъ преступленіи, кромѣ того, за которое они были представлены въ судъ. Изъ нихъ, Вассель, отставной поручикъ, Міои Грешпо— политическіе люди, члены послѣдняго національнаго собранія, остальные — ремесленники или работники; нѣкоторые были прежде въ ссылкѣ, за участіе въ сопротивленіи перевороту 2 декабря.

Въ чемъ же ихъ обвиняли? Въ составленіи тайнаго демократическаго общества. Никто изъ нихъ не отрицалъ, что по своимъ убѣжденіямъ не сочувствуетъ настоящему французскому правительству, даже и того, что они толковали между собою о политикѣ, что старались распространять свои иден и убѣжденія, но они утверждали, что не учреждали тайнаго общества. «Я старался распространять свои иден, говорилъ на судѣ Вассель, я дѣлалъ то же, что дѣлаютъ орлеанисты и легитимисты, —въ этомъ нѣтъ преступленія.» Президентъ отвѣчалъ ему, что онъ дѣлалъ гораздо больше, чѣмъ простую пропаганду,—у него нашли соціалистскій манифестъ, заключавшій подробную программу соціалистской республики. Эта программа состоитъ изъ утопій и нелѣпостей, но въ ней не говорится, какъ утверждаетъ корреспондентъ «Сѣверной почты», объ уничтоженіи семейства, религіи и проч.; нѣтъ ни кровожадныхъ воззваній. Она, повторяемъ, мечтательна, въ ней много нелѣпаго, но есть много и честнаго, благороднаго, къ осуществленію чего стремится всякое государство, но что можетъ быть достигнуто только усиліями вѣковъ. Наконецъ, вовсе нѣтъ прямаго воззванія къ возстанію. Почти половина обвиняемыхъ была освобождена судомъ, другіе

(*) Въ первой аудіенціи, при каждомъ изъ обвиняемыхъ былъ жандармъ,—въ послѣдующіе дни этой стражи не было, кромѣ той, которая всегда находится у дверей ложи обвиняемыхъ.

обвинены въ составленіи заговора къ ниспроверженію правительства. Вассель былъ осужденъ на три года тюремнаго заключенія (между прочимъ и потому, что силою сопротивлялся арестованію), другіе на два года, годъ, и даже только на три мѣсяца.

Мы не будемъ здѣсь разбирать правильности приговора, съ точки зрѣнія французскаго законодательства. Предположимъ, что обвиняемые достаточно уличены. Что же слѣдуетъ изъ этого процеса? — но сіи выводы долженъ былъ бы сдѣлать корреспондентъ русской газеты?

Во-первыхъ, не называть пьяными ворами людей заблуждающихся, обвиненныхъ въ нелѣпомъ политическомъ замыслѣ, но не въ воровствѣ. Въ прежнія времена у насъ писалъ обыкновенно такимъ образомъ Булгаринъ. Когда, во время первой выставки, французскіе рефюжье, Луи Бланъ, Ледрю Роленъ и др. пригласили своихъ единомышленниковъ, воспользоваться этимъ случаемъ и прислать въ Лондонъ депутатовъ, для соглашенія о дѣйствіяхъ демократической партіи, Булгаринъ, сообщая это извѣстіе, прибавилъ: «вѣроятно, здѣсь идетъ дѣло о присылкѣ виртуозовъ, умѣющихъ вытаскивать бумажники изъ кармановъ». Если «Сѣверная почта» думаетъ дѣйствовать въ такомъ же духѣ, такимъ же образомъ, въ такомъ же стилѣ, то она не принесетъ никакой пользы тому дѣлу, которое защищаетъ. Она только даромъ потратитъ казенныя деньги. Только тотъ можетъ защищать хорошо извѣстное (дѣло?) въ комъ есть честное убѣжденіе, а для защиты посредствомъ прессы необходимы еще знанія и талантъ. Ни что такъ не губитъ извѣстнаго дѣла, какъ люди, которые служатъ ему только изъ за денегъ. Это одно. Вотъ что другое долженъ былъ бы прибавить французъ, корреспондентъ русской газеты. Онъ долженъ былъ бы сказать: правительство императора Наполеона чрезвычайно сильно. Оно не думало и не думаетъ уничтожать судебныхъ гарантій и измѣнять уголовные законы для своихъ цѣлей. Враги его, обвиняемые въ заговорѣ противъ него, судятся публично, имѣютъ адвокатовъ-защитниковъ, и преступленіе, ими совершенное, т. е. составленіе тайнаго общества, составленіе сумазброднаго манифеста, даже сопротивленіе, но безъ оружія, полиціи,—наказывается не смертною казнью, не каторжной работой, а тюремнымъ заключеніемъ отъ 5 мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ. Что эти наказанія совершенно

достаточны для обузданія сумазбродствъ, которыя не перешли къ открытому бунту. Что оно даже гораздо лучше обезпечиваетъ правительство, нежели смертная казнь и каторжная работа, потому, что, неговоря уже о несообразности этихъ наказаній съ проступкомъ, онѣ возбуждаютъ сожалѣніе, дѣлаютъ мучениковъ, и въ результатѣ вредятъ правительству. Во Франціи уничтожена смертная казнь, даже за бунтъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Такіе выводы и размышленія были бы очень умѣстны въ парижской корреспонденціи, написанной даже самымъ ожесточеннымъ, но только умнымъ и образованнымъ противникомъ революціонныхъ движеній. Но для этого даже и не надобно имѣть корреспондентовъ въ Парижѣ; достаточно, если бы редакція «Сѣверной почты» выписывала Droit или Gazette des Tribunaux, и поручила бы составить статью о процессѣ тому изъ своихъ сотрудниковъ, который получилъ нѣкоторое юридическое образованіе, вмѣсто того, чтобъ обращаться къ французскимъ литературнымъ Жаверамъ. Во всякомъ случаѣ, пусть «Сѣверная почта» не жалуется на равнодушіе къ ней,—оно вполнѣ заслуженное.

ЗАМѢТКИ, ИЗВѢСТІЯ, ПАРОДІИ, ПРОТЕСТЫ И Т. П.

1.

8-е сентября.

Нынѣшній день назначенъ днемъ празднованія тысячелѣтія Россіи. Нынѣшній день Россія изъ собственныхъ устъ воздаетъ себѣ хвалу и собственными руками ставитъ себѣ памятникъ славы въ Великомъ Новгородѣ. Такова официальная программа официальнаго торжества, котораго значеніе, впрочемъ, едва ли доступно пониманію простонародной Россіи. Она не вѣдаетъ нашихъ археологическихъ вычисленій, она непричастна западной юбилейной сантиментальности; ей—живущей непрерывнымъ историческимъ преемствомъ народнаго духа, мало извѣстны времена и лѣта минувшаго — внѣшнія грани внѣшней исторіи. Но и внѣшняя исторія не была ей чужда, пока сохранялась связь между землею и государствомъ, пока переворотъ, положившій начало нашей новой исторіи, не нарушилъ цѣльности общественнаго организма, пока Петръ I не воздвигъ гоненія противъ народной исторической памяти—одного изъ могущественнѣйшихъ образовательныхъ и просвѣтительныхъ элементовъ русскаго народа—запретивъ, подъ страхомъ жестокихъ казней, древній обычай монастырскаго уединенія, въ силу котораго неумолчно слагались письменныя сказанія о судьбахъ роднаго края, и въ тишинѣ келій, въ часы отдыха между молитвами, велась непрерывная лѣтопись русской земли!..

Но мы, знакомые съ исторіею Россіи не по внутреннему вѣдѣнію, какъ теперь народъ, а путемъ научнаго изученія, мы не можемъ оставаться равнодушными къ обычнымъ человѣческимъ дѣленіямъ времени, и мѣра годовъ, прожитыхъ нами, становясь предметомъ вниманія, невольно наводитъ насъ на судъ и размышленіе.

Мы невольно спрашиваемъ себя: чѣмъ бы въ настоящую минуту проявилъ себя русскій народъ, еслибы обладая нашей наукою, онъ сознавалъ въ то же время всю историческую цѣн-

ность тысячелѣтняго пространства времени въ жизни гражданскихъ обществъ?

Онъ почувствовалъ бы потребность подвести итогъ десятивѣковому своему существованію, обнять сознаніемъ все прожитое имъ тысячелѣтіе, и — силою мысли и памяти возсоздавъ въ своемъ представленіи эту тысячу лѣтъ *яко день единъ*, призвать самаго себя къ неумолимо-строгому суду всенародной совѣсти. Постоянно знаменуя присутствіе Бога въ исторіи, постоянно преднося въ своихъ бытописаніяхъ созерцаніе глубоко вѣрующаго духа, и простирая, устами своихъ лѣтописцевъ, нравственныя требованія ко всѣмъ дѣятелямъ историческимъ, русскій народъ и теперь, какъ и въ прежнія времена, не сталъ бы ублажать себя горделивыми самовосхваленіями, легкомысленными славословіями и вообще превозноситься земною славою: онъ понялъ бы, что такой минутѣ, какая проживается теперь, такому дѣйствію народнаго самосознанія приличны важность и трезвое слово. Онъ не соорудилъ бы себѣ памятника, восхищая прежде времени приговоръ исторіи, а воздвигъ бы храмъ Тому, кому принадлежитъ судъ надъ временами и лѣтами, и въ этомъ храмѣ покаянія принесъ бы всенародную исповѣдь всѣхъ своихъ историческихъ неправдъ и прегрѣшеній!

Если исторія вообще считается наставницей народовъ, то ни для кого не имѣетъ она такого жизненнаго значенія, какъ для племенъ славянскихъ, и для русскаго въ особенности. При ея помощи совершается возрожденіе славянскихъ народностей тяжкимъ подвигомъ самосознанія, обрѣтается мыслію утраченное жизнію, и вновь усвоивается жизни, вооруженное всею крѣпостью разумнаго вѣдѣнія; она возвращаетъ насъ къ нашимъ основнымъ органическимъ началамъ и предноситъ путеводный свѣтъ нашему историческому шествію. Ни одинъ европейскій народъ не состоялъ никогда и не имѣлъ надобности состоять въ такомъ сознательномъ отношеніи къ своей исторіи во всемъ ея цѣломъ объемѣ; ни одинъ не искалъ въ ней отвѣтовъ на такіе жизненно-нравственные запросы, какъ народы славянскіе, ни у кого изъ нихъ литература исторической науки не представляетъ такого пытливаго суда, такого строгаго слѣдствія надъ своей исторіей, какъ русская историческая литература. Дѣйствительно, какими бы ближайшими побужденіями ни руководствовались наши дѣятели на поприщѣ исторической науки, какъ бы нѣко-

торые изъ нихъ ни отрицали въ принципѣ нравственный элементъ и его духовно-производительную силу въ исторіи, какъ бы ни уклонялись, повидимому, отъ христіанскаго созерцанія, всѣ они, невольно, безсознательно, движимые тѣмъ же народнымъ инстинктомъ, къ которому большая часть изъ нихъ выражаютъ такое высокомѣрное презрѣніе,—всѣ они предъявляютъ прожитоту тысячелѣтію такія нравственныя требованія, какія свидѣтельствуютъ о живучести нравственнаго начала въ народѣ и о живомъ значеніи исторіи. Даже для англійской исторической науки, исторія представляется, кажется намъ, скорѣе суммою жизненнаго внѣшняго опыта, чѣмъ нравственнымъ судомъ надъ жизнію народа и государства. Кто не согласится, что наша историческая литература есть какъ бы постороннее слѣдствіе, производимое надъ историческимъ бытіемъ русской земли, слѣдствіе безпощадное, неумолимое, пристрастно строгое, нерѣдко грубое и невѣжественное? Но и такое слѣдствіе принесло свою значительную пользу нашему народному самосознанію, заставляя насъ изыскивать разумныя оправданія для нашей непосредственной любви къ родной землѣ, и износить изъ тьмы невѣдѣнія на свѣтъ Божій тѣ сокровенныя основныя начала, безъ постиженія которыхъ немыслимо наше будущее духовное развитіе. Мы постоянно встрѣчаемся въ нашей словесности съ оживленными преніями о томъ, вполнѣ ли согласенъ съ понятіями добра или чести—тотъ или другой поступокъ народа или князя, начиная чуть ли не со временъ Рюрика; наши книги исполнены нравственныхъ приговоровъ и личной оцѣнки всѣхъ нашихъ историческихъ дѣятелей; вопросъ объ оправданіи Іоанна Грознаго или Бориса Годунова есть для насъ вопросъ вовсе не мертвый и не отвлеченный, и конечно ни одно темное пятно нашей исторической тысячелѣтней жизни, ни одна совершенная нами неправда, въ какомъ нибудь XIV или XV вѣкѣ, не осталась или не останется безъ указанія, безъ строгаго осужденія и, слѣдовательно, возмездія, если не въ жизни, то въ области сознанія. Такъ насиліе и двоедушіе Москвы въ собираніи московскаго государства сказываются намъ нынѣ учеными толками о федераціи, и какъ ни безобразны эти толки сами по себѣ, какъ ни противорѣчатъ они откровеніямъ жизни и исторіи, но доля неправды, внесенная государствомъ въ дѣло сложенія государства, силою сокровенной нравственной логики, отразилась, чрезъ много вѣ-

ковъ, и въ нашемъ историческомъ сознаніи—въ формѣ отвлеченнаго отрицанія. Мы могли бы привести много примѣровъ подобной расправы нашей ученой мысли со всѣми историческими прегрѣшеніями прожитаго тысячелѣтія, но намъ достаточно возбудить въ этомъ отношеніи вниманіе любопытнаго читателя: оно само поможетъ ему отыскать необходимыя доказательства въ пользу нашего мнѣнія. Повторяемъ, при всемъ отчужденіи нашего общества отъ народности, при всей личной безнравственности каждаго изъ насъ отдѣльно, наша историческая литература постоянно вращается въ сферѣ нравственнаго суда, и не сходитъ съ поля нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ во имя нравственнаго идеала, бозсознательно присущаго даже сердцамъ самихъ отрицателей этого идеала. И какъ ни строгъ, какъ ни придирчивъ, какъ ни жестокъ иногда этотъ отвлеченный приговоръ, отрѣшенный отъ живаго ощущенія всей жизненной обстановки данной исторической минуты, — но мы предпочитаемъ такое отношеніе къ исторіи, какъ болѣе живое, какъ нравственно-плодотворное, чисто отвлеченному безстрастному отношенію, или внѣшней живой любознательности, или же, наконецъ, тому кровному естественному самодовольству потомковъ своими предками, какимъ отличаются, напримѣръ, французы. Да, намъ кажется, что дѣйствіе нравственныхъ истинъ не прекращается въ нашей исторіи и продолжаетъ свой логическій процесъ въ сферѣ отвлеченной работы мысли, и мы такимъ образомъ повторяемъ; мы переживаемъ вновь и должны пережить всю нашу тысячелѣтнюю исторію въ области сознанія.

Намъ нечѣмъ превозноситься и славиться. Итогъ нашего тысячелѣтія скуденъ благими даяніями человѣчеству; намъ не на что указать, въ чемъ бы плодотворно проявилось наше историческое призваніе въ семьѣ народовъ. Мы слышимъ въ себѣ присутствіе силъ и талантовъ, но силы наши служили до сихъ поръ только внѣшнему сложенію государства,—а на таланты наши, обильно отпущенные намъ отъ Бога, не принесли мы ни единаго таланта, и едва не зарыли ихъ въ землю. Съ уваженіемъ должны мы взглянуть на западные народы, которымъ дано едва ли не менѣе, чѣмъ намъ, непосредственныхъ даровъ духа, но которые врученные имъ таланты умножили сторицею, въ непрерывной подвязаясь работѣ. То, что составляетъ силу, крѣпость и упованіе Россіи—принадлежитъ къ такой области нравствен-

ной, которая не терпитъ ни похвалы, ни гордости, а требуетъ смиренія и непрестаннаго духовнаго подвига, «да не отнимется отъ нея и сія часть» за наше нерадѣніе и грѣшную косность». Мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что донесли къ рубежу новаго тысячелѣтія въ неприкосновенной цѣлости наши нравственныя народныя основы, и ученіе вѣры въ первоначальной догматической чистотѣ, и коренныя добродѣтели народа, и стихію гражданскаго братства, выражающуюся въ нашихъ общинахъ, мірахъ и артеляхъ,—но мы только донесли, мы еще не вывели ихъ на путь всемірнаго историческаго развитія, мы еще не явили ихъ свѣта міру. Конечно, благодаря вѣрности народа этимъ основамъ, русское государство одно изъ всѣхъ нѣкогда могучихъ славянскихъ державъ, пережило тысячелѣтіе (на что такъ вѣрно указываетъ нашъ многоуважаемый сотрудникъ г. Гильфердингъ, въ статьѣ помѣщаемой ниже),—но это самое призываетъ насъ къ удвоенному труду и къ неусыпной заботѣ и налагаетъ на насъ, на все наше образованное общество строгую отвѣтственность предъ Провидѣніемъ и предъ нашимъ простымъ народомъ.

Да, мѣра годовъ, пережитыхъ Россіей, заставляетъ насъ съ новымъ, живымъ, благодарнымъ чувствомъ почтить подвигъ простаго русскаго народа, который, какъ мы однажды выразились, не смотря на всѣ невзгоды, не смотря на то, что органы, необходимые для полноты жизненныхъ отправленій, были у него оторваны въ лицѣ образованныхъ сословій,—сохранился и уберегся, перемогъ и перебылъ многое множество исторической лжи и неправды, и спасъ для насъ залогъ нашего будущаго духовнаго возрожденія.

Но возрожденіе невозможно безъ обличенія всей этой лжи и неправды: оно требуетъ отъ насъ, не самохваленія и памятниковъ, а покаянія и исповѣди. Хотя мы и указали на присутствіе нравственнаго элемента въ нашей исторической наукѣ, хотя мы и придаемъ большую цѣну этому переживанью нашей исторіи въ сознаніи, но этого еще не довольно. Необходимо, чтобъ этою же нравственною потребностью отреченія отъ лжи были обняты всѣ слои общества, отъ самаго верхняго, чтобы мы не боялись, чтобъ мы жаждали спасительнаго отрезвленія, строгаго суда, суроваго укора. Необходимо, чтобы мы, вмѣстѣ съ поэтомъ, почувствовали на своей совѣсти тяжесть грѣховъ не только личныхъ, но и другъ друга и всей русской земли, во всемъ ихъ

историческомъ грѣховномъ преемствѣ, чтобы вмѣстѣ съ Хомяковымъ, такъ горячо и всецѣло любившимъ Русь въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, мы, съ такою же, какъ онъ, искренностью убѣжденія, могли повторить его покаянный поэтическій гимнъ къ небу за русскую землю, и упреки, съ которыми обращается онъ къ нашему обществу, напоминая намъ, что старый грѣхъ отцевъ еще съ нами, что онъ

.... въ насъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ нашими сердцами,
Сердцами мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани,
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За наши каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Мы звали чуждыя дружины
На гибель русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы,
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ...
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья.....
За плѣнъ народа...

За то, наконецъ, продолжаетъ пророческій голосъ поэта, что

.... обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Мы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной.
За все, за *всякія страданья*,
За всякій попранный законъ,

За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!...

2.

Тысячелѣтіе Россіи.

Милостивые государыни и господа!

Россія прожила тысячелѣтіе. По прошествіи этого длиннаго періода на нашихъ глазахъ совершается событіе огромной важности: Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года открываетъ свою печальную историческую процессію похоронъ стараго рабовладѣльческаго порядка вещей; у ногъ нашихъ разверзается великая могила, готовая принять трупъ отжившей старины. За плечами нашими — пора рабства; передъ нами — неизвѣстное будущее.

Въ виду скорбнаго траурнаго зрѣлища естественно раждаются два вопроса: во 1-хъ, чѣмъ была старина наша? Во 2-хъ, какимъ образомъ, похоронивъ старину, мы въ состояніи черезъ ея историческую могилу выдти на широкую столбовую дорогу успѣха и благосостоянія, избѣгнувъ опасностей?

Исполняя долгъ гражданина, попытаюсь, по крайнему разумѣнію, отвѣтить на оба вопроса.

Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія Россія была рабовладѣльческою.

Несправедливо видѣть въ союзной удѣльно-вѣчевой Руси об-

щество вполнѣ свободное. Княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча и церковные соборы существовали только для свободныхъ, охраняя до нѣкоторой степени вольности владѣтельныхъ князей, людей служилыхъ, людей общинныхъ городовъ и селъ, наконецъ духовенства. Княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча и церковные соборы были только щитомъ воли однихъ людей вольныхъ: благодѣяніями древняго присяжнаго суда, военной защитой, плодами полуобразованія, преимуществами федеративнаго устройства,—всѣми этими благами наслаждались люди привилегированные: князья, родовое чиновничество, общинники и духовенство. Что же касается до холоповъ, людей несвободныхъ, то у нихъ не было никакихъ правъ.

Подъ вліяніемъ монгольскаго ига Русь окончательно раздѣлилась на двѣ половины, на два государства — литовское и московское.

Къ половинѣ XVI вѣка литовское государство соединилось съ аристократически - конституціоннымъ, католическимъ польскимъ королевствомъ; черезъ унію въ XVII столѣтіи, оно стало готовиться перейти къ католичеству. Сѣверная бѣлорусская часть литовской Руси, какъ вамъ извѣстно, сохраняя унію, успѣла значительно ополячиться. За то южная, малороссійская часть литовской Руси, сперва (при Богданѣ Хмѣльницкомъ и Дорошенкѣ) силилась сдѣлаться самостоятельной державой, а потомъ соединилась съ Россіей. Въ литвѣ бѣлорусской, какъ въ Польшѣ, постоянно существовали холопы; въ Малороссіи крѣпостное состояніе, упраздненное со временъ Хмѣльницкаго, было возстановлено при Екатеринѣ II-й. Итакъ, въ западной литовской Руси, рабство постоянно преобладало.

Государственная московская централизація, какъ вы знаете, вслѣдствіе вліянія деспотизма монголовъ и отсталаго византійства, постепенно вытѣснила древнія вольности, зародившіяся въ союзной удѣльно-вѣчевой Руси; областныя вольности владѣтельныхъ князей и вѣчевыхъ городовъ, Новгорода и Пскова (въ XIV, XV и первой половинѣ XVI вѣка), вольности служилыхъ людей съ боярами въ челѣ (при Іоаннѣ Грозномъ), наконецъ вольности общинъ (при Борисѣ Годуновѣ, правителѣ и царѣ).

Съ конца XVI вѣка крѣпостное состояніе охватило, какъ губительная зараза, всю русскую землю.

Въ XVII вѣкѣ, особенно въ его началѣ (въ эпоху самозван-

цевъ и междуцарствія), вольные люди московскаго царства пытались было возстановить прежній, болѣе желанный для себя порядокъ вещей. Но попытка ихъ была безуспѣшна, вслѣдствіе того, что, заботясь о своихъ вольностяхъ, они совершенно забыли о низшемъ земскомъ сословіи, поверженномъ въ позорныя цѣпи крѣпостнаго состоянія. Вотъ причина политической несостоятельности земскихъ соборовъ XVII столѣтія, вотъ причина учрежденія въ Россіи безусловной централизаціи, вооружившейся при Петрѣ I и его преемникахъ всѣми средствами западно-европейскаго просвѣщенія.

Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ русская земля наказалась вполнѣ за страданія и позоръ низшаго земскаго сословія. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизаціи этой скорбной поры! Никогда Россія не испытала болѣе тягостнаго состоянія! Настоятельная необходимость современныхъ правительственныхъ реформъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость нашего мнѣнія.

Къ временамъ нынѣ благополучно царствующаго Государя, чаша бѣдствій преисполнилась. Подъ вліяніемъ современныхъ западно-европейскихъ политическихъ и общественныхъ событій, нашему многострадальному отечеству предстояло пройдти черезъ страшный историческій переворотъ. Правительство, повидимому, уразумѣло это и приступило къ рѣшенію 2-го вопроса, который мы предложили выше, къ вопросу о томъ, какимъ образомъ вступить въ колею успѣха и благосостоянія, избѣгнувъ опасностей?

Правительство рѣшилось рядомъ благоразумныхъ коренныхъ реформъ, предотвратить всеобщее бѣдствіе. Выступивъ однажды на этотъ путь, наши администраторы не захотятъ ни подъ какимъ видомъ идти назадъ: они, конечно, знаютъ, что каждый ихъ попятный шагъ есть новая ступень къ общей гибели.

Правительство дало спасительный толчокъ самому обществу. Упраздненіе правительствомъ крѣпостнаго права потрясло всю русскую землю въ основаніи. Если не ошибаемся, образованные, достаточные классы въ Россіи поняли, что въ виду возможности историческаго переворота, благоразуміе имъ повелѣваетъ сблизиться съ невѣжественными недостаточными классами—въ городахъ и селахъ, какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣ-

щенные достаточные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества. Въ какой мѣрѣ правильное добровольное соединеніе интересовъ высшихъ и низшихъ класовъ можетъ удаться въ Россіи, намъ, разумѣется, неизвѣстно. Скажу только, что на роковомъ рубежѣ прожитаго отечествомъ тысячелѣтія, въ переходную эпоху великаго общественнаго переворота, одно это соединеніе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россію отъ великихъ бѣдствій, могущихъ угрожать ей.

3.

Хроника прогресса.

Недавно въ политическомъ мірѣ случилось происшествіе весьма необычайное. Одинъ изъ афинскихъ литераторовъ получилъ министерскій портфель. Происшествіе это, надѣлавшее шуму въ литературныхъ кругахъ всѣхъ странъ и народовъ, не могло не отозваться извѣстными треволненіями и въ нашемъ литературномъ мірѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ, не безъ основанія полагая, что то, что случилось въ Аѳинахъ, можетъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ промысла, повториться вездѣ, начали исподоволь приготовляться къ такому непредвидѣнному казусу. Я лично, конечно, слишкомъ далекъ отъ той мысли, чтобы со мной могло случиться что нибудь подобное. Да и Боже упаси отъ всего такого... Это вовсе не въ моихъ скромныхъ видахъ... А впрочемъ, съ другой стороны, во всемъ вѣдь власть Господня, читатель; случиться все можетъ, и благоразумный человѣкъ на всякій случай долженъ быть ко всему готовымъ. Поэтому не дивись, благосклонный читатель, что въ настоящей хроникѣ вмѣсто обычнаго повѣствованія о предметахъ обыденныхъ, незначи-

тельныхъ, мелочныхъ, ты встрѣтишь разсужденіе о матеріяхъ важныхъ, вызывающихъ на размышленіе.

О причинахъ не вполнѣ удовлетворительнаго современнаго состоянія нашего отечество.

Да не оскорбится ни одинъ изъ патріотовъ, прочитавъ это непріятно звучащее въ ушахъ всякаго русскаго заглавіе нашей статьи. Мы сами горячо любимъ наше отечество и въ патріотизмѣ не уступимъ никому. Мы знаемъ очень хорошо, что отечество наше процвѣтало всегда на пути постояннаго преуспѣянія умственнаго, нравственнаго, матеріальнаго, что оно процвѣтаетъ не менѣе и теперь, обилуя безчисленными богатствами натуральными, блистая разнообразіемъ всякаго рода талантовъ и силъ, приводя въ изумленіе иностранцевъ своимъ твердымъ строемъ и покоемъ. Когда мы говоримъ о невполнѣ удовлетворительномъ его состояніи, мы имѣемъ въ виду идеалъ возможнаго для него въ настоящее время благосостоянія и по масштабу идеала мѣряемъ современную прозу жизни. Натурально, что идея всегда бываетъ слишкомъ грандіозна для скромныхъ размѣровъ дѣйствительности.

Никто, надѣемся, изъ самыхъ горячихъ патріотовъ, не будетъ отрицать, что наши финансовыя дѣла находятся въ настоящее время въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи; что цѣна съ каждымъ днемъ возростаетъ на всѣ предметы потребленія неимовѣрнымъ образомъ; что дѣла помѣщиковъ и крестьянъ находятся въ положеніи нѣсколько шаткомъ, неопредѣленномъ; что въ администраціи и судѣ есть кой-какіе недостатки, конечно незначительные, но примѣшивающіе иногда значительныя дозы горечи въ жизнь; что вообще трудно найдти въ настоящее время человѣка, который бы чувствовалъ себя совершенно спокойно, который бы по какимъ нибудь обстоятельствамъ и соображеніямъ, касающимся круга его дѣятельности, не имѣлъ какихъ нибудь неудобствъ въ настоящемъ и не питалъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ опасеній за будущее. Родные наши ученые и публицисты всѣхъ цвѣтовъ и видовъ давно уже пытаются доискаться причинъ этого нѣсколько томительнаго для всѣхъ положенія. Одни изъ нихъ полагаютъ, что причиною всего этого наши грѣхи, что Богъ наказуя насъ за нихъ, послалъ на насъ, это привременное трудное положеніе, чтобы мы покаялись и обратились къ нему всѣмъ сердцемъ. Другіе говорятъ, что темный колеръ

на все наводитъ общій недостатокъ денегъ, а денегъ нѣтъ у насъ, по мнѣнію однихъ, потому, что мы выпускомъ большаго числа бумажекъ заставили мужиковъ, у которыхъ въ рукахъ и были всѣ деньги, всю звонкую монету закопать въ землю; по мнѣнію другихъ, потому, что имѣли слишкомъ цѣнную звонкую монету, которую иностранцы скупили, какъ товаръ, и увезли отъ насъ, неоставивъ у насъ ничего. Третьи говорятъ, что все зло происходитъ отъ излишней централизаціи, вліяющей губительно на саморазвитіе и самодѣятельность общества. Четвертые... Но всѣхъ не переслушаешь. Кратко сказать, причинъ нашего привременнаго неблагосостоянія отыскиваютъ безчисленное множество, и самыхъ разнородныхъ... такъ что по соображеніи всѣхъ ихъ придешь къ тому безотрадному заключенію, что изъ современнаго положенія нѣтъ никакого выхода. Очень грусно!—Это собственно заставило и насъ задуматься о нашемъ положеніи—и мы льстимъ себя надеждою, что намъ удалось наконецъ, несмотря на нашу поморность, открыть тотъ ларчикъ, надъ которымъ напрасно ломали такъ долго голову наши многочисленные ученые.

Все зло происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ нашего сосѣдства съ Европой, или точнѣе сказать, отъ нашего близкаго знакомства съ нею, оттого, однимъ словомъ, что мы прорубили въ нее окно. Сквозной вѣтеръ сталъ дуть отъ этого въ Россіи, остроумно замѣтилъ одинъ шутникъ. Вотъ гдѣ наша болѣзнь.

Европа развивалась въ теченіи десятковъ вѣковъ. Народъ образовывался, вырабатывался, гуманизировался тамъ и наукой, и искусствомъ, и цивилизаціей. Оттого каждый порядочный селянинъ тамъ смотритъ, точно какъ будто бы былъ изъ *благородныхъ*. Натурально, что благороднаго человѣка нельзя такъ держать, какъ подлыхъ, невѣжественныхъ мужиковъ. Оттого въ Европѣ явились разныя свободныя учрежденія. Свободныя учрежденія, конечно, хороши, но тамъ, гдѣ есть хорошо приготовленная для нихъ почва —народъ. Дай эти учрежденія намъ, — что изъ этого выйдетъ? Развѣ мы умѣемъ уважать законы? Развѣ мы умѣемъ довольствоваться тѣми осторожными, съ мѣрою нашего умственнаго и нравственнаго возраста соразмѣрными, прогрессивными движеніями впередъ, которыя признаютъ полезными для насъ люди благоразумные? Вотъ недавно у насъ подняли общій почти крикъ въ литературѣ, чтобъ дали намъ полную свободу печатнаго слова. А

подумали ли люди, поднимавшіе подобный крикъ, о томъ: доросли ли мы до этой свободы? Умѣемъ ли мы кстати сказать, что нужно, и кстати молчать, о чемъ нужно? Умѣемъ ли мы разсуждать даже о матеріяхъ важныхъ? Когда созрѣетъ у насъ публика для того, чтобы внимать этимъ серьезнымъ разсужденіямъ, а не увлекаться только смѣхотворствомъ и скандалами, какъ это дѣлаетъ она доселѣ? Когда даже явятся, наконецъ, у насъ серьезные талантливые писатели, излагающіе истинныя, здравыя начала науки и притомъ проникнутые искреннимъ желаніемъ опровергать заблужденія, а не отпѣтые свистуны и поморные, стремящіеся все поднять на смѣхъ, какъ было доселѣ? Не смотря, однакожъ, на такую нашу незрѣлость, неподчиненность къ свободнымъ учрежденіямъ запада, въ насъ, по причинѣ нашихъ близкихъ сношеній съ западомъ, воспитывается неразумная привязанность къ этимъ учрежденіямъ. Мы хотимъ, чтобы у насъ была такая же администрація, такіе же суды, такая же свобода мысли и проч., и проч. Можно ли, спросимъ мы, ребенку давать въ руки ножъ? Наши желанія, очевидно, не могутъ быть исполнены и не исполняются, а между тѣмъ они и не проходятъ, и пройдти не могутъ, потому что мы находимся въ неразрывной связи съ Европой. Оттого въ обществѣ передовомъ, лучшемъ, всегда находимъ *плѣнной мысли раздраженье* — вѣчное недовольство своимъ, вѣчное исканіе чего то лучшаго, чужаго. Вотъ первый гибельный плодъ нашего тѣснаго сближенія съ западомъ.

Впрочемъ теперь другое. Развиваясь въ теченіи десятковъ вѣковъ, европейцы научились искренно уважать науку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу человѣческой мысли, понимая очень хорошо, что безъ свободы мысли наука невозможна, что заблужденія ума человѣческаго въ дѣлѣ развитія необходимыя тѣни, посредствомъ которыхъ только и можетъ быть общественному сознанію вполнѣ выясненъ и показанъ во всемъ блескѣ свѣтъ чистой истины, — научились искренно уважать свободу человѣческой личности во всѣхъ ея представителяхъ, и благородныхъ и худородныхъ, предоставляя каждой личности право свободнаго развитія, свободнаго пользованія всѣми общечеловѣческими правами въ обществѣ. Само собою разумѣется, что, попавъ въ среду европейскихъ народовъ, и мы стараемся представиться также искренно любящими науку, какъ и они, также уважающими свободу человѣческой личности, какъ и они. Но въ душѣ мы все-таки остаемся такими же азіа-

тами, какими и были. Татарско-московской закваски, которая въѣдалась въ нашъ общественный организмъ вѣками, не выведешь вдругъ никакими кислотами, не выкуришь никакими благовоніями. Наполеонъ I справедливо сказалъ о русскихъ: grattez vous le Russe et vous trouverez un Tatare. Оттого дѣйствія нашего общества нетолько ложны, какъ основательно замѣтилъ Аксаковъ, но въ высшей степени смѣшны и жалки. Мы всѣ кричимъ, напримѣръ, о своей любви къ наукѣ, болтаемъ о свободѣ слова, а едва найдется человѣкъ, который скажетъ какую нибудь не пошлую, несогласную съ нашими татарскими понятіями мысль, какъ мы всѣ приходимъ въ неописанный ужасъ. Помилуйте! начинаютъ кричать даже наши передовые. Да вѣдь подобный господинъ развратитъ все общество, — а уже на худой конецъ, испортитъ всѣ молодые, неопытные умы. Ему надобно запретить писать подобные ужасы. Вотъ вамъ и любовь къ наукѣ, вотъ вамъ и болтанье о свободѣ слова. О, московитская натура! Или въ одинъ день мы воспѣваемъ со всѣмъ сладострастіемъ объ эмансипаціи женщинъ, а на другой день, по поводу какого нибудь дѣйствительно-свободнаго и разумно-свободнаго поступка женщины, напримѣръ, хоть посѣщенія ею университетскихъ или медицинскихъ лекцій, мы начинаемъ кричать: помилуйте! да вѣдь это разрушаетъ и патріархальныя, фундаментальныя основы нашего семейства, общества, не говоря уже о томъ, что это стираетъ съ нея прелестный цвѣтъ женственности (подъ *женственностію* въ этомъ случаѣ разумѣется тотъ милый гаремный идіотизмъ или слабоуміе женщины, по которому она свое назначеніе на землѣ поставляетъ исключительно въ томъ, чтобы быть дамой, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ). Или въ одинъ день соловьемъ заливаемся о прелести *терпимости* во всѣхъ ея родахъ и видахъ, а на другой день являемся чистыми фанатиками, начинаемъ со всѣмъ жаромъ проповѣдывать нетерпимость, которой намъ даже никто и не заповѣдывалъ. Какъ же можно, говоримъ мы, писать иконы не на левкасѣ, а на промасленномъ холстѣ: это съ духомъ вѣры нашей несогласно, это развратитъ народъ и проч., и проч. Подобныхъ примѣровъ раздвоенія мы могли бы представить тысячи, но для нашего дѣла такъ много ненужно. Мы ограничимся тѣмъ, что представимъ еще одинъ, самый разительный и повторяющійся почти ежедневно. Всѣ мы кричимъ нынѣ объ уравненіи съ нами въ правахъ нашихъ меньшихъ бра-

тій, т. е. мужиковъ, и что единственное средство для этого есть образованіе. Но, когда вопросъ переходитъ къ тому: чему учить мужиковъ? то мы начинаемъ говорить, что этому ихъ учить нельзя, другому не нужно, третьему вредно, потому что то развратитъ ихъ, это поставитъ ихъ выше ихъ состоянія, сдѣлаетъ пролетаріями, третье породитъ въ нихъ недовольство общественнымъ устройствомъ. Конецъ концовъ выходитъ тотъ, что свободный доступъ къ образованію долженъ быть открытъ только богатымъ классамъ, а бѣднымъ закрытъ. «Не оттого ли, слышимъ мы,—такъ разсуждаетъ въ послѣдней книжкѣ «Русскаго вѣстника» нѣкто г. Скуратовъ,—такъ много жалобъ на недостаточность жалованья гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ странахъ, гдѣ бѣдные люди ищутъ общественныхъ должностей, какъ средствъ къ жизни, между тѣмъ, какъ ихъ вовсе не слышно въ Англіи, гдѣ люди съ независимымъ состояніемъ принимаютъ на себя эти должности безъ жалованья, ради исполненія гражданскаго дѣла или для пріобрѣтенія общественнаго или политическаго значенія? Главнѣйшіе дѣятели внутренняго управленія въ Англіи, 16,000 мировыхъ судей, нетолько исправляютъ свои должности безвозмездно, но еще тратятъ свои доходы на общественную службу... Вотъ почему, повторяемъ, мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, чтобы дѣти зажиточныхъ родителей получали такое воспитаніе, которое дѣлало бы ихъ способными къ дѣловой гражданской дѣятельности; затѣмъ, для бѣдныхъ людей должны быть такія учебныя учрежденія, въ которыхъ цѣлію было бы не пріобрѣтеніе познаній, а нравственное и умственное развитіе (was ist das?)!» Благосостояніе страны, говоритъ также г. Скуратовъ, зависитъ болѣе отъ достаточнаго числа обыкновенныхъ людей, хорошо приготовленныхъ для удовлетворенія ея ежедневныхъ потребностей, нежели отъ развитія нѣсколькихъ замѣчательныхъ и яркихъ дарованій». Однимъ словомъ, г. Скуратовъ хочетъ, чтобы учебныя заведенія воспитывали хорошихъ прикащиковъ, хорошихъ канцеляристовъ, хорошихъ квартальныхъ и т. д., лишая при этомъ воспитываемыхъ высшаго человѣческаго образованія, которое должно выпадать также на долю богатыхъ. Можетъ ли разсуждать такимъ образомъ *дѣйствительный европеецъ?* Никогда. Всякій европеецъ понимаетъ очень хорошо, что уровень благосостоянія страны возвышается вообще талантами, что изобрѣтеніе, сдѣланное однимъ сильнымъ талантомъ, подви-

гаетъ часто впередъ промышленность, торговлю, образованіе массъ на цѣлые вѣки впередъ, и что такъ какъ люди доселѣ не нашли еще средства раздавать таланты тѣмъ сословіямъ, которымъ бы они желали, а природа раздаетъ таланты безъ разбора, благороднымъ и худороднымъ, и послѣднимъ гораздо чаще, чѣмъ первымъ, то прямая польза каждаго образованнаго государства состоитъ въ томъ, чтобы призывать къ образованію желающихъ изъ всѣхъ сословій, помогать имъ, по возможности, въ случаѣ ихъ бѣдности, вообще стараться всѣми мѣрами сдѣлать образованіе общимъ всѣхъ достояніемъ. Само-собою разумѣется, что для насъ, азіатовъ, всѣ эти истины, давно избитыя и всѣмъ извѣстныя, представляются дикими. Потому что мы смотримъ на образованіе не какъ на средство для возможно-равномѣрнаго раздѣленія благъ цивилизаціи между всѣми членами государства, а какъ на орудіе для служенія только нашему личному благосостоянію, нашему комфорту, нашимъ прихотямъ. Какое намъ дѣло до того, что мужикъ, работая отъ ранняго утра до вечера, не имѣетъ возможности съѣсть даже простаго чернаго хлѣба, безъ примѣси травы, не имѣетъ платья, нужнаго для защиты отъ холода и непогодъ, страдаетъ цѣлую жизнь болѣзнями нищеты, и умираетъ преждевременно, отъ неимовѣрныхъ трудовъ, холода и голода. Онъ мужикъ, говоримъ мы, и долженъ быть доволенъ и счастливъ уже однимъ правомъ на жизнь, какова бы она ни была. Какъ это, такъ и всѣ подобныя мнѣнія принимались бы за безусловно-вѣрныя всѣми нами, какъ принимаются онѣ и всѣми азіатами, и проводились бы всюду, и въ литературѣ и въ обществѣ, и т. д. послѣдовательно, если бы мы не были въ связи съ Европою. Теперь же знакомство съ Европой въ однихъ изъ насъ колеблетъ эти убѣжденія, въ другихъ совершенно исторгаетъ ихъ, замѣняя новыми, чисто-человѣческими, третьихъ заставляетъ изъ подражанія, изъ стыда дѣйствовать или высказываться противъ родныхъ азіатскихъ убѣжденій; оттого и въ жизни, и въ литературѣ, и всюду происходитъ безпрестанно нескладица, нестроеніе, дѣйствія, и смѣшныя, и возмутительныя, въ одно и то же время.

Еще худшія бѣдствія наводитъ на насъ наша связь съ Европой и въ нашемъ матеріальномъ бытѣ. Познакомившись съ издѣліями заграничной промышленности, мы нашли, что издѣлія эти не въ примѣръ лучше нашихъ; намъ понравились заграниц-

ный шолкъ и бархатъ, и кружева, и всѣ заграничныя мелочи для туалета и разныя галантерейныя вещи и вещицы и проч. и проч. Само собою разумѣется, что какъ люди, имѣющіе вкусъ, мы стали все заграничное хорошее предпочитать русскому дурному; натурально, привыкли къ хорошему и не имѣемъ даже уже возможности отстать отъ него. Между тѣмъ народное самолюбіе наше страдало: какъ, дескать, мы, европейскій народъ, не умѣемъ дѣлать такихъ же хорошихъ вещей, какія дѣлаютъ другіе европейскіе народы? Поощримъ нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, чтобы они постарались намъ разныя производства свои поставить на такую же хорошую ногу, на какой стоятъ они въ Европѣ. Вслѣдствіе этого мы обложили иностранныя издѣлія такимъ тарифомъ, что они стоятъ у насъ вдвое или втрое дороже, чѣмъ стóятъ на мѣстѣ. Наши доморощенные фабриканты и заводчики тотчасъ смекнули, какую можно извлечь изъ этого благодать. Они наложили на свои дурныя или одинаковыя съ европейскими издѣлія такія почтенныя цѣны, которыя давали имъ и хорошія средства жить и наживать капиталъ, а о сравненіи своихъ производствъ съ заграничными по достоинству, или, при равномъ достоинствѣ, по цѣнѣ забыли и думать. Зачѣмъ, дескать, намъ помышлять о такомъ нудобномъ дѣлѣ? Отъ этого жить стало всѣмъ худо. И тѣ, которые привыкли къ заграничнымъ издѣліямъ, платятъ втрое, вчетверо болѣе за нихъ, чѣмъ платили бы безъ поощренія внутренней промышленности, и тѣ, которые довольствуются отечественными издѣліями платятъ за нихъ въ-три-дорога. И такимъ образомъ идетъ дѣло со времени сближенія нашего съ Европою, и какъ надобно ожидать, пойдетъ на вѣки вѣчные. Вотъ мы, напримѣръ, были доселѣ такого убѣжденія, что ужъ если въ чемъ другомъ мы не въ состояніи соперничествовать съ иностранцами, то въ свеклосахарномъ производствѣ, конечно, не отстанемъ отъ нихъ и будемъ имѣть скоро сахаръ такъ же дешевый, какъ дешевъ онъ и у нихъ. Потому мы думали такъ, что свеклы у насъ, слава Богу, довольно; дѣлать сахаръ, не Богъ знаетъ, какая нужна хитрость. Сахарное производство, по справедливому замѣчанію г. Рабиновича (см. Рус. вѣст. № 6) «такое производство, гдѣ не требуется особеннаго чутья изящнаго, ни соображенія съ прихотями моды, ни исключительнаго умѣнія подчинять вкусъ потребителя законамъ производителя». На дѣлѣ, однакожъ, и въ нашей свеклосахарной промышленности оказы-

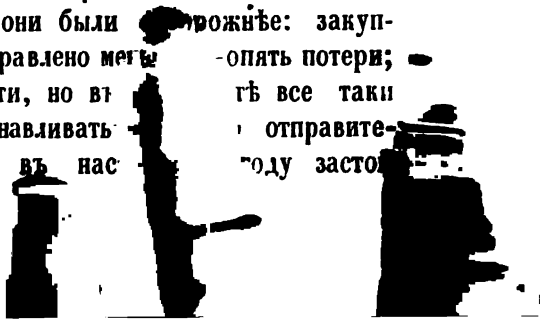
вается вотъ что. «Чтобы покровительствомъ этому производству, говоритъ г. Рабиновичъ, правительство обложило иностранный сахаръ пошлиной въ 5 р. 25 к. съ пуда, тогда какъ въ Лондонѣ цѣна за пудъ его стоитъ не болѣе 4 р., а само довольствуется самымъ ничтожнымъ акцизомъ съ сахарныхъ заводовъ. Что же вышло? Развилось ли у насъ производство сахару до того, что край можетъ пользоваться имъ по умѣренной цѣнѣ? Обогатились ли самые заводчики? Ничуть не бывало. *Сахарная драма*, разыгравшаяся на послѣднихъ кіевскихъ контрактахъ, ввергла въ бѣдствіе *нѣсколько тысячъ* человѣкъ, довѣрившихъ свои капиталы, одной изъ значительнѣйшихъ *сахарныхъ фирмъ*, пришедшей въ несостоятельность; о прочности другихъ фирмъ, изъ которыхъ одна—другая даже, говорятъ, удостоилась чрезвычайнаго вспомоществованія, тоже нельзя сказать нечего положительнаго. А между тѣмъ для мѣстныхъ потребителей, въ рядахъ которыхъ насчитываются сотни тысячъ бѣдныхъ, сахаръ никогда не обходился дешевле 10 р. за пудъ. Есть ли тутъ какое сравненіе съ лондонскими цѣнами на этотъ продуктъ? Что же вышло изъ этого покровительства?—Развѣ одно только то, что нѣсколько отдѣльныхъ личностей, въ простотѣ души своей, считали себя большими барами и проживались на славу, а казна и народонаселеніе несли огромные убытки. Если бы иностранный сахаръ былъ обложенъ пошлиной въ 2 р., то мы могли бы покупать его въ нашемъ краѣ (новороссійскомъ) не дороже 7 р. за пудъ. Теперь, если мы возмемъ ежегодное количество въ $2^1/_2$ милліона пудовъ сахару (приблизительная цифра заводской выдѣлки рафинада въ югозападномъ краѣ Россіи), за которое казна, неизвѣстно, получаетъ ли милліонъ рублей дохода, то окажется, что казна теряла ежегодно пошлинъ 4 милліона, а потребители переплачивали ежегодно $7^1/_2$ милліоновъ, итого $11^1/_2$ милліоновъ, а въ десятилѣтней сложности 115 милліоновъ рублей! «Замѣчательно, что очень многіе изъ нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, пользующіеся *покровительствомъ*, даже не знаютъ о томъ, что они находятся въ состояніи *покровительства*, напротивъ думаютъ, что состояніе ихъ самое нормальное, что въ такомъ видѣ и въ такой цѣнности, въ какихъ существуютъ теперь издѣлія ихъ, будутъ они существовать въ вѣки вѣчные. Недавно мнѣ случилось ѣхать изъ Москвы съ однимъ извѣстнымъ шолковымъ фабрикантомъ. Между разными разговорами зашла у насъ рѣчь и о

шолковомъ производствѣ. «Скажите, пожалуста, спросилъ я его, отчего вы не дѣлаете шелковыхъ издѣлій такой доброты, какой они дѣлаются заграницей?» Оттого, отвѣчалъ фабрикантъ, что намъ это невыгодно. Шелковыя издѣлія одинаковой доброты съ заграничными мы должны продавать по тройной цѣнѣ въ сравненіи съ заграничными; иначе не окупится производство. Ктожъ у насъ ихъ купитъ?» Но вѣдь, однакожъ, когда нибудь наши издѣлія должны же сравниться съ заграничными и по достоинству и по цѣнѣ: для этого и *покровительствуется* шелковое производство въ Россіи. «Когда же будетъ? отвѣчалъ фабрикантъ, —это пустое дѣло-съ, этого никогда быть не можетъ. Шелкъ получаемъ мы изъ заграницы, тамъ всегда онъ будетъ дешевле; мастерствомъ иностранцевъ нашему брату, русаку, тоже непереще-голять».—Ну, такъ въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и покровительствовать этому производству. Оно только тяжесть для народа. «Этого также-съ нельзя. Какое же-съ это будетъ государство безъ коммерціи! Государству нужна коммерція; иначе виду не будетъ.— Но, помилуйте, говорю я, коммерція будетъ, когда будутъ торговать и иностранными товарами; это все равно. «Какое же это государство будетъ, (тѣснить фабриканта,?) что у него не будетъ своего производства, а будетъ все иностранное. Чѣмъ же будетъ питаться народъ?»—Ну пусть фабриканты, сказалъ я, занимаются обработкой и выдѣлкой того, въ чемъ хоть когда нибудь мы можемъ сравниться съ европейцами или обогнать ихъ, напримѣръ, выдѣлкою льняныхъ матерій, пеньковыхъ, кожъ и т. п. «Всѣмъ этимъ однимъ заниматься нельзя; шелковымъ производствомъ, слава Богу, пропитываться тоже можно, —а народу тяжести никакой нѣтъ; ему даютъ, что можно дать». Читатель видитъ изъ этого, что наши фабриканты и заводчики смотрятъ на оказываемое имъ *покровительство*, какъ на аренду, жалуемую имъ за то, что они поддерживаютъ въ государствѣ коммерцію, доставляютъ ему славу и что такимъ образомъ они же благодѣтельствуютъ народу, а нето, что выжимаютъ изъ него потовыя его деньги! Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ мы во вѣки вѣковъ будемъ оброчными людьми у нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Значитъ, справедлива наша мысль, что сближеніе наше съ Европой и въ матеріальномъ нашемъ быту не принесло намъ ничего, кромѣ вреда.

Въ заключеніе не можемъ не сказать о томъ, что сбли-

съ иностранцами намъ и вообще не рука. Мы люди простые, добрые, они же народъ хитрый, коварный, злокозненный, теплоты сердца не имѣютъ рѣшительно никакой. Вотъ ужъ какія, кажется, интимныя, дружескія сношенія мы завели съ ними на югѣ Россіи, старались о нихъ, какъ о родныхъ братьяхъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ питали цѣлую Францію и Англію нашей пшеницей. А какихъ намъ трудовъ это стоило! неговоря уже о томъ, что мы должны были все таки немного безпокоиться для этого и лично: мы добывали для нихъ каждогодно нѣсколько милліоновъ четвертей пшеницы изъ земли допотопными орудіями — замѣтьте — допотопными! Какихъ намъ это стоило трудовъ! Затѣмъ какихъ трудовъ намъ стоило перевозить эту пшеницу въ Одессу и другіе порты Чернаго моря, чтобы сдать иностранцамъ?...» Длинными вереницами тащился хлѣбъ въ Одессу въ чумацкихъ возахъ или жалкихъ таратайкахъ, влекомыхъ волами или тощими польскими клячами, которыя, по мелкости своей породы и безсилію, уступаютъ воламъ. Устройство этихъ фуръ, на которыя въ Европѣ смотрѣли бы какъ на чудо безобразія, довольно извѣстно всякому и распространяться о нихъ нѣтъ надобности. Достаточно сказать, что на этихъ фурахъ хлѣбу приходилось пробыть въ дорогѣ по нѣскольку недѣль и выдерживать снѣгъ и дождь и всякія перемѣны температуры, единственно подъ прикрытіемъ напитанныхъ грязью и всякою нечистотою ряденъ или размокшихъ кожъ, которыя, будучи пригрѣты солнцемъ, сообщаютъ свое зловоніе всему, что къ нимъ дотронется. Слѣдованіе транспортовъ на пути, привалы, переправы на паромахъ и черезъ плотины и т. п. были связаны съ притѣсненіями и препятствіями со стороны разныхъ мелкихъ властей и владѣльцевъ, — притѣсненіями и препятствіями, неминуемыми какъ смерть.... Чумаки извощики, имѣющіе весьма смутное понятіе о законности, подчасъ очень нецеремонно обходились съ ввѣреннымъ имъ продуктомъ. Бывали примѣры, что они продавали цѣлые транспорты, и слѣды, какъ обыкновенно у насъ водится, пропадали на вѣки; но продать съ возовъ пшеницу въ корчмѣ, это для многихъ изъ нихъ ни почемъ и совершалось сплошь да рядомъ... При закупкѣ и хлѣба на мѣстахъ производства тоже было не безъ препятствій. Такъ напримѣръ, закупка пшеницы на базарахъ въ заброшенныхъ небольшихъ городишкахъ, мѣстечкахъ и селахъ подвергалась раз-

нымъ капризамъ полицейскихъ властей и влекла за собой обременительные налоги. Покупка у землевладѣльцевъ имѣла также свои невыгоды. Покупщикъ всегда почти долженъ былъ отсчитать за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ всѣ деньги подъ домашній или формальный контрактъ. Но что такое контрактъ въ нашемъ россійскомъ государствѣ?—Не было ни одного случая, гдѣ бы безспорный договоръ съ помѣщикомъ земская полиція приводила въ исполненіе на дѣлѣ, а не на бумагѣ только. Нерѣдко случалось, что деньги покупщика совсѣмъ пропадали и онъ бывалъ радъ еще, когда самъ благополучно уносилъ ноги съ барскаго двора. Неисполненіе же степными владѣльцами договора относительно доброты хлѣба, или количества его, или срока сдачи были вещи такія обыкновенныя, что каждый хлѣбопромышленникъ заранѣе къ нимъ приготовлялся.... Наконецъ, пшеница, пробывъ иногда въ дорогѣ почти столько же времени, сколько нужно на путешествіе въ Австралію изъ любаго европейскаго города, прибывала въ Одессу—и здѣсь требовала сильной переборки, сушки на солнцѣ, перекидки на сквозномъ вѣтру въ магазинахъ....» Вотъ какія мытарства и бѣдствія претерпѣвали мы, чтобы угодить иностранцамъ, не щадя по истинѣ ни трудовъ, ни времени, ни безмѣрныхъ расходовъ! Само собою разумѣется, что всѣ наши протори и убытки мы вчитали въ цѣну пшеницы иностранцамъ. Но вѣдь и то сказать надобно, что въ убытокъ себѣ трудиться никто не будетъ. И чтожъ вы думаете? Иностранцы не оцѣнили ни нашихъ неутомимыхъ трудовъ, ни безчисленныхъ жертвъ для нихъ... За нашъ радушный хлѣбъ они отплатили намъ самою черною неблагодарностію. Они получаютъ теперь пшеницу въ Венгріи, въ придунайскихъ княжествахъ, Одессу совсѣмъ бросили. «Одесса уже нѣсколько лѣтъ сряду несетъ убытокъ по отпускной своей торговлѣ. Сначала это уменьшеніе отпуска было незначительно; негоціанты и промышленники, запасшись хлѣбомъ, вынуждены были, не ожидая запросовъ, отправлять его за границу, безъ особенныхъ видовъ на тамошніе неурожаи; но отправители понесли большія потери. Въ слѣдующій разъ они были осторожнѣе: закуплено было, что есть лучшаго, отправлено мен[illegible] опять потери; затѣмъ еще болѣе осмотрительности, но в[illegible] гѣ все таки потери. Предпріятія начали останавливать[illegible] отправителей стало убавляться и наконецъ въ нас[illegible] году засто[illegible]



хлѣбной торговли дошелъ до своего *nec plus ultra*. Той самой пшеницы, которую въ былое время мы продавали иностранцамъ по 10 р. 50 к. и которая по причинѣ нашихъ допотопныхъ способовъ ея добыванія, нашего метода перевозки, надзора нашей полиціи, самимъ намъ обходилась въ 9 рублей, теперь никто изъ иностранцевъ не хочетъ покупать даже по 6 р. 50 к. и даже по 6 р. И чѣмъ прельстились иностранцы, измѣняя намъ? Стыдно сказать, рублемъ, однимъ только рублемъ на четверть. Наша пшеница съ провозомъ въ Лондонъ обходилась въ 11 р. 25 к., а венгерская, немного лучшая нашей, обходится въ 10 р. 25 к. А при этомъ иностранцы не приняли въ соображеніе того, что мы пшеницу обработывали для нихъ нашими собственными руками, а не какими нибудь орудіями, что мы перевозили ее на нашихъ родныхъ животныхъ, а не на бездушныхъ желѣзныхъ дорогахъ, что мы за законностію ея продажи и цѣлостію ея въ дорогѣ блюли посредствомъ нашей бдительной полиціи, а не то, чтобы покупали и отправляли ее безъ всякаго призора. И вотъ намъ награда за наши неусыпные труды! И все дѣло изъ рубля серебромъ! Стоило ли изъ такой малости иностранцамъ покрывать себя черною неблагодарностію къ странѣ, которая одна питала ихъ своимъ хлѣбомъ въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а можетъ быть, не одинъ десятокъ разъ спасала отъ голодной смерти? Можемъ ли мы, люди простые и безхитростные, имѣть дѣло послѣ этого съ такими коварными и непостоянными людьми какъ иностранцы? Нѣтъ и сто разъ нѣтъ. Случись со мной тоже, что случилось съ афинскимъ литераторомъ, я бы неумолкно вопіялъ о томъ, что пора намъ покончить съ Европою, пора задѣлать прорубленное не кстати туда окно на-глухо и начать жить особнякомъ, какъ жили наши дѣды и отцы и какъ живутъ доселѣ наши добрые восточные сосѣди.

4.

Обыкновенно существуетъ мнѣніе, что для пользованія болѣе совершенными формами гражданской жизни необходимо постепенное подготовленіе народа къ воспріятію этихъ формъ. Строгіе послѣдователи теоріи постепенности полагаютъ, что безъ этого непремѣннаго условія улучшенныя формы гражданской жизни не могутъ счастливо привиться между необразованными массами, однимъ словомъ, принести тѣ плоды, которыхъ слѣдуетъ отъ нихъ ожидать. Приверженцы этой теоріи готовы скорѣе отодвинуть на вѣка рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, нежели допустить, чтобы народъ, безъ постепеннаго приготовленія воспользовался заповѣданными формами. Но въ чемъ же собственно заключаются послѣднія, и не представляютъ ли они въ основаніи своемъ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые вытекаютъ прямо изъ жизни народа, при первомъ появленіи ея? Такъ напримѣръ, судъ присяжныхъ или участіе общественной совѣсти при судебномъ разсмотрѣніи проступковъ и преступленій, и непосредственное участіе народа въ земскихъ дѣлахъ, т. е. въ такихъ дѣлахъ, которыя прямо относятся къ его интересамъ, и на которыя онъ даетъ свои деньги, съ естественнымъ желаніемъ знать, какимъ образомъ онѣ будутъ расходуемы. Къ той же категоріи естественныхъ потребностей народа относится и самое стремленіе его къ участію въ обсужденіи тѣхъ мѣръ и положеній, которыя имѣютъ непосредственное приложеніе къ нему, и которымъ онъ долженъ подчиняться на каждомъ шагу своей дѣятельности. Само собою ясно, что наиболѣе доступное понятіе для народа есть обезпеченіе личности каждаго члена, составляющаго общество. Понятіе это, вытекая, такъ сказать, изъ самой природы людей, до такой степени просто, что тотчасъ пробуждается въ самомъ подавленномъ человѣкѣ, какъ только снимаются опутывавшія его пелены. Или, наконецъ, можетъ ли человѣкъ не понять всей пользы и важности того права, которое даетъ ему возможность обсуживать совершающіяся вокругъ него дѣла, при помощи такого простаго процеса, какъ чтеніе,— разумѣется, если право это основано на свободномъ, независи-

момъ заявленіи мнѣній въ печати. Мы не говоримъ уже о возможности, разсмотрѣнія общественныхъ дѣлъ въ собраніяхъ, гдѣ каждый безбоязненно вноситъ свою лепту для разработки общихъ интересовъ.

Всѣ эти истины до такой степени просты, что скорѣе надобно удивляться, какимъ образомъ могъ отклониться отъ нихъ процесъ развитія общественной жизни, слѣдуя по хитросплетеннымъ сложнымъ путямъ другаго порядка.

Вотъ почему нѣкоторые мыслители не безъ основанія полагаютъ, что есть такія общественныя формы, воспринять которыя каждый народъ готовъ во всякое время, и которыя только одни могутъ привести его къ желанному благосостоянію. Вся сила въ томъ, чтобы эти формы были привиты народу, безъ всякой задней мысли, очищенныя отъ тѣхъ наростовъ, которыя были выработаны человѣчествомъ на пути уклоненія его отъ естественнаго нормальнаго развитія.

Лучшее доказательство справедливости нашихъ словъ представляетъ намъ исторія многихъ американскихъ государствъ. Мы не говоримъ здѣсь о сѣверо-американскихъ штатахъ, представляющихъ извѣстное исключеніе въ этомъ отношеніи.

Въ Америкѣ есть страны, въ которыхъ эмансипированное незначительное населеніе идетъ объ руку съ массами народа, еще недавно представлявшими поразительный контрастъ, относительно образованія и вообще цивилизаціи, въ обширномъ ея значеніи. Возьмемъ, напримѣръ, страну Ла-плату, лежащую на южной оконечности Америки, возлѣ Патагоніи. Страна эта, заключающая до 24,000 квадр. миль, при населеніи 2.500,000 душъ, не имѣетъ громкаго міроваго положенія въ исторіи. Около $^3/_4$ этого населенія принадлежитъ къ туземцамъ; остальную часть составляютъ европейцы, живущіе преимущественно въ городахъ. Между туземнымъ и европейскимъ населеніемъ существуетъ разрозненность и антагонизмъ, примѣры котораго мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ. Страна представляетъ огромныя равнины, способствующія разведенію скота. Жители занимаются продажей кожъ дикихъ животныхъ и страусовыхъ перьевъ, винодѣліемъ и обработкой водки, составляющей одинъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ, какъ внутренняго потребленія, такъ и вывоза. Мануфактурная дѣятельность внутри страны находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Всѣ условія повидимому приво-

дять къ заключенію, что уровень политической жизни народа долженъ находиться на самой низкой степени. Каково же было наше удивленіе, когда на дняхъ, мы совершенно неожиданно получили № газеты «La Tribuna», издающейся въ Буэносъ-Айресѣ. Если газеты, какъ публичные органы общественнаго мнѣнія, могутъ служить мѣриломъ политическаго положенія страны, то должно замѣтить, что положенію Ла-Платы или Аргентинской республики, не взирая на близость ея къ Патагоніи, могутъ позавидовать многія европейскія государства. Полученная нами газета представляетъ огромный листъ, въ семь столбцовъ, передовая часть которыхъ посвящена правильнымъ парламентскимъ дебатамъ. Насъ въ особенности поразили тѣ подробныя свѣдѣнія, которыя мы встрѣтили тамъ о Россіи и о другихъ европейскихъ государствахъ. Мы нашли тоже въ газетѣ любопытныя замѣтки о торговомъ движеніи страны и много другихъ подробностей, свидѣтельствующихъ о завидной долѣ цивилизаціи этого, для многихъ русскихъ, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ, мало извѣстнаго государства. На многія мысли навелъ насъ этотъ совершенно неожиданно доставленный намъ листокъ.

5.

Общій циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ «о порядкѣ открытія училищъ для образованія дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ» опредѣляетъ какимъ образомъ направлять ходатайства крестьянъ объ открытіи сельскихъ училищъ, для первоначальнаго обученія дѣтей, впредь до утвержденія по сему предмету особыхъ правилъ. Циркуляръ опредѣляетъ, что подобныя ходатайства должны быть утверждены губернскими присутствіями, съ тѣмъ, дабы преподаваніе закона Божія принималъ на себя кто нибудь изъ священниковъ; за тѣмъ, обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики можетъ быть поручаемо, какъ священникамъ, такъ и другимъ лицамъ. Съ особеннымъ удоб-

ствомъ такое обученіе можетъ возлагаться на волостныхъ писарей, какъ одно изъ условій найма ихъ въ должности волостныхъ писарей.—О каждомъ, вновь открытомъ училищѣ губернское присутствіе обязано сообщать, для свѣдѣнія и надзора за преподаваніемъ, мѣстному директору училищъ.

1) Почему нужно, чтобы ходатайства крестьянъ объ открытіи училищъ были утверждены губернскими присутствіями? Это излишняя процедура. Можно бы дозволить крестьянамъ открывать училища, для первоначальнаго обученія дѣтей, свѣдома мироваго посредника, который бы сообщалъ губернскому присутствію о каждомъ вновь открытомъ училищѣ, а губ. пр. сообщало бы дирекціи.

2) Губернское присутствіе утверждаетъ ходатайства крестьянъ съ тѣмъ, дабы преподаваніе закона Божія принималъ на себя кто нибудь изъ священниковъ.

Слѣдовательно, въ деревняхъ и большихъ хуторахъ крестьяне не могутъ завести училище, въ которомъ бы дѣти могли выучить молитвы, научиться читать, писать и первымъ правиламъ ариѳметики. Для крестьянъ трудно устроить такъ, чтобы священникъ принялъ на себя преподаваніе закона Божія. Безвозмездно священникъ не согласится да и несправедливо было бы требовать отъ него этого, а только что освобожденные крестьяне не въ состояніи будутъ вознаграждать священника за проѣздъ и за время, теряемое на проѣзды.

Намъ кажется, что, получившіе права гражданъ крестьяне имѣютъ право воспитывать своихъ дѣтей по своимъ средствамъ, т. е. нанять для обученія человѣка по своимъ средствамъ.

Власть можетъ контролировать, но требовать излишнихъ тратъ, создавать препятствія—это не вмѣщается въ понятія контроля. Надзоръ за училищами, заводимыми крестьянами, можетъ быть ввѣренъ духовенству и мировымъ посредникамъ; эти послѣдніе вѣроятно не будутъ тяготиться этою обязанностію.

3) Къ чему при наймѣ волостныхъ писарей, обязанность учить должна быть однимъ изъ условій найма?

Какой прокъ отъ этого?

Это и сдѣлается формальностію, на дѣлѣ же ничего не будетъ. А если стать принуждать обязавшихся писарей учить, то это еще хуже. Учительство по принужденію не принесетъ утѣшительныхъ результатовъ.

Въ нашемъ краѣ есть, впрочемъ, нѣсколько человѣкъ писарей, бывшихъ студентовъ, которые при теперешнихъ правилахъ, какъ люди недостаточные, не могли продолжать курса наукъ въ университетѣ; они посвятили себя на благородное дѣло и, безъ условія при наймѣ, будутъ учить крестьянскихъ дѣтей и изъ этого ученья будетъ прокъ. У насъ носятся слухи, будтобы запрещено студентамъ давать мѣсто писарей. Мы не можемъ допустить такого запрещенія. Это было бы страшнымъ злоупотребленіемъ. Если выучившійся грамотѣ у дьячка имѣетъ право быть писаремъ, то какимъ же образомъ, окончившій курсъ въ средне-учебнаго заведенія и бывшій въ высшемъ не имѣетъ того же права. Это было бы даже неразумно.

Въ развитіи и самопожертвованіи этихъ людей самая лучшая гарантія добросовѣстнаго исполненія обязанностей къ благу темнаго люда. Намъ кажется, что подобный слухъ изобрѣтенъ тѣми недобросовѣстными людьми, которые всѣми мѣрами стремятся унизить науку и унизить всякаго бывшаго въ университетѣ.

Кстати, говоря объ училищахъ для первоначальнаго обученія дѣтей, приведемъ цифры, показывающія количество грамотныхъ крестьянъ въ Переяславскомъ уѣздѣ. Цифры эти почерпнуты изъ свѣдѣній губернскаго комитета.

Имѣнія раздѣлены на пять разрядовъ:

1	разр.	отъ	1	до	10	р.	д.	всего	925	д.	3 м. ж.
2	—		10	—	50		—		816	—	1 — —
3	—		50	—	100		—		4338	—	61 — —
4	—		100	—	500		—		10,702	—	128 — 4 —
5	—			—	500		—		3710	—	59 — 2 —
								Итого	20,491	—	252 — 9 —

Въ имѣніяхъ	1-го	разр.	на $308^{1}/_{3}$	ревиз.	грамот. 1 муж пол.
—	2	—	816	—	1 —
—	3	—	$71^{7}/_{61}$	—	1 —
—	4	—	$83^{29}/_{44}$	—	1 —
—	5	—	$62^{22}/_{59}$	—	1 —

Вообще 1 грамот. мужск. пола на $81^{19}/_{122}$ ревиз. душъ.

Всѣ они обучались или въ экономіяхъ или у дьячковъ.

Намъ случалось встрѣчаться съ подобными грамотными. Болѣе грамотные изъ нихъ ничего не читаютъ и находятъ что читать— *дорого время тратить.*

Подобный взглядъ происходитъ отъ того, что нѣтъ популярныхъ книгъ реальнаго содержанія.

Повѣсти изъ народнаго быта ихъ не интересуютъ Все то, о чемъ говорится въ этихъ повѣстяхъ, имъ знакомо: все это онисами видѣли.

Потребность популярныхъ брошюръ реальнаго содержанія у насъ настоятельна. Многіе упрекаютъ редакцію «Основы», что она не прилагаетъ къ журналу статей, имѣющихъ интересъ для простолюдина и указываютъ на Галицкое слово. Дѣйствительно, это было бы полезное нововведенье и, вѣроятно, нашлись бы люди, готовые трудиться для этого дѣла.

6.

Сельскіе школы.

Когда мы видимъ поясничанье, или формированье для забавы, для денегъ, или просто отъ нечего дѣлать, намъ становится отвратительно; но когда мы видимъ форсироаннье дѣтскаго ума взрослыми, да еще педагогами, намъ дѣлается и грустно и больно!

Такія именно овладѣли мною ощущенія при посѣщеніи двухъ сельскихъ школъ Полтавскаго уѣзда: 27-го апрѣля въ мѣстечкѣ Мачихахъ и 28-го въ мѣстечкѣ Старыхъ-Санжарахъ. Школы эти изумили меня. До сихъ поръ я не представлялъ себѣ даже въ воображеніи такихъ уродливымъ формъ народнаго образованія, такого ужаснаго гнета надъ дѣтскимъ развитіемъ, какіе встрѣтилъ въ дѣйствительности! Послѣ посѣщенія мною этихъ школъ, меня не удивляетъ народное недовѣріе къ сельскимъ училищамъ и нежеланіе родителей отпускать въ нихъ своихъ дѣтей. Воскресныя школы пріобрѣли нѣкоторое довѣріе въ народѣ, на столько сельскія школы пользуются, и по справедливости, недовѣріемъ. Да и какъ можно вѣрить въ образованіе, которое вноситъ въ семью раздоръ, ссору и вражду! Дитя, поступившее въ школу, выучивается грамотѣ на языкѣ, котораго *никогда* не слышитъ въ домашнемъ своемъ быту, въ своемъ семействѣ; читаетъ книги на языкѣ, котораго не понимаютъ его

родители; черезъ это оно, не получивъ ни нравственнаго, ни умственнаго правильнаго развитія, считаетъ себя чѣмъ то выше своихъ родителей, въ немъ проявляется какая то ложная гордость, высокомѣріе, а отсюда идетъ ссора, вражда.

Но возвратимся къ фактамъ. Названныя мною школы помѣщаются весьма удобно въ особыхъ домахъ, при волостныхъ правленіяхъ. Преподавателями въ нихъ священники. Учатъ въ школахъ: чтенію, письму и ариѳметикѣ (простыя числа). Преподаваніе происходитъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, поутру отъ 8 до 12 и послѣ обѣда отъ 4, кажется, до 7 часовъ. Повидимому, времени слишкомъ достаточно для того, чтобы въ теченіе года выучить *разумно* 50—70 дѣтей всему тому, что положено въ сельскихъ школахъ. Посмотрите же что́ выходитъ на дѣлѣ.

Въ мачихской школѣ я засталъ 60 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ; въ старо-санжаровской 65 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ. Я просилъ указать мнѣ самыхъ старшихъ и лучшихъ учениковъ и началъ любопытствовать ихъ знаніями; результаты были слѣдующіе:

1) Ученикъ, *четвертый* годъ посѣщающій школу, не могъ отвѣтить мнѣ на вопросы: кто былъ Гедеонъ? кто былъ Давидъ? Я раскрылъ лежавшую предъ нимъ книгу и просилъ прочесть. Мальчикъ бѣгло прочелъ объ Іосифѣ; но, прочтя, не могъ разсказать ни слова; когда же я просилъ его прочесть то же самое изъ грамматики г. Кулиша, то онъ разсказалъ мнѣ удовлетворительно.—Далѣе спросилъ его: 3×4? отвѣчалъ 12; но три раза взять по четыре сколько будетъ? не знаетъ.

2) Передъ мальчикомъ, посѣщающимъ школу 3-й годъ, лежала «книга Наума», которую онъ прочелъ уже три раза, но не могъ разсказать изъ нея ни одного слова, говоря: еще не выучилъ наизустъ.

3) Третьяго ученика спросилъ я: «кто былъ первымъ царемъ еврейскимъ?» не знаетъ; на вопросъ же: «скажите о царяхъ, началъ безъ запинки лепетать наизустъ: «два сына Самуиловы предались лихоимству.» «Знаете ли вы, что такое лихоимство?» спросилъ я.—«Не знаю. «А хабарі—знаете?» «Знаю».

4) Дѣвочки еще болѣе неразвиты. Ни одна не могла отвѣчать: какъ звали мать Іисуса Христа? Кто былъ Іисусъ? За то на каждый *книжный* вопросъ отвѣчаютъ, какъ попугаи, зазубренное съ книги? Ни одна дѣвочка не могла объяснить мнѣ: что

такое *туча*, *плодъ*, *анецъ* и пр.; но при переводѣ этихъ словъ, на малороссійскій языкъ всѣ отвѣчали удовлетворительно.

5) Первоначальное обученіе грамотѣ ведется по методѣ *азъ—буки—вѣди*; польза отъ этой методы та, что дѣти, посѣщающія старо-санжаровскую школу съ декабря 1861 г. до сихъ поръ не знаютъ хорошо азбуки. О существованіи новыхъ методъ учитель и не слышалъ и не вѣритъ, чтобы можно было научить дитя читать въ восемь дней.

Въ этихъ школахъ поставлено правиломъ, чтобы дѣти учили все на память и не смѣли разсказывать своими словами, и почему бы вы думали? А вотъ почему: пріѣзжаетъ на экзаменъ чиновникъ особыхъ порученій палаты государственныхъ имуществъ и требуетъ, чтобы дѣти непремѣнно отвѣчали слово въ слово по книгѣ. Конечно, такіе экамены весьма удобны для экзаменатора: можно самому ничего незнать, стоитъ только взять книгу и экзаменовать; но каково это для дѣтей?

Кромѣ названныхъ предметовъ въ школахъ учатъ церковному пѣнію, а въ старо-санжаровской для встрѣчи управляющаго палатою выучена пѣсня: «*мы тебя любимъ сердечно*».—Прибавьте ко всему этому тѣлесное наказанье, выправку для умѣнья вставать *разомъ всѣмъ* при входѣ въ школу писаря, или головы, и вы поймете, почему въ старо-санжаровской школѣ изъ записанныхъ 79 дѣтей только 20 ходятъ добровольно въ школу, а остальные по принужденію. Повторяю: подобныя школы имѣютъ *положительно вредное вліяніе на народъ*.

7.

Изъ Лубенскаго уѣзда (Полтавской губ.)

(21 августа 1862.)

Грустно намъ было услышать, что въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ, вмѣсто азбуки, начали съ философіи, но еще грустнѣе

оскорбительныя подозрѣнія на счетъ всѣхъ воскресныхъ школъ, ничѣмъ незаявившихъ своего вреднаго вліянія, а напротивъ, принесшихъ обществу видимую пользу.

Дико и странно было бы находить что-нибудь общее между ученіемъ соціалистовъ (которое не въ обиду многимъ будь сказано—не только въ школахъ, но и повыше школъ не очень-то разумѣютъ) и напримѣръ—лубенскою воскресною школою; а между тѣмъ и насъ попрекнули воскресною школою, потому только, что она, дескать, называлась воскресною. Въ этомъ словѣ «*воскресная*» съ нѣкотораго времени привыкли нѣкоторые тупоголовые видѣть что-то подозрительное.

Если несправедливое обвиненіе оскорбительно, то обидное подозрѣніе, неимѣющее исхода, вдвое оскорбительнѣе, а въ особенности—если этимъ подозрѣніемъ заплачено за частные, безкорыстные тяжелые труды. Мы хлопотали о воскресной школѣ, желая послужить обществу; мы обучали дѣтей грамотѣ, письму, ученію евангельскому; мы полюбили свое дѣло, основанное на любви; мы радовались своему дѣлу, совершавшемуся во имя братства и сочувствія, а не ради казенныхъ наградъ; не прошло полугода, какъ общество увидѣло результаты нашей школы: 15 человѣкъ перешли изъ школы воскресной для постояннаго обученія въ приходское и уѣздное училища. Мы не требовали похвалы, но никогда не ожидали темныхъ, оскорбительныхъ подозрѣній; и такъ какъ наше дѣло было дѣломъ любви къ народу, то намъ легче бы было, по примѣру первыхъ христіанъ, самимъ запечатлѣть эту любовь темницей и цѣпями, нежели оставить свою школу въ подозрѣніи, будто бы она была дѣломъ вреднымъ. Иногда безошибочно можно дѣлать выводы изъ общаго къ частному, но изъ частнаго случая заключать объ общемъ невозможно даже и по логикѣ Кизеветера! Въ одномъ городѣ, напримѣръ, въ трактирахъ устроены были часы съ музыкой; бѣдный народъ любилъ слушать эту музыку; при гармоническихъ звукахъ дружнѣе и пріятнѣе велись и бесѣды, и торговыя сдѣлки; эта музыка услаждала подъ-часъ грустную жизнь труженика; но вдругъ возлѣ одной изъ этихъ музыкъ подрались двое господъ; началось дѣло и кончилось тѣмъ, что всѣмъ машинамъ запрещено играть...

Такое примѣненіе общаго къ частному иногда случается и у насъ.

Любопытно знать что бы послѣдовало съ земледѣліемъ, еслибы два какіе-нибудь земледѣльца, во время обработки земли, подрались и одинъ убилъ бы другаго какимъ-нибудь сельско-хозяйственнымъ орудіемъ? Неужели тогда бы слѣдовало воспретить заниматься сельскимъ хозяйствомъ?..

Въ подозрѣніи молодаго поколѣнія во вредномъ его направленіи всего прискорбнѣе у насъ то обстоятельство, что люди, живущіе взяточничествомъ, грабежемъ и обидой бѣдныхъ, въ это время уже воображаютъ, что ихъ прежнее блаженство возвратилось, начинаютъ пользоваться опять кулачною расправою, и притѣснять тѣхъ, которые мѣшаютъ ихъ выгодамъ; эти люди уже ставятъ свою малограмотность и неразвитость чуть не въ заслугу, и если занимаютъ видныя мѣста, то требуютъ къ себѣ особеннаго уваженія и почета, павлиною поступью выступая предъ мелкимъ чиновничествомъ.

Въ послѣднее время лубенское общество было заинтересовано напечатанными въ майской книжкѣ «Основы» свѣдѣніями о г-нѣ К.....омъ; онъ, говорятъ, готовитъ возраженіе, и обществу нашему очень пріятно будетъ прочитать его.

8.

Въ отвѣтъ на статью отъ 11-го іюня въ № 126-мъ Сѣверной почты.

«Здѣсь, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ поприщѣ, необходимо тщательно различать то, что кажется, отъ того, что дѣйствительно есть.» *(Сѣв. почт. № 126-й.)*

Въ жизни почти каждаго общественнаго дѣятеля встрѣчаются такія минуты, когда, вслѣдствіе различныхъ горестныхъ обстоятельствъ, сыпятся на него со всѣхъ сторонъ упреки, заслу-

женные и незаслуженные, основательные и неосновательные. Тяжело бываетъ бѣдному труженику; но увѣренность въ томъ, что онъ, на сколько человѣческія силы позволяли, добросовѣстно служилъ своему дѣлу, даетъ крѣпость и мочь перенести невзгоду. Она минуетъ и человѣкъ снова выйдетъ на трудъ, снова примется за служеніе своимъ идеаламъ. Но каково-то ему во время бури? Надо крѣпиться, собирать силы, чтобы сознательно и правдиво отвѣчать на упреки обдуманные и добросовѣстные... Какъ вдругъ возникаютъ нападенія со стороны лицъ, которыя говорятъ и даже пишутъ, не давши себѣ труда, а можетъ быть и не пожелавши разузнать истину во всей простотѣ ея. Для возстановленія этой-то истины и огражденія отъ заблужденія людей довѣрчивыхъ, полагающихся на авторитеты, за невозможностью провѣрки, обязанъ возражать на подобные нападки каждый близко знакомый съ настоящимъ ходомъ дѣла.

То, что справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, бываетъ весьма часто примѣнимо и къ цѣлымъ обществамъ.

Вотъ рядъ истинъ, которыя невольно пришли намъ въ голову при чтеніи статьи о воскресныхъ школахъ въ неофиціальномъ отдѣлѣ № 126-го Сѣверной почты.

Авторъ ея, прослѣдивши въ бѣгломъ очеркѣ начальную исторію школъ, переходитъ къ нынѣшнимъ печальнымъ событіямъ и прямо упрекаетъ въ нихъ воскресныя школы, утверждая положительно, что подъ личиною человѣколюбивой заботливости о низшихъ классахъ населенія, между ними разбрасывалось сѣмя пагубной нравственной заразы, а подъ видомъ безкорыстнаго содѣйствія правительству и подъ сѣнью его защиты, проповѣдывалось ученіе, направленное противъ него самаго и противъ основныхъ началъ гражданственности и общественнаго порядка. Обвиненіе, какъ видите, серьезное, въ преступленіяхъ государственныхъ, направленное противъ учрежденія, пользовавшагося, въ продолженіи двухъ слишкомъ лѣтъ, глубокимъ сочувствіемъ всѣхъ людей, которые дорожатъ успѣхомъ родины. Будучи столь важно, оно должно, конечно, оправдываться неумолимой очевидностью. Посмотримъ же теперь, на чемъ основываетъ «Сѣверная почта» свои выводы.

Прежде всего она находитъ, что «не только результаты, но и самыя правила надзора за школами были недостаточны», и затѣмъ утверждаетъ, что учителя, воспользовавшись этимъ недо-

смотромъ, раздѣлились на двѣ части, изъ коихъ одна не понимала того, что́ дѣлала, а другая понимала. Люди непонимавшіе занимались слѣдующимъ: они 1) увлекались тщеславнымъ призракомъ исполненія принятыхъ на себя обязанностей, и 2) несбыточными мечтами юношества. Люди, болѣе отчетливо предопредѣлявшіе цѣль своихъ дѣйствій, занимались распространеніемъ зловредныхъ ученій.

Посмотримъ теперь на сколько упреки эти справедливы. Относительно обвиненія въ недостаточности надзора, мы замѣтимъ, что воскресныя школы, согласно съ установленными на то правилами, находились подъ постояннымъ наблюденіемъ министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, онѣ были всегда открыты для каждаго, желавшаго или обязаннаго слѣдить за ними. При такой публичности нельзя допускать возможности «распространенія въ народѣ, вмѣсто полезныхъ знаній, зловреднаго ученія соціализма и безвѣрія». Это значило бы признавать, что правительство и цѣлое общество не въ состояніи углядѣть за долгимъ рядомъ столь важныхъ преступленій, совершавшихся на виду у всѣхъ.

Переходя за тѣмъ къ той аттестаціи, которою угодно было автору наградить учителей школъ, мы признаемся откровенно, что вовсе ея не понимаемъ. Неужели можно, оставаясь безпристрастнымъ, называть сознательными однихъ лишь пропагандистовъ, и отложить всѣхъ остальныхъ преподавателей къ разряду личностей, «непонимающихъ сущности принятыхъ на себя обязанностей?» Безсознательность кажется намъ скорѣе на сторонѣ первыхъ, если только существуетъ (въ чемъ мы сомнѣваемся) разрядъ подобныхъ учителей. А потому, во имя всѣхъ недѣлавшихъ ничего преступнаго въ воскресныхъ школахъ и дѣйствительно заботившихся «о безскорыстномъ содѣйствіи правительству въ важномъ дѣлѣ обученія народа», мы протестуемъ противъ обвиненія въ непониманіи своей задачи. Послѣ этихъ словъ будетъ уже безполезно доказывать, что «увлеченіе тщеславнымъ призракомъ исполненія обязанностей» невозможно въ такихъ школахъ, куда ученики приходятъ исключительно по своей волѣ, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ. Не для чего также просить объясненія на ничего не выражающую фразу о несбыточныхъ мечтахъ юношества. Мы кажется, и безъ того уже до-

казали ошибочность тѣхъ основаній, въ силу которыхъ авторъ статьи рѣшился на грозный приговоръ свой.

Но вотъ, читая далѣе, мы встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «обнаруженные факты, къ сожалѣнію, набрасываютъ тѣнь на самое возникновеніе нѣкоторыхъ воскресныхъ школъ.» Не знаемъ мы, какимъ путемъ и какіе именно факты обнаружены авторомъ, но полагаемъ только, что полученныя имъ свѣдѣнія не могутъ имѣть значенія положительныхъ фактовъ, доколѣ Высочайше учрежденная слѣдственная коммисія не окончила своихъ занятій и не опубликовала того, что ею открыто. Если бы наше правительство смотрѣло на показаніе двухъ рабочихъ, какъ на приговоръ учрежденію, пустившему корни по всей Россіи, то оно не назначало бы, конечно, цѣлой коммисіи для разбора дѣйствій воскресныхъ школъ. Мало того, мы утверждаемъ даже, что оно по прежнему сочувствуетъ воскреснымъ школамъ: *временное* ихъ закрытіе (до составленія новыхъ правилъ) служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Итакъ, въ то время, когда само правительство, дорожа одною лишь правдою, не рѣшается осудить воскресныя школы, въ это самое время авторъ, на основаніи положеній, невыдерживающихъ самой легкой критики, и на основаніи фактовъ, неимѣющихъ никакихъ признаковъ достовѣрности, бросаетъ камни въ разсадники народнаго образованія... Развѣ онъ не знаетъ того, что дѣлаетъ? Развѣ онъ не понимаетъ, что своею статьею возбуждаетъ одинъ слой общества противъ другаго?... Но чтобы такъ дѣйствовать, надо не имѣть сердца, надо не дорожить благомъ родины—и въ этомъ мы упрекаемъ автора разбираемой статьи.

9.

Еще кое-что о воскресныхъ школахъ.

Трудно встрѣтить въ послѣднее время журналъ или газету, въ которыхъ не помѣщались бы замѣтки о воскресныхъ школахъ. Большинство этихъ замѣтокъ наполнены упреками въ равнодушіи, если не всему обществу, въ которомъ школы не приносятъ ожидаемой пользы, то учредителямъ и учителямъ, которые, горячо взявшись за дѣло, понемногу остываютъ, и наконецъ совсѣмъ перестаютъ посѣщать классы. Равнодушіе это, большею частію, объясняютъ русской натурой, но посмотримъ на сколько это справедливо. Въ одномъ губернскомъ городѣ, въ которомъ помѣщается штабъ артиллерійской дивизіи, офицеры, вмѣстѣ съ учителями гимназіи, затѣяли открыть при фейерверкерской школѣ, воскресную. Толки объ этомъ были въ клубѣ, и потому для выигрыша времени, тотчасъ же открыли подписку на учебныя пособія. Въ продолженіе двухъ дней, по подпискѣ собрано: 57 руб., 30 азбукъ и 8 дюжинъ карандашей. При этихъ матеріальныхъ средствахъ, уже можно было бы приступить къ дѣлу, но для открытія нужно имѣть разрѣшеніе начальства, которое трудно получить въ скоромъ времени по слѣдующимъ причинамъ. Правилами для открытія безплатныхъ частныхъ школъ, въ частяхъ военнаго вѣдомства постановлено: 1) на открытіе таковыхъ школъ, испрашивать каждый разъ Высочайшее соизволеніе; 2) наблюденіе за порядкомъ въ классахъ, предоставлять вполнѣ военному начальству, а отвѣтственность въ томъ, чему будутъ обучать собираемыхъ мальчиковъ, должна лежать на лицѣ, которому министерство народнаго просвѣщенія, поручитъ наблюденіе за сими классами, и 3) чтобы тѣ лица, которыя примутъ на себя преподаваніе, снабжены были отъ директора училищъ особыми свидѣтельствами, предъявленіе которыхъ должно быть поставлено въ условіе, для права войти въ классы. Чтобъ видѣть сколько при исполненіи подобныхъ формальностей, для полученія разрѣшенія на открытіе школы, безполезно затрачивается времени, предположимъ, что школы захо-

тѣли бы, открыть не при дивизіонномъ штабѣ, а при батарейномъ. Офицеры, изъявившіе желаніе, должны ходатайствовать у батарейнаго командира; батарейный командиръ у бригаднаго; бригадный у начальника дивизіи. Начальникамъ дивизій вмѣнено въ правило, прежде чѣмъ входить съ представленіемъ къ Его Высочеству, сноситься предварительно съ попечителемъ учебнаго округа и уже, получа его согласіе, дѣлать представленіе. Не говоря уже о томъ, что попечитель врядъ ли дастъ согласіе, не запросивши предварительно мѣстнаго директора, а послѣдній, въ свою очередь, штатнаго смотрителя училищъ, сосчитаемъ сколько ожидаемое разрѣшеніе, прежде чѣмъ дойдетъ по назначенію, слѣлаетъ верстъ.

Для примѣра положимъ, что школу хотятъ открыть при батареѣ, расположенной въ г. Оршѣ Могилевской губерніи. Переписка должна пойти въ слѣдующемъ порядкѣ: *изъ Орши*, батарейный командиръ сдѣлаетъ представленіе бригадному командиру *въ Могилевъ* 75 вер.; въ Могилевѣ бригадный командиръ сдѣлаетъ представленіе начальнику дивизіи (*); *изъ Могилева* начальникъ дивизіи спроситъ согласія попечителя *въ С. Петербургъ* 732 вер.; *изъ Петербурга*, попечитель запроситъ директора училища въ Могилевѣ 732 вер.; *изъ Могилева*, директоръ училищъ запроситъ штатнаго смотрителя *въ Оршу* 75 вер.; *изъ Орши* штатный смотритель отвѣтитъ директору *въ Могилевъ* 75 вер.; *изъ Могилева*, директоръ отвѣтитъ попечителю *въ С. Петербургъ* 732 вер.; *изъ Петербурга*, попечитель отвѣтитъ начальнику дивизіи *въ Могилевъ* 732 вер.; *изъ Могилева*, начальникъ дивизіи сдѣлаетъ представленіе Его Высочеству *въ С.-Петербургъ* 732 вер.; *изъ С. Петербурга*, Его Высочество отвѣтитъ начальнику дивизіи *въ Могилевъ* 732 верс.; *изъ Могилева* начальникъ дивизіи передастъ разрѣшеніе бригадному командиру, а послѣдній батарейному командиру въ Оршу 75 вер.; Итого разрѣшеніе пройдетъ 5,692 версты. Во сколько времени это разстояніе будетъ пройдено, предоставляемъ судить читателю, но напомнимъ, что входящая бумага, въ нашихъ канцеляріяхъ, не всегда въ тотъ же день попадаетъ во входящій журналъ, а до исходящаго рѣдко доходитъ и въ недѣлю. Далѣе, чтобъ преподавать, нужно имѣть свидѣтельство отъ директора

(*) Штабы бригады и дивизіи расположены въ одномъ городѣ, а это не всегда бываетъ.

училищъ, безъ котораго нельзя войти въ классы. Если это свидѣтельство сдѣлано обязательнымъ съ тою цѣлью, чтобы директоръ могъ лично убѣдиться въ степени грамотности желающаго преподавать, то слѣдовало бы учредить и экзамены; въ противномъ же случаѣ, почему не избавить отъ нихъ окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и имѣющихъ отъ нихъ свидѣтельства. Желательно бы знать, много ли выдано директорами подобныхъ свидѣтельствъ, и кто за ними приходитъ. Вслѣдствіе этого большинство вовсе отказывается отъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ, и ученики остаются безъ учителей.

Теперь обратимся къ правиламъ для воскресеыхъ школъ с. петербургскаго учебнаго округа, въ которыхъ, между прочимъ, значится: не позже какъ черезъ двѣ недѣли по открытіи школы, распорядитель ея обязанъ доставить директору училищъ точныя свѣдѣнія о времени и общемъ распредѣленіи занятій, а также о званіи и мѣстѣ жительства того лица, которое онъ избралъ себѣ въ помощники. О всѣхъ выбывающихъ и вновь принимаемыхъ преподавателяхъ, директоръ училищъ долженъ быть извѣщаемъ немедленно. Распорядитель школы обязанъ такъ же, при окончаніи каждаго мѣсяца, сообщать директору училищъ о всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя сдѣланы во времени и порядкѣ занятій, а равно и доставлять ему, къ 1-му января и къ 1-му іюля, вѣдомость о числѣ всѣхъ учениковъ, посѣщавшихъ школу въ продолженіе истекшихъ 6-ти мѣсяцевъ. Бѣдный распорядитель! Если у тебя мало времени, то вмѣстѣ съ открытіемъ школы, подумай о канцеляріи, да кстати и писаря найми. Вотъ, по моему мнѣнію, гдѣ кроются настоящія причины того общаго охлажденія, къ которому пришло наше общество, относительно воскресныхъ школъ. Что мѣры эти приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, это доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ, въ которыхъ школы, до утвержденія правилъ, шли быстрыми шагами впередъ, въ настоящее время, существуютъ лишь номинально. Да и скажите, кому охота за вольный трудъ, будучи обязаннымъ разной отчетностью, подвергаться еще замѣчаніямъ иногда ограниченнаго штатнаго смотрителя, который, плохо понимая свою роль, смотритъ на учредителя школы, какъ на своего подчиненнаго. Подобный педагогъ не безъ сожалѣнія разсказывалъ мнѣ, что теперь оттого плохо пишутъ, что линѣечка е въ ходу. Подъ этимъ онъ разумѣлъ битье линѣйкой по сло-

женнымъ пальцамъ. Можно ли послѣ этого позаимствоваться отъ него методомъ преподаванія?

Желая полнаго процвѣтанія воскреснымъ школамъ, я высказалъ личное убѣжденіе; люди, болѣе меня знакомые съ нимъ, пусть укажутъ мѣры, болѣе примѣнимыя, чѣмъ существующія.

Примѣч. Недавно мнѣ довелось слышать отъ одного знакомаго, имѣющаго подъ начальствомъ 35,000 крестьянъ, что лучшіе учители въ сельскихъ школахъ отставные солдаты. Отъ души радуясь этому открытію, думаемъ, что было бы весьма полезно, прописывать въ билетахъ, выдаваемыхъ при отставкѣ нижнимъ чинамъ, кто можетъ обучать въ сельскихъ школахъ. Мѣра эта облегчитъ сельскія общества при наймѣ учителей, а для нихъ замѣнитъ требуемыя свидѣтельства.

10.

Къ вопросу о «ссылаемыхъ на жительство». Чѣмъ замѣнить эту мѣру? Еще къ робкимъ людямъ!

Въ № 176-мъ нашей газеты мы перепечатали изъ Московскихъ вѣдомостей статью г. Кельсіева о «ссылаемыхъ на жительство». Статья эта затрогиваетъ такой важный вопросъ, что было бы непростительно не обратить на него самаго серьезнаго вниманія, какъ общественнаго мнѣнія, такъ и правительства. Статья г. Кельсіева замѣчательна тѣмъ, что въ ней описывается не какой нибудь исключительный случай: она бьетъ, такъ сказать, въ самую суть вопроса.

Положеніе ссылаемыхъ на жительство, какъ явствуетъ изъ статьи г. Кельсіева, ужасное, въ полномъ смыслѣ слова. Вдали отъ родныхъ и друзей, часто безъ всякой возможности заработать на насущный хлѣбъ, «ссылаемые на жительство» приходятъ иногда въ полицію и настоятельно требуютъ, чтобы ихъ посадили въ острогъ, грозя надѣлать въ городѣ всевозможныхъ

золъ, въ случаѣ отказа. «Этому можно вѣрить,» говоритъ г. Кельсіевъ; «понятно, что наказаніе голодомъ и стужей несравненно тягостнѣе наказанія тюремнаго заключенія.» Прибавимъ къ этому, что «ссылка на жительство» производится обыкновенно административнымъ порядкомъ. Ссылкѣ этой, между прочимъ, подвергались нѣкоторые бывшіе студенты с.-петербургскаго и московскаго университетовъ. Многіе изъ нихъ имѣли вліяніе на своихъ товарищей: они сосланы потому, что вліяніе это, по мнѣнію правительства, было вредно, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ товарищей. Но каково бы ни было это вліяніе, оно указываетъ, что способности этихъ молодыхъ людей были далеко недюжинныя. Ссылая ихъ, правительство, безъ всякаго сомнѣнія, не думало погубить ихъ способностей, но, къ сожалѣнію, эти молодые люди поставлены, подобно и другимъ «ссылаемымъ на жительство», въ то безвыходное положеніе, о которомъ свидѣтельствуетъ статья г. Кельсіева. Уже удаленіе изъ столицы, невозможность продолжать образованіе, жизнь въ незнакомомъ городишкѣ, гдѣ не съ кѣмъ, какъ говорится, отвести душу и гдѣ даже нѣтъ возможности достать порядочной книги, весьма тяжкое наказаніе; но если къ этому присоединится, какъ часто случается, бѣдность, если, при всемъ желаніи работать, нѣтъ возможности заработать на кусокъ хлѣба, то положеніе сосланнаго дѣлается невыносимымъ. Намъ скажутъ, что мы преувеличиваемъ, что на дѣлѣ положеніе «ссылаемыхъ на жительство» гораздо легче, что исключительный случай мы возводимъ въ общее правило. Ничуть не бывало. Бѣдность «ссылаемыхъ на жительство» вещь весьма обыкновенная; не найти работы въ захолустьѣ—также въ порядкѣ вещей. Да и какую работу можетъ достать, напримѣръ, сосланный студентъ, въ какомъ нибудь заштатномъ городишкѣ? Мѣсто писца въ полиціи? но, кажется, не новость, что полицейскіе писцы нежалованьемъ живутъ. Или уроки быть можетъ? Но кому ихъ давать тамъ? Наняться прикащикомъ у купца? Но для тамошнихъ купцовъ «этого не требуется». Идти въ поденщики? Но кто возьметъ человѣка, который «чортъ его еще знаетъ, за что сосланъ»? Всякій думаетъ: значитъ хорошъ, братъ, когда заслали тебя туда, куда Макаръ телятъ негонялъ; даромъ то же не сошлютъ».

И вотъ бѣдный молодой человѣкъ остается одинъ-одинеше-

некъ, голъ, какъ соколъ; что ему дѣлать? обратиться съ просьбой къ городничему? Но тотъ отвѣтитъ: «не мое дѣло». И выйдетъ, что онъ находится въ положеніи человѣка, котораго бьютъ да и плакать не велятъ. Хорошо еще, если къ этому не присоединятся нравственныя оскорбленія, если лица, власть имѣющія, не вздумаютъ «покуражиться» надъ сосланнымъ.

Повторяемъ, развѣ правительство желало поставить «ссылаемыхъ на жительство» въ такое положеніе? Разумѣется, нѣтъ. Удаляя изъ общества вреднаго, по его мнѣнію, члена, оно думало принести пользу и обществу и самому «ссылаемому». Оно дѣлало это въ надеждѣ, что ссылка исправитъ «ссылаемаго». Но едвали это оказывается на дѣлѣ: ссылка ведетъ за собою совершенное нравственное паденіе «ссылаемаго». Безъ сомнѣнія, правительство приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы этого впредь не случалось. Мы такъ увѣрены, что подобный порядокъ впредь терпимъ не будетъ, что считаемъ излишнимъ обращаться съ просьбою объ этомъ къ правительству. Дѣло слишкомъ ясно и говоритъ само за себя. Нѣтъ людей, которые могли бы хотя минуту хладнокровно смотрѣть на участь «ссылаемыхъ, на жительство», которая, по словамъ г. Кельсіева, «хуже участи сосланныхъ на каторгу». Дѣйствительно, какъ бы ни была тяжела каторжная работа, сосланный на каторгу можетъ быть увѣренъ, что онъ не умретъ съ голоду, а сосланный на жительство можетъ вполнѣ разсчитывать на голодную смерть. Замѣтимъ, что статья г. Кельсіева прислана изъ Верхотурья и что, слѣдовательно, онъ имѣлъ случай на мѣстѣ изучить положеніе «ссылаемыхъ на жительство».

Но что же, скажутъ, дѣлать? Если правительство признало какого нибудь члена вреднымъ для общества, то не можетъ же оно оставить его безъ вниманія, на произволъ судьбы? Правительству, скажемъ мы, вѣроятно, будетъ пріятнѣе, если вредный членъ сдѣлается полезнымъ, чѣмъ если онъ окончательно погибнетъ. Изъ предъидущаго читатель видѣлъ, что таковая цѣль правительства «ссылкою на жительство» вреднаго по его мнѣнію члена, совершенно не достигается. Членъ, вредный для общества въ Петербургѣ или Москвѣ, столь же вреденъ и въ Верхотурьѣ или Повѣнцѣ: бѣдность и праздность, какъ свидѣтельствуетъ г. Кельсіевъ, дѣлаютъ изъ него иногда уголовнаго преступника. По нашему мнѣнію, и это относится преимуще-

ственно къ студентамъ, сосланнымъ на жительство, жизнь въ Петербургѣ, или Москвѣ, на поручительствѣ извѣстнаго правительству лица, напримѣръ профессора, была бы гораздо полезнѣе для молодыхъ людей. Здѣсь они могли бы, если не посѣщать лекціи въ университетѣ (въ томъ случаѣ, когда правительство признало бы, что молодой человѣкъ будетъ продолжать имѣть вредное вліяніе на своихъ товарищей), то продолжать свое образованіе. При томъ же, въ столицѣ они могутъ всегда найти занатіе, какъ-то уроки, переводы и т. п., то-есть быть обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи. Если же будетъ признано, что оставить такого молодаго человѣка въ столицѣ рѣшительно невозможно, то правительству слѣдуетъ обезпечить его жизнь въ захолустьѣ; мы полагаемъ, что для этого потребуется не менѣе двадцати пяти руб. въ мѣсяцъ на человѣка.

Спасибо г. Кельсіеву за его статью. Статья эта заставляетъ насъ еще разъ пожелать, чтобы нашей прессѣ дана была возможно-полная свобода слова. Еще разъ мы обращаемся къ робкимъ людямъ съ просьбою перестать самимъ бояться прогресса и пугать имъ другихъ. Тотъ, кто думаетъ, что не настало еще время для гласнаго обличенія зла, тотъ говоримъ мы, либо хлопочетъ о своихъ личныхъ выгодахъ, либо боится, что такое обличеніе можетъ поколебать довѣріе къ правительству. Такіе люди, думая принесть пользу государству, волей-неволей наносятъ ему страшный вредъ. Неужели же они думаютъ, что скрывать зло, хотя минуту, значитъ уничтожить его; что въ этомъ заключается служеніе государству? Если они не вѣрятъ теоріямъ, то пусть возьмутъ въ примѣръ Англію, страну, доказавшую на опытѣ, какъ полезна возможно-полная гласность по общественнымъ вопросамъ. Пусть вспомнитъ, что та степень цивилизаціи, до которой дошла въ настоящее время Англія, не всегда существовала въ этой странѣ; что современной намъ Англіи всего 20—30 лѣтъ, и пусть въ особенности помнятъ какую пользу принесло этой странѣ свободное печатное слово.

11.

Умно ли сдѣлали городскія общества, отказавшись отъ завѣдыванія пожарными командами?

Министерство внутреннихъ дѣлъ предлагало городскимъ обществамъ принять въ ихъ полное завѣдываніе пожарныя команды; городскія общества, подъ разными предлогами, отъ этого отказались. Фактъ этотъ возбудилъ удивленіе въ одномъ изъ публицистовъ «Сѣверной почты», г-нѣ Ржевскомъ, которое онъ и выразилъ въ статьѣ, помѣщенной въ № 42 этой газеты, гдѣ также, историческимъ развитіемъ формъ городскаго управленія, доказалъ и причину отказа со стороны обществъ.

«Явленіе, о которомъ мы говоримъ, объясняетъ г. Ржевскій, дѣйствительно странное и небывалое. Центральная администрація отказывается отъ права вмѣшательства, предлагаетъ способъ значительно сократить расходы, передаетъ городскимъ обществамъ право самостоятельно и безконтрольно распоряжаться собственными своими дѣлами,—*и это общество, вмѣсто того, чтобы съ радостію схватиться за возможность перейдти изъ состоянія пасомыхъ въ состояніе пасущихъ, предпочитаетъ оставаться какимъ то безсмысленнымъ и безпомощнымъ стадомъ* (*). Что за странное, что за необъяснимое явленіе! Неужели городскія общества до такой степени упали нравственно, неужели они потеряли всякое человѣческое сознаніе! Этого нѣтъ и быть не можетъ. Мы знаемъ, какою живостью и смѣтливостью одаренъ весь русскій народъ и т. д. Откуда же такое странное явленіе, притомъ явленіе, обнаружившееся въ нашей средѣ, въ которой всего менѣе можно было предполагать его? Городскія сословія всегда и вездѣ составляютъ самую живую, самую предпріимчивую, самую подвижную, самую прогрессивную часть народа. Какъ бы низко не стоялъ уровень просвѣщенія и цивилизаціи въ данномъ государствѣ, исторія показываетъ намъ, что

(*) Мы подчеркнули это грозное обвиненіе общества, съ цѣлью возразить г. Ржевскому ниже.

этотъ уровень всегда нѣсколько возвышается между горожанами; итакъ, по нашему мнѣнію, причины того явленія, о которомъ мы говоримъ, слѣдуетъ искать не въ пошломъ упрекѣ (sic) въ апатіи, а въ обстоятельствахъ, которыя не выдаются рѣзко изъ общей массы явленій и не навязываются, такъ сказать, самисобою вниманію поверхностнаго наблюдателя.

Далѣе г. Ржевскій указываетъ эти обстоятельства въ историческомъ порядкѣ. «Въ отдаленныя времена, говоритъ онъ, города страдали отъ личнаго произвола областныхъ правителей и высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ; но они боролись съ этимъ произволомъ, хотя рѣдко побѣждали; съ изданіемъ же въ царствованіе Екатерины II положенія о городахъ, имѣвшаго цѣлію оградить городскія общины отъ произвола намѣстниковъ и губернаторовъ, и въ особенности, отъ притѣсненій окружавшей ихъ мелкой чиновной челяди,—остатокъ жизни, сохранившійся еще въ борьбѣ общинъ съ произволомъ, заключался въ тѣсныя рамки законныхъ формъ, внѣ которыхъ борьба сдѣлалась уже невозможной, потому что сдѣлалась уже нарушеніемъ закона и, какъ бы, сопротивленіемъ самому правительству. Затѣмъ, съ развитіемъ у насъ бюрократической централизаціи, городскія общины очутились лицомъ къ лицу уже не съ живыми людьми, какъ прежде, а съ бумажнымъ мертвецомъ, или, по словамъ же г. Ржевскаго, съ сушильнымъ снарядомъ, носящимъ названіе письмоводства и бюрократіи. Горожане испугались страшилища, и уклонились отъ неровнаго и невозможнаго боя. Съ этихъ поръ индивидуальность городскихъ общинъ какъ бы исчезла; города сдѣлались собраніемъ домовъ, въ которыхъ жили люди, другъ другу посторонніе и неимѣвшіе между собою никакой органической связи...»

Сколько противорѣчій и натяжекъ въ этой замѣткѣ г. Ржевскаго, и сколько несправедливости къ обществу! Можно ли обвинять человѣка, находящагося въ обморокѣ, въ томъ, что онъ не движется? спросимъ мы. Если общество было убиваемо систематически и послѣдовательно, сначала произволомъ правителей, а потомъ бюрократической централизаціей, то его ли должно винить въ этомъ? На этотъ же самый народъ, который вы обвиняете въ недостаткѣ самодѣятельности, изподтишка надѣты были цѣпи крѣпостнаго права, такъ что, когда онъ проснулся, то увидѣлъ уже себя связаннымъ и лишеннымъ возможности со-

противляться. Сушильный снарядъ, о которомъ говорите вы, приготовлялся вовсе не въ народной мастерской, а въ нѣмецкой столярнѣ и плохими мастерами. Первая самостоятельность городскихъ общинъ на Руси погибла въ Волховѣ, слѣдовательно, гораздо прежде, нежели объясняетъ г. Ржевскій въ своемъ историческомъ изысканіи. И во всемъ этотъ винить народъ, крайне несправедливо.

Что касается до практической стороны дѣла, то мы приведемъ отъ лица городскихъ обществъ возраженія, которыя едва ли опровергнетъ г. Ржевскій. Вы говорите, что общество вмѣсто того, чтобы съ радостью схватиться за возможность перейдти изъ состоянія пасомыхъ въ состояніе пасущихъ, отказавшись отъ завѣдыванія пожарными командами, предпочло оставаться какимъ то безсмысленнымъ и безпомощнымъ стадомъ. Да развѣ завѣдываніе пожарными командами могло бы такъ обратно измѣнить роль обществъ? Вслѣдствіе чего же могло бы совершиться это чудо? Каждая общественная единица, взятая отдѣльно, не перестала бы находить и чувствовать себя иначе оттого, что пожарная команда перемѣнила мундиры (да и то едва ли было бы). Если причины уничиженія общинной силы дѣйствительно были, какъ вы доказали исторически, то только устраненіе ихъ могло бы измѣнить почву, на которую они такъ вліяли. А развѣ причины эти устранены? Еще весьма недавно коммисія о земскихъ повинностяхъ объявляла, что произволъ и вмѣшательство мѣстной административной власти не допускаютъ возможности раціональнаго устройства земскихъ повинностей. А бумажный мертвецъ, или сушильный снарядъ бюрократизма, развѣ тоже исчезъ? Давно-ли? Не съ тѣхъ ли поръ, какъ издается «Сѣверная почта»? Если такъ, то мы еще не успѣли, и вѣроятно, тоже и городскія общины, узнать о такомъ благополучіи. Напримѣръ, какой судъ будетъ судить тѣ лица общиннаго пожарнаго управленія, которыя будутъ обвиняемы хоть, положимъ, въ растратѣ общественныхъ суммъ, или въ нерадивомъ исполненіи обязанности во время пожара? Кто будетъ защищать въ судѣ интересы общины? Какимъ путемъ общественное мнѣніе будетъ знать и ходъ дѣла, касающагося интересовъ цѣлаго города?

Мы находимъ, что отказомъ отъ общественныхъ пожарныхъ командъ, городскія общества доказали, что они сознаютъ себя и вполнѣ понимаютъ причины отказа, и едва ли вообще всякія

общины въ Россіи, (не?) столько «безсмысленныя и безполезныя» стада, сколько слабыя стада, неимѣющія силъ защищаться отъ волчьей эксплоатаціи всѣхъ видовъ.

Нѣтъ, не съ пожарныхъ командъ нужно начинать обновленіе общества и призваніе его къ самодѣятельности. Есть интересы выше охраненія отъ пожара своихъ жилищъ, интересы нравственные, умственные; безъ нихъ не найдется ни у кого ни умѣнья, ни энергіи, ни защитить себя отъ чего либо, ни управлять чѣмъ бы то ни было.

Современное состояніе общества выражаетъ достаточно, съ чего оно хотѣло бъ начать свое обновленіе.

Если бы статья г. Ржевскаго появилась въ «Сынѣ отечества» или въ другомъ подобномъ журналѣ, то, конечно, его несправедливые упреки нашимъ городскимъ общинамъ могли быть оставлены безъ вниманія, но съ столбцовъ офиціальной газеты подобная статья должна поставить въ тупикъ городскія общины, и дать имъ полное право спросить: да чего же отъ насъ требуютъ и чего хотятъ? Если вы находите, что нѣтъ разумныхъ причинъ отказа отъ общественныхъ пожарныхъ командъ, то указывайте это подробнѣе, точнѣе, а не одними громкими фразами...

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ послѣдствій сдѣланнаго правительствомъ предъявленія взаимнаго застрахованія отъ огня имуществъ. Мѣра эта, безъ сомнѣнія, была бы благодѣтельна, но едва ли она будетъ достаточно, зрѣло и самостоятельно обсуждена, вслѣдствіе тѣхъ ограниченій, въ порядкѣ соглашеній, которыя поставлены для этого.

12.

Въ *Московскихъ вѣдомостяхъ* неоднократно была рѣчь объ устройствѣ пожарной команды въ губернскихъ городахъ. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ Осташков-

скому городскому обществу (Тверской губ.), благодаря дѣятельности городскаго головы, г. Савинова. На дняхъ мы получили отъ него копіи съ переписки мѣстной думы съ осташковскимъ духовенствомъ, возникшей вслѣдствіе приглашенія послѣдняго— принять посильное участіе въ этомъ новомъ городскомъ учрежденіи. Переписка эта любопытна во многихъ отношеніяхъ. Предоставляя читателямъ самимъ вывести изъ нея свои заключенія, мы сообщаемъ ее здѣсь въ краткомъ извлеченіи.

«Городское общество, пишетъ намъ г. Савиновъ во вступленіи къ этой перепискѣ, во вниманіе къ усердной и безкорыстной службѣ лицъ, служащихъ въ общественной пожарной командѣ безвозмездно и состоящихъ большею частію изъ людей недостаточныхъ и добывающихъ себѣ средства къ жизни часто тяжелымъ трудомъ, признало за справедливое освободить изъ нихъ— купцовъ отъ военнаго постоя, а мѣщанъ отъ платежа податей, съ принятіемъ этой повинности на свою круговую отвѣтственность. А такъ какъ пожарная команда гарантируетъ недвижимую собственность не однихъ только купцовъ и мѣщанъ, но и другихъ сословій, живущихъ въ городѣ, то общество и поручило городской думѣ пригласить гг. домохозяевъ изъ дворянъ, разночинцевъ и духовенства, принять участіе въ посильномъ пожертвованіи на этотъ предметъ по доброй волѣ и усмотрѣнію каждаго. Нѣкоторые изъ гг. дворянъ и акцизно-откупное коммисіонерство изъявили на приглашеніе думы полную готовность въ содѣйствіи, другіе не дали никакого отвѣта; но городское духовенство, прислав въ думу 15 р. сер., собранныхъ между собою единовременно, за тѣмъ отъ всякаго дальнѣйшаго участія отказалось. Дума донесла объ этомъ губернскому правленію, а правленіе г. министру внутреннихъ дѣль, который и разрѣшилъ городской думѣ опредѣлить сборъ съ оцѣнки недвижимаго имѣнія духовенства на пожарную повинность въ городѣ, по 1 коп. съ оцѣночнаго рубля; вслѣдствіе сего и началась переписка, при семъ прилагаемая.»

Отношеніе благочиннаго осташковскихъ городскихъ церквей въ осташковскую городскую думу, отъ 23-го ч. марта 1862 года.

«Осташковское городское духовенство слушало отношеніе оной думы, отъ 12-го марта, объ учрежденіи ежегоднаго сбора, въ пользу и на содержаніе общественной пожарной команды, съ принадлежащихъ духовенству въ г. Осташковѣ недвижимыхъ иму-

ществъ, по 1 коп. сер., съ каждаго рубля оцѣночной суммы, положило: просить думу разрѣшить духовенству слѣдующія недоумѣнія: 1) Осташковское купеческое и мѣщанское общество по какому побужденію прибѣгло къ обязательному сбору на предметъ пожарной повинности съ духовенства, которое правомъ закона освобождается отъ всякихъ городскихъ повинностей; 2) приняло-ли само общество на себя обязательный сборъ въ пользу пожарныхъ; 3) можно-ли имѣть въ виду вознагражденіе отъ общества за утрату отъ пожара оцѣненнаго имущества, подобно вознагражденію, производимому страховыми обществами; 3) назначенный сборъ по 1 коп. сер., съ оцѣночнаго рубля, какъ понимать: со стоимости-ли недвижимыхъ имуществъ, или съ дѣйствительныхъ и примѣрно полагаемыхъ доходовъ отъ нихъ?»

На это отношеніе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ отъ городской думы отъ 2-го апрѣля 1862 года.

«На отношеніе ваше, отъ 23-го марта, городская дума имѣетъ честь отвѣтить на 1 и 2-й пункты: что осташковское городское общество руководствовалось долгомъ справедливости и чувствомъ сознанія своей обязанности, въ отношеніи пожарной повинности, уравномѣрить взаимныя между собою пособія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто обладаетъ въ городѣ недвижимою собственностію, ради того, чтобы всѣ и каждый въ отношеніи пожаровъ, одинаково пользующіеся гарантіею общественной пожарной команды, и одинаково полезной и необходимой для всѣхъ безъисключительно, не только не дѣлались изъятіемъ, но чтобы содѣйствовали общими силами цѣли взаимнаго сохраненія и обезпеченія отъ пожарныхъ несчастій. Осташковская пожарная команда, обратившая своимъ благоустройствомъ и ревностію въ потушеніи пожаровъ, вниманіе г. министра внутреннихъ дѣлъ и поставленная имъ въ образецъ прочихъ городовъ Россіи, состоитъ изъ однихъ купцовъ и мѣщанъ; лошади на пожары доставляются купцами и мѣщанами, пожарные инструменты пріобрѣтены, содержатся и ремонтируются отъ счета купцовъ и мѣщанъ; а между тѣмъ пожарная команда столько-же полезна и для прочихъ сословій въ городѣ, сколько для купцовъ и мѣщанъ. Лица, служащіе въ пожарной командѣ, несутъ службу по сознанію своихъ обязанностей къ обществу, лежащихъ равномѣрно на всѣхъ и каждомъ изъ членовъ его, безъ подраздѣленія на сословія и классы, а

потому, естественно, что городское общество и находилось въ томъ убѣжденіи, что и мѣстное городское духовенство, не почитая себя совершенно отчужденнымъ отъ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, признаетъ за справедливое не отказать въ доброй и посильной готовности своей въ этомъ случаѣ. Принимая-же въ уваженіе, что лица, служащія въ общественной пожарной командѣ, состоя большею частію изъ людей ремесленныхъ и мастеровыхъ, нерѣдко отвлекаются этой службою отъ своихъ занятій, что̀ самое, понятно, не можетъ и не отзываться на ихъ заработкахъ, и желая оказать имъ съ своей стороны взаимное пособіе, купеческое и мѣщанское общество и почло долгомъ своимъ опредѣлить: освободить изъ нихъ купцовъ отъ военнаго постоя, а мѣщанъ отъ платежа за себя податей, съ принятіемъ этой повинности на свою круговую отвѣтственность. 3) Вознагражденіе отъ общества за утрату отъ огня оцѣненнаго имущества не полагается, на томъ основаніи, что пожарная команда и городское общество руководствуются не видами пріобрѣтенія и не на основаніи страховыхъ обществъ, но цѣлію взаимнаго самоохраненія, въ особенности по поводу тому, что при каждомъ, болѣе или менѣе значительномъ пожарѣ, оказывается необходимость въ расходахъ на починку повреждающихся пожарныхъ принадлежностей. 4) Оцѣнка недвижимыхъ имѣній должна быть произведена по доходу, примѣрно или дѣйствительно получаемому съ оныхъ, принимая въ расчетъ десятилѣтнюю сложность.»

Въ дополненіе къ этимъ двумъ документамъ, г. Савиновъ препроводилъ къ намъ еще слѣдующій списокъ съ постановленія осташковскаго городскаго духовенства, съ собственными подстрочными примѣчаніями:

«1862 года, апрѣля 26-го дня. Осташковское городское духовенство, по содержанію двухъ отношеній осташковской городской думы, отъ 12-го марта и 2-го апрѣля, нашло:

«1) Что не существовало закона, который-бы подвергалъ духовенство обязательному сбору на предметъ пожарной повинности, по оцѣнкѣ недвижимыхъ его имуществъ. 2) Предположенный же осташковскою городскою думою сборъ относится къ гильдейскому купечеству, почетнымъ гражданамъ, къ мѣщанамъ или посадскимъ; къ ремесленникамъ и цеховымъ (а не къ духовенству). 3) Недвижимыхъ имуществъ, которыми владѣли бы

священно и церковно-служители въ Осташковѣ, для собственныхъ своихъ интересовъ, вовсе нѣтъ (*). А дома лицъ бѣлаго духовенства, равно и дома вдовъ и сиротъ сего званія, въ которыхъ они сами жительствуютъ (*), освобождаются отъ постоя, отъ поземельнаго сбора и отъ прочихъ городскихъ повинностей. 4) Правительство заботилось не о налогахъ на духовенство, а объ улучшеніи его, и для сего законо полагало снабжать церкви отъ обществъ отводомъ земель и угодій подъ усадебныя мѣста священно- и церковно-служителей, строить для нихъ дома на счетъ прихожанъ, обезпечивать ихъ окладомъ жалованья и проч., вслѣдствіе этого въ г. Твери, при многихъ церквахъ устроены для жительства ихъ отлично удобные домы. Но что въ гор. Осташковѣ? Домовъ церковныхъ не существуетъ, денежныхъ окладовъ отъ городскаго общества нѣтъ, а между тѣмъ труды духовенства въ гор. Осташковѣ далеко превосходятъ труды священно и церковно-служителей другихъ мѣстъ и городовъ. И послѣ этого можетъ ли быть справедливо требованіе общества относительно пожарной повинности съ духовенства? Нѣтъ: Церкви Божіи и служители ея должны стоять выше пожарнаго депо и пожарныхъ. 5) Еще болѣе несправедливъ сборъ по отношенію къ домамъ заштатныхъ священно- и церковно-служителей города Осташкова и ихъ вдовъ и сиротъ (**); 6) нѣтъ города, гдѣ бы подвергались налогамъ пожарной повинности духовные. Не только Россійскіе Императоры не налагали на духовныхъ никакихъ повинностей, но во время монгольскаго покоренія Россіи, татарскіе ханы письменно заявили, чтобы служителей церкви не обижать и налоговъ на нихъ не дѣлать. 7) По обсужденіи городскимъ духовенствомъ побужденія, коимъ руководствовалось Осташковское городское общество не освобож-

---

(*) Напротивъ, не было примѣра, чтобы священникъ, какъ бы ни былъ онъ неимущъ при поступленіи сюда на штатное мѣсто, не пріобрѣталъ въ самое непродолжительное время исправной недвижимости въ видѣ дома, огорода и прочаго. Городъ Осташковъ, населенный 9,000 жителей, имѣетъ только 3 приходскихъ церкви, къ которымъ приписано еще до 10 большихъ богатыхъ казенныхъ селеній: легко понять какой обильный доходъ доставляютъ такіе приходы духовенству этихъ церквей.

(*) Домовъ вдовъ и сиротъ бѣднаго состоянія, городское общество не имѣло и отнюдь не имѣетъ въ виду подвергать оцѣнкѣ на предметъ сбора на пожарную повинность.

(**) Выше, въ примѣчаніи, объяснено, что сбора съ этихъ лицъ не предполагается.

дать отъ обязательнаго сбора сбора на пожарную повинность и духовенства, оказалось, что идея о равномѣрной обязанности всѣхъ сословій, относительно пожарной повинности, ведетъ за собою и слѣдующія либеральныя послѣдствія: ежели всѣ и каждый въ городскомъ обществѣ обязаны къ пожарной повинности, потому что пожарная команда обезопасиваетъ недвижимую собственность и благосостояніе всѣхъ и каждаго въ обществѣ, то не болѣе ли послѣ этого обязаны всѣ сословія къ рекрутской и военно-постойной повинностямъ, потому что войско государственное существуетъ для обезопасенія всѣхъ сословій въ государствѣ отъ внѣшнихъ враговъ. И вотъ, городское общество можетъ приговорить духовенство къ рекрутской и военно-постойной повинностямъ! Въ каждомъ городѣ и обществѣ существуютъ полиціи, для общей безопасности жителей всѣхъ сословій, и слѣдовательно, по изъясненному осташковскимъ городскимъ обществомъ долгу справедливости и сознанію обязанностей общественныхъ, всѣ сословія должны равномѣрно подлежать полицейской повинности, и словомъ всякой другой! Нѣтъ, почтеннѣйшее городское осташковское общество, и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ и преимуществѣ: точно такъ и сословія одно предъ другимъ. Напрасно городское общество представляетъ, что духовенство безъ матеріальнаго пособія на предметъ пожарной команды даромъ и незаслуженно пользуется отъ общества гарантіею на случай пожара. Нѣтъ! Пользуясь обезпеченіемъ отъ общества на случай пожара, духовенство въ свою очередь содѣйствуетъ ему въ этомъ дѣлѣ молитвами, объ избавленіи царствующихъ градовъ, града сего и всякаго града и страны отъ глада, губительства, труса, потопа и огня, то есть отъ пожаровъ. 8) Городскому осташковскому обществу угодно было составить общественную пожарную команду изъ своихъ согражданъ, на извѣстныхъ началахъ и условіяхъ, безъ всякаго взаимнаго соглашенія и съ прочими сословіями въ городѣ, и на свое постановленіе получить одобреніе и утвержденіе губернскаго начальства; постановленіе по сему городскаго общества, одобренное и утвержденное начальствомъ, только и обязательно для него самаго; а посему приговоры общества, по распредѣленію пожарныхъ денежныхъ обязанностей на духовенство, не могутъ быть обязательны для него. 9) Городское общество, обязывая духовенство положительнымъ налогомъ на предметъ пожарной повинности по 1 коп. сер. съ

рубля оцѣночной суммы съ недвижимыхъ имуществъ, само на себя не наложило, однакожъ, этой денежной обязанности, принявъ вмѣсто оной круговую свободную отвѣтственность (*). Но эта круговая отвѣтственность общества неравномѣрна съ налогомъ на прочія сословія (**).

И наконецъ 10) Пожарныя команды содержатся по закону на городскіе доходы, которыхъ въ г. Осташковѣ достаточно на безконечныя времена для содержанія общественной пожарной команды въ настоящемъ ея составѣ, безъ всякихъ обременительныхъ и противозаконныхъ сборовъ съ духовенства (**).

«А посему и по изъясненнымъ обстоятельствамъ осташковское городское духовенство нетолько не соглашается на обязательный сборъ въ пользу общественной въ г. Осташковѣ пожарной команды, но и не можетъ согласиться—по даннымъ ему закономъ и временемъ правамъ свободы отъ всякихъ городскихъ повинностей; а вмѣстѣ съ симъ просить осташковое городское обще-

---

(*) Городское общество, прежде чѣмъ возникла переписка объ оцѣночномъ сборѣ съ недвижимыхъ имуществъ духовенства, въ справедливомъ вниманіи къ семейному положенію лицъ служащихъ въ общественной пожарной командѣ безвозмездно,—людей большею частію ремесленныхъ, и желая оказать имъ поощреніе—приняло на себя платежъ за нихъ податей и содержаніе воинскаго постоя, освободивъ ихъ на время службы въ пожарной командѣ отъ этихъ повинностей; вмѣстѣ съ симъ почитая справедливымъ доставить случай и другимъ сословіямъ оказать содѣйствіе свое пожарной командѣ ежегоднымъ денежнымъ вспомоществованіемъ—по ихъ благоусмотрѣнію, оно пригласило къ участію въ этомъ предметѣ и другія сословія. На что самое акцизно-откупное коммисіонерство и нѣкоторые изъ дворянъ и изъявили свою готовность, но духовенство устранило себя отъ участія въ общемъ дѣлѣ: оно собрало между собою единовременно 15 руб. сер., чѣмъ и ограничилось. Городская дума донесла объ этомъ губернскому начальству,—губернское начальство г. министру внутреннихъ дѣлъ, который и разрѣшилъ предложить городскому духовенству учредить на этотъ предметъ, по 1 коп. съ оцѣночнаго рубля съ недвижимой ихъ собственности, сборъ.

(**) Конечно неравномѣрна: купцы и мѣщане платятъ гильдейскія пошлины, подушныя подати, земскія, городскія и общественныя повинности, и проч. и проч.,—они же учредили взъ среды себя для пользы общей и общественную пожарную команду, которой и содѣйствуютъ своими средствами: пріобрѣтаютъ, ремонтируютъ и содержатъ заливныя трубы и прочіе огнегасительные пожарные инструменты, доставляютъ на пожары лошадей, а неимѣющіе лошадей являются сами для принятія личнаго участія въ прекращеніи пожаровъ; городское же духовенство?... Но оно уже сказало, что помогаетъ своими особенными средствами.

(**) Напротивъ городскіе доходы въ г. Осташковѣ совершенно недостаточны на необходимѣйшія потребности городскаго хозяйства, покрываемые каждогодно изъ собственности—опять все одного и того же купеческаго и мѣщанскаго общества.

ство не нарушать союза любви между пастырями и пасомыми и сохраненія взаимнаго уваженія (*).

13.

Нѣчто о должности палача.

Совершается преступленіе, реступника берутъ подъ стражу, назначаютъ слѣдствіе, потомъ дѣло переходитъ въ судъ; судьи назначаютъ наказаніе, напримѣръ положимъ, приговариваютъ къ какому-нибудь тѣлесному наказанію; палачъ исполняетъ приговоръ. Карателями за преступленіе являются *полиція* (берущая подъ стражу) *слѣдователь*, *судьи* и *палачъ*. Они всѣ, значитъ, исполняютъ долгъ свой, служатъ обществу, и потому должны пользоваться отъ него уваженіемъ. Судьи, слѣдователи, пожалуй, и пользуются, но палачъ—нѣтъ. Званіе или должность палача до того, по голосу народа, презрѣнна, что ни одинъ членъ изъ этого народа не согласится принять, несмотря на то, что съ экономической точки зрѣнія это званіе довольно-выгодно, именно, вольнонаемный палачъ получаетъ жалованья въ столицахъ отъ 300 до 400 р., а въ губернскихъ городахъ отъ 200—300 р., сверхъ одежды и двойнаго количества кормовыхъ денегъ для арестантовъ (Полож. 18-го ноября 1836 г.). И, вслѣдствіе этого, законъ долженъ былъ прибѣгать къ искуственнымъ мѣрамъ, именно назначать палачей изъ арестантовъ, осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и наказанію плетьми, по ихъ согласію, освобождая за то отъ этого наказанія; а въ случаѣ неимѣнія ни вольнонаемныхъ, ни желающихъ арестантовъ—даже къ насильственнымъ мѣрамъ, назначая арестантовъ *и безъ ихъ согласія* (Полож. 18-го ноября 1836). Что же значитъ это народное презрѣніе къ палачу? Вѣдь званіе палача нисколько не хуже судьи: судья служитъ

(*) Но съ чьей же стороны нарушается этотъ любовный союзъ? и не въ томъ ли, что съ одной стороны одни только требованія, съ другой—одно только безусловное исполненіе этихъ требованій?... Гдѣ же тутъ взаимность, на которой основывается истинная христіанская любовь?

справедливости, палачъ—судьѣ, стало-быть тоже справедливости. Справедливость говоритъ судьѣ: *накажи*, судья передаетъ палачу: *накажи*, а палачъ исполняетъ. Выходитъ, что палачъ долженъ пользоваться равнымъ уваженіемъ съ судьею. Въ-самомъ-дѣлѣ, такъ ли? Конечно, нѣтъ. Отчего же, если онъ, какъ мы говорили, только исполнитель приговора судьи? Оттого, что самое званіе палачъ и его ремесло—недостойно человѣка. Палачъ можетъ существовать только при существованіи *смертной казни и тѣлесныхъ наказаній*. А такъ-какъ уголовное право, въ настоящее время, достаточно доказало, что эти наказанія несправедливы, несоразмѣрны съ преступленіемъ, нецѣлесообразны и затѣмъ жестоки, и вслѣдствіе этого не находятся въ сочувствіи народа, то можетъ-ли пользоваться сочувствіемъ исполнитель ихъ. Но отчего же судья не пользуется презрѣніемъ народа? Оттого, что нравственное чувство народа неспособно вникать въ сущность предмета: оно видитъ исполнителя тѣлеснаго наказанія, и отворачивается отъ него, а въ причину вникнуть неспособно. Говорятъ, что тѣлесное наказаніе необходимо, потому-что на необразованный народъ ничто другое не подѣйствуетъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія: онъ понимаетъ и страшится его, только какъ физической боли, а не какъ средства уничтоженія нравственнаго человѣка;—а отчего, спрошу я, бываетъ вотъ что: палачъ иногда прогуливается по рынку (разумѣется, по положенію, въ сопровожденіи солдата) и, держа въ рукахъ кнутикъ, береть у торговокъ и торговцевъ что̀ ему угодно: всѣ молчатъ и не противятся, потому-что еслибы кто запротивился, палачъ дотронется до него кнутикомъ, а это считается у народа страшнымъ срамомъ—всѣ будутъ повторять: битый палачомъ, а вѣдь боли тутъ никакой нѣтъ.

Должность судьи, столь высокая и почетная, при существованіи тѣлеснаго наказанія тоже унижается. Народъ можетъ дойти и къ судьямъ до такого же презрѣнія, какъ къ палачамъ. Съ тѣлеснымъ наказаніемъ невозможно осуществить идею правды, а что противорѣчитъ этой идеѣ, то презирается. Вотъ, напримѣръ, полиція наша своими дѣйствіями не заслужила любви народа...

14.

Обращеніе къ редактору «Военнаго сборника»

Съ глубокимъ сожалѣніемъ прочли мы оправданіе г. редактора «Военнаго сборника», по поводу недоразумѣній, возникшихъ между нимъ и читателями этого журнала. Мы полагаемъ, что «истинное прогресивное направленіе нашей арміи» должно состоять нетолько въ желаніи освободиться отъ розогъ, но также въ приличномъ обращеніи всѣхъ военныхъ чиновъ между собою, а выраженія и цѣлыя тирады, въ родѣ невѣжества, неправда и недобросовѣстность прикрытыя личиною благороднаго негодованія» и т. д. вообще приличны.. ..

Позвольте узнать, гдѣ вы нашли невѣжество и недобросовѣстность? Не въ томъ ли, что читатели вашего журнала, не имѣя чести лично быть знакомы съ вашими душевными качествами, усумнились въ безукоризненномъ либеральномъ направленіи каждой изъ отдѣльныхъ статей вашего журнала. Чтобы предотвратить подобное сомнѣніе публики, нужны не наивныя аркадскія рекомендаціи журнала самимъ редакторомъ, въ родѣ слѣдующей: «страницы «Военнаго сборника» всегда были открыты для свободнаго выраженія всего истиннаго, прогресивнаго и т. д.». Вамъ нужно поднять въ общественномъ мнѣніи «Военный сборникъ» хотя на столько, какимъ онъ былъ до 1860 года, когда у него еще не было обязательныхъ подписчиковъ, т. е. когда его не выписывали полковые командиры по пятнадцати экземпляровъ, безъ вѣдома и желанія своихъ офицеровъ. Не странно ли, что вы сердитесь за то, что нѣкоторые изъ вашихъ читателей не считали особымъ невѣжествомъ не читать вашъ журналъ отъ переплета до переплета? Каждый, кто прочиталъ статью «Записки кавалериста» и не находя въ ней ссылки, что редакторъ предполагаетъ зависимость ея пониманія отъ статьи «изъ Пруссіи», и ни одного замѣчанія переводчика и редактора о тѣлесномъ наказаніи,—могъ составить себѣ весьма невыгодное понятіе о полезности этой статьи на страницахъ вашего журнала.

Изъ чего вы заключили, что васъ лично подозрѣваютъ въ покровительствѣ палокъ? Это не было высказано въ протестѣ 106 офицеровъ и есть преднамѣренное искаженіе смысла.

Другіе читатели вашего журнала, пожалуй, прочитавъ объ статьи, нисколько не удивились бы ихъ противорѣчіямъ; онѣ у насъ въ журналахъ не рѣдкость, и даже, какъ безусловная истина, не могутъ быть вмѣнены въ преступленіе журналу, служащему офиціальнымъ органомъ такой большой семьи—какъ русская армія. Наконецъ, есть еще читатели, къ которымъ можно причислить большинство 106 офицеровъ, изъявившихъ вамъ протестъ. Мы вмѣстѣ съ ними убѣждены, что статья изъ Пруссіи своими голословными и легкими остротами далеко не въ-состояніи уничтожить то вредное вліяніе, какое можетъ произвести на армію статья «Записки опытнаго кавалериста». Эта послѣдняя категорія читателей вашихъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до вашего личнаго служебнаго положенія, просто была недовольна, что редакція перевела такую важную статью безъ своего собственнаго серьезнаго и фактическаго опроверженія о необходимости тѣлеснаго наказанія.

Неужели вамъ неизвѣстно, что 90% въ нашей арміи не въ состояніи добровольно отказаться отъ этого отеческаго воспитанія солдатъ розгами. Да не въ одной арміи! сколько гвардейцевъ могли бы вамъ сказать: помилуйте, что дѣлать съ грубымъ, необразованнымъ человѣкомъ, на котораго слова не дѣйствуютъ, котораго драли съ малолѣтства, развейте, образуйте сперва массу народа, переобразуйте армію, всю администрацію, тогда—пожалуй, и то наврядъ ли» и т. д.

Итакъ, послѣ всего вышесказаннаго, подумайте сами хорошенько, не смѣшна ли ваша претензія, что 106 офицеровъ изъ какой-то личной вражды и воображаемой вами злонамѣренности, посягнули на оскорбленіе чести и благоденствія вашей особы и вашего журнала? Это просто вымыселъ, двойной промахъ редакціи. Оставленный безъ вниманія, онъ могъ имѣть самое гибельное вліяніе на нравственность арміи, еще читающей вашъ журналъ. Если хотите дѣйствительно доказать гуманное направленіе журнала вашего, то вмѣсто пустыхъ отвѣтовъ и перебранокъ въ «Сѣверной пчелѣ», позаботьтесь поправить эту первоначальную ошибку, помѣщеніемъ въ журналѣ, какъ можно скорѣе, дѣльной статьи, въ опроверженіе дикихъ доказательствъ князя Эмилія Вит-

генштейна о полезности розогъ. Докажите ихъ безусловный вредъ и возможность замѣнить другимъ болѣе человѣчнымъ исправительнымъ взысканіемъ. Наконецъ, мы откровенно, при всемъ нашемъ уваженіи къ вашимъ либеральнымъ убѣжденіямъ, признаемся, что рѣшительно недоумѣваемъ предъ этими строками: 106 офицеровъ, разнаго рода оружія, непоколебавшихся возвести публичное обвиненіе на редактора, который и своею личностію и своею службою поставленъ внѣ подобнаго рода извѣтовъ.»

Что это? неужели вы считаете себя въ числѣ высокихъ особъ, изъятыхъ отъ всякой личной отвѣтственности.

Сто седьмой № Флереско.

15.

Статистическія данныя о нашей арміи въ недавнее время сдѣлались общеизвѣстны, и мы пользуемся случаемъ привести здѣсь нѣкоторыя цифры:

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, съ 1826 по 1850 г., числительность арміи постоянно возрастала, такъ что къ 1 января 1850 г. въ регулярныхъ войскахъ состояло по спискамъ: генераловъ 762; штабъ и оберъ-офицеровъ 26,438 и нижнихъ чиновъ 1.091,144 чел. и лошадей строевыхъ, артиллерійскихъ и подъемныхъ около 153 тысячъ; орудій состояло при арміи 1,500. Общее среднее число людей въ войскахъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ было 1.105,000. Въ послѣдующее же время число войскъ по спискамъ простиралось:

Въ 1856 г. генераловъ 576, штабъ и оберъ-офицеровъ 31,954 и нижнихъ чиновъ 1.742,342.

Въ 1859 г. генераловъ 357; штабъ и оберъ-офицеровъ 30,051; нижнихъ чиновъ 850,225.

Лошадей состояло: въ 1856 г. слишкомъ 200 тысячъ; въ 1859 г. около 85 тысячъ...

Такимъ образомъ числительность арміи въ 1859 г. была ниже средней числительности ея за двадцатипятилѣтіе, съ 1826 по 1850

лить, что двѣ трети этой суммы идутъ на первый, и потому расходъ по ордонансъ гаузу составитъ 6,374 руб. 65 коп. Затѣмъ въ бюджетѣ показанъ расходъ:

На содержаніе лошадей коменданту съ плацъ-адъютантамъ, и

На фуражъ. На основаніи Высочайше утвержденныхъ въ 1797 и 1820 годахъ положеній, назначено коменданту и плацъ-адъютантамъ 11 строевыхъ и 12 подъемныхъ лошадей; съ 1854 г. полагается фуражныхъ денегъ по 67 р. 11¼ к. на лошадь, итого . . . . . 1,476 р. 47½ к.

На ремонтъ лошадей . . . . . 97 » 14¼ »

Итого . . 7,958 р. 26¾ к.

Итакъ, городъ все таки останется въ большой выгодѣ, которою нельзя пренебречь; сверхъ того, и государственный бюджетъ получитъ сокращеніе въ расходахъ, такъ какъ жалованье и квартирныя деньги комендантамъ и плацъ-адъютантамъ выдаются не изъ городскихъ суммъ. Наконецъ зданіе ордонансъ-гауза освободится, и городъ можетъ имъ воспользоваться, извлечь выгоду отъ отдачи его въ наемъ или отъ помѣщенія въ ономъ такого учрежденія, подъ которое теперь нанимается частный домъ. Съ матеріяльной стороны упраздненіе комендантскаго управленія весьма выгодно и удобно.

Обращаемся теперь къ разграниченію полицейскаго надзора за гражданскими и военными людьми. Нѣтъ, кажется, никакой необходимости подчинять особому надзору офицеровъ; исключеніе это даетъ поводъ къ двумъ предположеніямъ: или это привилегія воинскаго званія, или неувѣренность въ томъ, что офицеръ захочетъ добровольно подчинить себя общимъ правиламъ. Первое есть признакъ отсутствія убѣжденія, что государству въ одинаковой степени полезна всякая честная дѣятельность, къ какому бы сословію ни принадлежалъ дѣятель, и что, слѣдовательно, здѣсь привилегія незаслуженная будетъ несправедливостью. Что касается втораго предположенія, то, къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что оно построено не на пескѣ. Кому изъ насъ не случалось быть свидѣтелями или слышать разсказы о томъ, какъ офицеры, бравируя гражданскую полицію, прямо

злоупотребляютъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Всѣмъ памятенъ случай въ Москвѣ, когда одинъ офицеръ позволилъ себѣ въ публичномъ мѣстѣ оскорбить полицейскаго чиновника за то, что тотъ остановилъ его.

— «Я очень уважаю Г. и люблю его,» сказалъ при этомъ оскорбившій, «но офицерская честь не позволяла мнѣ допустить, чтобы, въ публичномъ мѣстѣ, полицейскій чиновникъ останавливалъ офицера.»

Какъ случай, такъ и замѣчаніе очень характеристичны. Обстановка и положеніе въ обществѣ имѣютъ, совершенно основательно, большое вліяніе не только на образъ жизни, но и на характеръ воззрѣній существа. И въ средѣ, болѣе развитой, болѣе просвѣщенной, нежели наша, еще мало такихъ лицъ, которыя умѣли бы всегда разграничить, какъ слѣдуетъ, интересъ личный съ интересомъ общимъ, и тамъ привилегированныя личности не всегда умѣютъ пользоваться своими правами. Что-же удивительнаго послѣ этого, если нашъ офицеръ, зная, что гражданская полиція не можетъ ему ничего сдѣлать, и видя, что всѣ другіе робѣютъ передъ этой же полиціей, что же удивительнаго, если офицеръ развернетъ свою хвастливую замашку показать толпѣ, на сколько онъ стоитъ выше ея? Все это очень просто, естественно, проистекаетъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, и удивляться тутъ рѣшительно нечему. Публика наша, впрочемъ, къ этому привыкла, и если удивляется, то именно тому, что въ послѣднее время случаи такого непріязненнаго столкновенія дѣлаются гораздо рѣже. Во всякомъ случаѣ необходимо удалить поводъ, причину къ такимъ злоупотребленіямъ, а это весьма легко достигается упраздненіемъ комендантскихъ управленій и подчиненіемъ офицеровъ гражданской полиціи.

Замѣтимъ кстати, что военная полиція существуетъ преимущественно для публичныхъ мѣстъ, гдѣ она смотритъ, чтобы офицеры вели себя благопристойно и не позволяли себѣ никакихъ неприличныхъ выходокъ; въ другихъ случаяхъ офицеры подчиняются общей полиціи, какъ по мѣсту жительства, такъ по исковымъ и другимъ дѣламъ. Едва ли для однихъ публичныхъ мѣстъ нужно содержать такое количество плацъ-адъютантовъ, что на одну Москву ихъ приходится 11? Мы убѣждены, что съ упраздненіемъ военной полиціи, офицеры сами захотятъ показать, что они вполнѣ заслуживаютъ дѣлаемаго имъ довѣрія, и случаи

непріязненныхъ столкновеній, о которыхъ шла выше рѣчь, перейдутъ въ область мнѣній и преданій.

Окончимъ нашу замѣтку слѣдующей выпиской изъ статьи г. П. Н.: «что въ комендантахъ нѣтъ особой необходимости, то это ясно и изъ практики (такъ какъ во многихъ городахъ, гдѣ стоятъ войска, дѣло обходится безъ комендантовъ), и даже изъ самаго законодательства. Коменданты опредѣляются преимущественно изъ отставныхъ раненыхъ чиновъ (ст. 2,021), слѣдовательно неспособныхъ уже къ другой службѣ.»

17.

По поводу замѣтки о полковыхъ писаряхъ.

(Помѣщенной въ № 143-мъ Сына отечества) (*).

Какъ аукнется, такъ и откликнется.
Русская пословица.

Не смотря на всѣ заботы правительства объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ, огражденіи ихъ отъ произвольныхъ дѣйствій поставленныхъ надъ ними властей, съ цѣлію, такъ сказать, облагородить ихъ и дать каждому почувствовать свое человѣче-

(*) Статья эта получена издателемъ при слѣдующемъ письмѣ: «Прилагаемая статья была послана мною въ редакцію «Сына отечества». Зная на опытѣ, что въ жизни нашей преимущество всегда бываетъ на сторонѣ сильныхъ міра сего, я въ письмѣ своемъ выразилъ, что: *всѣ чины, отъ послѣдняго солдата до перваго генерала, сыны отечества.* Журналъ же Сынъ отечества понимаетъ эту истину иначе: статья № 143-мъ была писана офицеромъ, а настоящее писаремъ...О томъ, справедливо ли поступилъ «Сынъ отечества», отказавъ въ напечатаніи моей статьи, необходимымъ считаю сказать нѣсколько словъ:

«Въ объявленіяхъ о своемъ изданіи «Сынъ отечества» *всегда* говорилъ, что онъ преимущественно для читателей низшихъ классовъ и потому самый популярный;

ское достоинство, и въ виду совершающихся, по этому предмету, почти ежедневно, реформъ, къ сожалѣнію, являются еще на сцену люди, смотрящіе на всѣ эти улучшенія съ собственной точки зрѣнія. Люди эти принадлежатъ къ старой рутинѣ, утверждающей, что безъ розогъ и зуботычинъ изъ нижняго чина сдѣлать ничего не возможно; но этотъ дикій произволъ, проявляющійся часто ради одной потѣхи, нынѣ, слава Богу, уничтоженъ, а между тѣмъ руки у нихъ зудятъ, вотъ они и принялись за перо, клеймить печатно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Къ числу послѣдователей старой рутины, мы должны отнести автора гуманной замѣтки о полковыхъ писаряхъ, помѣщенной въ № 143-мъ «Сына отечества», въ которой, создавъ отдѣльное сословіе изъ полковыхъ писарей, авторъ замѣтки называетъ все это сословіе пьяницами и проч., и потому предлагаетъ мѣры о замѣнѣ ихъ воспитанниками, окончившими курсъ въ училищахъ военнаго вѣдомства, ручаясь, что они будутъ и трезвые и дѣльные писаря. Не знаемъ, откуда авторъ выработалъ идею, что *непремѣнно всѣ* кончившіе курсъ бываютъ хорошаго поведенія и трезвые? Неугодно ли ему взглянуть на совершающіяся нынѣ темныя продѣлки, и онъ увидитъ, что между дѣятелями ихъ найдутся люди образованные и кончившіе курсъ! Авторъ гово-

---

между тѣмъ, когда одинъ изъ читателей такого рода обратился къ нему съ законною просьбою о защитѣ, редакція «Сына отечества» отказала ему именно потому, что проситель нижній чинъ. Можетъ быть, статья моя непомѣщена потому, что она не имѣетъ литературнаго достоинства, но этого не должно требовать отъ человѣка, учившагося на мѣдныя деньги. Неужели пустыя фразы, написанныя ученымъ или лицемъ, облеченнымъ въ чиновное званіе, должны имѣть преимущество предъ словами писаря, писанными если не красно, то *правдиво*? Даже, если бы я статьею моею мѣтко отвѣчалъ противнику, то редакціи слѣдовало бы помнить, что законъ только въ рѣдкихъ случаяхъ на сторонѣ нападающаго, а почти всегда на сторонѣ защитника.—Если «Сынъ отечества» находитъ приличнымъ помѣщать письма, восхваляющія его (*), съ цѣлію *умноженія* подписчиковъ, то почему онъ отказываетъ печатать статьи, имѣющія цѣлію *уменьшеніе* опрометчивыхъ борзописцевъ?

«Такой пристрастный взглядъ редакціи «Сына отечества» заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ просьбою помѣстить, во имя справедливости, какъ настоящее письмо мое, такъ и означенную статью, на страницахъ вашей газеты, и тѣмъ уничтожить торжество борзописцевъ и сочувствующихъ имъ собратій».

(*) Какъ напримѣръ: письмо одного заводскаго священника, прекрасно оцѣненное Домаш

ритъ: «Кромѣ незначительнаго числа воспитанниковъ, выпускаемыхъ изъ школъ, учрежденныхъ при баталіонахъ, полубаталіонахъ и ротахъ военныхъ кантонистовъ, до 1851 года писаря назначались въ военныя управленія преимущественно изъ строевыхъ нижнихъ чиновъ.» Ниже этого: «до настоящаго времени почти всѣ писаря въ полкахъ были люди, отданные въ военную службу за какіе нибудь проступки, или дворовые, или мѣщане и другіе.» Такое противорѣчіе самому себѣ, авторъ допустилъ съ цѣлію болѣе укрѣпить свои разсужденія о полковыхъ писаряхъ и доказать, что вотъ-де всѣ они отъ пьяницъ происходятъ и пьяницами останутся.

Далѣе авторъ замѣтки говоритъ, что необходимость полковаго адъютанта, смотрѣть на всѣ продѣлки писарей (сквозь пальцы?), проистекала изъ образа занятій писарей и крайняго недостатка въ нихъ. Образъ занятій писарей описанъ самимъ авторомъ, и именно, что вся полковая администрація лежитъ на однихъ писаряхъ. Намъ остается только добавить, что въ полковые адъютанты попадаютъ большею частію отличающіеся привлекательною наружностію и ловкостію шаркать, и иногда изъ молодыхъ, только что выпущенныхъ изъ корпуса, офицеровъ, которые, какъ самъ авторъ сознается, ничего не понимаютъ по части письмоводства, слѣдовательно необходимость проистекаетъ отъ лѣни адъютантовъ заниматься своимъ дѣломъ, ибо если бы адъютанты, казначеи и квартермистры изучали принимаемыя на себя обязанности, тогда навѣрное не было бы надобности держать пьяницъ, и изъ 20 человѣкъ прикомандированныхъ, нашлось бы отъ необходимости:

Смотрѣть на франтовъ адъютантовъ,
Какъ на Крылова музыкантовъ,
И писарей держать не трезвыхъ,
Хотя для дѣла и полезныхъ.

Для приданія большей яркости своему разсказу, авторъ приводитъ въ примѣръ, какъ одинъ писарь умеръ отъ слишкомъ большаго употребленія вина. Неужели онъ думаетъ, что и писаря не могутъ указать случаевъ, какъ *господа* умирали отъ пьянства? Или опиваться не простымъ виномъ онъ не считаетъ за порокъ? Мы знаемъ много случаевъ, что образованные и благо-

воспитанные люди опивались *съ намѣреніемъ*, чтобы покончить разомъ всѣ земные разсчеты, разумѣется не совсѣмъ чистые....

Относительно разныхъ поборовъ, которыми, по указанію автора, занимаются полковые писаря съ просителей нижнихъ чиновъ, предоставляемъ самимъ писарямъ отвѣтить за себя автору. Мы только напомнимъ ему, что послѣдняя крымская кампанія доказала, какъ благовоспитанные и образованные умѣютъ обирать не однихъ солдатъ просителей, но и всѣхъ нижнихъ чиновъ безъ исключенія, даже умершихъ.

Опасенія автора, относительно производства полковыхъ писарей въ классный чинъ съ оставленіемъ на службѣ въ тѣхъ же канцеляріяхъ, заключаются въ томъ, что новые чиновники, по словамъ его, будутъ по прежнему продолжать пьянствовать. Посмотримъ, справедливо ли это: по закону, на производство въ перво-классный чинъ имѣютъ только право писаря хорошаго поведенія, слѣдовательно о дурныхъ не должно быть и рѣчи, и затѣмъ, съ этой стороны бояться нечего. А опасенія автора, по нашему разумѣнію, происходятъ вотъ отъ чего: теперь, видите ли, писаря эти смотрятъ на все, какъ нижніе чины, которые не смѣютъ свое сужденіе имѣть, а произведи-ка ихъ въ чиновники, т. е. дай имъ самостоятельность, они, пожалуй, начнутъ указывать, что вотъ тутъ провіантъ требуется лишній, тамъ полковой командиръ, баталіонный или адъютантъ употребляетъ солдатъ для собственныхъ надобностей, показывая ихъ слабыми при ротѣ и т. под., да при томъ и автору можетъ быть придется, зачѣмъ нибудь, зайти въ полковую канцелярію, и неловко, знаете, будетъ подать руку оклеветанному имъ предъ тѣмъ человѣку, а если не руку подать, то по крайней мѣрѣ назвать его по имени и отчеству.

Изъ всего этого, кажется, ясно, что мы не имѣли въ виду оправдывать писарей противъ гуманныхъ выходокъ автора замѣтки; это дѣло не наше, а тѣхъ, которые держатъ у себя худыхъ и аттестуютъ ихъ ежегодно начальству хорошими. Намъ хотѣлось только указать ему, что по двумъ или нѣсколькимъ личностямъ не слѣдовало бы ему марать цѣлое сословіе, и онъ долженъ былъ помнить, что «въ семьѣ не безъ урода».... Если гг. полковые офицеры и употребляютъ иногда выраженіе: «напился какъ писарь»—то противъ этого сравненія есть общая русская пословица: «пьяница проспится, а дуракъ—никогда.»

Въ заключеніе, да позволено будетъ намъ сказать г. автору замѣтки, что у насъ, въ морскомъ вѣдомствѣ, казенные писаря получаютъ жалованья отъ 8 р. до 25 р. сер. въ мѣсяцъ каждый... Да, братья товарищи! возблагодаримъ начальниковъ нашихъ благодареніемъ истиннымъ за хорошее, *не армейское*, ихъ объ насъ мнѣніе, и да избавитъ насъ Богъ отъ чтенія подобныхъ замѣтокъ, писанныхъ прогресистомъ, который въ низшихъ братьяхъ и подчиненныхъ видитъ одно только худое....

18.

Пожары и зажигатели.

Ужасныя возмутительныя слова! Какъ раздражительно дѣйствовали они на всѣхъ и еще продолжаютъ дѣйствовать на многихъ! Много было и говорено, и писано объ этомъ подъ вліяніемъ неизбѣжнаго раздраженія. Слава Богу, вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы избавились отъ несчастія видѣть зловѣщіе шары на башняхъ полицейскихъ частей. Время заговорить объ этомъ явленіи безпристрастно и хладнокровно, Sine ire et studio.

Нѣкоторые связываютъ это событіе съ появленіемъ передъ тѣмъ возмутительнаго памфлета подъ именемъ Молодой Россіи. Въ этомъ печатномъ листкѣ проповѣдывалось наступленіе новаго порядка, основаннаго на уничтоженіи религіи, собственности и семьи, а способомъ для водворенія такого порядка предлагалась всеобщая рѣзня и поголовное истребленіе всѣхъ тѣхъ, которые не сочувствуютъ этимъ идеямъ. Такъ какъ вслѣдъ за появле-

ніемъ этого листка начались пожары, то нѣкоторымъ казалось очевиднымъ, что пожары производились партіею или кружкомъ тѣхъ, которые составляли и распространяли памфлетъ, подъ названіемъ Молодой Россіи.

Такое предположеніе имѣетъ, повидимому, основаніе, но коль скоро мы разсмотримъ дѣло повнимательнѣе, то найдемъ это основаніе довольно шаткимъ.

Дѣйствительно ли петербургскіе пожары явленіе исключительное и непосредственно зависящее—по своимъ признакамъ—отъ появленія возмутительнаго памфлета, и не могло ли оно быть въ такомъ же видѣ, если бы этотъ памфлетъ не появлялся вовсе?

По своимъ признакамъ петербургскіе пожары принадлежатъ къ тѣмъ безчисленнымъ, такъ сказать, эпидеміямъ, которыя составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ нашей исторіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Эти называемыя нами эпидеміи совершались обыкновенно такъ: вдругъ вспыхнетъ пожаръ, за нимъ другой—распространяются о поджогахъ толки; народное воображеніе выдумываетъ побужденія, руководящія зажигателями, пожары усиливаются; носятся слухи напередъ, что въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое-то время будетъ пожаръ—и онъ бываетъ; иногда подбрасываютъ записки, обѣщающія пожаръ въ извѣстномъ мѣстѣ; на жителей находитъ паническій страхъ; пожары усиливаются, потомъ жители опомнятся, энергически принимаются наблюдать за своими домами: пожары прекращаются. Опустошенія, причиненныя ими, завися, разумѣется, отъ естественныхъ явленій погоды, способствующихъ распространенію огня, всегда бываютъ, въ такомъ случаѣ, пропорціональны продолжительности смятенія и тревоги, поражающихъ общество. Чѣмъ скорѣе жители принимаются за дѣло, тѣмъ удачнѣе спасаютъ свое достояніе.

Съ такими признаками пожарныя эпидеміи поражали многіе изъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Пусть жители этихъ городовъ припомнятъ былое и вѣроятно скажутъ тоже, что мы говоримъ. Такъ горѣли Казань, Тула, Кострома, Самара, Саратовъ, Орелъ и проч. и проч.

Пятый десятокъ живу я на бѣломъ свѣтѣ и не разъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ пожарныхъ эпидемій. Помню—учился я въ одномъ изъ внутреннихъ нашихъ городовъ: въ концѣ августа

начинаются пожары, на жителей находитъ страхъ; пожары увеличиваются — на день случается по пяти, по шести пожаровъ; народъ почему то подозрѣвалъ жидовъ, которые въ городѣ не имѣли, однако, постояннаго жительства; но въ этомъ городѣ поговаривали тогда о явленіи святаго, и вообразили, что городъ жгутъ жиды изъ ненависти къ святому, который своими чудотвореніями поддерживаетъ ненавистную имъ христіанскую вѣру. Никакихъ жидовъ, разумѣется, не поймали, а поймали какого-то лакея, который зажегъ домъ своего барина, подъ всеобщую суматоху.

Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, проживалъ я, не по своей охотѣ, въ одномъ приволжскомъ городѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ случилось два пожара, вслѣдъ за тѣмъ распространяется слухъ, что городъ будутъ жечь англо-французы (тогда была крымская война и многіе читатели русскихъ газетъ, находя въ нихъ названіе англо-французовъ, воображали себѣ, что дѣйствительно существуетъ на свѣтѣ народъ подъ такимъ названіемъ); говорятъ, что 25-го іюля будетъ пожаръ на такой-то улицѣ, и 25-го іюля дѣйствительно случается пожаръ на той самой улицѣ; потомъ въ продолженіи шести дней было семь пожаровъ; жители пришли въ такой страхъ, что побросали свои дома, расположились съ своими имуществами въ полѣ, другіе въ лодкахъ на Волгѣ. Наконецъ, благоразумнѣйшіе успокоиваютъ ихъ; составляется, мимо обычной полиціи, другая полиція, усиливается наблюденіе за домами и пожары прекращаются. Англо-французовъ, разумѣется, не поймали, но приколотили до полусмерти и чуть было не бросили въ огонь грузина-семинариста, который своею не русской физіономіею и неправильнымъ выговоромъ подалъ поводъ принять его за англо-француза. Двое поджоговъ были, однако, обнаружены: поймали дѣвочку лѣтъ 14-ти, которую исколотила барыня: въ отчаяніи она зажгла домъ, гдѣ барыня квартировала; потомъ поймали мальчишку, который, живя у сапожника въ ученьѣ, въ три часа утра, перелѣзъ во дворъ къ сосѣду и зажегъ сѣно въ конюшнѣ. Сначала онъ сочинялъ, будто бы его научилъ неизвѣстный прохожій, а потомъ сознался, что сдѣлалъ это для того, чтобъ полюбоваться пожаромъ и натворить суматохи, которая ему понравилась во время прежнихъ пожаровъ.

Подобныя явленія совершались у насъ въ отдаленной древ-

ности; вотъ, напримѣръ, тоже, что̀ мнѣ удалось видѣть въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, повѣствуется въ новгородской лѣтописи подъ 1342 г.: Людіе бояшеся не сѣяху въ городѣ жити, но по полю, иніи порли живяху, а иніи по берегу въ учанѣхъ, и бѣ видѣти весь градъ движащься и бѣгаша по недѣлѣ и болѣ; и много пакости бысть людемъ и убытка отъ лихихъ людей и проч.» (Новг. лѣт. полн. собр. р. лѣт. III. 81). Въ 1443 году три раза сряду повторялся пожаръ на торговой сторонѣ въ Новгородѣ и привелъ народъ въ такое ожесточеніе, что тогда хватали подозрительныхъ, бросали въ огонь, свергали съ моста въ Волховъ (Новг. IV лѣт. П. С. лѣт. IV 122). Самъ лѣтописецъ изъявляетъ сомнѣніе въ справедливости тогдашняго народнаго суда. «А Богъ вѣсть»—говоритъ онъ—«испытая сердца человѣческая, право ли есть глаголющая;» такъ какъ народный судъ совершается въ раздражительности, то, безъ сомнѣнія, онъ всегда, въ такихъ случаяхъ, несправедливъ. Кто не вспомнитъ при этомъ приснопамятнаго въ русской исторіи московскаго пожара при Иванѣ Грозномъ, пожара, имѣвшаго такое благотворное вліяніе на его характеръ? А каковъ былъ судъ народный въ то время? Обратился на невинныхъ въ этомъ дѣлѣ, на нелюбимыхъ народомъ Глинскихъ, да еще выдумана была нелѣпая сказка о выниманіи человѣческихъ сердецъ и кропленіи московскихъ улицъ водяною настойкою изъ этихъ сердецъ! Если бы и въ наше время отдаться въ такихъ случаяхъ на судъ народный, то вѣроятно выдумали бы что нибудь подобное. Кому неизвѣстно, напримѣръ, что очень часто при наступленіи такихъ пожарныхъ эпидемій обвиненіе падало—на поляковъ; увѣряли, что они изъ политической непріязни къ Россіи жгутъ русскіе города. Кто же изъ просвѣщенныхъ русскихъ не покраснѣетъ за свой народъ, слушая эту гнусную клевету? Замѣчательно, что и теперь въ Петербургѣ, тѣ, которые не знали ничего о прокламаціи, предшествовавшей пожару, по старой привычкѣ—обвиняли поляковъ.

По нашему глубокому убѣжденію пожарныя эпидеміи происходятъ вотъ какимъ процесомъ. Случайно сдѣлается два пожара одинъ за другимъ вскорѣ; это очень легко при деревянныхъ постройкахъ; въ народѣ распространяется слухъ о поджогахъ. Тогда разыгрываются страсти, высказываются сдержан-

ные порывы, являются наружу разныя побужденія. Приколотилъ баринъ слугу; въ другое время ему бы ничего въ голову не пришло, пощемило бы втихомолку сердце, поболѣла бы голова и засохла бы какъ на собакѣ, по пословицѣ; а теперь говорятъ, стали пожары—городъ жгутъ. Ахъ чортъ возьми—думаетъ онъ—что мнѣ терпѣть? Входитъ онъ въ задоръ, беретъ его сердце не то что на одного барина, а такъ, и самъ онъ не знаетъ на кого... подъ горячій часъ побѣжалъ на чердакъ и пустилъ краснаго пѣтуха. Иной горемыка безпріютный—терпѣлъ давно голодъ и холодъ и всякую обиду; разнеслась вѣсть о поджогахъ, видитъ онъ—что богачъ въ одинъ часъ можетъ сдѣлаться такимъ же горемыкою, какъ онъ—пробудится въ немъ злоба, зависть, и пуститъ онъ краснаго пѣтуха. Иному—подъ тотъ часъ приходилось за прежніе грѣхи отвѣтъ держать, пошла молва о поджогахъ, вотъ случай очиститься: все сгорѣло, на неизвѣстныхъ поджигателяхъ пусть взыскиваютъ, а у него шито—крыто. А вотъ мазурики—жулики ткнутъ въ страшное мѣсто пакли или труту. Красный пѣтухъ распуститъ крылышки, а они бѣгаютъ, суетятся; будто мірской бѣдѣ помогаютъ, а сами—одинъ то слимонитъ, другой то. Иной же подожжетъ ради одного созерцанія... такая художественная натура! Болѣзненные нервы возбуждаются театральною картиною черныхъ клубовъ дыма надъ полосами пламени, волнуемаго вѣтромъ, трескомъ горящаго дерева, громообразнымъ паденіемъ желѣзныхъ крышъ, дикимъ отчаяніемъ теряющихъ и безумную бѣготню спасающихъ свое достояніе, живописною скачкою пожарныхъ въ своихъ блестящихъ шеломахъ и группою праздной толпы, которая равнодушно зѣваетъ, глядя на чужое горе, и дополняетъ собою великолѣпное зрѣлище. Понравится это зрѣлище—захочется воспроизвести его снова, а тутъ еще чувство творческаго самолюбія, что дескать все это мы—виновники такой кутерьмы; стало быть, мы не то, что такъ-себѣ, не послѣдняя спица въ колесницѣ,—сколько народу хлопочутъ, да ничего противу насъ не сдѣлаютъ, а мы себѣ стоимъ, будто ни въ чемъ не бывали, ничего не знаемъ, не вѣдаемъ,... никто не догадывается, «что все это мы, мы настроили; молчать же, не проговариваться! Тайна, тайна! А тайну имѣть за собой—вещь плѣнительная, по крайней мѣрѣ, пока совѣсть не заговоритъ и не разрушитъ обаянія. Есть въ человѣческомъ существѣ что-то

находящее прелесть въ созерцаніи разрушенія: нравятся же на сценѣ пожары; потѣшаютъ же ими умышленно раекъ; почему же иному, у кого воображеніе закутитъ на счетъ разсудка и чувства, не пожелать любоваться ими въ натурѣ?

Вотъ такъ работаютъ поджигатели по разнымъ побужденіямъ и дѣлаютъ дѣло одни, а со стороны кажется, что они дѣлаютъ его скопомъ, шайкою, и чудно! Явные слѣды поджоговъ, и поджигатели ловятся, шайки — никогда, и пожарныя эпидеміи облекаются у насъ постоянно таинственностію, подающею новый поводъ къ новымъ вымысламъ. Послѣдніе петербургскіе пожары носятъ признаки прежнихъ обычныхъ пожарныхъ эпидемій и не имѣютъ органической связи съ явившимся передъ ними памфлетомъ.

Разбирая сущность и тонъ этого памфлета, легко усмотрѣть, что онъ плодъ безразсудства и незрѣлости, а не разсчетливой злонамѣренности. Памфлетъ этотъ могъ быть написанъ только двумя-тремя слишкомъ недозрѣлыми юношами, у которыхъ чтеніе западныхъ утопій да усвоеніе эфемерно-возбудительныхъ фразъ отуманили временно мозгъ. Опытный и хитрый врагъ существующаго порядка, конечно, взвѣсилъ бы, что съ подобною откровенностію нельзя излагать революціонныхъ принциповъ. Могъ ли бы сколько нибудь мыслящій человѣкъ ожидать сочувствія въ русскомъ народѣ къ проповѣди безбожія и разрушенія семейныхъ связей. Могъ ли бы онъ грозить всѣмъ противникамъ своихъ идей всеобщею поголовною рѣзнею, не принимая въ соображеніе, что противниковъ придется считать милліонами, а послѣдователей десятками? Притомъ въ памфлетѣ есть противорѣчіе, обличающее дѣтскую необдуманность и разсѣянность: напримѣръ, авторъ, возвѣстивши прежде объ уничтоженіи всякой собственности, послѣ того толкуетъ о томъ, чтобъ налоги были распредѣлены такъ, чтобы богатому приходилось платить больше, чѣмъ бѣдному. Не ясно ли, что авторъ еще не дорось до того, чтобы найти несовмѣстность между разными либеральными ученіями, которыя со всѣхъ сторонъ налетѣли ему на голову? А что, напримѣръ, значитъ это припоминаніе, чтобы тѣ, которые начнутъ истреблять защитниковъ и сторонниковъ существующаго порядка, не забывали восклицать: да здравствуетъ демократическая и соціальная Россія? Что это, какъ не крайнее дѣтство, которое плѣняется собственно невну-

треннимъ смысломъ убѣжденія, а театральною картиною занятой на прокатъ революціи и тѣшится ею какъ ребенокъ игрушкою; однимъ словомъ, по нашему глубокому убѣжденію, это скорѣе ребяческая шалость, чѣмъ сознательное преступленіе. Можетъ ли такой памфлетъ заставить подозрѣвать существованіе органическаго общества революціонеровъ, употребляющихъ для своихъ цѣлей поджоги? Да и въ способѣ поджоговъ есть ли что нибудь указывающее на существованіе общества: ни мало. Иначе пожары не такъ бы начались, не такъ бы кончились. Члены такого злонамѣреннаго общества могли бы произвести пожаръ разомъ въ сотнѣ мѣстъ: развѣ большой трудъ каждому члену зажечь домъ, въ которомъ онъ квартируетъ? Всѣ бы условились произвесть такимъ образомъ пожаръ, выбравши вѣтренную погоду, и столица сгорѣла бы въ нѣсколько часовъ. Да наконецъ, изъ самаго памфлета не слѣдуетъ непосредственно необходимости поджоговъ для послѣдователей идей, которыя проповѣдуются. Памфлетъ возбуждаетъ къ истребленію тѣхъ, которые будутъ несогласны съ проповѣдуемыми идеями, слѣдовательно предполагаетъ рѣзню тогда уже, когда поднимется революціонное знамя и окажется: кто будетъ за революцію, кто противъ нея. Съ какой стати, прежде чѣмъ эта революція началась, жечь Апраксинъ и Щукинъ дворы? Говорятъ: для того, чтобъ размножить пролетаріевъ и озлобить ихъ. Да противъ кого же можно этимъ ихъ озлобить? Разумѣется, противъ поджигателей, а никакъ не противъ правительства, которое подаетъ руку помощи лишеннымъ крова и достоянія, прежде чѣмъ революція успѣетъ вспыхнуть. Остается одно сближеніе между памфлетомъ и пожарами: и то и другое—преступленіе, но въ такомъ случаѣ пришлось бы считать прикосновенными къ пожарамъ всѣ различныя преступленія, совершенныя въ послѣднее время.

Если бы и могло случиться (мы не отрицаемъ, однако, что послѣ распространенія слуховъ о томъ, что городъ зажигаютъ составители Молодой Россіи и послѣдователи идей, проповѣдуемыхъ этимъ памфлетомъ — могло случиться) что какая нибудь болѣзненно-художественная натура увлеклась театральною стороною политическаго зажигательства и произвела пожаръ будто бы съ этою цѣлію, то въ сущности революціонныя идеи служили бы здѣсь только предлогомъ, а не причиною; причина же заключалась бы въ болѣзненности нервъ поджигателя, такъ

какъ гоголевъ сумасшедшій, вообразивши себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, не отъ того сошелъ съума, что читалъ газеты, а отъ того, что неправильно ихъ понималъ, что уже прежде носилъ въ себѣ зачатки сумасшествія.

19.

О пожарахъ.

Куда вѣтеръ подуетъ. Слова эти пришли намъ невольно на мысль, по поводу двухъ мнѣній почтеннаго журнала «Современной лѣтописи» по одному и тому же предмету.

Вотъ эти два мнѣнія, изложенныя въ продолженіи двухъ недѣль.

Въ 25 № «Современной лѣтописи», въ статьѣ изъ Петербурга, отъ 31 мая, по поводу пожаровъ, говорится:

Но на кого указываетъ народъ, какъ на главную причину своихъ бѣдствій? Горько и тяжело, нельзя скрыть, — на учащуюся молодежь. Совершающіяся бѣдствія онъ ставитъ въ неразрывной связи съ предшествовавшими возглашеніями, объявленіями,—всею этою возмутительною нечестію (*), которую враги общественнаго спокойствія щедрою рукой сыпали въ народъ.

Ради чести науки, ради столькихъ надеждъ, которыя возлагались было на молодое поколѣніе, нехотѣлось бы вѣрить подозрѣніямъ народа. Но что, если и тутъ есть своя доля правды? Что, если и въ самомъ дѣлѣ эта молодежь, увлеченная погибельными возгласами проповѣдниковъ анархіи и всеобщаго погрома, посредственно или непосредственно принимаетъ въ этомъ участіе?

Въ 25 №, ровно черезъ двѣ недѣли, редакція той же газеты, по поводу успокоительной статьи, помѣщенной въ Journal de St.

(*) Слогъ этотъ принадлежитъ извѣстному автору, г. Бѣлинскому.

Petérsbourg, изъявляетъ сознаніе, что нѣкоторыя наши газеты и въ томъ числѣ «Наше время», сообщали разныя извѣстія объ арестованіи подозрительныхъ лицъ изъ такъ называемаго образованнаго класса, и что эти свѣдѣнія не были опровергаемы. Редакція не перевела всей статьи Journal de St. Petérsbourg, а ограничиваясь объявленіемъ содержанія.

«На этихъ дняхъ въ Journal de St. Petérsbourg появилась статья, назначенная для Европы, и изъ этой статьи, имѣющей полу-оффиціальный характеръ, мы усматриваемъ, что писавшій ее ничего того не знаетъ, что въ разныхъ газетахъ сообщалось за достовѣрное. Три недѣли прошло со времени пожаровъ; комиссія, наряженная для слѣдствія и суда, работаетъ неутомимо, и *однакожъ оказывается, что до сихъ поръ ничего неизвѣстно о характерѣ пожаровъ*. Изъ вышеупомянутой статьи можно почти заключать, что не только политическихъ, но и ни какихъ поджоговъ не было. Сухая погода, множество деревянныхъ построекъ, составляющихъ характеристику русскихъ городовъ, склады дровъ, и при этомъ одна какая нибудь случайная искра,—вотъ и пожаръ. Въ этой статьѣ, правда, упоминается о возмутительныхъ прокламаціяхъ; но, повидимому, писавшій не находитъ никакихъ данныхъ для того, чтобы приводить ихъ въ связь съ пожарами. Объ этой связи говорится, какъ о догадкахъ взволнованной публики, а не какъ о дѣлѣ, которое приведено въ нѣкоторую ясность трудами слѣдственной коммисіи. Ни о зажигательныхъ снарядахъ, приготовленныхъ искусною рукою и наполняющихъ цѣлую камеру, ни о людяхъ съ какими нибудь тенденціями, уличенныхъ слѣдствіемъ, нѣтъ и помина въ этой статьѣ. Стало быть, всѣ извѣстія, которыя печатались въ газетахъ, а еще больше того ходили въ публикѣ, оказываются недостовѣрными, апокрифическими; въ противномъ случаѣ, было бы что нибудь сказано въ вышеупомянутой статьѣ, напечатанной для успокоенія общественнаго мнѣнія въ Европѣ.»

Къ объясненіямъ этимъ редакція приложила слѣдующія слова: «а все-таки было благоразумно не торопиться заключеніемъ».

Дѣйствительно, неблагоразумно! только надо было редакціи подумать объ этомъ, когда она помѣщала въ № 23 статью, изъ которой приведена наша первая выписка.

20.

Еще о пожарахъ.

Въ «Сѣверной пчелѣ», отъ 3 іюня, а также и въ другихъ газетахъ, сообщено было извѣстіе о сампсоніевской и введенской воскресныхъ школахъ, которое и мы перепечатываемъ въ нашей газетѣ для курьезу.

Дѣло въ томъ, что будто преподаватели этихъ школъ распространяли соціалистическія понятія о правѣ собственности и преподавали ученіе, направленное къ возмущенію противъ правительства, и что два работника, сперва посѣщавшихъ сампсоніевскую, а нынѣ посѣщающихъ введенскую школу, позволили себѣ въ артели возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переворотахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь весь Петербургъ и т. п. Къ этому извѣстію прибавлено, что «значеніе подобнаго факта не требуетъ комментарій.»

Во всемъ этомъ извѣстіи прежде всего поражаетъ какая-то страстная, лихорадочная торопливость приговора. То, что сказано о сущности ученія, могло быть только результатомъ самаго тщательнаго изслѣдованія, котораго еще вовсе не было произведено, да и по произведеніи котораго только люди, хорошо знакомые съ предметомъ, могли бы произнести судъ надъ образомъ мыслей, политическими и экономическими убѣжденіями людей, которые обвиняются въ извѣстіи; вообще мы не думаемъ, чтобы городовой или всякой другой полицейскій агентъ могъ рѣшить, къ какой категоріи воззрѣній принадлежитъ та или другая сказанная всякимъ простолюдиномъ фраза и съ помощію чего могли сформироваться въ немъ извѣстныя убѣжденія. Все это требуетъ весьма осторожнаго изслѣдованія. Оклеветать можно, но клеветнику послѣ бываетъ непріятно жить на свѣтѣ, потому что онъ долженъ чувствовать себя униженнымъ въ мнѣніи всѣхъ порядочныхъ людей. Кромѣ того, крайне безтактно сообщать и придавать столь важное значеніе факту, о сущности котораго нѣтъ еще и приблизительныхъ свѣдѣній.

няютъ всякую перемѣну жизни въ худшую сторону. Не у всякаго достанетъ столько ума, нравственнаго убѣжденія, силы характера и разносторонности способностей, чтобы найтись въ трудную минуту и не остаться безъ средствъ къ существованію. Если изъ тысячи банкротствъ, къ одному только закрадется настойчивое намѣреніе на черное дѣло, то сколько можетъ возникать не нормальныхъ и вредныхъ для общества явленій?

Мы не знаемъ, въ какомъ положеніи находилась торговля въ погорѣлыхъ торговыхъ скопищахъ, но насъ удивляетъ настойчивость, съ какой добивались пожара, если дѣйствительно, какъ говорятъ, въ день пожара и наканунѣ тушили подложенную паклю и огонь въ дровахъ на самомъ Щукиномъ дворѣ. Впрочемъ, мы скорѣе предполагаемъ, что злой умыселъ, если таковой былъ, могъ быть и съ другой стороны.

Извѣстно всѣмъ и каждому, что въ лавки толкучаго рынка и даже въ Щукинъ дворъ частенько попадали вещи краденыя. Если кто нибудь нуждался именно въ томъ, чтобы скрыть какіе нибудь темные слѣды своихъ дѣлъ, то у него желаніе зажечь именно этотъ дворъ, и даже ту лавку, которая могла его обличить и даже быть ему уголовнымъ приговоромъ, — могло быть очень настойчиво. Въ жизни современныхъ человѣческихъ обществъ бываютъ дѣла и почище предполагаемыхъ нами! Разверните исторію, если не вѣрите. Прежде соціалистовъ, и тамъ, гдѣ ихъ никогда нельзя и найти, — творятся и творились поражающія вещи!

Общественныя преступленія, исполняемыя систематически, всегда имѣютъ глубокую причину въ нѣдрахъ самаго же общества. Это такъ обыкновенно, что даже и не слѣдовало бы говорить, но мы не хотимъ опустить случая быть назидательными, имѣя передъ глазами какія-то старушечьи бредни и увлеченія «Сѣверной пчелы» въ пожарномъ вопросѣ. Въ послѣднія недѣли въ Ирландіи совершено было нѣсколько убійствъ землевладѣльцевъ, среди бѣлаго дня и безъ всякаго ограбленія или какой нибудь личной мести.

Такъ какъ эти убійства совершены были съ тщательно обдуманнымъ планомъ, то полиція не могла еще обнаружить виновныхъ; да впрочемъ, судя по тому, что о нихъ извѣстно, нельзя и ожидать, чтобы вообще карательные законы противъ убійцъ послужили къ прекращенію преступленій.

Убійства эти имѣютъ экономическую причину. Дѣло въ томъ, что въ Ирландіи, въ средѣ земледѣльцевъ, издавна существуетъ многочисленное и неразрушимое тайное общество, которое въ своемъ статутѣ имѣетъ статью, карать смертью всякаго землевладѣльца, который разгонитъ своихъ прежнихъ фермеровъ, изъ желанія возвысить плату за землю; также обрекаются на смерть и тѣ новые фермеры, которые возьмутъ оставленную прежними землю за возвышенную плату. Палачемъ избирается одинъ изъ членовъ общества, и исполняетъ казнь почти по обязанности. Если преступленіе открыто, то, конечно, онъ отвѣчаетъ за него по закону; но тѣмъ не менѣе онъ обязанъ передъ своимъ обществомъ, къ которому принадлежитъ и въ принципъ котораго вѣритъ,—исполнить возлагаемую на него миссію, и такимъ образомъ быть между двухъ огней, можетъ быть равносильно опасныхъ.

Мы привели это извѣстіе объ аграрныхъ убійствахъ въ Ирландіи для того, чтобы подкрѣпить нашу мысль, что преступленія иногда являются слѣдствіемъ экономическихъ и историческихъ причинъ. Къ этому прибавимъ, что въ парламентъ внесенъ и принятъ билль о мѣрахъ къ водворенію спокойствія въ Ирландіи.

21.

Вотъ другая недѣля кряду, какъ Петербургъ *горитъ* безостановочно, горитъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Толкучій рынокъ, Щукинъ и Апраксинъ дворы—сгорѣли до тла. Сгорѣло зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, безчисленное множество дровяныхъ сараевъ, горятъ Пески, сгорѣло много частныхъ домовъ и по настоящее время пожары не прекращаются. Пожарная команда выбилась окончательно изъ силъ; всѣ жители въ страхѣ и спѣшатъ застраховать свои имущества, которыя еще не сгорѣли, у каждаго дома ходитъ дозоръ, полиція озабочена; народъ смущенъ, погорѣлые въ отчаяніи; темные слухи не прекращаются, а каланчи то и дѣло выбрасываютъ новые и новые

шары... Что будетъ съ бѣднымъ рабочимъ классомъ безъ толкучки, щукина и апраксина дворовъ? Гдѣ онъ достанетъ себѣ дешевое платье и дешевый столъ? Что будетъ съ дороговизною петербургской жизни? Какъ предохранить Петербургъ отъ дальнѣйшихъ пожаровъ? Всѣ эти вопросы, въ настоящую минуту, смущаютъ каждаго петербургскаго жителя.

22.

Въ Силезской газетѣ пишутъ изъ Варшавы, отъ 7 сентября: «Въ прошлый четвертокъ въ Маріенштадтѣ (лежащей на Вислѣ низшей части Варшавы, населенной большей частію бѣднѣйшимъ классомъ народа и фабричными рабочими) были арестованы двое молодыхъ людей, у которыхъ нашли зажигательные шары и дощечки, подобныя тѣмъ, какія были найдены у поджигателей въ С. Петербургѣ. Съ ними были произведены опыты, изъ которыхъ оказалось, что шары зажигались отъ огня уже на извѣстномъ разстояніи, между тѣмъ, какъ пропитанныя дегтеподобной массой дощечки вспыхивали сами собою отъ простаго дѣйствія солнечнаго свѣта. Вчера происходилъ также домовый обыскъ на большой химической фабрикѣ Гиршманна и Кіевскаго на Солезѣ, въ части города, также лежашей на Вислѣ, обыскъ, который, какъ кажется, находится въ связи съ этой исторіей, ибо тамъ арестовали и отвели въ крѣпость одного молодаго поляка, готовившагося въ практическіе химики; сверхъ того, въ ту же ночь были арестованы еще семь другихъ молодыхъ людей.»

23.

По поводу пожара въ Міюзскомъ лѣсномъ ряду 24 мая.

Въ № 118 *Моск. вѣд.* напечатана замѣтка г. П. о недавнемъ пожарѣ въ Міюзскомъ лѣсномъ ряду, въ которой авторъ говоритъ, между прочимъ, объ участіи собравшагося народа въ тушеніи этого пожара. Намъ случилось быть свидѣтелемъ почти всѣхъ подробностей пожара, а потому насъ крайне удивило не то, что на приглашеніе полиціи — помочь лѣсъ вынести изъ лавокъ, изъ огромной толпы зрителей въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, едва ли нашлось два десятка охотниковъ, а слишкомъ наивный взглядъ г. П. на причину этого. Благородное негодованіе его на народъ, вѣроятно, обратилось бы въ другую сторону, еслибъ онъ взялъ на себя трудъ вникнуть въ причину такого равнодушія публики къ общественному бѣдствію. Извѣстно всѣмъ и каждому, что при всякомъ несчастномъ случаѣ, народъ, прежде прибытія полицейской власти, охотно и иногда съ опасностію жизни бросается помогать ближнему; но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что одно появленіе какого бы то ни было, а тѣмъ болѣе полицейскаго начальства, мгновенно парализируетъ помощь и участіе и заставляетъ толпы народа бѣжать во всѣ стороны отъ мѣста происшествія. Вѣдь нѣтъ дѣйствія безъ причины. На чемъ же нибудь да основанъ этотъ паническій страхъ? Въ настоящей замѣткѣ мы находимъ излишнимъ исчислять всѣ поводы указаннаго г. П. равнодушія народа — они и безъ того всякому хорошо извѣстны. Ограничимся лишь безпристрастнымъ изложеніемъ видѣнныхъ нами на пожарѣ подробностей, и тогда, мы увѣрены, г. П. не будетъ такъ голословно обвинять народъ въ нежеланіи помочь несчастію другихъ. Разумѣется, подъ словомъ народъ мы понимаемъ не господъ, пріѣхавшихъ на пожаръ въ лайковыхъ перчаткахъ, какъ на даровой спектакль; о ——

помощи не можетъ быть и рѣчи. Мы говоримъ о массѣ зрителей, принадлежащихъ къ такъ называемому простому народу.

При насъ, въ толпѣ зрителей, стоявшей по дорогѣ, идущей поперекъ лѣснаго ряда, размашисто подошелъ какой-то господинъ въ форменномъ платьѣ, и слѣдующимъ милымъ образомъ началъ *приглашать* публику къ помощи: «эй вы, такіе сякіе, пошолъ качать, а не то...!» Но увидавъ, что всѣ отъ него пятятся и наровятъ улизнуть, онъ, вѣроятно, въ видахъ общей пользы, принялъ болѣе энергическія мѣры. «Солдаты! закричалъ онъ, хватай ихъ, мошенниковъ!» За этимъ послѣдовалъ взрывъ извѣстныхъ непріятныхъ выраженій, любимыхъ, какъ оказывается, и не одними мужиками. Два или три солдата бросились ловить разбѣгавшихся зрителей. Тутъ произошло своего рода мамаево побоище. Солдаты буквально хватали за что и какъ попало всякаго встрѣчнаго (строго разбирая, надо отдать справедливость, лицъ, украшенныхъ кокардою или чѣмъ нибудь подобнымъ), надѣляли тумаками по чемъ пришлось, и въ послѣдній разъ, давши, для облегченія хода, ударъ кулакомъ по затылку, передавали такимъ образомъ наловленныхъ *охотниковъ* казакамъ, которые уже нагайкой препровождали ихъ къ мѣсту дѣйствія. Понятно, что такой образъ *приглашенія*, сопровождаемый, кромѣ ругательствъ, безнаказанными побоями, въ виду цѣлой толпы, отбивалъ у всякаго, кто бы и хотѣлъ помочь—охоту заявлять свое желаніе. Дальше, тотъ же господинъ, видя плохой успѣхъ *въ ловлѣ охотниковъ*, принялся дѣйствовать лично и, какъ увидимъ, не безуспѣшно. Осыпая всѣхъ градомъ самыхъ неприличныхъ ругательствъ, онъ схватилъ за шиворотъ, недалеко отъ насъ стоявшаго, по одеждѣ должно быть ремесленника или торговца, и закричалъ: «Развѣ ты не слышишь, что говорятъ — маршъ качать! а нето вздую!» Онъ трясъ несчастнаго мастероваго за воротникъ, напирая на него грудью. Наконецъ мастеровой не выдержалъ: «вы не имѣете права ни бить меня, ни дерзко обращаться со мной, сказалъ онъ, я пойду качать по доброй волѣ: принудить меня нельзя.»—Каналья, ты смѣешь грубить! закричалъ свирѣпый господинъ,—отвесть его въ часть! Завтра я съ тобой раздѣлаюсь! прибавилъ онъ съ угрожающимъ видомъ. Признаюсь, я не могъ вѣрить, чтобы, оскорбивши человѣка, за его даже черезъ чуръ мягкій отвѣтъ можно было засадить его въ часть! Но увы! горькая дѣйствительность показала мнѣ всю

тщету такихъ надеждъ: два солдата взяли бѣдняка подъ руки и повели по направленію къ Москвѣ....

Чего же ожидать послѣ этого отъ полицейскихъ служителей? И точно, дѣйствія ихъ постоятъ за себя. Небольшаго роста козакъ, съ офицерской шинелью на рукѣ, нѣсколько разъ вскакивалъ на груды бревенъ, гдѣ стоялъ народъ, съ налету хваталъ кого нибудь изъ бѣдно одѣтыхъ и, не смотря ни на что, спихивалъ внизъ, кт пожарнымъ, съ высоты $1^1/_2$ сажени, или тащилъ за шиворотъ по бревнамъ внизъ, нагайкой придавая храбрости трусливымъ.

Да, г. П., пожаръ былъ конченъ безъ участія публики, не смотря *на приглашеніе полиціи*. Это очень жаль. Но потрудитесь поставить себя на мѣсто мастероваго или рабочаго, которымъ распоряжаются какъ вещью, и скажите откровенно — пошли ли бы вы помогать? Вы ссылаетесь на иностранцевъ, говоря, что не такъ поступаютъ за границей. Кто же будетъ спорить объ этомъ—все это совершенно справедливо. Но если не такъ поступаетъ тамъ народъ на пожарахъ, то спросимъ мы г. П.: такъ ли тамъ обращаются съ нимъ, какъ у насъ? Попробуйте тамъ примѣнить нашъ способъ обращенія и посмотрите, чѣмъ вамъ отвѣтятъ...

Что разсказанное нами не преувеличено, доказательствомъ могутъ служить, между прочимъ, и слѣдующія слова одного очевидца послѣднихъ пожаровъ въ Петербургѣ (см. № 115-мъ *Спб. пч.*): «Я самъ только что видѣлъ, какъ какой-то офицеръ разругалъ и разбранилъ двухъ кадетъ, трудившихся на моихъ глазахъ, до изнеможенія силъ, надъ перевозкою цѣлыхъ дрожекъ, наполненныхъ дѣлами изъ горѣвшаго дома министерства внутреннихъ дѣлъ. «Дальше очевидецъ упоминаетъ», что тысячи молодыхъ людей совершенно готовы были броситься хоть въ самое опасное мѣсто и помогать при спасеніи имущества бѣдныхъ погорѣлыхъ, но не пускались помогать часовыми и стражею.»

Мы увѣрены, что всѣ указываемыя нами злоупотребленія совершаются безъ вѣдома начальства; и потому надѣемся, что слова наши не останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а обратятъ вниманіе *кого слѣдуетъ*, на этотъ, весьма важный предметъ. Мы надѣемся также, что всякій изъ очевидцевъ пожара 24 мая, не откажется подтвердить, какъ обращались къ публикѣ за помощью, и сообщить новые факты для разъясненія дѣла.

Наконецъ, мы убѣждены и въ томъ, что большая часть значительныхъ пожаровъ тушилась бы несравненно легче и скорѣе при добровольной помощи многочисленныхъ зрителей, еслибъ всякій могъ быть увѣренъ, что, помогая, онъ не подвергнется незаслуженнымъ оскорбленіямъ. Заключимъ нашу замѣтку словами самого г. П. «да, дѣйствительно надо, *чтобы каждый дѣлалъ* свое дѣло».

24.

Чѣмъ силенъ русскій расколъ.

1. Русскій расколъ силенъ *древне-земскимъ*, *народо-правнымъ устройствомъ*, *поголовнымъ братствомъ*, *круговой порукой*. Много писали и говорили москвичи, особенно, такъ называемые славянофилы, о русской земской общинѣ въ былую пору до Петра I, но никто изъ нихъ (земское устройство раскола разработывается г. *Щаповымъ*) не потрудился посмотрѣть порядкомъ на общину раскольническую, общину, современную съ древнимъ земскимъ характеромъ, а москвичамъ какъ легко было это сдѣлать! Стоило только мало-мальски познакомиться съ преображенскимъ и рогожскимъ кладбищами, да спросить у этихъ раскольническихъ митрополій, сколько каждая изъ нихъ имѣетъ подчиненныхъ себѣ общинъ, разсѣянныхъ внутри и внѣ Россіи, даже, по письмамъ г. *Мельникова*, до *Японіи*. Мы не станемъ пускаться въ ненужныя сравненія древней и новой земщины, а охарактеризуемъ послѣднюю, какъ она существуетъ въ настоящую пору. Прежде замѣтимъ, что нежеланіе раскольниковъ подчиняться «слугамъ антихриста» — гражданскимъ чиновникамъ, и заботливость удалять ихъ, не жалѣя никакихъ матеріальныхъ пожертвованій, отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ общинъ, въ силу *религіознаго принципа*, есть только личина, таинственная маска, подъ прикрытіемъ которой они отстаиваютъ гражданскую

свою свободу. А то, странное дѣло: раскольники ждутъ скораго конца міра, а продолжаютъ забирать въ свои руки капиталы и торговлю; имъ ничего не нужно въ этой *бренной* жизни, а они продолжаютъ наслаждаться *временными* ея прелестями, хлопочутъ обставить себя повыгоднѣе передъ правительствомъ; въ виду конца міра имъ слѣдовало бы, если не искать, такъ, по крайней мѣрѣ, не отдалять отъ себя религіозныхъ стѣсненій со стороны власти, а они заботятся и ждутъ религіозной свободы. Потомъ, раскольники, во имя ученія объ антихристѣ, протестовали противъ крѣпостнаго права, недовольны полиціею, солдатствомъ, паспортами, подушными окладами (*) и т. д. Нечего сказать, полезный жизненный протестъ, направленный прямо противъ того, что больше всего тяготитъ крестьянина, что нарушаетъ мирныя занятія его очага, что производитъ ущербъ его хозяйству. Нельзя сказать, чтобы раскольникъ взялся не за свое дѣло. Напрасно онъ не покорился участи православныхъ крестьянъ, чтобы стяжать себѣ отъ антихриста вѣнецъ мученическій и славу на небѣ; напрасно онъ не живетъ и въ пещерахъ, горахъ и вертепахъ, куда велятъ бѣжать «православнымъ христіанамъ» отъ «антихриста» раскольническіе цвѣтники, а пробирается къ «антихристовымъ слугамъ» поближе,—въ города и столицы; да притомъ непрочь, пожалуй, и устроиться на европейскій манеръ, хвастнуть своей цивилизаціей и поучиться уму-разуму въ нашей школѣ...

Теперь, самое устройство раскольническихъ общинъ. Первое и коренное условіе этого устройства—равенство членовъ, какого бы званія и состоянія они ни были: второе—выборное начало, во всемъ широкомъ его значеніи, и третье — одинаковое право голоса членовъ общины, во всѣхъ дѣлахъ, ея касающихся. И вотъ, раскольники, смотря по величинѣ общины, избираютъ изъ среды себя одного, двухъ, трехъ, четырехъ и пять, рѣдко больше, *попечителей* кладбища, богадѣльнаго дома или часовни, избираютъ чаще всего изъ людей богатыхъ, которые бы въ состояніи были, въ случаѣ недостатка на какое нибудь дѣло общественныхъ суммъ (а онѣ имѣются въ разномъ количествѣ, отъ сотень до милліоновъ во всякой общинѣ), поддержать общину собственными средствами, которые бы имѣли больше вліянія на общину,

(*) Раскольническіе, особенно странническіе цвѣтники.

пользовались почетомъ отъ православныхъ, и связями своими съ правительственными лицами защищали общину отъ невзгодъ со стороны власти. На попечителяхъ или старшинахъ лежитъ также обязанность созывать сходки (сборы) по общиннымъ дѣламъ, мирить распри, и вообще поддерживать внутреннее и внѣшнее процвѣтаніе общины. Затѣмъ, при общинѣ, особенно большой, имѣется *юристъ-повѣренный* по дѣламъ, спеціальность котораго составляютъ разъѣзды по городамъ и присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ производится какое нибудь дѣло, касающееся членовъ его общины. Иногда этихъ повѣренныхъ бываетъ два и три; одинъ живетъ въ которой нибудь изъ столицъ, а другіе два разъѣзжаютъ съ его программой по другимъ мѣстностямъ. Кромѣ того, если община велика и владѣетъ значительными матеріальными средствами, тогда она имѣетъ у себя *эконома* съ помощниками и *контору*, состоящую изъ нѣсколькихъ писцовъ, занимающихся, подъ руководствомъ эконома, веденіемъ экономическихъ отчетовъ, и подъ руководствомъ попечителей, корреспонденціею съ другими общинами, равными и подчиненными. Таково, напримѣръ, устройство рогожскаго кладбища; таково же было устройство выговской пустыни (*).

Для отправленія церковныхъ службъ, совершенія таинствъ и ближайшаго наблюденія за религіозно-нравственнымъ состояніемъ общины, безпоповцы избираютъ тоже изъ среды *наставника* или *большака* и *уставщика* или *уставщицу*, замѣняющихъ нашихъ дьячковъ, а за болѣзнію или отсутствіемъ наставника—и его.

При избраніи наблюдается, чтобы наставникъ и уставщикъ или уставщица были грамотные и строгой жизни. Они совершенно обезпечены въ средствахъ; община даетъ имъ жалованье, если они не богаты, а если богаты, то они сами не берутъ съ нея ничего. У поповцевъ чаще всего бываютъ заготовляемы архіереями попы заблаговременно, и принимаются въ данное мѣсто съ согласія всей общины. Принятіе бѣглыхъ православныхъ священниковъ, со времени учрежденія бѣлокриницкой митрополіи, встрѣчается рѣдко.

Всѣ упомянутыя нами должностныя лица, избираются раскольниками на неопредѣленное число лѣтъ, пока будутъ сохранять

(*) Исторія выговской пустыни Ив. Филип., изд. Кожанчикова.

вліяніе свое на общину и вести дѣла честно. Въ противномъ случаѣ, они, по приговору общины, лишаются должностей и замѣняются другими лицами, достойнѣйшими.

Дѣятельность раскольнической общины выражается въ поголовной сходкѣ. Ея цѣль—благоденствіе всѣхъ членовъ, составляющихъ ее. Дѣятельность нѣсколькихъ общинъ вмѣстѣ выражается въ «соборѣ» изъ нѣсколькихъ представителей отъ каждой.

Раскольническія общины устроены такъ, что въ каждой губерніи или, смотря по географическому положенію, въ нѣсколькихъ губерніяхъ вмѣстѣ, есть одинъ центральный пунктъ, откуда вліяніе раскола распространяется на всю окрестную мѣстность. Такой центральный пунктъ составляетъ община, большая по объему и богатая, сравнительно съ другими, по средствамъ, или имѣющая лучшаго наставника. Въ Нижегородской, напр., губерніи *городецкая* община (Балахнинскаго уѣзда)—центръ поповщины, Нижній Новгородъ—«оедосѣевщины» и «филипповщины»; въ Симбирской губерніи г. Сызрань центръ «оедосѣевщины», г. Корсунь—«спасова согласія», село *Кувакино* (Алатырскаго уѣзда)—«хлыстовщины» и т. д. Центральная община не всегда, впрочемъ, бываетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а переходитъ съ одного мѣста на другое, сообразно переходу изъ одной общины въ другую богатствъ, и пріобрѣтенію вліятельныхъ наставниковъ. Потомъ всѣ раскольническія общины объединяются: на сѣверѣ—въ поморскихъ скитахъ, на западѣ—въ рижской богадѣльнѣ, на югѣ—въ раскольническихъ посадахъ Черниговской губерніи, на востокѣ—въ горныхъ заводахъ, внутри Россіи—въ Москвѣ. При такомъ устройствѣ общинъ, частныя дѣла рѣшаются каждой изъ нихъ порознь, а дѣла, касающіяся нѣсколькихъ общинъ, на общемъ съѣздѣ ихъ представителей. Постановленіе наставниковъ утверждается или центральною общиною, или нѣсколькими сосѣдними; уставщики же утверждаются только своими общинами. Кромѣ того, на столичныхъ общинахъ лежитъ обязанность слѣдить за правительственными распоряженіями, имѣющими отношеніе къ расколу, и сейчасъ же давать знать по Россіи о всемъ важномъ. Дѣло это дѣлается обыкновенно такъ: московскіе или петербургскіе раскольники, находящіе нужнымъ извѣстить о новомъ какомъ нибудь правительственномъ распоряженіи своихъ собратовъ, посылаютъ нарочнаго въ сосѣднюю общину; посланный передаетъ порученіе и возвращается назадъ, а отсюда отправ-

ляется дальше, отсюда еще дальше и т. д. Поэтому, назначается, напримѣръ, солдатство,—о немъ знаютъ раскольники по всей Россіи до обнародованія манифеста, и даютъ возможность укрываться состоящимъ на очереди, или заблаговременно собираются съ средствами, для найма охотниковъ; посылается куда нибудь, для изслѣдованія раскола, секретно чиновникъ министерства, онъ разсчитываетъ застать раскольниковъ въ расплохъ, а они уже успѣли прибрать все важное до его пріѣзда.

Ненужно много задумываться надъ тѣмъ, чтобы оцѣнить значеніе раскольнической общины для русскаго простонародья. Взиманіе государственныхъ податей съ личности, при неравномѣрномъ распредѣленіи богатствъ, рекрутская повинность, вырывающая навсегда изъ общины нѣсколькихъ свѣжихъ работниковъ, придирки полицейскихъ чиновниковъ, при незнаніи крестьянами судейскаго порядка и т. д.,—все это вещи, довольно трудно выносимыя бѣднякомъ лично, и довольно легко—общиной. Въ общинѣ раскольнической богачъ платитъ подать за бѣднаго, община поднимаетъ разорившагося купца своимъ капиталомъ; община рѣдко даетъ изъ своихъ членовъ правительству солдатъ; община въ былую пору выкупала крѣпостныхъ крестьянъ, теперь помогаетъ временно-обязаннымъ крестьянамъ выкупать землю, подъ условіемъ обращенія ихъ въ расколъ; община укрываетъ у себя лицъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, и не выдаетъ ихъ послѣднему, или доставляетъ средства защищаться; словомъ сказать, община защищаетъ крестьянина отъ всего, стѣсняющаго его нравственное и матеріальное саморазвитіе; дѣло частнаго лица—есть дѣло общины; подъ прикрытіемъ общины крестьянинъ живетъ покойно и самоувѣренно... И раскольникъ весьма хорошо понимаетъ значеніе для себя общины. Онъ, если не особенно богатъ и нехорошо обставленъ, не пойдетъ ни на какую сдѣлку съ правительствомъ, напримѣръ, хоть и по дѣлу объ обращеніи въ единовѣріе, безъ согласія общины. А вотъ и плоды такого устройства раскольниковъ: у нихъ мало бѣдняковъ, и совсѣмъ нѣтъ нищихъ; они по мѣстамъ, напримѣръ, въ Черниговской губерніи, забрали въ свои руки торговлю и капиталы; между ними мало офиціальныхъ преступниковъ, напр., въ Симбирской губерніи, изъ 3,500 крестьянъ, преступниковъ-раскольниковъ оказалось только 15 человѣкъ; говорятъ, что дѣла по уставнымъ граматамъ идутъ гораздо лучше съ раскольниками,

привыкшими къ общинному самоуправленію, нежели съ православными, привыкшими жить за опекунствомъ правительства.

2) Расколъ силенъ допущеніемъ *свободы совѣсти*, дозволеніемъ своимъ послѣдователямъ имѣть собственное, хоть не хитрое, сужденіе о религіозныхъ предметахъ и имѣть живое участіе въ общинномъ и церковно-административномъ самоуправленіи. Слова нѣтъ, что свобода эта не безопасна, особенно для мало или односторонне-развитаго простолюдина; она можетъ приводить, какъ дѣйствительно и бываетъ, къ очень неправильнымъ, если угодно, къ уродливымъ взглядамъ на вещи, а это въ жизни церкви и общества очень важно. Но вѣдь, съ другой стороны, невозможно же человѣку, сознающему въ себѣ присутствіе мыслительной способности и не окончательно забытому, оставить въ себѣ свободное проявленіе этой способности; онъ не въ силахъ отказаться отъ права судить о предметахъ, среди которыхъ онъ вращается и которыми живетъ. И раскольникъ дѣйствительно проявляетъ свою мысль, заявляетъ свое слово. Онъ большею частію грамотенъ, онъ читаетъ обращающуюся между его собратами литературу, онъ судитъ и рядитъ о прочитанномъ, онъ самъ пишетъ по мѣрѣ возможности и способности. У раскольниковъ есть такъ называемыя бесѣды. Онѣ устроиваются обыкновенно въ зимніе вечера въ домѣ наставника, если онъ есть въ деревнѣ, или просто какого нибудь начетчика или начетчицы, пользующихся большею или меньшею популярностію, и замѣняютъ собою, особенно для пожилыхъ людей, народныя гулянья и шумные праздники. Здѣсь и неграмотный раскольникъ знакомится со всѣмъ замѣчательнымъ въ жизни раскола, и такимъ образомъ раскольническая мысль, выработанная передовыми двигателями общества, дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ старообрядцевъ, безъ различія пола и возраста. Вотъ почему раскольническая бесѣда такъ обаятельно дѣйствуетъ на православнаго простолюдина. Рѣдко бываетъ, чтобы послѣдній, разъ побывавши на бесѣдѣ, отказался присутствовать на ней чаще и чаще, замѣнить ею хожденіе въ православный храмъ и обратиться въ расколъ открыто. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ сильна въ народѣ потребность знать, во что онъ вѣруетъ, потребность направлять свою вѣру къ тому, чтобы она защищала его отъ притѣсненій, утѣшала въ бѣдствіяхъ и возвышала уровень нравственнаго его достоинства, потребность за-

являть свое участіе словомъ и дѣломъ въ церковной жизни, потребность вообще понимать, принимать и цѣнить *вѣру практическую*, такъ сказать, *житейскую*. Укажемъ только на два повсемѣстные факта. Во первыхъ, расколъ вновь возникаетъ и быстро развивается непремѣнно тамъ, гдѣ народъ довольно зажиточенъ, имѣетъ больше свободнаго времени для думы съ собою и пробуждаетъ въ себѣ сознаніе права личности. Поэтому, численность раскольниковъ изъ крестьянъ удѣльныхъ и казенныхъ несравненно больше, нежели изъ помѣщичьихъ; изъ послѣднихъ дѣлались раскольниками крестьяне вотчинъ богатыхъ и особенно тѣхъ, въ которыхъ не жили сами помѣщики, а оставляли управленіе ими кому нибудь изъ лучшихъ крѣпостныхъ своихъ людей. Такъ, въ Симбирской губерніи въ имѣніи (село Лава) г. Бутурлина распространенъ расколъ управляющимъ его, дворовымъ человѣкомъ Петромъ Шибановымъ и получилъ названіе «шибановщины»; то же было, селѣ Устерени, имѣніи г. Кроткова, и вообще въ Кирсанскомъ уѣздѣ расколъ поддерживается до сихъ-поръ управляющими и бурмистрами; можно указать еще на вотчины: графа Шереметьева, князей Юсуповыхъ и Шаховскаго, графа Дмитріева-Мамонова, гг. Глѣбова-Страшнева, Азанчеевыхъ и Наумовыхъ (въ Романовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи), графа Киселева (въ Углицкомъ уѣздѣ) и князя Голицына (въ Ярославскомъ уѣздѣ). Во вторыхъ, крестьяне бѣдныхъ, забитыхъ имѣній и единовѣрцы, ужъ если уклоняются отъ православія, такъ прямо бросаются въ какую нибудь мистическую секту: скопчество, хлыстовщину, духоборчество и т. д.; отсюда —большинство мистическихъ сектантовъ испоконь вѣку состояло изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые съ уклоненіемъ отъ православія нерѣдко соединяли неповиновеніе къ своимъ владѣльцамъ.... Къ сказанному прибавимъ, что въ расколѣ за крестьяниномъ закрѣпляется право голоса во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и церковныхъ; онъ даже не имѣетъ понятія о сословіи, которое отождествляется съ понятіемъ общество, согласіе, соборъ; ему дается полный просторъ въ сужденіяхъ, если онъ не дуракъ, безъ всякаго опасенія за разногласіе съ своимъ толкомъ отпасть отъ общей раскольнической семьи. Такъ раскольническіе толки ни полемизируютъ другъ съ другомъ изъ за частныхъ мнѣній, религіозныхъ или политическихъ, но, согласуясь въ общемъ на-

правленіи, они всегда соединяются и подаютъ другъ другу руку помощи при грозящей расколу опасности.

3) Расколъ силенъ *женщиною-раскольницею*. Это чуть-чуть задѣтая г. *Аристовымъ* (*) сторона раскола. Между тѣмъ, какъ на нее то по преимуществу нужно было обратить вниманіе въ виду недавнихъ, часто пустыхъ, впрочемъ, толковъ объ эмансипаціи женщины. Незавидно положеніе русской женщины и въ высшемъ кругу, а положеніе женщины купчихи, женщины крестьянки тяжело. У насъ еще въ свѣжей памяти картины русскаго самодурства г. Островскаго. Мы знаемъ, что жена крестьянина живетъ въ семьѣ подъ безусловнымъ деспотизмомъ мужа, свекра, свекрови и т. д. У насъ сложились поговорки, выражающія любовь мужа къ женѣ побоями: «люблю жену, какъ душу, а колочу, какъ грушу.» Не то мы видимъ въ расколѣ. Во первыхъ, раскольница держитъ въ рукахъ своихъ школу и образованіе молодаго поколѣнія; во вторыхъ, раскольница занимается фабрикаціею старообрядческихъ рукописей, и, кромѣ знакомства чрезъ это съ своей литературой, всегда можетъ достать себѣ хорошій и непремѣнный кусокъ хлѣба; въ третьихъ, раскольница, наравнѣ съ мужчиной, занимаетъ должность псаломщика при молельнѣ, а за неимѣніемъ или болѣзнію наставника, замѣняетъ и его; отправляетъ богослуженіе и собираетъ около себя всегда кружокъ слушателей и слушательницъ для чтенія и толкованія имъ «божественнаго писанія» и «душеспасительныхъ свято-отеческихъ книгъ». Все это даетъ совершенно независимое положеніе женщинѣ раскольницѣ. Ее отецъ никогда не станетъ принуждать выдти замужъ по своему, а не по ея выбору; если же она вышла, мужъ побоится тѣснить ее, потому что знаетъ, что она всегда можетъ оставить его и жить безбѣдно (число дѣвственницъ, не собирающихъ дѣвства, на которыхъ указываютъ, какъ на притокъ безнравственности въ расколѣ, теперь сокращается больше и больше во всѣхъ толкахъ, исключая странническаго, не допускающаго бракъ во имя соціальныхъ своихъ идей). Но замѣчательно, что сошедшіеся «по родительскому благословенію» раскольникъ и раскольница живутъ семьями не дурно и рѣдко допускаютъ разводъ. Вотъ этимъ то независимымъ положеніемъ и дорожитъ женщина; оно то и заставляетъ

(*) № 1, 1862 «Времени».

ее всѣми мѣрами поддерживать фанатизмъ раскола, и люди, знающіе дѣло, говорятъ, что если бы кто вздумалъ уговорить какую либо раскольническую общину обратиться въ единовѣріе и не обратилъ при этомъ вниманія на женщинъ, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Стоитъ обратить вниманіе также на то, что въ прежнее и настоящее время продолжаютъ основываться изъ православныхъ крестьянъ цѣлыя секты подъ руководствомъ какого нибудь шарлатана; такая секта найдена напримѣръ, въ 1853 г. въ Москвѣ. 2) Потомъ, мистическія секты, въ родѣ хлыстовщины, освобождающія женщину отъ всякихъ семейныхъ обязательствъ, всегда были съ преобладающимъ женскимъ элементомъ.

Теперь мы представили почти одни голые факты, а о выводахъ изъ нихъ надѣемся поговорить въ слѣдующей статьѣ.

25.

Вопли нашихъ крайнихъ клерикаловъ. «Нужно разъ убѣдиться въ той истинѣ, что если просвѣтительное вліяніе духовенства не являлось доселѣ въ столь полной мѣрѣ, какъ бы это желательно,—причиною тому частію стѣсненное положеніе народа и, главнымъ образомъ, стѣсненное положеніе, въ которое поставлено исторіею наше духовенство.

«Когда Петръ Первый издалъ указъ, запрещавшій монаху держать у себя въ келіи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобъ духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди: духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то *взаимное довѣріе*, какое было между паствой и пастырями. Духовенство

поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ *не безопасно*.

«Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель) и за отнятые *рубли* духовенство вознаграждено было *грошами*; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизировалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную,—духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ, что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни, тѣмъ менѣе, ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отселѣ властно оно, безъ всякой помѣхи пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности впрочемъ, что крыша и ограда навсегда *сохранятъ свое назначеніе* (*).

«Когда духовенство видитъ, что законодательство, сначала можетъ быть намѣренно, а за тѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностію проводитъ такое правило: «духовное лицо православнаго исповѣданія, за свое служеніе, не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньше, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, *но не православныя*, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ: къ какому заключенію должно приходить духовенство? Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, *намѣренно униженное*, на которое сама государственная власть смотритъ *съ презрѣніемъ*, и единственно за то, что оно *впрягъ другихъ* отдалось священнымъ началамъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

«Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ,—законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ обязанностію *обиднаго надзора*, и съ обя-

(*) «При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ *казармы* и другія *вовсе не церковныя зданія*». *Примѣч. Редакціи Твор. Св. Отц.*

занностію не менѣе *обиднаго содѣйствія*. Устроиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но, въ рядъ съ другими, ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдаютъ дѣтей, духовное лицо *принуждено таить* отъ правительства; ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однихъ этихъ причинъ, чтобъ сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть?» (*).

(*Извл. изъ Жур. Твор. Св. Отцевъ*).

26.

Храмъ Спасителя въ Москвѣ.—Вѣроятно, большинство нашихъ читателей знаетъ, что въ воспоминаніе 1812 года, строится въ Москвѣ храмъ Спасителя, что онъ прежде предполагался на Воробьевыхъ горахъ и что, какъ давно доказано, строить на пескѣ опасно и непрочно, то и храмъ перенесенъ на другое мѣсто. Входить въ подробности объ этомъ предметѣ будетъ излишне, потому-что это значило бы отбивать хлѣбъ у «Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній», гдѣ почти ежегодно помѣщается по двѣ статьи о храмѣ, о религіозной и высоко-патріотической цѣли его построенія. Да и едва ли кому такія разглагольствованія понравились бы; сомнѣ-

(*) Въ «Православномъ обозрѣніи» тоже заявлена сильно-клерикальная мысль, чтобы въ каждомъ благочиніи былъ устроенъ судъ изъ трехъ священниковъ. Судъ этотъ долженъ быть словесный и публичный. Вѣдѣнію его должны подлежать маловажные проступки членовъ причта. До сихъ поръ дѣло еще въ порядкѣ. Но вдругъ является претензія, чтобъ этому же церковному, исключительно кастовому судилищу подлежали *жалобы по общежитейскимъ дѣламъ* между мірянами и притомъ эта претензія, уже слишкомъ притязательная и не соотвѣтствующая духу времени. См. Прав. Обозр. № 6. Замѣтки стр. 44.

ваюсь даже, чтобъ и воспитанники военно-учебныхъ заведеній затверживали ихъ наизустъ. Современный человѣкъ, оставивъ пожалуй въ сторонѣ религіозность, поинтересуется скорѣе получить отвѣты на слѣдующіе вопросы: кѣмъ строится храмъ? Кто завѣдуетъ технической и искуственной частями постройки? На чьей отвѣтственности лежитъ расходованіе суммъ на эту постройку? Отчего дѣло подвигается такъ медленно впередъ и будетъ ли оно еще когда-нибудь окончено? Какія суммы и въ какомъ размѣрѣ тратятся на постройку?...

Отвѣтить на всѣ эти вопросы не такъ-то легко, не имѣя подъ рукою никакихъ печатныхъ, офиціальныхъ данныхъ. Мы постараемся, однако сообщить то, что намъ достовѣрно извѣстно объ этомъ предметѣ. Построеніемъ храма Спасителя завѣдуетъ особая коммисія подъ предсѣдательствомъ московскаго военнаго генералъ-губернатора; коммисія имѣетъ свою канцелярію, своего дѣлопроизводителя, писцовъ, однимъ-словомъ, какъ всякая другая коммисія, и по взгляду нашихъ доморощенныхъ экономистовъ, для государства было бы тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ дольше строился бы этотъ храмъ и чѣмъ дольше нѣсколько человѣкъ, служа въ коммисіи, пользовались бы безбѣднымъ существованіемъ. Но не всѣ согласны съ этимъ взглядомъ и скоро должно осуществиться предположеніе объ упраздненіи коммисіи и о передачѣ ея дѣлъ и занятій правленію IV округа путей сообщенія и публичныхъ зданій. Nul (n')est prophète dans son pays; а потому и мы отказываемся отъ всякихъ заключеній о томъ, на сколько подвинется впередъ дѣло отъ этой реформы и скорѣе ли теперь отстроится храмъ. Дешевле ли обойдется постройка и какъ велика будетъ экономія отъ упраздненія коммисіи. Будущее дастъ отвѣтъ на это; впрочемъ, если и дастъ, то едва ли намъ. Мы не имѣемъ никакого права разсчитывать на такую галантерейность, тѣмъ-болѣе, что до-сихъ-поръ, никто и нигдѣ не встрѣчалъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Видно, такъ и быть должно. Сообщеніе же этихъ свѣдѣній было бы весьма-полезно, хотя бы только для того, чтобы разсѣять тѣ вредные и часто лживые слухи о разныхъ коммисіяхъ, комитетахъ по хозяйственной части, которые распространены въ публикѣ и которые находятъ себѣ основаніе и пищу именно въ таинственности дѣлопроизводства. Все тайное не можетъ не возбудить нашего любопытства: ужъ такъ устроена натура человѣческая.

За примѣрами ходить недалеко. Въ какую то строительную коммисію, нѣкто, лѣтъ пять тому-назадъ, вошелъ съ предложеніемъ пріобрѣсть у него на выгодныхъ условіяхъ лабрадоръ; коммисія поручила разсмотрѣть это предложеніе одному изъ своихъ архитекторовъ, который нашелъ, что лабрадоръ не можетъ быть употребленъ ни на какія строительныя работы, не годится даже для внутреннихъ и наружныхъ украшеній зданія. Коммисія, всѣдствіе этого, отказала въ пріобрѣтеніи лабрадора. Прошло пять лѣтъ, и тотъ же архитекторъ входитъ въ коммисію съ отношеніемъ о необходимости пріобрѣсть огромное количество лабрадора; по тону отношенія видно было, что архитекторъ перемѣнилъ свое мнѣніе о камнѣ. Положимъ, такой случай былъ дѣйствительно; допустимъ даже, что онъ случился въ Москвѣ; развѣ нельзя его объяснить тѣмъ, что архитекторъ перемѣнилъ мнѣніе о лабрадорѣ, вслѣдствіе постояннаго изученія его, долгой опытности? Между-тѣмъ, нѣсколько лицъ, отъ которыхъ мы слышали этотъ разсказъ, упорно отстаивали, что архитекторъ съ-тѣхъ-поръ не видѣлъ лабрадора и видѣть его ему было негдѣ. Отчего же такая перемѣна мнѣнія?

27.

Слушай команду,—воль-но! и по данной командѣ солдаты оживлялись, начинали чихать, сморкаться и отплевываться: въ этомъ собственно и заключался смыслъ магическаго слова: вольно. Пишущій эти строки хотя принадлежитъ къ числу мирныхъ гражданъ, однакоже отчасти ознакомился съ военнымъ, прослуживъ цѣлый годъ въ ополченіи 1855—1856 года. Эта команда (которую мы всего легче заучили и всего чаще повторяли) нерѣдко вспоминается нами теперь, при либеральныхъ тенденціяхъ нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы хорошо и удобно, еслибъ можно было такъ командовать цѣлой странѣ или цѣлому

народу, и довести его до такой благовоспитанности: скомандуешь вольно! и онъ держитъ себя *вольно!* т. е. и чихнетъ и сморкнется, но въ мѣру, но въ извѣстныхъ границахъ; скомандуешь: *смирно!* и онъ опять, какъ вкопанный! Это должно придтись особенно по вкусу г. Чичерину; по крайней мѣрѣ, читая его сочиненія, можно подумать, что писалъ ихъ не ученый профессоръ, а батальонный командиръ. Въ самомъ дѣлѣ, военный міръ представляетъ уже готовые образцы того благоустроеннаго либерализма, къ которому сознательно и несознательно стремятся наши либералы всякаго ранга и званія. Видали ли вы, читатель, какъ фельдфебель учитъ солдатъ *развязнымъ* движеніямъ, какъ заставляетъ онъ ихъ махать свободно руками, но такъ, чтобы рука не выходила болѣе чѣмъ на четверть аршина впередъ и на столько же назадъ? слыхали ли вы—мы, по крайней мѣрѣ, присутствовали при преподаваніи такихъ уроковъ опытными офицерами крестьянамъ-ратникамъ,—слыхали ли вы, какъ, передъ смотромъ начальника, желая придать солдатамъ марсовскій видъ, офицеръ *внушаетъ* имъ: «смотри чертомъ!» «гляди звѣремъ, скотина, когда тебѣ говорятъ!» а потомъ, при прохожденіи начальника по линіи, раздаются грозныя шептанія въ такомъ родѣ: «провожай глазами начальника, смотри веселѣе, *мерзавецъ*, вотъ я тебя!...»

Можетъ быть, въ военномъ вѣдомствѣ оно такъ и нужно; такъ ему и быть слѣдуетъ. Вѣдь не даромъ же говорится, что дисциплина *душа* арміи. И хотя г. Чичеринъ хотѣлъ бы обзавестись такою *душою* и въ гражданскомъ мірѣ, однакожъ мы позволимъ себѣ не только не желать этого, но всѣми мѣрами возставать противъ такой душной души, противъ такого дисциплинарнаго отношенія къ жизни! Даже и въ военной службѣ, и тамъ начинаютъ приходить къ сознанію, что автоматическаго повиновенія недостаточно, что необходима была бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ собственная иниціатива солдата,—но, страннымъ образомъ, это сознаніе въ отношеніи къ народу и къ жизни, еще не вполнѣ овладѣло завѣдывающими дисциплиною гражданскаго вѣдомства.

Замѣчательные господа эти завѣдывающіе. Всѣ они одушевлены прекрасными замыслами, всѣ они люди благонамѣренные, но (странное это слово: *благонамѣренный;* никогда, нигдѣ, въ частномъ разговорѣ, не произносится оно безъ частички *но*, иногда высказываемой, иногда только подразумѣваемой),—но не

понимаютъ только одного, что никакіе ихъ проекты и регламенты, никакія усердныя предписанія не въ силахъ создать самодѣятельность общественную, или вызвать жизнь къ творчеству въ чуждомъ ей духѣ, по указанному ей образцу и мѣркѣ. Мы отчасти коснулись этой мысли въ передовой статьѣ 16-го №, но считаемъ полезнымъ развить ее еще болѣе и напоминать объ ней почаще, потому что правильное пониманіе предѣловъ дисциплинарнаго отношенія къ обществу и къ народу—есть существеннѣйшее условіе нашего успѣшнаго развитія, немертвенности нашего бытія. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ распространяться здѣсь неумѣстно, общество до такой степени отвыкло или отучено отъ собственныхъ возбужденій, отъ самостоятельной дѣятельности или иниціативы, что во всякомъ общественномъ дѣлѣ, ждетъ или ждало, если не приказаній, то указаній начальства. Начальство, съ своей стороны, «слыша молчаніе» (по извѣстному выраженію полиціймейстера) и уступая призыву, а отчасти и увлекаясь пассивностью общества, налагало на себя бремена неудобоносимыя и старалось, со всѣмъ усердіемъ, замѣнить дѣятельность жизни, заступить роль самаго организма. Отъ того и выходило, что начальство дѣлало себя солидарнымъ, или, иначе сказать, отвѣтственнымъ за каждое проявленіе жизни, за каждое движеніе и слово каждой единицы шестидесяти милліоннаго населенія Россійской имперіи. Задача не легкая!

Въ настоящее время, хотя и скомандовано: вольно! но вѣдь это вольно только чиханьемъ и сморканьемъ и ограничивается.

Мы сами, или лучше сказать, общество до того проникліись этимъ принципомъ дисциплинарности, что даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правительство предоставило ему свободу дѣйствія, общество, по старой привычкѣ, точно также, по начальнически, готово отнестись къ жизни остальнаго народа или даже къ собственной своей жизни, и въ концѣ концовъ все-таки прибѣгаетъ къ содѣйствію власти! Другой силы мы еще не знаемъ, а между тѣмъ съ нетерпѣливостью благонамѣреннаго деспотизма, рвемся устроить то или другое,—и согласно идеямъ вѣка, преимущественно въ либеральномъ духѣ!

Въ либеральномъ духѣ! Конечно, отпущенная по казенной мѣркѣ, сочиненная нами и заштемпелеванная свобода, можетъ быть очень хорошею вещью, которою почему жъ и не щеголь-

туть предъ Европою, но она, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣла бы тотъ же недостатокъ, который имѣлъ проектъ религіи для инородцевъ, сочиненный когда-то однимъ начальникомъ отдаленнаго края и представленный имъ на утвержденіе власти! Недоставало бездѣлицы: вѣры убѣжденія, дѣйствія и бездѣйствія самобытнаго духа; однимъ словомъ, тѣхъ условій жизненности, внѣ которыхъ, что ни сочиняй, что ни придумывай, что ни пиши, останется словобряцаніемъ, мертвою буквой или бумагой! Мы забываемъ тѣ примѣры, которые до сихъ поръ живутъ предъ нашими глазами: Императрица Екатерина допустила, напримѣръ, выборное начало въ весьма широкомъ размѣрѣ (между тѣмъ, это требованіе предъявляется теперь, какъ что то новое) и даже посадила представителей отъ «мужиковъ», мужиковъ же, на ряду и вмѣстѣ съ дворянами въ уѣздный судъ, подъ именемъ сельскихъ засѣдателей. Что же вышло? Кому неизвѣстно, что крестьяне смотрятъ на эту привилегію, какъ на повинность, что пользоваться этимъ преимуществомъ заставляютъ ихъ силою и подъ страхомъ наказанія, и что сельскіе засѣдатели, обязанные засѣдать, нерѣдко вмѣстѣ съ потомками Рюрика, принимать участіе въ судѣ, совершающемся по «установленному властью, имъ чуждому порядку, по *регламенту* Петра I-го, вдохновленному нѣмецкими, шведскими и голландскими законами,—ограничиваютъ свое участіе подметеніемъ комнатъ, исправленіемъ должности сторожей и разсыльныхъ!

А между тѣмъ, что́ можетъ быть либеральнѣе этой мѣры. Укажите намъ страну, гдѣ бы либерализмъ достигалъ такихъ размѣровъ. Даже въ Англіи, въ этой свободной Англіи, даже и тамъ крестьянинъ мужикъ не возсѣдаетъ вмѣстѣ за судейскимъ столомъ съ лордами, князьями и графами, потомками аристократическихъ фамилій! Казалось бы и умно придумано и благонамѣренно приказано,—а на дѣлѣ выходитъ все ложь, да ложь! Въ томъ то и дѣло, что все это извнѣ придумано и извнѣ приказано; приказаніе можетъ быть исполнено аккуратно, но исполненіе будетъ только наружное, внѣшнее; оно будетъ лишено того духа жизни, безъ котораго все будетъ мертво и безплодно, какъ безъ тепла влаги и свѣта вянетъ и блекнетъ всякое растеніе.

Что можетъ быть, напримѣръ, естественнѣе и разумнѣе убѣжденія, что обращеніе раскольниковъ къ истинной церкви требуетъ дѣятельности миссіонерской. Но когда для осуществленія

вашей мысли, ее необходимо провести по всѣмъ мытарствамъ и заключить въ одежду канцелярскаго слова, занумеровать номерами выходящей и исходящей бумаги; когда миссіонеры будутъ причисляться къ извѣстному классу для чина, къ извѣстному разряду для пенсій, однимъ словомъ будетъ созданъ штатъ апостоловъ, состоящихъ по особымъ порученіямъ при начальствѣ, вы убѣдитесь въ томъ, что все живое улетучилось въ учрежденіе, и остался только регламентъ, ненужный и безполезный. Святое дѣло образованія! Кому, какъ не сельскимъ пастырямъ, заниматься воспитаніемъ народнымъ. Но предпишите о томъ указомъ, и для контроля потребуйте ежемѣсячныхъ донесеній о ходѣ образованія и о числѣ грамотныхъ,—и вы получите школы только на бумагѣ, и въ числѣ вновь обученныхъ учениковъ— всѣхъ грамотныхъ стариковъ округа, включенныхъ туда же въ списокъ: что же дѣлать? средствъ не даютъ, священникъ въ иныхъ мѣстахъ помѣщается вмѣстѣ съ лошадьми и коровами, ему некогда,—но велѣно донести объ исполненіи, о заведеніи школы, о числѣ грамотныхъ!

Такимъ образомъ всякая ваша благонамѣренность разбивается какъ камень объ инерцію, бездѣятельность самой жизни народной; но мы еще не угомонились. Вмѣсто того, чтобъ подумать какимъ образомъ вызвать эту жизнь къ самостоятельной дѣятельности, или дождаться, чтобъ она пробудилась сама, благодаря тому дѣлу, которое, при всѣхъ своихъ важныхъ недостаткахъ, явилось величайшимъ двигателемъ народнаго духа (т. е. освобожденіе крестьянъ),—мы продолжаемъ мечтать о деспотически-благонамѣренныхъ предпріятіяхъ въ разныхъ отрасляхъ нашего общественнаго быта! Неужели мы еще не извѣрились!

Направленію, котораго «День» служитъ органомъ, нерѣдко ставятъ въ упрекъ, что оно, относясь критически къ существующему, не предлагаетъ никакихъ опредѣлительныхъ практическихъ разрѣшеній, и въ отношеніи къ жизни положительной, держится болѣе въ сферѣ отвлеченныхъ началъ. То-ли дѣло другія школы! Только попроси: сейчасъ и проектецъ готовъ! по части-ли судопроизводства, администраціи, торговли, просвѣщенія, или какого тамъ ни на есть духовнаго развитія, въ какую угодно сторону; по части-ли либеральной, что угодно! только стоитъ подписать предписать указомъ, и дѣло въ шляпѣ!

Дѣйствительно, мы въ этомъ отношеніи не можемъ удовлетво-

рять нетерпѣніе нашей публики. Мы убѣждены, что главная задача нашего поколѣнія есть возведеніе въ предметъ сознанія (критики) существующей дѣйствительности и положительныхъ, духовныхъ и нравственныхъ началъ нашей народности: сознаніе само переведетъ ихъ въ жизнь и воплотитъ въ дѣло, но какъ именно, этого формулировать мы не умѣемъ и за то, что принадлежитъ или самому народу, въ его цѣльности, еще до сихъ поръ нами не обрѣтенной, или самой жизни, и ея органической производительности, за такое дѣло мы не беремся. Мы думаемъ, что въ настоящую эпоху слѣдуетъ какъ можно болѣе воздержаться отъ всякихъ положительныхъ созданій, даже и тѣмъ, кто имѣетъ на то возможность и право. Съ одной стороны почва, поколебленная освобожденіемъ крестьянъ, еще до сихъ поръ волнуется и трясется, такъ что построенное теперь пришлось бы перестроивать черезъ три или два года; съ другой стороны, такія положительныя созданія, при отсутствіи внутренней дѣятельности и цѣльности общественнаго организма, потребовали бы дисциплины, вредъ и безплодность которой мы уже достаточно доказали.

Намъ нужно прежде и больше всего устраненіе тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ развитію нашей внутренней неполитической (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) свободы, свободы бытовой, свободы жизни и духа,—и въ этомъ отношеніи предстоитъ обширная дѣятельность нашему правительству, дѣятельность мѣръ облегчающихъ, отрицательныхъ, палліативныхъ, дѣятельность великая и благая. Между этими мѣрами, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ уничтоженію всякихъ стѣсненій человѣческой мысли и слова! Мы уже говорили объ этомъ не разъ, но заявляемъ снова; мы считаемъ это такою настоятельною необходимостью, что неудовлетворенію этой общественной потребности, по нашему убѣжденію, суждено парализировать всякую благую мѣру, всякое полезное начинаніе.

29.

Годъ и семь мѣсяцевъ въ военной службѣ или мелочь изъ воспоминанія прошлаго.

Я хочу разсказать быль, одну изъ мелочей человѣческой жизни. Если разсказъ окажется безцвѣтнымъ, то читатель да не осудитъ, потому что быль взята изъ дѣйствительной жизни, которая у большей части людей совершается безцвѣтно. И безъ меня много писателей, мастеровъ живописать типы человѣчества. Указываю для примѣра на «Подводный камень», гдѣ рафинація доводитъ чувство пламенной любви до такой яркости цвѣта, что читатель съ слабымъ зрѣніемъ, не замѣчаетъ въ массѣ свѣта никакого чувства. И «Женская доля», гдѣ картины смѣняются картинами, одна другой ярче, одна другой оживленнѣе; гдѣ нѣкоторыя лица повѣсти движутся на ходуляхъ и умираютъ именно въ тотъ самый моментъ, когда имъ не остается ничего болѣе какъ слезть съ ходуль и начать жить обыкновенными смертными. Въ жизни же человѣческой, подъ тѣмъ угломъ взгляда, какъ знаю я, рѣдко подымаются гиганты случаи, какъ девятый валъ въ морѣ: жизнь лѣпится изъ незначительныхъ происшествій, встрѣчъ, сближеній и размолвокъ, мелкихъ радостей и мелкихъ скорбей; словомъ сказать, человѣческая жизнь есть рядъ мелочей. Предлагаемый въ этомъ разсказѣ годъ и семь мѣсяцевъ въ военной службѣ есть малый участокъ пути мелкой жизни, почему и самый разсказъ, какъ часть своего цѣлаго, есть тоже мелочь.

Въ 1854 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ, въ одной изъ маленькихъ квартирокъ-комнатокъ, какія обыкновенно отдаются отъ хозяекъ, находились двое молодыхъ людей. На полу лежалъ сакъ-вояжъ, уже наполненный дорожными пожитками и замкнутый висячимъ замочкомъ. Молодые люди готовились разстаться: одинъ отправлялся въ Петербургъ, другой оставался въ Москвѣ.

«Ты пиши, сказалъ тотъ молодой человѣкъ, который оставался въ Москвѣ.

— О всемъ буду писать подробно, отвѣчалъ уѣзжавшій молодой человѣкъ.

Эти письма уѣзжавшаго въ 1854 году въ Петербургъ молодаго человѣка и составили сюжетъ настоящей повѣсти. Повѣсть начинается тамъ, гдѣ начались письма, и оканчивается тамъ, гдѣ оканчиваются они; почему въ предлагаемомъ разсказѣ не можетъ быть округленной законченности, какую можно требовать отъ вымышленной повѣсти. Мой трудъ состоялъ въ приведеніи въ порядокъ пука писемъ, съ дополненіями, необходимыми для объясненія обстоятельствъ, при какихъ писались эти письма.

—

Въ обществѣ, въ гостинной, обыкновенно знакомства дѣлаются слѣдующимъ образомъ: хозяинъ дома, представляя двоихъ изъ своихъ гостей другъ другу, называетъ имена и фамиліи ихъ и знакомство считается заключеннымъ. Что за человѣкъ тотъ, котораго тебѣ рекомендовали, смотри уже самъ, такъ сдѣлаю и я, и не буду описывать ни образа воспитанія, ни жизни у домашняго очага моего героя. Одинъ изъ критиковъ г. Тургенева, его произведенія «Отцы и дѣти», претендуетъ, зачѣмъ авторъ не разсказалъ какъ воспитывали Базарова, Пукшину и прочую братію повѣсти, ставитъ это въ недостатокъ и обвиняетъ автора въ неполнотѣ разсказа. Дѣйствительно, въ отношеніи условій вымышленной повѣсти и любопытства читателя, пересказать какъ кого воспитывали и что ощущалъ и чувствовалъ въ то время воспитываемый,—есть большое опущеніе. Но если взять въ соображеніе, что воспитатели почти никогда не достигаютъ желанной цѣли, а воспитанные сами не знаютъ почему въ нихъ явились тѣ или другія наклонности, то обойти молчаніемъ подробности воспитанія моего героя, я почту себѣ заслугою. Я хочу только разсказать что́ было и такъ, какъ было дѣйствительно, и вымысломъ не хочу увеличивать кучу умозрительныхъ теорій воспитанія.

Какъ хозяинъ моего разсказа, я познакомлю читателя съ моимъ героемъ, то есть съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который отправлялся въ Петербургъ: называю я его Николаемъ Павловичемъ; въ его карманѣ находятся слѣдующіе документы о правахъ гражданскаго состоянія: метрическое свидѣтельство удостовѣряетъ, что обладатель его родился въ 1831 году въ См...ой

*

губерніи и крещенъ по обряду православія священникомъ села Юренева; свидѣтельство изъ С. дворянскаго депутатскаго собранія утверждаетъ за Николаемъ Павловичемъ дворянское достоинство; аттестатъ изъ московскаго университета присвояетъ ему званіе дѣйствительнаго студента правъ; въ карманѣ Николая Павловича было еще свидѣтельство уѣзднаго врача Филиппова о годности къ военной службѣ. Понятно, кажется, зачѣмъ въ 1854 году молодой человѣкъ съ такимъ запасомъ свидѣтельствъ ѣхалъ въ Петербургъ.

Первое письмо Николая Павловича изъ Петербурга, къ своему московскому пріятелю, увѣдомляло между прочимъ о слѣдующемъ: «по моему опредѣленію на службу встрѣтилось препятствіе въ недостаткѣ къ моимъ документамъ удостовѣренія о хорошемъ поведеніи. Сперва меня это извѣстіе очень встревожило, въ предположеніи задержки моего опредѣленія. Я полагалъ, что придется выхлопатывать такое удостовѣреніе изъ университета или отъ нашего уѣзднаго предводителя. Но представь себѣ мое удивленіе, когда въ дивизіонномъ штабѣ мнѣ объявили, что свидѣтельство о моемъ благонравіи должно быть выдано отъ Петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Я обратился въ канцелярію оберъ-полиціймейстера, гдѣ одинъ чиновникъ очень обязательно взялся за два рубля спроворить свидѣтельство о благонравіи въ одинъ день, онъ исполнилъ свое слово, а я заплатилъ ему два рубля. Это свидѣтельство удовлетворило дивизіонный штабъ, да и я остался доволенъ, только подивился какъ это дивизіонный штабъ обманываетъ самъ себя, въ службу принимая будто бы нравственнаго человѣка, по свидѣтельству оберъ-полиціймейстера, который, незная человѣка и невидавъ его даже, аттестуетъ нравственнымъ. Мнѣ хотѣлось знать: не подлежитъ ли отвѣтственности оберъ-полиціймейстеръ въ случаѣ, когда аттестація его не оправдается? Нисколько—отвѣчали мнѣ. Это свидѣтельство только для соблюденія формы прикладывается къ документамъ. Еще что немало удивило меня: въ дивизіонномъ штабѣ съ меня взяли росписку, что я не принадлежу къ массонской ложѣ. Когда же я спросилъ: развѣ въ Россіи еще существуетъ массонская ложа? то мнѣ отвѣчали: это нужно только для формы. Зачѣмъ же нужна форма, неимѣющая въ наше время никакого смысла!!—Еще о формѣ: ради ея я испортилъ листъ гербовой бумаги; я самъ написалъ прошеніе объ опредѣленіи на службу, коротко сказавъ,

что, желая поступить въ военную службу, прошу зачислить меня въ такой то полкъ; о моемъ званіи присемъ прилагаю документы такіе то. Но въ штабѣ забраковали и объявили, что не по формѣ написано. Нечего было дѣлать, поручилъ штабному писарю написать новое прошеніе по формѣ. Господи! чего только онъ не написалъ мнѣ въ прошеніи! И ревностнѣйшее желаніе, и ряды храбрыхъ защитниковъ престола, и чувство, движимое долгомъ къ отечеству! Вчера подалъ это прошеніе дивизіонному генералу М.; можетъ быть, онъ и посмѣется надъ краснорѣчивымъ изліяніемъ чувствъ въ прошеніи.

8 Іюля меня зачислили приказомъ въ Г. Ф. К. полкъ унтеръ-офицеромъ, съ обязательствомъ прослужить три мѣсяца за рядоваго, и послали въ запасный баталіонъ этого полка, который находится въ лагерѣ подъ Краснымъ селомъ. Теперь я солдатъ по всей формѣ и состою въ ротѣ штабсъ-капитана Тряпкина, который сперва сдѣлалъ довольно благопріятное впечатлѣніе на меня; но болѣе близкое знакомство съ нимъ разочаровало меня. Одинъ разъ послѣ ученья Тряпкинъ пригласилъ меня къ себѣ. Бесѣдою своею онъ, кажется, имѣлъ въ виду познакомить меня съ обязанностями воина и весь вечеръ озадачивалъ меня вопросами слѣдующаго рода: долженъ ли часовой отдать ружье своему начальнику по его приказанію? А если приказывающій есть Государь Императоръ? Долженъ ли солдатъ снимать фуражку предъ младшимъ начальникомъ въ присутствіи старшаго начальника? Какъ слѣдуетъ являться на ординарцы Государю? и т. п. Тряпкинъ усердно хохоталъ, когда я затруднялся въ отвѣтахъ; особливо развеселилъ его мой отвѣтъ на вопросъ, что должны дѣлать солдаты, когда во время маршировки на пути встрѣтится стѣна или домъ, а команды остановиться не послѣдуетъ? Я отвѣчалъ, что ничего не остается какъ остановиться самимъ; но оказалось, что въ такомъ случаѣ солдаты должны маршировать на мѣстѣ, не двигаясь съ мѣста.

— Эй, Никитинъ!—закричалъ развеселившійся Тряпкинъ своему деньщику.—Подайка намъ *убить муху, да разыграй по трубохлястину*.

Я съ любопытствомъ ожидалъ исполненія приказанія; оказалось, что убить муху означало выпить водки, а разыграть трубохляститу—раскурить трубку.

Съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ ушелъ я отъ Тряпкина.

Я помѣщался въ палаткѣ фельдфебеля и когда я вошелъ въ нее, фельдфебель и каптенармусъ ужинали. Они предложили мнѣ принять участіе въ ихъ ужинѣ, во время котораго разсказали про Тряпкина слѣдующаго рода продѣлки по управленію ротою. Тряпкинъ изъ своихъ старыхъ сюртуковъ перешиваетъ солдатскія фуражки; его деньщикъ обязанъ заниматься этою работою. Фуражки Тряпкинъ продаетъ солдатамъ по четвертаку и болѣе. Солдату нѣтъ возможности отдѣлаться отъ покупки, потому что Тряпкинъ самолично раздаетъ фуражки, а при полученіи жалованья, вычитаетъ въ свою пользу за проданныя фуражки. Не забудь то, что солдатъ всего годоваго жалованья получаетъ 2 р. 70 к.

Тряпкинъ большой охотникъ саморучно драться съ солдатами; при чемъ имъ соблюдается весьма забавное правило: онъ не иначе бьетъ солдата, какъ предварительно надѣвъ перчатки, говоря солдату, съ которымъ расправляется: «о твою гадкую рожу руки только замараешь.»—Не думаю, чтобы подъ Севастополемъ солдаты охотно пошли въ сраженіе за такимъ командиромъ.

—

Насъ всѣхъ юнкеровъ г. корпуса велѣно собрать въ одну команду при образцовомъ пѣхотномъ полку; теперь я въ Царскомъ селѣ. Пока еще команда не устроилась, я живу совершеннымъ отшельникомъ; въ моемъ распоряженіи цѣлая казарма пустая. Единственное лицо, оживляющее мое обширное помѣщеніе, есть солдатъ нестроевой роты, сапожникъ, очень веселый малый, постоянно поющій пѣсни. Между пѣснями сапожника мнѣ по преимуществу нравится слѣдующая:

Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Съ своей родины ушелъ;
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Сидитъ воронъ на дубу;
Кричитъ воронъ про войну;
Пропадать тебѣ, мальчишка,
Въ чужой дальней сторонѣ.

И знаешь ли, почему мнѣ нравится эта довольно нескладная пѣсня. Нѣсколько разъ я плакалъ, слушая изъ моей коморки пѣніе сапожникомъ этой пѣсни; я прикладывалъ эту пѣсню къ

моему новому положенію, и Богъ знаетъ, какъ бы на самомъ дѣлѣ не пропасть гдѣ нибудь на походѣ. Часто является раскаянье, зачѣмъ пошелъ я въ военную службу? во многомъ она обманула мои ожиданія. Одинъ разъ я высказался полковнику Чернавскому, завѣдующему нашею командою; но онъ въ утѣшеніе мнѣ привелъ весьма грустныя истины, относительно состоянія солдата и всякаго посвятившаго себя военному званію:

«Солдатъ есть необходимая жертва, которую дѣлаетъ государство частію своего населенія, въ видахъ защиты всей массы населенія».

«Солдатъ есть слѣпое орудіе, ножъ, топоръ, которымъ располагаетъ воля начальника совершенно безотчетно для солдата».

«Государство уподобляется организму человѣка: солдатъ есть кисть руки, сжатая въ кулакъ, для того, чтобы ударить при первой необходимости...»

Мнѣ кажется, что эти три понятія о назначеніи солдата, вынесенныя, можетъ быть, со школьной лавки военно-учебнаго заведенія,—не имѣютъ характера общей истины, а есть принадлежность только исключительнаго взгляда. Во-первыхъ, жертва, которую приноситъ солдатъ своею службою, не должна превосходить, въ лишеніяхъ личныхъ интересовъ, службы всякаго другаго чиновника, неразрывающей окончательно связи этого послѣдняго съ его семействомъ и общиною. Во-вторыхъ, дисциплина не должна простирать своей строгости до уничтоженія человѣческой личности въ солдатѣ. Въ-третьихъ, сравненіе государства съ человѣческимъ организмомъ не имѣетъ смысла. Въ человѣческомъ организмѣ, ни одинъ органъ не приносится въ жертву для другаго, ни одинъ органъ не лишается питанія для того, чтобы питались прочіе. Въ государствѣ же солдатъ есть дѣйствительно жертва: въ самую цвѣтущую пору юности крестьянина отрываютъ отъ семьи; многіе изъ рекрутовъ оставляютъ въ деревнѣ молодую жену, которая по большей части дѣлается безнравственною женщиною въ отсутствіе мужа; кто не знаетъ, что въ деревняхъ званіе солдатки даетъ женщинѣ преимущество жить ужъ черезъ чуръ свободно, не подвергаясь нарѣканію. Для самого рекрута, оторваннаго отъ молодой жены въ полномъ цвѣтѣ силъ, представляется обширное поле къ распутству. Повѣрьте опытомъ дѣйствительности: во всѣхъ городкахъ и мѣстечкахъ, гдѣ постоянно квартируютъ полки, нахо-

дится множество женщинъ до безобразія вольнаго поведенія, женщинъ такъ сказать присяжныхъ полку и обыкновенныхъ подругъ горемычной отрады солдата, послѣ дурмана сивухи, выпитой на гроши, добытые съ большимъ трудомъ, а если и легко, то путемъ не честнымъ. Итакъ, жертва, которую приноситъ государство въ отношеніи своего населенія, касается не одной только личности рекрута, но и его жены и женщинъ тѣхъ мѣстностей, которыя составляютъ полковыя и ротныя стоянки. Солдатъ приносится въ жертву не только по отношенію того, что его физическая жизнь всегда можетъ подвергнуться опасности; кромѣ того, онъ по большой части умираетъ нравственно. Былъ ли бы онъ живъ нравственно, когда бы остался мужикомъ? Правда, и въ мужицкомъ состояніи человѣкъ недалеко уходитъ въ нравственномъ развитіи; но мужикъ есть семьянинъ, хозяинъ и несетъ многія естественныя обязанности, пользуется гражданскими правами. Солдатъ же во многомъ приравнивается человѣку, умершему политически; личность его поглощается опекою ротнаго командира до безправности солдату самолично получить съ почты рубль денегъ, присланный ему изъ деревни. Дисциплина ставитъ солдата въ необходимость, въ случаѣ несправедливости ротнаго командира, жаловаться самому этому ротному командиру; только два раза въ годъ солдатъ можетъ объявлять претензію на ближайшаго начальника. Но и этимъ правомъ солдатъ можетъ пользоваться не безъ опасности подвергнуться мщенію ближайшаго начальника. Солдатъ знаетъ, что крестьянскія и мѣщанскія общества изъ своей среды отдаютъ въ рекруты за дурное поведеніе; за нѣкоторые безнравственные поступки офицеръ разжаловывается въ солдаты. Понятно, что самолюбіе солдата не должно страдать, когда офицера за неискуство командовать, частію и за нерадѣніе о ней, разжаловываютъ въ солдаты: кто не умѣетъ повелѣвать, тотъ заслуживаетъ званіе, обязанность котораго есть одно только повиновеніе. Но какъ долженъ солдатъ понимать, когда офицеръ за пьянство и убійство разжаловывается въ солдаты какъ за поступки неприличные? Значитъ, пьянство и убійство, неприличныя офицеру, совершенно законно приличествуютъ солдату. Вѣдь небывалое дѣло, чтобы чиновникъ за проказы изъ титулярнаго совѣтника разжаловался бы въ коллежскіе регистраторы, или офицеръ изъ штабсъ-капитановъ въ поручики; но весьма обык-

новенно лишеніе всѣхъ чиновъ и правъ гражданскаго состоянія. Если же за проступки разжалуютъ въ солдаты, то значитъ, что званіе солдата не понимается какъ чинъ, а какъ званіе, лишенное гражданскихъ правъ.

Долгій срокъ службы, вытягивая изъ солдата физическія силы и пріучая его къ праздным занятіямъ, каково есть фронтовое ученье — дѣлаетъ его впослѣдствіи неспособнымъ къ труду, которымъ прокармливается его семейство въ деревнѣ; изъ службы же фронтовой солдатъ не выноситъ знанія никакого прибыльнаго ремесла, почему множество отставныхъ солдатъ просятъ милостыню.

Я назвалъ фронтовое ученье праздным занятіемъ; объясню почему я далъ ему такое наименованіе. Я считаю то только занятіе дѣльнымъ и укрѣпляющимъ духъ человѣка, въ которомъ онъ видитъ свою существенную пользу и дѣйствительную пользу отъ того для другихъ; и занятіе, притомъ, такое, въ которомъ онъ видитъ конецъ. Здѣсь же, представь себѣ шеренгу солдатъ и предъ ними унтеръ-офицера, какъ пѣтуха распѣвающаго: на плечо, на краулъ и такъ далѣе. Солдаты вывертываютъ ружья, стараются изъ всѣхъ мочей; ну, вотъ достигли совершенства, во фронтѣ они стоятъ какъ статуи, ружейные пріемы отдѣлываютъ отлично. Казалось бы, ученаго учить только портить; но по взгляду дисциплинера это то порченье и необходимо, чтобы солдатъ вѣкъ учился и не выучился, дѣла не дѣлалъ, а отъ дѣла не бѣгалъ,—чтобы было занятіе, ставящее его въ невозможность остаться совершенно праздным. Дисциплинеръ съ наморщеными бровями ходитъ предъ своею командою; если и похвалитъ сегодня маршировку, то непремѣнно найдетъ недостатокъ въ стойкѣ, а завтра въ хваткѣ ружья, и такъ въ безконечность задаетъ солдату урокъ. Онъ какъ будто избѣгаетъ признать за солдатомъ знаніе дѣла. Ну представь себѣ, если бы заставляли ученика, уже знающаго грамотѣ, ежедневно повторять азбуку и склады изъ опасенія, что онъ ихъ позабудетъ въ продолженіе одного или двухъ дней,—не назвалъ ли бы ты этого занятія праздным? И можетъ быть, свойство фронтоваго ученья имѣетъ характеръ такой безплодности; только какъ я вижу, несовершается ни одного парада, ни одного развода и вступленія въ караулъ безъ предварительной *репетички*, на которой, какъ обыкновенно выражаются солдаты, командиры ихъ *порятъ го-*

лись чаемъ. Комарскій такъ раскуражился отъ водки и отъ сознанія за собою славы принадлежать къ числу офицеровъ, что на улицѣ, встрѣтивъ обозъ, хотѣлъ, чтобы этотъ далъ ему дорогу. Когда же одинъ изъ обозниковъ представилъ ему резонъ, что тяжелымъ возамъ нельзя сворачивать съ дороги изъ опасенія увязнуть въ глубокомъ снѣгу, то Комарскій сталъ бить мужика, приговаривая: «развѣ ты не видишь, кто я есть?» Прочіе обозники до того осерчали, что хотѣли колотить вновь испеченнаго офицера; едва удалось прекратить ссору.

—

Вчера начальникъ дивизіи, генералъ М. дѣлалъ смотръ нашей дивизіи, по окончаніи котораго объявилъ, что вслѣдствіе предписанія корпуснаго начальника, Алексѣя Ѳедоровича Арбузова, должно обращать особливое вниманіе на стрѣльбу солдатъ въ цѣль, почему стрѣлковыя роты при каждомъ полку ввѣряются нарочно назначеннымъ для того офицерамъ въ непосредственное завѣдываніе и наблюденіе за успѣхами въ стрѣльбѣ. Списки съ балловыми отмѣтками должны быть представляемы еженедѣльно начальнику дивизіи.

По отъѣздѣ дивизіоннаго генерала, нашъ полковникъ подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ, что я назначаюсь завѣдывать стрѣлковою ротою въ нашемъ полку.

— Но я не умѣю стрѣлять—возразилъ я.

— Начальникъ дивизіи приказалъ,—отвѣчалъ полковникъ.—Въ службѣ нельзя ослушиваться приказаній начальника. Это ничего, что вы сами не стрѣляете; наблюдайте за стрѣльбою солдатъ и въ спискѣ дѣлайте отмѣтки вѣрности пуль. Сегодня же я отдалъ по полку приказъ, какъ располагать ученьемъ, а завтра вы примете роту. Ротнаго хозяйства я вамъ не навязываю: оно останется на моихъ рукахъ.

На другой день я сдѣлался командиромъ роты.

—

Сегодня случилась со мною неудача. Во время ученья, то есть стрѣльбы моею ротою въ цѣль, подошелъ бригадный начальникъ и попросилъ меня самолично выстрѣлить въ цѣль. Сердце мое

покоробило отъ такого предложенія, весьма лестнаго для другаго офицера, мастера стрѣлять, а для меня уничтожающаго мой авторитетъ въ глазахъ завѣдываемой мною команды. Однако, дѣлать было нечего, я взялъ ружье, цѣлился, цѣлился и наконецъ выстрѣлилъ.

«Мимо!» закричалъ махальщикъ или солдатъ, приставленный для наблюденія у мишени выстрѣловъ. Слово *мимо* поразило меня, какъ будто я имѣлъ право надѣяться, что моя пуля попадетъ въ сердцѣ мишени, или покрайней мѣрѣ, въ первый нумеръ. Бригадный начальникъ видно замѣтилъ мое смущеніе и весьма деликатно скрылся невидимкою, оставивъ меня одного оплакивать мое беззаконное неумѣніе стрѣлять.

По видимому, пустое обстоятельство не выходило у меня изъ головы цѣлый день; я даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ оглядывался на прошлую юнкерскую жизнь: тогда я усердно исполнялъ все, что требуется отъ юнкера, выучилъ уставы ротнаго, баталіоннаго и линѣйнаго ученья и уставъ о гарнизонной службѣ, такъ что товарищи иногда спрашивали меня какъ знатока, и я разрѣшалъ ихъ недоразумѣнія. Тогда я былъ увѣренъ, что поработалъ добросовѣстно, пріобрѣлъ знаніе, заслуживающее званіе офицера. Теперь же... что я такое? Офицеръ, неумѣющій стрѣлять, офицеръ, который долженъ краснѣть предъ ротою, порученною ему для приготовленія къ войнѣ. Думалъ-ли я называться воиномъ, неходя дальше плацъ-парада? Не для того ли я воинъ, чтобы только командовать въ манежѣ захожденіе тѣмъ или другимъ плечомъ, или упражнять солдатъ въ примѣрномъ заряжаніи и стрѣльбѣ, безъ окончательной команды *пли* и съ вѣчнымъ *от-ставь*, для сбереженія ружейнаго курка? Не каждый ли солдатъ достойнѣе меня нести отправляемую мною должность? тотъ, покрайней мѣрѣ, силенъ физически, способенъ драться, а я моими маленькими руками не удержу эфеса сабли при ударѣ по ея клинку клинкомъ соперника; не попаду въ непріятеля пулею на разстояніи двадцати шаговъ.

Я никогда не отличался ни ловкостью, ни силою, притомъ я чрезвычайно близорукъ. Воображаю себя въ сравненіи: въ единоборствѣ съ соперникомъ я побѣжденъ; въ быстрыхъ передвиженіяхъ я отсталъ отъ нашихъ солдатъ; въ довершеніе скандала, я потерялъ мою роту, и по слѣпотѣ попалъ въ чужой полкъ, гдѣ никакъ не могутъ вообразить, что подобную штуку я выки-

нулъ безъ умысла, но съ цѣлью предать мою роту въ руки непріятеля. Меня арестуютъ, докладываютъ главнокомандующему арміею. Въ военное время расправа коротка: измѣнника разстрѣлять; и вотъ меня ведутъ разстрѣливать. За что? за то ли, что у меня нѣтъ въ ногахъ столько силы, чтобы гнаться съ солдатами? За то ли, что я, отставъ отъ нихъ, по близорукости не могъ отыскать моей роты? А это развѣ бездѣлица? Какъ я смѣлъ взять на себя такую обязанность, которой не въ состояніи исполнить! Зачѣмъ я предварительно не взвѣсилъ моихъ способностей! Да, я заслужилъ строгое наказаніе!...

«Ваше благородіе!» раздался молодецкій голосъ.

Я невольно скакнулъ въ сторону при этомъ неожиданномъ трубоподобномъ гласѣ. Подумалъ ли я, что пришли за мной, вести меня разстрѣливать? Нѣтъ, я ничего не подумалъ; мнѣ просто сдѣлалось страшно; страшно безотчетно, и я совершилъ пресмѣшной заячій скачекъ предъ лицомъ фельдфебеля моей роты, потому что трубоподобный гласъ принадлежалъ ему.

— Что тебѣ надо? спросилъ я, стараясь оправиться отъ замѣшательства.

«Завтрашнее число, ваше благородіе, начальникъ дивизіи смотритъ стрѣльбу.

— Въ которомъ часу?

«Въ пять часовъ пополудни.

— Чтобы рота была готова.

«Слушаю, ваше благородіе. Какія приказанія будутъ отъ вашего благородія?

Я рѣшительно не зналъ что́ приказать; но на этотъ разъ не хотѣлъ отвѣчать на обычный ежедневный спросъ фельдфебеля о приказаніяхъ, обычною фразою: приказаній никакихъ не будетъ.

— Чтобы было все въ исправности! проговорилъ я нѣсколько строго.

«Слушаю, ваше благородіе.

— Ну, ступай.

Фельдфебель, однако, не уходилъ.

«Ваше благородіе! началъ онъ вкрадчиво, голосомъ, какимъ шуллеръ можетъ предлагать въ первый разъ человѣку, въ подлости котораго онъ еще неувѣренъ, принять участіе въ картежной плутнѣ. Въ приказѣ сказано, чтобы въ сумахъ было по че-

тыре патрона; у насъ есть запасные, то не прикажете ли взять по восьми патроновъ, стрѣльба будетъ рядами, не замѣтятъ.

— А если начальникъ дивизіи станетъ осматривать сумы?

«Богъ милостивъ, ваше благородіе; въ послѣдній разъ не осматривали.

— Смотри же, Литруновъ, ты у меня строго отвѣтишь!—крикнулъ я съ лихорадочнымъ волненіемъ.—Чтобы у насъ все было исправно!

«Слушаю, ваше благородіе! проговорилъ фельдфебель, какъ мнѣ показалось, притворно робкимъ голосомъ; въ глазахъ же его рисовалось чувство снисхожденія ко мнѣ, какое имѣютъ къ ребенку.

—

Пріѣхалъ начальникъ дивизіи и по его приказанію роты открыли пальбу рядами. Для повѣрки числа пуль, попавшихъ въ мишени, отправился лично адъютантъ дивизіоннаго генерала. Я стоялъ у мишени моей роты и держалъ на языкѣ число пуль, попавшихъ въ мишень, готовясь отвѣчать на вопросъ адъютанта. Оказалось, что по повѣркѣ моя рота стрѣляла всѣхъ успѣшнѣе въ дивизіи; генералъ былъ недоволенъ всѣми офицерами, завѣдующими стрѣлковыми ротами, но меня похвалилъ и поставилъ въ примѣръ, какъ офицера исправнаго и старательно занимающагося ввѣренной частью. Я выслушалъ незаслуженную мнѣ похвалу и въ сердцѣ моемъ не ощутилъ ни малѣйшаго чувства удовольствія, напротивъ, мнѣ было досадно, что генералъ такъ строгъ къ прочимъ командирамъ стрѣлковыхъ ротъ.

Я повелъ мою роту въ лагерь; солдаты пѣли пѣсни.

Выходила молода
За новыя ворота,
Выпускала сокола,
Изъ правова рукава;
Ты лети, лети, соколикъ,
Высоко и далеко....

«Да, разсуждалъ я про себя, въ моей ротѣ сто двадцать человѣкъ; слѣдовательно, столько же сумъ. Изъ каждой сумы я выпустилъ по четыре лишнихъ свинцовыхъ сокола, слѣдовательно,

всего 480. Но мои свинцовые соколы, пробивъ доску мишени, не улетѣли далеко, а вернулись всѣ ко мнѣ и посѣли на мою совѣсть.

«Но зачѣмъ же генералъ такъ недогадливъ, что не заглянулъ въ сумы или не посмотрѣлъ не заряжены ли ружья?—шепталъ мнѣ тайный голосъ, сосѣдъ моей совѣсти.

—А ты воспользовался недогадливостію старика и обманулъ его—отвѣчала совѣсть.

«Да вѣдь генералу надобности нѣтъ, чтобы твоя рота дѣйствительно стрѣляла хорошо. Сказано смотръ будетъ, ну и покажи товаръ лицомъ; а до того, какія средства ты употребилъ, чтобы скрыть слабую сторону, никому и дѣла нѣтъ; ты показываешь товаръ лицомъ полковому командиру, этотъ тоже дѣлаетъ относительно начальника дивизіи, начальникъ дивизіи—относительно корпуснаго командира, а этотъ относительно всей полноты генералитета, продолжалъ неугомонный голосъ.

«Какое тебѣ дѣло до того, какъ кто поступаетъ. Если другіе дѣлаютъ дурно, то будешь ли ты оттого правъ въ безчестномъ поступкѣ? опять отвѣчала совѣсть.

«Сунься-ка съ твоею правдивостью, да навлеки на голову полковника побольше замѣчаній отъ начальника дивизіи, за плохую стрѣльбу, такъ вотъ и узнаешь тогда правду, какъ назовутъ тебя глупцомъ, неумѣющимъ ни къ чему рукъ приложить—шепталъ голосъ.»

Меня взяло раздумье: какъ бы это отвертѣться отъ завѣдыванія ротою. Просто пойду къ полковому командиру, скажу, что чувствую себя неспособнымъ завѣдывать стрѣлковой ротою и буду просить другаго назначенія.

Полковникъ встрѣтилъ меня очень ласково; онъ замѣтно былъ доволенъ успѣшною стрѣльбою моей роты и лично мною.

«Андрей Алексѣевичь! сказалъ я. Я пришелъ просить васъ объ отчисленіи меня отъ завѣдыванія стрѣлковою ротой.

—Какъ такъ! Почему? спросилъ полковникъ.

«Я стрѣлять не умѣю и едва ли могу быть полезенъ службѣ, завѣдывая стрѣлковою ротой.

—Однако, ваша рота стрѣляла сегодня лучше всѣхъ ротъ въ дивизіи; генералъ остался весьма доволенъ нашимъ полкомъ.

«Но.... чувство самохраненія удержало мой языкъ, готовый высказать причину успѣшной стрѣльбы.

—Не умѣете стрѣлять—учитесь, упражняйтесь каждый день вмѣстѣ съ солдатами,—продолжалъ полковникъ.—На службѣ нельзя выбирать занятія по вкусу, должно дѣлать то, что приказываютъ. Учиться никогда не стыдно, вы нисколько этимъ себя не унизите предъ солдатами.

—

Слова полковника пахнули на меня свѣжестью; я какъ перерожденный пошелъ въ свою палатку; тяжесть 480 свинцовыхъ соколовъ свалилась съ моей совѣсти, при мысли, что я могу загладить нечестный поступокъ. Съ слѣдующаго дня я началъ стрѣлять вмѣстѣ съ солдатами. Прошла недѣля, мое правое плечо болѣло невыносимо отъ толчковъ ружейнаго приклада, но пули мои никакъ не хотѣли попадать въ мишень. Я начиналъ терять терпѣніе, но судьба сжалилась надо мною: стрѣлковыя роты получили другое сформированіе, и я пересталъ быть завѣдующимъ фронтовою и стрѣлковою частью въ ротѣ.

—

Лагерь окончился, нашъ полкъ вступилъ въ Красное село на такъ называемыя частныя квартиры. Жизнь стала свободнѣе отъ ученій и смотровъ, но однообразнѣе и скучнѣе. Сегодня ко мнѣ зашелъ офицеръ, завѣдующій слабосильною командою, то есть солдатами, оправляющимися отъ болѣзни. «Прочтите-ка, молодой человѣкъ! сказалъ онъ, подавая мнѣ листъ бумаги, перегнутый вчетверо. Въ бумагѣ я прочиталъ слѣдующее.

«Завѣдующему слабосильною командою, штабсъ-капитану Семенову.

«Начальникъ дивизіи, при посѣщеніи во ввѣренномъ мнѣ полку слабосильной команды 15 числа сего мѣсяца, изволилъ найдти, что хлѣбъ, приготовленный для нижнихъ чиновъ оной команды, былъ выпеченъ изъ муки довольно затхлой. А потому его превосходительство, отъ 17 сентября за № 1609, предписываетъ мнѣ приказать вашему благородію при пріемѣ провіанта обращать полное вниманіе на доброкачественность его.

«Случай этотъ, крайне непріятный для меня, долженъ отнести къ тому, что вами не были соблюдены правила, объявленныя къ

неопустительному руководству въ приказѣ по г. корпусу, отъ 28 марта 1855 года за № 69, и другія приказанія, касающіяся пріемки изъ магазиновъ, изъясненныя въ разное время въ приказахъ моихъ по полку. А потому предписываю вашему благородію принять къ точному исполненію всѣ выше изложенныя распоряженія и затѣмъ всякое упущеніе или несоблюденіе установленныхъ правилъ для пріема изъ магазиновъ провіанта и фуража, падетъ на строгую отвѣтственность вашу».

— Это для васъ большая непріятность, сказалъ я, прочитавъ бумагу.

Семеновъ расхохотался, какъ смѣются надъ наивной выходкой ребенка.

«— Да вы совсѣмъ незнакомы со службою, началъ онъ, переставъ смѣяться. Эта бумага не можетъ имѣть для меня серьезнаго послѣдствія, точно такъ же, какъ замѣчаніе начальника дивизіи для полковаго командира. Это называется *посылай дальше:* начальникъ дивизіи щелкнетъ полковаго командира, а этотъ передаетъ щелчекъ мнѣ, а я фельдфебелю и каптенармусу; а они въ дружеской бесѣдѣ за водочною, купленною на деньги выбранные отъ припека ротнаго хлѣба, посмѣются и надъ начальникомъ дивизіи и надъ полковымъ командиромъ. Я разскажу вамъ обстоятельство, вызвавшее замѣчаніе начальника дивизіи. 14 числа въ приказѣ по полку было отдано, что на другой день начальникъ дивизіи изволитъ смотрѣть пищу въ слабосильной командѣ. У насъ все приготовили, и цѣлое утро кусокъ хлѣба для пробы его превосходительству дожидался на нарочно приготовленной тарелкѣ. Начальникъ дивизіи опоздалъ, и я, полагая, что онъ вовсе не будетъ, пришедъ въ команду голодный, съѣлъ этотъ завѣтный кусокъ хлѣба. Черезъ часъ прибылъ начальникъ дивизіи; бросились въ хлѣбную кладовую, чтобы принести хлѣба для пробы, но кладовая оказалась запертою на замокъ и артельщикъ въ отсутствіи. Нечего было дѣлать, взяли кусокъ хлѣба у сапожника и подали его превосходительству, хлѣбъ былъ хорошій и испеченъ не изъ затхлой муки, но естественно отъ сосѣдства съ препаратами сапожной работы нѣсколько попахивалъ кожею. Генералъ почувствовалъ запахъ въ хлѣбѣ, приписалъ его затхлости муки и сдѣлалъ замѣчаніе полковому командиру. На другой день полковникъ счелъ себѣ обязанностію свидѣтельствовать пищу. Обыкновенно предъ тѣмъ, какъ вынимать хлѣбъ изъ печи, сперва

вынимаютъ одинъ изъ нихъ и рѣжутъ пополамъ, чтобы видѣть достаточно ли пропеклись хлѣбы. Такъ и было сдѣлано, вынутъ былъ одинъ хлѣбъ и разрѣзанъ пополамъ; когда пришелъ полковникъ въ кухню, то одна половина хлѣба лежала на лавкѣ, а другая на столѣ. Полковникъ сперва попробовалъ отъ одной половины и раскричался, что хлѣбъ выпеченъ изъ затхлой муки; затѣмъ отъ другой и сказалъ, что хлѣбъ хорошъ; такой, молъ, и должно употреблять для пищи солдатъ. Я былъ свидѣтелемъ этой комедіи; фельдфебель, немигнувъ глазомъ, стоялъ предъ полковникомъ, который тотъ же самый хлѣбъ и похвалилъ и похулилъ.»

— Но почему же фельдфебель не объяснилъ полковнику?— спросилъ я.

«— Экіе вы, батинька! начальство само знаетъ что́ дѣлаетъ и нижнему чину учить не приходится; за это дуютъ. Полковнику нужно было придраться къ чему нибудь, чтобы на замѣчаніе начальника дивизіи приказомъ по полку выказать свое собственное радѣніе по управленію полкомъ и снять съ себя отвѣтственность на случай будущихъ замѣчаній, сваливъ вину на меня. Это, батюшка, нибольше неменьше какъ штука политическая, безъ подобныхъ маневровъ по службѣ далеко не уйдешь.»

—

Годы, къ которымъ относится предложенный разсказъ, были временемъ всеобщаго воинственнаго настроенія духа въ Россіи. Правительство удесятирило армію и собрало ополченіе; купечество дѣлало пожертвованія на армію, молодые люди изъ воспитанниковъ гимназій, семинарій и даже университетовъ во множествѣ поступали въ военную службу. Дамы и дѣвицы щипали корпію и пѣли патріотическій романсъ:

Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

Въ Петербургѣ, на Крестовскомъ островѣ, хоръ Молчанова одушевленно распѣвалъ про доблести русскихъ и хвастливость

иностранцевъ. Посѣтители Крестовскаго острова каждый день могли слышать пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

Времена настали тяжки:
Два союзника въ пристяжкѣ,
А султанъ въ корню;
И кричатъ, что Русь погибла,
А на дѣлѣ, смотришь рыло,
У самихъ въ крови.

Сочинитель весьма плохихъ стиховъ, съ площадными ругательствами турецкому султану и его союзникамъ, получилъ отъ одного патріотическаго генерала порядочный кушъ денегъ за свое безобразное сочиненіе. Словомъ сказать, все говорило про войну и воиновъ, все откликалось мужествомъ и увѣренностію въ непобѣдимость, никто не думалъ, что военныя средства Россіи, значительныя по числу солдатъ, слабы и ничтожны по незнанію военнаго искусства въ современномъ его состояніи, по недостатку способныхъ полководцевъ и по отсутствію въ войскѣ живой силы, проникающей начальниковъ желаніемъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Кончилась крымская кампанія, началась дѣятельность военносудныхъ коммисій; подсудимыхъ оказалось множество отъ генеральскаго и до прапорщичьяго чина. Военное сословіе, еще блиставшее лучами славы подвижниковъ 1812 года, теперь, послѣ крымской кампаніи, пало окончательно въ общественномъ мнѣніи. Началась переработка, сперва въ журналахъ заговорили о недостаткахъ прежняго воспитанія, затѣмъ литература crescendo начала перевѣшивать воззрѣнія и научныя и общежительныя. Отъ 1856 по 1863 годъ нѣсколько лѣтъ прошло, но совершилось много, русское общество сдѣлало невѣроятные успѣхи въ своемъ развитіи. Но, увы, закоренѣлая привычка самонадѣянности, самообольщенія и даже хвастовства, во многихъ еще живетъ сильнымъ недугомъ. «Когда ты стоишь, то смотри, чтобы не упасть» сказалъ одинъ великій учитель въ началѣ нашей эры. Мы часто забываемъ объ этомъ мудромъ правилѣ, способномъ содѣйствовать непрерывному усовершенствованію человѣка, въ отдѣльности и собирательно, то-есть цѣлаго общества. Грустное явленіе: у насъ много уже стало развитыхъ людей; многіе вчера засыпали полуграмотными, сегодня проснулись развитыми;

сперва мы хотѣли удерживать за собою славу непобѣдимыхъ воиновъ, незная другой стрѣльбы кромѣ примѣрнаго заряжанія ружья въ манежѣ, теперь многіе хотятъ казаться развитыми и всезнайками, не желая сперва поучиться серьезно,—явленіе нетолько грустное, но и опасное, грозящее тѣмъ, что многое начатое не придетъ къ желанному исполненію, многое, лежащее на сердцѣ искренне доброжелательныхъ людей, не исполнится или исполнится поздно, когда мы уже успѣемъ разочароваться въ дѣйствительности нашего развитія. То не слава, когда мы сами кричимъ про нее; то не развитіе, когда мы отъ одного рода самообольщенія переходимъ къ другому, то незнаніе истины, когда мы чрезъ призму различныхъ журнальныхъ партій понимаемъ ее разнообразно.

30.

Областное безобразіе.

Журналъ нашъ, со дня своего рожденія, съ особой любовью слѣдилъ за ходомъ развитія отечественнаго безобразія; онъ всегда приходилъ въ нѣкоторый родъ умиленія при созерцаніи доблестныхъ подвиговъ столичныхъ и иногородныхъ витязей кулака и мрака; ежедневное же накопленіе матеріаловъ заставляетъ его открыть на своихъ страницахъ особый отдѣлъ, исключительно посвящаемый воспѣванію безобразно-прогресивнаго движенія россійскихъ провинцій.

Мы знаемъ, что многіе привыкли относиться презрительно къ провинціальному безобразію,—припоминая грандіозное проявленіе его въ Петербургѣ и Москвѣ. Намъ кажется, что такой взглядъ слишкомъ односторонень,—люди, его, придерживающіеся не принимаютъ въ разсчетъ пропорціональнаго количества индивидуумовъ,

могущихъ проявить безобразіе; они только скользятъ по факту, незадавая себѣ труда—углубиться въ самую суть его значенія. Почти каждый россіянинъ—подъ какими бы градусами широты и долготы не жилъ онъ, равно способенъ къ проявленію безобразія; климатическія и географическія условія въ этомъ случаѣ имѣютъ, вопреки новѣйшимъ теоріямъ, очень мало значенія; точно такъ же мало имѣетъ значенія рангъ лица, проявляющаго безобразіе. Безобразіе, покрайней мѣрѣ мы пришли къ тому убѣжденію, — есть одинъ изъ самыхъ главныхъ, такъ сказать стихійныхъ элементовъ нашего организма; не будь поголовнаго безобразія и вся наша, столько вѣковъ слагавшаяся жизнь пошла бы прахомъ; мы не имѣли бы исторіи, не имѣли бы институцій, справедливо составляющихъ нашу гордость, не пользовались бы тѣми плодами цивилизаціи, которыми пользуемся въ настоящее время. Мы не умѣли до сихъ поръ только цѣнить безобразія.

Ученые мужи говорятъ, что въ древности у семи греческихъ городовъ затѣялся споръ о мѣстѣ рожденія Гомера; каждому изъ спорившихъ хотѣлось считаться родиной слѣпаго пѣвца. Намъ кажется, что если бы въ настоящее время двѣ столицы: Петербургъ и Москва, съ ихъ территоріями, и меньшая ихъ братія —города губернскіе и уѣздные, съ ихъ округами, затѣяли между собой споръ о томъ: «кто есть изъ насъ безобразнѣе» и если бы разрѣшеніе этой немаловажной задачи—было предложено на конкурсъ, то мы увѣрены, что наидобросовѣстнѣйшій соискатель преміи пришелъ бы къ результату, «что всѣ есть получше», и вмѣсто того, чтобы всецѣльно вручить пальму достойнѣйшему, —то есть безобразнѣйшему,—онъ бы разорвалъ ее на малые клочки и частицами наградилъ бы каждаго.

Впрочемъ, есть одинъ пунктъ, которымъ сѣверная Пальмира и златоглавая Москва могутъ похвастаться, утереть носы провинціямъ,— пунктъ этотъ—литература. Ну, понятно, что какому нибудь наивному губернскому Корытникову не угоняться за столь учено-либеральными сочинителями, каковыми являлись въ послѣднее время гг. Павловъ, Чичеринъ, Мельниковъ, Аскоченскій, Громека et caetera; понятно, что какому нибудь Кіевскому телеграфу или Одесскому вѣстнику не стать на одну доску съ столь нарочито-благонамѣренными газетами, каковы имѣемъ мы въ образѣ Отечественныхъ записокъ, Сѣверной почты, Сѣверной пчелы,

Нашего времени, Домашней бесѣды. Конечно, печатные органы губернской жизни производятъ на читателя тоже весьма скверное впечатлѣніе; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, стало быть, и безобразіе въ нихъ имѣется не малое, но только скверность, отъ нихъ исходящая, совсѣмъ инаго характера и свойства, чѣмъ скверность вышеупомянутыхъ газетъ: они дѣйствуютъ только подобно страшному угару на голову читателя,—одурь какая то беретъ послѣ нихъ... впрочемъ, мы твердо увѣрены, что все это зависитъ больше отъ скромности провинціальныхъ талантовъ, что съ лѣтами (притомъ имѣя передъ глазами столь достойные для подражанія примѣры) этотъ недостатокъ пройдетъ и въ одно прекрасное утро губернскія вѣдомости и газетки разразятся какими нибудь восторженными дифирамбами á la Борисъ Чичеринъ, а мы, принявшіе на себя адвокатуру провинціальнаго безобразья, отъ полноты сердца восклицаемъ: «нынѣ отпущаеши раба Твоего!» Наше убѣжденіе въ благополучномъ исходѣ безобразія для провинцій и въ области литературы тѣмъ болѣе крѣпко, что мы видимъ уже и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губернскихъ органахъ —попытки, если несравниться, то покрайней мѣрѣ заявить свое средство, выказать свое сочувствіе къ столицамъ... Какъ на утѣшительные, многообѣщающіе примѣры мы можемъ указать: на критическія статьи Одесскаго вѣстника, на дебютированіе Д. Соболевскаго въ «мѣстныхъ извѣстіяхъ» симбирскихъ губернскихъ вѣдомостей, на отвѣтныя статьи кіевскаго губернскаго почтмейстера въ опроверженіе дерзкихъ обвиненій, якобы на почтовыхъ лошадяхъ, вмѣсто проѣзжающихъ, возятъ картофель для собственной особы г. почтмейстера; на статью саратовскаго почтмейстера въ отвѣтъ же нападеніямъ относительно сокрытія извѣстно куда посылаемыхъ конвертовъ (счастье какое почтовому вѣдомству на литераторовъ!); на статью Кіевскаго телеграфа, въ родѣ, напримѣръ, игриво озаглавленной «о жидахъ, называющихъ себя евреями»; на полемику харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей.

Да, мы положительно за провинціальное безобразіе...A propos. Задавъ себѣ задачей—слѣдить за ходомъ развитія провинціальнаго безобразія, постоянно занятые мыслью о лучшемъ выполненіи ея, мы наткнулись на удивительное совпаденіе двухъ словъ: безобразіе и Безобразовъ...Спрашивается: что отъ чего происходитъ: россіяне ли, при созерцаніи подвиговъ г. Безобразова,—

нашего извѣстнаго публициста и оратора,—собственные подвиги сходственные по характеру съ литературными дѣяніями Безобразова, наименовали безобразіемъ, или родоначальникъ фамиліи Безобразовыхъ, предвкушая, такъ сказать, подвиги одного изъ своихъ исходящихъ, и созерцая дѣянія своихъ согражданъ, позаимствовалъ отъ нихъ драгоцѣнное слово? Такъ какъ при дальнѣйшихъ великихъ судьбахъ безобразія вопросъ о происхожденіи самаго слова представляется первой важности, то мы, чувствуя себя не слишкомъ сильными въ тонкостяхъ лингвистики, и призываемъ на помощь въ разрѣшеніи его тѣхъ вельми ученыхъ мужей, что съ такимъ апломбомъ и позоромъ изгнали изъ отечественнаго алфавита ъ, ь, о и др.

Но, приступимъ къ изложенію самыхъ фактовъ провинціальнаго безобразія, заимствуя ихъ изъ губернскихъ вѣдомостей—этихъ офиціальныхъ хранилищъ нашего всемірнаго безобразія. Развитіе безобразія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приняло видъ нѣкой morb. epidem., такъ что наискромнѣйшіе члены общества вынужденными нашлись употребить дѣятельныя и энергическія мѣры противъ дальнѣйшаго его распространенія; на сколько же самыя мѣры безобразны, читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго.

Сцена представляетъ одну изъ комнатъ благороднаго архангельскаго собранія; на креслахъ возсѣдаютъ распорядители собранія; лица ихъ сумрачны, многосложныхъ дебатовъ не слышно, только энергическія восклицанія доказываютъ, что дѣло рѣшается первой важности.

«Это ужасно, господа!

«Такъ-таки въ рыло?

«И вчера тоже...

«Молодцы! люблю!

«Носъ расквасилъ!

«Трескаютъ очень!

«А ужъ какъ ругался-то!»

Конечно, слушая подобныя восклицанія, трудно догадаться сначала, къ кому они относятся, но постановленіе гг. распорядителей проливаетъ яркій свѣтъ на лаконизмъ восклицаній: «распорядители архангельскаго *благороднаго* собранія нашли нужнымъ въ дни баловъ и вечеровъ опредѣлить количество питій, потому что чрезмѣрное употребленіе ихъ *благородными* членами постоянно вело къ скандаламъ и неблагопристойностямъ. «Порадовались же

мы за благородное архангельское общество, прочитавъ такое осязательное доказательство его безобразія! Жаль только одного, что къ много знаменательному рѣшенію гг. распорядителей не приложена подробная роспись, съ точнымъ обозначеніемъ какому чину благороднаго члена соотвѣтствуетъ какое количество питей, могущихъ быть имъ употребленными, что̀ по нашему разумѣнію крайне необходимо, ибо хотя съ достовѣрностью извѣстно, что россіяне, какъ крупныхъ, такъ и малыхъ ранговъ, всегда выказываютъ поползновеніе къ неблагопристойностямъ, но тѣмъ не менѣе съ чиномъ должна быть связана и извѣстная доза уваженія; а гг. распорядители архангельскаго благороднаго собранія и не могли иначе выказать свое уваженіе къ табели о рангахъ, какъ давъ возможность особамъ, наиболѣе ранжированнымъ, производить и наиболѣе неблагопристойности... Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, пораженные счастливой мыслью гг. распорядителей, мы обращаемся къ нимъ съ покорнѣйшей просьбой, сообщить намъ о результатахъ приложенія ихъ мысли къ практикѣ, то есть доставить намъ статистическія данныя—сколько, до приведенія остроумной мѣры въ исполненіе и по приведеніи насчитывалось скандаловъ (!) и неблагопристойностей (!) въ ихъ благородномъ собраніи, и не изыскали ли благородные члены, для пополненія пробѣла въ питіяхъ, помимо законнаго бюджета, другихъ контробандныхъ путей. Мы съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать этихъ свѣдѣній, что при распространеніи общей страсти къ неблагопристойностямъ, мы могли бы, въ случаѣ успѣха, рекомендовать архангельское средство другимъ не менѣе благороднымъ собраніямъ Большой и Малой, Бѣлой и Красной Руси.

Вообще мы чувствуемъ особую симпатію къ Архангельску. Сѣверный ли климатъ, страсть ли къ употребленію горячительныхъ напитковъ, или другія обстоятельства, не знаемъ, только его обитатели обладаютъ большой долей наивнаго остроумія. Недавно въ Архангельскѣ была приложена къ практикѣ теорія всеобщей подачи голосовъ, и кѣмъ бы вы думали? откупщикомъ. Какъ извѣстно, надъ откупомъ скоро совершена будетъ панихида; послѣдніе могиканы его—Кокоревъ, Бенардаки, Утинъ et caetera, въ благородномъ порывѣ любви къ отчизнѣ, предложили было продолжать свои благодѣянія и для увѣковѣчиванія памяти объ нихъ въ потомствѣ, соорудить мавзолей въ видѣ желѣзной дороги; но, къ величайшему огорченію ихъ, предложеніе было не-

понято и отринуто. Не знаю, участвовалъ ли архангельскій откупщикъ въ сонмѣ лицъ, столь храбро отстаивавшихъ свои права на признательность потомства, только, помимо всего другаго, онъ отобралъ отъ жителей Архангельска приговоръ, въ томъ, что они смертельно желаютъ съ 1 января 1863 года допустить его къ продажѣ вина по всей губерніи и тѣмъ блистательно опровергнулъ всю несостоятельность нападеній на откупъ. Вотъ что значитъ знать духъ своихъ согражданъ! Мы смѣемъ надѣяться, что гг. члены архангельскаго благороднаго собранія и здѣсь не ударили себя въ грязь лицомъ.

Находясь постоянно «*въ безпечальномъ созерцаніи*» величественной картины отечественнаго безобразія, мы наиболѣе поражаемся и упиваемся той стройной связью, что́ проникаетъ всѣ отдѣльныя явленія, изъ которыхъ должна сложится и слагается общая, мировая жизнь; такъ и чуешь растроганной душой, что вездѣ, на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ, дѣйствуютъ одни братіи—россіяне. Ну, кажется, чтобы могло быть общаго между Екатеринославлемъ и Архангельскомъ:—одинъ лежитъ подъ полярнымъ полюсомъ, бѣлые медвѣди чуть на его улицахъ не прогуливаются, дикіе обитатели на оленяхъ между собою сообщеніе имѣютъ; другой освѣщается палящими лучами солнца юга, деликатно образованные обитатели постоянно вбираютъ въ себя, вмѣстѣ съ пылью, различные ароматы мѣстной флоры, злые *обличители* тревожатъ ихъ сонъ...Я говорю: кажется, что бы могло быть общаго между ними? а между тѣмъ родное между ними *все*, потому что безобразіе составляетъ *все* нашей жизни, и альфу и омегу ея.

Сцена представляетъ засѣданіе одного изъ мировыхъ съѣздовъ Екатеринославской губерніи; общая тишина прерывается только гласомъ секретаря, читающаго протоколъ,—большинство членовъ ублаженные отличнѣйшимъ завтракомъ, находятся въ объятіяхъ морфея... Вдругъ въ сосѣднюю комнату (тоже принадлежащую къ мировому съѣзду) врываются четверо баши-бузуковъ.

— Водки! кричитъ одинъ баши-бузукъ.

— Шампнскаго! оретъ другой.

Шампанское выпивается.

— Дюжину шампанскаго! проявляетъ себя широкая славянская натура третьяго.

— Я докладываю вашей милости, слышится робкій голосъ, что шампанскаго за буфетомъ не имѣется.

— Какъ! мнѣ шампанскаго нѣтъ! Ахъ ты ракалья!

Затѣмъ раздаются звуки нѣсколькихъ ужаснѣйшихъ пощечинъ.

— Помогите—батюшки!

Пробужденные отъ сна члены мироваго съѣзда вскакиваютъ и бросаются въ сосѣднюю комнату; оказывается, что четверо ворвавшихся баши-бузуковъ суть мѣстные дворяне, а избитый—*буфетчикъ при мировомъ съѣздѣ* (особенная должность, въ родѣ виночерпія при дворѣ Фараона). Что тутъ дѣлать? Скандалъ дворянскій. Начались совѣщанія и положено: «во избѣжаніе впредь *подобныхъ недоразумѣній* (замѣтьте мягкость выраженія!) закрыть буфетъ (буфетъ при мировомъ съѣздѣ—каково-съ!), а во избѣжаніе огласки—оставить дѣло безъ вниманія.

Ну какъ не радоваться намъ при такихъ проявленіяхъ безобразія! А что за связь то между отдѣльными пунктами нашей отчизны.

На томъ же мировомъ съѣздѣ мы встрѣчаемъ другое проявленіе безобразія, столь же достойное быть занесеннымъ въ нашу лѣтопись. Дѣйствіе происходитъ еще до закрытія буфета.

«—скіе крестьяне пришли!» докладываетъ сторожъ присутствію.

Присутствующіе, не кстати прерванные въ своихъ интимныхъ разговорахъ по части лошадиной и псовой,—посылаютъ и докладчика и крестьянъ къ чорту.

— Нѣтъ, mon cher,—обращается одинъ къ предсѣдателю,—вели позвать...

— Ну, зови что-ли!

Робко входятъ нѣсколько мужичковъ и становятся у дверей присутствія.

— Что вы лѣзете, сиволдаи,—какого вамъ черта нужно!—Мужички пали въ ноги.

— Заступитесь, отцы родные,—не дайте по міру идти. Въ разоръ разоряетъ баринъ!

— Какъ! на барина жаловаться! Да какъ вы смѣли сюда свои немытыя рыла показать! Да знаете, ли мы васъ туда ушлемъ... Ахъ вы... такіе сякіе! посыпалось на несчастныхъ просителей со всѣхъ сторонъ.

— Полноте, господа!—началъ говорить самый гуманнѣйшій изъ

присутствующихъ; стоитъ ли на эту сволочь сердиться,—велите просто ихъ выгнать вонъ.»

— Гони ихъ вонъ!.. Мужиковъ выгнали вонъ...

И пошли они солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ...

Говорятъ, что послѣ такой расправы, жалобъ въ мировой съѣздъ крестьянами на землевладѣльцевъ не приносилось,—чему мы вполнѣ вѣримъ.

Хорошо отличился и быховскій мировой съѣздъ, гдѣ цѣлая буря поднялась изъ за варенья и шампанскаго.

Впрочемъ, на этотъ разъ довольно,—съ грустію взирая на страшное количество матеріаловъ провинціальнаго безобразія,—мы, неуспѣвши познакомить съ ними читателей, должны заключить свою первую хронику.

31.

Изъ провинціи.

Чепухинскъ.

*** Чепухинскъ—очень благозвучное названіе!.. По всей вѣроятности, читатель ожидаетъ и вѣстей изъ этого града *подобозвучныхъ*.... ожидаетъ *благихъ* вѣстей? И не совсѣмъ ошибется чающій читатель: именно *блажь*—*блажь* во всѣхъ ея проявленіяхъ; да, наши *блажные* разныхъ мастей и калибровъ будутъ предметомъ нашихъ повѣствованій... По этой-то причинѣ вѣсти будутъ, конечно, благія!... «Одухотворенныя взятки!» восклицаетъ столичный писатель Патковскій, не жалующій провинціальныхъ корреспондентовъ; «злостный крикунъ!» вопитъ крѣпостной сладко-

пѣвецъ провинціальныхъ вѣдомостей, окрысивающійся на каждую немедоточивую статейку изъ провинціи въ столичной газетѣ... Прекрасные мужи! успокойтесь: не яркое обличеніе будетъ въ нашихъ статейкахъ, но умилительное восхваленіе гражданскихъ подвиговъ вашихъ соотечественниковъ. Прошу прислушать.

*** Былъ въ Чепухинскѣ верхоледъ, Віольдамуромъ Истукарьевичемъ звали,—и спалъ Чепухинскъ; возсѣлъ теперь Сарданапалъ-Мелкоплавающій — и Чепухинскъ побѣжалъ по пути прогреса въ догонку за нашими столицами *обоего рода*, побѣжалъ «пѣтушкомъ», какъ Бобчинскій и Добчинскій за дрожками городничаго... «Надо намъ... тово... идти рядомъ съ вѣкомъ, стать въ уровень съ Европой... Новенькое что нибудь... придумать *штучку* какую нибудь,» воскликнулъ Сарданапалъ-Мелкоплавающій словами крутогорскаго Зубатова. И дѣйствительно, пошли штучки за штучками; но—

Вѣда, коль пироги начнетъ... и т. д.

*** Протрубили намъ уши фельетонисты о «лунномъ освѣщеніи» столичныхъ улицъ обществами и компаніями «освѣщенія столицъ газомъ». Новому радѣтелю о благолѣпіи Чепухинска такая *штучка* понравилась,—и вотъ, для компаніи столичнымъ компаніямъ, въ одну прекрасную ночь, когда, впрочемъ, были «мглой волнистою покрыты небеса», намъ представился Чепухинскъ, «какъ дымкою прозрачною тѣнью трепетно облитъ!» Фонарные столбы и фонари исчезли, и благодушные обитатели града осуждены были въ теченіе осеннихъ вечеровъ и ночей блуждать во мракѣ съ представленіемъ полныхъ правъ *поставлять* себѣ какіе угодно фонари въ ожиданіи появленія фонарей *заправскихъ*. Наконецъ, причина (тоже таившаяся во *мракѣ*—только... *неизвѣстности*) исчезновенія фонарей для насъ разъяснилась: у насъ возжелали *усовершенствовать* освѣщеніе... Съ исходомъ осени мы могли уже оцѣнить это усовершенствованіе. Прежде фонарные столбы были черные, теперь — стали пестрые, трехъ цвѣтовъ; прежде фонарь былъ обыкновенный нашъ старинный масляный фонарь, теперь — горитъ на каждомъ столбѣ лампа, прежде фонарики-плебеи немножко были и подслѣповаты, за то другъ отъ друга далеко не бѣгали, теперь — фанарики-аристократы на такой высокоблагородной дистанціи одинъ отъ другаго,

немъ живописными *развалинами*, а быть можетъ и наслажденія—быть *погребенными* подъ ними!...

*** Вотъ, читатель, происхожденіе всеразрѣшающихъ *узелковъ*. Теперь всѣ помышленія нашего взгомозившагося верховода, всѣ идейки, въ какомъ бы онѣ слабенькомъ, эмбріоническомъ состояніи ни обрѣтались,—осуществляются на дѣлѣ при помощи кабалистическихъ *узелковъ*; словомъ: *узелки* это какъ бы бывшій знаменитый московитъ Иванъ Яковлевичъ Корейша!

*** Мудреные *узелки* недавно рѣшили, напр., накинуть на плечи нашихъ хожалыхъ коротенькіе клеенчатые капюшоны.... И мы до такой степени залюбовались теперь нашими хожалыми, что перестали чувствовать дороговизну дровъ вмѣстѣ со всѣми другими предметами первостепенной необходимости, мы не замѣчаемъ царствующую доселѣ *тьму кромѣшную* на нашихъ улицахъ, не обращаемъ вниманія на увеличивающіяся «шалости» нашихъ ночныхъ промышленниковъ, съ стоическимъ равнодушіемъ смотримъ вообще и на «шалости» (конечно, другаго рода!), какъ нашего «козырнаго туза», такъ и окружающихъ его «валетовъ-паразитовъ»... «Прочь всѣ эти *мелочи*», восклицаемъ мы, «и да здравствуютъ капюшоны и проч. *штучки*, долженствующія поставить Чепухинскъ въ уровень съ Европой и обѣщающіе *золотой вѣкъ* нашему пѣтушкомъ бѣгущему по пути прогресса краю»!... Да!

Такъ чувствомъ душа разогрѣта!...

*** Свистуны-фельетонисты сообщали намъ о непомѣрной дороговизнѣ квартиръ въ столицахъ и прославляли Сорокина и иныхъ домовладѣльцевъ. У насъ и это не пропустили мимо ушей. Три-четыре *добродѣтельныхъ* домовладѣльца предложили Сарданапалу-Мелкоплавающему проектъ взиманія со всѣхъ квартирантовъ извѣстнаго процента съ платимыхъ *за постой*, денегъ: «твори-молъ на эти денежки, во все удовольствіе, что на умъ взберетъ; хоть башню вавилонскую воздвигай, хоть сады Семирамиды развѣшивай!» Возрадовался нашъ верхолетъ, тѣмъ болѣе, что и *узелокъ* разрѣшилъ дать ходъ этому дѣлу. Подъ сурдинной дѣло двинулось, и вскорѣ пришло разрѣшеніе привести въ исполненіе проектъ о сборѣ денегъ съ квартирантовъ, такъ какъ таковой сборъ изъявлено было *общее* (??) согласіе... Бѣдный

людъ ахнулъ; конечно, услыхавъ *впервые* объ этомъ *общемъ* ихъ согласіи, и отъ всякихъ взносовъ рѣшительно отказался: «покорно благодаримъ, возопили, за сады Семирамиды! пусть *самъ* на свои денежки строитъ ихъ; у *него*—вотъ дворецкій по 60 руб. въ *мѣсяцъ* получаетъ, а изъ насъ большая часть и въ *годъ* того не имѣетъ; съ насъ въ три-дорога деруть домовладѣльцы за сырыя и холодныя квартиры, а тутъ еще приплачивай—въ *знакъ благодарности!*

*** Въ то самое время, какъ въ одной петербургской газетѣ наши юристы рѣшали спорное дѣло (за право владѣнія лѣсомъ кажется) между опекунами X и Z, у насъ, въ Чепухинскѣ, возгорѣлся тоже *споръ* между двумя *тузами* (не козырными, козырный Сарданапалъ!)—Баламутцемъ и Омутовскимъ. А о чемъ тотъ споръ, тому слѣдуютъ пункты.... Баламутецъ—тузъ въ *одной* колодѣ, Омутовскій—тузъ въ *другой*; слѣдовательно съ одной стороны Баламутецъ «самъ-по-себѣ» и Омутовскій тоже «самъ-по-себѣ»; но съ другой стороны—Баламутецъ тузъ въ колодѣ *2-го разбора*, Омутовскій же тузъ въ колодѣ *1-го разбора*; слѣдов. *перевѣсъ* какъ будто и на сторонѣ противника; за то съ третьей стороны такой же перевѣсъ оказывается какъ будто на сторонѣ Баламутца: онъ *масти старшей*, Омутовскій же—*младшей*... Вотъ въ этихъ-то *разновѣсіяхъ* и кроется, такъ сказать, «яблоко раздора» для нашихъ *маститыхъ* дѣятелей. Безконечная вереница всякихъ«текущихъ», на поляхъ которыхъ имъ приходится частенько сталкиваться, только подливаетъ въ огонь масла. Приносятъ, напр., «текущія» къ Баламутецу. Смотритъ онъ—вслѣдъ за Сарданапаломъ расчеркнулся Омутовскій. Баламутецъ негодуетъ, задаетъ головомойку подателю, сыплетъ перуны на Омутовскаго и тутъ же, въ «пику» врагу, въ узенькомъ пространствѣ между двумя фамиліями *тискаетъ*.... Подносятъ «текущія» къ Омутовскому, когда Баламутецъ уже успѣлъ «присосѣдиться» къ подписи Сарданапала,—происходитъ ни дать ни взять та же «трагедь-комедія».... Теперь, говорятъ, «чувствомъ раздора ихъ души въ груди взволновались» до того, что того и гляди вспыхнетъ *кровавое междоусобіе* между всѣми мастями обѣихъ колодъ!...—Гг. юристы, спасите Чепухинскъ отъ готовящагося ужаснаго *позорища!* Рѣшите, пожалуста, общими силами: распря между тузами—*младшей* масти, но колоды *перваго* разбора, и *старшей* масти, но колоды *втораго* раз-

бора—къ категоріи *абструзныхъ* или *абстрактныхъ* дѣлъ относится? довлѣетъ ли *освѣтить* оное, или просто *освистать* подобаетъ?...—Страшно, читатель, за человѣка, страшно! Омутовскій.... Баламутецъ... Вѣдь,

Коль до когтей у насъ дойдетъ,
То одному не быть живому!...

32.

Отъ высоко прекрасныхъ олимпійскихъ поступковъ М-ше Фифійчиковой (*), я перехожу къ персонамъ простымъ съ земными наклонностями. Фрикасе, блюститель порядка, отличается необыкновенною дѣятельностью, въ чемъ, конечно, ему сильно помогаютъ его подчиненные. Спектакли творятся истинно удивительные! Существуетъ въ Фифіевѣ господинъ Рыбоодноглазовъ, осужденный за многіе художественные поступки и за оскорбленіе чести дѣвушки. Рыбоодноглазовъ на пути по владимірскому тракту встрѣтилъ собрата по ремеслу, идущаго изъ странъ полярныхъ въ Россію; заплатилъ ему небольшую сумму, принялъ его фамилію и вернулся на родину, въ Фифіевъ, волкомъ въ овечьей шкурѣ. Здѣсь Рыбоодноглазовъ находится подъ покровительствомъ Фрикасе и занимается похищеніемъ дѣвушекъ, которыхъ помѣщаетъ съ коммерческою цѣлью въ устроенную имъ оранжерею камелій. Дѣло идетъ отлично — Рыбоодноглазовъ имѣетъ 500 тыс. капитала. Недавно этотъ господинъ похитилъ четырнадцатилѣтнюю дѣвушку и (настоящій рыцарь!) ее хотѣли у него отнять нѣкоторые господа, но Рыбоодноглазовъ узналъ объ этомъ отъ своихъ агентовъ и тотчасъ же переселился ближе къ границѣ. Черезъ какихъ нибудь два мѣсяца онъ вернется непремѣнно и я буду имѣть удовольствіе еще разсказывать объ немъ.

(*) Начало этой статьи, состоящее изъ стиховъ, помѣщено въ отдѣлѣ «Стихотвореія», стр. 189.

— Сотрудникъ Фрикасе—Баламутинскій, поэтъ и искусникъ ловить воровъ, недавно обдѣлалъ премилое дѣло. Онъ взялъ съ купца триста р. с. денегъ, обѣщаясь за это поймать воровъ, которые принесли купцу убытка на двѣ тысячи руб. сер. Спустя недѣлю, Баламутинскій явился къ купцу съ найденными вещами: старымъ тулупомъ и съ фунтомъ сушеной малины. Купецъ конечно молчитъ—ужъ лучше тулупъ съ сушеной малиной, чѣмъ ничего...

— Въ Фифіевѣ открытъ философскій камень служебной карьеры. Гарабусовъ—сановное лицо одной палаты не долюбливалъ своего подчиненнаго писца (лицо, видите ли, имѣлъ угрястое) и содержалъ его въ таковой должности много лѣтъ. Не вытерпѣлъ наконецъ затертый чиновникъ, пришелъ къ Гарабусову, попросилъ секретной аудіенціи и началъ рѣчь съ того, что въ Россіи давно надоѣли татарскіе роды, а въ заключеніе задѣлъ начальство... по воротнику. Гарабусовъ благоденствуетъ и чиновникъ тоже, только въ должности столоначальника. (Sic!)

— Протекаетъ въ Фифіевѣ большая рѣка, а на ней существуетъ мостикъ въ 6 милліоновъ руб. сер., да еще есть пристань—тоже стоитъ кой-чего. Замѣчаютъ въ одно прекрасное утро, что рѣка сдѣлала новое русло въ двухъ верстахъ отъ города и желаетъ современемъ оставить мостъ и пристань на сухомъ пути. Дѣло плохо и помочь ему нельзя даже съ помощію Фрикасе и прочихъ геніевъ порядка. Отписали куда слѣдуетъ, прислали туда нѣкоего Похвальбишкина. Разъярился сей мужъ вельми, и ну безъ толку бросать въ рѣку мѣшки съ пескомъ, забивать сваи—и наконецъ завалилъ плотину. Совладали съ рѣкой и пошла она старымъ русломъ. Похвальбишкинъ оказался истиннымъ благодѣтелемъ и зажилъ припѣваючи. Но черезъ самое небольшое время рѣка прорвала плотину, и съ этихъ поръ, вотъ уже три года, прудитъ рѣку и благоденствуютъ себѣ различные водяные. Штучка эта стоитъ весьма не мало; говорятъ, что тысячъ триста уже *ухнули въ воду* (въ буквальномъ смыслѣ слова).

— Упомянувъ о рѣкѣ и о ея проказахъ, не могу пропустить одного случая. Строилъ въ Фифіевѣ шести милліонный мостъ одинъ англичанинъ; дѣло свое онъ зналъ хорошо и мостъ вышелъ красивый. Оставалось испытать его прочность, и вотъ власти велѣли валить на него песокъ, сколько англичанинъ прикажетъ.

Навалили—стоитъ себѣ мостъ, и стоялъ онъ такъ нѣсколько времени. Замѣтилъ англичанинъ въ одно прекрасное утро, что находитъ туча и желаетъ покропить песокъ. Бѣжитъ англичанинъ къ сильному града—повѣсѣ и объясняетъ дѣло. Дайте, кричитъ людей, чтобы сбрасывать песокъ въ рѣку, а то онъ намокнетъ и мостъ можетъ обвалиться отъ лишней тяжести. Помилуйте, восклицаетъ въ свою очередь повѣса, да вѣдь и люди, намокнувъ, тоже тяжелѣе сдѣлаются. Экой острякъ какой!

— О фифіевская ученость! Еще приведу фактъ, чтобы показать, какъ ты неизмѣрима. Собрались солидные ученые мужи, и ну толковать о различныхъ высокихъ матеріалахъ; вдругъ является ихъ собратъ и кричитъ: «господа, знаете-ли, что гринвичскій меридіанъ совсѣмъ провалился!»—Что вы? неужели совсѣмъ провалился? спрашиваютъ въ великомъ ужасѣ солидные мужи и замираютъ на мѣстѣ... Извѣстіе производитъ тотъ же эфектъ, какъ въ «Ревизорѣ», когда является почтмейстеръ и прочитываетъ письмо Хлестакова. На этотъ разъ довольно о Фифіевѣ и объ его обитателяхъ. Наѣъ ждутъ другіе.

— Еще драгоцѣнные факты частной благотворительности!... О, времена, о, нравы!.. Для чего у насъ нѣтъ своихъ Гомеровъ, чтобъ «звукомъ божественной эллинской рѣчи» пересказать міру о нашихъ гражданскихъ доблестяхъ. Намъ же, увы! Гомеръ вмѣсто своего генія завѣщалъ только одинъ гомерическій смѣхъ, смѣхъ—и только. Что скажутъ, напримѣръ, о насъ алаханскіе жители, когда мы не съумѣемъ достойно цѣнить ихъ новыхъ подвиговъ благотворительности, подвиговъ безпримѣрныхъ и великихъ! Не имѣютъ ли они полное право воскликнуть:

«Правда, правда! гдѣ жъ твоя сила?..

Но дѣлать нечего. Не владѣя *высокимъ* слогомъ лѣтописцевъ, я постараюсь передать фактъ *своими словами*. Вѣдь брилліантъ, господа, хорошъ во всякой оправѣ!.. Итакъ — впередъ моя исторія.

Въ одно прекрасное утро жители Алаханска проснулись и вскрикнули отъ удивленія: вдругъ всѣ, отъ мала до велика, отъ алаханскаго воеводы до послѣдняго пономаря, замѣтили, что они выросли, рѣшительно выросли на нѣсколько вершковъ, даже древняя старожилка Алахани — *карлица*, которая садясь

на стулъ, постоянно махала ножками по воздуху, увидѣла, что ея ноги достаютъ до полу.

Что такое случилось съ алаханцами? старается узнать проѣзжій: отчего у нихъ у всѣхъ каблуки выросли?

Послѣ долгихъ справокъ узнаетъ, онъ, наконецъ о слѣдующемъ событіи, которымъ алаханцы гордятся, какъ лучшимъ фактомъ своей прогресивности: въ чью-то свѣтлую голову («въ мою!» кричитъ Растягай, воевода алаханскій) пришла благая мысль открыть въ городѣ «женское приходское училище» на общественный счетъ. Думали—гадали, и наконецъ *проектъ* открытія училища былъ одобренъ. Дѣло остановилось за подпиской. Кому поручить ее? Растягай, не долго думая (онъ долго никогда не думаетъ), передалъ дѣло подписки въ руки Лихоимцева: по силѣ, дескать, и возможности, кто сколько благоволитъ. Лихоимцевъ тотчасъ же приступилъ къ подпискѣ—и благоволенія полились. Какъ дипломатъ, онъ особымъ объявленіемъ извѣстилъ публику, что каждый жертвователь долженъ вносить деньги не гласно, такъ чтобы одинъ сосѣдъ не зналъ, сколько пожертвовалъ другой. Это было предложено въ видѣ не стѣсненія жертвователей, хоть 20 к. принеси—никто знать не будетъ, не стыдно!.. (Экая предусмотрительность какая!..) Черезъ два мѣсяца послѣ этого у Лихоимцева состоялось на приходѣ пожертвованныхъ денегъ ровно 1200 р. с., о которыхъ онъ Растягаю донесъ такъ: «въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ я, по порученію вашему, по подпискѣ, отъ лицъ разнаго сословія собралъ 200 р. с. (!), такъ не благоугодно ли вамъ будетъ таковыя принять и приступить къ исполненію желаемаго предпріятія».

Растягай, выслушавъ докладъ Лихоимцева, изъявилъ ему полную свою благородность.

— Надѣюсь, что вы будете мнѣ въ этомъ предпріятіи полезны... Но только торопиться не зачѣмъ, а надобно еще пріобрѣсти средства, поэтому, прошу васъ, продолжайте подписку.

Обрадованный Лихоимцевъ, сдавъ въ казначейство 200 р. с., опять приступилъ къ подпискѣ. Вѣдь благо никто ничего не знаетъ (такъ ли, полно?), можно и еще погрѣть руки: вѣдь край алаханскій холодный!

Прошло еще 2 мѣсяца и по подпискѣ вновь собралось ровно 1474 р. (Видите ли какая точная цифра!)

Опять Лихоимцевъ докладываетъ Растягаю:

«Имѣю честь донести, что по личному вашему порученію я продолжалъ сборъ пожертвованій и собралъ еще 474 р. (!!) слѣдовательно, всего 674 р. Не прикажете ли еще продолжать подписку до *тысячи*? (очень, видно, разлакомился). Растягай вновь благодаритъ и соглашается съ его мнѣніемъ. Пока еще не исполнилось двухъ мѣсяцевъ, и мы не знаемъ до сихъ поръ о результатѣ сбора. Подождемъ... увидимъ... Таланты Лихоимцева заслуживаютъ вполнѣ нашего вниманія: думая о своемъ благополучіи, онъ не забылъ и «общественной пользы»:

И внявъ своей судьбѣ,
Онъ мнилъ, склонившись долу:
«Три тысячи—себѣ,
А тысячу—на школу».

Но не забудемъ мы также и самого воеводу алаханскаго—Растягая. Лучшимъ доказательствомъ его нѣжнаго, чувствительнаго сердца—служитъ любовь воеводы къ драматическому искусству и къ театру...

Отрада юношескихъ лѣтъ,
Подруга идеаламъ;
О, сцена! сцена! не поетъ,
Кто не былъ театраломъ.

Такимъ образомъ, когда Растягай поселился въ Алахани, то полагалъ, что содержатель тамошняго театра сдѣлаетъ ему любезное предложеніе—посѣщать театръ безплатно. Но содержатель думалъ иначе, и по случаю повышенія театральныхъ расходовъ не заблагоразсудилъ отдавать Растягаю ложи *даромъ*.

— Хочетъ ходить—такъ пусть платитъ!.. заключилъ онъ рѣшительно.

Растягай былъ оскорбленъ и рѣшился мстить. Онъ сдѣлалъ строгое распоряженіе, чтобы всѣ его подчиненные, подъ страшною отвѣтственностью, не смѣли никогда ходить въ губернскій театръ.

— Роскошь одна неумѣстная! Кто пойдетъ—со службы прогоню.

И никто не смѣетъ нарушить его приказанія.

Бѣдный содержатель театра! Несчастная жертва собственной неопытности и непрактичности!..

Въ Алахани — еще новость: тамъ затѣвается мѣстная газета «Ра», вѣроятно осмѣленная успѣхомъ «Кіевскаго телеграфа» (да вѣдь тамъ г. Фонъ-Юнкъ, господа, шутите вы съ нимъ)! Одно важное лицо (не Растягай-ли?) предложило свое покровительство новому органу края, давъ при этомъ нѣсколько напутственныхъ совѣтовъ:

«Я самъ одобряю гласность, но только въ извѣстныхъ границахъ. Вы можете, напримѣръ, говорило лицо издателю, писать о различныхъ злоупотребленіяхъ, безпорядкахъ и неудобствахъ въ нашей жизни, но отнюдь не касаясь начальства и не приписывая ему причины этихъ безпорядковъ. Если случится вамъ заговорить о дурной мостовой нашего города, или о неисправности тротуаровъ, то никакъ не слѣдуетъ винить въ этомъ случаѣ начальства, а выразиться въ общихъ словахъ о такомъ неудобствѣ: сказать, что на все воля Божья—и довольно. Это и начальству пріятно и согласно съ христіанскимъ правиломъ: не судите, да не судими будете.

Говорятъ, что будущій издатель алаханской газеты, совершенно согласенъ съ принципами своего покровителя. Вотъ будетъ газетка-то?...

—

Заключу свой дневникъ еще однимъ фактомъ изъ провинціальной жизни—и довольно. Въ послѣднемъ № газеты «Сіонъ», литературномъ органѣ русскихъ евреевъ, помѣщено слѣдующее извѣстіе изъ Пинска: «Въ началѣ 1861 года мы съ особеннымъ удовольствіемъ узнали, что мѣстное учебное начальство возъимѣло благую мысль открыть и въ нашемъ городѣ женскую гимназію. Здѣсь-то, думали мы, дѣвушки будутъ получать приличное научное образованіе, равно необходимое для всѣхъ сословій и состояній; здѣсь-то, сходясь и дружась между собою, независимо отъ своего происхожденія и общественнаго положенія, онѣ съ раннихъ лѣтъ научатся цѣнить въ человѣкѣ то, что́ дѣйствительно достойно цѣненія—его человѣческое достоинство, независимо отъ случайной его обстановки. Женскія гимназіи — дѣло новое и задуманное, очевидно, въ современномъ духѣ. Какъ было

не думать, что новое вино не станутъ вливать въ старые мѣха, что новаго общеполезнаго дѣла не станутъ портить устарѣвшими предразсудками? Не тутъ-то было.

Наступилъ, наконецъ, нетерпѣливо-ожиданный день открытія училища. Между прочими, явилась и дѣвица-еврейка, съ просьбою о принятіи ея въ гимназію, въ надеждѣ, что и ей отказано не будетъ. Но она считала безъ предразсудковъ: ея не приняли, потому, дескать, что жидовки тутъ не принимаются.

Не могу не упомянуть здѣсь объ истинно-просвѣщенномъ образѣ дѣйствій инспектора пинской гимназіи, *П. А. Овчинникова*, который, не щадя трудовъ, много хлопоталъ о дозволеніи принимать въ училище и еврейскихъ дѣвицъ. Онъ собралъ, по этому случаю, педагогическій совѣтъ, въ которомъ былъ обсуждаемъ этотъ головоломный вопросъ. Но труды г. Овчинникова не увѣнчались успѣхомъ: послѣ многократныхъ засѣданій рѣшено было не принимать ни одной еврейской дѣвицы въ училище. Вотъ еще до чего только дожили мы въ нашъ просвѣщенный XIX-й вѣкъ.

33.

Передовые люди высказались.

Прикрытые цензурою, они долго завертывались въ таинственные плащи *великихъ*, ропща и жалуясь на недостатокъ свободы въ печати и дѣлая намеки на то, что еслибъ имъ развязали руки, то они бы удивили весь свѣтъ своею геніальностью и, конечно, облагодательствовали бы всю Россію.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали и желали для Россіи полной свободы печати, чтобъ услышать все то великое, что хранилось подъ спудомъ у этихъ умственныхъ львовъ, закованныхъ въ цѣни... Но, увы! еще только думаютъ начать кое-какія преобразованія въ печати, не говоря уже о полной свободѣ ея, а наши львы

проболтались въ конецъ и мало-по-малу начинаютъ складывать свое умственное оружіе, и приниматься за *ручное*.

Стыдно сказать, а это такъ. Въ концѣ прошлой зимы были два-три примѣра, что *передовики* принимались за рукопашную, или хотѣли приняться... по-крайней-мѣрѣ, они сами протрубили въ литературныхъ кружкахъ о своей готовности вступить въ рукопашную.

Такъ-то торжественно и величаво окончилась прошлая зима, которой мы отъ души поемъ панихиду, со всѣми ея морозами, литературными свистками и *отрицательными* боксерами.

Кромѣ этой капитальной услуги, оказанной прошедшею зимою читающему классу русской публики, она оказала много и другихъ, между-прочимъ уже на фактахъ проявила огромную пользу, которую принесло преобразованіе въ личномъ составѣ петербургской полиціи. По-крайней-мѣрѣ мы знаемъ случай, который въ прежнія времена былъ рѣшительно невозможенъ.

У насъ есть одинъ пріятель по наслышкѣ, то-есть такой пріятель, который намъ-то собственно и не пріятель, и даже не подозрѣваетъ о нашемъ жалкомъ существованіи, но мы достовѣрно знаемъ о существованіи его и о существованіи многихъ маленькихъ его продѣлокъ, вслѣдствіе чего и чуствуемъ къ нему особенно нѣжное расположеніе. Такъ вотъ этотъ-то самый господинъ, занимая очень-выгодное въ свѣтѣ положеніе, рѣшился извлекать изъ него всевозможныя выгоды. Пользуясь своимъ именемъ, а главное—расположеніемъ другихъ лицъ, выше его поставленныхъ, и то и другое онъ сталъ употреблять на разработку золотыхъ рудниковъ въ чужихъ карманахъ, или, говоря проще, занималъ деньги гдѣ только могъ,—съ твердымъ намѣреніемъ уплатить при первой возможности—вы думаете? нѣтъ! съ самымъ твердымъ намѣреніемъ никогда и никому не платить.

Посредствомъ своихъ агентовъ, онъ отыскивалъ людей, имѣвшихъ деньги и имѣвшихъ, по какому-нибудь случаю, нужду въ сильномъ покровительствѣ, обѣщая то выгодное мѣсто, то свое покровительство въ какомъ-нибудь дѣлѣ, смотря по тому, кто въ чемъ нуждался—онъ занималъ у этихъ своихъ паціентовъ деньги, раздавая векселя также небрежно, какъ почтальоны раздаютъ письма. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: я самъ могу раздать векселей хоть на милліонъ, если только буду увѣренъ, что съ меня не будутъ взыскивать. А пріятель нашъ именно въ этомъ

и былъ увѣренъ. Онъ зналъ очень-хорошо, что никто не рѣшится подать на него ко взысканію, а если и рѣшится, то ни одинъ полицейскій чиновникъ не рискнетъ принять жалобу... наконецъ, если бы то и другое случилось, то онъ могъ всегда уничтожить и кредитора, и дерзкаго чиновника.

Дѣйствительно, такъ и было: ни одинъ кредиторъ, обманутый обѣщаніями, не рѣшился подавать ко взысканію, а если и бывали такіе смѣльчаки, то они потомъ вполнѣ соглашались съ мнѣніемъ полицейскихъ чиновниковъ, что лучше потерять деньги (предметъ наживной), нежели погубить всю свою жизнь.

Такимъ-то самымъ благополучнымъ и пріятнымъ образомъ для нашего пріятеля, шли дѣла, пока полиція не начала обновляться въ своемъ личномъ составѣ...

Случилось, что одинъ довольно-важный постъ этого рода службы былъ занятъ человѣкомъ, которой по разнымъ причинамъ не находился въ зависимости отъ нашего пріятеля, и по характеру своему вообще неспособенъ быть у кого-нибудь въ зависимости, кромѣ своей совѣсти. Кредиторы нашего пріятеля узнали объ этомъ и, конечно, рѣшились воспользоваться единственнымъ случаемъ вернуть свои потерянныя деньги. Они подали ко взысканію, разсчитывая на прямоту и добросовѣстность вновь-назначеннаго чиновника.

Случилось такъ, что чиновникъ этотъ встрѣчался въ одномъ домѣ съ нашимъ пріятелемъ, вслѣдствіе чего они скоро тамъ и встрѣтились.

— A! bonjour! закричалъ нашъ пріятель.

— Здравствуйте, здравствуйте mon cher ami! А у меня есть дѣло до васъ.

— Дѣло? Но какое вы можете имѣть до меня дѣло?

— Очень-непріятное, къ сожалѣнію. Имѣю на васъ жалобы.

— Какъ?

— Да, жалобы. Вы долговъ-то своихъ не платите, mon ami, на васъ подано ко взысканію.

— На меня?

— На васъ.

— На меня? Это что значитъ?

[illegible]къ я не знаю, что это значитъ, а дѣло существуетъ. Я [illegible]очно предупреждаю, чтобъ вы постарались заплатить [illegible]у.

— Я своихъ долговъ никогда не плачу!

— Очень-худо дѣлаете, потому-что мнѣ придется описать ваше имущество.

— Такъ вы серьезно намѣрены взыскивать съ меня?

— Это моя обязанность, иначе я не могу распорядиться.

— Но помилуйте, ваши предмѣстники никогда не позволяли кому бы то ни было подавать ко взысканію на меня. Всѣ прошенія возвращались обратно, или оставлялись безъ вниманія. Отчего же вы не можете точно такъ же распорядиться?

— Вѣроятно потому, что у меня другія понятія о своихъ обязанностяхъ. Я все-таки предупреждаю васъ распорядиться какънибудь, потому-что въ скоромъ времени къ вамъ придутъ опечатать ваше имущество.

Нашъ пріятель увидѣлъ наконецъ, что нашла коса на камень: конечно, съ непривычки, ему показалось все это ужасно грубо, дико и непонятно, но дѣлать-то было нечего. Онъ пошелъ къ своему пріятелю-покровителю, разказалъ ему о своемъ печальномъ положеніи, просилъ помочь, тѣмъ болѣе, что этотъ пріятель-покровитель самъ былъ причиною бѣды, такъ-какъ онъ далъ мѣсто строгому чиновнику.

Пріятель-покровитель оказался дѣйствительно и пріятелемъ, и покровителемъ. Онъ только спросилъ:

— А много ли нужно заплатить?

— Да не особенно много.

— Ну ладно, я тебѣ дамъ, только послѣдній разъ.

Такимъ-образомъ нѣкоторые кредиторы и были удовлетворены.

Записываемъ этотъ подвигъ прошедшей зимы, потому-что подобныхъ подвиговъ у предпрошлыхъ зимъ не бывало.

34.

На судъ общественный!

(Письмо въ редакцію).

Покорнѣйше прошу васъ объявить печатно о слѣдующемъ фактѣ, тѣмъ болѣе возмутительномъ, что онъ совершенъ лицомъ, которому довѣрено воспитаніе юношества.

Въ одномъ изъ с.-петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ продолженіе слишкомъ 14-ти лѣтъ служила В. С. У-нова въ качествѣ гардеробной дамы. Въ послѣднее время она хворала, но тѣмъ не менѣе исполняла всѣ свои обязанности. Только мѣсяцъ тому назадъ она совершенно занемогла. Тогда, съ согласія начальнины, во время болѣзни или, вѣрнѣе сказать, до смерти ея, сестра В. С—вны, А. С., замѣняла ее и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣла за больною. Но начальница не могла дождаться смерти бѣдной, беззащитной женщины. Ей хотѣлось поскорѣе передать ея скромную казенную комнату женщинѣ, которой она обѣщала ея мѣсто. Однако, должно быть для успокоенія своей совѣсти, она призвала доктора, привела его къ больной и спросила его, можно ли ее отправить въ больницу? Докторъ покачалъ головой и замѣтилъ только: «Вы вѣдь видите, въ какомъ она положеніи»!.. Несмотря на такое мнѣніе доктора, эта безчеловѣчная начальница *воспитательнаго* заведенія объяснила больной, что ея комната нужна, что ей надо отправиться въ больницу. «Тамъ вамъ будетъ гораздо лучше; тамъ вы скорѣе поправите здоровье. Моя близкая родственница—начальница этой больницы; она всячески будетъ заботиться о васъ. Если бы я была въ вашемъ положеніи, то непремѣнно отправилась бы туда!» и проч. и проч. Замѣчу еще, что до этого объясненья, директриса просила другихъ изъ служащихъ въ заведеніи дамъ передать больной, что ей необходимо оставить свою квартиру; но всѣ отказывались исполнить это порученіе, боясь огорчить больную и тѣмъ ускорить смерть...

На другой день (во вторникъ 4-го марта) больную съ величайшимъ трудомъ вынесли въ карету и отправили въ больницу.

Какое впечатлѣніе сцена эта произвела на окружающихъ, вы можете заключить уже изъ словъ случившагося тутъ священника.

«Что вы дѣлаете съ умирающею женщиною? есть-ли на васъ крестъ»? сказалъ онъ, обращаясь въ хлопотавшему при этомъ эконому.

Посадивъ больную въ экипажъ, сестра В. С—ны возвратилась въ ея комнату и упала въ обморокъ; едва успѣла она очнуться, какъ ей уже передали приказаніе начальницы—тотчасъ же всю мебель убрать на хоры.

Когда больную привезли въ больницу, фельдшера не могли надивиться тому, что привезли туда издыхающую женщину. Сегодня (въ воскресенье 11-го марта) она умерла. Сегодня же одна знакомая ей дама пошла навѣстить ее въ учебномъ заведеніи.

Отъ швейцара она узнала, что В. С. умерла, и что передъ смертію ее *выгнали изъ квартиры*. «Вотъ служишь цѣлый, вѣкъ», сказалъ швейцаръ, «а какъ придетъ пора умереть, тебя и выбросятъ на улицу».

Не знаю я врача, котораго начальница заведенія привела въ прошлый понедѣльникъ къ больной, иначе я не замедлилъ бы разспросить и его о происшедшемъ.

Впрочемъ, факты эти сообщены мнѣ такими лицами, что я вполнѣ могу ручаться за достовѣрность ихъ.

55.

Письмо къ издателю.

Въ одномъ изъ №№ издаваемой вами *Современной лѣтописи*, за прошлый годъ, было перепечатано изъ *Пензенскихъ губернскихъ*

вѣдомостей извѣстіе о женскомъ училищѣ. Не знаю, кто написалъ такую замѣтку для *губернскихъ вѣдомостей*, но во всякомъ случаѣ, писавшій или не знаетъ пензенскаго женскаго училища, или имѣетъ странный, чтобы не сказать болѣе, взглядъ на воспитаніе дѣвицъ.

Невѣрность въ подобнаго рода извѣстіи слишкомъ важна, чтобъ оставить ее безъ поправки. Я обращаюсь къ вамъ съ просьбою напечатать мои замѣтки, за вѣрность которыхъ ручаюсь.

Женскій пансіонъ въ Пензѣ (при немъ же была и уничтоженная теперь женская гимназія) состоитъ подъ управленіемъ нѣкоей mademoiselle Гофманъ, женщины очень мало образованной, неимѣющей никакого понятія о воспитаніи. Она, какъ извѣстное лицо въ «Горе отъ ума», больше всего боится книгъ.

Вторая начальница пансіона, другъ, наперсница и экономка Гофманъ, дѣвица Кортъ, женщина безграмотная. Она то и есть главное дѣйствующее лицо, и дѣйствуетъ, нужно замѣтить, неутомимо, не жалѣя ни горла, ни рукъ. Она бранится, какъ базарная торговка; бьетъ, какъ самый исправный будочникъ. Вы, можетъ быть, не повѣрите этому, то я назову вамъ дѣвицъ, съ которыми Кортъ расправлялась при помощи рукъ. Дѣвицу Загибалову она такъ прибила, что та была нѣсколько времени больна; недавно она побила маленькую дѣвочку Соломину. Впрочемъ, Кортъ не всегда употребляетъ такія грубыя мѣры исправленія, иногда она дѣйствуетъ въ духѣ нашихъ чадолюбивыхъ и нравственныхъ помѣщицъ: обрѣзываетъ косы, чтобы дѣвицы не кокетничали. (На дняхъ почти она обрѣзала косу дѣвицы Поздхониной.) Съ ней, къ сожалѣнію, дѣвицы не могутъ обращаться, какъ они обращаются съ гувернантками, въ подобныхъ случаяхъ. Съ тѣми онѣ безъ церемоніи: гувернантка грубое слово, —ей два; а бываетъ, что и подерутся. Это тоже фактъ. Гувернантки на подборъ: одна, какая то глуповатая нѣмка, только влюбляется во всякаго мужчину, котораго встрѣтитъ на улицѣ или увидитъ въ окно. Чтобъ имѣть возможность дѣлать глазки, привѣтливо улыбаться, она ходитъ въ русскую церковь и не одна, съ дѣвицами, позволяя имъ дѣлать то же.

Есть еще француженка, Клотильда Аванзино, которая лихо бранится по французски, и браннымъ словами пополняетъ свѣдѣнія во французскомъ языкѣ.

Самая вредная изъ гувернантокъ, это старая, сморщенная дѣва

Ремезова. Это гувернантка-приживалка, если можно такъ сказать; она ласкается къ Гофманъ, цѣлуетъ нетолько руки, но и ноги у ней, передаетъ городскія сплетни, выпытанныя у дѣвицъ, и сплетничаетъ на дѣвицъ, не прямо говоритъ, а сплетничаетъ. Она вредна потому, что поумнѣе другихъ гувернантокъ и больше имѣетъ вліянія на дѣвицъ.

При отсутствіи серьезныхъ интересовъ, пансіонъ сталъ мѣстомъ, куда стекаются всѣ городскія сплетни; гдѣ ведутся самые пошлые разговоры и читаются отвратительныя книжонки, въ родѣ «Пана Ягужинскаго» какого то. Намъ попалась разъ книга для чтенія, Щербины; въ ней мы прочли такія грязныя эпиграммы, акростихи, что просто глазамъ не вѣрилось, чтобъ эта грязь была вписана въ учебную книгу дѣвочкой лѣтъ 13. За вѣрность этихъ словъ ручаюсь вамъ словомъ честнаго человѣка. Вы удивитесь, какимъ образомъ существуетъ подобный пансіонъ до сихъ поръ, какъ отдаютъ туда дѣвочекъ. Это объясняется очень просто: возникъ онъ изъ школы для обученія чтенію и письму, по протекціи знатной дамы (Олсуфьевой), которая была попечительницей школы. Она была въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ губернаторшей Панчулидзевой, попечительницей пансіона для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Въ пику Панчулидзевой и для удовлетворенія мелочнаго самолюбія, она просила попечителя Молоствова, который, во время своихъ пріѣздовъ въ Пензу, напивался до положенія ризъ у Олсуфьевыхъ, сдѣлать изъ школы пансіонъ. Пансіонъ явился. Олсуфьева дѣлала все, чтобы возвысить пансіонъ въ глазахъ общества: часто ѣздила, брала къ себѣ дѣвицъ, устраивала парады-экзамены. Къ этому нужно прибавить, что для воспитанія дочерей недворянъ не было заведенія. Вскорѣ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ былъ закрытъ, потому что начальница его отказалась отъ управленія; Олсуфьева уѣхала изъ Пензы, и попечительницей стала Панчулидзева. По вліянію ея мужа, дворянскій пансіонъ присоединенъ къ пансіону Гофманъ, отъ чего улучшилось и матеріальное его благосостояніе (дворяне для воспитанія 20-ти благородныхъ дѣвицъ своего сословія платятъ 3,500 р. с.).

Дворяне довольны Гофманъ, потому что болѣе значительные изъ нихъ дочерей своихъ не отдаютъ въ пансіонъ, а между тѣмъ съ ними Гофманъ почтительна до раболѣпія. Кромѣ того, нужно правду сказать, пансіонъ убранъ довольно изящно; на

публичныхъ экзаменахъ на заранѣе приготовленные билеты дѣвицы отвѣчаютъ отлично и всѣ получаютъ похвальные листы. Всѣ это видятъ и хвалятъ пансіонъ. Правду о немъ говорятъ, но только лица, «непринадлежащія къ обществу», слова которыхъ, если они дойдутъ до общества, не обращаютъ на себя никакого вниманія.

Есть, впрочемъ, лицо, которое могло бы имѣть большое вліяніе на пансіонъ, это директоръ гимназіи, отъ котораго пансіонъ зависитъ. Но прежній директоръ (Лубкинъ) былъ человѣкъ очень разсчетливый и понялъ, что пансіонъ Гофманъ можетъ быть прибыльною статьей дохода; понялъ и пользовался этимъ, какъ нельзя лучше. Новый директоръ (г. Шарбе) только годъ въ Пензѣ, и, вѣроятно, не знаетъ, что̀ такое пансіонъ.

36.

Высоконравственные люди.

Воспитанникъ Теперешневъ собралъ товарищей и читалъ вслухъ конспектъ изъ древней исторіи, составленный репетиторомъ заведенія Свѣтленковымъ и, въ числѣ примѣровъ высокаго патріотизма греческихъ женщинъ, упомянулъ, что онѣ, для спасенія своихъ согражданъ, рѣшились и на *безнравственныя жертвы*. Въ эту самую минуту проходилъ одинъ изъ начальниковъ заведенія, г. Уголъ, посвятившій себя, какъ самъ сказывалъ, преслѣдованію и искорененію всякой безнравственности и т. п. Онъ звѣремъ накинулся на Теперешнева, вырвалъ тетрадь и побѣжалъ къ старшему съ докладомъ, о какихъ-то безнравственныхъ предметахъ разсуждаютъ воспитанники. Старшій былъ умнѣе и взглянулъ на дѣло иначе, но тѣмъ не менѣе счелъ обязанностію замѣтить репетитору Свѣтленкову слѣдующее:

— Знаете, у насъ, здѣсь въ заведеніи, педагоги, товарищи

ваши, большею частію такіе же невѣжды, какъ г. Уголъ... Такъ не мѣшало бы вамъ помнить для руководства вашего пословицу: «съ волками жить—по волчьи выть».

Конечно, старшой долженъ-бы былъ сказать прямѣе «съ ослами-де жить—осломъ и быть!»

37.

Почтовая замѣтка. Спѣшу заявить объ одномъ непріятномъ случаѣ, недавно бывшемъ со мною. Уѣзжая изъ Новогрудка (Минской губ.), я оставилъ сестрѣ конверты съ своеручною надписью московскаго адреса. На дняхъ я получилъ одинъ изъ этихъ конвертовъ, въ которомъ, къ моему крайнему удивленію и вовсе не къ удовольствію, оказалось письмо неизвѣстно кѣмъ и кому писанное. Я сталъ прилежно разсматривать конвертъ, и замѣтилъ, что онъ былъ разрѣзанъ сбоку и потомъ снова заклеенъ. На послѣднее я, такъ и быть, ужъ не жалуюсь, коли это такъ и быть должно; но зачѣмъ же письма мѣнять.

38.

О зимнемъ сезонѣ минеральныхъ водъ въ Сибири. Спѣшимъ подѣлиться своимъ драгоцѣннымъ открытіемъ со всѣми страждущими, которые съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждутъ прихода весны, чтобы летѣть, по совѣту врачей, на западъ къ минеральнымъ водамъ для исцѣленія отъ болѣзней. Отнынѣ для нихъ весна теряетъ свое значеніе; къ чему ее ждать, когда угрюмая, хо-

лодная Сибирь (кто бы это подумалъ!) открываетъ бѣднымъ страдальцамъ привѣтливо свои объятія и приглашаетъ ихъ на свой зимній сезонъ минеральныхъ водъ! Въ доказательство приводимъ указаніе на № 97 газеты «Амуръ», гдѣ отъ 16 декабря напечатано, объ увольненіи въ отпускъ предсѣдателя иркутскаго губернскаго суда, статскаго совѣтника Булатова *на два мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія, для излеченія болѣзни къ минеральнымъ водамъ*.—О восходящее надъ Россіею солнце прогресса! Ты смягчаешь не одну только нравственную оболочку русскаго человѣка, но подъ твоими живительными лучами круто измѣняется самая природа и таетъ снѣговая кора тѣхъ мѣстностей, которыя прежде считались ледниками нашего пространнаго отечества. Ужъ какъ казалось, непоколебима была репутація сибирской зимы и посмотрите, что́ сталось съ ней теперь, куда дѣвались 40-ка градусные морозы, при однихъ разсказахъ о которыхъ у европейца застывала кровь въ жилахъ. Нынѣ обитатели Сибири, по крайней мѣрѣ статскіе совѣтники живущіе въ ней, пользуются такими климатическими преимуществами, какихъ даже дѣйствительные статскіе совѣтники не найдутъ въ Италіи: въ какомъ нибудь Иркутскѣ статскій совѣтникъ Булатовъ, захворавъ зимой, не лишенъ въ декабрѣ и январѣ возможности прибѣгнуть немедленно къ минеральнымъ водамъ; попечительное начальство тотчасъ же снабжаетъ его отпускомъ—и летитъ себѣ немощный статскій совѣтникъ изъ своего губернскаго суда, отъ стола съ зерцаломъ и грудой бумагъ, къ тѣмъ вожделѣннымъ мѣстамъ, гдѣ бьютъ ключи живой воды, и глотаетъ онъ всеисцѣляющую влагу ея, и купается въ ней по горло, и бодрѣетъ и молодѣетъ... Фу, даже зависть беретъ!—Газета «Амуръ» оказала бы огромную пользу страждущему человѣчеству, если бы сообщала во всеобщее свѣдѣніе больше подробностей о зимнемъ сезонѣ минеральныхъ водъ въ Сибири, дабы имъ могли и въ европейской Россіи воспользоваться всѣ, чающіе движенія воды.

39.

Канцеляризму русскому доставалось уже не мало выдерживать разныхъ обидъ и поруганій. «Канцеляризмъ—мертвая буква, гражданская подагра!» кричали не однажды и отвсюду разные горячіе нигилисты. До поры до времени канцелярскія силы, оскорбленныя общимъ недовѣріемъ, изъ гордости не хотѣли ни чѣмъ заявлять себя. Время это прошло, и всѣ мы теперь съ благороднымъ самоотреченіемъ должны отказаться отъ прежняго узкаго взгляда нашего. Причинъ къ этому достаточно; довольно только одного величественнаго зрѣлища, какое представляетъ намъ хоть талантъ г. И. Арсеньева, талантъ, распустившійся, такъ сказать, подъ благословенной тѣнью русской канцеляріи. Пройдемъ ли мы также безъ вниманія фактъ, о которомъ упоминали почти всѣ русскія газеты, фактъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ послѣ раздачи наградъ на лондонской выставкѣ. Нѣтъ, я не могу умолчать объ этомъ и указываю вамъ, любезный читатель, на слѣдующее событіе: нашъ сельско-хозяйственный департаментъ, за доставленныя имъ шкуры и мѣха на выставкѣ получилъ награду, а канцелярія оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора за свои перчатки удостоилась медали. Это извѣстіе должно перевернуть въ насъ прежнее устарѣвшее мнѣніе о русскихъ канцеляріяхъ и о дѣятельности, которая въ нихъ совершается. Мы всѣ до сихъ поръ предполагали, что за канцелярскими столами только совершается строгое служеніе Ѳемидѣ, и вдругъ узнаемъ, что тамъ практически поощряется русская промышленность, кипитъ фабричная работа и шьются платья и перчатки. Неужели же мы не поддержимъ новыхъ подвиговъ своихъ русскихъ канцелярій, когда уже сама Европа почтила ихъ наградой. Неужели? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Я даже увѣренъ, что первыя откликнутся на мой призывъ мои благородныя соотечественницы, къ которымъ я прежде всего и хочу теперь обратиться съ своею новою просьбою:

Васъ, женщинъ сѣвера, васъ, корифеекъ тона,
Молю васъ обратить вниманіе на то:

Не покупайте вы перчатокъ у Леона,
У Фроманто.

Забудьте Юнкера, парижскіе бульвары,
Лишь въ канцеляріи спасенье русскихъ дамъ,
Перчатки лучшія Урала и Самары
Готовы вамъ.

Для васъ, для васъ, mesdames, забывъ свои порядки,
Входящія дѣла, бумаги кинувъ прочь,
Вся канцелярія работала перчатки
И день и ночь.

Строча, сидѣлъ писецъ не за рапортомъ хмурымъ—
За лайкой мягкою и нѣжной, какъ атласъ,
И слова *строчка* тамъ явилась каламбуромъ
Для васъ, для васъ.

Перчатки русскія прославились въ Европѣ,
Но ждутъ онѣ похвалъ отъ гражданокъ своихъ...
За попеченіе о вашемъ гардеробѣ,
Носите-жъ ихъ!..

40.

Житіе юродиваго Виктора (*).

Мѣсяца января 31, въ лѣто отъ Р. Х. 1815, у нѣкіихъ благочестивыхъ родителей родился сынъ, ему же имя бысть Викторъ, и бысть вскормленъ отъ млека матери своей и по первому году начаша ходити и рѣзвитися, веселя сердце матери своей. Бысть такожде, егда достиже возраста семи лѣтъ, и потомъ

(*) Житіе это найдено у юродиваго Корѣйши послѣ смерти и по всей вѣроятности написано имъ самимъ. Написано оно довольно неправильнымъ славянскимъ языкомъ; мы сочли неумѣстнымъ поправлять языкъ человѣка, такъ высоко прославленнаго г. Аскоченскимъ.

начаша учити его азбуци, часослову и псалтири и добро успѣваху въ чтеніи и писаніи; бѣ отроча зѣло игривъ: взлазаху бо на высоціи деревья и на кровлю дома отца его и бѣгаша по ней легко, аки козлище. По девятомъ же году, егда отроча Викторъ зѣло успѣ во всякой мудрости, бысть отданъ на воспитаніе въ школу, зовомую бурса, и тамъ учахуся во всякое время дня и нощи, изучая всякую премудрость и славянскую, и римскую, и греческую, и риторику, и философію, и такъ проходя всѣ философскія хитрости, достиже богословіи. Хотя же Викторъ зѣло добро успѣваху во всякихъ наукахъ, учителя-же даваху ему глаголемую субботку, имѣяху бо сіи учителя страхъ велій къ Богу и хотяша вселити его и въ младаго Виктора, да не иде на путь нечестивый; младой же юноша Викторъ, переноси сіе съ кротостію и терпѣніемъ, помня, что многіе святые и мученики претерпѣша жестокія мученія, перенося ихъ со смиреніемъ. Прошедши же курсъ богословія, Викторъ бысть посланъ въ академію, дабы воспріялъ тамъ всю премудрость и украсился всѣми добродѣтелями. И егда тамъ поселился младой Викторъ, по нѣкоемъ времени злой бѣсъ въ образѣ прелестной дѣвы начаша смущати юное сердце Виктора; онъ съизначала крѣпко стояша и неподдавашася обольщенію злаго прелестника; но бѣсъ не отставаша отъ него, и не могоша превозмочь похоти своею, Викторъ отдашася бѣсовской прелести. И мнози же видѣша сію рекомую прелестницу, сирѣчь бѣса, въ горницѣ его и ужасахуся. Приступивъ же къ нему начальникъ и возопивъ гласомъ великимъ, начаша обличати его. Онъ же не отрицая, сознахуся въ великомъ грѣсѣ и просяху прощенія себѣ и обѣщахуся не идти на совѣтъ злаго прелестника. И бысть нѣкое время тихо, но скоро бѣсъ опять смущаху его юную душу въ образѣ еще лѣпшей прелестницы, и не могоша противустоять ей. И бѣ соблазнъ велій въ академіи, и изгнаша Виктора оттуда, да не соблазняху прочихъ. Онъ же остави академію, начаша учительствовать у нѣкоего богатаго господина. И возлюби его сей господинъ за его лѣпы и разумны рѣчи. По нѣкоемъ же времени отъѣха сей господинъ изъ дому своего, оставя Виктору на попеченіе чадъ своихъ. И егда онъ отъѣха, мнози прелестницы начаша опять смущати Виктора и онъ отдася прелестемъ ихъ и устрояху для нихъ глаголемые «афинскіе вечера», гдѣ прелестницы нази, ни чѣмъ же покровенни, играша съ нимъ и плясаша, развращая младыхъ птенцовъ своихъ. Иногда же

отправляхуся къ рѣцѣ и тамъ купашася вмѣстѣ съ своими прелестницами и многое творяша съ ними непотребное. Возвратишася же господинъ и узнаху все сіе реченное и изгнаша Виктора съ великимъ позоромъ. Викторъ же удалися отъ него и многіе послѣ того мытарства прохождаша, бяху бо и судьею, и мнозимъ другимъ; напослѣдокъ же поселился у нѣкоего честнаго старца и живя, тамъ, сокрушахуся о грѣсѣхъ своихъ и плакаху горькими слезами. Единожды же, егда Викторъ предавахуся размышленію о суетѣ мірстѣй, на него нападе сонъ легкій и бысть ему нѣкое видѣніе: явися нѣкій мужъ, сѣдой аки лунь и глаголя ему: «встань, Викторе, гряди въ градъ Москву; тамъ живетъ нѣкій разумный мужъ Иванъ Яковлевичъ, онъ скажетъ тебѣ, что дѣлать.» Викторъ же, мня быти сонъ, не послѣдоваху совѣту сего старца и ничего не предпринимаху. И опять явися ему тотъже старецъ, то же глаголя. Онъ же не двигася. И въ третій разъ бысть то же видѣніе и удари старецъ палкою Виктора въ пяту. Вставши отъ сна, Викторъ чувствовалъ нѣкую боль въ пятѣ и увѣровахъ тогда въ видѣніе и собрахуся немедля въ путь. И егда достиже града Москвы, явися Викторъ къ Ивану Яковлевичу и разсказа ему все видѣнное и слышанное имъ, и вопрошаху его, что подобаетъ ему творити, да спасется и не внидетъ во адъ. Иванъ же Яковлевичъ отвѣща ему: «мерзость, запустѣніе.... Петроградъ, о добродѣтель!» Невѣ гласы же объясняютъ сіе такъ, что Виктору подобаетъ идти въ градъ св. Петра и насадить тамъ добродѣтель, бысть бо вездѣ мерзость и запустѣніе. И послѣдоваху совѣту сего мудраго мужа, Викторъ отправился въ градъ св. Петра и сдѣлахся тамъ оплотомъ всякой истины и столбомъ добродѣтели, поборая всякую неправду и неправосудіе, въ нѣкоемъ еженедѣльникѣ именуемомъ «Домашняя бесѣда.»

41.

Клевета въ юродствѣ.

Г. Аскоченскій, извѣстный въ Россіи по изданію газеты съ юродивымъ направленіемъ, и очень часто фигурировавшій въ роли литературнаго шута, дошелъ наконецъ до того наглаго нахальства, которое не можетъ быть безнаказанно терпимо ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. Въ 32-мъ выпускѣ *Домашней бесѣды* (11 го августа) онъ сказалъ газетѣ *Современное Слово*, что «въ словахъ этой газеты слышатся варіаціи на одну изъ темъ той гнусной прокламаціи, которую народъ православный встрѣтилъ полнымъ презрѣніемъ и заслуженнымъ негодованіемъ». Прокламація, встрѣченная съ негодованіемъ, очевидно есть «*Молодая Россія*», составители которой преслѣдуются правительствомъ, какъ враги общественнаго порядка. *Молодая Россія* проповѣдывала убійства, безбожіе, безначаліе, расторженіе семьи и раздѣлъ имуществъ. Естественно, что людей съ такими странными стремленіями никто не похвалилъ и не привиталъ (?); естественно также и то, что правительство ихъ преслѣдуетъ; понятно, что оно можетъ преслѣдовать всѣхъ, на кого будетъ указано какъ на участниковъ въ составленіи упомянутаго листка, даже понятно, если оно станетъ преслѣдовать и людей того направленія, котораго держалась *Молодая Россія*. Сказавъ, что въ *Современномъ Словѣ* варьируютъ на тему секретной прокламаціи, г. Аскоченскій долженъ понимать, что онъ сдѣлалъ. Нельзя же дѣлать всякія сумасбродства только потому, что человѣку посчастливилось прослыть юродивымъ? Выходка г. Аскоченскаго уже не похожа на прежнія его сумасбродства: это «поступокъ противъ чести и неприкосновенности лицъ» и вдобавокъ—это клевета и клевета самая черная, самая іезуитская, холодная и гадкая.

Дѣло началось съ того, что *Современное слово*, освѣдомляясь о какомъ-то сборѣ въ пользу «православнаго предпріятія въ

Іерусалимѣ», сказало, что «гораздо бы лучше, если бы эти сборы были употреблены на пособіе чиновникамъ и швеямъ, насидѣвшимъ себѣ чахотку, раненымъ офицерамъ и подшибеннымъ тяжестью артельщикамъ, разстроеннымъ болѣзнью и огорченіями литераторамъ. Всѣ они заслуживаютъ болѣе участія, чѣмъ богомольцы, отправляющіеся на поклоненіе хоть бы и въ Іерусалимъ.» Въ этомъ г. Аскоченскій видитъ варіаціи на тѣ темы, за изложеніе которыхъ, по законамъ страны, опредѣляется самое тяжкое наказаніе. Упрекать въ варьированіи на эти темы значитъ обвинять людей въ сочувствіи къ такимъ стремленіямъ, за которыя наказываютъ. Чѣмъ же г. Аскоченскій докажетъ сочувствіе *Современнаго слова* темамъ запрещенной прокламаціи? Въ приведенномъ мѣстѣ изъ статьи *Современнаго слова* мы не видимъ ничего противнаго ни религіи, ни разуму, ни общественной нравственности, и мы сами въ этомъ вопросѣ становимся на сторону *Современнаго слова*. Лучше ли ходить по монастырямъ или лучше заботиться о призрѣніи ближнихъ труженіковъ—это дѣло личнаго воззрѣнія и всякій вправѣ доказать, почему онъ предпочитаетъ дѣлать одно передъ другимъ. По нашему, лучше дѣлать то, что нравится *Современному слову*, чѣмъ то, что отстаиваетъ *Домашняя бесѣда*; можетъ быть такъ думаютъ и другіе, можетъ быть такъ думаетъ большинство. Въ чемъ же здѣсь преступленіе? Какъ смѣть приплесть за это людей къ прокламаторскимъ тенденціямъ?

Г. Аскоченскій удивляется, что на какомъ-то шутовскомъ листкѣ *Бубенчикъ* напечатано: «*одобрено цензурою*». Насъ же не удивляетъ, что у его 32 выпуска *Домашней бесѣды* есть тоже такая подпись, но мы удивляемся неужто нѣтъ основанія,—не запрещать г. Аскоченскому клеветать на людей, а заставить его во имя уваженія къ неприкосновенности чужаго имени, доказать свои слова или отрѣчься отъ нихъ и подчиниться закону, подвергающему клеветника той же отвѣтственности, какой подлежалъ тотъ, кого онъ неосновательно обвинялъ.

Литературная безцеремонность наконецъ дошла до крайнихъ предѣловъ. Кому нибудь да надо же первому вступиться за свои права. Мы не говоримъ, что этотъ первый шагъ должно сдѣлать *Современное слово* или другая газета, которой сотрудниковъ называютъ по именамъ безъ всякаго права знать кѣмъ писаны кціонныя статьи,—но кому же нибудь придется скоро сдѣ-

лать этотъ шагъ. Нельзя спокойно дышать въ этой атмосферѣ кляузъ, дрязгъ, клеветы и сплетенъ.... Г. Аскоченскій, какъ человѣкъ, давно засвидѣтельствовавшій все безобразіе своего воспитанія, перешелъ черезъ край всякаго приличія и во всякой другой странѣ его, за выходку, подобную послѣдней, позвали бы къ суду. У насъ теперь есть новыя цензурныя правила, обязывающія писателя къ извѣстной отвѣтственности. Неужто же г. Аскоченскій можетъ, прикрываясь своимъ юродствомъ, обвинять каждаго изъ писателей, нераздѣляющихъ его ультрамонтанскихъ взглядовъ, въ солидарности съ направленіемъ прокламаторовъ, порицаемыхъ обществомъ и преслѣдуемыхъ правительствомъ? Мы думаемъ, что онъ не въ правѣ безнаказанно безчинствовать подобнымъ образомъ.

Мы высоко цѣнимъ свободу печатнаго слова и желаемъ, чтобы она болѣе и болѣе укоренялась и процвѣтала на нашей почвѣ, но желаемъ, чтобы никто не забывалъ, что свобода болѣе всего обязываетъ человѣка уважать совѣсть и репутацію другаго. Безчинство, въ родѣ произведеннаго г. Акоченскимъ, наконецъ взываетъ къ общественному мнѣнію, и если редакторъ убогой газетки, благодаря своей шутовской репутаціи, не найдетъ истца, безъ котораго его нельзя позвать къ суду за совершенное имъ преступленіе, то пусть же хоть всѣмъ и каждому будетъ извѣстно, что онъ способенъ даже взводить на литераторовъ подозрѣніе въ солидарности съ государственными преступниками. Еще разъ повторяемъ, что нельзя же безнаказанно безчинствовать только потому, что посчастливось прослыть юродствующимъ! Такъ въ благоустроенныхъ государствахъ не дѣлается. Пора, наконецъ, этому господину знать, что хотя онъ и Аскоченскій, но и для него законъ писанъ. А то онъ совсѣмъ ужъ избаловался и считаетъ себя на самомъ дѣлѣ только Балакеривымъ или Педрилка, которые отдѣлывались за всякую гадость затрещинами, да тумаками.

42.

Отъ ....

Вмѣстѣ съ афишами, на праздникахъ, я получила списокъ особъ, замѣнившихъ общіе, по случаю праздника свѣтлаго Христова воскресенія, визиты приличія, извѣщеніемъ, при пожертвованіи въ пользу с. петербургскихъ дѣтскихъ пріютовъ 1862 г. Въ спискѣ этомъ я встрѣтила имена многихъ изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ; не имѣя физической возможности разъѣзжать, но вмѣстѣ съ тѣмъ желая исполнить то, что принято называть долгомъ, я въ свою очередь рѣшилась замѣнить *условные визиты приличія*, перечнемъ тѣхъ лицъ, находящихся въ спискѣ, съ которыми я имѣю честь быть нѣсколько знакома, и прошу ихъ принять это за отвѣтъ на ихъ любезность со мною.

Списокъ лицъ:

— Статскій совѣтникъ Г. Б. Блонсъ (дворникъ по дѣлу).
— Баронъ К. Ѳ. Бюлеръ (по дѣламъ по неотмѣненной политической цензуры).
— Коллежскій совѣтникъ С. Д. Воронинъ (по жительству въ 39 изъ его 140 домовъ).
— В. Ѳ. Громовъ (по гласному объясненію съ г. Владимірскимъ).
— Г. Долгоруковъ (извѣстный авторъ двустишія: безъ дѣла и безъ скуки, сижу сложивши руки).
— Collignon, Directeur Général de la grande Société des chemins de fer Russes.
— Дѣйствительный стат. совѣт. Корневъ (по редакціи журнала ex «Современности»).
— Hr. Krohn (по дѣлу о кукельванѣ).
— С. Г. Карковецкій, (по непозволительно ловкой игрѣ.... на сценѣ).

— Н. А. Новосильскій (по множеству неудобоосуществимыхъ проектовъ).
— Ген.-лейт. А. А. Полѣновъ (по старымъ счетамъ).
— А. И. Сабуровъ (по домашнимъ спектаклямъ и по народному театру).
— Почетный членъ с.-п.б. Совѣта дѣтскихъ пріютовъ Исаакъ Іосифовичъ Утинъ (не по дѣлу пріютовъ).
— Д. с. с. Н. А. Шторкъ (по сельской выставкѣ).

45.

Въ редакцію Московскихъ вѣдомостей. Прочитавъ въ №42 *Московскихъ вѣдомостей* статью, перепечатанную изъ газеты «День»: «Чехи въ Диканкѣ—имѣніи князя Льва Кочубея», гдѣ разсказывается о возмутительныхъ поступкахъ господъ управляющихъ съ законтрактованными для работъ въ имѣніи чехами, поступкахъ, которымъ въ настоящее время даже трудно дать вѣру и еще труднѣе пріискать названіе, мы нижеподписавшіеся, въ видахъ охраненія нашей народной чести, заявленія тѣхъ общечеловѣческихъ понятій, какими проникнуто современное русское общество, а также и въ предупрежденіе, дабы такого рода дѣйствія, при довольно слабомъ знакомствѣ Европы съ Россіею, не устранили, хотя на время, прилива къ намъ полезныхъ людей и искусныхъ рабочихъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся, объявляемъ:

1) Что нечестные поступки съ переселившимися въ имѣніе князя Кочубея чехами возбуждаютъ все наше негодованіе; а возможность такого наглаго нарушенія контракта и совершенная беззащитность людей отъ произвола—глубокое прискорбіе.

2) Мы бы желали, чтобъ князь Левъ Кочубей, какъ русскій дворянинъ, оправдался передъ общественнымъ мнѣніемъ, доказавъ ясно неучастіе свое въ этомъ дѣлѣ, или невѣдѣніе о дѣйствіяхъ управляющихъ въ его имѣніи.

3) Мы бы желали, чтобъ судебное мѣсто, въ которое поступитъ жалоба обиженныхъ, было неумолимо строго къ виновнымъ, потому что притѣсненія и бѣдствія несчастныхъ чеховъ отзываются болѣзненно въ оскорбленной нашей народной гордости и чести.

4) Что если лицо, виновное въ нарушеніи условія съ перевезенными, или дозволившее себѣ дѣйствія насильственныя, разсчитывая лишь на неопытность бѣдныхъ переселенцевъ и незнакомство съ обычаями и порядками, имъ чуждыми, принадлежитъ къ сословію русскихъ дворянъ, то чтобъ оно было исключено изъ среды онаго, какъ потерявшее своими поступками всякое уваженіе людей истинно благородныхъ, и не было впредь допускаемо до участія въ какихъ либо дѣлахъ общественныхъ, и наконецъ

5) Духовенство, отказывающее въ погребеніи христіанъ другаго съ нами исповѣданія, поступаетъ совершенно противно духу христіанства, и въ предупрежденіе подобныхъ возмутительныхъ явленій на будущее время, мы покорнѣйше просимъ полтавскаго преосвященнаго обратить на сіе свое архипастырское вниманіе.

Приглашая всѣхъ русскихъ дворянъ-помѣщиковъ, дорожащихъ честью своей страны, присоединить голоса свои къ нашимъ, мы покорнѣйше просимъ редакцію дать настоящему нашему заявленію мѣсто на страницахъ *Московскихъ вѣдомостей.*

Помѣщики: Л. Ивинъ, Иванъ Васьковъ, Петръ Исаковъ, Владиміръ Смольяниновъ, Андрей Васьковъ, Николай Чертовъ, мировой посредникъ Александръ Бошняковъ, С. Лугининъ.

Къ счастію, второе изъ желаній гг. вышеподписавшихся помѣщиковъ уже исполнено княземъ Кочубеемъ, объясненія котораго были заимствованы нами вчера изъ «*Сѣверной почты*». Намъ остается пожелать, съ своей стороны, чтобы дѣло, въ которомъ затронуты самыя чувствительныя струны русскаго общества, было разъяснено судомъ во всѣхъ его подробностяхъ. *Ред.*

44.

Въ корреспонденціи, напечатанной въ газетѣ «Наше Время» по поводу причины пожаровъ въ Петербургѣ, между прочимъ сказано слѣдующее:

«Здѣсь на дняхъ *прервалось на время* существованіе одного *невиннаго* заведенія, соперничавшаго съ харчевней Еремѣева; *оно падало за недостаткомъ средствъ*, но находились люди, желавшіе секретно поддержать его благоденствіе, въ тѣхъ же цѣляхъ, съ которыми нѣкогда въ Спартѣ, водили пьянаго илота, дабы видомъ безобразнаго зрѣлища удержать гражданъ отъ порока».

Въ письмѣ излагались только факты и административныя распоряженія, имѣвшія отношеніе къ пожарамъ; очевидно, что и приведенное нами выше замаскированное извѣстіе принадлежитъ къ той же категоріи. Постараемся разоблачить его, т. е. перевести на обыкновенный языкъ. Извѣстно, что въ это время (при обнародованіи письма Г. Х.) были закрыты двѣ воскресныя школы, народныя читальни и, наконецъ, такъ называемый шахматный клубъ. Конечно, сообщенное извѣстіе могло относиться только къ послѣднему.

Мы не считаемъ умѣстнымъ, въ особенности *въ настоящее время*, входить здѣсь въ причины, побудившія административныя власти къ временному закрытію какъ школъ и читаленъ, такъ и шахматнаго клуба.

Мы можемъ сказать только, что питаемъ полную надежду на самое справедливое разсмотрѣніе этого дѣла нашимъ правительствомъ и будемъ ожидать терпѣливо окончательнаго рѣшенія его.

Теперь насъ занимаетъ собственно взглядъ корреспондента, г. Павлова, на шахматный клубъ, который онъ позволилъ себѣ сравнивать съ харчевнею. Скажемъ, между прочимъ, что нѣтъ ничего непристойнѣе голоса необдуманной реакціи. Выступивъ разъ безбоязненно на сцену, она не знаетъ ни мѣры, ни границъ и тотчасъ прибѣгаетъ къ тому самому орудію, въ которомъ

упрекала еще вчера своихъ противниковъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Безъименный реакціонеръ не только позволилъ себѣ сравнить клубъ съ харчевнею, но придалъ этотъ эпитетъ, совершенно безъ всякаго основанія и права ресторану г. Еремѣева, ни сколько не подозрѣвая, что послѣдній можетъ этимъ обидѣться и требовать хоть денежнаго удовлетворенія съ Н. Ф. Павлова. Мы полагаемъ, что г. Еремѣевъ очень хорошо сдѣлаетъ, если прибѣгнетъ къ этому орудію, въ которомъ не можетъ отказать ему законъ. Вѣдь самъ же г. Павловъ, конечно, бы не простилъ тому, кто бы его газету позволилъ себѣ назвать хоть особеннаго рода подметными листами. Г. Павловъ вступился бы за честь охраняемаго имъ дѣла и, конечно, требовалъ бы удовлетворенія съ распространителей такихъ извѣтовъ, которые могутъ нанести ему, если не прямо матеріальный, то по крайней мѣрѣ моральный вредъ.

Но перейдемъ къ клубу, какъ предмету, собственно занимающему насъ. Корреспонденту «Нашего времени», или все равно, г. Павлову, угодно было сравнить этотъ клубъ съ харчевнею. Ни одинъ членъ послѣдняго, конечно, не обидится этимъ циническимъ сравненіемъ потому именно, что оно вышло изъ устъ Н. Ф. Павлова. Всѣмъ извѣстенъ теперешній образъ мыслей этого московскаго публициста, такъ часто мѣнявшаго свои убѣжденія. Это старческое раздраженіе, эта удаль сѣдыхъ волосъ, этотъ цинизмъ — признакъ души, выдержавшей пробу всѣхъ чистилищъ — такъ забавны въ глазахъ хладнокровныхъ людей, что озлобляться на нихъ нѣтъ никакой возможности. Чего бы мы не простили никому на свѣтѣ, все, все можно извинить Н. Ф. Павлову, въ особенности послѣ послѣднихъ попытокъ его, соединить педантически-серьезное съ наивно-забавнымъ. Читатели вѣроятно догадываются, что мы говоримъ здѣсь о доктринерскихъ диссертаціяхъ г. Чичерина и передовыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ одной и той же серьезно-веселой московской газетѣ «Наше время». Вотъ почему и мы не будемъ упоминать болѣе о сравненіи клуба съ харчевнею и въ особенности объ уподобленіи членовъ его съ древними илотами. Имѣя въ виду поговорить здѣсь о клубѣ, къ членамъ котораго мы имѣли честь принадлежать сами, мы далеки отъ мысли придать словамъ нашимъ форму какого бы то ни было протеста. Намъ жела-

тельно здѣсь выяснить, для всѣхъ малознакомыхъ съ клубомъ, значеніе этого собранія.

Въ числѣ членовъ шахматнаго клуба, обязаннаго своимъ возобновленіемъ просвѣщенному участью гр. Гр. Ал. Безбородко-Кушелева, были по преимуществу люди, занимающіеся литературой или имѣющіе извѣстныя отношенія къ литературному кругу. Списокъ членовъ клуба можетъ убѣдить каждаго, что въ немъ соединились люди самыхъ разнородныхъ партій — въ смыслѣ чисто литературномъ. Счастливая мысль такого соединенія заключалась въ томъ, чтобы по возможности сблизить между собою тѣхъ людей, которые, занимаясь, если такъ можно выразиться, общимъ дѣломъ—литературою, до тѣхъ поръ, большею частію, знали другъ друга только по именамъ. Подобное сближеніе образованныхъ людей, между которыми были и молодые литераторы и болѣе или менѣе извѣстные писатели и ученые, было въ высшей степени важно въ томъ отношеніи, что уравнивало ту разнохарактерность, которая была причиною извѣстнаго антагонизма, господствовавшаго до того времени въ литературѣ. Тутъ самые разнородные, по мнѣніямъ, люди имѣли случай ближе узнать другъ друга, и мы увѣрены, что обстоятельство это, при участіи людей, истинно преданныхъ просвѣщенію, отразилось бы въ ближайшемъ будущемъ самымъ благопріятнымъ образомъ на общемъ направленіи литературы. Мы ждали, что это соединеніе образованныхъ приведетъ къ повторенію тѣхъ искреннихъ сближеній, которыя способствовали, во время оно, къ развитію прекраснаго направленія, такъ блистательно проявившагося въ эпоху Пушкина, Жуковскаго, Дельвига и другихъ. Здѣсь просвѣщенные писатели могли оказать благодѣтельное вліяніе на молодыхъ литераторовъ. Здѣсь, наконецъ, устраивались всѣ литературныя отношенія, которыя, какъ мы сказали, могли положить конецъ большею частію самому неосновательному литературному антагонизму, ибо подобное соединеніе давало возможность людямъ узнать ближе другъ друга. Здѣсь люди, бывшіе дотолѣ въ непріязненныхъ литературныхъ отношеніяхъ, имѣли случай ближе узнавать другъ друга. Тутъ были всѣ средства для бѣдныхъ литераторовъ, къ чтенію періодическихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ журналовъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ матеріальныхъ удобствахъ, которыя были въ высшей степени важны для бѣдныхъ людей. Если

въ чемъ нибудь можно было упрекнуть этотъ клубъ, то единственно въ томъ, что члены его, по недавности возобновленія клуба, не успѣли привить къ себѣ всѣхъ формальностей, тѣсно связанныхъ съ существованіемъ всякаго подобнаго учрежденія. Мы посѣщали клубъ очень часто, замѣчали извѣстныя, если можно такъ выразиться, неровности, которыя съ каждымъ днемъ сглаживались болѣе и болѣе, но никогда не могли замѣтить ничего такого, что бы могло хоть сколько нибудь имѣть соотношеніе къ общественной безопасности. Мы твердо увѣрены въ справедливости этого и готовы сослаться на свидѣтельство всѣхъ почтенныхъ и солидныхъ людей, которыхъ намъ удавалось тамъ встрѣчать почти каждый четвергъ въ послѣднее время.

Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить то обстоятельство, что почти съ начала весны члены клуба собирались въ немъ весьма рѣдко и то въ весьма ограниченномъ числѣ на время обѣда. Вотъ почему чрезвычайную мѣру относительно клуба мы приписываемъ тѣмъ не совсѣмъ вѣрнымъ разсказамъ разныхъ Х, разсказамъ, которые могли быть распускаемы о немъ, единственно вслѣдствіе недоразумѣній.

Вообще говоря, слухи, о которыхъ упоминается въ объявленіи санктпетербургскаго генералъ-губернатора, могли быть распространяемы нѣкоторыми членами клуба точно такъ же, какъ они могутъ распространяться и теперь частными лицами внѣ стѣнъ клуба. Мы можемъ положительно завѣрить, что въ самомъ клубѣ не было централизаціи этихъ слуховъ. Конечно, здѣсь люди не собирались играть въ карты и большую часть времени проводили въ бесѣдахъ, однимъ словомъ, здѣсь говорили, но говорили точно такъ, какъ говорятъ и во всѣхъ другихъ клубахъ, и во всякомъ случаѣ объ общественныхъ дѣлахъ разсуждали менѣе, нежели въ петербургскомъ, а въ особенности московскомъ англійскихъ клубахъ, продолжительное существованіе которыхъ свидѣтельствуетъ о безвредности и невинности ихъ. Если въ шахматномъ клубѣ и проявлялись извѣстныя увлеченія, повторяющіяся сплошь въ другихъ клубахъ, то взамѣнъ того, въ немъ не встрѣчалось тѣхъ карточныхъ отвратительныхъ скандаловъ, которые преставляетъ намъ исторія, такъ называемыхъ англійскихъ и другихъ клубовъ. Мы увѣрены заранѣе, что строгое разслѣдованіе убѣдитъ всѣхъ въ самомъ скоромъ времени

въ справедливости нашихъ словъ, и мы приписываемъ закрытіе клуба единственно распространенію самыхъ неосновательныхъ слуховъ, средоточіемъ которыхъ ни въ какомъ случаѣ не былъ клубъ.

45.

Намъ сдѣлано письменное замѣчаніе нѣкимъ господиномъ, именующимъ себя «Любителемъ правды» (лишь-бы не «любитель драматическаго искуства!). Г. «Любитель правды» возстаетъ на насъ за обличеніе коммерсантовъ, торгующихъ въ магазинѣ «Русскихъ издѣлій», и рѣшительно становится на ихъ сторону. Припомнимъ читателю, что мы этихъ коммерсантовъ упрекали за беззаконное самоуправство съ одной госпожею, попавшеюся въ воровствѣ. Не угодно ли теперь полюбоваться и порадоваться идеями не простаго коммерсанта или прикащика изъ магазина «Русскихъ издѣлій»,—а порядочно-образованнаго, очень гладко и грамотно пишущаго человѣка, который поучаетъ насъ такъ:

«Позвольте мнѣ, какъ любителю правды, высказать вамъ свое мнѣніе. Вы негодуете, что купцы и ихъ прикащики, костюмированные не въ звѣриныя кожи и не татуированные по индѣйски, немилосердно колотили женщину, укравшую въ ихъ магазинѣ. Вы называете этихъ господъ играющими одновременно роль обвинителей, судей и, наконецъ, палачей. Вы восклицаете: «Развѣ нѣтъ у насъ полиціи, нѣтъ законовъ, которые указываютъ намъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ?»— Да, дѣйствительно: у насъ есть законы, которые указываютъ намъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ и дѣйствительно у насъ есть полиція, но я могу доказать вамъ много случаевъ, что воровъ, мошенниковъ и тому подобныхъ господъ, поймавши, отправлялъ какъ я, такъ и мои знакомые, въ полицію, и эти-же самые господа воры, мошенники и тому подобные, воз-

вращались преспокойно опять на поле чести и снова грабили меня, васъ и вообще всѣхъ православныхъ христіанъ. А по моему, господа купцы и прикащики магазина «Русскихъ издѣлій» сдѣлали прекрасно. По дѣламъ вору и мука! Очень пріятно отправить m-me voleuse въ часть, чтобъ на другой же день она, вмѣсто магазина «Русскихъ издѣлій», обокрала бы васъ или меня. Что это за дикая филантропія!...»

Что это за *дикій*, необразованный господинъ мой наставникъ! Онъ называетъ «*филантропіей*» во мнѣ *строгую законность*. Онъ воображаетъ, что, *по мягкости сердца*, не рекомендую *самоуправства*. Онъ считаетъ меня какимъ-то простачкомъ неразумнымъ, съ серьезной миной, вразумляя меня въ несовершенствѣ нашей полиціи. Ишь какого нашелъ во мнѣ поклонника полиціи! —Нѣтъ, сударь мой, вамъ не учить другихъ, а самимъ учиться еще надо. Ну чтожъ, что полиція наша не выполняетъ законовъ,— такъ, глядя на нее, и намъ прикажете законы нарушать?—Стало, вы не платите долга, такъ у васъ можно силою вырвать бумажникъ?—Какой-же вы малютка, мой непрошенный наставникъ!— А хотите-ли я вамъ рекомендую средство, болѣе вѣрное, чѣмъ кулаки, противъ пойманнаго вами вора?—Справьтесь, какъ нѣкто Даниловъ, указавъ полиціи на одного уличнаго драчуна, наблюлъ, чтобъ полиція строго исполнила свою обязанность. Дѣло это происходило ровно годъ назадъ, въ 5-мъ кварталѣ тверской части. Съ Данилова взята, по желанію бывшаго тогда г. оберъ-полиціймейстера, формальная подписка «*въ одобреніи дѣйствій полиціи по означенному дѣлу.*»—А вы, о наставникъ мой, еще вѣруете въ дѣйствительность и разумность кулаковъ?... Ну что же: послѣ беззаконнаго, безчеловѣчнаго и дикаго самоуправства коммерсантовъ «Русскихъ издѣлій», m-me voleuse, думаете вы, исправилась и не обворуетъ васъ или меня?... ась?... отвѣтьте пожалуйста! подайте голосокъ! вѣдь вы-же сами вызвали меня на этотъ диспутъ.

Въ заключеніе вашей замѣтки, вы совѣтуете мнѣ взглянуть на картину Пикколо, изображающую пойманнаго вора, и прочесть подъ ней подпись. Ну такъ что-же? Гдѣ-же вы нашли противорѣчіе? Развѣ Пикколо совѣтуетъ бить воровъ?—Нѣтъ, м. г., вѣдь Пикколо очень, очень образованный человѣкъ и я *печатно ручаюсь вамъ*, что онъ не на вашей сторонѣ.

46.

Вызовъ на литературный третейскій судъ.

Въ № 9-мъ сатирическаго журнала «Гудокъ», въ числѣ прочихъ извѣстій, напечатанныхъ подъ рубрикой «Погудки», помѣщены строки, касающіяся меня.

«Г. Загуляевъ, *выдающій себя* за переводчика «Гамлета», вызываетъ египетскихъ заклинателей для того, чтобы они отогнали отъ него укоряющій призракъ Вронченки, *подъ переводомъ котораго подписано имя г. Загуляева.*»

Сатира и шутка имѣютъ свои предѣлы, за которыми они переходятъ въ *клевету* и *оскорбленіе.*

Простое прочтеніе приведенныхъ строкъ ясно доказываетъ, что здѣсь именно преступлены эти предѣлы, и что меня, за недавно напечатанный мною въ «Русскомъ мірѣ» переводъ «Гамлета», обвиняютъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ литературномъ *воровствѣ* (plagiat).

Обвиненіе это такъ важно, что должно быть доказано, иначе на произнесшаго его падаетъ весьма непривлекательный свѣтъ.

Вслѣдствіе этого, я считаю себя вправѣ требовать, чтобы анонимная редакція «Гудка» объявила имя автора вышеприведеннаго обвиненія, а въ случаѣ отказа съ ея стороны, на томъ основаніи, что статьи неподписанныя лежатъ на отвѣтственности редакціи—имя редактора «Гудка», подписывающагося «Обличительный поэтъ».

Кто бы ни былъ авторъ обвиненія на меня, я *вызываю его* на литературный третейскій судъ, который, если *обстоятельства, отъ насъ зависящія*, позволятъ это, долженъ быть публичный.

Судъ этотъ я предлагаю на слѣдующихъ условіяхъ:

I. Каждый изъ насъ выберетъ себѣ трехъ судей изъ среды компетентныхъ и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ литераторовъ.

II. Шестеро судей этихъ выберутъ себѣ супер-арбитра, окончательное рѣшеніе котораго судящіяся стороны примутъ безапелляціонно.

III. Каждый изъ насъ, я и обвинитель мой, представятъ собранію этихъ семи избранныхъ нами лицъ, доказательства своихъ словъ, которыя и отдадутъ на судъ ихъ.

IV. Рѣшеніе суда публикуется во всѣхъ газетахъ.

V. Имена избранныхъ нами судей публикуются своевременно, равно какъ и день, назначенный ими для суда, во всѣхъ газетахъ, въ которыхъ будетъ напечатанъ мой вызовъ. Если мой обвинитель не приметъ моего вызова, или отвѣтитъ на него молчаніемъ, я буду считать себя вправѣ кинуть ему въ лицо публично названіе лжеца и клеветника.

47.

Два слова о лекціяхъ г. Костомарова. Съ живѣйшею радостью прочли мы въ газетахъ объявленіе о возобновленіи лекцій профессора Костомарова; независимо отъ ученаго ихъ достоинства, которое заставляло насъ жалѣть о ихъ прекращеніи, мы видѣли въ этомъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ симптомовъ, какіе только можетъ представить соскочившее съ рельсовъ общество. Петербургскіе жители знаютъ, что почтенный профессоръ былъ *принужденъ* прервать свои чтенія угрозами, со стороны людей, забравшихъ себѣ въ голову руководить общественнымъ мнѣніемъ. На послѣдней его лекціи неизмѣримое большинство съ громкими рукоплесканіями выражало желаніе, чтобъ лекціи эти продолжались; небольшая кучка свистуновъ требовала, чтобъ онѣ были прекращены. Г. Костомаровъ счелъ себя обязаннымъ исполнить желаніе большинства; за это ему угрожаютъ, подбрасываютъ ему оскорбительныя письма, грозятъ надѣлать ему оскорбленій, при его появленіи на кафедру.

И это дѣлается людьми, у которыхъ безпрестанно на устахъ слова *свобода*! Чтожъ это? Гнусная ложь, совершенное непонимѣніе, или самый наглый деспотизмъ? Да, это старый деспотизмъ съ новымъ знаменемъ, перешедшій изъ одного лагеря въ другой, впившійся, какъ клещъ, въ наши нравы, отъ котораго мы никакъ отдѣлаться не можемъ. Слава профессору Костомарову, что онъ устоялъ!.. Но что же будетъ, если публика его не поддержитъ?

Дѣло г. Костомарова есть дѣло общее. Въ четвергъ рѣшится вопросъ: имѣетъ ли русское общество самостоятельность или не имѣетъ ея; въ состояніи ли оно встать за священнѣйшія права личной неприкосновенности и дать отказъ дерзкому насилію, или еще нужно полицію для его защиты внутри нашихъ залъ и гостиныхъ. Мы думаемъ, что всякій уважающій себя, уважающій человѣческое достоинство, уважающій достоинство русскаго общества, обязанъ явиться на лекцію г. Костомарова и, въ случаѣ надобности, показать, что задорному меньшинству неудастся водить за носъ большинство, твердо стоящее въ своемъ правѣ и справедливости.

48.

Много разъ жаловались у насъ на Руси на крайне-стѣснительное положеніе пишущаго человѣка; но предметъ этотъ, какъ неисчерпаемый источникъ, постоянно представляетъ новые и новые поводы, чтобы о томъ говорить. Я не имѣю въ виду касаться здѣсь цензуры, закономъ установленной и только закономъ могущей быть устраненной, по примѣру передовыхъ государствъ,— нѣтъ, я говорю о секретныхъ, незамѣтныхъ, неуловимо-мелкихъ и изъ подтишка грозящихъ пишущей братіи *маленькихъ непріятностяхъ*. Вы спросите: отъ кого-же эти секретныя, незамѣтныя, неуловимо-мелкія и изъ подтишка грозящія непріятности проистекаютъ?—Отъ кого?—да отъ васъ же, господа!

Объяснимся: писатель, изучивъ хорошо бытъ общества, въ которомъ самъ живетъ, приступаетъ къ созданію возможныхъ въ этомъ обществѣ семейныхъ или общественныхъ сценъ, событій, катастрофъ,—словомъ, хочетъ, какъ говорится, *сочинить* что-нибудь исторически-вѣрное эпохѣ и бытовому состоянію среды, изъ которой заимствованы имъ лица. Но такъ-какъ онъ приступаетъ къ этому *сочинительству*, какъ мы замѣтили, «хорошо изучивъ бытъ общества, въ которомъ самъ живетъ»,—то ему, разумѣется, хорошо извѣстна и та замашка въ этомъ обществѣ: всякое вѣрно-созданное событіе принимать за событіе *существующее*; или иными словами, всякому произведенію фантазіи давать имя пасквиля. Одно спасаетъ отъ подобнаго нареканія писателя:

[illegible] бездарность его! то-есть, если онъ до того нелѣпъ, [illegible] изъ подъ пера не люди, а какіе-то при- [illegible] на людей, да и ни на что не похожіе. [illegible] въ такомъ случаѣ писателю не бездар- [illegible] у котораго изъ подъ пера люди выходятъ [illegible]—Имѣя въ перспективѣ неизбѣж- [illegible] въ пасквилѣ, онъ прибѣгаетъ къ по- [illegible] выношенные имъ образы фанта- [illegible] словомъ дѣлаетъ всѣ матеріальныя уступ- [illegible] долженъ дѣлать еще и уступку [illegible] образовъ и лицъ, являющихся въ [illegible] представлять ихъ *другими*? — Но этого, го- [illegible] не можетъ, не въ состояніи [illegible] ему ротъ, чѣмъ заставить [illegible] на непонятномъ ему языкѣ.

Все вышеписанное пришло намъ на мысль вслѣдствіе нижепи- [illegible].

Въ № [illegible] «Развлеченія» помѣщены были двѣ небольшія сценки, названныя авторомъ «Фантазіями», вѣроятно, по тому поводу, который уясненъ мною выше. Въ сценахъ этихъ пред- ставлены «Старички» и «Молодежь». Какіе это «Старички?»—кто они таковы?—какой кругъ ихъ дѣйствій и гдѣ происходитъ са- мое дѣйствіе—авторъ намъ о томъ не говоритъ ни слова. «Ста- рички» да «Старички»—вотъ и вся имъ кличка! Но потому, что «Старички» эти вѣрно созданы авторомъ, вдругъ—пришло намъ на мысль,—что вѣдь могутъ-же найтиться какіе-нибудь старич- ки, которые примутъ, пожалуй сцены эти на свой счетъ. Разу- мѣется, авторъ большей награды не могъ-бы ожидать отъ чита- телей: плодъ его фантазіи подъ рукой его получилъ-бы тогда [illegible] и кровь,—выношенный въ душѣ образъ сталъ-бы живымъ [illegible]омъ!—Но... все-же непріятно, если въ обществѣ, вслѣд- [illegible]о, спросятъ фамилію вашу какъ пасквилянта, и люди, [illegible] мнѣніемъ, конечно, вы особенно не дорожите, тѣмъ не [illegible]очтутъ себя въ правѣ васъ о ней спросить.. .

[illegible]демъ далѣе: ну, положимъ, нашлись-бы въ дѣйствительной [illegible]ни такіе забавные старички, которые узнали-бы себя въ «фантазіяхъ» автора, какъ въ зеркалѣ.... Ну что-же дальше? Развѣ писатель виноватъ, что они таковы?—По нашему мнѣ- нію [illegible] ми-же эти дѣйствительной жизни старички, что

они таковы,—а не авторъ «фантазій», что случайно совпалъ въ такое близкое соотношеніе съ дѣйствительностью... А еще толкуютъ о гласности!

49.

Выпуская въ свѣтъ... нумеръ Петербургскаго вѣстника, мы должны сказать, что мы старались выполнить все, что обѣщались. Но вотъ вопросъ, выполнили ли мы хоть половину, что обѣщали своимъ объявленіемъ? Смѣло на это можемъ отвѣтить, что если мы что и не выполнили, то не были въ томъ виноваты, и между тѣмъ публика, кажется, могла видѣть по первымъ нумерамъ, что мы съ большимъ стараніемъ трудились выполнить все, что только могли исполнить. Не отъ хвастовства говоримъ это, но именно для того, что если наши обѣщанія не всѣ увѣнчались успѣхомъ, то это не всегда отъ насъ и зависѣло. Публика этого вполнѣ понять не можетъ; наши обстоятельства, нашу зависимость — быть послѣдователемъ строгой правды и безпристрастной справедливости.... Къ изданію на этотъ годъ, мы, подъ рубрикою: «*Что намъ нужно*», желали, хотя нѣсколько, заявить печатно всѣ потребности и нужды русскаго народа, но и это желаніе вполнѣ не могло увѣнчаться успѣхомъ. Кого же за это винить, спроситъ публика, редакцію или кого другаго? На это отвѣтимъ только то, что правда немногимъ мила, что наши всѣ пожеланія и труды на полѣ журналистики — немногимъ нравятся, и все, во что мы твердо вѣруемъ, что сдѣлалось нашею плотью и кровью, многимъ кажется какою-то глупо-дерзкою выходкою, даже безумнымъ воззваніемъ... На всѣхъ не угодишь, каждый по себѣ судитъ, и судитъ о тѣхъ, кои проповѣдуютъ правду, что они враги всего потребнаго и нужнаго. Не смѣшно-ли это? Но намъ право не до смѣху. Если бы и мы имѣли столько возможности, столько независимости, то смѣло и открыто могли бы обличить слѣпоту *нѣкіихъ*, но... но даже и къ слову но, мы прибавить больше не можемъ. Такъ виноваты-ли мы, когда зачастую должны говорить противъ себя и молчать о томъ, что желали бы

вывести наружу, и на свѣтъ Божій предать печатному слову? А гдѣ существуетъ свободное слово, тамъ есть защитница правды, всего безпристрастнаго, всего справедливаго... А гдѣ не существуетъ, что же тамъ находится? Отвѣта нѣтъ. Лучше умолчать и попросить у всѣхъ пожеланій, чтобы наши добрыя желанія, хотя нѣсколько, увѣнчались успѣхомъ. Мы думали, что, открывая отдѣлъ *писемъ нашихъ мужичковъ*, болѣе заохотимъ простолюдина заявлять свои мнѣнія и предположенія, но сдѣлали ли мы что нибудь и въ этомъ? Нашлись мужички, какъ Артамовъ, Кузнецовъ, Потаповъ и другіе, которые съ радостію встрѣтили нашъ призывъ, нетерпѣливо отозвались своими письмами; редакція также съ восторгомъ приняла ихъ, думая, что она съ участіемъ простолюдиновъ, сколько нибудь принесетъ пользы великому дѣлу, необходимому для простолюдина... Что же вышло изъ этого? то, что мужичекъ получилъ урокъ, что его заявленія, требованія ненужны и неумѣстны, что его простыя выраженія непригодны еще для нашей журналистики. Виновата-ли редакція, стоитъ ли она насмѣшекъ, что не можетъ выполнить вполнѣ всего обѣщаннаго? Выливая на бумагу накипѣвшія слова, мы опасаемся даже того, чтобы и ихъ не исказило *время*.

Такъ виноваты-ли мы, можно ли насъ строго винить, скажите, господа, по совѣсти. Мы это спрашиваемъ не потому, чтобы боялись несправедливыхъ нареканій, но единственно отъ того, что, имѣя возможность, даже укоренившія желанія, сдѣлать пользу печатнымъ словомъ, къ улучшенію нашихъ нуждъ, мы принуждены молчать, молчать и не замѣчать грязь, а представлять своему воображенію, что самая грязь есть чистѣйшее золото. Высказавши все вышеприведенное, мы не теряемъ надежды и теперь, что наши задушевныя пожеланія не пропадутъ даромъ и всѣми силами будемъ стараться выходить на свѣтъ Божій, такъ точно наши стараніи будутъ—и за каждую строчку, написанную крестьяниномъ. Мы осмѣливаемся думать, что вполнѣ можемъ выполнить наше направленіе, при другихъ обстоятельствахъ, вѣря въ пророческія слова покойнаго Радищева, которыя начинаютъ понемногу исполняться.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА

РАЗСКАЗЫ. ОЧЕРКИ. СЦЕНЫ

	Стран.
Люба. (Разсказъ)	3
Лапша. (Современная быль)	10
Полковой Лекарь. (Изъ записокъ судебнаго слѣдователя)	16
Сказки о Митяхъ. Сказка первая	32
Рамзя. (Разсказъ)	41
Изъ записокъ ротнаго командира	52
Золотое прошлое. (Плачевная пѣсенка)	58
Полиція и общество. (Разсказъ)	68
Разсказъ мужика про Китай	75
Два вечера на дачѣ	77
Замѣтки о Московской губерніи	88
Воспоминанія телеграфиста	94
Письма изъ захолустья	98
Флюсбургскіе очерки	106
(Изъ Малороссіи)	111
Ротный командиръ	119
Сплошь да рядомъ	121
Губернскіе тузы. (Сцены)	126

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пролетарій	139
Безсрочный. (А. Н. Майкову)	143
«Еще вчера мы тихо восторгались»	144
Жертвы. (Изъ Барбье)	145
Былая ночь. (Сонетъ)	146
Въ дорогѣ	—

Стран.

Воръ 148
Русскимъ журналистамъ 150
Садоводство 151
Пѣсня работниковъ. (Изъ Дюпона) 155
Посланіе къ краснорядду 157
Минута отчаянія 159
Герой нашего времени. (Московская грёза) 160
Завѣщаніе. (Съ англійскаго) 162
Рекруту 165
Пророкъ бури. (Старинная легенда) . . . . . —
Былина стараго времени 167
Вельможа 169
Пѣсня о восточныхъ послахъ 170
Взглядъ на природу. (Русская мелодія) 172
Къ N. N. 173
Вакхическая пѣсня современныхъ Ноздревыхъ 175
Стонъ земли 176
Изъ испанскихъ мотивовъ. Сентъ-Яго 178
Герцогъ 179
Старикъ 183
Горе 185
Старый городъ 186
Пѣснь о шпицрутенѣ. (Изъ флигель-прусскаго поэта) . . . 187
Кто она? (Въ pendant къ «Картинкѣ» Майкова) 188
«На землѣ у насъ родной» . . . . . —
(Губернскія феи) 189

БИБЛІОГРАФІЯ И ПОЛЕМИКА.

Кремуцій Кордъ, Н. И. Костомарова. Спб. 1862 197
Ученые труды нашихъ академиковъ по естественнымъ наукамъ. 207
Альманахъ «Звѣздочка» 1826 г. 221
(Законъ переворотовъ, соч. Ж. Дромеля) 229
Примѣчаніе къ статьѣ: Дворянинъ-старовѣръ, Кравковъ . . 231
Англійская журналистика 233
Книга Заддера 234
О росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ 235
Мѣстное военное управленіе 236
А. Н. Радищевъ . . . . . —

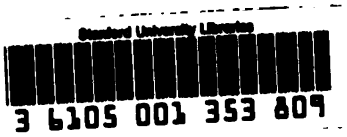
Стран.

Степанъ Ивановичъ Шишковскій 240
Герценъ и Катковъ 242
Нѣсколько соображеній относительно замѣтки г. Каткова для издателя «Колокола» 282
Полемика г. Каткова съ издателями «Колокола». 319
Изъ Москвы. Маленькое разсужденіе вмѣсто предисловія. — Кое-что о гг. Катковѣ, Молинари и Мазадѣ.—Подметныя письма.—Разговоръ между наборщиками.—Старая исторія и новый анекдотъ. 322
Нашъ русскій Мадзини 329
Рыцари здраваго смысла 332
Судъ надъ составителями тайнаго общества и корреспонденція «Сѣверной почты». 339

ЗАМѢТКИ. ИЗВѢСТІЯ. ПАРОДІИ. ПРОТЕСТЫ И Т. П.

8-е сентября 345
Тысячелѣтіе Россіи 351
Хроника прогреса 354
(О потребности народа въ самоуправленіи). 367
(О порядкѣ открытія сельскихъ училищъ). 369
Сельскія школы 372
Изъ Лубенскаго уѣзда (Полтавской губерніи) 374
Въ отвѣтъ на статью отъ 11 іюня въ № 126 «Сѣверной почты». 376
Еще кое-что о воскресныхъ школахъ 380
Къ вопросу о «ссылаемыхъ на жительство». Чѣмъ замѣнить эту мѣру? Еще къ робкимъ людямъ! 383
Умно-ли сдѣлали городскія общества, отказавшись отъ завѣдыванія пожарными командами? 387
Сборъ съ духовенства на пожарн. команду г. Осташкова. . 390
Нѣчто о должности палача 397
Обращеніе къ редактору «Военнаго сборника» 399
(Статистическія данныя о нашей арміи) 401
Московское комендантское управленіе 403
По поводу замѣтки о полковыхъ писаряхъ (помѣщенной въ № 143-мъ «Сына отечества») 408
Пожары и зажигатели 412
О пожарахъ 419

Стран.
Еще о пожарахъ. 421
(Извѣстіе о пожарахъ) 425
(О поимкѣ поджигателей) 426
По поводу пожара въ Міюзскомъ лѣсномъ ряду 24 мая . . 427
Чѣмъ силенъ русскій расколъ. 430
Вопли нашихъ крайнихъ клерикаловъ 438
Храмъ Спасителя въ Москвѣ 440
(О дисциплинѣ и свободѣ). 442
(Что значитъ слиться съ народомъ). 448
Годъ и семь мѣсяцевъ въ военной службѣ или мелочь изъ воспоминанія прошлаго 450
Областное безобразіе. 471
Изъ провинціи (Чепухинскъ) 478
(Что дѣлается въ Фифіевѣ и Алаханскѣ) 484
Передовые люди высказались 490
На судъ общественный 494
Письмо къ издателю (о женскомъ пансіонѣ въ Пензѣ). . . 495
Высоконравственные люди 498
Почтовая замѣтка 499
О зимнемъ сезонѣ минеральныхъ водъ въ Сибири . . . . —
(Новая дѣятельность русскихъ канцелярій). 501
Житіе юродиваго Виктора 502
Клевета въ юродствѣ 505
Отъ ***. 508
Въ редакцію Московскихъ вѣдомостей. (По дѣлу чеховъ въ имѣніи Диканькѣ) 509
(О шахматномъ клубѣ) 515
Вызовъ на литературный третейскій судъ 517
Два слова о лекціяхъ Костомарова 518
(Стѣсненное положеніе пишущаго человѣка) 519
(Объясненіе, отъ «Петербургскаго вѣстника») 521

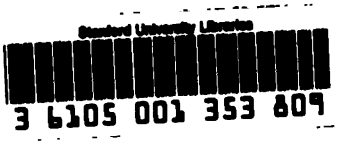


CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

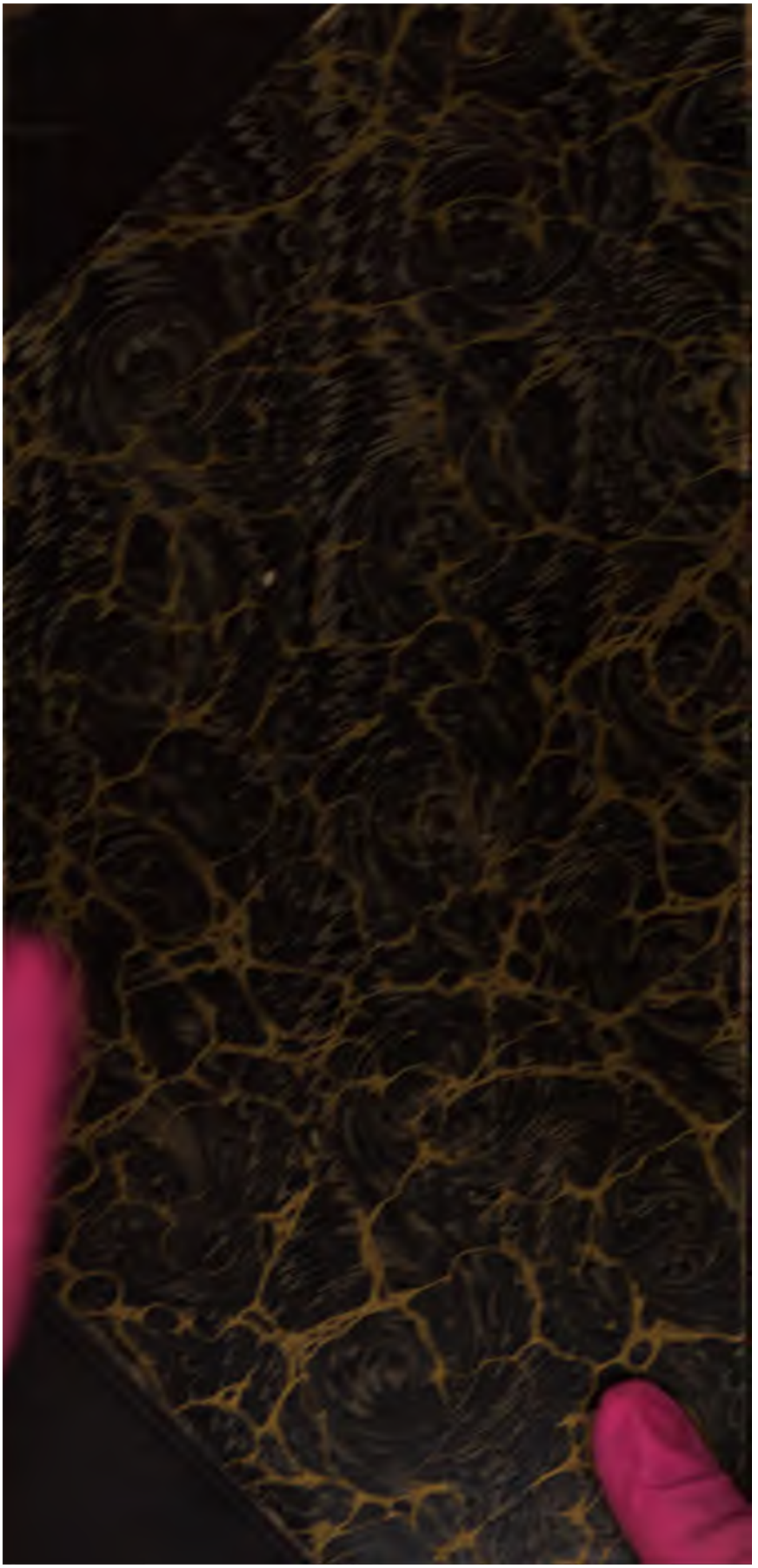
DATE DUE

JUL 31 2002

JUL 31 2002



CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JUL 31 2002
JUL 31 2002